



Академия Фундаментальных Исследований

ИСТОРИЯ

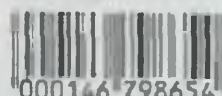
П. Лакомб

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ



URSS

"СПб Дом Книги" А-017



311.00

2 000146 798654

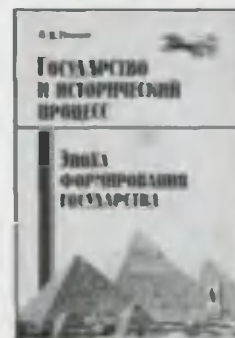
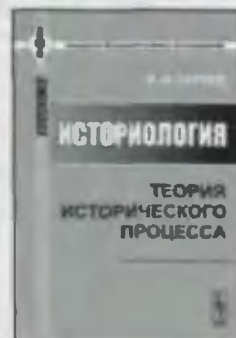
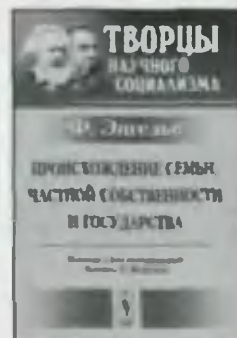
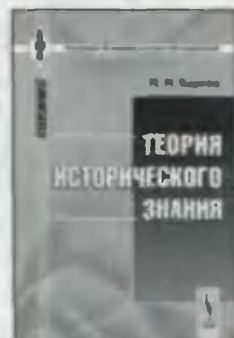
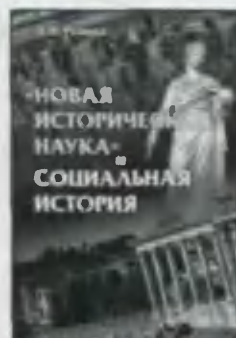
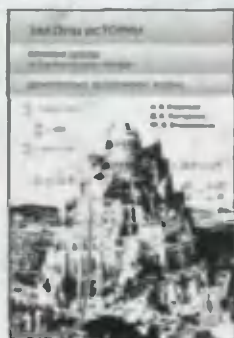
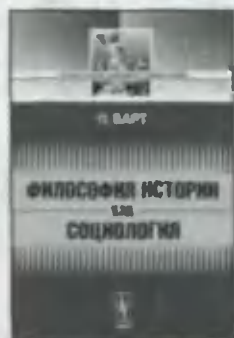
Лакомб П. Социологические основы истории

Поль ЛАКОМБ (1833–1919)

социолог, философ, литературовед. Занимал пост генерального инспектора библиотек и архивов Франции. Член Парижского социологического общества. Представитель позитивистско-психологического направления в социологии, последователь одного из основоположников социальной психологии Габриэля Тарда. Философские взгляды П. Лакомба были близки идеям видного французского философа-позитивиста Ипполита Тэна.

Согласно концепции П. Лакомба, исторические факты делятся на единичные (события) и повторяющиеся (установления; в их число входят общественные учреждения, а также доктрины, верования, идеи, которые имеют распространение среди группы людей). События могут переходить в установления, когда данное единичное действие многократно повторяется многими людьми. Лакомб пытался установить некоторые закономерности в эволюции общества. Основу истории, по его мнению, составляют сознательные действия индивидов; при этом психология — ключ к пониманию истории. Лакомб признавал существование «человеческой природы» как извечно данной совокупности потребностей и свойств человеческой личности. Исходя из такого понимания «человеческой природы», он надеялся дать научное объяснение исторического процесса. Наряду с признанием первостепенной роли экономического фактора важнейшее значение Лакомб придавал психологической «потребности заручиться уважением людей» и даже рассматривал историю как процесс борьбы между экономическими интересами и этой потребностью.

Наше издательство предлагает следующие книги:



9775 ID 120472



Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>



URSS

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный) **+7(499)724-25-45**
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

Paul Lacombe
DE L'HISTOIRE
CONSIDÉRÉE COMME SCIENCE

П. Лакомб

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ

Перевод с французского
под редакцией
Р. И. Сементковского

Издание второе



URSS

МОСКВА

Лакомб Поль

Социологические основы истории: Пер. с фр. / Под ред.

Р. И. Сементковского. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2011. — 360 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается книга известного французского историка, социолога и философа Поля Лакомба (1833–1919), в которой предпринята попытка дать научное объяснение исторического процесса. Автор стремится доказать, что установление исторической реальности возможно только при взаимодействии истории с естественными науками. В работе исследуется связь истории с психологией и социологией, описываются психические и социальные причины прогресса, рассматриваются индивидуальный элемент и случайность в истории. Лакомб пытается установить некоторые закономерности в эволюции общества. Основу истории, по его мнению, составляют сознательные действия индивидов; при этом именно психологию он считает ключом к пониманию истории.

Книга рекомендуется историкам, философам, социологам, психологам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 22,5. Зак. № 4272.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–01764–0

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2010



9775 ID 120472



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слѣдуя общепринятой терминологіи, мы признаемъ эрудицію такое знакомство съ исторіею, которое открываетъ въ прошломъ факты, сближаетъ ихъ, устанавливаетъ между ними послѣдовательность и общую связь. Когда такой ученый собралъ факты, принадлежащіе къ числу существенныхъ, или, лучше сказать, когда онъ обладаетъ слогомъ, его обыкновенно называютъ историкомъ. Это различіе однако не имѣетъ твердыхъ основаній, потому что задача такого ученаго и историка въ сущности одна и та же.

Другое приходится сказать о тѣхъ мыслителяхъ, труды которыхъ признаются историко-философскими. Таковы во Франціи Боссюэ, Монтескьё, Тюрго, Кондорсэ, Контъ; въ Англіи—Бокль, Мэнъ; въ Германіи—Лейбницъ, Лессингъ, Шлегель, Краузе. Эти мыслители дѣйствительно приняли на себя новую задачу. Они не довольствуются констатированіемъ фактовъ, а стараются вывести изъ нихъ законы, т. е., руководствуясь фактами, устанавливаютъ историческую истину, иначе говоря,—сходство, представляемое фактами, если на нихъ взглянуть съ извѣстной точки зрѣнія. Такихъ мыслителей, принявшихъ на себя новую задачу, слѣдовало бы называть историками въ истинномъ значеніи этого слова, избѣгая названія: философъ, которое мнѣ представляется невѣрнымъ.

Хотя на первый взглядъ между философіею исторіи и соціологіею существуетъ большая разница, но на самомъ дѣлѣ она совершенно поверхностна. Монтескьё—авторъ «Духа законовъ»—и Спенсеръ сходятся въ основной точкѣ зрѣнія.

Такъ какъ на нашъ взглядъ историческіе труды либо посвящены раскрытію реальныхъ фактовъ, либо имѣютъ въ виду установленіе истины, являются либо проявленіями эрудиціи, либо историческими или соціологическими изслѣдованіями, то мы могли бы вездѣ замѣнить названіе исторіи названіемъ соціологіи, тѣмъ болѣе, что это послѣднее названіе входитъ теперь въ общее упо-

требленіе. Но мы предпочли сохранить названіе исторіи. По причинамъ, которыхъ здѣсь касаться нечего, соціологи до сихъ поръ изучали съ особеннымъ пристрастіемъ дикіе и варварскіе народы. По отношенію къ этимъ народамъ они обладаютъ богатымъ запасомъ возможно точныхъ фактовъ. Но когда они доходятъ до цивилизованныхъ, т. е. историческихъ народовъ, ихъ изслѣдованія становятся явно неудовлетворительными. Еслибы я назвалъ мой трудъ соціологическимъ, то вѣроятно лишился бы сочувствія лицъ, посвящающихъ себя изученію исторіи въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ я надѣюсь принести своей книгой пользу преимущественно послѣднимъ.

И противопоставляю до извѣстной степени историческую реальность исторической истинѣ, и поэтому долженъ точнѣе опредѣлить эти два понятія. Обращусь прямо къ примѣру.

Ученый устанавливаетъ, что втѣченіе вѣковъ во Франціи существовали люди, приписывавшіе себѣ силу измѣнять естественный порядокъ вещей. Такимъ образомъ колдовство можно назвать историческою реальностью. Но вотъ является соціологъ. Онъ устанавливаетъ, что не только во Франціи, не только у всѣхъ европейскихъ народовъ, но и у многихъ другихъ существовали также колдуны. Сравнительный методъ приводитъ слѣдовательно соціологовъ къ установленію факта, что колдовство существовало почти у всѣхъ народовъ. Составляетъ ли это обобщеніе только историческую реальность или же оно заслуживаетъ названія исторической истины? Для рѣшенія этого вопроса намъ надо прибѣгнуть къ аналогіи, представляемой естественными науками, которыхъ намъ никогда не надо упускать изъ виду. Онѣ насчитываютъ не мало общихъ выводовъ, равносильныхъ вышеупомянутому положенію; но эти выводы не признаются истинами: ихъ называютъ опытными обобщеніями. Истиною же называютъ только такіе общіе выводы, причины которыхъ могутъ быть установлены. Въ этомъ и заключается рѣшеніе вопроса. Недостаточно установить распространенность колдовства, надо еще выяснитъ его причины, и тогда только мы будемъ имѣть историческую истину.

Фюстель-де-Кулажъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ устанавливаетъ на основаніи безспорныхъ данныхъ существованіе у грековъ и римлянъ цѣлаго ряда очень для насъ интересныхъ обычаевъ: культа огня и очага, поклоненія предкамъ, и исключительно предкамъ мужского пола, безусловной власти родителей надъ дѣтьми и почти безусловной власти мужа надъ женой. Все это также историческая реальность. Спенсеръ намъ разъясняетъ, что аналогичные обычаи существовали или еще существуютъ въ

самыхъ различныхъ странахъ, особенно въ Китаѣ; и это—только историческая реальность, пока причины этихъ обычаевъ не выяснены.

Въ общемъ историческая истина получается путемъ установленія исторической реальности, встрѣчающейся въ разное время и у разныхъ народовъ и приведенной въ безспорную связь съ вызвавшими ее причинами.

Отсюда видно, что сперва надо установить историческую реальность. Въ этомъ заключается задача ученаго въ тѣсномъ смыслѣ. Онъ кладетъ фундаментъ, на которомъ воздвигается историческая истина; отъ него зависитъ слѣдовательно прочность зданія; онъ, такъ-сказать, предшествуетъ историку. Его задача прекрасна; но это не значитъ, что такой ученый и историкъ не могутъ соединиться въ одномъ лицѣ: одно и то же лицо можетъ одновременно исполнять обѣ функціи или только одну изъ нихъ. Точно такъ же мы въ одномъ трудѣ можемъ встрѣчать тѣ и другіе элементы. Безъ эрудиціи нѣтъ исторіи, но съ другой стороны безъ исторіи зданіе, сооруженное простымъ ученымъ, не можетъ считаться оконченнымъ: оно не служитъ основной своей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы быть обитаемымъ.

Къ чему можетъ служить простое знаніе сырыхъ фактовъ? Какая польза напримѣръ знать, что македонецъ по имени Александръ одержалъ побѣду надъ персами въ такомъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то году, или что дѣйствительно такой-то риторъ составилъ рѣчь, ложно приписываемую Демосоену? Этотъ вопросъ имѣлъ бы только въ такомъ случаѣ серьезное основаніе, если знаніе не должно было бы насъ въ концѣ концовъ привести къ истинѣ или къ душевному волненію (эмоціи). Я сейчасъ точнѣе выясню мою мысль.

Простая ученость, помимо исторической точки зрѣнія, не только не представляетъ цѣны, но даже можетъ стать опасною для умственной жизни человѣка.

Историческая реальность, какъ предметъ изученія, слишкомъ обширна, даже безгранична. Ее нельзя объять однимъ взглядомъ; мѣстами только выдѣляются отрывочныя черты общей картины, но ихъ покрываетъ тѣнь, которая, можетъ быть, никогда не исчезнетъ. Въ другихъ пунктахъ общія черты уловимы, а еще въ другихъ яркое освѣщеніе раскрываетъ нашимъ глазамъ бесконечное обиліе частныхъ. Въ этомъ и заключается опасность.

По мѣрѣ того какъ область исторической реальности увеличивается, все суживается та часть ея, которую можетъ объять отдѣльный ученый. Такимъ образомъ его знанія утрачиваютъ цѣну: онъ все менѣе можетъ составить себѣ общій взглядъ, и

его знанія становятся праздными, нисколько не содѣйствуя уясненію жизни человѣчества.

Между тѣмъ сырой матеріаль увеличивается съ каждымъ днемъ. Знанія, приобретенныя нами относительно прошлаго, уже чрезвычайно обширны, но постоянно еще расширяются. Настоящее становится прошлымъ, и это опять составляетъ приращеніе исторической реальности,—приращеніе громадное, потому что факты, отмѣченные сегодня и включаемые уже завтра въ исторію, одни представляютъ собой уже почти непреодолимую массу.

Чтобы добросовѣстно изслѣдовать крошечную область, приходится теперь посвятить ей всю свою жизнь. Что же будетъ черезъ сто или двѣсти лѣтъ?

Поэтому необходимо приступить къ созданію исторіи, какъ науки. Надо не только воспользоваться громаднымъ количествомъ матеріаловъ, которыми историки до сихъ поръ не сумѣли воспользоваться; надо кромѣ того облегчить человѣческій духъ, снять съ него бремя почти непосильное. Эта задача достижима только путемъ установленія связи между собранными фактами, а связь эта можетъ быть только научнымъ обобщеніемъ.

Слѣшу прибавить, что историческая реальность можетъ служить и для другихъ цѣлей. Кромѣ трудовъ чисто-ученыхъ, кромѣ исторіи, какъ науки, есть еще художественная исторія. Я тутъ не разумѣю историческихъ романовъ или историческихъ личностей, превращенныхъ въ героев романовъ. Я имѣю въ виду совершенно точныя повѣствованія и не менѣе точное изображеніе историческихъ характеровъ. Но подобно тому, какъ беллетристъ прежде всего желаетъ вызвать душевное волненіе и дать читателю больше почувствовать героя, чѣмъ изобразить его съ психологическою вѣрностью, такъ и историкъ-художникъ долженъ прежде всего вліять на чувства читателя, нисколько не отступая однако отъ исторической реальности. Лучшія мѣста въ трудахъ Мишлэ давали бы понятіе объ этомъ родѣ творчества, еслибы этотъ историкъ руководствовался не простымъ чутьемъ, не своимъ темпераментомъ, а вполне сознаннымъ методомъ. Я упомянулъ о Мишлэ; я могъ бы указать на множество мѣстъ у другихъ историковъ. Но эти художественныя произведенія грѣшатъ тѣмъ, что они смѣшаны съ рассказами или соображеніями, имѣющими научный характеръ или претендующими на него. Такой историческій трудъ является съ точки зрѣнія логики чѣмъ-то двойственнымъ. Это однако не значитъ, что мы отвергаемъ подобнаго рода работы. Было бы несомнѣнно регрессомъ, возвращеніемъ къ варварству, еслибы исторія безусловно отрѣшилась отъ изображенія историческихъ героев: надо все сохранить,

но во всемъ разобраться. Искусство и наука преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли. Историческій герой представляетъ собой благодарную задачу для искусства, но для исторіи онъ является препятствіемъ и подводнымъ камнемъ. Таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе, которое я постараюсь обосновать въ этой книгѣ.

Чтобы создать тотъ родъ литературы, который я имѣю въ виду, надо во-первыхъ ясно сознавать художественную цѣль, т. е. воодушевиться желаніемъ вызвать душевное волненіе, пользуясь для этого людьми, какими они были на самомъ дѣлѣ, и во-вторыхъ настолько располагать художественнымъ талантомъ, чтобы творить, не отступая отъ исторической правды. Такая художественная исторія тѣмъ болѣе желательна, что она доступнѣе большинству людей и можетъ быть для нихъ полезнѣе.

Эрудиція, становясь съ каждымъ днемъ болѣе тщательною и обстоятельною, входя во всѣ мелочи и подробности, такъ-сказать, бессознательно содѣйствуетъ художественной исторіи. Дѣйствительно, какова цѣль искусства? Въ отличіе отъ науки, стремящейся къ широкимъ обобщеніямъ, искусство старается схватить вполне конкретное явленіе, характеръ, личность съ ея реальными отличительными чертами. Эрудиція, входя во всѣ частности, именно и даетъ ему этотъ матеріалъ, правда, въ формѣ, если можно такъ выразиться, безразличной и холодной, но дѣло художника и заключается въ томъ, чтобы придать ему теплоту, жизнь.

Такимъ образомъ эрудиція могла бы служить, такъ-сказать, складомъ, изъ котораго черпали бы свои матеріалы исторія, какъ наука, и исторія, какъ искусство,—два вида или, лучше сказать, два полюса того впечатлѣнія, которое производитъ прошлое на человѣка, удовлетворяя съ одной стороны его умъ, съ другой—его чувство.

Мнѣ и въ голову не приходитъ создать въ этой книгѣ систему исторіи, какъ науки. Это было бы чрезмѣрною самонадѣянностью. Предупреждая объ этомъ читателя, я спѣшу добавить, что не намѣренъ создать даже и части этой науки, требующей напряженныхъ усилій громаднаго числа работниковъ. Какова же моя истинная цѣль? Во-первыхъ я хочу показать, что исторія можетъ быть построена на научной почвѣ, и во-вторыхъ мнѣ хотѣлось бы выяснитъ, что этого удастся достигнуть только въ томъ случаѣ, если произойдетъ строгій выборъ матеріаловъ съ устраненіемъ всего излишняго, если ученые будутъ по-преимуществу пользоваться извѣстными методами и признавать неудовлетворительными другіе, имѣющіе нынѣ наиболѣе сторонниковъ,—мнѣ

хотѣлось бы выяснитъ, какой путь вѣрнѣ всего приводитъ къ цѣли, прсимуущественно же указать на ложные пути и глухіе переулки.

Если мое намѣреніе увѣнчается успѣхомъ, то этотъ трудъ можетъ принести пользу и историку, и соціологу. Сознавъ, что существовать извѣстная градація между различными группами историческихъ фактовъ, ученый не будетъ собирать всѣхъ остатковъ прошлаго, относясь безразлично къ ихъ значенію; онъ убѣдится, что нѣкоторыя знанія заслуживаютъ предпочтенія предъ другими и, откладывая до другого времени изученіе второстепенныхъ или ненужныхъ фактовъ, сосредоточитъ все свое вниманіе на наиболѣе существенныхъ. Соціологи находятся на вѣрномъ пути, но они иногда забываютъ, что тѣ вопросы, на которыхъ они останавливаются, не представляютъ еще конечной цѣли.

Это замѣчаніе, разумѣется, не относится къ умамъ такого высокаго полета, какъ Контъ, Спенсеръ, Милль. Мыслители этого рода отдають себѣ ясный отчетъ въ конечной цѣли; они знаютъ, какъ далеко еще отъ эмпирическаго обобщенія или удачнаго сравненія до научной истины. И съ удовольствіемъ констатирую, что именно они научили меня дѣлать это важное различіе.

Читатель увидитъ изъ моего изложенія, что есть вопросы, въ которыхъ я не схожусь съ этими знаменитыми мыслителями и съ другими дѣятелями, признаваемыми мною однако авторитетными. Но въ наукѣ безусловное преклоненіе предъ авторитетами неумѣстно. Исслѣдователь долженъ дорожить прежде всего своей самостоятельностью. Къ тому же я въ этомъ вопросѣ руководствуюсь убѣжденіемъ, для меня по крайней мѣрѣ совершенно безспорнымъ: всякій исслѣдователь обязанъ столько же дѣтелямъ, взгляды которыхъ онъ опровергаетъ, сколько и тѣмъ, взгляды которыхъ онъ повторяетъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я опровергаю или окончательно устраняю мнѣнія одного изъ моихъ учителей, никто иной, какъ онъ самъ, далъ мнѣ оружіе противъ себя; то, что я признаю въ его мнѣніяхъ ошибочнымъ, способствовало уясненію того, что мнѣ представляется истиннымъ, и если мнѣ дѣйствительно удалось открыть истину, то я обязанъ этимъ именно ему.

ГЛАВА I.

Область исторіи, какъ науки, и ея предѣлы.

I.

Исторія есть собраніе разнородныхъ фактовъ.—Такимъ образомъ она можетъ одновременно заключать въ себѣ элементы, поддающіеся и не поддающіеся научному познанію.—Что такое научное познаніе или просто наука? Наука прежде всего занимается установленіемъ постоянныхъ сходствъ между явлениями извѣстнаго порядка.—Если въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ личностей или народовъ нельзя замѣтить никакого сходства, то исторія не поддается научному познанію.—Разсмотрѣніе этого вопроса.—Каждый человѣкъ и похожъ на другихъ людей, и отличается отъ нихъ.—Въ каждомъ человѣкѣ слѣдуетъ различать въ одно и то же время человека вообще, человека данной эпохи и человека, какъ индивидуума, и каждый его поступокъ отмѣченъ этой тройной печатью.—Историческіе факты, какъ и повседневные, могутъ быть разсматриваемы, какъ со стороны ихъ сходства съ другими, такъ и со стороны ихъ различія.—Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ установленіями, во второмъ—съ простыми событіями.—Событіе по самой природѣ своей не можетъ стать предметомъ научнаго познанія, такъ какъ не поддается обобщенію, составляющему первый шагъ науки.

Спросите у большинства людей, что такое исторія, и вы получите отвѣтъ: исторія—это все то, что намъ извѣстно о дѣяніяхъ нашихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ подъ словомъ «исторія» обыкновенно разумѣютъ реальность, состоящую изъ безчисленнаго множества явленій. Есть только одно слово, превосходящее его объемомъ—природа.

Правда, эта простота термина можетъ ввести насъ въ заблужденіе и внушить мысль, что реальность, обозначаемая имъ, однородна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она столь же разнородна, какъ и необъятна. Но разъ мы признали, что слово «исторія» представляетъ собой лишь простой ярлычекъ, правда, очень удобный, но не заслуживающій полного довѣрія, вопросъ о томъ, есть-ли или можетъ-ли исторія сдѣлаться наукой, представляется намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Зная, что историческая реальность разнородна, мы естественно наталкиваемся на мысль,

что такая-то изъ ея частей должна быть доступна научному познанию, а другая часть—нѣтъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, изучая исторію, мы понятно должны становиться исключительно на эту точку зрѣнія.

Такъ какъ дѣло слѣдовательно сводится къ тому, чтобы отличать въ исторіи тѣ части, которыя поддаются научному познанию, отъ тѣхъ, которыя таковому, по крайней мѣрѣ предположительно, не поддаются, то прежде всего необходимо составить себѣ ясное понятіе о томъ, что мы называемъ наукой.

Наукой называютъ совокупность истинъ, т. е. положеній, устанавливающихъ, что между такими-то и такими явленіями существуетъ постоянное сходство: напр., всѣ случаи паденія тѣлъ на поверхность земли имѣютъ между собою то общее, что тѣло падаетъ по вертикальной линіи. Такимъ образомъ, зная, что такое-то тѣло, напр. шпигъ собора въ N при паденіи разрушилъ нѣсколько домовъ, мы не обладаемъ еще наукой; это просто свѣдѣніе или знакомство съ фактомъ, реальностью.

Однако и констатированіе сходства не составляетъ еще послѣдней цѣли науки. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и сходство въ сущности представляетъ лишь простую реальность. Для того, чтобы оно могло перейти въ разрядъ истинъ, необходимо другое условіе. Вернемся къ прежнему примѣру: однообразное паденіе тѣлъ становится истиной лишь тогда, когда мы открываемъ связь, существующую между этимъ явленіемъ и явленіемъ болѣе общимъ, всемірнымъ тяготѣніемъ.

Уже изъ этого краткаго объясненія явствуетъ, что множество фактовъ, которые обыкновенно включаются въ исторію, не могутъ быть названы научными. Всѣ эти войны, союзы, революціи, художественныя и литературныя событія, которымъ посвящено столько историческихъ трудовъ, очевидно могутъ быть поставлены въ одномъ ряду съ приведеннымъ нами въ видѣ примѣра паденіемъ шпига. И тутъ мы имѣемъ передъ собой лишь отдѣльныя, единичныя явленія, случаи, и эти случаи имѣютъ такое-же отношеніе къ научной исторіи, какъ паденіе зданія къ теоріи тяжести.

Вотъ именно поэтому-то, имѣя въ виду только историческіе случаи, большинство людей и видитъ въ исторіи лишь особый родъ литературныхъ произведеній, совершенно выключая ее изъ круга наукъ. Съ своей точки зрѣнія они конечно вполне правы; но если въ исторіи есть еще нѣчто, помимо того, что они въ ней видятъ, то подобное мнѣніе надо признать ошибочнымъ.

Мысленно повторяю себѣ опредѣленіе науки и разсуждаю слѣдующимъ образомъ:

Если люди въ своихъ поступкахъ, въ своемъ поведеніи представляли когда-либо сходство, то это послѣднее можетъ сдѣлаться предметомъ общаго положенія; исторія-же, по мѣрѣ накопленія подобныхъ положеній, можетъ сдѣлаться наукой. Если же, напротивъ, жизнь человѣчества не представляетъ ничего однороднаго, если поступки каждаго человѣка не имѣютъ ничего общаго съ поступками другихъ людей, то исторія никогда не будетъ наукой.

Существуетъ-ли въ жизни человѣчества какое-нибудь однородное дѣйствіе, соответствующее тому, что мы называемъ порядкомъ въ природѣ, который въ дѣйствительности составляетъ только согласіе природы съ собою? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Очевидно, что физически каждый человѣкъ походитъ на другого и въ то же время отличается отъ него. Каждый, выражаясь языкомъ медиковъ, имѣетъ свою идіосинкразію; но форма, расположеніе и существенныя отправления органовъ одинаковы у всѣхъ людей. Это сходство простирается очень далеко, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить обстоятельство, что на этой основѣ удалось построить анатомію и фізіологію человѣка, истины которыхъ наполняютъ довольно объемистыя сочиненія.

Существенное сходство органовъ обуславливаетъ собою и сходство въ потребностяхъ и желаніяхъ. Всегда и вездѣ главные предметы человѣческихъ вожделѣній были одни и тѣ же. Неумолимыя потребности тѣла не допускаютъ и никогда не допустить существеннаго въ нихъ измѣненія. Тожественность нервнаго аппарата у всѣхъ людей обуславливаетъ собою еще одно крупное сходство. Всѣ люди получаютъ ощущенія и составляютъ понятія, воскрешаютъ прежнія представленія и воображеніемъ создаютъ картины по однообразнымъ формамъ; слѣдовательно на ряду съ тѣлеснымъ сходствомъ существуетъ и большое сходство психическое. Вотъ почему и было возможно построить общую психологію человѣка, положенія которой также наполняютъ цѣлые томы, какъ напр. въ трудѣ Бэна.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію различій, и мы получимъ обратное доказательство. Я буду говорить только о различіяхъ психическихъ. Воспользуемся очень удобнымъ и къ тому же общепотребительнымъ терминомъ для обозначенія того, что отличаетъ одного человѣка отъ другого, — назовемъ это характеромъ. Что такое характеръ? Объяснимся для избѣжанія недоразумѣній. Среди человѣческихъ чувствъ, констатируемыхъ общей психологіей, нѣтъ ни одного, которое было-бы совершенно чуждо данному человѣку, и наоборотъ, — ни одинъ человѣкъ не испытываетъ такого чувства, которое было-бы чуждо остальному чело-

вѣчеству. Точно также и въ отношеніи интеллектуальныхъ способностей люди различаются только по ихъ степени. Слѣдовательно, характеръ состоитъ лишь въ особенномъ сочетаніи общихъ элементовъ, — сочетаніи, гдѣ, если хотите, взаимное отношеніе элементовъ повторяется всего одинъ разъ, но и только. Попробуйте изобразить характеръ словами. Вамъ придется сначала употреблять выраженія, означающія общія всѣмъ свойства, напр. честолюбіе, гордость, симпатія и т. д., а потомъ ужъ вы должны будете, такъ сказать, опредѣлить дозу каждаго изъ нихъ. Въ концѣ концовъ изображеніе характера возможно лишь при помощи общихъ выраженій, съ прибавленіемъ терминовъ, означающихъ большую или меньшую степень.

Запомнимъ же этотъ первый результатъ: у всѣхъ людей имѣются общія черты, пѣчто вродѣ общечеловѣческой природы. Это доказывается во первыхъ возможностью установить положенія, оказывающіяся вѣрными по отношенію ко всѣмъ людямъ, а во вторыхъ—невозможностью опредѣлить то, чѣмъ отличаются люди другъ отъ друга, иначе, какъ при помощи выраженій, отличающихся общимъ-же характеромъ.

Мы противопоставили другъ другу человѣка вообще и человѣка, какъ индивида, обязательно заключающихся въ каждомъ человѣческомъ существѣ; но, поступая такимъ образомъ, мы въ сущности, для удобства изложенія, исказили дѣйствительность. Установимъ же теперь новый промежуточный элементъ, особенно важный для нашихъ изслѣдованій: въ каждомъ индивидѣ заключается человѣкъ данной эпохи и даннаго мѣста (то и другое всегда неразлучно), человѣкъ, мыслищій, чувствующій и дѣйствующій не совершенно своеобразно и не такъ, какъ всѣ люди вообще, но такъ, какъ мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ болѣе или менѣе обширная группа людей: мы назовемъ этотъ элементъ человѣкомъ временнымъ или историческимъ.

Въ нашъ вѣкъ произошла реакція противъ предшествовавшаго; прежде мыслители занимались главнымъ образомъ изученіемъ человѣка вообще; въ наше время признаютъ только человѣка даннаго времени и мѣста. Кто-то сказалъ: «я знаю грековъ, римлянъ, англичанъ, но не знаю человѣка вообще»,—и фраза эта имѣла успѣхъ. Конечно, если имѣть въ виду лишь объективную реальность, то это совершенно справедливо. Слѣдуетъ даже идти далѣе. Съ подобной точки зрѣнія существуетъ только индивидъ; англичанинъ или грекъ столь же мало реальны, какъ и человѣкъ вообще. Но для насъ важна истина, и потому мы должны признать эту фразу лишенной всякаго смысла.

Еслибы біологъ сказалъ намъ: «я знаю англичанъ и фран-

цузовъ, но не знаю человѣка вообще», то ему отвѣтили бы со всѣхъ сторонъ: «Напротивъ, то немногое, что ты знаешь, только и относится къ человѣку вообще; ты врядъ-ли сѣумѣлъ бы опредѣлить въ точности, что слѣдуетъ разумѣть подъ англичаниномъ или французомъ».

Въ нравственномъ смыслѣ человѣкъ вообще существуетъ такъ-же безспорно, какъ существуетъ общій человѣкъ въ біологическомъ смыслѣ, ибо существованіе одного неизбѣжно обусловливаетъ собой существованіе другого: оба они представляютъ какъ-бы лицо и изнанку одной ткани.

Историческій человѣкъ, французъ или англичанинъ, имѣетъ своимъ субстратомъ человѣка вообще, причемъ этотъ послѣдній гораздо устойчивѣе перваго. Доказать это нетрудно. Возьмемъ на удачу какойнибудь родъ человѣческой дѣятельности. Напримѣръ мужской полъ повсюду стремится къ сближенію съ женскимъ. Это—стремленіе, характеризующее человѣка вообще. Но формы, въ которыя складываются отношенія обоихъ половъ, бываютъ очень различны въ зависимости отъ мѣста и времени, и онѣ-то и характеризуютъ человѣка даннаго времени. Англичанинъ имѣетъ одну только жену; въ Тибетѣ у каждой женщины нѣсколько мужей; константинопольскій турокъ содержитъ гаремъ. Но возьмите того же турка, сдѣлайте его изъ богатаго бѣднякомъ, и онъ станетъ моногамистомъ. Обратите его въ христіанство — результатъ получится тотъ-же. Слѣдовательно, измѣняя нѣкоторыя условія соціальной жизни, мы можемъ уничтожить одну изъ тѣхъ формъ, которыхъ придерживается человѣкъ даннаго мѣста и времени. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что также легко уничтожить человѣка вообще, т. е. тотъ половой инстинктъ, который заставляетъ въ нашемъ примѣрѣ турка искать сближенія съ женщиной? Положительно нельзя не подивиться, какъ упорно не обращаютъ вниманія именно на то, что остается неизмѣннымъ при всей измѣнчивости вѣншихъ условій.

Такимъ образомъ обыкновенный историческій методъ оказывается какъ разъ противоположнымъ методу, употребляемому другими учеными. Безъ сомнѣнія, существуютъ біологи, старающіеся выяснитъ, почему то или другое племя отличается какими-нибудь особенными физическими чертами, напр. прогнатизмомъ или микрокефальностью, и посвящаютъ этимъ вопросамъ цѣлыя книги, которыя могутъ быть поставлены на одну доску съ трудами, являющимися продуктомъ чистой эрудиціи. Но прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію этихъ частныхъ вопросовъ, они основательно знакомятся съ общей и нормальной человѣческой организаціей. Они знаютъ, что только путемъ изученія человѣка

вообще имъ, можетъ быть, удастся понять человѣка даннаго мѣста. Они знаютъ, что въ сложныхъ наукахъ непосредственное объясненіе особенностей оказывается невозможнымъ, и что, стараясь проникнуть въ тайны рѣдкихъ и исключительныхъ явленій иначе, какъ нисходя по лѣстницѣ болѣе широкихъ истинъ, рискуешь почти навѣрно потерпѣть неудачу. Ученые же, щеголяющіе эрудиціей, напротивъ, углубляются въ изученіе специальныхъ вопросовъ, не потрудившись, подобно біологамъ, запастись общими знаніями.

Говорятъ, что мы знаемъ грековъ, римлянъ, египтянъ гораздо лучше, чѣмъ ихъ знали наши предшественники; въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно. Археологія, лингвистика, толкованіе текстовъ сдѣлали въ послѣднее время большіе успѣхи. Мы знаемъ теперь гораздо лучше матеріальную сторону исторіи, и вотъ почему наши историки гораздо художественнѣе. У нихъ больше красокъ, чѣмъ у историковъ двухъ послѣднихъ вѣковъ; но сѣумѣли-ли они лучше уловить и психическую основу, проникнуть глубже въ природу человѣка и вѣрнѣе ее оцѣнить—это подлежитъ еще большому сомнѣнію. Историки, ученые въ тѣсномъ смыслѣ, посвятившіе себя спеціальному изученію одного какого-нибудь народа, по большей части стараются увѣрить насъ или даютъ намъ чувствовать, что этотъ народъ является исключительнымъ, что онъ, вслѣдствіе присущихъ ему одному свойствъ и особаго національнаго духа, мыслить и чувствовалъ иначе, чѣмъ другіе народы. Римлянинъ, если рѣчь идетъ о римлянахъ, грекъ, когда говорятъ о грекахъ, являются въ сочиненіяхъ подобныхъ ученыхъ до такой степени греками и римлянами, что какъ будто перестаютъ быть обыкновенными людьми. Я же, напротивъ, думаю, что общеловѣческія свойства, проявляющіяся на нашихъ глазахъ, гораздо несомнѣннѣе, реальнѣе, чѣмъ тѣ спеціальныя и отдаленныя черты, въ существованіи которыхъ насъ совершенно напрасно хотятъ увѣрить.

Всякое человѣческое дѣйствіе, какъ и самъ индивидъ, совершившій его, носитъ тройную печать: общаго, временнаго и единичнаго. А женился на *В* 19 сентября 1890 г. въ Римѣ, въ присутствіи *С*, *Д*, *Е* и т. д. Если обратить вниманіе на обстоятельства, сопровождавшія эту свадьбу, то нѣкоторыя изъ нихъ окажутся совершенно исключительными; но можно замѣтить и такія, которыя отличаются болѣе общимъ, чуть-ли не всемірнымъ характеромъ. Тѣмъ, что эта свадьба происходила въ Римѣ по церемоніалу, принятому въ этомъ городѣ, она походитъ на множество такихъ-же свадебъ, а тѣмъ, что она была совершена по католическому обряду, она похожа на всѣ католическія

свадьбы. Какъ союзъ между женщиной и мужчиной, заключаемый навсегда, она напоминаетъ безчисленные подобные-же акты, совершенные во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ только существовалъ институтъ брака. И наконецъ, съ точки зрѣнія полового стремленія, лежащаго въ его основѣ, актъ этотъ является абсолютно всеобщимъ. Теперь, съ другой стороны, отмѣтимъ тѣ черты, которыя дѣлаютъ его единственнымъ въ своемъ родѣ; таковы обстоятельства времени и мѣста, въ связи съ личными особенностями новобрачныхъ и свидѣтелей. Съ этой точки зрѣнія, подобный актъ никогда не случался раньше и никогда не повторится. Но спрашивается, носятъ-ли и факты, входящіе въ исторію, какъ ее обыкновенно понимаютъ, ту же тройную печать общаго, временнаго и единичнаго? На первый взглядъ кажется, что они единственны въ своемъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь одного Хлодвигъ, который короновался въ Реймсѣ, лишь одну Жанну д'Аркъ, освободившую Орлеанъ, лишь одного Наполеона, побѣжденнаго при Ватерлоо. Но въ то же время, параллельно съ фактами, кажущимися единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ напр. Ватерлоо, мы имѣемъ факты множественные, встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ или, если угодно, сформированные по одному общему типу, напр. купля-продажа, совершенная при посредствѣ металлическихъ денегъ. Подобный фактъ, совершаемый сегодня тысячами людей, завтра будетъ повторенъ ими же или другими и такъ — втеченіе годовъ или вѣковъ. Повидимому мы имѣемъ тутъ дѣло съ фактами совершенно различнаго характера, и я полагаю, что какъ историки, такъ и социологи часто склонны думать, что они и въ самомъ дѣлѣ трактуютъ о предметахъ, глубоко рознящихся другъ отъ друга. Но это заблужденіе. Стоитъ только внимательно приглядѣться къ дѣлу, чтобы убѣдиться, что всѣ виды человѣческой дѣятельности представляютъ, помимо особенностей, общія и временныя черты. Напр., хотя бы та же битва при Ватерлоо, которую я только-что цитировалъ въ видѣ примѣра и которая кажется единственной въ своемъ родѣ, если смотрѣть на нее лишь съ извѣстной точки зрѣнія, представляетъ въ то же время черты болѣе или менѣе общія, повторяющіяся во времени и пространствѣ и заключающіяся въ томъ порядкѣ, въ какомъ войска были сформированы, распределены, въ томъ, какъ они шли на встрѣчу непріятелю и вступали въ дѣйствіе. И наоборотъ — купля-продажа, рассматриваемая абстрактно, является экономическимъ установленіемъ, свойственнымъ всѣмъ народамъ; но если я обращаю вниманіе только на обстоятельства времени и мѣста, на личность продавца и покупателя, на цѣну товара, на прибыль или

убытокъ, получаемые отъ сдѣлки, и наконецъ на соединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ, то буду имѣть фактъ безусловно единичный.

Изъ всего этого нетрудно убѣдиться, что различіе между историками и социологами обуславливается не различіемъ изслѣдуемыхъ вопросовъ, а той точкой зрѣнія, съ которой разсматриваются эти вопросы. Это различіе получаетъ еще большую важность въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы построить исторію на научномъ основаніи.

Для ясности и удобства изложенія мы будемъ впредь иначе называть фактъ, разсматриваемый, какъ единичный, и иначе — тотъ же фактъ, разсматриваемый со стороны его сходства съ другими. Первый мы назовемъ событіемъ, второй же назовемъ установленіемъ.

То, что называютъ установленіемъ, въ сущности является результатомъ цѣлаго ряда человѣческихъ дѣйствій. Напр. орденъ св. Бенедикта несомнѣнно заслуживаетъ названія установленія. Но что же мы собственно разумѣемъ подъ словомъ «орденъ»? А то, что извѣстное число монаховъ соблюдаетъ общія для нихъ всѣхъ правила, — что къ концѣ концовъ можно свести къ сходству въ поведеніи. Въ тотъ день, когда это сходство будетъ нарушено, орденъ будетъ существовать только по имени, но не фактически; въ дѣйствительности останутся лишь отдѣльные индивиды, поступающіе каждый по своему.

Читайте историковъ, — я говорю о тѣхъ, которые пишутъ обыкновенную повѣствовательскую исторію, — и вы подумаете, что исторія состоитъ изъ однихъ лишь событій. Читайте социологовъ, и вамъ покажется, что существуютъ одни установленія. Въ дѣйствительности же на канвѣ исторіи событія и установленія постоянно переплетаются и перекрещиваются между собой; раздѣльно они существуютъ лишь въ нашемъ умѣ.

Всякое установленіе, какъ-бы оно ни было продолжительно, имѣетъ начало и конецъ. Оно ограничено, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ; въ качествѣ примѣра, сошлемся на упомянутую нами римскую свадьбу или даже на моногамическій бракъ.

Всякое установленіе начинается съ того, что какой-нибудь человѣкъ впервые начинаетъ совершать какое-либо дѣйствіе; потомъ постепенно возникаетъ цѣлый рядъ подобныхъ-же дѣйствій. Это — процессъ, засвидѣтельствованный исторіей и подтвержденный психологіей. Невозможно, чтобы извѣстное, хотя-бы и незначительное число людей возымѣло одну и ту же идею или одно и то-же желаніе въ одну и ту-же минуту. Такимъ образомъ въ самомъ

началѣ возникающее установленіе имѣетъ характеръ индивидуальнаго дѣйствія, т. е. событія. Точно также оно не прекращается сразу, а постепенно суживается и кончается такъ же, какъ и началось,—въ видѣ индивидуальнаго дѣйствія, событія. Такимъ образомъ мы имѣемъ право сказать: установленіе есть событіе, имѣющее успѣхъ.

Мы увидимъ, что установленія и событія не только переплетаются между собой, но постоянно воздѣйствуютъ другъ на друга. Напр.: римскій легіонъ—установленіе военное, повліялъ на всѣ военныя событія, послѣдовавшія за его возникновеніемъ, и, наоборотъ, всѣ послѣдующія военныя событія произвели въ немъ измѣненія, которыя мало по малу привели къ его полному уничтоженію. Примѣровъ подобнаго взаимодѣйствія можно было бы насчитать милліоны.

Резюмируя сказанное, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: событіе, историческій фактъ, разсматриваемый съ той стороны, которая дѣлаетъ его единственнымъ въ своемъ родѣ, не имѣетъ значенія для науки, такъ какъ послѣдняя является прежде всего констатированіемъ сходства въ явленіяхъ. Но съ другой стороны всякое установленіе имѣетъ исходной точкой событіе,—хотя и не всѣ событія переходятъ въ установленія. На этомъ основаніи всякое событіе, изъ котораго рождается установленіе, имѣетъ безспорное право быть внесеннымъ въ исторію. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится ни въ какой связи съ какимъ-нибудь будущимъ установленіемъ, событіе все еще можетъ имѣть значеніе для науки, такъ какъ люди, участвовавшіе въ немъ, руководились отчасти господствовавшими въ то время мотивами, вліяніе которыхъ и сказывается въ данномъ событіи, а изслѣдованіе этихъ мотивовъ со всѣми ихъ послѣдствіями также входитъ въ задачи научной исторіи.

Исторія, какъ наука, такимъ образомъ обнимаетъ собою: 1) установленія, составляющія главный предметъ ея, 2) событія постольку, поскольку они обусловили собой возникновеніе какого-нибудь новаго установленія, или же поскольку они, будучи дѣломъ человѣка даннаго времени, обнаруживаютъ значеніе и силу господствующихъ установленій. Повторяю, единственное, что противорѣчитъ научной исторіи, это фактъ, разсматриваемый, какъ явленіе единичное. Подобные факты составляютъ предметъ одной арудиціи.

Однако, скажутъ мнѣ, вѣдь различіе между установленіями и событіями далеко не ново. Безъ сомнѣнія; но была-ли эта мысль понята съ желательной ясностью? Если различіе это и было замѣчено, то во всякомъ случаѣ изъ него не были сдѣланы

всѣ логическіе выводы. Когда мы изложимъ еще нѣкоторые другія идеи, предварительное знакомство съ которыми считаемъ необходимымъ, то увидимъ, что философія исторіи потерпѣла неудачу именно потому, что не поняла противонаучнаго характера событія и пыталась объяснять его наравнѣ съ установленіями.

II.

Вторая задача науки заключается въ изслѣдованіи причинъ. — Въ исторіи причинной, въ научномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть только человѣкъ вообще или человѣкъ временной. — Индивидуальное не можетъ быть причиной. — Такъ какъ индивидуальныя черты присущи всему, то исторія, на ряду съ элементами, не поддающимися обобщенію, содержитъ въ себѣ элементы, причины которыхъ не поддаются изслѣдованію. — Философія исторіи упустила изъ виду существованіе подобныхъ элементовъ и вслѣдствіе этого оказалась несостоятельной.

Итакъ, исторія на каждомъ шагу представляетъ намъ сходства, которыя слѣдуетъ тщательно собирать, и особенности, которыя подлежатъ исключенію изъ нея. Уже одна эта работа, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, можетъ поставить исторію на научную почву; но въ каждой наукѣ есть еще вторая и болѣе важная работа, заключающаяся въ изслѣдованіи причинъ.

Когда какой-нибудь фактъ *A* представляется намъ постоянно непосредственно предшествующимъ другому факту *B*, то мы говоримъ, что *A* есть причина *B*, а *B* — слѣдствіе *A*. Замѣтьте, что и тутъ есть сходство, — именно въ порядкѣ слѣдованія фактовъ.

Человѣческій умъ особенно интересуется сходствами подобнаго рода, потому что, объясняя прошедшее, они даютъ нѣкоторую возможность предвидѣть будущее.

Причина, какъ ее понимаетъ исторія-наука, не есть то, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ въ трудахъ, являющихся продуктомъ простой эрудиціи. Если авторъ подобнаго труда можетъ съ увѣренностью назвать людей, содѣйствовавшихъ данному событію, вызвавшихъ къ жизни или видоизмѣнившихъ то или другое установленіе, то онъ полагаетъ, что уже достаточно выяснилъ причины; а если вдобавокъ ему еще удалось опредѣлить внутреннія побудительныя причины, руководившія дѣятелями, то большаго, по его мнѣнію, отъ него и требовать нельзя.

Настоящими дѣятелями въ исторіи безъ сомнѣнія являются индивиды; въ основѣ исторіи лежатъ только поступки индиви-

дуальные. Всѣ эти крупные воображаемые организмы, которые мы называемъ народомъ, націей, войскомъ, корпораціей, въ концѣ концовъ распадаются на индивидовъ, а дѣятельность ихъ—на индивидуальныя поступки, болѣе или менѣе согласныя или сходныя между собой. Но этого мало: не слѣдуетъ забывать, что и самъ индивидъ соединяетъ въ себѣ черты индивидуальныя, временныя и общечеловѣческія, слѣдовательно и онъ является нѣкоторымъ образомъ тройственнымъ дѣтелемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда проявляются лишь его индивидуальныя черты, историческій дѣтель можетъ служить лишь единичнымъ примѣромъ прошлаго, а о фактѣ, случившемся всего только разъ, невозможно сказать съ увѣренностью, что онъ всегда будетъ сопровождаться однимъ и тѣмъ-же слѣдствиемъ. Такимъ образомъ индивидъ по самой природѣ своей не можетъ быть причиной въ научномъ смыслѣ этого слова.

Напротивъ, тамъ, гдѣ проявляются лишь его общечеловѣческія черты, историческій дѣтель можетъ быть отождествленъ со всѣми другими людьми, и вслѣдствіе этого, при изслѣдованіи причинъ, всѣ люди, жившіе до него, могутъ быть приняты въ расчетъ, какъ столько же прецедентовъ въ прошломъ. Относительно же факта, повторяющагося такое множество разъ, мы можемъ уже сказать съ увѣренностью, что онъ всегда сопровождается тѣмъ или другимъ слѣдствиемъ. Другими словами, человѣкъ вообще можетъ быть причиной.

То же самое мы можемъ сказать о человѣкѣ данной эпохи. Хотя понятіе это, по своему объему, не столь обширно ¹⁾).

Такъ какъ всѣ человѣческія дѣйствія отмѣчены этимъ тройственнымъ характеромъ, то въ исторіи случаи, являющіеся проявленіемъ индивидуальнаго начала, всегда оказываются примѣшанными къ научнымъ причинамъ.

Читатель конечно самъ усмотритъ аналогичность этого за-

¹⁾ Другими словами, всѣ люди настолько, насколько принимаются въ расчетъ лишь ихъ общечеловѣческія черты, совершенно равнозначущи другъ другу. Если же имѣть въ виду только ихъ временныя черты, то они равнозначущи въ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Сущующее между ними сходство позволяетъ смотрѣть на нихъ, какъ-бы на одну причину, болѣе или менѣе обширную. Нѣкоторые мыслители уподобляютъ человечество человѣку, живущему въчло. Высказанная въ подобныхъ безусловныхъ выраженіяхъ, мысль эта ошибочна и приводитъ къ ложнымъ заключеніямъ, но въ примѣненіи къ совокупности людей, разсматриваемыхъ лишь съ извѣстной стороны, именно со стороны ихъ общечеловѣческихъ свойствъ, она дѣйствительно вѣрна. Мы прибавимъ еще, что человечество, разсматриваемое съ точки зрѣнія его временныхъ дѣйствій, его установлений, можетъ быть уподоблено человѣку, который прожилъ нѣсколько столѣтій.

ключенія съ тѣмъ, которое было нами сдѣлано въ первой главѣ. Исторія въ общепринятомъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ элементы, причины которыхъ не поддаются изслѣдованію, точно такъ-же, какъ она содержитъ въ себѣ элементы, не поддающіеся обобщенію.

Подводя итогъ сказанному, мы должны вывести то заключеніе, что только дѣйствія, совершенныя сообща болѣе или менѣе значительнымъ числомъ людей, имѣютъ причину въ научномъ смыслѣ этого слова.

Эта истина осталась однако непризнанной тѣми изъ мыслителей, которые занимались философіей исторіи, и не признавалась ими лишь потому, что они не дѣлали строгаго различія между дѣйствіями, совершенными сообща, т. е. установленіями, и простыми событіями.

III.

Доказательство ея несостоятельности на примѣрѣ Монтескье.

Въ доказательство вышесказаннаго сошлюсь на Монтескье ¹⁾. Стоитъ только раскрыть книгу «Размышленія», чтобы замѣтить, что Монтескье разсматриваетъ событія съ той же точки зрѣнія, какъ и установленія, т. е. одинаково стремится объяснить причины тѣхъ и другихъ. Напр. онъ задаетъ себѣ пресловутый вопросъ: почему изъ борьбы съ Кароагеномъ Римъ вышелъ побѣдителемъ, а Кароагенъ оказался побѣжденнымъ? ²⁾.

Послѣдуемъ за Монтескье и постараемся показать, почему онъ, считая возможнымъ выяснитъ причину цѣлаго ряда собы-

¹⁾ Строго говоря, въ Монтескье слѣдуетъ различать автора «*Considérations*» и автора «*Esprit des Lois*». Въ послѣднемъ трудѣ Монтескье, занятый исключительно ввѣненіями устойчивыми, находится на вѣрномъ пути; въ «*Размышленіяхъ*» же онъ примѣняетъ къ событіямъ тотъ методъ, котораго придерживался въ «*Духѣ Законовъ*», и который здѣсь совершенно не у мѣста. Замѣтите, что по первоначальному плану книга «*Размышленія*» должна была быть только главой «*Духа Законовъ*». Это лучшее доказательство, что авторъ недостаточно ясно видѣлъ разницу между случайнымъ и постояннымъ въ исторіи. Если глава о судьбахъ Рима въ концѣ концовъ была выдѣлена въ особую книгу, то это произошло лишь въ виду ея размѣровъ. Говоря вообще, Монтескье въ своихъ «*Размышленіяхъ*» даетъ намъ философію исторіи, а въ «*Духѣ Законовъ*» является настоящимъ социологомъ.

²⁾ Тотъ же вопросъ еще раньше занималъ Боссюэта. Въ наше время аналогичный вопросъ былъ поднятъ Ляттре, пытавшимся выяснитъ, почему испанцы оказались неспособными завладѣть всемірной гегемоніей. Какъ видите, отъ Боссюэта до Ляттре попытки подобнаго рода не прекращаются.

тій и ихъ окончательнаго результата, при всемъ своемъ крупномъ талантѣ, именно благодаря этому взгляду, впалъ въ аргументацію, не выдерживающую строгой критики.

Отвѣчая на вышеупомянутый вопросъ, Монтескьё говоритъ: «Римляне обязаны своимъ окончательнымъ торжествомъ превосходству своихъ нравовъ и учреждений», и, обобщая высказанныя раньше мысли, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу, столько разъ повторенному послѣ него: «въ государствахъ существуетъ общее теченіе, увлекающее за собою все, что оно встрѣчаетъ на своемъ пути».

По мнѣнію Монтескьё, историческіе люди, тѣ, которые ведутъ за собою другихъ, напр. правители, полководцы, сами по себѣ не создаютъ ничего прочнаго. Общій потокъ непреодолимо увлекаетъ за собой и поглощаетъ въ своей пучинѣ всѣ послѣдствія ихъ геніальности или посредственности, ихъ добродѣтелей или пороковъ, ихъ ошибокъ или вдохновенія. Монтескьё не придаетъ никакого значенія тому, что въ битвѣ при Марафонѣ начальствовалъ Мильтіадъ, при Саламинѣ—Θемистокль, при Каннахъ—Аннибалъ, при Замѣ—Сципіонъ, при Алезии и Фарсаль—Цезарь; что Перикль управлялъ Афинами во время Пелопонезской войны и т. д. Поставьте на ихъ мѣсто, кого угодно, самаго бездарнаго, взамѣнъ самаго способнаго дѣятеля, данная битва, по его мнѣнію, все же будетъ выиграна, а если и нѣтъ, то окончательный исходъ войны все-таки останется тѣмъ же.

Монтескьё въ самомъ дѣлѣ удалось доказать, что нѣкоторые установленія должны были сдѣлать римлянъ побѣдоносными. Но кто-же будетъ настолько близорукъ, чтобы отрицать за установленіями всякое значеніе? Кто не послѣдуетъ за Монтескьё до того пункта, гдѣ останавливается его аргументація? Но, пожелавъ идти дальше, утверждая, что установленія имѣютъ исключительное значеніе, а индивидуальныя дѣятели—никакого, Монтескьё не долженъ былъ на этомъ остановиться. Между тѣмъ, указавъ, какого рода вліяніе должны были оказать установленія, онъ немедленно перешелъ къ окончательному выводу, не замѣчая, что между его мнимыми доказательствами и этимъ выводомъ остается еще огромный незаполненный пробѣлъ, — проще говоря, что остается еще доказать главную посылку, именно, что индивиды никоимъ образомъ не могутъ быть причиною данныхъ событій.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. У Монтескьё между строкъ можно прочесть слѣдующій тезисъ: «войска, состояція изъ гражданъ, неизбѣжно побѣждаютъ войска изъ наемниковъ». Не стану ходить далеко за примѣрами, свидѣтельствующими о противномъ,

а просто назову битвы на Тицинѣ, при Требии, на Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ и спрошу, почему-же нравственное превосходство римлянъ не проявилось и въ этихъ сраженіяхъ? Мы скажемъ, что оно снова сказалось въ битвѣ при Замѣ. Но гдѣ же доказательства, что побѣда римлянъ при Замѣ была плодомъ ихъ нравственнаго превосходства, а не другой какой-либо причины? Въ побѣды карфагенянъ были вызваны причинами, не имѣвшими ничего общаго съ нравственнымъ превосходствомъ солдатъ. Отчего же подобныя-же причины не могли играть никакой роли въ побѣдѣ римлянъ при Замѣ? Что до насъ, то мы убѣждены, что причины подобнаго рода существуютъ и что онѣ даже могутъ взять перевѣсъ надъ нравственнымъ превосходствомъ, такъ какъ побѣды карфагенянъ не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Остается еще одинъ аргументъ, къ которому обыкновенно и прибѣгаютъ. Говорятъ, побѣды, подобныя той, какаѣ были одержаны при Каннахъ, не имѣютъ рѣшающаго значенія, тогда какъ побѣда, одержанная при Замѣ, была рѣшительная. Очевидно, это не просто, тутъ дѣйствовали глубокія причины,—заклѣчаютъ сторонники Монтескьё. А между тѣмъ, по свидѣтельству классическихъ писателей, Аннибалъ послѣ побѣды при Каннахъ просто обнаружилъ временной упадокъ энергіи. Онъ хотѣлъ насладиться плодами своей побѣды вмѣсто того, чтобы довести ее до конца. Эта ошибка и спасла Римъ, по словамъ Тита-Ливія.

Можетъ быть, Титъ-Ливій и ошибается, но это не измѣняетъ дѣла. Возможно, что Аннибалъ вынужденъ былъ поступить такъ, какъ онъ поступилъ. По всей вѣроятности Римъ съ его многочисленнымъ населеніемъ и могучими укрѣпленіями казался ему непреодолимымъ.

Монтескьё восклицаетъ: «Римъ выказалъ чудеса твердости». Эта громкая фраза прежде всего свидѣлствуетъ о пристрастіи автора. Впрочемъ Монтескьё основывается на томъ, что Римъ не хотѣлъ ни выкупать своихъ плѣнныхъ, ни просить мира. Но нельзя понять, зачѣмъ было Риму просить мира, разъ онъ былъ неодолимъ для такого войска, какое находилось въ распоряженіи Аннибала, который не былъ въ состояніи взять приступомъ даже самые ничтожные города. Точно также непонятно, какимъ образомъ римляне могли впасть въ отчаяніе, когда Аннибалъ, предводитель наемнаго войска, зашедшій такъ далеко отъ своей собственной страны, очевидно находился въ самыхъ неблагоприятныхъ политическихъ условіяхъ и держался, лишь благодаря своей смѣлости и военному таланту. Онъ могъ побѣждать въ открытомъ полѣ, опустошать страну, словно бичъ божій, но и только, — еслибы ему не удалось разъединить Римъ съ

его союзниками. Но Аннибалъ не былъ въ состояніи склонить послѣднихъ къ измѣнѣ. Войска его, состоявшія изъ разнаго сброда и предававшіяся повидимому всякимъ безчинствамъ, навели ужасъ на латинскіе народы. Картегенъ былъ за морями, между тѣмъ какъ Римъ находился подъ рукою. Понятно, что всѣ должны были чувствовать непрочность побѣды въ рукахъ полководца, столь отважнаго и къ тому же зашедшаго такъ далеко. Еслибы напр. Картегенъ былъ на мѣстѣ Тарента, еслибы Аннибалъ имѣлъ за собой свой народъ, тогда дѣла приняли-бы совсѣмъ иной оборотъ: по всей вѣроятности Риму пришлось-бы погибнуть. Что же касается рѣшенія не выкупать плѣнныхъ, то вотъ что рассказываетъ объ этомъ Титъ-Ливій: «Сумма, потребованная непріятелемъ, испугала римлянъ; они только что сильно потратились на выкупъ и вооруженіе рабовъ и не хотѣли еще болѣе истощать казны и обогащать Аннибала деньгами, т. е. именно тѣмъ, въ чемъ онъ больше всего нуждался». Принимая во вниманіе способъ, какимъ Аннибалъ пополнялъ свои войска, римляне, выкупая 8,000 плѣнниковъ, дали-бы ему возможность наберовать въ свою очередь 20,000 солдатъ. Вотъ эти-то соображенія, если вѣрить самому Титу-Ливію, и лежали въ основѣ ихъ пресловутой вѣрности старымъ традиціямъ. Но Монтескье беретъ изъ Тита-Ливія только то, что можетъ доказать нравственное превосходство римлянъ.

У военныхъ есть своя теорія. Изъ числа причинъ, обуславливающихъ побѣду, они ставятъ на первомъ планѣ энергію полководца или вѣрнѣе то, что является результатомъ ея, — дисциплину арміи, потомъ военный талантъ полководца, потомъ, хотя этотъ порядокъ не можетъ считаться вполне установленнымъ, профессиональное образованіе солдатъ, ихъ численность, техническую организацію и наконецъ разныя непредвидѣнныя обстоятельства, случайности. Величайшіе военные таланты отводили послѣднимъ далеко не маловажную роль. Фридрихъ Великій говорилъ: «Его Величество Случай». Военные по опыту знаютъ то, что неизвѣстно многимъ историкамъ. Они знаютъ, какъ непостоянно мужество, какъ неустойчивъ человѣкъ передъ лицомъ опасности. Многочисленные случаи паники, овладѣвавшей войсками до и во время сраженія, убѣдили ихъ въ томъ, что самыя удачныя распоряженія, самое успѣшное начало и ходъ сраженія могутъ быть обращены въ ничто внезапнымъ бѣгствомъ нѣсколькихъ людей, которые, будучи поставлены на какомъ-нибудь важномъ пунктѣ, показали дурной примѣръ, увлекшіи за собой остальныхъ, и что часто участь сраженія зависитъ отъ какой-нибудь кучки людей и даже отъ одного чело-

вѣка. Они знаютъ, что каждая армія имѣетъ свои минуты слабости, что тотъ же отрядъ, который еще вчера отличался въ дѣлѣ и завтра опять будетъ приведенъ въ хорошее состояніе, сегодня можетъ оказаться никуда негоднымъ. А между тѣмъ одного сраженія, потеряннаго благодаря такимъ случайностямъ, можетъ оказаться достаточно, чтобы вызвать вторичное пораженіе, которое въ свою очередь еще съ большей вѣроятностью обусловливаетъ собою третье.

Военные знаютъ еще многое другое и, можетъ быть, съумѣли бы отвѣтить и на пресловутый аргументъ: «битва при Каннахъ не была рѣшительна, битва-же при Замѣ имѣла рѣшающее значеніе». Они скажутъ вамъ, что существуетъ большая разница между однимъ пораженіемъ и другимъ. Обстоятельства, непосредственно слѣдующія за битвой, и чисто мѣстные условія могутъ свести опасныя послѣдствія пораженія почти къ нулю, или же наоборотъ—повлечь за собой полный разгромъ. Это зависитъ отъ мѣста, момента, отъ отдаленности столицы, отъ физическаго состоянія солдатъ, отъ природы страны, таланта обоихъ полководцевъ. При Наполеонѣ побѣды при Іенѣ-Ауэрштедтѣ было достаточно, чтобы окончательное покореніе прусскаго государства стало дѣломъ рѣшеннымъ, а между тѣмъ Наполеонъ имѣлъ передъ собой тотъ самый народъ, съ тѣми же учрежденіями, который при Фридрихѣ такъ легко перенесъ потерю столькихъ сраженій и выказалъ такую непобѣдимую живучесть и способность быстро оправиться. Теперь поставьте Фридриха во главѣ пруссаковъ, побѣжденныхъ при Іенѣ, и отнимите у французовъ Наполеона,—думаете-ли вы, что ходъ событій отъ этого не измѣнился-бы? Во всякомъ случаѣ ни одинъ военный этого не скажетъ.

Выяснимъ-же окончательно наше отношеніе къ подобной философіи исторіи. Мы совершенно согласны, что установленія, или толпа, или среда, чтò одне и то же, играютъ большую роль въ исторіи, но мы все-таки настаиваемъ на томъ, что историческія личности, стоящія во главѣ установленій и руководящія ихъ дѣятельностью, своимъ личнымъ положительнымъ или отрицательнымъ характеромъ, своими выдающимися или незначительными способностями, также имѣютъ вліяніе на ходъ событій, и что это вліяніе часто сказывается и на конечныхъ результатахъ,—другими словами, что далеко не безразлично, командуютъ-ли на той и другой сторонѣ Аннибалы и Цезари или-же люди болѣе обыкновенные.

Прежде всего укажемъ на одно обстоятельство, которое обыкновенно упускается изъ виду: историческій дѣятель либо вліяетъ

на своихъ согражданъ, либо является ихъ представителемъ въ ихъ столкновеніяхъ съ сосѣдними націями, — столкновеніяхъ, имѣющихъ военный или дипломатическій характеръ. Начнемъ со второго случая, по отношенію къ которому главнымъ образомъ и доказываютъ ничтожность той роли, какую играютъ историческіе дѣятели. Здѣсь дѣятель и его среда по крайней мѣрѣ совершенно сходятся въ томъ, къ какой цѣли имъ слѣдуетъ стремиться. Цезарь и Римъ желаютъ побѣдить галловъ. Для достиженія этой цѣли Римъ предоставляетъ въ распоряженіе Цезаря извѣстныя установленія или средства — назовите ихъ, какъ хотите, — которыя тотъ долженъ противопоставить силамъ своего противника. Полагаемъ, всякій согласится, что Цезарю въ извѣстной степени свойствененъ особый способъ пользованія средствами, предоставленными въ его распоряженіе, и что другой полководецъ на его мѣстѣ извлекъ-бы изъ нихъ другіе результаты, другія выгоды, можетъ быть большія, а можетъ быть и меньшія. Предположимъ послѣднее; вообразимъ, что вмѣсто Цезаря полководцемъ назначенъ Варъ. Вопросъ слѣдовательно сводится къ слѣдующему: такъ какъ гражданскія и военныя установленія галловъ безспорно менѣе способны доставить имъ побѣду и, съ этой точки зрѣнія, римскія установленія стоятъ гораздо выше, то будетъ-ли Галлія побѣждена Варомъ при всякихъ условіяхъ, кто бы ни былъ ея вождемъ, Верцингеториксъ или кто нибудь другой, и каковы-бы ни были случайности войны? Полагаемъ, на такой вопросъ никто не отвѣтитъ безусловно утвердительно. Но можетъ быть мнѣ скажутъ: «если Варъ будетъ побѣжденъ, Римъ пошлетъ новыя войска или новаго полководца, и тотъ или другой въ концѣ концовъ побѣдятъ галловъ». На это мы могли-бы отвѣтить, что такой исходъ далеко еще не доказанъ; но если бы даже это не подлежало сомнѣнію, то во всякомъ случаѣ совсѣмъ не безразлично, будетъ-ли Галлія покорена въ десять лѣтъ Юліемъ Цезаремъ, и полное умиротвореніе ея завершится къ извѣстному сроку, или же дѣло это предварительно будетъ стоять арміи Вара, потребуеъ еще нѣсколькихъ кампаній и наконецъ будетъ завершено лишь 30 или 50 годами позже. Взаимныя отношенія Галліи и Рима, роль умиротворенной Галліи въ общемъ движеніи міра могутъ потерпѣть значительныя видоизмѣненія уже въ силу того, что результатъ, хотя и одинаковый въ обоихъ случаяхъ и повидимому уравнивающій ихъ другъ съ другомъ, именно покореніе Галліи, совпадаетъ съ совершенно различными посторонними событіями. Допустить, что даже и въ томъ случаѣ, еслибы не было Цезаря, Галлія все-таки была бы покорена, не значить еще рѣшить вопросъ. Валовой

результатъ ничего еще не доказываетъ. Внѣшнія проявленія этого результата, второстепенныя обстоятельства и историческіе синхронизмы, сопровождающіе его, видоизмѣняютъ послѣдствія до такой степени, что совершенно невозможно заранѣе разсчитать ихъ.

Между тѣмъ, взявъ два народа, изъ которыхъ одинъ цивилизованъ, а другой находится еще въ варварскомъ состояніи, я выбралъ примѣръ, благопріятный для теоріи Монтескьё, такъ какъ въ данномъ случаѣ на одну чашу вѣсовъ падаетъ все-таки значительное превосходство установленій. Но поставьте другъ противъ друга два народа, которые стоятъ на одинаковой почти ступени цивилизаціи,—и историческія личности, дѣйствующія съ той и другой стороны, окажутъ на ходъ событій вліяніе, обратно пропорціональное различію ихъ установленій. Когда англичане ведутъ войну съ зулусами, то очень возможно, что превосходство дисциплины, вооруженія и денежныхъ средствъ англичанъ загладитъ вредъ, проистекающій отъ неспособности ихъ полководца или отъ даровитости предводителя зулусовъ. Но если война произойдетъ между французами и англичанами, и если съ одной стороны главнокомандующій будетъ человѣкъ неспособный, а съ другой — гений, то эти индивидуальныя черты должны имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ войны. Разъ чаши вѣсовъ почти уравнированы, достаточно тяжести одной личности, чтобы это равновѣсіе было нарушено.

Разсмотримъ теперь вліяніе личности внутри государства, въ ея отношеніяхъ къ согражданамъ.

Возьмемъ сначала такой случай, когда между правителемъ и народомъ, т. е. тѣмъ, что я называю его средой, существуетъ полное разногласіе. Психологія говоритъ намъ, что преимущество будетъ не на сторонѣ среды, состоящей изъ множества личностей, вынужденныхъ сплотиться для оказанія сопротивленія, а на сторонѣ вождя, обладающаго единой волей, послѣдовательной мыслью, центральнымъ и господствующимъ положеніемъ. Исторія вполне подтверждаетъ данныя психологіи, указывая множество случаевъ, гдѣ личность побѣждала среду и увлекала ее за собой. Подобными случаями можно было-бы наполнить цѣлую главу, но я ограничусь нѣсколькими примѣрами. Такъ, папамъ, при помощи нѣсколькихъ ревностныхъ проповѣдниковъ, въ концѣ концовъ удалось навязать католическому духовенству безбрачіе, которому оно долго энергично противилось; Магометъ вначалѣ встрѣтилъ со стороны окружающихъ открытую враждебность, а въ концѣ концовъ сумѣлъ увлечь въ священную войну тотъ самый народъ, который первоначально не выказывалъ къ ней

никакого расположенія. Многія историческія новшества приняты однимъ или нѣсколькими людьми, при полномъ нечувствіи остальныхъ. Дѣло въ томъ, что люди въ сущности гораздо индифферентнѣе, гораздо непостояннѣе въ своихъ желаніяхъ и наконецъ гораздо болѣе склонны къ подчиненію, даже рабству, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Это доказывается всей исторіей человѣчества. Самыя невыносимыя вещи покорно переносились огромными массами людей втеченіе вѣковъ. Не думайте, что крѣпостные, рабы, подданные алчныхъ деспотовъ не чувствовали давившаго ихъ гнета; они только не довѣряли самимъ себѣ, они смутно сознавали трудность дружнаго сопротивленія и покорялись своей участи.

Конечно можно указать много случаевъ, гдѣ среда остается безразличной, нейтральной. Бываютъ и такіе, когда близорукая толпа не понимаетъ своихъ истинныхъ интересовъ. Но я не стану на нихъ останавливаться, а прямо перейду къ тѣмъ случаямъ, когда среда и правитель одинаково понимаютъ предстоящую имъ задачу. Всякая задача можетъ быть выполнена различнымъ образомъ: хорошо, дурно или съ грѣхомъ пополамъ. Вотъ тутъ-то безспорно и сказывается то огромное вліяніе, какое имѣютъ нравственныя и умственныя способности правителя. Среда болѣе не сопротивляется; она отдаетъ себя въ его распоряженіе, — слѣдовательно польза, которая будетъ извлечена изъ нея, находится въ прямой зависимости отъ достоинствъ того, кто ею руководитъ. Франція XV вѣка желала вывести своего національнаго короля изъ его безвыходнаго положенія въ Буржѣ, поставить его во главѣ арміи и провести въ Реймсъ для коронованія. Жанна д'Аркъ выполняетъ требуемую задачу. Но можно-ли утверждать, что тѣ черты, которыя были присущи Жаннѣ д'Аркъ, всѣ особенности ея характера и степень умственнаго развитія не играли тутъ никакой роли и что при другомъ вождѣ событія не приняли-бы другого оборота, который, въ свою очередь, не повлекъ бы за собой цѣлый рядъ событій, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, какія были вызваны появленіемъ Жанны д'Аркъ?

Я допускаю — и даже не въ видѣ только уступки чужимъ мнѣніямъ — существованіе общаго теченія, вызывающаго появленіе личностей, вродѣ Жанны д'Аркъ. Но согласитесь же и вы, что дѣйствительная Жанна д'Аркъ въ своемъ лицѣ внесла въ общее теченіе нѣчто такое, что ускорило его, и что Катерина де-ла Рошель напр., будучи на ея мѣстѣ, можетъ-быть, не имѣла-бы одинаковаго успѣха.

Историкъ, имѣющій возможность прослѣдить событія прошлаго до полнаго ихъ назрѣванія, — преимущество, котораго лишены

дѣятели той эпохи,—рискуеть за то впасть въ заблужденіе особаго рода. Историкъ замѣчаетъ, что данному народу въ данный моментъ предстояло рѣшить ту или другую задачу, и если эта задача дѣйствительно оказывается выполненной, то онъ полагаетъ, что такой исходъ былъ предопредѣленъ заранѣе. Напр. при Карлѣ VII дѣло шло о спасеніи французской монархіи. Жанна д'Аркъ и явилась спасительницей. Отсюда предположеніе, что Жанна д'Аркъ дѣйствовала подъ вліяніемъ какой-то непреодолимой силы, что она была увлечена общимъ теченіемъ, силой вещей, гениемъ Франціи и т. п.

Къ сожалѣнію, исторія представляетъ намъ цѣлый рядъ задачъ, въ свое время требовавшихъ рѣшенія и все-таки нерѣшенныхъ. Въ Римѣ, во времена Гракховъ, слѣдовало положить предѣлъ захвату общественныхъ земель и пагубному размноженію крупныхъ помѣстій, латифундій. Этого требовало благо Рима и даже благо всего человѣчества; но эта необходимая реформа не была совершена.

Въ началѣ французской революціи для того, чтобы перейти отъ абсолютной монархіи къ монархіи конституціонной, слѣдовало найти рядомъ съ королемъ, неспособнымъ къ этой роли, лицо, пригодное къ ней. Такое лицо не было найдено. Логически необходимая, задача не была выполнена, тогда какъ, при подобныхъ-же переходныхъ обстоятельствахъ въ Англіи, она была благополучно рѣшена Вильгельмомъ Оранскимъ и даже у насъ, французовъ, Людовикомъ-Филиппомъ. Такихъ примѣровъ можно было-бы привести безчисленное множество. Нигдѣ въ исторіи, если отнестись къ дѣлу безъ предвзятой мысли, нельзя усмотрѣть такого положенія вещей, которое обязательно должно было-бы вызвать на сцену даннаго дѣятеля и привести къ данной развязкѣ.

Впрочемъ, высказавъ положеніе, что великіе люди въ своемъ движеніи впередъ слѣдуютъ только общему теченію, послѣдователи Монтескье не были вполне увѣрены, что совершенно устранили изъ исторіи все случайное, и поэтому прибавляли: «великіе люди въ концѣ концовъ являются лишь представителями своей страны; они воплощаютъ въ себѣ ея идеи, ея стремленія». И тутъ мы имѣемъ дѣло съ тезисомъ, который оказывается невѣрнымъ лишь потому, что слишкомъ одностороненъ. Что историческій дѣятель отчасти дѣйствуетъ, какъ представитель извѣстной среды,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; скажу даже болѣе, онъ дѣйствуетъ, какъ чловѣкъ, воплощающій общія стремленія. Но утверждать, что онъ не вноситъ въ исполненіе своей роли ничего особеннаго, исключительно ему свойственнаго,—это значитъ спорить

противъ очевидности. Какъ, неужели въ той миссиі, которую выполнила Жанна д'Аркъ, совсѣмъ не отразилась эта единственная въ своемъ родѣ индивидуальность, которую мы называемъ Жанной д'Аркъ! Неужели въ томъ, что совершенно Магометомъ, не видно именно Магомета, а въ эпопеѣ первой Имперіи нѣтъ ничего Наполеоновскаго? Какъ можно утверждать, что Наполеонъ только воплощаетъ идеи и стремленія своего времени, что онъ не болѣе, какъ представитель какого-то особаго духа, свойственнаго всѣмъ тогдашнимъ французамъ, что онъ даже не внесъ въ осуществленіе этихъ общесфранцузскихъ стремленій извѣстной, ему одному лишь присущей степени умственной силы! Согласитесь, что трудно допустить нѣчто подобное, а между тѣмъ приходится заходить такъ далеко или отказаться отъ всего тезиса.

Перенесите теорію общаго теченія въ будничную жизнь, примѣните ее къ частному лицу,—а я полагаю, что этого требуетъ простая логика,—и вы получите слѣдующій выводъ: индивидъ не имѣетъ никакого вліянія на свою собственную судьбу; онъ идетъ туда, куда влечетъ его общій потокъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ-ковъ взглядъ большинства людей на этотъ предметъ.

Охарактеризуемъ вкратцѣ ошибку, сдѣланную Монтескьё и повторяющуюся почти во всѣхъ сочиненіяхъ по философіи исторіи. Ошибка заключается въ томъ, что изслѣдователи этого рода пробовали обращаться съ событіями такъ, какъ можно обращаться лишь съ установленіями, т. е. хотѣли найти для нихъ научныя причины, или, проще выражаясь, основныя великія причины, съ устраненіемъ всѣхъ малыхъ причинъ или поводовъ. Подъ послѣдними подразумѣваютъ все то, что вызвано страстями или личными интересами дѣятелей, а подъ первыми—все, что имѣетъ своимъ источникомъ чувство или идеи, раздѣляемыя множествомъ людей. Принимая во вниманіе продолжительность дѣйствія и многообъемлющій характеръ причинъ этого рода, можно сказать, что эпитетъ великихъ вполне ими заслуженъ. Не трудно замѣтить, что великія причины соотвѣтствуютъ тому, что мы называемъ въ этой книгѣ установленіями.

Впрочемъ нѣкоторые историки, заслуживающіе названія философовъ, устояли противъ искушенія объяснять все великими причинами и счумѣли оцѣнить и роль малыхъ. Напр. Вольтеръ, котораго за такое отношеніе многія посредственности третировали свысока, и Паскаль, которому такъ часто ставили въ упрекъ его фразу о носѣ Клеопатры. Но ни Вольтеръ, ни Паскаль, ни какой-либо другой авторъ того-же направленія, насколько мнѣ извѣстно, не основывались на различіе между установленіями и событіями,

т. е. между элементами, постояннымъ и случайнымъ, перемѣняющимися въ исторіи. Не то, чтобы въ некоторымъ, напр. тому-же Вольтеру, эта идея была совершенно чужда; но она не представлялась имъ съ достаточной ясностью и главное не имѣла въ ихъ глазахъ надлежащаго значенія.

Впрочемъ ошибка, въ которую впали первые творцы философій исторіи, болѣе, чѣмъ простибельна. Можно сказать даже, что она была неизбежна въ томъ смыслѣ, что она обуславливается самой человѣческой природой. Въ фактахъ, касающихся насъ лично, самое важное для насъ—это предполагаемый результатъ: ихъ успѣхъ или неуспѣхъ, удача или неудача. Даже въ томъ случаѣ, когда мы являемся незаинтересованными въ дѣлѣ наблюдателями, мы все-таки прежде всего обращаемъ вниманіе на результатъ. Въ то время, какъ дѣль и средства говорятъ лишь нашему уму, результатъ дѣйствуетъ на наши чувства. Это—сторона, наиболѣе насъ волнующая. Естественно, что историки внесли въ свои изслѣдованія эту человѣческую слабость.

Другая склонность, также вполне естественная, повліяла на окончательное направленіе ихъ ума. Люди обыкновенно склонны думать, что факты, наиболѣе потрясающіе ихъ, были предопредѣлены заранѣе. Когда человѣкъ постигаетъ непредвидѣнное несчастье, неожиданная смерть, его умъ отказывается видѣть въ этомъ простую случайность: онъ усматриваетъ тутъ, почти противъ воли, дѣйствіе глубокихъ причинъ. Мы всѣ похожи на г-жу де-Севинье, убѣжденную, что ядро, поразившее Тюрсня, было припасено для него въ глубинѣ вѣковъ. Когда мы созерцаемъ страшныя катастрофы, разразившіяся надъ дѣльными народами, эта естественная склонность проявляется еще сильнѣе. По отношенію къ такимъ великимъ организмамъ мы еще болѣе считаемъ себя обязанными доискиваться глубокихъ причинъ.

Для людей, вѣрящихъ въ Провидѣніе, причина выясняется сама собою; они видятъ во всемъ Промыслъ Божій. Волею Божества Боссютъ объясняетъ паденіе Рима, какъ объясняютъ сию множество людей свои личныя невзгоды. Тѣ, которые утратили вѣру, замѣняютъ идею Промысла другой идеей,—идеєю заслуги; каждый человѣкъ самъ создаетъ свою судьбу, говоритъ народная поговорка. Монтескьё, доказывающій, что Римъ долженъ былъ побѣдить, благодаря своимъ нравамъ, въ сущности разсуждаетъ вполне въ духѣ этой поговорки.

Но вѣримъ-ли въ Провидѣніе или заслуги, нами руководить одно и то же чувство. Всѣмъ намъ вообще и каждому въ частности непріятно быть игрушкой случайности. Сознаніе, что

наши несчастія вызваны глубокими причинами, отчасти утѣшаютъ насъ и въ то же время льстятъ нашему самолюбію.

Ложный путь, на который вступила философія исторіи, выяснится для насъ еще болѣе, если сравнить его съ путемъ, избраннымъ недавно народившеюся наукою—соціологіею. Соціологія не стремится проникнуть въ тайны судебъ каждаго народа. Она старается только выяснить его установленія, ихъ сходство у разныхъ народовъ или ихъ преемственность у даннаго народа. Благодаря такой постановкѣ вопроса, соціологіи удалось сдѣлать нѣкоторые эмпирическія обобщенія, которыя можно считать уже наукой, хотя и въ зачаточномъ состояніи. Но зато соціологія обращаетъ слишкомъ мало вниманія на событія, т. е. на случайное въ исторіи. Ей слѣдовало-бы считаться съ ними въ большей степени, чтобы выяснить съ точностью ту долю вліянія, какую событія оказываютъ на установленія.

ГЛАВА II.

Связь между психологіей и исторіей.

Человѣкъ вообще есть предметъ психологіи. — Связь между исторіей и психологіей. — Психологія снабжаетъ исторію объясненіями въ научномъ смыслѣ этого слова и кромѣ того доставляетъ критерій для удостовѣренія подлинности ея свидѣтельствъ. — Исторія въ свою очередь доставляетъ психологіи факты, придающіе послѣдней точность и обогащающіе ее. — Связь между психологіей и исторіей часто упускалась изъ виду учеными въ тѣсномъ смыслѣ и не признавалась многими соціологами. — Ошибки Вико, Краузе и Спенсера въ этомъ отношеніи.

Припомнимъ то, что было сказано нами раньше: человѣкъ вообще — не реальность, а истина. О чемъ трактуютъ сочиненія по анатоміи и физиологіи? О единичныхъ личностяхъ, напр. о Петрѣ или Иванѣ, или о свойствахъ, присущихъ данной національности, каковы англичане или испанцы, или, можетъ быть, о человѣкѣ данной эпохи, какъ напр. о французѣ XVIII или XIX вѣка? Біологія знаетъ только человѣка вообще. А если послѣдній существуетъ, если даже, съ точки зрѣнія біологіи, онъ одинъ только и существуетъ, то нужно признать, что и съ точки зрѣнія психологіи человѣкъ вообще существуетъ такъ же безспорно, такъ какъ первый обуславливаетъ собой второго. Оба они нераздѣльны, какъ лицо и изнанка одной и той же ткани.

Знакомство съ человѣкомъ вообще составляетъ спеціальнѣйшій

предметъ одной науки, названіе которой читатель безъ сомнѣнія уже отгадалъ.—именно психологіи. Не скажу, чтобы послѣдняя была уже вполне законченной наукой, но можно-ли это сказать вообще про какую бы то ни было науку? Еще Контъ отрицалъ существованіе психологіи, какъ отдѣльной науки, и даже въ настоящее время нѣкоторые слишкомъ усердные послѣдователи его или биологи, слишкомъ высоко ставящіе свою, спеціальность, придерживаются того же взгляда. Но послѣ опроверженія Стюарта-Милля, послѣ авторитетныхъ трудовъ Бэна, Спенсера, Тэна, Рибо и многихъ другихъ мнѣніе это окончательно не выдерживаетъ критики.

Уже въ силу того, что человѣкъ вообще заимствованъ исторіей у психологій, мы приходимъ къ существенной для насъ мысли о связи, существующей между обѣими этими науками. Намъ становится ясно, что психологія, какъ наука, болѣе отвлеченная и логически предшествующая исторіи, должна постоянно приходить ей на помощь, и что историкъ обязанъ постоянно и систематически пользоваться ею. Истины психологическія оказываютъ исторіи двойное содѣйствіе:

1) Широкое историческое сходство, будучи вполне констатировано, можетъ быть объяснено въ научномъ значеніи этого слова и стать истиной или, говоря иначе, историческимъ закономъ лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ приведено въ связь съ болѣе широкими во всякомъ случаѣ истинами психологій. Говоря короче, психологія прежде всего заключаетъ въ себѣ объясненіе исторіи.

2) Психологія доставляетъ исторіи критерій, пробный камень. Постоянныя свойства, присущія человѣку и указываемыя психологіей, позволяютъ намъ провѣрить возможность или вѣроятность того, что утверждаютъ летописцы.

Благодаря недостаточному знанію человѣческой природы, наши ученые обнаруживаютъ иногда такое легковѣріе, которое напоминаетъ древнихъ авторовъ, передающихъ съ полной довѣрчивостью самыя фантастическія вещи. Чудесное, допускаемое нашими историками, конечно другого рода, но оно вполне равносильно чудесамъ древнихъ: такъ напр., цѣлымъ народамъ приписываются качества или способности, которыми человѣкъ въ массѣ никогда не обладалъ, по крайней мѣрѣ въ означенной степени. Такимъ образомъ одни вѣрятъ въ добродѣтели древнихъ римлянъ, другіе—въ добродѣтели германцевъ (уваженіе къ женѣ и т. п.), третьи—въ художественный геній афинскаго народа, четвертые наконецъ—въ челоѣколюбивый характеръ среднихъ вѣковъ. Есть и такіе, которые вѣрятъ въ мудрость китайцевъ или метафизику друидовъ.

Съ своей стороны, исторія много содѣйствовала обоснованію психологіи. Къ ней часто обращались за справками, когда желали выдѣлить черты, присущія всему человечеству: она и по настоящее время продолжаетъ оказывать психологіи большія услуги. Услуги эти главнымъ образомъ заключаются въ возможности провѣрить и точнѣе выяснить психологическія истины. По отношенію къ этимъ послѣднимъ исторія является пробнымъ камнемъ, такъ какъ психологія не можетъ считаться совершенно законченной наукой, какъ и философія естественныхъ наукъ, какъ и вообще всякая другая наука. И здѣсь все находится еще въ состояніи броженія, происходитъ непрерывный процессъ пополненія знаній и ихъ провѣрки.

Связь между психологіей и исторіей, польза, которую послѣдняя можетъ извлечь изъ первой, хотя и признаются въ принципѣ нѣкоторыми историками и глубокими мыслителями, но въ большинствѣ случаевъ совершенно не замѣчаются или даже просто отрицаются.

Возьмемъ прежде всего ученыхъ въ тѣсномъ смыслѣ. Если подобный ученый скромно ограничивается установленіемъ фактовъ, что уже само по себѣ составляетъ почтенную и трудную задачу, то мы противъ этого ничего не имѣемъ. Психологія для него излишняя роскошь. Но тѣмъ изъ нихъ, которые, помимо установленія фактовъ, доискиваются еще мотивовъ, руководившихъ ихъ виновниками, знакомство съ этою наукой рѣшительно необходимо. Если они не запаслись тѣми общими свѣдѣніями, которыя доставляются психологіей и которыя необходимы для выполненія ихъ задачи, то они такъ-же мало подготовлены къ ней и столько-же заслуживаютъ порицанія, какъ и тотъ ученый, который, посвятивъ себя однимъ фактамъ, пренебрегъ изученіемъ нужныхъ языковъ или не ознакомился съ необходимыми документами. Между тѣмъ въ ученѣмъ мірѣ осуждаютъ лишь тѣхъ, которые провинились въ послѣднемъ смыслѣ; въ первомъ-же можно грѣшить, сколько угодно, не вызывая никакого порицанія.

Съ своей стороны, историки-философы и соціологи дѣлаютъ ошибку болѣе существеннаго характера.

Констатировавъ извѣстное однообразное явленіе, какъ напр. коддовство, встрѣчаемое у многихъ народовъ, или неограниченность власти, принадлежавшей отцу семейства какъ въ Римѣ, такъ и въ Китаѣ, соціологи должны были задать себѣ вопросъ, насколько они выполнили свою задачу и заслуживаютъ-ли полученныхъ ими обобщенія названія соціальныхъ законовъ? Будучи знакомы съ естественными науками, они поняли, что однообразіе не есть еще законъ, а только то, что въ этихъ наукахъ называется

эмпирическимъ обобщеніемъ, и что послѣднее становится закономъ только въ томъ случаѣ, если оно приводится въ связь, въ качествѣ слѣдствія, съ причиной, съ истиной высшаго порядка, которая объясняетъ его въ научномъ смыслѣ этого слова, т. е. господствуетъ надъ нимъ, устанавливаетъ его предѣлы. Вотъ классическій примѣръ: паденіе тѣла на поверхность земли, представляющее эмпирическое обобщеніе, становится закономъ, когда будетъ доказано, что оно является однимъ изъ случаевъ всемірнаго тяготѣнія. Итакъ, социологи задали себѣ вопросъ—съ какими явленіями высшаго порядка слѣдуетъ привести въ связь тѣ случаи однообразія, которые констатируются социологіей? (Они знали, что эти явленія должны находить себѣ объясненіе въ другой болѣе общей наукѣ, точно такъ-же, какъ напр. химія и физика содержатъ въ себѣ явленія, объясняющія біологію. Слѣдовательно вопросъ для нихъ получалъ слѣдующую постановку: какъ называется наука, предшествующая социологіи и объясняющая социальныя явленія?)

На этотъ вопросъ послѣдовали различные отвѣты. Я не намѣренъ дать здѣсь подробную исторію социологіи, такъ какъ для моей цѣли достаточно краткаго очерка. Я отмѣчу лишь главные рѣшенія, причемъ приведу ихъ не въ порядкѣ ихъ исторической послѣдовательности, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ каждое изъ нихъ приближается къ намѣченной мною цѣли. Прежде всего я вспоминаю Вико, провозгласившаго свою теорію *corsi e ricorsi*^{*)}, и мнѣ не трудно догадаться, что, разсуждая по одной лишь аналогіи, Вико будетъ искать объясненія социальныхъ и историческихъ явленій (конечно безпорядочно перепутанныхъ) въ предшествующей наукѣ, каковою для него будетъ астрономія. Рядомъ съ Вико я ставлю Сенъ-Симона. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній специально выдумалъ что-то вродѣ закона притяженія, будто-бы господствующаго въ исторіи, параллельно съ притяженіемъ, констатированнымъ въ мірѣ физическомъ. Однако другіе изслѣдователи не прибѣгаютъ къ такимъ отдаленнымъ естественнымъ наукамъ и остаются ближе къ человѣку. Эти послѣдніе строятъ гипотезы вродѣ Гексли, который усматриваетъ связь между строеніемъ человѣческихъ обществъ и химическими соединеніями тѣлъ.

Искать объясненія въ химіи—это уже лучше, чѣмъ обращаться съ этой цѣлью къ физикѣ. Но еще до появленія гипотезы Гексли въ Германіи додумались обратиться къ наукѣ, еще болѣе близкой къ человѣку,—именно къ біологіи.

*) По этой теоріи всѣ народы проходятъ свой жизненный путь одинаковымъ образомъ, вслѣдствіе чего всеобщая исторія представляетъ собой вѣчный круговоротъ возвращающихся явленій.

Нѣмцы напали на мысль, что человѣчество, разсматриваемое въ своей совокупности, развивается подъ вліяніемъ особой, присущей ему внутренней силы, подобной той, которая заставляетъ дерево или животное достигнуть извѣстнаго роста, принять извѣстныя формы или, такъ сказать, осуществить извѣстный типъ. Нѣкоторая кажущаяся глубина этой идеи доставила ей много послѣдователей по ту сторону Рейна. Изъ нихъ особенно выдвинулся Краузе, изложившій ее съ наибольшей полнотой. Перенесенное въ Англію, ученіе Краузе нашло себѣ геніальнаго послѣдователя въ лицѣ Спенсера и, благодаря послѣднему, имѣло повсемѣстно огромный успѣхъ. Но, усвоивъ себѣ это ученіе, Спенсеръ значительно видоизмѣнилъ его. По Спенсеру, не все человѣчество цѣликомъ представляетъ существенное сходство съ организмомъ, а лишь каждое отдѣльное общество. Конечно въ этомъ новомъ видѣ идея Краузе кажется болѣе вѣроятной, но, по моему, она столь-же далека отъ истины. Прежде всего я выясню, въ чемъ заключается ошибка, лежащая въ ея основѣ. Эта ошибка того же рода, какая была сдѣлана Сентъ-Симономъ или Гексли, хотя она и ближе къ истинѣ на одну или на двѣ ступени. Дѣло въ томъ, что Спенсеръ ищетъ законовъ, объясняющихъ исторію, въ біологіи, тогда какъ найти ихъ можно лишь въ психологіи. Безъ сомнѣнія, психологія зиждется на біологіи, подобно тому, какъ эта послѣдняя основана на химіи и физикѣ. Но, когда дѣло идетъ о выясненіи законовъ исторіи, психологія, какъ наука объ отвлеченномъ человѣкѣ, о человѣкѣ вообще, является наукой, непосредственно ей предшествующей, между тѣмъ какъ біологія имѣетъ къ ней лишь посредственное отношеніе. По моему-же, истинно-правильный методъ требуетъ, чтобы законовъ явленій, происходящихъ въ нижнемъ этажѣ, искали въ этажѣ, лежащемъ непосредственно надъ нимъ. Минуя психологію, правда, уклоняются въ сторону нѣсколько менѣе, но, повторяю, это такого-же рода ошибка, какъ въ томъ случаѣ, когда обращаются къ химіи, минуя психологію и біологію, какъ это дѣлаетъ Гексли, или когда, подобно Вико, обращаются къ астрономіи, минуя химію и физикѣ.

Соціологи, полагаю, не станутъ отрицать, что основныя потребности человѣка вызвали большинство явленій и къ тому же явленія самыя важныя, самыя широкія, какими только заткана канва всемірной исторіи. Я разсмотрю здѣсь лишь двѣ изъ этихъ потребностей и покажу, съ какой точки зрѣнія ихъ слѣдуетъ изучать, чтобы можно было воспользоваться ими для объясненія исторіи.

Потребности, о которыхъ будетъ здѣсь рѣчь,—это потребность питанія и потребность половая.

Къ чему сводится съ точки зрѣнія біологіи потребность питанія? Къ измѣненію тканей. Это опредѣленіе позаимствовано нами изъ біологіи; психологія тутъ не при чемъ. Но я не вижу, чтобы самое мелочное и точное описаніе біологическихъ явленій могло принести соціологіи какую-нибудь пользу, могло помочь ей объяснить сколько нибудь значительную область историческихъ явленій. Та же самая потребность, съ точки зрѣнія психологіи, выражается ощущеніемъ голода. Основательное изученіе голода окажется очень полезнымъ для соціолога. Напр. послѣдній узнаетъ тогда, что физическія страданія, испытываемыя вслѣдствіе неудовлетворенія этой потребности, сопровождаются еще страданіями духовными, и что эти послѣднія сообщаютъ воспоминанію объ испытанномъ голодѣ такую силу, какой безъ нихъ оно никогда не могло-бы имѣть. А такъ какъ человѣческая предусмотрительность находится въ прямой зависимости отъ воспоминаній о тѣхъ страданіяхъ, которыхъ человѣкъ желаетъ избѣжать, то отсюда становится понятнымъ, что страхъ голода долженъ былъ быть всеобщимъ, ежеминутнымъ стимуломъ, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ до безконечности увеличилъ запасъ своихъ знаній и сдѣлалъ столько практическихъ открытій.

Случается нерѣдко, что человѣкъ, который, съ точки зрѣнія біологіи, долженъ былъ-бы испытывать сильную потребность въ пищѣ, не ощущаетъ голода; у него отсутствуетъ психическое сознаніе этой потребности. Бываетъ даже, что человѣкъ въ этомъ случаѣ чувствуетъ отвращеніе къ пищѣ и конечно соответственно съ этимъ и ведетъ себя. Теперь предположимъ, что такой исключительный случай представляетъ общее правило. Предположимъ, что люди, біологически имѣя потребность въ пищѣ, лишились психическаго сознанія этой потребности. Что-же случится тогда? Прежде всего человѣчество конечно перестало бы существовать. Но предположите, что какимъ-то чудомъ жизнь его бы продолжалась: въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, оно жило бы не такъ, какъ жило раньше, а изъ этого ясно, что и всеобщая исторія приняла-бы тогда совершенно другое направленіе.

Перейдемъ теперь къ потребности половой. По біологіи, это—потребность выдѣленія, по психологіи — стремленіе испытать очень непродолжительное, но очень сильное волненіе. Изучите въ біологическомъ отношеніи эту потребность и постарайтесь извлечь изъ этого хоть что-нибудь, что могло-бы про-

лить свѣтъ на историческіе факты, — напрасный трудъ! Насколько-же тщательное изученіе того-же явленія съ психической точки зрѣнія можетъ оказаться полезнымъ для исторіи и социологіи—это мы увидимъ ниже, въ главѣ о размноженіи.

И въ данномъ случаѣ бываетъ, что біологическая потребность остается психически несознанной. По словамъ медиковъ, у молодыхъ дѣвушекъ, не сознающихъ половой потребности, довольно часто происходитъ разстройство не только во вкусахъ и наклонностяхъ, но даже и въ органическихъ отправленияхъ. Сдѣлайте такое-же предположеніе, какое мы сдѣлали выше, — вообразите, что человѣчество, не смотря на дѣйствительно присущую ему половую потребность, не признавало бы ея. Не полагаете-ли вы, что и въ данномъ случаѣ исторія человѣчества приняла бы другое направленіе?

Говоря короче, потребности дѣйствуютъ въ исторіи не какъ реальныя біологическія силы, а какъ сознанныя стремленія. По отношенію къ поступкамъ людей, потребность, которая не сознается, можетъ считаться какъ-бы не существующей. А изъ этого необходимо вытекаетъ слѣдующая основная истина: на исторію вліяютъ потребности не біологическія, а психическія.

Ошибка Спенсера имѣла свои неизбѣжныя послѣдствія. Въ-сто того чтобы открыть истинныя причины, лежащія въ основѣ обширныхъ группъ историческихъ явленій, онъ часто наталкивался лишь на интересныя аналогіи. Правда, къ этимъ аналогіямъ у него примѣшивается и довольно много важныхъ истинъ, но результатомъ этимъ Спенсеръ обязанъ лишь своему могучему уму, а не методу, такъ какъ невозможно привести эти истины въ прямую связь съ той господствующей идеей, изъ которой будто-бы онѣ вытекаютъ.

Уже съ XVIII вѣка былъ открытъ вѣрный путь къ законамъ исторіи и даже были сдѣланы значительные шаги по этому пути. Когда Тюрго напр. почти додумался до закона о трехъ послѣдовательныхъ періодахъ въ умственной жизни человѣчества, — закона, который Контъ разработалъ въ послѣдствіи, назвавъ эти періоды религіознымъ, метафизическимъ и научнымъ; когда тотъ-же Тюрго считалъ возможнымъ при помощи этого закона объяснить значительную часть исторіи, — развѣ онъ въ сущности не намекалъ этимъ самымъ на истинный методъ, на необходимость обратиться къ психологіи? Впрочемъ и Монтескьё, и Вольтеръ, и Тюрго, и Кондорсэ, и даже самъ Контъ (который, какъ это ни странно, даже не признавалъ психологіи), — словомъ, вся французская историческая школа пошла по тому же пути, который и слѣдуетъ считать истиннымъ. Однако, въ сравненіи съ нѣмецкой, француз-

ская философія кажется нѣсколько поверхностной, что и вводило многихъ въ заблужденіе. Нѣмцы кажутся болѣе глубокомысленными, потому что они ищутъ высоко, слишкомъ даже высоко, того, чего другіе ищутъ на надлежащей высотѣ.

Безъ сомнѣнія, явленія, составляющія предметъ исторіи, какъ науки, косвенно обусловливаются явленіями, входящими въ кругъ первичныхъ наукъ—физики, химіи, біологіи. Безъ этихъ послѣднихъ не было-бы и первыхъ. Но если желаешь объяснить ихъ, то надо обязательно обратиться къ посредничеству психологіи. Соціальныя явленія должны прежде всего быть выражены на языкѣ психологіи, а тамъ уже, если возможно, вамъ предоставляется полная свобода выразить и самыя психическія явленія на языкѣ біологіи. Этотъ методъ, по моему мнѣнію, долженъ примѣняться съ большою строгостью.

ГЛАВА III.

Человѣкъ вообще съ точки зрѣнія психологіи.

I.

Краткое поясненіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ человѣкомъ вообще.—Общія и постоянныя побудительныя причины: мотивъ эконоическій, половой, симпатическій, мотивъ чести, художественный, научный.—Опредѣленіе каждой изъ этихъ побудительныхъ причинъ.—Ихъ отличительныя черты.

Необходимо болѣе или менѣе точно опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ тѣмъ человѣкомъ, котораго исторія заимствуетъ изъ психологіи. Другими словами, мы постараемся дать здѣсь краткій перечень результатовъ, добытыхъ психологіей, насколько это необходимо для пониманія исторіи.

Всякое дѣйствіе, всякое стремленіе человѣка, направленное къ достиженію какой-либо цѣли, имѣетъ свою причину. Въ основѣ ихъ лежитъ какое-нибудь психическое состояніе, которое мы назовемъ потребностью. И такъ,—все, что внутренне побуждаетъ человѣка дѣйствовать, будетъ для насъ потребностью.

Предметы, къ достиженію которыхъ направлена человѣческая дѣятельность, крайне разнообразны. Но существуетъ-ли столько-же потребностей, сколько есть предметовъ? Можемъ ли мы на-примѣръ сказать о человѣкѣ, охотящемся за буйволомъ или

разводящемъ овецъ, что у него есть потребность въ буйволѣ, потребность въ овцахъ?

Нѣтъ, мы употребимъ, говоря о немъ, общее выраженіе: мы скажемъ, что у него есть потребность питанія. Но какъ мы дошли до этого обобщенія? Дѣло въ томъ, что мы замѣтили существенное на нашъ взглядъ сходство между всѣми столь различными предметами, какъ напр. мясо, хлѣбъ, плоды, овощи и т. п., которыхъ добывается человѣкъ для своего питанія.

Хотя впечатлѣнія, вызываемыя этими различными предметами, нѣсколько отличаются другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе всѣ они имѣютъ между собой основное сходство и сильно отличаются отъ другихъ впечатлѣній, какъ напримѣръ отъ тѣхъ, которыя вызываются женщиной. Такимъ образомъ, чтобы уяснить себѣ различныя потребности, свойственныя человѣческой природѣ, мы внимательно разсмотримъ вызываемый ими родъ волненія (эмоціи): сколько окажется различныхъ волненій, столько же мы можемъ насчитывать и потребностей.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣнью потребностей, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Когда какая-нибудь потребность удовлетворена, человѣкъ испытываетъ волненіе *sui generis*, болѣе или менѣе пріятнаго свойства; когда она неудовлетворена, испытывается волненіе *sui generis*, болѣе или менѣе непріятное. Непріятная эмоція должна быть принята въ расчетъ въ такой-же степени, какъ и пріятная.

Первая изъ нашихъ потребностей обнаруживается, именно благодаря непріятному ощущенію въ случаѣ ея неудовлетворенія. Я имѣю въ виду то ощущеніе, которое испытываетъ человѣкъ при затрудненномъ дыханіи. Это волненіе и обнаруживаетъ потребность дыханія.

Мы уже указали на потребность питанія. Третье мѣсто принадлежит половой потребности, столь-же очевидной, какъ и двѣ первыя. Далѣе, наши руки, ноги и всѣ наши чувства имѣютъ потребность дѣятельности, — потребность, ощущаемую, правда, не такъ ясно, но тѣмъ не менѣе бесспорно существующую. Мы назовемъ ее потребностью упражненія. Даже наша кожа имѣетъ свою потребность, такъ какъ нуждается въ извѣстной теплотѣ и сухости. Вотъ группа физическихъ потребностей.

Человѣкъ содѣйствуетъ ихъ удовлетворенію безконечно-разнообразными дѣйствіями, которыя мы однако можемъ подвести подъ одну рубрику. Мы смѣло можемъ сказать, что человѣкъ удовлетворяетъ свои тѣлесныя потребности при помощи *промышленности*.

Точно также я считаю полезнымъ объединить въ одну группу, съ одной стороны, всѣ стремленія, вытекающія изъ тѣлесныхъ

потребностей, за исключеніемъ одной, а съ другой—всѣ соотвѣтствующія имъ промышленныя начинанія. Эта обширная группа, отличающаяся яснымъ и рѣзкоочерченнымъ характеромъ, управляется мотивомъ *экономическимъ*.

Я сказалъ: «за исключеніемъ одной». Потребность, выдѣленная мною изъ предыдущей группы, есть потребность половая, такъ какъ она побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, имѣющей совершенно другой характеръ, чѣмъ та, которую мы называли промышленною. — Эта особая тѣлесная потребность вмѣстѣ съ обусловленнымъ ею родомъ дѣятельности образуетъ для насъ группу, управляемую *половымъ* стремленіемъ.

Натуралисты говорятъ, что человѣкъ—животное стадное, или, выражаясь иначе, что человѣкъ имѣетъ потребность видѣть во-кругъ себя другихъ людей. Одиночество въ большинствѣ случаевъ ему непріятно. Слѣдуетъ поэтому подвергнуть анализу эту сильную потребность, которая въ сущности является потребностью испытывать разнообразныя ощущенія. Прежде всего помощь и сотрудничество другихъ людей представляются человѣку полезными и даже необходимыми въ матеріальномъ отношеніи, и съ этой точки зрѣнія потребность его въ обществѣ подобныхъ ему субъектовъ принадлежитъ къ группѣ явленій, управляемыхъ *экономическимъ* интересомъ. Но человѣкъ не только нуждается въ помощи ближняго, — послѣдній ему необходимъ и какъ предметъ привязанности. Человѣку пріятно любить. Ему хочется видѣть, что переживаемыя имъ волненія раздѣляются и окружающими его людьми, онъ хочетъ и самъ принять участіе въ ихъ волненіяхъ. Ему необходимо, какъ активно, такъ и пассивно, упражнять ту изъ своихъ способностей, которая извѣстна подъ названіемъ *симпатіи*. Но ему пріятно также ненавидѣть, и въ извѣстной степени онъ даже чувствуетъ потребность внушать антипатію и бороться съ окружающими. И въ исторіи, и въ частной жизни мы, къ сожалѣнію, очень часто наталкиваемся на факты, безспорно доказывающіе существованіе этой потребности. Все, что имѣетъ связь съ этимъ новымъ рядомъ явленій, мы отнесемъ къ группѣ, управляемой *симпатическимъ* мотивомъ.

Къ этому роду волненія примыкаетъ другой, родственныи ему, но въ то же время очень ясно различающійся отъ него: каждый человѣкъ желаетъ, даже страстно желаетъ, увидѣть въ своемъ ближнемъ нѣчто вродѣ собственнаго отраженія. Онъ очень дорожитъ уваженіемъ другихъ и боится противоположнаго отношенія: презрѣніе ближняго для него тягостно, иногда даже прямо невыносимо. Чтобы избѣжать одного и добиться другого, чело-

вѣкъ подчасъ готовъ совершать самыя трудныя вещи. Дѣйствія, вытекающія изъ этого стремленія, управляются *мотивомъ чести*.

Повидимому всѣ другія потребности, проявляемыя человекомъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, представляютъ лишь различныя комбинаціи разсмотрѣнныхъ нами выше. Напримѣръ властолюбіе, которое Бэнъ считаетъ особой побудительной причиной, кажется, является сочетаніемъ стремленій, вызываемыхъ побужденіями экономическими, мотивомъ чести и симпатическимъ чувствомъ, взятыми въ пропорціяхъ, которыя видоизмѣняются для каждаго даннаго индивида.

Бываютъ часы, напримѣръ послѣ хорошаго обѣда, когда человекъ чувствуетъ какую-то особенную интенсивность жизни. При этомъ испытывается своего рода горделивая радость, иногда даже немного грубая. У нѣкоторыхъ людей въ это время является сильнѣйшее желаніе перескочить чрезъ ровъ, укротить необузданнаго коня, сломать или уничтожить какой нибудь предметъ — этимъ они какъ бы доказываютъ свою власть надъ природой. Назовемъ это чувство органическимъ сознаніемъ. Къ волненіямъ этого рода часто присоединяется особаго рода любопытство. Личность сравниваетъ себя съ собой-же въ двѣ различныя эпохи своего существованія, и испытываемое при этомъ волненіе представляетъ нѣкоторымъ образомъ одно изъ первыхъ проявленій столь пріятнаго и сильнаго чувства, — чувства личнаго прогресса. Потому она сравниваетъ себя съ другими личностями и такимъ образомъ составляетъ себѣ представленіе о самой себѣ, радуящее ее въ томъ случаѣ, если оно оказывается благопріятнымъ.

Но другіе люди составили себѣ о ней свое собственное мнѣніе, и если оно не соотвѣтствуетъ ея мнѣнію, то она испытываетъ мучительное чувство. Нѣкоторые люди переносятъ подобное разочарованіе терпѣливо, но большинство не можетъ съ нимъ примириться.

Сохранить довольство собой, не смотря на порицаніе другихъ, — вотъ что называется обладать гордостью. Гордостью же называютъ довольство собой, когда его не стараются скрывать или когда оно проявляется слишкомъ замѣтно, хотя бы и въ границахъ дозволеннаго.

Изъ всего этого ясно, что самодовольство — чувство сложное. Оно заключаетъ въ себѣ особое внутреннее ощущеніе — нѣчто родитъ чувства физической жизни, и элементъ умственный — результаты размышленій о самомъ себѣ и наблюденій надъ другими съ цѣлью сравнить ихъ съ собой.

Ежедневно, втеченіе всей своей жизни, можно сказать

почти ежеминутно, человекъ, по совершеніи дѣйствія или предварительно, справляется съ мнѣніемъ другихъ. Онъ старается уяснить себѣ, какое впечатлѣніе произведено тѣмъ, что онъ совершилъ, или же предвидѣть то впечатлѣніе, которое произведутъ его будущіе поступки. Такимъ образомъ онъ ежеминутно создаетъ себѣ представленіе объ окружающей его средѣ и постоянно носитъ это представленіе въ себѣ. Это именно то, что моралисты называютъ совѣстью — воображаемый судъ, передъ которымъ человекъ во всякую минуту защищаетъ свои поступки. Если онъ не всегда оправдывается этимъ судомъ, то потому что не можетъ избрать себѣ суда по своему личному произволу. Объективныя идеи возникаютъ у насъ произвольно. Окружающая дѣйствительность надѣляетъ судъ чертами, которымъ воображеніе должно подчиниться. Иногда черты эти отчасти напоминаютъ какую-нибудь личность, уваженіе, которой особенно цѣнно для насъ, а порицаніе особенно страшно.

Необходимо объяснить одно явленіе, повидимому противорѣчащее только-что описанному. И въ прошломъ, и въ настоящее время мы видимъ людей, имѣющихъ свои особые взгляды, которые идутъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, и навлекающихъ на себя ими ненависть, презрѣніе, иногда даже наказанія и смерть. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что подобные люди лишены одного изъ основныхъ стимуловъ?

Хотя на первый взглядъ онъ кажется парадоксальнымъ, но и этотъ исключительный типъ можетъ быть объясненъ. Прежде всего надо полагать, что подобные люди обладаютъ очень сильнымъ органическимъ сознаниемъ, не располагающимъ ихъ къ подчиненію. Если человекъ вообще любитъ жить съ другими въ мирѣ и согласіи, то онъ любитъ также враждовать и бороться. Тотъ, кто обладаетъ мужествомъ, любитъ повтому приключенія, дающія ему возможность открыто проявлять это свойство. Навлечь на себя преслѣдованія—это значитъ добиться своего рода отличія. Нѣкоторымъ людямъ пріятнѣе подвергаться особому, хотя бы и жестокому, обращенію, чѣмъ пользоваться обыкновенной дозой уваженія, какимъ пользуются всѣ придерживающіеся господствующихъ взглядовъ.

Общественное мнѣніе можно упрекнуть въ томъ, что оно часто оказывается непостояннымъ и противорѣчивымъ по отношенію къ одному и тому же факту; тамъ, гдѣ одинъ хвалитъ, другой порицаетъ; толпа сегодня осуждаетъ то, что вчера еще превозносила. Такое непостоянство замѣчается даже обыкновеннымъ человекомъ, но еще сильнѣе оно должно бросаться въ глаза

человѣку исключительно; по мѣрѣ расширенія его кругозора, его личная совѣсть беретъ верхъ. Онъ начинаетъ презирать окружающую среду и вѣрить только въ самого себя.

Впрочемъ и у такихъ людей никогда не угасаетъ надежда на наступленіе такого времени, когда общественное мнѣніе само станетъ на сторону ихъ личной совѣсти. Нѣтъ такого пророка или новатора, который бы вначалѣ не попытался приобрести себѣ учениковъ и составить секту. Если онъ терпитъ неудачи въ настоящемъ, то у него остается еще будущее. На этой почвѣ, гдѣ опытъ не можетъ разочаровать его, онъ непобѣдимъ; онъ видитъ себя въ воображеніи окруженнымъ толпой сторонниковъ, поклоняющихся ему тѣмъ усерднѣе, чѣмъ сильнѣе его преслѣдуютъ современники.

Существовалъ-ли когда-нибудь человѣкъ, который согласился бы сносить ненависть и презрѣніе своихъ современниковъ, сознавая въ то же время, что такая же участь ждетъ его и со стороны потомства, безъ исключенія? Фактически этотъ вопросъ неразрѣшимъ, но съ психологической точки зрѣнія утвердительный отвѣтъ не выдерживаетъ критики *).

Короче говоря, личная совѣсть въ данномъ случаѣ достигаетъ нѣкотораго примиренія съ своимъ обычнымъ противникомъ, общественнымъ мнѣніемъ, создавая себѣ идеальное общественное мнѣніе. Это явленіе играетъ въ исторіи огромную роль. Поклоненіе публики будущаго—вотъ что было поддержкой для всѣхъ новаторовъ, которые въ концѣ концовъ одни не допускаютъ въ исторіи застоя и содѣйствуютъ ея эволюціи.

И это важное явленіе, не смотря на нѣкоторыя кажущіяся противорѣчія, слѣдуетъ отнести къ группѣ явленій, управляемыхъ *мотивомъ чести*.

Человѣкъ до такой степени любитъ чувствовать, что живетъ, у него такая жажда волненій, что одной реальной жизни ему недостаточно. Этотъ источникъ ему кажется слишкомъ бѣднымъ, и вотъ онъ создаетъ себѣ воображаемую жизнь или, вѣрнѣе, онъ снова переживаетъ съ помощью воображенія свою дѣйствительную жизнь. Онъ изображаетъ ее мимически; онъ разыгрываетъ ее, передаетъ въ пѣняхъ и разсказахъ, конечно не безъ прикрасъ и прибавленій. Дикарь, которому такъ часто приходится воевать, переживаетъ въ пляскѣ воображаемыя сраженія; точно также онъ

*) Необходимо замѣтить, что эти будущіе поклонники всегда рисуются воображеніемъ похожими на людей, принадлежащихъ какому нибудь предшестующему періоду или другому народу.

пляшеть, изображая любовь, половое удовлетвореніе. Человѣкъ цивилизованный идетъ въ театръ, чтобы увидѣть свои собственные поступки, нравы, установленія, — словомъ, всѣ реальные факты своей жизни въ перемежку съ такими, которыхъ не было въ дѣйствительности. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ играетъ роль *мотивъ художественный*.

Остается еще потребность, первоначально очень слабая, но усиливающаяся съ теченіемъ времени. Человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности и вообще можетъ жить лишь благодаря тому, что умъ его ежеминутно работаетъ, открываетъ сходства между предметами, подмѣчаетъ различія, вспоминаетъ пережитое и предвидитъ будущее. Но мозговой аппаратъ, органъ этихъ умственныхъ операцій, подобно другимъ аппаратамъ, имѣетъ извѣстную самопроизвольность, побуждающую человѣка къ дѣятельности и въ силу того удовольствія, которое доставляется простымъ упражненіемъ даннаго органа. Увидѣть новый предметъ, открыть, что два предмета, повидимому сходныхъ, въ дѣйствительности непохожи, а различные предметы имѣютъ между собой сходство, унести въ воображеніи въ прошлое или представлять себѣ будущее—все это само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ насущнымъ потребностямъ, представляетъ особую, правда, слабую и колеблющуюся, но тѣмъ не менѣе безспорно существующую побудительную причину, которую можно было-бы назвать любознательностью, но которую, въ виду ея послѣдствій, я назову *мотивомъ научнымъ*.

Заканчивая это обзорѣніе, я долженъ сдѣлать два важныхъ замѣчанія. Всѣ эти различныя потребности сливаются въ одну, можно сказать, основную силу—въ жажду волненія, которая безусловно тождественна съ тѣмъ, что называютъ любовью къ жизни. Страхъ смерти есть не что иное, какъ страхъ ничего не чувствовать. Съ другой стороны, всякое волненіе подчиняется особому закону, заключающемуся въ томъ, что оно ослабѣваетъ отъ продолжительности или повторенія, пока совсѣмъ не перестаетъ ощущаться, — закону, который Бэнъ назвалъ относительностью. Для человѣка, желающаго всегда чувствовать, что онъ живетъ, и чувствовать какъ можно сильнѣе, изъ этого вытекаетъ еще одна послѣдняя потребность, какъ-бы досягающая надъ всеми другими: потребность перемены. Эта послѣдняя играла въ исторіи такую крупную роль, что игнорировать ее нельзя.

II.

Подъ вліяніемъ этихъ разнообразныхъ мотивовъ человѣкъ преслѣдуетъ свои цѣли въ средѣ естественной и въ средѣ соціальной, которыя въ одно и то же время оказываютъ ему содѣйствіе и сопротивленіе. — Отношеніе къ нему среды или обстоятельства обуславливаютъ собой тотъ или другой образъ дѣйствій. — Така какъ обстоятельства познаются умомъ, то необходимо познакомиться съ его основными свойствами. — Законъ ассоціаціи представленій. — Постоянное стремленіе къ ассоціаціи. — Психическая одновременность.

Подъ вліяніемъ одной изъ этихъ побудительныхъ причинъ человѣкъ стремится къ данной цѣли, причемъ его дѣятельность происходитъ какъ въ средѣ естественной, такъ и въ средѣ соціальной, оказывающихъ ему въ одно и то же время и помощь, и сопротивленіе. Эти формы сопротивленія и содѣйствія мы назовемъ общимъ именемъ *обстоятельствъ*.

Обстоятельства вызываютъ данный образъ дѣйствій и отелояютъ отъ другого. Возьмемъ для примѣра потребность въ пищѣ, подъ вліяніемъ которой человѣкъ стремится овладѣть какимъ-нибудь животнымъ. Если мы будемъ изучать проявленія этой потребности въ равнинахъ Сѣверной Америки, то встрѣтимся съ обстоятельствами особаго рода. Здѣсь требуемое животное — буйволъ; привычки этого животного, родъ оружія, необходимаго для охоты за нимъ, опасности, которымъ подвергаются охотники, — все это обуславливаетъ совершенно другую охоту, чѣмъ напр. охота за кенгуру въ лѣсахъ Австраліи или собираніе раковинъ на рифахъ Океаніи. Но обстоятельства, какими въ данномъ случаѣ являются буйволъ и его нравы, оказываютъ свое вліяніе лишь въ томъ случаѣ, если они сознаны умомъ. Только при посредствѣ ума обстоятельства возбуждаютъ хотѣніе, диктуютъ тотъ или другой образъ дѣйствій. Такимъ образомъ, различая умъ отъ воли, мы должны сказать, что посредничество ума является всеобщимъ и неизбѣжнымъ условіемъ дѣятельности.

Итакъ, намъ приходится обратиться къ психологій, чтобы познакомиться съ основными чертами, свойственными нашей умственной дѣятельности. Изъ этой науки мы узнаемъ о существованіи великаго вполне установленнаго закона, извѣстнаго подъ названіемъ закона *ассоціаціи представленій*.

Всякое представленіе о предметѣ обладаетъ силой вызывать другія второстепенныя представленія (второстепенныя, въ смыслѣ момента ихъ зарожденія).

Когда какое-нибудь представление вызываетъ въ нашемъ умѣ другое представление, то это значитъ, что второе представление отвѣчаетъ одному изъ трехъ слѣдующихъ требованій: 1) Реальный предметъ второго представленія по крайней мѣрѣ хоть разъ въ жизни представился намъ рядомъ съ предметомъ перваго. Такъ, изображеніе одного дома вызываетъ тотчасъ-же представленіе о другомъ, смежномъ. Вспомнивъ о гостѣ, посѣтившемъ меня наканунѣ въ два часа, я вспоминаю и о книгѣ, которую читалъ тотчасъ-же послѣ его ухода. Въ обоихъ этихъ случаяхъ причиной ассоціаціи представленій о предметахъ служить ихъ дѣйствительная смежность во времени или въ пространствѣ. 2) Предметъ второго представленія имѣетъ какое нибудь сходство съ предметомъ перваго, напр. портретъ одной особы вызываетъ въ моемъ умѣ черты другой особы, которой я никогда не видалъ рядомъ съ первой, но которая на нее похожа. На этотъ разъ причиной, вызывающей второе представленіе вслѣдъ за первымъ, является присущее предметамъ сходство. 3) Со мной въ данную минуту случилась какая-нибудь непріятность. Если я, подъ вліяніемъ ея, поддамся горестнымъ думамъ, то мнѣ вспомнится цѣлый рядъ другихъ уже пережитыхъ непріятностей, хотя онѣ въ свое время произошли совершенно отъ другихъ причинъ. Если я гнѣваюсь на кого нибудь за недавно сдѣланное мнѣ зло, то у меня оживаютъ въ памяти и всѣ другія причиненныя имъ мнѣ обиды. Въ минуты хорошаго расположенія духа, вызваннаго пріятнымъ событіемъ, я вспоминаю и разные другіе пріятные случаи, усиливающіе мое хорошее настроеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предметы могутъ и не имѣть ничего общаго ни по смежности, ни по сходству: они объединяются общимъ чувствомъ, такъ какъ всѣ возникшія воспоминанія способны возбудить и поддерживать его.

Итакъ, прежде всего намъ слѣдуетъ запомнить одно: именно—постоянную склонность ума къ ассоціаціи представленій. Благодаря этой склонности, каждое стремленіе, находящееся на пути къ осуществленію, почти всегда встрѣчаетъ попутчиковъ: рядомъ съ нимъ въ нашей волѣ проявляются одно или нѣсколько другихъ стремленій. Они то содѣйствуютъ, то мѣшаютъ первому, а иногда даже могутъ побороть его. Напр. *А* встрѣчаетъ *Б*, прелестную молодую дѣвушку; онъ страстно желаетъ жениться на ней—вотъ первое стремленіе. Но это намѣреніе сталкивается съ представленіями, относящимися къ области экономическихъ побужденій или мотива чести. Предположимъ, что *А*—вельможа, живущій при дворѣ Людовика XIV, а *Б*—грязетка: очевидно, въ данномъ случаѣ произойдетъ сильная борьба

чувствъ. Если-же, напротивъ, *Б* будетъ дамой высшаго круга, то первое стремленіе дойдетъ до величайшаго напряженія.

Часто, подъ вліяніемъ даннаго стремленія, всѣ страсти, свойственныя человѣку, пробуждаются въ немъ и вступаютъ между собой въ борьбу. Во всякомъ случаѣ рѣдко случается, чтобы у человѣка господствовало одно стремленіе. Поэтому историкъ важнѣе всего знать слѣдующую истину: что-бы ни дѣлалъ человѣкъ, какъ-бы специально ни было то дѣло, которое занимаетъ его въ данную минуту, все его существо всегда готово вибрировать подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и ассоціаціи представленій. Какъ только въ человѣкѣ приходитъ въ движеніе одна сторона, всѣ остальные также приходятъ въ активное состояніе. Это явленіе, которое можно назвать психической одновременностью, необходимо постоянно имѣть въ виду.

ГЛАВА IV.

Безотлагательность.

Основные потребности, какъ побуждающія силы.—Теорія безотлагательности, неизвѣстная историкамъ.—Обзоръ потребностей и характеристика каждой изъ нихъ съ точки зрѣнія безотлагательности.

Основные потребности побуждаютъ насъ къ дѣятельности, такъ сказать, изнутри, но мы можемъ для большаго удобства представлять ихъ себѣ, какъ внѣшнія силы, которыя тянутъ и ведутъ насъ извнѣ. Эти постоянныя силы образуютъ первичные факторы исторіи. Пути, на которые они насъ толкаютъ, неизбежно расходятся и вслѣдствіе этого часто переименовываются. Иначе говоря, потребности уже въ силу того, что онѣ различаются по своимъ предметамъ, имѣютъ наклонность противорѣчить другъ другу. Для насъ такимъ образомъ важно знать, равны-ли между собою эти силы или же онѣ представляютъ какое-нибудь естественное неравенство.

Прежде всего мы можемъ констатировать, что такая-то потребность ощущается въ болѣе короткіе промежутки времени чѣмъ другая, напр. потребность питанія ощущается чаще, чѣмъ половая потребность. Еще болѣе бросается въ глаза то обстоятельство, что неудовлетвореніе одной потребности причиняетъ больше страданій, чѣмъ неудовлетвореніе другой; потребность

питанія и въ этомъ отношеніи имѣетъ превосходство надъ половой; слѣдовательно, она является болѣе безотлагательной въ основномъ смыслѣ этого слова. Сравните потребность питанія съ потребностью обладанія художественными предметами, и разница съ точки зрѣнія безотлагательности будетъ еще замѣтнѣе.

Идея о сравнительной безотлагательности человѣческихъ потребностей знакома біологамъ; но историкамъ до сихъ поръ и въ голову не приходило, что такая матеріальная истина важна и для нихъ. Прибѣгнемъ однако къ гипотезѣ. На первый взглядъ она покажется странной, но, если я не ошибаюсь, она дастъ намъ представленіе о той роли, которую безотлагательность могла сыграть въ исторіи человѣчества. Первая по степени безотлагательности изъ нашихъ потребностей—это потребность дыханія: она ощущается каждую минуту, и если ея не удовлетворить, то въ пять минутъ человѣка не станетъ. Къ счастью, воздухъ имѣется въ изобиліи, и намъ остается только раскрывать ротъ и дышать. До сихъ поръ не было возможности обратить воздухъ въ частную собственность и торговать имъ. Но мы предположимъ, что случилось обратное. Вообразимъ, что нѣкоторымъ людямъ удалось овладѣть большимъ количествомъ воздуха; большинство же обѣднѣло по этой части. Если есть что-нибудь несомнѣнное, такъ это то, что люди, у которыхъ нѣтъ запасовъ воздуха, должны впасть въ зависимость отъ тѣхъ, у кого они имѣются. Несомнѣнно также то, что страхъ умереть отъ голода былъ грознымъ стимуломъ, и что ему мы обязаны всѣми трудными, возбуждающими отвращеніе или опасными работами. А между тѣмъ что такое голодъ, который можно подавить втеченіе нѣсколькихъ дней, въ сравненіи съ потребностью дыханія, которую необходимо удовлетворить немедленно, подъ страхомъ ужасной смерти? Зависимость человѣка, бѣднаго воздухомъ, отъ богатаго была-бы по крайней мѣрѣ во сто разъ больше, побужденіе къ работѣ — во сто разъ сильнѣе. Какихъ проявленій энергіи, какой быстроты дѣйствія, какого увлеченія во всѣхъ видахъ дѣятельности можно было-бы ожидать при такомъ порядкѣ вещей! Но въ то же время какую страшную интенсивность приобрѣли-бы человѣческія чувства! Какъ усилилась-бы зависть и ненависть бѣдныхъ къ богатымъ! Какъ участились-бы революціи, вызванныя страхомъ угрожающей смерти, на сколько увеличилось-бы число убійствъ, какъ обострилась-бы соціальная борьба и наконецъ какъ ожесточился-бы человѣческій характеръ, сложившійся при такихъ условіяхъ! Порадуемся-же тому, что человѣчество дышетъ даромъ, что самая безотлагательная потребность удовлетворяется съ легкостью, даже несознаваемой.

Кто хочет предвидѣть историческую роль какой-нибудь потребности, долженъ прежде всего принять во вниманіе степень ея безотлагательности; но этимъ дѣло не ограничивается. Есть еще одна причина, вліяющая на силу потребности въ данную минуту: это полученное раньше удовлетвореніе. Всякая потребность становится сильнѣе, вслѣдствіе привычнаго удовлетворенія. Это явленіе, вытекающее изъ психическихъ законовъ, представляетъ оду изъ формъ вліянія ума на нравственную природу человѣка. Ясное и отчетливое представленіе о предметѣ, способномъ удовлетворить данную потребность, ясное воспоминаніе объ удовольствіи, сопровождавшемъ прежнее удовлетвореніе, значительно усиливаютъ ея побуждающую силу. Возьмите на примѣръ потребность въ теплѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что она существуетъ у всѣхъ людей; а между тѣмъ у фиджійцевъ, живущихъ въ ужасномъ климатѣ, путешественники встрѣчали женщинъ, которыя повидимому совсѣмъ не чувствовали инея, накопившагося у нихъ на обнаженной груди. Недостатокъ одежды, невозможность удовлетворить эту потребность очевидно вызвали какую-то апатію, нечувствительность къ холоду. Но дайте этимъ женщинамъ теплую одежду — и представленіе о данномъ предметѣ, соединенное съ особымъ пріятнымъ ощущеніемъ, запечатлится въ ихъ памяти. Если же послѣ этого онѣ опять лишатся этого предмета, то потребность въ немъ станетъ уже гораздо оцутительнѣе. Воспоминаніе объ испытанномъ удовольствіи сдѣлаетъ болѣе чувствительнымъ претерпѣваемое лишеніе, и эти женщины уже не будутъ такъ терпѣливо сносить холодъ, какъ прежде.

Возьмемъ тотъ-же примѣръ только съ видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Фиджійскія женщины знаютъ, что одежда для нихъ имѣется только на европейскихъ корабляхъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, отплыли-ли уже эти корабли или они стоятъ еще на якорѣ? Ясно, что потребность будетъ менѣе интенсивна въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ, когда эти женщины мысленно видятъ близость предметовъ, которые могутъ согрѣть ихъ? Обобщая этотъ выводъ, мы скажемъ: интенсивность желанія пропорціональна близости его объекта.

Такимъ образомъ сила потребности находится въ сложной зависимости отъ степени ея естественной безотлагательности, отъ ея удовлетворенія въ прошломъ и отъ удовлетворенія, ожидаемаго въ будущемъ.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть сравнительную силу побудительныхъ причинъ.

Въ настоящее время, какъ и 10 тысячъ лѣтъ тому назадъ,

въ Китаѣ, какъ и во Франціи, человѣкъ долженъ ѣсть два или три раза въ сутки. Онъ долженъ пополнять и возстановлять то, что теряетъ, иначе онъ почувствуетъ, что жизнь покидаетъ его. Поэтому прежде всего ему нужно ѣсть. Когда голодъ удовлетворенъ, ему нужно знать, что и завтра у него будетъ обѣдъ. Только тогда, когда онъ чувствуетъ себя въ этомъ отношеніи обезпеченнымъ на болѣе или менѣе продолжительное время, онъ начинаетъ думать объ удовлетвореніи другихъ потребностей.

Тогда онъ приступаетъ къ удовлетворенію потребности, которая въ большинствѣ климатовъ является очень настоятельной, именно—потребности въ кровѣ и одеждѣ. Благодаря солнцу, дождю, вѣтру и насѣкомымъ, эта двойная потребность является почти безотлагательной. Изъ этихъ тѣлесныхъ потребностей и различныхъ видовъ промышленности, направленныхъ къ ихъ удовлетворенію, мы, какъ вы припомните, образовали одну группу, которой дали названіе *экономической*. Благодаря физическому строенію человѣка, дѣятельность экономическая предшествуетъ у отдѣльныхъ людей всѣмъ другимъ видамъ дѣятельности. Она первенствуетъ надъ ними, и не въ одинъ какой-нибудь періодъ жизни, но во всякое время, ежедневно. Только тогда, когда экономическій мотивъ уже совершилъ свое дѣло, выступаютъ на сцену остальные желанія, на удовлетвореніе которыхъ остается тѣмъ болѣе времени и силъ, чѣмъ менѣе ушло ихъ на экономическую дѣятельность.

Вліяніе, оказываемое на волю жаждой уваженія и страхомъ презрѣнія, такова, что біологъ не можетъ даже имѣть объ этомъ надлежащаго представленія. Сама психологія не много знаетъ по этой части. Только историческій опытъ можетъ раскрыть намъ, какъ велика сила этой побудительной причины. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; я поэтому ограничусь лишь нѣсколькими словами. Мотивъ чести представляется намъ въ исторіи факторомъ, способнымъ поборотъ даже самыя сильныя потребности, включая и ту, которая вытекаетъ изъ всѣхъ—любовь къ жизни. Но съ другой стороны мы должны сдѣлать оговорку: эта побудительная причина значительно измѣняется въ силѣ, сообразно индивиду, и даже у одного и того же индивида она измѣняется сообразно обстоятельствамъ — однимъ словомъ, она является очень относительной.

Разсматриваемое отдѣльно, внѣ всякой связи съ другими, половое стремленіе можетъ быть охарактеризовано нѣсколькими словами: оно проявляется очень сильно, но съ перерывами. Объектъ его простъ, неизмѣненъ; дѣйствія, внушаемыя имъ,—такъ-же.

Въ силу этихъ свойствъ, оно не можетъ внести въ исторію большого разнообразія. Кромѣ того оно представляетъ одну особенность: нельзя обмануть голода, но половое стремленіе обмануть можно, обойдя его естественный объектъ.

Изъ уваженія къ современнымъ понятіямъ о скромности, я ограничусь этимъ намекомъ. Не будь этой черты, роль половой потребности была-бы не столь незначительна. Исторія представила-бы еще больше драмъ, нѣкоторыя установленія были-бы невозможны или просуществовали-бы недолго.

Но довольно объ этомъ пекотливомъ вопросѣ. Я коснулся его лишь для того, чтобы показать, какимъ образомъ основныя черты нашей природы отражаются на исторіи. Если видоизмѣнить ихъ конечно въ воображеніи—иначе оно и невозможно,—то исторія представится намъ совершенно въ иномъ видѣ.

Симпатія, какъ побудительная причина, явно отличается непостояннымъ и измѣнчивымъ характеромъ. У одного и того-же лица и по отношенію къ одному-же лицу она сначала растетъ, потомъ угасаетъ и превращается въ антипатію; и все это иногда происходитъ въ очень короткое время. Но если эта побудительная причина непостоянна, то потому, что другія ей сильно противодействуютъ; интересъ экономическій, мотивъ чести легко подавляютъ ее; за рѣдкими исключеніями симпатическія побужденія не выдерживаютъ. Для ихъ продолжительности необходимо, чтобы другіе мотивы оставались нейтральными.

Семья — естественная арена, самое подходящее мѣсто для развитія симпатическихъ чувствъ; послѣднія проявляются здѣсь съ исключительнымъ постоянствомъ и энергіей, такъ какъ семья является носительницей самой сильной привязанности, какую человѣкъ въ состояніи чувствовать по отношенію къ ближнимъ. Поэтому, когда мы хотимъ изучить симпатію, какъ силу, надо обратиться къ семьѣ. Однако и на этой благопріятной для себя почвѣ она часто терпитъ сильныя пораженія. Прежде всего и главнымъ образомъ побѣдителемъ ея является экономическій интересъ. Вездѣ, гдѣ человѣкъ не чувствуетъ отвращенія къ мясу ближняго, ребенокъ часто поѣдается родителями. Иногда его убиваютъ въ наказаніе за порчу какого-нибудь предмета, иногда—изъ экономіи. У нѣкоторыхъ народовъ дѣтей выбрасываютъ или нарочно теряютъ; ихъ продаютъ, вымѣниваютъ не только на предметы первой необходимости, но даже на водку, табакъ и т. п., или на наряды. До сихъ поръ рѣчь шла только о дикаряхъ, но вотъ вамъ болѣе убѣдительный примѣръ: греки, римляне, китайцы и многіе другіе народы сохранили еще на сравнительно высокой ступени цивилизаціи обычай выбрасывать

или продавать новорожденныхъ дѣтей. Главнымъ образомъ жертвами этого варварства бывали дѣвочки. Но и тѣ, которыя оставались въ живыхъ, подвергались безчеловѣчному обращенію: ихъ выдавали замужъ безъ ихъ вѣдома и согласія, лишали наслѣдства или же сбывали съ рукъ съ небольшимъ приданымъ.

Еслибы сила симпатіи была значительна, то поведеніе родителей было-бы какъ разъ противоположно: дочь, какъ существо болѣе слабое, имѣла-бы преимущество надъ сыномъ. Но дочь, выходя замужъ, покидала родительскій домъ, и потому экономическій интересъ требовалъ, чтобы ей удѣлили какъ можно меньшую часть изъ семейнаго достоянія. Даже дѣти мужского пола въ Китаѣ, Римѣ, Греціи и во многихъ другихъ странахъ были дороги отцу не сами по себѣ, а лишь настолько, насколько они содѣйствовали его экономическимъ интересамъ или стремленію къ почету. Повидимому отецъ смотрѣлъ на сына, лишь какъ на наслѣдника его богатствъ и какъ на будущаго жертвоприносителя на его гробницѣ. Втеченіе долгаго времени отецъ имѣетъ право убить сына или по крайней мѣрѣ обращаться съ нимъ по произволу. Еще дольше онъ имѣетъ право заставлять его работать на себя, не будучи обязанъ предоставлять ему въ награду наслѣдство. Эксплоатація сына отцомъ у насъ, французовъ, длилась еще дольше и прекратилась окончательно лишь въ 1789 г.

Положеніе супруги и матери совершенно аналогично. Сказаннаго пока довольно. Мы увидимъ ниже, что въ общемъ семья въ своихъ нравахъ болѣе управлялась экономическимъ интересомъ или мотивомъ чести, чѣмъ симпатіей.

Я думаю нѣтъ надобности доказывать тутъ, что художественный мотивъ, по сравненію съ предыдущими, очень слабъ, а мотивъ научный еще слабѣе. Во всякомъ случаѣ, обоснованіе этой истины будетъ болѣе уместно въ тѣхъ главахъ, гдѣ будетъ рѣчь о художественной и научной эволюціи. Къ нимъ мы и отсылаемъ читателя для избѣжанія повтореній.



ГЛАВА V.

Методы исторіи.

Чтобы воспользоваться понятіемъ о человѣкѣ вообще и примѣнить къ исторіи данныя психологіи, необходимо допустить дедуктивный методъ.—Въ его основѣ лежатъ убѣжденіе, что человѣкъ вообще представляетъ совокупность непреложныхъ причинъ, имѣвшихъ послѣдствія, несомнѣнные въ смыслѣ ихъ существованія, но сомнительныя по формѣ.—Эти послѣдствія и надо раскрыть.—Первый фазисъ изслѣдованія заключается въ постановкѣ гипотезъ, требующихъ подтвержденій.—Теорія гипотезы и законности послѣдней.—Нѣсколько гипотезъ въ видѣ примѣра.—Индуктивный методъ, несмотря на его трудность, примѣнимъ въ исторіи, но въ концѣ концовъ все-таки нужно прибѣгнуть къ дедукціи.

Пора теперь перейти къ вопросу о методѣ. Вѣчныя побудительныя причины, управляющія дѣятельностью человѣка, постоянныя свойства его ума—вотъ первичныя факторы исторіи. Въ послѣдней на каждомъ шагу приходится считаться съ человѣкомъ вообще. Тѣмъ не менѣе послѣдній не составляетъ настоящаго предмета этой науки, потому что, какъ было уже замѣчено, она заимствуетъ его изъ психологіи. Настоящій предметъ исторіи, какъ науки, — это человѣкъ даннаго времени и мѣста, котораго поэтому можно назвать историческимъ человѣкомъ, тогда какъ человѣкъ, какъ индивидъ, составляетъ предметъ эрудиціи, исторіи повѣствовательной или, говоря иначе, исторіи случайной.

Но историческій человѣкъ въ сущности—тотъ-же человѣкъ вообще, побужденія и умственная дѣятельность котораго получили лишь особое направленіе, вслѣдствіе условій, присущихъ данной эпохѣ. И, даже предполагая, что онъ представляетъ собой и нѣчто другое (ниже мы подробно займемся этимъ вопросомъ), онъ во всякомъ случаѣ и прежде всего именно таковъ.

Еслибы историки руководствовались одной логикой, они легко согласились-бы съ высказаннымъ нами положеніемъ; на дѣлѣ-же многое мѣшается имъ замѣтить въ историческихъ реальностяхъ присутствіе и вліяніе человѣка вообще. Поэтому пользоваться послѣднимъ, примѣнить къ исторіи данныя психологіи не такъ-то легко.

Психологія можетъ примѣняться двоякимъ образомъ: можно идти отъ нея къ исторіи или возвращаться отъ исторіи къ ней,—употреблять методъ индуктивный и восходящій или методъ дедуктивный и нисходящій. Объяснимъ сперва значеніе послѣдняго.

О причинахъ, указываемыхъ психологіей, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онѣ дѣйствовали всегда и вездѣ, такъ какъ онѣ представляютъ психическія силы, отъ дѣйствія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ человѣкъ.

Но трудность заключается въ томъ, чтобы распознать это дѣйствіе, хотя оно и существуетъ безспорно.

Въ главныхъ чертахъ мы знаемъ, какого рода дѣйствіе производится каждой силой, т. е. какого рода волненій она побуждаетъ насъ искать и какихъ, напротивъ, избѣгать. Всякій можетъ опредѣлить, хотя-бы приблизительно, къ чему заставляетъ насъ стремиться или чего заставляetъ насъ опасаться желаніе заручиться уваженіемъ другихъ или мотивъ чести. Но эти общія свѣдѣнія остаются безплодными, безъ примѣненія къ исторіи, если они не сопровождаются довольно сложной работой ума. Чтобы выяснитъ, какого рода эта работа, лучше всего прибѣгнуть къ примѣру.

Возьмемъ прежде всего мотивъ экономическій. Проявленія его въ исторіи такъ ярки, что узнать ихъ можно безъ всякаго труда.

Само по себѣ болѣе чѣмъ ясно, что различные виды промышленности вызваны главнымъ образомъ экономическими потребностями. Если я на этомъ и останавлиюсь, то работы пока еще никакой нѣтъ. Но при нѣкоторомъ размысленіи я убѣждаюсь, что экономическій мотивъ могъ имѣть и менѣе осязательныя послѣдствія. Тогда я начинаю внимательнѣе вглядываться во всѣ особенности этого фактора. Изъ этихъ особенностей мое вниманіе привлекаетъ одна: именно, наибольшая безотлагательность экономическаго мотива, и при помощи дедукціи я прихожу къ мысли, что если каждый человѣкъ прежде всего занимается удовлетвореніемъ экономическихъ потребностей, то это первенство должно было какъ нибудь сказаться, должно было выразиться извѣстными историческими явленіями. Это конечно только гипотеза. Такимъ образомъ первое, что дастъ дедуктивный методъ, это—гипотеза, которая, слѣдующимъ прибавить, обязательно требуетъ подтвержденія фактами.

Постараемся оправдать употребленіе гипотезъ. Исторія, какъ уже не разъ доказывалось, не поддается опыту въ научномъ значеніи этого слова. По отношенію къ ней можно только прибѣгнуть къ наблюденію. Пояснимъ, что мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ. Очень многіе полагаютъ, что наблюдать—значитъ пристально всматриваться въ безконечный потокъ явленій, проходящихъ передъ вами, и ждать, чтобы эти явленія заронили въ голову какую нибудь идею, какое-нибудь откровеніе на счетъ

своего общаго характера. Но безконечное разнообразіе явленій вносить только путаницу и сомнѣніе въ умы, чуждые всякихъ предвзятыхъ идей. Наблюдать именно и значить — не глядѣть на все въ неопредѣленномъ ожиданіи, а сосредоточить свой взглядъ на извѣстныхъ областяхъ или картинахъ, руководствуясь извѣстнымъ принципомъ, требующимъ критической оцѣнки явленій и необходимымъ въ виду крайняго ихъ разнообразія. Принципъ-же этотъ доставляется какой нибудь заранѣ построенной гипотезой, какимъ нибудь предвзятымъ мнѣніемъ, которое ограничиваетъ поле зрѣнія, привлекаетъ вниманіе на одну точку и отвлекаетъ его отъ другихъ. И если очевидно, что гипотеза требуетъ подтвержденія, то не менѣе безспорно, хотя и не такъ очевидно, что наблюденіе требуетъ предварительнаго построенія гипотезы.

Если гипотеза была построена правильно, то рано или поздно она подтвердится. Если же она ошибочна, то нужно построить другую, потомъ третью, и такъ далѣе, пока не нападемъ на настоящую. Другого средства нѣтъ. Надо только помнить, что это—гипотезы и что онѣ остаются таковыми до тѣхъ поръ, пока не будутъ доказаны.

Лица, незнакомыя съ естественными науками, полагаютъ, что эти науки совершенно не допускаютъ гипотезъ. Это большая ошибка. И въ этихъ наукахъ предварительная гипотеза служитъ какъ бы путеводителемъ, правда, временнымъ, отъ котораго отказываются, какъ только онъ становится сомнительнымъ, но лишь для того, чтобы избрать себѣ другого. Мы сошлемся здѣсь лишь на одинъ примѣръ, но полагаемъ, что онъ будетъ достаточно убѣдителенъ. Еслибъ Ньютонъ не построилъ гипотезы о притяженіи луны землей, у насъ не было бы теоріи всемірнаго тяготѣнія. Наблюденіе, въ житейскомъ смыслѣ этого слова, никогда бы не помогло ему усмотрѣть притяженіе въ видимомъ движеніи луны и другихъ спутниковъ солнца.

Послѣ этого отступленія возвращаюсь къ нашему предмету.

При первомъ взглядѣ на исторію наша гипотеза какъ будто не оправдывается. Я замѣчаю уже въ довольно раннія эпохи извѣстные классы людей, которые, будучи избавлены отъ физическихъ работъ, повидимому не подчиняются закону безотлагательности. Но при болѣе внимательномъ отношеніи дѣло разъясняется: если эти люди кажутся свободными отъ экономическихъ заботъ, то это оттого, что эти заботы взяли на себя другіе люди, которые содержатъ ихъ плодами своихъ трудовъ. Для того чтобы эти праздные классы могли существовать, необходимо, чтобы другіе классы были въ состояніи удовлетворять свои собственныя эко-

номическія потребности, а потомъ и потребности праздныхъ классовъ. Народъ, состоящій изъ двухъ классовъ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ человекъ, который, по удовлетвореніи своей безотлагательной потребности, имѣетъ излишекъ для удовлетворенія другихъ, менѣе настоятельныхъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что законъ безотлагательности ничуть не потерялъ своей силы, но только въ исторіи его принудительность иначе сказывается. Онъ не имѣетъ болѣе характера велѣнія, обязательнаго для каждаго въ отдѣльности, а представляетъ какъ бы велѣніе, относящееся ко всему народу, разсматриваемому, какъ одно цѣлое. Съ этой точки зрѣнія непреложный характеръ велѣнія снова становится очевиднымъ. Наконецъ я замѣчаю, что ни одинъ народъ не можетъ имѣть празднаго сословія, предающагося исключительно войнѣ или религіознымъ, философскимъ и научнымъ умозрѣніямъ иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго достиженія извѣстной степени общаго благосостоянія. Другими словами, извѣстное накопленіе цѣнностей обязательно предшествуетъ появленію умственной культуры. Это требованіе можно было бы назвать закономъ экономическаго предшества.

Напомню формулу, очень употребительную у экономистовъ и почитаемую ими безспорной: количество накопленныхъ обществомъ цѣнностей или его капиталъ обуславливаетъ собою работу; другими словами, оно опредѣляетъ количество работы, которая должна быть сдѣлана. А такъ какъ общественный капиталъ обуславливаетъ и умственный трудъ, и религіозныя или философскія умозрѣнія, и художественныя или научныя изслѣдованія, то я убѣждаюсь, что исторія въ общемъ представляетъ примѣненіе и распространеніе формулы, употребляемой экономистами.

Существованіе праздныхъ классовъ, содержимыхъ остальными частями общественного организма, напоминаетъ мнѣ другую теорію экономистовъ, относящуюся къ распредѣленію цѣнностей. Если мы возьмемъ какое нибудь общество съ небольшимъ запасомъ цѣнностей, то это общество все-таки можетъ содержать даже богатый праздный классъ, если оно будетъ очень неравномѣрно распредѣлять свое богатство, отдавая много высшему классу и очень мало работающему. Мнѣ кажется, въ такомъ именно положеніи были всѣ старинныя цивилизаціи: древняя Ассирія, древній Египетъ, Мексика до Колумба. Вліяніе распредѣленія сказывается тутъ настолько сильно, что оно можетъ даже противодѣйствовать закону безотлагательности. Данный способъ распредѣленія вызываетъ историческія явленія, которыя никогда не имѣли бы мѣста, еслибы законы, регулирующие производство цѣнностей, дѣйствовали одни. Онъ вызываетъ раннія цивилизаціи

и такія установленія, которыя слѣдуетъ назвать скороспѣлыми по отношенію къ народному богатству.

Итакъ, распредѣленіе противодѣйствуетъ и до извѣстной степени ограничиваетъ законъ экономическаго предшествованія, но не уничтожаетъ его.

Я не могу допустить, хотя бы только на минуту, что бѣлая степень безотлагательности экономической потребности, или, какъ я только-что выразился, экономическое предшествованіе, отражалась въ исторіи только въ указанныхъ формахъ; она должна была, напротивъ, вызвать самыя разнообразныя послѣдствія. Такимъ образомъ въ моемъ умѣ возникаетъ новая гипотеза, которая впрочемъ нисколько еще не исчерпываетъ вопроса.

Когда промышленность, постепенно совершенствуясь, находитъ новое средство для удовлетворенія одного изъ нашихъ экономическихъ желаній, то можетъ случиться, что это нововведеніе окажется противорѣчащимъ какому нибудь неэкономическому установленію. Въ такомъ случаѣ, въ виду доказаннаго предшествованія экономической потребности, если не всегда, то по крайней мѣрѣ почти всегда, произойдетъ слѣдующее: человѣкъ не откажется отъ экономическаго изобрѣтенія, но видоизмѣнитъ неэкономическое установленіе, то есть примиреніе совершится на счетъ послѣдняго.

Примѣръ у насъ подъ рукой: все, что не можетъ быть согласовано съ паровымъ способомъ передвиженія, постепенно исчезаетъ или принимаетъ другія формы. Подобныхъ примѣровъ въ исторіи по всей вѣроятности найдется множество.

И наоборотъ—предположимъ, что въ какомъ нибудь неэкономическомъ установленіи появляется новая форма и что эта форма несовмѣстима съ экономическими нравами эпохи: мнѣ думается, что неэкономическое новшество будетъ принято лишь съ такими ограниченіями, при которыхъ его можно будетъ согласовать съ экономическими установленіями.

Я встрѣчаю въ исторіи факты, вполне подтверждающіе эту гипотезу.

Вообще люди расположены думать, что религіозныя представленія могутъ соперничать по вліянію съ экономическимъ интересомъ, а, по мнѣнію многихъ, религія даже оказывается счастливою соперницей. Изъ всѣхъ религіозныхъ формъ самой распространенной, самой древней, самой любимой и слѣдовательно самой могущественной было почитаніе усопшихъ. Въ основѣ ея лежало вѣрованіе, что умершіе продолжаютъ жить и за предѣлами гроба и что слѣдовательно у нихъ такія же потребности, какъ и въ земной жизни, особенно по части питанія. Еслибъ религіозныя вѣрованія имѣли ту силу, какую имъ приписываютъ,

то оставшіеся въ живыхъ ежедневно должны были-бы доставлять усопшимъ такое же количество пищи, какое имъ самимъ требовалось, причѣмъ имъ приходилось бы кормить не только отца и дѣда, но и всѣхъ предковъ, о какихъ только сохранилась память. Но религіозное требованіе тотчасъ же столкнулось съ экономическимъ интересомъ: было-бы слишкомъ обременительно, даже разорительно содержать мертвыхъ такъ же хорошо, какъ и живыхъ. Каждому пришлось бы тогда прокармливать два, три или четыре семейства — одно реальное, остальные воображаемые, и такое бремя оказалось бы непосильнымъ. И вотъ повсюду прибѣгаютъ почти къ одинаковому образу дѣйствій. О покойникахъ, давно умершихъ, совсѣмъ или почти совсѣмъ перестаютъ заботиться, и все почитаніе предковъ ограничиваютъ отцомъ, самое большее дѣдомъ. Да и они должны довольствоваться трапезой одинъ или два раза въ годъ. Но какъ можно было вообразить, что одного обѣда въ году будетъ достаточно для поддержанія жизни покойника? А очень просто: когда человѣку, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, необходимо вѣрить, что дѣло обстоитъ такъ, а не иначе, онъ какъ бы не примѣчаетъ стѣсняющей его очевидности, упорно смотритъ лишь на то, что для него выгодно, и—скоро новое, болѣе удобное вѣрованіе готово.

Точно также первоначальное вѣрованіе требовало, чтобы умершихъ снабжали тѣми предметами, которые служили имъ при жизни, и это требованіе дѣйствительно исполнялось, иногда даже въ очень широкихъ размѣрахъ: доходили до того, что на могилѣ усопшаго или на его кострѣ приносили въ жертву его коня, рабовъ, жену, оружіе, драгоценности. Эти обряды тщательно соблюдаются у народовъ, находящихся на очень низкой ступени развитія; но замѣчательно, что какъ только человѣкъ перестаетъ быть дикаремъ, отличающимся полнѣйшею непредусмотрительностью, онъ начинаетъ обращать вниманіе на экономическій интересъ и тотчасъ же прибѣгаетъ къ уловкамъ въ своихъ отношеніяхъ къ покойникамъ: вмѣсто самыхъ предметовъ, онъ подноситъ имъ лишь ихъ подобіе съ апломбомъ, превращающимъ весь этотъ культъ въ настоящую комедію *).

Вернемся однако къ основному вопросу. Принявъ большую настоятельность экономическихъ потребностей за причину, я сдѣлалъ предположеніе объ ихъ послѣдствіяхъ, сообразуясь, насколько возможно, съ характеромъ этой причины. Такимъ образомъ я

*) См. обряды древнихъ египтянъ въ сочин. Масперо: «Archéologie égyptienne». Въ другомъ мѣстѣ мы приведемъ многочисленныя примѣры подобныхъ-же обычаевъ, относящіеся къ самымъ различнымъ народамъ.

построилъ слѣдующія гипотезы: 1) общества должны были достигнуть извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, прежде чѣмъ стало возможно умственное развитіе; 2) прогрессъ въ экономическомъ отношеніи сильно видоизмѣняетъ и другія стороны общественнаго строя; 3) въ послѣднемъ усовершенствованіи были возможны лишь въ той степени, въ какой они были согласны съ экономическимъ интересомъ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію, я замѣтилъ нѣкоторыя явленія, подтверждающія мои гипотезы. Но я и не думаю считать ихъ уже вполне доказанными. Вообще, какъ я уже замѣтилъ, я не претендую создать въ этой книгѣ систему исторіи, какъ науки. Я хочу только выяснитъ пути, которые ведутъ къ этой цѣли: для одного человѣка и этой задачи болѣе чѣмъ достаточно. Если же, увлекаясь предметомъ, я иногда говорю въ болѣе категорическомъ тонѣ, чѣмъ-бы слѣдовало, то прошу читателя не придавать этому значенія; да и было бы слишкомъ скучно дѣлать поминутно разныя оговорки.

Попробуемъ подвергнуть такому-же анализу другой побудительный мотивъ.

Свойства симпатическаго мотива указаны намъ психологіей; изъ этихъ свойствъ больше всего меня поражаетъ его относительная слабость. Въ союзѣ съ экономическимъ интересомъ и стремленіемъ къ почету, симпатія можетъ стать даже очень сильнымъ стимуломъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда она сталкивается съ ними, она совсѣмъ теряетъ силу: для того чтобы она могла дѣйствовать, необходимо по меньшей мѣрѣ, чтобы другія побудительныя причины оставались нейтральными. И вотъ дедуктивное мышленіе наводитъ меня на нѣсколько гипотезъ, которыя очень интересно провѣрить.

Въ ту или другую эпоху люди болѣе или менѣе склонны къ проявленію симпатическихъ чувствъ, сообразно съ тѣмъ, насколько существующія установленія возбуждаютъ соперничество людей въ экономическомъ отношеніи и на почвѣ понятій о чести. Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Извѣстный народъ преданъ земледѣлію въ первичной его стадіи. Каждая семья имѣетъ и обрабатываетъ свой участокъ, границы котораго точно опредѣлены и не подвергаются измѣненіямъ. Такое положеніе вещей должно быть неблагоприятно для экономической дѣятельности, но зато будетъ благоприятствовать развитію симпатическихъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый кормится продуктами своего поля, его экономическіе интересы никогда не могутъ столкнуться съ интересами сосѣдей. Теперь предположимъ, что у этихъ земледѣльцевъ развиваются торговые сношенія, что они начинаютъ продавать свои

произведенія, встрѣчаются другъ съ другомъ на одномъ и томъ же рынкѣ, и что торговля на этомъ рынкѣ продолжается лишь короткое время; очевидно, этотъ новый порядокъ вещей возбудить естественное соперничество интересовъ въ большей степени, чѣмъ прежній. Въ экономическомъ отношеніи этотъ народъ будетъ стоять выше прежняго, но симпатическія чувства ослабѣютъ. Гипотезу эту можно примѣнить одинаково какъ къ цѣлому народу, такъ и къ отдѣльной семьѣ. Если семейный строй таковъ, что экономическіе интересы родителей и дѣтей не сходятся, то это можетъ имѣть нѣкоторыя экономическія, даже политическія выгоды, но взаимныя отношенія членовъ семьи будутъ отличаться холодностью и принужденіемъ. По поводу этого предположенія я вспоминаю семью древнихъ римлянъ, гдѣ отецъ могъ самовластно распоряжаться плодами трудовъ своихъ дѣтей, и англійскую семью, гдѣ наслѣдуетъ только старшій сынъ. И мнѣ кажется, что тутъ больше подчиненія, уваженія, но меньше сыновней и братской привязанности.

Безспорно, симпатія, какъ и всякій другой побудительный мотивъ, также имѣетъ свою долю вліянія въ исторіи, но этотъ факторъ, такъ легко подавляемый другими, долженъ былъ дѣйствовать не въ народныхъ массахъ, слишкомъ подавленныхъ бременемъ нужды и заботъ. Онъ скорѣе проявлялся со стороны исключительныхъ людей, — людей, обладавшихъ могуществомъ, не боявшихся соперничества, или же со стороны сравнительно менѣе заинтересованныхъ классовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство безчеловѣчныхъ установленій, оскорбляющихъ симпатическое чувство, было съ теченіемъ времени видоизмѣнено къ лучшему какимъ-нибудь законодателемъ, который, благодаря своему могуществу или особеннымъ обстоятельствамъ, былъ незаинтересованнымъ въ дѣлѣ лицомъ. Первые мѣры къ охраненію жизни раба отъ произвола господина были приняты въ Римѣ при Неронѣ, и, разъ начавшись, это дѣло продолжается уже при всѣхъ императорахъ, хорошихъ или дурныхъ. Въ то-же время происходитъ нѣкоторое ограниченіе власти отца надъ дѣтьми.

Нужно только, чтобы человѣкъ, обладающій властью, не слишкомъ отдавался удовольствіямъ, чтобы онъ самостоятельно или подъ вліяніемъ другихъ обратилъ вниманіе на окружающія бѣдствія. Разъ это случилось, самое осуществленіе спасительной реформы ему уже мало стоитъ. Во Франціи попытка практиковалась втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и никто надъ нею не задумывался. Въ XVII и XVIII в. нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ сословію, сравнительно свободному отъ нуждъ, поражены нелѣпой

жестокостью этого установленія и начинают протестовать противъ него. Тюрго добивается его отмѣны Людовикомъ XVI, которому эта реформа уже не стоитъ большихъ усилій.

Въ нашъ вѣкъ вся Европа, уничтожившая у себя рабство, возстаетъ противъ этого установленія. Въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ оно уничтожено собраніями, въ которыхъ большинству членовъ не приходилось нести никакой жертвы. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему такой слабый стимулъ могъ сыграть въ исторіи довольно значительную роль; какъ онъ ни былъ слабъ, но въ душѣ людей, вооруженныхъ общественной властью, онъ не имѣлъ другихъ соперниковъ.

Я такъ настаиваю на преимуществахъ дедуктивнаго способа мышленія именно потому, что вообще имъ очень пренебрегаютъ. Не понимая необходимости этого метода, историки изучаютъ исторію, не отдавая себѣ яснаго отчета, на что именно слѣдуетъ обращать въ ней вниманіе, какія области требуютъ предпочтительныхъ наблюденій и какіе вопросы дѣйствительно заслуживаютъ рѣшенія.

Въ исторіи послѣдствія данной причины, хотя и несомнѣнно происшедшія, не всегда бываютъ замѣтны. Ихъ невозможно ясно различать, вслѣдствіе тѣхъ измѣненій и превращеній, которыми они подверглись со стороны другихъ явленій противоположнаго характера, либо вступившихъ съ ними въ то или другое сочетаніе, либо совершенно ихъ уничтожившихъ. Это явленіе извѣстно и въ естественныхъ наукахъ, гдѣ оно носитъ названіе *интерференціи*. Исторія, какъ наука самая сложная, больше всѣхъ подвержена явленіямъ интерференціи.

Если бы мы прямо обратились къ фактамъ, то неминуемо впали-бы въ заблужденіе. Не замѣчая послѣдствій, мы и не заподозрили-бы существованія причины, которая однако дѣйствовала несомнѣнно. Но изслѣдователь, взявшій исходной точкой самую причину, дѣйствіе которой считается непреложнымъ, и отъ нея перешедшій къ установленію послѣдствій, непременно заподозритъ существованіе этихъ своего рода отрицательныхъ величинъ. Онъ знаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя обнаружить дѣйствія данной причины, отмѣченныхъ ея печатью, слѣдуетъ раскрывать взаимныя тѣ соперничающія явленія, которыя ихъ нейтрализовали. Словомъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что данная причина дѣйствовала, онъ постарается отыскать или ея прямыя послѣдствія, или послѣдствія другихъ причинъ, уничтожившія первыя. Такимъ образомъ у насъ имѣется еще одно основаніе, чтобы отдать предпочтеніе дедуктивному методу,—предпочтеніе однако, повторяемъ, не исключительное.

Индуктивный или восходящій методъ не нуждается въ особен-

ной рекомендаціи. Многіе о другомъ методѣ не хотятъ и слышать, не подозревая, что въ сложныхъ наукахъ, а слѣдовательно и въ философскихъ, онъ оказывается недостаточнымъ, изъ чего впрочемъ не слѣдуетъ, что ему въ нихъ нѣтъ мѣста. Въ исторіи, какъ и во всякой другой наукѣ, приходится прибѣгать то къ одному, то къ другому. Бываютъ моменты, когда надо исходить отъ фактовъ, выдѣлять ихъ сходныя черты и, принимая ихъ за слѣдствіе, предположить для нихъ какуюнибудь причину, наконецъ провѣрить это предположеніе. Но затѣмъ приходится снова обратиться къ дедуктивному методу, если мы хотимъ доставить своимъ выводамъ ту степень безспорности, какая возможна въ исторіи. Постараюсь въ краткихъ словахъ пояснить мою мысль, не излагая въ подробностяхъ индуктивной теоріи, съ такою ясностью изложенной Стюартомъ Миллемъ, къ которому и отсылаю любознательнаго читателя.

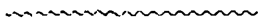
Возьмите какоенибудь историческое сходство; потомъ, принявъ его за слѣдствіе, попытайтесь открыть его причину. Вамъ предстоитъ найти такую группу явленій, которая постоянно предшествуетъ данному сходству, которая проявляется вездѣ, гдѣ проявляется самое сходство. Но тутъ возникаетъ слѣдующее затрудненіе. Одновременно и рядомъ съ изучаемымъ сходствомъ вы замѣчаете не одну, а нѣсколько группъ, состоящихъ изъ множества явленій. Еслибы исторія допускала опыты, еслибы можно было исключить изъ нея одну группу явленій, чтобы посмотрѣть, не исчезнетъ-ли вмѣстѣ съ ними изучаемое сходство, потомъ другую и т. д., то въ концѣ концовъ мы пришли бы къ какому-нибудь результату. Но въ исторіи возможно одно лишь наблюденіе. Какъ тутъ разобраться, какъ тутъ узнать, какія изъ данныхъ явленій вызвали данное слѣдствіе, какія именно составляютъ его причину?

Для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, необходимо руководствоваться какимъ-нибудь началомъ, которое можно найти лишь въ разсмотрѣніи дѣйствій, вызываемыхъ каждымъ прецедентомъ въ отдѣльности. Это разсмотрѣніе, безъ сомнѣнія, будетъ дедукціей.

Я долженъ сказать тутъ нѣсколько словъ о единственномъ опытѣ, возможномъ въ исторіи,—объ опытѣ при посредствѣ воображенія. Онъ заключается въ томъ, чтобы мысленно придать цѣлой серіи событій иной оборотъ, чѣмъ тотъ, какой они имѣли въ дѣйствительности,—напримѣръ мысленно передѣлать французскую революцію. Многіе безъ сомнѣнія сочтутъ такую работу праздною, если не опасною забавой. Но я не раздѣляю этого взгляда. Я усматриваю болѣе существенную опасность въ общей склонности вѣрить, что историческія событія не могли сложиться иначе, чѣмъ они

произошли въ дѣйствительности. Напротивъ, мы никогда не должны забывать объ ихъ непостоянствѣ. Воображая себѣ ходъ исторіи инымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, мы прежде всего избѣгнемъ указанной опасности. Другія-же выгоды подобнаго опыта находятся въ зависимости отъ правильности его постановки: отъ внесеннаго нами въ эту работу знанія людей, отъ логичности, съ которой мы выводимъ послѣдствія изъ воображаемыхъ перемѣнъ. Одинъ выдающійся мыслитель, именно Ренувье, съ которымъ очень лестно сходиться во мнѣніяхъ, отлично понималъ пользу подобныхъ опытовъ и далъ намъ образчикъ въ своей «Uchronie», — сочиненіи, одинаково замѣчательномъ какъ по изложенію, такъ и по основной идеѣ.

Ренувье примѣнилъ идею воображаемаго опыта къ исторіи случайнаго, къ событіямъ. По моему, подобные опыты оказались бы еще болѣе плодотворными въ научной исторіи. Было бы очень полезно придать данному установленію иной характеръ, чѣмъ какой оно имѣло въ дѣйствительности, даже видоизмѣнить какое-нибудь изъ свойствъ человѣка вообще. Въ такомъ смыслѣ я и поступалъ. Напомню читателю сдѣланныя мною предположенія о томъ, по какому пути пошла бы исторія, еслибъ потребность питанія или половое стремленіе оставались несознанными или еслибъ воздухъ сталъ предметомъ частной собственности и былъ бы распредѣленъ такъ же неравномѣрно, какъ земля, не говоря уже о другихъ гипотезахъ, разсѣянныхъ въ этой книгѣ. Быть можетъ, я извлекъ слишкомъ мало пользы изъ этого метода, но я убѣжденъ, что въ болѣе умѣлыхъ рукахъ онъ можетъ оказаться очень полезнымъ.



ГЛАВА VI.

Обзоръ установленій.

Обзоръ установленій, составляющій примѣненіе индуктивнаго метода. — Исчисленіе установленій должно быть полное. — Оно должно быть аналитическимъ, т. е. для каждаго установленія надо выяснитъ психическіе импульсы, создавшіе его путемъ совмѣстнаго дѣйствія. — Аналитическое изложеніе: установленія экономическія, нравственныя, сословныя, свѣтскія, художественныя и литературныя, научныя, религіозныя.

Я прослѣдилъ нѣкоторыя указанія психологіи, насколько это мнѣ казалось необходимымъ для выясненія дедуктивнаго метода. На индуктивномъ методѣ я также уже останавливался, а теперь попытаюсь примѣнить его. Возвратимся къ исторіи, исходя отъ фактовъ.

Исторія—необозримый океанъ фактовъ. Своей многочисленностью и беспорядочностью они сперва озадачиваютъ человѣка. Но къ счастью мы обладаемъ началомъ, при помощи котораго можно сократить ихъ число, устранивъ многіе изъ ихъ. Устранить надо, какъ мы уже видѣли, событія. Но и затѣмъ еще остается огромная масса фактовъ. Надо однако помнить, что мы должны и можемъ констатировать не непосредственно факты, а представляемыя ими сходства. Такимъ образомъ получаютъ рубрики, облегчающія работу нашего ума. Какъ вспомнить читатели, мы назвали эти сходства установленіями.

Теперь мы попытаемся сдѣлать обзоръ этимъ человѣческимъ установленіямъ. Обзоръ этотъ окажется дѣйствительно полнымъ, если нельзя будетъ указать ни одного дѣйствія, совершеннаго группами людей, которое не нашло бы себѣ мѣста въ одной изъ нашихъ рубрикъ.

Тутъ однако нельзя довольствоваться простой номенклатурой установленій. Одни чисто-эмпирическія обобщенія еще недостаточны. Настоящая индукція имѣетъ болѣе обширную задачу.

Исходя отъ отвлеченныхъ истинъ, дедукція нисходитъ къ конкретнымъ фактамъ, индукція же связываетъ факты съ наиболѣе отвлеченными истинами. Слѣдовательно намъ придется, объединивъ сходные факты въ установленія, связать каждый изъ нихъ съ выясненными уже психическими силами. Такимъ образомъ умъ открываетъ осадъ на обоихъ концахъ горизонта и проводитъ траншею одну по направленію къ другой.

Но намъ представится одна трудность. Руководствуясь тѣмъ, что мы знаемъ объ ассоціаціи идей и психической одновременности, мы должны ожидать, что установленіе, обозначенное даннымъ именемъ, напимѣръ установленіе политическое или религіозное, представится по своему развитію сложнымъ. Оно можетъ быть и по большей части будетъ результатомъ нѣсколькихъ психическихъ силъ въ извѣстной комбинаціи, быть можетъ даже одновременно всѣхъ силъ.

По какимъ же признакамъ мы можемъ узнать, что данная потребность вошла въ число причинъ, вызвавшихъ данное установленіе? На этотъ вопросъ я отвѣчу уже сказаннымъ: извѣстный родъ искомаго душевнаго волненія указываетъ на существованіе потребности. Впрочемъ опытъ примѣненія этого принципа лучше всего выяснитъ нашу мысль.

1. *Установленія экономическія.* Никогда еще и нигдѣ человѣкъ не могъ обходиться безъ труда. Трудъ составляетъ неизбѣжное условіе удовлетворенія его тѣлесныхъ потребностей. Трудъ, промышленность, созданіе полезностей или, какъ выражаются

экономисты, производство цѣнностей представляютъ собой явленія, встрѣчающіяся рѣшительно всюду. Поэтому экономическимъ установленіямъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто.

Всѣ формы труда, всѣ виды промышленности или практической дѣятельности, одно перечисленіе которыхъ заняло бы цѣлый томъ, а подробное описаніе — наполнило бы нѣсколько тысячъ томовъ, входятъ въ область производства цѣнностей, которое однако составляетъ только первую часть политической экономіи.

Производство цѣнностей въ общемъ обусловливается совмѣстною дѣятельностью. Такъ, нѣсколько людей прилагаютъ свои силы къ одной работѣ или же одинъ изъ нихъ работаетъ, другой даетъ капиталъ, орудія, идею, либо направляетъ трудъ. Слѣдовательно, добытое богатство должно быть распределено; такимъ образомъ *распределение* цѣнностей составляетъ вторую часть политической экономіи. Цѣнность, только-что представлявшаяся намъ побѣдою человѣка надъ природою, теперь представляется намъ уже, какъ объектъ частнаго захвата, личнаго богатства. Подъ этой рубрикой мы въ исторіи встрѣчаемъ наемный трудъ въ разнообразныхъ его формахъ, ссуды всякаго рода, денежные займы, арендованіе земель, отношеніе между капиталомъ и физическимъ или умственнымъ трудомъ.

Третья часть политической экономіи обнимаетъ собою *потребленіе* и находящееся съ нимъ въ связи сбереженіе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ различными формами приобрѣтенія движимаго и недвижимаго имущества, равно какъ и наслѣдованія его, т. е. владѣнія имъ послѣ смерти.

Четвертая часть обнимаетъ собою мѣну и средства, при помощи которыхъ она происходитъ: обмѣнъ натурою или обмѣнъ при посредствѣ денегъ, договоры коммерческіе, купли-продажи, и т. д.

Экономическія установленія, разсматриваемыя съ точки зрѣнія ихъ психологическихъ причинъ, представляются сравнительно простыми. Человѣкъ стремится производить цѣнности, чтобы имѣть пріятныя ощущенія, и еще болѣе, чтобы избѣжать непріятныхъ. Какъ тѣ, такъ и другія касаются его тѣла. Доставить себѣ тѣлесныя удобства, устранить соотвѣтственныя страданія, — вотъ точка зрѣнія, которая можетъ представляться простой, и огромная цѣль фактовъ можетъ быть поставлена въ связь съ единственной побудительной причиной, которую мы назовемъ экономическимъ интересомъ или даже просто интересомъ.

Но человѣкъ, желая заручиться богатствомъ, прибѣгаетъ не только къ труду. Къ прискорбію, онъ пускаетъ въ ходъ и силу. Такимъ образомъ появилось воровство и убійство съ цѣлью гра-

бежа. Уже, какъ явленіе частное, воровство представляеть очень важный вопросъ; но для историка имѣеть особенное значеніе употребленіе силы въ международныхъ дѣлахъ: тутъ мы имѣемъ дѣлъ съ милитаризмомъ и войной. На ряду съ присвоеніемъ собственности посредствомъ труда, почти всѣ группы людей пытались пускаться въ ходъ противъ своихъ сосѣдей съ тою же цѣлью силу и вслѣдствіе роковой необходимости вынуждены были отражать съ своей стороны силу. Конечно военныя установленія отчасти обусловливаются не экономическими интересами, а интересами чести, желаніемъ заручиться уваженіемъ другихъ людей или славой. Можетъ быть, смотря по времени и мѣсту, интересъ чести значительно усиливается. Но не подлежитъ сомнѣнію, что милитаризмъ входитъ главнымъ образомъ въ составъ политической экономіи, во-первыхъ потому, что онъ вызванъ желаніемъ отнять у другихъ цѣнности, а во-вторыхъ потому, что эта побудительная причина въ общемъ осталась преобладающею. Спрашивается однако, къ какой части политической экономіи слѣдуетъ отнести милитаризмъ? Очевидно, война не создаетъ цѣнностей; напротивъ, она всегда вызываетъ нѣкоторое ихъ разрушеніе. Война вызываетъ только переходъ цѣнностей отъ одного лица къ другому; слѣдовательно, она представляетъ собою видъ распредѣленія.

Воинственный способъ приобрѣтенія отчасти идетъ параллельно съ мирнымъ, отчасти ему противодѣйствуетъ, слѣдовательно онъ представляетъ собой политическую экономію на изнанку; но тѣмъ не менѣе это—политическая экономія, и мѣсто, которое должны занимать военныя установленія въ исторіи съ вѣрными рубриками, то, на которое мы указали, т. е. они должны быть включены въ политическую экономію, въ отдѣлъ распредѣленія цѣнностей. Впрочемъ мы къ этому вопросу въ свое время еще вернемся.

Военныя установленія представляются намъ на первый разъ примѣромъ совокупности историческихъ явленій, съ виду однородной, но въ сущности созданной комбинаціей нѣсколькихъ психологическихъ элементовъ. Мы признали этотъ выводъ весьма вѣроятнымъ, теперь же мы будемъ встрѣчаться съ нимъ вездѣ.

2. *Установленія семейственныя.* Есть люди, которые не вступаютъ въ бракъ или остаются бездѣтными. Но нѣтъ человѣка, который не былъ бы вскормленъ и воспитанъ другимъ лицомъ, представляющимъ для него семью; иначе онъ не остался бы въ живыхъ. Поэтому и семейственныя отношенія встрѣчаются во всѣ времена и вездѣ, гдѣ только есть люди.

Совершенно очевидно, что помимо полового инстинкта не было бы ни брака, ни семьи; но одна эта потребность не могла

вызвать брака, потому что онъ не необходимъ для ея удовлетворенія. Свободныя половыя отношенія удовлетворяли бы ее столько же, если не больше.

Бракъ повидимому вызывается комбинаціей потребностей. Дикарь старается завладѣть женщиной, чтобы она для него таскала воду, колола дрова, разводила огонь, варила пищу, носила во время переходовъ оружіе, мѣховыя вещи, огниво и т. д. Приобрѣтая женщину, онъ хочетъ имѣть хозяйку, рабу, вьючное животное. Женщина, принимая это положеніе, подчиняется насилию, но руководствуется кромѣ того еще соображеніемъ, что, не принадлежа никому въ частности, она все-таки питается хуже и пользуется меньшимъ покровительствомъ. Таково начало пути, которое приводитъ къ браку. Уже тутъ ясно проявляется комбинація потребностей: экономическій интересъ присоединился къ половому, и вмѣстѣ они создали то, чего послѣдній въ отдѣльности не могъ бы создать.

Мы укажемъ на возможность третьяго элемента—желаніе имѣть дѣтей. Дѣйствительно этотъ новый элементъ существуетъ, но въ началѣ онъ либо вовсе не дѣйствуетъ, либо дѣйствуетъ очень слабо. И теперь еще, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи, опытъ убѣждаетъ, что браки рѣдко заключаются вслѣдствіе желанія имѣть дѣтей, что болѣе настоятельные мотивы играютъ тутъ главную роль. Дѣти имѣются въ виду другими лицами, т. е. родителями вступающихъ въ бракъ лицъ. У нихъ дѣйствительно эта побудительная причина въ общемъ проявляется довольно сильно. Но чтобы она дѣйствовала, необходимо, чтобы семья была уже основана на бракѣ; слѣдовательно мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ не первичнымъ, а производнымъ.

Иногда роль супруговъ шире, т. е. жена не только помогаетъ мужу въ хозяйственномъ отношеніи и мужъ является для жены покровителемъ въ томъ же смыслѣ, но жена и мужъ могутъ стать кругъ для друга товарищами жизни и предметомъ взаимныхъ нѣжныхъ ощущеній. Слѣдовательно дѣйствуетъ еще и симпатія.

Отъ меня могутъ потребовать, чтобы я призналъ и за религіозными идеями нѣкоторую долю вліянія. Конечно его отвергать нельзя, но роль ихъ вовсе не та, какую имъ многіе приписываютъ. Религіозныя идеи явились впослѣдствіи: онѣ освятили только связь, а не содѣйствовали ея возникновенію *).

Первоначально женщина воспитывала дѣтей изъ состраданія къ этимъ слабымъ и безпомощнымъ созданіямъ. Слѣдовательно тутъ проявилась симпатія въ своей наиболѣе сильной формѣ.

*) Объ этомъ вопросѣ см. подробности въ главѣ, посвященной религіи.

Мужчина въ началѣ испытывалъ это чувство въ гораздо болѣе слабой степени; къ счастью для человѣчества, оно развилось въ немъ посредствомъ упражненія; иначе родъ человѣческій былъ бы обреченъ на гибель.

Вскорѣ присоединились другія побудительныя причины. Ребенкомъ стали дорожить, какъ будущимъ товарищемъ на войнѣ и охотѣ, а позднѣе—въ пастушескихъ занятіяхъ и въ земледѣльческихъ работахъ. Имъ стали дорожить еще и какъ возможнымъ защитникомъ и мстителемъ. Первичное правительство мало или вовсе не обезпечиваетъ частную безопасность. Ни судьи, ни жандарма еще не существуетъ; ихъ восполняетъ семейная месть. Слѣдовательно родственники, и между ними преимущественно дѣти, исполняютъ роль, которую впослѣдствіи принимаетъ на себя правительство.

Ребенкомъ дорожатъ, какъ будущимъ кормильцемъ отца послѣ его смерти, потому что по первоначальнымъ понятіямъ умершій человѣкъ также нуждается въ пищѣ.

Родители несомнѣнно видятъ въ своихъ дѣтяхъ существа, которыя будутъ на нихъ походить, ихъ напоминать, въ которыхъ они будутъ жить и послѣ смерти. Но это—только совокупность психическихъ понятій, образовавшихся впослѣдствіи путемъ постепеннаго наслоенія. Послѣ возникновенія движимой и въ особенности частной поземельной собственности, родители начали видѣть въ дѣтяхъ своихъ наслѣдниковъ и поэтому начали ихъ любить, т. е. испытывать къ нимъ чувство, тѣмъ болѣе сильное, что оно очень походитъ на эгоизмъ. Когда почетныя званія, власть, соціальное положеніе до нѣкоторой степени упрочились, родители стали цѣнить дѣтей, какъ наслѣдниковъ ихъ званія, титуловъ, вліянія и честолюбивыхъ надеждъ. Эти чувства раздѣлялись всѣми отъ мала до велика. Нѣтъ человѣка, какъ бы ни было скромно его соціальное положеніе, который не считалъ бы другихъ людей поставленными ниже себя и слѣдовательно не воображалъ бы, что онъ можетъ завѣщать свое превосходство дѣтямъ.

Читатель легко убѣдится, что эта послѣдняя черта принадлежитъ къ области понятій о чести. Такимъ образомъ на почвѣ полового влеченія соединились стремленія хозяйственныя, симпатическія или принадлежащія къ области чести и создали обширную рубрику брачныхъ и семейственныхъ установленій.

3. *Установленія нравственныя и юридическія.* Прежде всего необходимо установить различіе между нравственностью, существующею на практикѣ или только въ теоріи. Первая иногда значительно отстаетъ отъ второй, и наоборотъ встрѣчаются пер-

вичныя общества, весьма нравственныя на практикѣ и не способныя создать нравственную теорію (примѣромъ можетъ служить племя ведасовъ въ цейлонскихъ лѣсахъ). Очевидно причины, заставляющія людей изобрѣтать нравственныя теоріи, не тождественны съ причинами, заставляющими людей быть на дѣлѣ нравственными. Поэтому намъ придется сперва рассмотреть отдельно нравственную теорію или мораль, а затѣмъ уже приступить къ рассмотрѣнію нравственности.

Что такое нравственный или безнравственный поступокъ? Слѣдуетъ ли признать поступокъ, наносящій другому человѣку вредъ, вообще безнравственнымъ, а поступокъ, приносящій другому пользу,—нравственнымъ? Самый сильный вредъ причиняетъ убійство, а между тѣмъ оно не только иногда дозволено, но даже прямо поощряется. Такъ, человѣкъ, убивающій другого человѣка въ моментъ законной самозащиты, не подвергается преслѣдованію ни со стороны закона, ни со стороны общественнаго мнѣнія. Судьи приговариваютъ преступника къ смерти съ общаго одобренія. Солдату на войнѣ предписывается убивать возможно большее число враговъ. Эти факты уже убѣждаютъ, что поступокъ самъ по себѣ не можетъ считаться нравственнымъ или безнравственнымъ, а пріобрѣтаетъ этотъ характеръ вслѣдствіе внѣшнихъ и пріходящихъ причинъ.

Люди могутъ жить сообща только подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ въ своей дѣятельности. Если въ данной группѣ людей не установлено, что убійство до нѣкоторой степени воспрещается, то общество вскорѣ прекратится вслѣдствіе смерти его членовъ или скорѣе еще вслѣдствіе общаго бѣгства, такъ какъ всякій будетъ сторониться отъ возможнаго убійцы.

Насколько данная среда требуетъ отъ cadaго изъ своихъ членовъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, она будетъ служить для насъ общественнымъ мнѣніемъ или просто мнѣніемъ, и мы скажемъ, что нельзя себѣ представить общества безъ общественнаго мнѣнія. Эта власть предшествуетъ организаціи правительства, потому что существуютъ группы дикарей, не имѣющихъ правительства. До правительственнаго принужденія слѣдовательно существуетъ извѣстный родъ принужденія, исходящаго отъ данной совокупности людей, иначе говоря, до возникновенія правительства, заслуживающаго этого названія, существуетъ извѣстный родъ взаимнаго правительства. Даже поверхностное наблюденіе убѣждаетъ, что, когда уже организовалось правительство, такъ сказать, ниже его дѣйствуетъ сохранившееся общественное мнѣніе. Какъ бы обширна ни была власть современныхъ правительствъ, общественное мнѣніе не перестаетъ

дѣйствовать и далеко выходить за предѣлы правительственнаго вліянія: оно нормируетъ поведеніе во всѣхъ частностяхъ и касается всѣхъ обстоятельствъ жизни. Между тѣмъ то, что мы съ данною точки зрѣнія называемъ общественнымъ мнѣніемъ, представляется намъ съ другой точки зрѣнія нравственною теоріей. Слѣдовательно существованіе той или другой нравственной теоріи неразрывно связано съ существованіемъ всякаго общества.

Долго полагали, что въ обществѣ дикарей человѣкъ не несетъ почти никакихъ обязанностей и не подчиняется никакимъ правиламъ. Но какъ только социологи ближе присмотрѣлись къ дѣлу, они убѣдились въ несостоятельности этого взгляда. Напротивъ, у дикарей существуютъ даже чрезмѣрно строгія нравственныя правила. Правила вѣжливости у нихъ иногда очень разнообразны и строго нормируютъ поведеніе тамъ, гдѣ цивилизованный человѣкъ пользуется полною свободой; на примѣръ дикарь не можетъ ѣсть съ людьми, не принадлежащими къ тому же племени, или долженъ воздерживаться отъ такой то пищи, брать жену съ соблюденіемъ такихъ-то правилъ и т. д. У стадныхъ животныхъ существуетъ также нравственность. Они повидимому не могутъ обойтись безъ нея или во всякомъ случаѣ безъ нея не обходятся. Во всякомъ стадѣ установленъ, по крайней мѣрѣ для извѣстныхъ случаевъ, образъ дѣйствій тѣми членами стада, которые пользуются замѣтной властью. Существуютъ и такія предписанія, которыя установлены по общему соглашенію, и членъ, нарушающій ихъ, повидимому въ большинствѣ случаевъ ожидаетъ наказанія.

Уже давно настойчиво повторяютъ, что нравственность бываетъ у разныхъ обществъ весьма различная. Паскаль сказалъ: «то, что признается истиною по сю сторону Пиренеевъ, признается заблужденіемъ по ту сторону». Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствія, сильно порицаемыя въ одной странѣ, какъ на примѣръ воровство или убійство, поощрялись или даже прославлялись въ другихъ. Спрашивается,—существуетъ ли опредѣленное направленіе, такъ сказать своего рода компасъ, въ вопросахъ нравственности? Это мы увидимъ впослѣдствіи, а пока ограничимся сказаннымъ.

Наблюденіе выясняетъ намъ еще слѣдующій новый фактъ или, точнѣе говоря, извѣстный уже фактъ представляется намъ въ новомъ свѣтѣ: вездѣ человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ дѣлать то, что отъ него требуетъ общество, и не считаетъ себя обязаннымъ къ тому, чего общество отъ него не требуетъ. Самые странные правила вызываютъ у людей, ихъ нарушающихъ, страхъ или угрызѣнія совѣсти (въ точности это чувство невозможно опредѣлить).

Внутренний голос говорит молодому дикарю, что онъ совершилъ преступленіе, отвѣдавъ запрещеннаго мяса, и онъ самъ отдастъ себя въ руки правосудія. (*Letourneau*, «*La sociologie d'après l'ethnologie*», стр. 443.) Іезуиты установили для парагвайцевъ цѣлый рядъ весьма мелочныхъ обязанностей, обойти которыхъ было очень легко. Однако совѣсть парагвайцевъ въ короткое время подчинилась придуманному для нихъ кодексу, и нарушение его правилъ вызывало въ нихъ угрызения совѣсти, душевную боль и въ концѣ концовъ признаніе вины по собственному почину. Наоборотъ, существуютъ безчисленные примѣры преступленій, совершаемыхъ съ спокойною совѣстью, потому что они не противорѣчатъ господствующей нравственности. Отсюда можно вывести общее правило, что индивидуальная совѣсть безусловно совпадаетъ съ общественнымъ мнѣніемъ даннаго времени и мѣста. Индивидуальная совѣсть повидимому составляетъ только отраженіе окружающаго общественного мнѣнія; голосъ послѣдняго находитъ себѣ отзвукъ въ совѣсти индивида независимо отъ его личнаго настроенія.

Но это только общее правило, несомнѣнно имѣющее исключенія. Въ нравственной области существуетъ прогрессъ, встрѣчаются открытія, нововведенія. Исключительныя личности вдругъ формулируютъ совершенно неизвѣстныя обществу предписанія, иногда противорѣчащія общественному мнѣнію. Этотъ фактъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, и мы впослѣдствіи увидимъ, насколько онъ можетъ быть объясненъ.

Пока намъ приходится мимоходомъ устранить нѣкоторые объясненія, не имѣющія научнаго основанія. Есть школа, утверждающая, что велѣнія нравственности—внѣшняго происхожденія, т. е. что они предписываются человѣку высшимъ существомъ. Это существо открыло свою волю нѣкоторымъ людямъ: предписанное имъ и составляетъ мораль. Мнѣніе это принадлежитъ къ числу вѣрованій и выходитъ изъ предѣловъ науки. По другому мнѣнію, человѣкъ одаренъ извѣстнымъ чутьемъ, позволяющимъ ему различать нравственный и безнравственный характеръ поступковъ, т. е. этический цвѣтъ, приблизительно такъ, какъ глазъ нашъ отличаетъ матеріальные цвѣта предметовъ. Всякій человѣкъ имѣетъ этотъ внутренний глазъ подобно тому, какъ природа его надѣлила внѣшнимъ. Гипотеза эта очень удобна, но она не подтверждается опытомъ. Люди весьма различно воспринимаютъ этическіе цвѣта; однимъ кажется бѣлымъ то, что другимъ представляется чернымъ, и наоборотъ. На это возражаютъ, что нравственное чутье не настолько опредѣленно, какъ зрѣніе. Однако признать это, и притомъ вынужденно,—не значитъ еще

доказать свое мнѣніе. Очевидно, что въ данномъ случаѣ просто придумана аналогія и метафора. Еслибы люди воспринимали формы и цвѣта предметовъ такъ различно, какъ они воспринимаютъ нравственный характеръ поступковъ, то зрѣніе не было бы включено въ число нашихъ чувствъ.

Мы еще не выяснили, существуетъ ли нравственное соглашеніе между различными группами людей; но мы установили уже, что въ одной и той же группѣ есть вопросы, относительно которыхъ существуетъ согласіе или даже часто единодушіе. Я обращаю вниманіе на это очевидное различіе, представляемое нравственностью, смотря по тому, имѣемъ ли мы въ виду людей, принадлежащихъ къ разнымъ группамъ, или къ одной. Это явленіе надо прослѣдить.

Человѣкъ, имѣя дѣло съ происшествіемъ, касающимся другого человѣка, невольно ставитъ себя на его мѣсто, и представляетъ себѣ, что то же происшествіе приключилось съ нимъ самимъ. Можетъ напримѣръ случиться, что дикарь въ виду совершившагося убійства представляетъ себя скорѣе на мѣстѣ убійцы, чѣмъ жертвы; равнымъ образомъ, что читатель, знакомясь изъ газеты съ отчетомъ о дуэли, первоначально сочувствуетъ побѣдителю. Но родъ сочувствія бываетъ по большей части измѣнчивъ, и всегда наступаетъ моментъ, когда человѣкъ ставитъ себя на мѣсто побѣжденнаго на дуэли или жертвы преступленія. Тогда къ дѣлу примѣшиваются личный интересъ и благоразумная предусмотрительность. Допустимъ, что *А*—какой нибудь дикарь. Несомнѣнно, что *А* не желаетъ быть убитымъ своимъ сосѣдомъ *Б*. *А* можетъ быть самъ разбойникомъ, который не задумается убить *Б* при первомъ удобномъ случаѣ; но тѣмъ не менѣе онъ всегда будетъ требовать, чтобы *Б* воздержался отъ убійства. Съ своей стороны *Б* желаетъ и требуетъ того же отъ *А*. Этихъ двухъ людей окружаютъ другіе *А* и *Б*, также не желающіе быть убитыми. Намъ конечно замѣтять, что это можетъ привести *А* только въ формулѣ: «ты меня не убьешь», но не къ формулѣ: «ты не будешь убивать». Я однако еще не кончилъ. Это замѣчаніе было бы вѣрно, еслибы *А*, опасаясь *Б*, рассчитывалъ только на себя и никогда не возлагалъ бы своихъ надеждъ на содѣйствіе сосѣдей. На самомъ дѣлѣ *А* всегда имѣлъ въ виду заручиться ихъ содѣйствіемъ и, чувствуя, что оно будетъ ему оказано только въ случаѣ взаимности съ его стороны, онъ вынужденъ добиваться нравственнаго величія не только для себя, но и для другихъ. Какъ бы равнодушно онъ ни относился къ своимъ сосѣдямъ, онъ по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ долженъ примкнуть къ общей формулѣ: «ты не будешь убивать».

Слѣдовательно это велѣніе принадлежитъ къ числу первичныхъ, хотя оно для дикарей не имѣетъ того широкаго и безусловнаго значенія, какое оно приобрѣло для насъ. Въ началѣ оно примѣняется только къ незначительнымъ группамъ людей, къ семьѣ или роду. Но впослѣдствіи, когда группы расширяются, когда родъ и племя становятся націями и организуется правительство, велѣніе это подчиняетъ себѣ все большее число людей. По причинамъ, которыя мы укажемъ впослѣдствіи, оно дѣйствуетъ правильнѣе и допускаетъ меньше ограниченій или исключеній. Но, какъ бы то ни было, мы отмѣтили его происхожденіе и убѣдились, что въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго. Дѣло могло обойтись безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Человѣкъ не желаетъ быть убитымъ и нуждается въ помощи другихъ,—этимъ объясняется все. Впрочемъ и опытъ подтверждаетъ наши соображенія. Пусть нѣсколько убійцъ, вступившихъ въ борьбу съ обществомъ, соединятся и образуютъ отдѣльное маленькое общество, они тотчасъ же сговорятся не убивать другъ друга. Для этихъ людей, превратившихъ убійство въ ремесло, снова возникаетъ велѣніе: «ты не будешь убивать». Оно неизбежно порождается ясно сознанною необходимостью. Съ другой стороны представьте себѣ человѣка неуязвимаго, ловко умѣющаго избѣгать всякихъ преслѣдованій и не нуждающагося въ посторонней помощи для своей защиты,—вы конечно не пожелаете имѣть такого человѣка своимъ сосѣдомъ.

Но человѣкъ не только не желаетъ быть убитымъ,—онъ кромѣ того не желаетъ, чтобы ему отрубили тотъ или другой членъ, чтобы его ранили, били, оскорбляли, грабили и т. д. И вотъ личный интересъ подсказываетъ цѣлый рядъ другихъ соответственныхъ велѣній или предписаній. Само собою разумѣется, что этимъ предписаніямъ люди придаютъ редакцію не личную, не эгоистичную, а общую. Причины этого явленія намъ извѣстны. Такимъ образомъ мораль создается или пересоздается ежедневно. Личный интересъ, совпадающій съ интересомъ общимъ, предписываетъ правила, необходимыя для безопасной совместной жизни.

«Положимъ, что это можно сказать относительно запретительныхъ правилъ,—тѣхъ правилъ, которыя составляютъ главное содержаніе морали. Но правила вспомошествованія, любви къ ближнему, активной морали, — словомъ, всѣ прекрасные и нѣжные цвѣты человѣческой морали этого рода не могутъ, по моему мнѣнію, вырастать на почвѣ ясно сознаннаго интереса». Такое мнѣніе обусловливается смѣшеніемъ теоріи и практики, нравственности съ моралью. Человѣкъ, творящій дѣла любви, представляетъ собою прекрасный, но рѣдкій типъ, и онъ руководствуется конечно не

интересомъ. Но тотъ, кто рекомендуетъ или проповѣдуетъ дѣла любви, можетъ быть человѣкомъ вполне зауряднымъ: не надо быть либерально настроеннымъ или великодушнымъ, чтобы понимать, что жить съ добрыми людьми выгодно; для этого даже не требуется особеннаго ума. Самый обыкновенный человѣкъ какъ по уму, такъ и по чувствамъ, легко додумается до тѣхъ нравственныхъ свойствъ, обладаніе которыми дѣлаетъ людей полезными, удобными или пріятными согражданами. Ежедневно это явленіе повторяется. Слѣдовательно та часть морали, которую вы признаете такою возвышенною, создается или пересоздается, какъ и остальная, ежедневно вокругъ насъ. Стоить только прислушаться, и вы убѣдитесь, что скупой хвалить не скупость, а щедрость, и что мошенникъ съ чувствомъ описываетъ очень вѣрно благія послѣдствія честности. Этимъ мы однако вовсе не хотимъ сказать, что краснорѣчивые, обладающіе даромъ убѣжденія моралисты—люди обыкновенные.

Совершенно напрасно опасаются, что извѣстныя теоріи могутъ подвергнуть мораль опасности. Мораль не погибнетъ до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока человѣкъ будетъ желать, чтобы его не убивали, не обкрадывали, не обманывали, не грабили, не избивали и не оставляли въ нуждѣ безъ помощи. Но я признаю, что въ тотъ день, когда человѣкъ будетъ столь же сильно дорожить всѣми этими страданіями, какъ онъ теперь ихъ избѣгаетъ, мораль подвергнется серьезной опасности.

Очевидно, что всѣ вѣлвія, устраняющія дѣйствія наносящія ущербъ имуществу человѣка или его тѣлу и требующія дѣйствій полезныхъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ, обуславливаются экономическимъ интересомъ. Къ той же категоріи мы должны причислить и большое число предписаній, вызываемыхъ требованіями нашихъ чувствъ. Нашъ сосѣдъ можетъ совершать дѣйствія, непріятныя для нашего зрѣнія, слуха или обонянія. Многое сильно оскорбляетъ эти чувства. Такъ, пьяный человѣкъ производитъ весьма непріятное впечатлѣніе, и пьянство осуждается болѣе за производимое имъ на наши чувства непріятное впечатлѣніе, чѣмъ за его послѣдствія, экономическія, семейныя или умственные. Если втеченіе вѣковъ постепенно всюду устанавливаются чистоплотность и та основная вѣжливость, которая устраняетъ антипатичныя проявленія органической жизни, то мы этимъ обязаны нашимъ чувствамъ.

Человѣкъ никогда не былъ чистымъ утилитаристомъ. Нѣтъ, до этого далеко. Поэтому нельзя утверждать, какъ мы увидимъ, что вся мораль имѣетъ своимъ источникомъ экономическій интересъ. Уже стадное животное, какъ указываетъ Спенсеръ («Со-

ціологія», ч. II, гл. I), проявляє самолюб'є. Первичний чоловік, якщо він не повністю подавлений нищетою, жаждє пошани. Життя дикаря, якъ це ні здається страннымъ, наповнена різними церемоніями. Дикарь дуже чутливий до знакамъ уваги і поваги; він любить, коли йому здивляються.

Чоловік живе не в самотності, а серед концентричних, все розширюючихся груп, таких: сім'я, рід, каста, клас, нація і т. д. Групи, складовою частиною яких він є, складають, по загальному мнінню, якъ би продовження власної особистості. Якщо чоловік дорожить особистимъ своїмъ гідністю, то він дорожить і гідністю різних оточуючих його концентричних груп. Тому чоловік може мати, і дійсно по більшості має, самолюб'є сімейне, професійне, сословне, національне, статеве. Існує навіть самолюб'є загальнолюдське.

Здається, німа потреби доводити існування національного, сімейного або сословного самолюб'я. Історія не допускає тут ніякого сумніву. Але я повинен сказати кілька слів стосовно статевого і загальнолюдського.

Що стосується до першого, то воно постійно забороняло людям чоловічої статі, якъ непристойний і недостойний їх статі образ думки і дій. Воно зіграло особливо сумну роль там, що підтримувало чоловічий пол в лівні і заважало йому допомагати жінкам в господарстві і навіть в сільськогосподарських роботах. З іншої сторони воно передписувало певні якості, якъ наприклад хоробрість. Звичайно хоробрість передписувалася вже чоловіку внаслідок її користі; але до цієї стимулюючої причини приєдналася і чоловіча гордість. Всюди трусливому кидали в лице наступне ображення: «ти баба». У диких і варварських народів, наприклад у арабів, жінки супроводжували своїх чоловіків в походах, знаходилися біля воюючих, готові кожну хвилину принизити їх в разі поразки: вони добре знали, що в їх руках жорстке жало, що для воїна німа нічого гірше, якъ бути званним бабою власної жінки.

Самолюб'є загальнолюдське також викликало цілий ряд заборон. Якъ і статеве самолюб'є, воно підтвердило і зміцнило обов'язки, передписані іншими почуттями. Народна мудрість і прислів'я свідчать у всіх народів, що громадське мніння вповні признає існування цього самолюб'я і часто користується ним для укріплення моральності. Везді порівнюють людину з свинєю, чоловіка непристойного — з собакою або обезьяною. В Алжирі

труса называютъ гіеною или шакаломъ. Правда, храбраго называютъ львомъ, ловчаго—серною; но это не представляетъ противорѣчія. Указывать человѣку на животное, какъ на соперника, съ которымъ трудно въ извѣстныхъ отношеніяхъ сравняться, это только другой способъ вліять на самолюбіе рода человѣческаго. Въ общемъ, за рѣдкими исключеніями, человѣкъ не любитъ, чтобы его сравнивали съ животнымъ; моралисты это прекрасно знаютъ и много пользовались и даже злоупотребляли этимъ бичемъ.

Итакъ, всѣ разнообразныя дѣйствія, о которыхъ говорятъ, что они неприличны или недостойны, принадлежать несомнѣнно къ той обширной области морали, которая создана тѣмъ или другимъ видомъ самолюбія. Такимъ образомъ одна часть морали принадлежитъ къ области понятій о чести.

Характеристическая черта дѣйствій, вызываемыхъ самолюбіемъ, заключается въ томъ, что совершеніе ихъ сопряжено съ усиліями или страданіями. Бываетъ однако, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій въ то же время полезны и благотворны. Въ такомъ случаѣ они одновременно предписываются и соціальнымъ интересомъ, и самолюбіемъ. Но большинство ихъ просто сопряжено съ страданіями и усиліями безъ всякой пользы для другихъ, или же они вызываютъ страданія, не соотвѣтствующія пользѣ, которую они могутъ доставить другимъ. Мы можемъ дать этимъ дѣйствіямъ общее названіе аскетизма. Онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи. Человѣкъ имъ дорожитъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Фактъ этотъ заслуживаетъ поясненія.

Когда мы видимъ, что человѣкъ совершаетъ нѣчто трудное, мы испытываемъ сложное чувство. Мы относимся къ нему съ уваженіемъ, иногда даже удивляемся ему; но въ то же время мы представляемъ себя на его мѣстѣ и приходимъ къ болѣе или менѣе твердому убѣжденію, что сами совершили бы то же. Такимъ образомъ всякое трудное дѣйствіе, совершаемое другими, увеличиваетъ наше довѣріе и уваженіе къ самимъ себѣ. Вотъ почему общественное мнѣніе такъ сильно поощряетъ индивида къ совершенію трудныхъ дѣйствій. Особенно сильно мы поощряемъ къ нимъ людей намъ близкихъ: родственниковъ, друзей, соотечественниковъ.

Люди часто слѣдуютъ этимъ поощреніямъ, прельщенные ожидаемой наградой. Удивленіе другихъ людей признается очень цѣнной наградой. Отсюда видно, что мораль не исчерпывается добромъ, что въ нее входитъ и красота; красивымъ же является трудное.

Я уже замѣтилъ, что во многихъ случаяхъ, когда общая польза повидимому является единственнымъ стимуломъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что дѣйствуетъ рядомъ съ

нею и аскетизмъ. Это напимѣръ оправдывается на военной храбрости. Теперь я выскажу всю мою мысль: весьма часто аскетизмъ играетъ главную роль.

Человѣкъ относится довольно безучастно къ общей пользѣ, т. е. ко всему, что не касается его непосредственно, или, говоря иначе, къ тому, въ чемъ онъ заинтересованъ, только какъ составная часть болѣе обширнаго цѣлаго. Если дикарь дорожилъ бы храбростью единственно какъ качествомъ, полезнымъ его племени, то онъ относился бы къ ней довольно холодно. Но на самомъ дѣлѣ его прельщаетъ въ ней другое, именно, что она дается съ большимъ напряженіемъ силъ. Человѣкъ ненавидитъ смерть; она—общій врагъ рода. Тотъ, кто имѣетъ мужество смотреть прямо въ лицо смерти и не страшиться ея, пользуется общимъ почтеніемъ; онъ—болѣе чѣмъ человѣкъ, онъ—почти богъ. Чтобы понять въ этомъ отношеніи истинныя чувства человечества, надо обратить вниманіе на настроеніе народа въ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ люди болѣе предусмотрительны, но настроены болѣе утилитарно, чѣмъ дикари. Народъ въ этихъ странахъ все еще любитъ войну; онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ ребенка, всегда настроеннаго болѣе или менѣе воинственно. Онъ любитъ войну, потому что она даетъ просторъ основной добродѣтели. Сама по себѣ война между цивилизованными народами не приноситъ уже пользы ни простому солдату, ни народу, такъ какъ она ихъ уже не обогащаетъ. Присоединеніе новой территоріи не приноситъ имъ пользы. Слѣдовательно популярность войны основана здѣсь только на аскетизмѣ, къ которому присоединяется—я это признаю—національное самолюбіе. Утилитарная идея вполне отсутствуетъ. Нѣкоторые болѣе развитые люди воодушевлены тѣми же чувствами, какъ и самъ народъ, и они-то имѣютъ для социолога особенное значеніе, потому что они могутъ возвести свое чувство въ теорію. Послушайте нѣмца Молтке или француза Ренана. Оба они намъ говорятъ: «сохранимъ привычку иногда воевать, ибо война представляетъ случай проявить нравственную силу».

Сказанное мною относительно храбрости примѣняется также къ разнымъ испытаніямъ, которымъ у дикихъ народовъ подвергаются подростки. Этими испытаніями ограничивается приблизительно все воспитаніе. Съ виду они имѣютъ только цѣлью подготовить воиновъ; но, по моему мнѣнію, къ этой утилитарной цѣли примѣшивается въ сущности и аскетизмъ. Къ этого рода испытаніямъ принадлежатъ, если я не ошибаюсь, и столь распространенная у дикарей татуировка, равно какъ и членовредительства, которыя на первый взглядъ вызываются повидимому только же-

ланіемъ почитать мертвыхъ, каковы: выдергиваніе одного или нѣсколькихъ зубовъ, рубцы на щекахъ, отсѣченіе одного сустава на пальцѣ и т. д.

Симпатія требуетъ дѣйствій, доставляющихъ ближнимъ пріятныя ощущенія, и чаще еще такихъ дѣйствій, которыя устраняютъ страданія. Быть можетъ, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ въ прошломъ, такъ и теперь симпатія, насколько она вызываетъ тѣ или другія предписанія морали, требовательна только тогда, когда ее сильно возбуждаетъ семейная идея или кровное родство.

Вліяніе антипатіи шире. Я подразумеваю здѣсь специальный видъ антипатіи, столь хорошо извѣстный подъ названіемъ зависти.

Въ общемъ эта причина скрывается. На мой взглядъ нѣкоторые виды аскетизма порождаются завистью, т. е. неудовольствіемъ, верѣдко внушаемымъ человѣку видомъ чужого счастья, особенно когда оно проявляется рѣзко, демонстративно. Бросающееся въ глаза счастье часто оскорбляетъ. Это—чувство, испытываемое почти всѣми людьми. Такимъ образомъ зависть содѣйствовала самолюбію въ созданіи аскетической морали.

Симпатія, какъ источникъ дѣйствій, облегчающихъ чужія страданія или нужду, вызываетъ на ряду съ интересомъ полезныя дѣйствія; поэтому причина извѣстныхъ дѣйствій можетъ казаться сомнительной. Но одно замѣчаніе, можетъ быть, предотвратить смѣшеніе. Интересъ требуетъ такихъ дѣйствій, безъ которыхъ обществу грозитъ разложеніе, въ особенности же воздержанія отъ дѣйствій, приводящихъ къ этому результату. Такимъ образомъ интересъ требуетъ взаимности, справедливости (мы сейчасъ дадимъ опредѣленіе этихъ терминовъ); безъ взаимности, безъ справедливости, по крайней мѣрѣ безъ извѣстной доли этого качества, общество дѣйствительно немыслимо. Симпатія требуетъ, чтобы мы приходили на помощь ближнему и совершали дѣла любви, но эти дѣла могутъ быть совершаемы по отношенію къ данному индивиду, а не къ другому, т. е. лишены общаго характера, не представляютъ собою чего то неизбѣжнаго. Общество въ достаточной степени справедливое можетъ существовать и помимо такихъ дѣлъ.

Мы видимъ слѣдовательно, что, избрѣтая мораль, человѣкъ руководствуется въ этомъ дѣлѣ почти всѣмъ своимъ существомъ, своими интересами, симпатіями, самолюбіемъ, художественными требованіями.

Что касается до интересовъ, то тутъ необходимо поясненіе. По большей части это—интересы общаго характера, въ которыхъ сходятся отдѣльныя лица. Но это не всегда такъ. Если народъ распадается на классы—а на нихъ распадается всякій народъ,—

самые вліятельные выставляють свой классовый интересъ общимъ интересомъ націи, и нерѣдко съ успѣхомъ. Въ самомъ классѣ наиболѣе вліятельное лицо по положенію, которое оно занимаетъ, выдаетъ свой интересъ за интересъ всего класса. Возьмемъ два примѣра. Половая мораль подчиняется по существу двумъ принципамъ; невѣрность жены признается самымъ тяжкимъ преступленіемъ; невѣрность мужа—легкимъ проступкомъ. Въ семейной морали обязанности дѣтей всегда точно опредѣлены, и ихъ исполненіе требуется съ большою строгостью. Соотвѣтственные обязанности отца часто остаются невыясненными.

Если остановиться на современномъ человѣчествѣ, мы придемъ къ слѣдующему важному выводу. Когда человѣкъ имѣетъ въ одиночку дѣло съ другимъ человѣкомъ, онъ—утилитаристъ. т. е. требуетъ только, чтобы другой совершалъ по отношенію къ нему дѣйствія пріятныя или выгодныя. Но когда человѣкъ имѣетъ дѣло съ группой, къ которой онъ принадлежитъ, то онъ относится равнодушно къ экономическому интересу и преимущественно требуетъ дѣйствій приличныхъ или трудныхъ. Чѣмъ больше группа, тѣмъ человѣкъ аскетичнѣе, тѣмъ болѣе онъ забываетъ объ интересѣ въ собственномъ значеніи этого слова для интересовъ самолюбія. Такимъ образомъ мы видимъ уже въ отдѣльномъ человѣкѣ два настроенія, двѣ общія тенденціи, взаимно другъ другу противодѣйствующія. Но это еще не все. Въ этомъ сложномъ и трудномъ вопросѣ противоположныхъ принциповъ очень много. Уловить по крайней мѣрѣ главные безусловно необходимо.

Общественное мнѣніе проявляется не только въ активномъ, но и въ пассивномъ смыслѣ. Какъ и отдѣльные индивиды, изъ которыхъ состоитъ общество, оно подчиняется вліянію естественныхъ или социальныхъ преимуществъ, каковы: сила, красота, храбрость, краснорѣчіе, происхожденіе, богатство, высокое званіе. Впечатлѣніе, которое они производятъ, бываетъ различнаго рода. Общество, какъ и отдѣльный индивидъ, испытываетъ зависть и удивленіе. Укажемъ на одно изъ послѣдствій этой склонности преклоняться предъ всякимъ превосходствомъ. Если индивидъ оцѣнивается на основаніи какъ его дѣйствій, такъ и его преимуществъ, то существуютъ двѣ мѣрки, изъ которыхъ одна можетъ противорѣчить другой. Это противорѣчіе широко проявляется въ исторіи. Мы часто видимъ, что человѣкъ, заслуживающій осужденія и дѣйствительно осуждаемый общественнымъ мнѣніемъ за свои личныя прегрѣшенія, въ то же время, въ силу своего социальнаго положенія, пользуется почетомъ, который уравниваетъ или совершенно ослабляетъ строгость приго-

вора. Законодательство, служащее отраженіемъ взглядовъ общества, носить на себѣ многіе слѣды этого противорѣчія въ статьяхъ, опредѣляющихъ привилегіи знатныхъ классовъ. Какое преступленіе ни совершилъ бы въ Индіи браминъ, онъ, по законодательству Ману, не подлежитъ смертной казни. Не слѣдуетъ думать, что это вызывается исключительно насиліемъ: народы иногда сами одобряли подобнаго рода законодательныя постановленія.

Въ основѣ этого вопроса замѣчается по истинѣ странное теоретическое противорѣчіе. Люди повидимому иногда считаютъ идею личной заслуги и отвѣтственности основаніемъ всякой морали; но тѣ же люди относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ дарамъ природы, ничего не стоившимъ человѣку. Если человѣкъ съ большими усилиями достигъ учености, храбрости или честности, онъ не пользуется уваженіемъ въ такой степени, какъ другой человѣкъ, который приобрѣлъ тѣ же качества безъ всякихъ усилій или съ ничтожной затратой энергіи. Возьмите богатаго человѣка: онъ могъ самъ заработать богатство или унаслѣдовать его отъ своихъ предковъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ пользоваться несравненно большимъ уваженіемъ.

Мы охотно допускаемъ, что мораль имѣетъ разные источники и что каждый изъ нихъ имѣетъ свой цвѣтъ, который не всегда легко сливается съ цвѣтомъ сосѣдняго источника. Но это не достаточно сильное сравненіе. На самомъ дѣлѣ между нравственными правилами, имѣющими различныя психическіе источники, существуютъ противорѣчія, такъ что они другъ друга исключаютъ. Напримѣръ, аскетическая мораль и мораль интересовъ находятся между собой въ оппозиціи почти коренной. Мораль интересовъ требуетъ, чтобы уваженіемъ другихъ пользовался тотъ человѣкъ, который, въ точности соблюдая правила справедливости, дѣлаетъ другимъ возможно больше добра; аскетическая мораль съ своей стороны требуетъ, чтобы болѣе всего удивлялись человѣку, который умѣетъ сильнѣе всего вредить самому себѣ; героями второй является Симеонъ Столпникъ, а первой — люди, дѣйствующіе въ духѣ Бентама.

Уже основное различіе въ душевномъ складѣ людей вызвало бы противорѣчія въ морали общества, даже еслибы оно было безусловно однородно. Но такого общества никогда не существовало.

Начертимъ схему какого нибудь общества. Въ немъ есть правящіе и управляемые, мужья и жены, отцы и дѣти, различные классы, низшіе и высшіе, военные и статскіе, или тамъ, гдѣ существуетъ общая воинская повинность, люди, предающіеся то мирнымъ, то военнымъ занятіямъ. Съ экономической точки зрѣнія всякій человѣкъ бываетъ то производителемъ, то потреби-

теломъ, то покупателемъ, то продавцемъ. Существуютъ разныя ремесла и всякаго рода профессіи. Равнымъ образомъ могутъ существовать или существуютъ рабы, крѣпостные, во всякомъ же случаѣ господа и прислуга.

Условныя обязанности правящихъ и управляемыхъ никогда не могутъ быть и не бываютъ тождественны. То же можно сказать и о соответствующихъ другъ другу обязанностяхъ мужа и жены, отца и дѣтей, господъ и прислуги. Противоположность между положеніемъ продавца и покупателя, производителя и потребителя, равно какъ и между разными профессіями не можетъ быть такъ велика; но всѣ они содѣйствуютъ измѣненію общей морали. Эти измѣненія очень часто доходятъ до прямыхъ искаженій. Специальныя обязанности нерѣдко противорѣчатъ общимъ. Такъ напр., подчиненіе, послушаніе являются добродѣтелями для управляемыхъ, наоборотъ властная, непреклонная воля составляетъ безусловное качество правящаго. Низшія сословія должны держать себя скромно и не забывать своего положенія, между тѣмъ какъ высшіе классы должны неуклонно требовать почета, для нихъ установленнаго. Дѣло доходитъ до того, что общественное мнѣніе одновременно одобряетъ совершенно противоположные характеры.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нравственная теорія не доходитъ до такого глубокаго внутренняго противорѣчія, всетаки существуетъ скрытая борьба между спеціальными и общими обязанностями. Возьмемъ на примѣръ профессиональную мораль: плотникъ имѣетъ, кромѣ общихъ обязанностей отца, супруга, подданнаго и т. д., еще спеціальныя обязанности, которыя можно резюмировать въ двухъ словахъ — быть хорошимъ работникомъ. Повидимому эта обязанность не вредитъ другимъ его обязанностямъ. Но на самомъ дѣлѣ она имѣетъ неизбѣжно вредитъ въ извѣстной мѣрѣ уже въ силу того факта, что она поглощаетъ часть воли и воздѣйствія на самого себя. Она вредитъ еще и въ другомъ отношеніи. Если человѣкъ — дурной мужъ, но хорошій работникъ, онъ не лишится уваженія общества, особенно той части его, мнѣніемъ которой онъ болѣе всего дорожитъ, т. е. своихъ товарищей по ремеслу. Можетъ быть, эта спеціальная среда даже предпочтетъ хорошаго работника, если онъ — дурной мужъ, хорошему мужу, если онъ — дурной работникъ; это даже весьма вѣроятно. Мы видимъ слѣдовательно, что въ жизни происходитъ борьба между различными качествами человѣка, и что обладать однимъ изъ нихъ значитъ до извѣстной степени быть освобожденнымъ отъ другого. Этотъ законъ проявляется съ особенной силой въ военномъ сословіи. Здѣсь храбрость освобождаетъ че-

ловѣка отъ многихъ другихъ заслугъ, и если устранить наше время, когда милитаризмъ не имѣетъ уже прежняго значенія, и вспомнить арміи дореволюціонной Франціи, на примѣръ солдатъ XVI в., то мы можемъ еще рѣшительнѣе высказаться въ этомъ смыслѣ. Тогда хорошій солдатъ какъ бы имѣлъ право, по мнѣнію своихъ товарищей и даже по мнѣнію своего начальства, быть распутнымъ, пристрастнымъ къ вину, относиться безъ всякаго уваженія къ статскимъ, если только онъ былъ храбръ и до извѣстной степени соблюдалъ дисциплину. При этихъ двухъ качествахъ онъ признавался своего рода совершенствомъ; больше отъ него не требовали.

Этотъ примѣръ намъ показываетъ, какъ специальная мораль расходится съ общою и даже противорѣчитъ ей. Въ этомъ отношеніи сильнѣе всего вліяла религія. Всѣ религіи походятъ другъ на друга въ томъ существенномъ пунктѣ, что онѣ устанавливаютъ на ряду съ обязанностями человѣка къ ближнимъ еще и обязанности человѣка къ божеству. Я сказалъ: на ряду,—умышленно ослабляя истинное положеніе дѣлъ; ставить новыя обязанности на ряду съ другими—это значить, какъ мы уже видѣли, ослаблять послѣднія. Но это еще не все. Нѣтъ религіи, которая, по крайней мѣрѣ по толкованію своихъ представителей, не ставила бы обязанности по отношенію къ божеству гораздо выше обязанностей по отношенію къ человѣку. Самая совершенная изъ всѣхъ религій—христіанство—подчинилась этому всеобщему закону столько же, какъ и остальные. По его ученію, вѣрующій, не соблюдающій въ пятницу поста, совершаетъ смертный грѣхъ и подлежитъ такому же наказанію, какъ человѣкъ, убивающій себя подобнаго.

Еще болѣе все нами сказанное примѣнимо къ войнѣ, къ милитаризму. Мы въ другомъ мѣстѣ рассмотримъ этотъ вопросъ обстоятельнѣе, а здѣсь замѣтимъ только, что война представляетъ полное извращеніе всякой морали. Мораль предписываетъ не убивать, не красть, не насиловать женщинъ. Въ военное время всѣ эти предписанія замѣняются съ спокойною совѣстью противоположными: война какъ бы предписываетъ убивать, красть, насиловать женщинъ (за исключеніемъ самаго послѣдняго времени), быть заносчивымъ, неумолимымъ, совершать возможно больше зла. Эта мораль наизнанку, говорятъ, существуетъ только для врага; но наивно думать, что отъ нея не страдаетъ и согражданинъ. Только недавно солдатамъ стали предписывать нѣкоторыя обязанности по отношенію къ врагу, но онѣ все еще плохо соблюдаются.

Нравственная теорія постоянно измѣняется въ каждой отдѣль-

ной области своихъ предписаній. Но это наблюденіе не исчерпываетъ вопроса. Съ извѣстнаго момента, который нельзя въ точности опредѣлить, происходитъ обратное движеніе. Общественное мнѣніе становится однороднымъ, требуетъ отъ всѣхъ по существу однѣхъ и тѣхъ же обязанностей въ ущербъ прежнимъ специальнымъ обязанностямъ, которыя либо ослабляются, либо вовсе отменяются. Дѣло принимаетъ такой видъ, какъ будто начинается дѣйствовать законъ, противорѣчащій прежнему закону. Это вызываетъ широкія колебанія, причину которыхъ очень желательно открыть.

Такъ какъ мы со всѣхъ сторонъ окружены людьми намъ подобными, то мы легко составляемъ собѣ идею о сходствѣ всѣхъ людей. Это еще не идея равенства (хотя моралисты часто употребляютъ выраженіе: «тебѣ подобный» вмѣсто «равный»), но это ее основаніе. Властитель вродѣ Людовика XIV, какъ бы онъ ни былъ склоненъ считать себя своего рода божествомъ, постоянно убѣждается, вслѣдствіе физическихъ своихъ потребностей, болѣзней, жизненныхъ невзгодъ, ожиданія смерти, что онъ—тотъ же человѣкъ.

Стоитъ только присмотрѣться къ дикарю и ребенку, чтобы убѣдиться, какъ сильно человѣческая природа дорожитъ равенствомъ, т. е. одинаковымъ обращеніемъ. Къ несчастью, человѣкъ не довольствуется быть равнымъ; это минимумъ его требованій. При первой возможности онъ желаетъ быть выше. Тутъ надо различать двоякій образъ дѣйствій человѣка: пассивный и активный. По отношенію къ тому, кто желаетъ быть выше его, онъ требуетъ равенства и въ своемъ противодѣйствіи не идетъ дальше. Но когда ему представляется возможность развернуться, онъ тотчасъ-же переступаетъ этотъ предѣлъ и съ своей стороны вызываетъ пассивное противодѣйствіе другихъ. Такимъ образомъ равенство является вынужденнымъ соглашеніемъ, какъ всѣ соглашенія вообще; но ему невольно содѣйствуетъ человѣческій умъ.

Чтобы измѣрить разстояніе, нужна какая-нибудь опредѣленная мѣра. Въ морали происходитъ нѣчто подобное: тутъ мѣрою является равноцѣнность людей. Возьмите дикую орду. Въ ней женщины навѣрное неравны мужчинамъ или дѣти — подросткамъ; но послѣдніе равны между собою, если не фактически, то по крайней мѣрѣ въ силу смутно сознаваемой теоріи. Сперва возникаетъ законъ мести: око за око, зубъ за зубъ и т. д. Этотъ законъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ смутно сознаваемую мысль о равноцѣнности всѣхъ людей. Посмотримъ теперь на болѣе цивилизованное общество, въ которомъ установилась уже социальная іерархія. Мы тутъ встрѣчаемъ людей свободныхъ,

благородныхъ, князей. Этимъ устанавливается равенство по ступенямъ, такъ какъ люди каждого класса признаются равными между собою. Когда къ закону мести постепенно присоединяется вира, мы убѣждаемся, что для одного и того же класса устанавливается одинаковый размѣръ виры. Слѣдовательно и тутъ мы встрѣчаемся съ мыслью о равенствѣ.

Если внимательно присмотрѣться къ французскому или римскому гражданскому праву, то, несмотря на всю сложность предписаній, мы замѣтимъ два широкихъ теченія, различающихся, такъ сказать, по своему цвѣту и повидимому имѣющихъ два различныхъ источника. Возьмемъ сперва договоры: куплю-продажу, мѣну, наемъ, образованіе товариществъ. Всѣ эти договоры подчиняются однообразнымъ правиламъ и, не смотря на кажущееся различіе, представляютъ нѣчто общее. Они какъ бы проникнуты однимъ духомъ, однимъ настроеніемъ. Люди, установившіе эти правила, невольно или сознательно стремились къ равенству.

Возьмемъ примѣръ. *А* и *Б* заключаютъ договоръ купли-продажи. *А* хочетъ купить, *Б* продать. Слѣдовательно *А* и *Б* поставлены въ различное экономическое положеніе, даже до нѣкоторой степени противоположное. Въ чемъ же заключаются по существу намѣренія законодателя? Онъ хочетъ найти для *А* съ одной стороны и для *Б* съ другой совершенно равное положеніе, не смотря на видимое различіе или противоположность ихъ намѣреній. *Б* немедленно уступаетъ проданный имъ *А* участокъ земли, но *А* требуетъ опредѣленнаго срока для уплаты покупной суммы. Законодатель усматриваетъ въ этомъ неравенство, и если договаривающіяся стороны не сдѣлали соответственнаго заявленія, онъ постановляетъ, что *А* выплатитъ *Б* проценты съ покупной суммы. Прослѣдите всѣ правила касательно договоровъ купли-продажи, и вы увидите, что они походятъ на отмѣченное нами: они возстанавливаютъ по мѣрѣ возможности равенство между договаривающимися сторонами.

Все договорное право такимъ образомъ является своего рода геометріей, основанной на аксіомѣ о равенствѣ. Всякое недоразумѣніе между договаривающимися сторонами вызываетъ теорему въ извѣстномъ смыслѣ новую, но въ сущности старую: не смотря на различіе положеній, надо возстановить равенство.

Сравните теперь правила, касающіяся иностранцевъ и ихъ отношеній къ коренному населенію, браковъ, обязанностей отца и усыновленія, правила наслѣдственной передачи имуществъ и законнаго ихъ наслѣдованія. Эта вторая часть гражданского права, столь сложная и значительная по своему объему, представляетъ большое различіе съ первою. Здѣсь идея равенства

не является общимъ основнымъ принципомъ, но либо вовсе отсутствуетъ, либо оказываетъ весьма слабое дѣйствіе. Законодатель руководствовался не принципомъ равенства, а другими соображеніями. Но между этими соображеніями одно беретъ верхъ надъ всѣми остальными по силѣ и общности своего обаянія, такъ что оно налагаетъ свой отпечатокъ на всѣ главные постановленія: законодатель имѣетъ въ виду одинъ широкій интересъ, именно сохраненіе и процвѣтаніе того общественнаго класса, для котораго онъ устанавливаетъ свои законы. Слѣдовательно въ сущности эта часть права имѣетъ близкое отношеніе къ политикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ всѣми ея несовершенствами.

Общественная польза—вопросъ болѣе сложный, чѣмъ равенство между двумя людьми. Далеко не всегда можно безошибочно установить, что обществу полезно: общіе интересы смѣшиваются съ интересами даннаго класса, и даже если эта основная ошибка не совершена, если цѣль ясно и вѣрно сознана, можно ошибиться относительно средствъ, которыя къ ней приводятъ. Вотъ почему эта часть права всюду болѣе или менѣе искажена пристрастіемъ, несправедливостями или ошибками. Она не развивается правильно, какъ договорное право: приходится постоянно исправлять, отмѣнять, улучшать. Вотъ почему ей присущъ временной характеръ, т. е. она въ одномъ и томъ же обществѣ представляетъ большое различіе въ разные эпохи. Равнымъ образомъ она весьма разнообразна въ разныхъ странахъ, потому что всякое общество, находясь въ своеобразныхъ условіяхъ, по своему понимаетъ свою пользу и свои интересы. Возьмемъ примѣръ. Въ Римѣ обществу втеченіе вѣковъ казалось полезнымъ и даже необходимымъ, чтобы сынъ находился въ полномъ подчиненіи у отца, т. е. чтобы послѣдній могъ деспотически распоряжаться имуществомъ, приобретеннымъ сыномъ, и даже его личностью. Въ настоящее время мы признаемъ такое положеніе дѣтъ несправедливымъ. Чѣмъ объясняется эта перемѣна во взглядахъ? Тѣмъ, что мы вернулись къ идеѣ равенства между отцомъ и сыномъ. Римляне были въ этомъ отношеніи—люди съ предвзятыми взглядами. Они рассуждали примѣрно такъ: отецъ далъ сыну жизнь; ему слѣдовательно принадлежать и всѣ права надъ своимъ созданіемъ. Отзвукъ этого страннаго рассужденія мы находимъ еще у Монтескье, въ его «Духѣ Законовъ».

Теперь, когда въ отношеніяхъ между отцомъ и сыномъ восстановлена справедливость, мы полагаемъ, что общество отъ этого не только не страдаетъ, но даже выигрываетъ. Надо однако замѣтить, что къ отмѣнѣ прежняго законодательства привелъ не болѣе вѣрный взглядъ на то, что обществу полезно, а

болѣе ясное сознаніе равенства между положеніемъ отца и сына. Достаточно вспомнить время, когда у насъ состоялась эта реформа, чтобы въ этомъ убѣдиться. Она состоялась во время великой революціи, этого могучаго движенія въ пользу всеобщаго равенства. Тогда еще дѣйствовалъ законъ, въ силу котораго отецъ распоряжался имуществомъ, заработаннымъ сыномъ. Этотъ римскій законъ сохранялъ свою силу втеченіе 1800 лѣтъ послѣ Иисуса Христа и 1300 лѣтъ послѣ паденія Римской имперіи. Только французская революція покончила съ этой эксплуатаціей отцомъ сына.

Встрѣчающіяся въ исторіи крупныя проявленія несправедливости или безнравственности, какъ на примѣръ рабство, жестокость одного класса по отношенію къ другому, всегда основывались на ложномъ понятіи о неравенствѣ людей. Какъ только мы считаемъ человѣка ниже себя, мы невольно его обижаемъ. Однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этой истины служитъ исторія отношеній между цивилизованными и дикими народами. У цивилизованныхъ народовъ безспорно существуетъ нравственность, которая, по своему постоянству и своей устойчивости, превосходитъ нравственность дикихъ народовъ. Но по отношенію къ дикарю цивилизованный человѣкъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ экономическомъ, военномъ, умственномъ, нравственномъ превосходствѣ. Что же изъ этого послѣдовало? Оказалось, что цивилизованный человѣкъ былъ въ своихъ отношеніяхъ къ дикарю безнравственнѣе его. Въ этомъ пунктѣ совершенно совпадаютъ показанія путешественниковъ; къ тому же выводу приходятъ и соціологи, начиная со Спенсера и кончая Летурно.

Мы видѣли, что гражданское право въ лучшей своей части основано на стремленіи добиться равенства во всемъ разнообразіи скрывающихъ его личныхъ отношеній. То же можно сказать о лучшей части уголовного права: оно также добывается равенства, ослабляемого личными несовершенствами. Криминалистъ старается найти остатки равенства въ преступникѣ и сообразуется съ ними въ установленіи наказанія. Когда, по его мнѣнію, равенство совершенно утрачено, онъ не обращаетъ уже никакого вниманія на личность, и смертная казнь становится обязательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Я говорю о лучшей части уголовного права, потому что и оно часто допускаетъ цѣли, не имѣющія ничего общаго съ равенствомъ, какова на примѣръ общественная польза, въ особенности желаніе устрасить, т. е. создать устрашающіе примѣры.

Придерживаясь этой тенденціи, уголовное право часто доходило до чрезмѣрныхъ наказаній, нелѣпыхъ по своей жестокости.

Цивилизованные народы стараются сообразоваться въ уголовномъ правѣ, какъ и въ гражданскомъ, исключительно съ равенствомъ и справедливостью. Французское право почти безусловно отвергло принципъ общественной пользы; оно почти исключительно принимаетъ во вниманіе личную порочность, какъ ее опредѣляетъ законодатель.

Идея теоретическаго равенства внушена человѣку практическими потребностями. Онъ убѣдился, что эта идея необходима для установленія нѣкотораго постоянства въ социальныхъ отношеніяхъ. Оказаніе правосудія облегчается по мѣрѣ того, какъ равенство все болѣе распространяется въ обществѣ. Всякое неравенство создаетъ практическое затрудненіе. Затрудненія эти становятся безконечными, когда неравенство въ странѣ преобладаетъ. Таково положеніе Индіи съ ея кастами.

Представьте себѣ общество, какого никогда не существовало, т. е. общество, въ которомъ каждый индивидъ оцѣнивался бы различно и составлялъ бы слѣдовательно особый социальный классъ. Пришлось бы установить для каждого человѣка особые законы. Это создало бы непроходимый лабиринтъ.

Въ общемъ человѣкъ требуетъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ другими. Это составляетъ минимумъ его требованій. Постепенно это требованіе находитъ себѣ поддержку въ извѣстной идеѣ. Вытекая изъ практическихъ соображеній, равенство становится достояніемъ теоріи и удерживается въ ней. Даже въ обществѣ, гдѣ на практикѣ нѣтъ равенства, теоретически оно существуетъ и сохраняетъ равенство каждой изъ группъ, образующихъ общество, такъ что каждая изъ этихъ группъ составляетъ какъ бы отдѣльный народъ, живущій вмѣстѣ съ другими на одной территоріи. Эта мысль довольно близка къ истинѣ, потому что нормальное общество предполагаетъ непременно равенство.

Стремленіе къ равенству и теоретическая идея равенства всегда присущи человѣку и непобѣдимы. Они намъ объясняютъ, почему нравственность всегда стремится къ однообразію. Встрѣчая отпоръ со стороны разныхъ другихъ политическихъ и экономическихъ стремленій, задерживаемое такими фактами, какъ война, рабство или незаконное присвоеніе почвы, стремленіе къ равенству или, выражаясь проще, демократія пользуется для своихъ цѣлей всѣмъ, что нарушаетъ порядокъ въ обществѣ, распадающемся на касты и классы. Какъ только какое нибудь событіе сокрушаетъ ту или другую группу и вызываетъ ее распаденіе, воцаряется равенство, подобно тому, какъ вода распространяется въ сосудѣ съ перегородками, когда онѣ разбиты.

Теперь мы, кажется, можем рѣшить вопросъ, поставленный нами въ началѣ этой главы. Содержитъ ли въ себѣ мораль элементы устойчивые и общіе? Можно доказать, что ни одно изъ предписаній морали, даже самыя существенныя, каковы велѣнія не убивать, не красть и т. д., никогда не встрѣчалось у всѣхъ народовъ. Данная группа людей можетъ быть поставлена въ такія условія, что общественная польза ей дѣйствительно предписываетъ или, что равносильно, повидимому предписываетъ придерживаться на практикѣ безнравственныхъ началъ. Но для того, чтобы эта группа сохранила свое существованіе, необходимо—и это условіе нельзя обойти—установить между ее членами взаимность въ дѣйствіяхъ; въ противномъ случаѣ она распадется. Но тотчасъ же при ея распаденіи должна образоваться новая группа, потому что человѣкъ не можетъ жить одинъ. Такимъ образомъ надъ всѣми измѣняемыми спеціальными предписаніями господствуетъ неизмѣнное общее предписаніе; это — взаимность, т. е. равенство между членами группы. Мы слѣдовательно нашли всеобщій и устойчивый принципъ, и на мой взглядъ другого нѣтъ.

Идея обязанности породила много туманныхъ мыслей. Надо избѣгнуть этой ошибки. Еслибы на свѣтѣ не было другого человека, кромѣ меня, я не могъ бы имѣть обязанностей. Человѣкъ имѣетъ обязанности по отношенію къ самому себѣ, только когда онъ живетъ съ другими людьми. Обязанности по отношенію къ Богу составляютъ предметъ вѣры, а не науки. Обязанность возникаетъ только при существованіи другихъ людей, мнѣ подобныхъ, равныхъ. Эта послѣдняя мысль существенно необходима. Хотя бы рядомъ со мною жилъ другой человѣкъ, но если между нами нѣтъ равенства, то нельзя доказать, что я ему чѣмъ нибудь обязанъ. Я могу быть обязаннымъ только по отношенію къ равному, и я ему обязанъ взаимностью въ дѣйствіяхъ: дѣлай другимъ и т. д., это—положительная взаимность; не дѣлай другимъ и т. д., это — взаимность отрицательная. Вся мораль, устойчивая, вѣчная, всеобщая, заключается въ этихъ двухъ заповѣдяхъ.

Но, повторяю, здѣсь «другой» значитъ «равный». Доказательствомъ служитъ, что эти велѣнія не оказываютъ никакого вліянія на совѣсть человѣка, какъ только онъ полагаетъ, что имѣетъ дѣло не съ равнымъ. Предъ нами преступникъ; его заключаютъ въ тюрьму, приговариваютъ къ смерти или къ иному наказанію. Нарушаетъ ли судья по отношенію къ нему нравственное велѣніе: не дѣлай другимъ и т. д.? Мнѣ отвѣчаютъ единодушно отрицательно. Заповѣдь не нарушена, потому что ее нельзя было здѣсь примѣнить. Но почему ее примѣненіе оказалось невозмож-

нымъ? Думайте, сколько угодно, и вы придете все-таки къ слѣдующему выводу: потому что преступленіе лишило этого чловѣка равенства съ другими.

На дѣлѣ люди очень неравны. Природа распредѣляетъ силу, красоту, умъ очень неравномѣрно. Образъ жизни дѣлаетъ людей еще болѣе неравными. И тѣмъ не менѣе отвлеченная, теоретическая идея равенства составляетъ какъ бы неизбежное условіе, какъ бы правило, отъ котораго люди уклоняются постоянно, вслѣдствіе своихъ страстей или вслѣдствіе существованія другихъ правилъ, напримѣръ правила личной отвѣтственности, но къ которому они постоянно возвращаются, потому что безъ него жить невозможно. Равенство, справедливость, взаимность, обязанность, все это—различные термины, обозначающіе одно и то же основное понятіе.

Существуетъ тезисъ, совершенно противоположный нашему. «Я чувствую, что ничто человѣческое меня не обязываетъ; мнѣ необходимо высшее, сверхъестественное существо, которое мнѣ повелѣвало бы относиться съ уваженіемъ къ жизни, здоровью, имуществу другихъ людей». Этотъ образъ мыслей легко себѣ уяснить: такъ разсуждаетъ чловѣкъ, который не знаетъ иной добродѣтели, кромѣ поклоненія силѣ. Это образъ мыслей не цивилизованнаго чловѣка, какъ нѣкоторые думаютъ, а дикаря. Представьте себѣ чловѣка, какіе конечно бывали при Людовикѣ XIV, разсуждающаго слѣдующимъ образомъ: «Если я не убиваю, если я не краду, то потому, что это не нравится королю, воля котораго для меня священна», и сравните это разсужденіе съ слѣдующимъ: «Если я не обижаю ближняго, то потому, что этому противится мой умъ и мое чувство. Мой ближній имѣетъ одинаковое значеніе со мною,—вотъ почему мой умъ воспрещаетъ мнѣ его обижать. Затѣмъ я представляю себѣ его страданія, я ставлю себя на его мѣсто,—и чувство противится тому же: въ общемъ я не могу». Правда, что рѣчь идетъ о послушаніи высшему существу; но это не измѣняетъ сущности такой морали, которая остается моралью людей, преклоняющихся передъ силою.

Мы пытались выяснитъ причины, обуславливающія появленіе правилъ нравственности. Теперь мы постараемся установить, какія сопутствующія силы заставляютъ чловѣка быть *нравственнымъ*. Въ томъ и другомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ однимъ явленіемъ, но разсматриваемымъ съ двухъ различныхъ сторонъ, именно съ *общественнымъ мнѣніемъ*. До сихъ поръ мы видѣли, какъ оно создаетъ правила нравственности; теперь мы остановимся на немъ, какъ на принудительной силѣ, и изслѣдуемъ его

съ точки зрѣнія степени и формы, въ какихъ эта сила проявляется. При этомъ намъ придется напомнить о нѣкоторыхъ уже изложенныхъ идеяхъ.

Люди привыкли соединять съ общественнымъ мнѣніемъ мысль о чисто-правственныхъ наказаніяхъ и наградахъ. Эта мысль теперь, когда правительства имѣютъ большую устойчивость, приблизительно вѣрна. Но, когда еще не существовало правильно организованныхъ правительствъ, общественное мнѣніе прибѣгало и къ физическому принужденію, не особенно соразмѣрному или постоянному, но весьма дѣйствительному. То, что называется судомъ Линча въ западной части Соединенныхъ Штатовъ, представляетъ собой остатокъ общаго положенія дѣлъ, предшествовавшаго правильной правительственной организаціи. Постепенно правительства лишали общество права физическаго принужденія и сосредоточили его въ своихъ рукахъ. Съ тѣхъ поръ два различныхъ фактора заставляютъ человѣка быть нравственнымъ: общественное мнѣніе и правительство. Мы должны коснуться сперва общественнаго мнѣнія, возникшаго раньше и имѣющаго болѣе широкое вліяніе.

Еще и теперь общественное мнѣніе не настолько лишено возможности оказывать физическаго воздѣйствіе, какъ кажется на первый взглядъ. Когда оно преслѣдуетъ даннаго человѣка, то закону трудно оградить этого человѣка отъ его строгости. Это наблюдается въ деревняхъ, гдѣ обездоленный крестьянинъ получаетъ больше побоевъ и въ особенности сильнѣе эксплуатируется, чѣмъ думаетъ законодатель, удаленный отъ мѣстныхъ дѣлъ.

Какъ бы то ни было, вліяніе общественнаго мнѣнія проявляется преимущественно путемъ наказаній и наградъ чисто-платоническаго свойства. Всякій человѣкъ ощущаетъ сильную потребность жить подобно своимъ сосѣдямъ и нуждается въ ихъ уваженіи. Вотъ въ этихъ двухъ пунктахъ общественное мнѣніе его разитъ или ему мститъ. На первый взглядъ даже трудно понять его всемогущество: вѣдь въ его распоряженіи находятся только слова, либо то или другое выраженіе лица, т. е. средства повидимому ничтожныя. Но они наносятъ человѣку удары въ наиболѣе чувствительныя мѣста и притомъ непрерывно ихъ повторяютъ. Возьмите человѣка, презираемаго обществомъ; онъ какъ бы окруженъ стихіей, которая съ утра до вечера ежеминутно растравляетъ открытую рану; родственники, сосѣди, прохожіе, мужчины, женщины, дѣти, — словомъ, люди всякаго пола и возраста своими словами, жестами и дѣйствіями даютъ ему чувствовать, какъ они на него смотрятъ. Если же человѣкъ пользуется особеннымъ благорасположеніемъ общества, то онъ также еже-

минутно подвергается его ласкамъ, имѣющимъ неослабимое дѣйствіе.

Всюду въ исторіи проявляется вліяніе общественнаго мнѣнія: оно привело милліарды человѣческихъ существъ къ войнѣ и побуждало, хотя и не столь значительное, но тѣмъ не менѣе громадное число людей идти на вѣрную смерть. Оно побуждало въ мужчинахъ всесильный инстинктъ самосохраненія, а въ женщинахъ—не менѣе сильный половой инстинктъ. Бракъ обязанъ ему тѣмъ, что его возвышаетъ: цѣломудріемъ дѣвушки, вѣрностью жены. Самые драгоценные для человѣчества и наиболѣе трудные поступки вознаграждаются только уваженіемъ; никто не ждетъ за нихъ денежной награды. Солдатъ, первый идущій на штурмъ, получаетъ орденъ, т. е. награду платоническую. Такъ было уже у римлянъ. Даже самыя прибыльныя открытія не вызывали бы такихъ упорныхъ усилій, еслибы слава не прельщала изобрѣтателя. А сколько къ тому же есть открытій, которыхъ продать нельзя? Раскрыть человѣческіе законы кровообращенія или же изобрѣсти алгебраическіе знаки,—это не даетъ ни копѣйки.

Общественное мнѣніе дѣлаетъ съ человѣкомъ, что хочетъ; оно измѣняетъ характеръ человѣка, даже возрастъ и полъ, побуждая людей къ несвойственнымъ качествамъ или недостаткамъ. Обыкновенно отъ мужчины не требуютъ цѣломудрія, и онъ мало заботится о немъ. Но когда образуется среда, требующая отъ него цѣломудрія, онъ становится цѣломудреннымъ. Отъ женщины не требуютъ храбрости, и она не только ею не обладаетъ, но даже часто выставляетъ свою слабость на показъ. Но если въ исключительныхъ случаяхъ общественное мнѣніе требуетъ, чтобы она была храбра, она не уступаетъ въ этомъ качествѣ мужчинамъ. Вспомните дагомейскихъ амазонокъ. Но наиболѣе яркимъ примѣромъ этого рода являются индійскія вдовы, отъ которыхъ общественное мнѣніе требовало, чтобы онѣ прибѣгали къ самоожженію въ случаѣ смерти мужа; онѣ, не колеблясь, шли на смерть. Стоитъ вдуматься въ страшныя страданія этихъ женщинъ, чтобы понять чудодѣйственную силу общественнаго мнѣнія. Долго полагали, что этотъ обычай существовалъ только въ Индіи, но по видимому вдовы во многихъ другихъ странахъ также прибѣгали къ самоубійству въ случаѣ смерти мужа. И теперь еще общественное мнѣніе если не требуетъ самоубійства вдовы у китайцевъ, то поощряетъ его, и этого достаточно, чтобы нѣкоторыя вдовы прибѣгали всенародно къ самоповѣшанію.

Если мы скажемъ, что исторія представляетъ собой постоянную борьбу между экономическими интересами и потребностью заручиться уваженіемъ людей, то мы не совершимъ ошибки, хотя

и чрезмѣрно упростимъ ея содержаніе. Какъ ни сильны экономическіе интересы, потребность заручиться уваженіемъ другихъ людей успѣшно имъ противоудѣствуетъ и даже часто ихъ побуждаетъ.

Само собою разумѣется, что затронутый нами обширный вопросъ далеко не исчерпывается вышеизложенными краткими соображеніями. Мы къ нему еще вернемся.

Нравственное принужденіе, исходящее отъ второго фактора, т. е. правительства съ его законами, не нуждается въ обстоятельныхъ поясненіяхъ. Опасеніе подвергнуться наказанію со стороны правительства очевидно должно быть включено въ область экономическихъ побужденій. Сюда относится—лишеніе жизни, свободы, имущества, соціальныхъ выгодъ или почестей. Исключеніе представляетъ только лишеніе почестей, очевидно принадлежащее къ области честолюбивыхъ побужденій.

Теперь мы познакомились съ двумя внѣшними факторами. Но существуетъ еще третій факторъ нравственнаго принужденія: это—симпатія. Если человѣка удерживаетъ отъ того или другого дѣйствія нежеланіе причинить другому человѣку страданія, то онъ подчиняется чувству симпатіи. Эта способность представлять себя въ положеніи другого человѣка и затѣмъ принимать болѣе или менѣе живое участіе въ его печаляхъ, эта произвольная способность, противъ которой мы даже иногда въ душѣ возстаемъ, признается многими нравственной силой по преимуществу. Я не оспариваю этого мнѣнія. Во всякомъ случаѣ это—самая привлекательная изъ нравственныхъ силъ; но, увы, она въ то же время самая неустойчивая и непостоянная.

Мы дошли наконецъ до содѣйствующаго фактора, значительнаго по крайней мѣрѣ въ качественномъ отношеніи и называемаго совѣстью. Я уже указывалъ, изъ какихъ элементовъ она складывается и въ чемъ заключается ея сущность. Поэтому мы повторимъ здѣсь только главный нашъ выводъ: совѣсть представляетъ собою идеальное проявленіе общественнаго мнѣнія, взглядъ на вещи, присущій только исключительнымъ натурамъ и слѣдовательно встрѣчающійся довольно рѣдко, но тѣмъ не менѣе имѣющій значительное вліяніе въ исторіи, такъ какъ отъ исключительныхъ натуръ исходятъ всякаго рода перемѣны.

Существуетъ еще мораль, которую называютъ религіозною; равнымъ образомъ существуетъ и религіозная нравственность. Разсмотрѣніе этого вопроса мы откладываемъ до главы о религіозныхъ установленіяхъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, удобнѣе разсмотрѣть религіозный вопросъ сразу во всей его совокупности.

4. *Установленія классовыя.* Можно сказать, что сама при-

рода до известной степени даетъ человѣку образцы классоваго расчлененія общества. У первичныхъ народовъ естественное дѣленіе на женщинъ и мужчинъ съ одной стороны и на стариковъ и молодыхъ — съ другой вызываетъ различныя прочно установленныя правила и предвѣщаетъ уже позднѣйшее дѣленіе на классы.

Перечисленіе всякаго рода классовъ, встрѣчающихся въ исторіи, выходитъ изъ рамокъ моего труда; но я долженъ указать на различныя принципы, вызывающіе ихъ образованіе. Существуютъ такіе классы, которые заняли господствующее положеніе, благодаря предоставленнымъ или приобрѣтеннымъ выгодамъ, которыми они воспользовались, болѣе или менѣе злоупотребляя довѣріемъ другихъ. Таковы всюду встрѣчающіеся классъ людей благородныхъ и классъ колдуновъ или жрецовъ. Эти классы неизбѣжно должны были возникнуть раньше другихъ. Когда люди стараются занять совершенно особое положеніе, они руководствуются желаніемъ создать себѣ лучшую участь. Такіе классы напоминаютъ кристаллъ, погруженный въ жидкость: вокругъ него все кристаллизуется. Эта кристаллизація въ обществѣ создаетъ низшіе классы.

Можно различать людей, посвящающихъ себя земледѣльческому труду, разныхъ ремесленниковъ, какъ напримѣръ кузнецовъ въ значительной части Африки, людей, посвящающихъ себя художественнымъ профессіямъ, каковы: музыканты и баядерки въ Индіи, и т. д. Впослѣдствіи, когда возникаютъ города, къ нимъ присоединяются купцы, коммерсанты. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ известными экономическими занятіями, служащими вѣншиимъ поводомъ для включенія даннаго лица въ тотъ или другой классъ; но вскорѣ мы встрѣчаемся съ придаточными явленіями, уже не принадлежащими къ области экономической и представляющими собою истинную основу этого рода установленій.

Весьма часто классъ становится наследственнымъ, т. е. тотъ или другой видъ труда переходитъ отъ отца къ сыну. Въ этомъ случаѣ нельзя отказаться отъ своей профессіи, чтобы тотчасъ же не подвергнуться своего рода остракизму. Между отдѣльными классами устанавливается строгое обособленіе, наблюдается отсутствіе всякой взаимной помощи, симпатіи, общественности; браки между членами разныхъ классовъ не допускаются; они даже ѣдятъ отдѣльно. Въ Индіи эта отчужденность и враждебность достигаетъ поразительныхъ размѣровъ. Вы можете изучить лучшихъ историковъ этого страннаго вопроса, Дюбуа или Ляйяля, и все-таки не поймете, да и сами историки этого не понимаютъ, какъ человѣчество могло дойти до такой враждебности, если не

предположить въ человѣкѣ коренной потребности отличаться отъ другихъ, составлять группы, члены которой симпатизируютъ другъ другу и относятся съ отвращеніемъ или презрѣніемъ ко всѣмъ другимъ людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ группѣ. Но если допустить эту потребность, то мы поймемъ, почему примѣръ, данный привилегированными классами, легко вызвалъ подражаніе; мы поймемъ также, что потребность эта все усиливалась, что первоначальные классы или касты въ свою очередь распалясь, потому что чувства симпатіи и антипатіи усиливаются по мѣрѣ того, какъ группа численно сокращается, и потому что человѣкъ ищетъ всегда болѣе сильныхъ ощущеній. Эти истины вполне подтверждаются на примѣрѣ Индіи.

Слѣдовательно въ дѣлѣ образованія классовъ и кастъ играетъ значительную роль и самостоятельный починъ самихъ низшихъ классовъ, содѣйствующихъ этому явленію по собственной волѣ и естественному влеченію послѣ того, какъ они подчинились принужденію со стороны высшихъ классовъ. Въ этомъ смыслѣ можно въ концѣ концовъ сопоставить касты и классы съ религіозными сектами, философскими, политическими, литературными, художественными и учеными кружками, возникавшими всюду и во всякое время. Въ этихъ кружкахъ заключается объясненіе классового или кастового начала, потому что и они проявляютъ стремленіе людей раздѣляться на группы и подтверждаютъ распространенность и силу этого стремленія, обнаруживающагося при всякомъ поводѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ одновременно классы весьма неопредѣленные по общественному положенію, занятіямъ или богатству ихъ членовъ, разныя церкви и многочисленныя секты въ одной и той же церкви, партіи политическія, экономическія, соціальныя, литературныя, художественныя, ассоціаціи, преслѣдующія матеріальные интересы, и другія ассоціаціи, руководствующіяся духовными цѣлями, вродѣ распространенія воздержанія, собиранія археологическихъ матеріаловъ и т. п. Мы тутъ не имѣемъ въ виду перечислить всевозможныя общества, а хотимъ только установить психическія причины указаннаго нами стремленія.

Прежде всего бросается въ глаза, что нѣкоторыя изъ этихъ группъ вызываются экономическими интересами. Люди вступаютъ въ соглашеніе, чтобы совместно достигать полезной цѣли, превышающей силы отдѣльнаго лица. Выдѣливъ эти группы, мы убѣдимся, что остальные, насколько онѣ составляются свободно, вызываются указанными уже психическими силами, т. е. самолюбіемъ и симпатією. Стремясь отличиться отъ другихъ, чело-

вѣкъ не всегда можетъ достигнуть этой цѣли въ одиночку и поэтому вступаетъ въ союзъ съ другими. Кромѣ того онъ ощущаетъ потребность любить или ненавидѣть,—любить людей, думающихъ или чувствующихъ, какъ онъ самъ, ненавидѣть людей, думающихъ иначе, чѣмъ онъ. Партіи или секты удовлетворяютъ его въ этомъ двойномъ отношеніи. Вотъ почему мы наблюдаемъ во всей исторіи, что люди образуютъ партіи, секты, кружки подъ предлогомъ самостоятельныхъ вѣрованій политическихъ, религіозныхъ или литературныхъ и т. д.; но какъ часто это различіе въ вѣрованіяхъ бываетъ поверхностнаго и суетнаго свойства!

У индусовъ основаніемъ для составленія классовъ служить общность то крови, то профессіи, то вѣры, то простого обряда или какой-нибудь странной привычки. Все хорошо, что приводитъ къ образованію касты (см. подробности у Ляйэля).

Слѣдующее наблюденіе я встрѣчаю у всѣхъ соціологовъ (но преимущественно у Спенсера и Летурно): общественное мнѣніе имѣетъ у дикарей и варваровъ необыкновенную силу; противо-дѣйствовать ему никто не рѣшается, и съ другой стороны малѣйшее противо-дѣйствіе строго наказывается.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что общественное мнѣніе проявляется съ особенною силою въ деревнѣ, въ маленькомъ городѣ: здѣсь его болѣе опасаются и болѣе ему подчиняются, чѣмъ въ большомъ центрѣ.

Общій взглядъ, брошенный нами на классы, касты, секты, партіи, привелъ насъ къ выводу, что въ тѣсной средѣ общественное мнѣніе представляетъ собою стѣснительное и тяжелое иго.

Всѣ эти разнообразныя признаки заставляютъ насъ предполагать существованіе закона, который можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Общественное мнѣніе, царствующее въ данной средѣ, имѣетъ силу обратно пропорціональную величинѣ этой среды или, иначе говоря, общественное мнѣніе тѣмъ сильнѣе вліяетъ на индивида, чѣмъ группа, къ которой онъ принадлежитъ, менѣе многочисленна.

Этотъ законъ, какъ и многіе другіе, имѣетъ конечно свои предѣлы. Слишкомъ тѣсная среда не составляетъ уже среды, и общественное мнѣніе не имѣетъ въ ней уже никакой силы.

Въ ожиданіи полной провѣрки этого закона я представляю нѣкоторые апріорныя основанія, почерпнутыя изъ глубины душевной жизни.

Остановимся сперва на примѣрѣ касты, въ которую члены поступаютъ по выбору. Лицо, желающее поступить въ такую касту, можетъ руководствоваться довольно разнообразными мо-

тивами, но во всякомъ случаѣ имъ всегда руководить до извѣстной степени симпатія къ ея членамъ и антипатія, если не прямое отвращеніе къ окружающей ее широкой средѣ. Между тѣмъ человѣкъ легче повинуется внушенію людей ему симпатичныхъ, чѣмъ людей, къ которымъ онъ относится безразлично. Сознательно или безсознательно человѣкъ вскорѣ тѣсно примыкаетъ къ своей группѣ, потому что принадлежность къ ней даетъ ему возможность занять отдѣльное положеніе между остальными людьми или, лучше говоря, онъ уже отличается отъ другихъ людей тѣмъ, что примкнулъ къ данной группѣ. Не повиноваться ея внушеніямъ—значитъ подвергнуть опасности ея существованіе и слѣдовательно подорвать основу удовлетворенія своего самолюбія.

Присоединеніе къ такой маленькой группѣ обыкновенно вызываетъ у людей перемену въ привычкахъ: человѣкъ пренебрегаетъ прежними своими знакомствами и посѣщаетъ почти исключительно своихъ новыхъ товарищей. Ихъ похвалы или неудовольствіе одни принимаются во вниманіе. Такъ какъ группа мала, то ея взгляды болѣе однородны и единодушны. Нѣтъ разногласія, которое побуждало бы къ критическимъ сомнѣніямъ или къ духу противодѣйствія. Въ силу уже извѣстныхъ читателю нравственныхъ и умственныхъ законовъ человѣкъ въ тѣсной средѣ болѣе склоненъ повиноваться общественному мнѣнію. Этому покорному своему товарищу группа ставитъ строгія требованія. Это обуславливается тѣми же законами. Существованіе тѣсной среды и ея сохраненіе вызваны желаніемъ испытывать въ самой сильной степени разныя чувства, каковы съ одной стороны симпатія, съ другой—антипатія, гордость во внѣшнихъ сношеніяхъ, коллективное тщеславіе—во внутреннихъ, готовность помогать другъ другу и совмѣстно защищаться. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ совокупность очень сильныхъ побудительныхъ причинъ, заставляющихъ человѣка дорожить тѣсною своею средою. Всякое нарушеніе специальныхъ постановленій этой среды приводитъ къ ниспроверженію искусственного зданія, поддерживаемаго наружно только этими специальными постановленіями. Каждый членъ чувствуетъ, что если уклоненіе отъ правилъ будетъ часто повторяться, то исчезнетъ сама группа, на которую онъ возлагалъ большія надежды въ смыслъ возможности занять особое положеніе, найти помощь, а затѣмъ и случай къ проявленію своихъ симпатій; каждый членъ группы поэтому сильно негодуетъ на нарушителя ея правилъ, и его негодованіе усиливается сочувствіемъ остальныхъ.

Когда тѣсною средою является наслѣдственный классъ, въ который члены поступаютъ не по выбору, а въ силу рожденія,

нѣкоторые изъ указанныхъ условій очевидно отсутствуютъ, но самыя существенныя дѣйствуютъ и тутъ, или по крайней мѣрѣ дѣйствуетъ самое существенное, именно удовлетвореніе, доставляемое самолюбію принадлежностью къ тѣсной средѣ. Люди всегда охотнѣе бываютъ членами опредѣленной группы, чѣмъ болѣе обширной, но не точно обозначившейся среды.

Религіи, обнимавшія собою или обнимающія еще громадное число людей, первоначально были сектами; таковы: христіанство, буддизмъ, магометанство и, среди послѣдователей Христа, протестантство. Очевидно и всѣми признано, что первоначальныя послѣдователи даннаго вѣроученія проявляли послушаніе и рвеніе, превосходившія послушаніе и рвеніе послѣдователей того же вѣроученія, когда оно превращалось въ очень распространенную религію. Первоначальное рвеніе объясняютъ *новизною* провозглашенныхъ данною религіею идей; но вѣдь идея христіанства или буддизма представляетъ для всякаго вновь нарождающагося поколѣнія такую же новизну, какъ и для первоначальныхъ послѣдователей. Новизна тутъ, значить, — аргументъ призрачный. Это — повтореніе ошибки, вызываемой мыслью, будто бы человѣчество — одно, постоянно старѣющее, существо; на самомъ дѣлѣ оно представляетъ собою рядъ поколѣній, постоянно воскрешающихъ молодость міра.

Мнѣ кажется, что историческіе факты полнѣе объясняются только что указаннымъ закономъ: люди были болѣе ревностными христіанами, буддистами или протестантами, когда послѣдователей этихъ вѣроученій было меньше.

5. *Установленія свѣтскія*. Люди образуютъ группы не только для совмѣстнаго удовлетворенія промышленныхъ, политическихъ, военныхъ или религіозныхъ интересовъ, но и для доставленія себѣ удовольствій. Такія соединенія людей мы называемъ свѣтскими установленіями. Они повидимому часто имѣютъ цѣлью періодическія развлеченія, каковы игры или танцы. Но кромѣ того имъ присуща еще и другая, болѣе глубокая притягательная сила, дѣйствующая постоянно: они вызываютъ соревнованіе самолюбій, чувствъ симпатіи и антипатіи. Свѣтъ въ узкомъ значеніи этого слова представляетъ благодарную почву для проявленія этихъ чувствъ. Слѣдовательно, составляя подобныя группы, люди ищутъ не только однихъ удовольствій, но и случая проявить свои симпатіи или свое стремленіе къ почестямъ.

Когда въ подобныхъ собраніяхъ участвуютъ оба пола, они подчиняются еще третьему началу. Соединеніе половъ даетъ имъ особенную привлекательность, особыя правила и нравы. Все это вызывается болѣе или менѣе скрытымъ дѣйствіемъ половыхъ

побуждений, которые никогда не отсутствуют, когда въ дѣло замѣшаны оба пола.

Такъ какъ въ этой главѣ я изучаю только установленія съ психологической точки зрѣнія, и вопросъ мною въ этомъ смыслѣ исчерпанъ, то я и ограничиваюсь сказаннымъ. Но во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ предупредить читателя, что признаю свѣтскія установленія вопросомъ очень важнымъ, вопреки противоположному взгляду на вещи. Мы увидимъ, какое сильное вліяніе они оказываютъ не только на нравы, но и на политическій строй, равно какъ на литературу и искусство.

Впрочемъ надо замѣтить, что этотъ вопросъ обнимаетъ элементы, напрасно раздѣляемые. Такъ, сюда относятся публичные празднества отдѣльныхъ городовъ или цѣлыхъ народовъ, если взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія представляемаго ими случая выставить себя на показъ, видѣть себя говорящимъ, чувствующимъ, дѣйствующимъ. То же приходится сказать о религіозныхъ церемоніяхъ. Хотя ихъ съ извѣстной точки зрѣнія слѣдуетъ считать религіозными, онѣ съ другой точки зрѣнія представляются гражданскими, человѣческими или свѣтскими, что въ сущности одно и то же.

6. *Установленія политическія.* Нѣкоторые люди доведены нищетою до такого печальнаго положенія, что у нихъ вовсе нѣтъ правительства; таковы фуиджійцы и нѣкоторые австралійскія племена. Впрочемъ эти группы людей очень немногочисленны. Какъ только данная группа увеличивается и становится нѣсколько предусмотрительнѣе, дикари избираютъ себѣ вожда. Когда дѣло касается войны, они слѣдуютъ за самымъ храбрымъ; когда надо охотиться, они повинуются самому ловкому или опытному. Въ этомъ отношеніи личный интересъ заставляетъ людей повиноваться: они надѣются достигнуть этимъ путемъ болѣе вѣрнаго успѣха, т. е. побѣдить врага или поймать звѣря. Слѣдовательно первичныя правительства основаны не на силѣ, да и не могутъ быть на ней основаны, потому что человѣкъ въ это время располагаетъ только мышечною силою, при помощи которой онъ можетъ отнять у другого человѣка запасъ пищи или жену, но не заставить пять или шесть индивидовъ слѣдовать за нимъ и исполнять его приказанія.

Вслѣдствіи правящій значительно увеличиваетъ свою силу искусственнымъ путемъ.

Итакъ, данная группа людей, избирая себѣ вожда, первоначально желаетъ только добиться извѣстнаго результата, котораго ему трудно или невозможно было бы достигнуть помимо этого условія, напримѣръ побѣдить врага, поймать большого

звѣря. Чтобы достигнуть этого результата, необходимо привести въ гармонію, объединить, координировать успія каждаго отдѣльнаго человѣка. Люди вскорѣ убѣждаются, что установить эту гармонію не такъ то легко и что она можетъ быть въ дѣйствительности достигнута только путемъ отреченія отъ собственной воли или собственныхъ идей и предоставленія власти одной высшей волѣ, превращающей дѣятельность всей группы какъ бы въ дѣятельность одного человѣка.

Таковы побужденія управляемыхъ. Что же касается до правящаго, то несомнѣнно человѣкъ заинтересованъ въ обладаніи властью; онъ дорожитъ ею, побуждаемый гордостью и экономическими интересами. До извѣстной степени слѣдовательно правящій и управляемый вступаютъ въ соглашеніе, въ силу котораго одинъ становится вождемъ, а другой подчиняется его власти. Управляемый возлагаетъ на правящаго извѣстныя обязанности, а послѣдній естественно требуетъ подъ различными формами вознагражденія за свой трудъ. Въ этомъ смыслѣ это въ сущности торгъ, напоминающій наемъ рабочаго, съ тою однако разницею, что здѣсь вознагражденіе состоитъ отчасти въ почестяхъ, отчасти въ экономическихъ цѣнностяхъ.

Съ точки зрѣнія правящаго слѣдовательно политическія установленія вызываются одновременно побужденіями экономическими и стремленіемъ къ почестямъ; съ точки же зрѣнія управляемаго они принадлежатъ въ началѣ исключительно къ области экономической, да и въ послѣдствіи экономическіе интересы всегда преобладаютъ.

Такъ обстоитъ дѣло первоначально, но уже очень скоро присоединяются и другіе психическіе мотивы. Человѣкъ, располагающій властью, внушаетъ другимъ страхъ. Въ послѣдствіи, когда бѣдные правители дикихъ народовъ становятся монархами народовъ полудивилизованныхъ, очевидныя выгоды, доставляемыя властью и къ тому же проявляемыя демонстративно, каковы: движимая и недвижимая собственность, роскошь и всякаго рода удовольствій, произвольная власть надъ людьми и надъ женщинами въ смыслѣ удовлетворенія своихъ страстей, — все это внушаетъ управляемымъ почтеніе, всегда вызываемое наружнымъ превосходствомъ; этого рода почтеніе, соразмѣренное съ его причиною, принимало широкіе размѣры. Внушаемое молодежи и передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, подчиненіе становится какъ бы догматомъ вѣры гражданина, а религія въ большинствѣ странъ присоединяетъ къ нему страхъ и новые виды почтенія.

7. *Установленія художественныя и литературныя.* Гончаръ дикаго племени мнетъ глину и придастъ ей форму сосуда. Вотъ

сосудъ готовъ и представляется совершеннымъ, т. е. вполне пригоднымъ къ предполагаемому употребленію. Утилитарная цѣль достигнута. Однако нашъ гончаръ изображаетъ заостренною палочкою на сосудѣ какія-то каракули, къ которымъ онъ потомъ присматривается съ видимымъ удовольствіемъ. Испытываемое имъ чувство, не имѣющее ничего общаго съ утилитарными цѣлями, какъ бы вы его ни назвали, — поисками за изящнымъ или прекраснымъ, оригинальнымъ или за симметріею, — будетъ всегда художественнымъ чувствомъ. Но художникъ этимъ не довольствуется. Ему надо, чтобы другіе видѣли его сосудъ, выразили ему одобреніе, любовались его украшеніями и снова вызвали бы въ немъ чувство удовлетворенія. Они слѣдовательно въ то же время наполняютъ его душу особымъ чувствомъ — радостью заручиться одобреніемъ другихъ людей.

Обратимся теперь къ зрителю. На первый взглядъ кажется, что послѣдній совершенно безкорыстно принимаетъ участіе въ радости художника. Но мы увидимъ, что и онъ обыкновенно руководствуется желаніемъ отличиться, хотя оно у него и не достигаетъ такой силы, какъ у самого художника.

Мы уже говорили о томъ, что человѣкъ воспроизводитъ и расширяетъ путемъ искусственныхъ средствъ и разныхъ представленій свое реальное существованіе и такимъ образомъ значительно увеличиваетъ число своихъ пріятныхъ ощущеній. Приведемъ теперь только что сказанное въ связь съ этою мыслью. На первый взглядъ трудно понять, какимъ образомъ гончаръ, украшающій сосудъ разными знаками, воспроизводитъ и расширяетъ реальную жизнь. И тѣмъ не менѣе это вѣрно. Все, что человѣкъ, изготовляя данный предметъ, сооружая зданіе, дѣйствуя кистью и рѣзцомъ, влагаетъ въ свое произведеніе сверхъ утилитарнаго намѣренія, должно доставлять художественное удовольствіе, напоминая о чемъ то реальномъ, хотя сходство и бываетъ иногда очень отдаленное. Весьма часто это едва уловимый намекъ, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, гдѣ гончаръ своимъ несовершеннымъ узоромъ хочетъ напомнить зрителю вѣтки. Но по мѣрѣ того, какъ художественный трудъ совершенствуется, намекъ на реальную жизнь становится все яснѣе, и наконецъ въ литературѣ онъ становится уже совершенно очевиднымъ.

Подъ *литературою* мы разумѣемъ совокупность произведеній весьма различныхъ. Собственно это названіе представляетъ собою этикетку, чрезвычайно обманчивую, несоотвѣтствующую разнороднымъ произведеніямъ, которыя она обозначаетъ. Веберъ въ своей «Исторіи литературы индусовъ» изслѣдуетъ ихъ науку;

Шелль въ своей «Греческой литературѣ», а Годафруа въ своей «Французской литературѣ» провинились въ томъ же смѣшеніи. Не всегда ученые заходятъ такъ далеко, но ни одинъ изслѣдователь не стѣсняется включать въ литературу на ряду съ лирическою и драматическою поэзіею труды историческіе или этическіе. Это составляетъ весьма прискорбное смѣшеніе, грубую ошибку. Правда, несмотря на эту ошибку, можно проявить большую ученость, но это не будетъ научной исторіею. Произведенія человѣческаго ума должны быть разграничиваемы, когда они вызываются различными точками зрѣнія. Человѣкъ, пишущій или говорящій преимущественно (я не говорю: исключительно) для того, чтобы выразить истину, какого рода она бы ни была, занимается наукою. Скажу ли я: «земля вертится», или: «такой то сумасшедшій», если только моя главная цѣль заключается въ томъ, чтобы подтвердить реальность даннаго факта, мои слова всегда имѣютъ научный характеръ. Но если человѣкъ желаетъ вызвать главнымъ образомъ душевное волненіе, какого рода бы оно ни было, онъ занимается литературою или искусствомъ, и при этомъ совершенно безразлично, пользуется ли онъ для своихъ цѣлей вымышленными или реальными фактами, или же одновременно тѣми и другими. Наконецъ, когда человѣкъ предлагаетъ сдѣлать то-то и притомъ такимъ то образомъ, онъ не занимается ни наукою, ни литературою, ни искусствомъ. Правило, совѣтъ, приказаніе, — все это отгѣнки одной и той же умственной тенденціи. Надо подыскать общее названіе для этой дѣятельности человѣческаго ума. Назовемъ ее искусствомъ практическимъ. Въ нашемъ случаѣ человѣкъ слѣдовательно занимается практическимъ искусствомъ или, если хотите, просто практикою.

Я разграничилъ три точки зрѣнія и четвертой не могу приискать при лучшемъ желаніи. Въ общемъ человѣкъ говоритъ, либо чтобы сказать правду, либо чтобы вызвать волненіе, либо чтобы приказать или посовѣтовать. Прибавимъ тутъ же, что эти три намѣренія могутъ быстро чередоваться, что даже въ очень краткомъ произведеніи они встрѣчаются иногда въ быстрой послѣдовательности. Нѣтъ напримѣръ рѣчи, въ которой не смѣнялись бы истина, высказанная ради нея самой, желаніе подѣйствовать на чувство и практическій совѣтъ. Но если есть много произведеній смѣшаннаго характера, то есть и такія, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ единства намѣренія.

Всѣ эти произведенія должны быть распредѣлены по основному намѣренію ихъ автора. Надо ли упоминать, что трактатъ по физикѣ долженъ быть отнесенъ къ наукѣ, а эпическая поэма или романъ—къ литературѣ, хотя конечно въ немъ встрѣчаются

и правила морали или обращенія съ людьми. Но съ другой стороны—и я настаиваю на этомъ—нельзя включать въ литературу историческое сочиненіе или трудъ моралиста. Историческая книга должна быть отнесена къ числу научныхъ произведеній, а этический трактатъ—къ числу произведеній практическаго искусства.

Такимъ образомъ выясняется истинное отношеніе между литературой, какъ средствомъ вызывать волненіе при помощи рѣчи, и скульптурою или живописью, какъ средствомъ достиженія той же цѣли при помощи осязательныхъ формъ, и наконецъ музыкою, пользующеюся для той же цѣли нечленораздѣльными звуками и ихъ смѣною. Въ то же время выясняется, что литература и искусство относятся преимущественно къ области симпатическихъ чувствъ и что они подлежатъ многимъ общимъ законамъ.

Если имѣть въ виду публику, то мы замѣчаемъ почти только выраженіе сочувствія, тогда какъ съ точки зрѣнія художника важную роль играетъ и желаніе пріобрѣсти почести. Но и публика въ сущности стремится къ почестямъ, хотя это и гораздо менѣе замѣтно. Надо это имѣть въ виду, чтобы вѣрно объяснить себѣ существенныя явленія, какъ мы это вскорѣ увидимъ.

8. *Установленія научныя.* Человѣкъ можетъ существовать, только зная кое-что объ окружающей его средѣ. Полное невѣжество въ этомъ отношеніи приводитъ его неизбѣжно къ гибели.

Если придавать слову «наука» широкое значеніе, т. е. включать въ него всѣ идеи, соотвѣтствующія дѣйствительности, то можно утверждать, что судьба человѣческаго рода прежде всего зависитъ отъ науки. Но мы будемъ пользоваться двумя терминами: систематическое знаніе, существующее ради самого знанія безъ всякой практической цѣли, мы будемъ называть *наукою*, а *знаніемъ*—все, что еще не систематизировано. Это разграниченіе, болѣе или менѣе совпадающее съ общеупотребительнымъ способомъ выраженія, необходимо, потому что въ исторіи знаніе и наука вызываются различными побудительными причинами и слѣдовательно не подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ. То, что возникло подъ вліяніемъ такой побудительной причины, какъ любознательность въ связи съ желаніемъ почестей, и то, что возникло подъ вліяніемъ интереса, неизбѣжно обусловлено вѣрнымъ образомъ различными стимулами. Намъ не слѣдуетъ забывать основной истины, что каждое психическое побужденіе имѣетъ свои законы, и что болѣе тѣсныя историческіе законы объясняются закономъ о побудительныхъ причинахъ.

Знаніе предшествуетъ наукѣ и вызывается экономическими побужденіями. Человѣкъ наблюдаетъ и изучаетъ, чтобы овладѣть

вать предметами и воздѣйствовать на нихъ. Такимъ образомъ вначалѣ всякое знаніе имѣетъ утилитарный характеръ. Это относится столько же къ знанію реальному, какъ и къ знанію воображаемому, ибо есть и знаніе воображаемое. Люди ведутъ счетъ предметамъ, чтобы ими обмѣниваться или ихъ раздѣлить между собою; съ тою же цѣлью измѣряется и почва; такъ несомнѣнно возникаютъ ариѳметика и геометрія. Тому же закону подлежитъ магія, встрѣчаемая у многихъ народовъ, и свойственная египтянамъ и халдейцамъ астрономія. Если халдейцы наблюдали звѣздное небо, то это вызывалось ихъ убѣжденіемъ, что движеніе звѣздъ вліяетъ на судьбу людей. Слѣдовательно астрономія давала первоначально предсказанія, полезныя предостереженія и въ сущности являлась только астрологіею. Что касается до маговъ, колдуновъ, то они искали въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ веществъ, при помощи которыхъ можно было бы вредить, отравлять или пріобрѣтать силу, храбрость, вызывать возбужденіе, опьяненіе или галлюцинаціи, необходимыя для того, чтобы властвовать надъ людьми или поражать ихъ.

Люди вначалѣ посвящаютъ себя какъ бы охотѣ всѣмъ полезнымъ занятіямъ: охотѣ, рыбной ловлѣ, земледѣлію, домостроительству, гончарному дѣлу и т. д. Успѣхи смѣняются неудачами и побуждаютъ человѣка вдумываться въ свои дѣйствія, дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ онъ привился за дѣло въ одномъ и другомъ случаѣ. Такимъ образомъ слагается помимо вѣдѣнія теорія, но она все еще находится подъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ. Люди занимаются теоретическими изысканіями, чтобы вѣрнѣе добиться успѣха на практикѣ.

Однако человѣкъ, встрѣчая новый предметъ, можетъ, если этотъ предметъ его не устрашаетъ, испытывать впечатлѣніе, которое въ общемъ пріятно; это — любознательность, отгѣнокъ болѣе обширнаго чувства, называемаго удивленіемъ. Человѣкъ испытываетъ удовольствіе, не только когда знакомится съ новымъ предметомъ, но и когда узнаетъ уже знакомый ему предметъ въ новой формѣ или въ новой обстановкѣ. Это распознаваніе доставляетъ ему такое удовольствіе, что онъ желаетъ его повторенія. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ побудительною причиною особаго рода, которую мы въ свое время уже причислили къ области научной.

Эта побудительная причина вначалѣ очень слаба и встрѣчается очень рѣдко. Такъ было бы и въ послѣдствіи, еслибы къ ней не присоединились другія побудительныя причины, несравненно болѣе сильныя.

Открытіе новаго предмета или распознаваніе уже знакомаго

всегда сопровождается извѣстной степенью самоудовлетворенія, ибо представляютъ успѣхъ, удачу. Успѣхъ, даже когда онъ безполезенъ въ экономическомъ отношеніи, льститъ человѣку, потому что вызываетъ въ немъ смутное сознаніе приращенія собственной силы.

Человѣкъ, обладающій реальнымъ знаніемъ, какъ первоначальный жевщикъ у римлянъ, или отчасти реальными знаніями, какъ первые медики, или воображаемымъ знаніемъ, какъ колдунъ или жрецъ, имѣетъ вліяніе на другихъ людей, потому что они ожидаютъ отъ него исполненія своихъ желаній или такихъ дѣйствій, которыя ихъ страшатъ и представляются даже безграничными по своей силѣ. Вездѣ знаніе, истинное или ложное, но въ особенности, надо это признать, ложное (потому что оно тогда представляется людямъ безграничнымъ), доставляетъ его обладателю положительное вознагражденіе и кромѣ того почетъ, достигающій до удивленія или даже до ужаса. И этого, кажется, достаточно, чтобы побуждать человѣка къ приобрѣтенію знаній или къ тому, чтобы выставять себя знающимъ.

Но это знаніе, которое люди приобрѣтаютъ ради приобрѣтенія матерьяльныхъ выгодъ или почета, не приводитъ къ безкорыстному служенію наукѣ; оно слишкомъ подчиняется утилитарнымъ побужденіямъ.

По мѣрѣ того, какъ число первичныхъ ученыхъ увеличивалось, они стали образовывать изъ себя классы или касты жрецовъ, пророковъ, колдуновъ, врачей, астрологовъ, какъ наприкладъ египетскіе жрецы и халдейскіе маги. Вѣроятно въ этой тѣсной и тѣсной средѣ возникло особенное уваженіе къ знанію помимо его пользы и исключительно ради представляемаго имъ умственнаго превосходства. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Возьмемъ какихъ-либо ремесленниковъ. Въ ихъ средѣ профессиональное искусство въ концѣ концовъ всегда пользуется само по себѣ уваженіемъ независимо отъ доставляемыхъ имъ прибылей; равнымъ образомъ представители этого искусства всегда кончаютъ тѣмъ, что образуютъ классы, смотря по своимъ способностямъ въ данной специальности.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ новымъ стимуломъ, которому соответствуетъ и новая побудительная причина, заключающаяся въ желаніи заручиться уваженіемъ своихъ товарищей по кастѣ или профессіи. Вотъ эта побудительная причина въ связи съ любознательностью и чувствомъ умственнаго превосходства вызвала силу, которая, правда, вообще дѣйствуетъ слабѣе экономическихъ интересовъ, но тѣмъ не менѣе при благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ оказывается довольно значительною.

Такимъ образомъ наука въ собственномъ значеніи этого слова обязана своимъ существованіемъ совмѣстному дѣйствию любопытности и стремленія къ особаго рода почету.

Постараемся показать, что этотъ психологическій анализъ не представляетъ чего-то второстепеннаго, а, наоборотъ, можетъ дать историку руководящую нить въ его изслѣдованіяхъ. Дѣйствительно, все нами сказанное приводитъ насъ къ слѣдующему важному выводу: специальная среда составляетъ неизбѣжное условіе для существованія ученыхъ.

9. *Установленіи религіозныя.* Религіозныя вѣрованія имѣютъ общій источникъ, и существуетъ реальный предметъ изслѣдованія, который можетъ быть названъ религіею. Но этотъ общій источникъ самъ по себѣ сложнаго характера, и чтобы его точно себѣ уяснить, надо подвергнуть его анализу и установить составные его элементы.

Въ религіи надо различать: во-первыхъ, вѣроученіе или догматъ, т. е. умственную часть всего явленія; во-вторыхъ, чувства, возбуждаемыя догматами; въ-третьихъ, дѣйствія, вызываемыя вѣроученіемъ и чувствами, имъ возбужденными, или богослуженіе; въ-четвертыхъ, существуетъ еще, хотя и не всегда, слѣдующій элементъ: посредничество другого человѣка между вѣрующимъ и божествомъ, т. е. жреца, мага или колдуна. Этотъ посредникъ можетъ быть одинъ или входить въ составъ цѣлаго жреческаго сословія.

Вообще говоря, всѣ человѣческія дѣйствія представляютъ собою реакцію противъ среды, которая его стѣсняетъ или его возбуждаетъ; они представляютъ собою отвѣтъ на какое-нибудь внѣшнее воздѣйствіе. Религіозное дѣйствіе человѣка представляетъ исключеніе: оно не составляетъ отвѣта на что-нибудь реальное и не возбуждается чѣмъ-нибудь реальнымъ, потому что человѣкъ не можетъ опытнымъ путемъ познать божество. Въ этомъ заключается загадочная сторона вѣрованія, но загадочная только на первый взглядъ.

Начнемъ съ анализа идеи догмата. Человѣкъ вѣритъ въ существованіе духа, не имѣющаго плоти или по крайней мѣрѣ плоти, доступной органамъ живыхъ существъ, — такова основная идея. Слѣдовательно мы имѣемъ тутъ дѣло съ анимизмомъ, т. е. вѣрою въ невидимое существо. Какъ же сложилась эта вѣра?

Чего ожидаетъ дикарь, когда онъ проходитъ по неизвѣстной мѣстности, по глухому, темному лѣсу, по безконечной степи или мрачному ущелью? Онъ со страхомъ ожидаетъ внезапнаго появленія звѣря или другого человѣка, и если страхъ его очень силенъ, онъ почти увѣренъ, что врагъ тутъ, хотя его и нельзя

видѣть. Увѣренность его вызывается не внѣшнимъ обстоятельствомъ, а внутреннимъ ощущеніемъ, хотя и вытекающимъ изъ прежнихъ опытовъ: дѣйствительно, въ такой то день, въ такомъ то мѣстѣ его подстерегалъ врагъ, хотя ничто тогда не указывало на его присутствіе. Вотъ естественное начало вѣры въ невидимое.

Существовать явленіе, особенно поражающее дикаря: это—человѣческій трупъ. Куда дѣвалась сила этого теперь неподвижнаго человѣка, теплота его тѣла, дыханіе, исходившее изъ его груди? Интересуютъ ли эти вопросы дикаря потому, что при видѣ трупа онъ думаетъ о себѣ и ожидаетъ той же участи? Можетъ быть, но съ увѣренностью этого сказать нельзя въ виду элементарности его соображеній. Во всякомъ случаѣ онъ подчиняется болѣе непосредственному чувству. Неподвижный человѣкъ—его родственникъ или сосѣдъ; онъ находился съ нимъ ежедневно въ общеніи, ожидалъ отъ него пользы или вреда, смотря по тому, былъ ли онъ ему врагъ или другъ. Если трупъ тугъ, то жизнь должна быть гдѣ-нибудь вѣроятно недалеко. Мертвый человѣкъ начнетъ теперь новое существованіе. Поражаетъ же дикаря въ этомъ новомъ существованіи то обстоятельство, что смерть для него невидима, неуловима, неуязвима. Вотъ ея ужасное превосходство. Дикарь оцѣниваетъ ее на основаніи опыта, вынесеннаго изъ кровавой мести, гдѣ побѣда остается всегда за тѣмъ, кто неожиданно нападетъ на врага.

Не здѣсь мѣсто подробно развивать взглядъ дикаря на этотъ вопросъ. Уже изъ сказаннаго видно, какіи чувства онъ испытываетъ по отношенію къ мертвецу. Если онъ—врагъ, то онъ существо очень опасное; если онъ—другъ, то его помощь очень важна. Въ первомъ случаѣ надо его умилостивить или напугать, во второмъ—призывать его на помощь, въ особенности же обращаться съ нимъ почтительно, потому что дружба людей непостоянна. Вообще же говоря, при этомъ настроеніи преобладаютъ недовѣріе и страхъ.

Спенсеръ посвятилъ этому вопросу очень обстоятельный этюдъ и пытался его разрѣшить. По его мнѣнію, весьма реальныя явленія разнаго рода могли привести человѣка къ увѣренности, что мертвый собственно не умеръ, главнымъ образомъ явленія сна. Но исторически вопросъ неразрѣшимъ. Мы никогда въ точности не уяснимъ его себѣ. Тутъ возможны два противоположныхъ мнѣнія. Съ одной стороны можетъ быть, что вѣра дикаря въ загробную жизнь мертвеца просто кѣмъ-нибудь придумана и получила общее распространеніе, потому что она льститъ двумъ человѣческимъ чувствамъ, страху и надеждѣ, а слѣдова-

тельно легко можетъ быть всѣми усвоена. Съ другой стороны возможно, что эта вѣра зародилась самостоятельно въ умѣ дикаря, поставленнаго въ извѣстные соціальныя условія. Но вотъ въ чемъ суть вопроса. Человѣкъ видитъ, что трутъ разлагается. Онъ долженъ себѣ сказать: мертвецъ не имѣетъ для меня никакого значенія. Но онъ, наоборотъ, думаетъ: «хотя у мертвеца тѣла нѣтъ, но онъ все-таки существуетъ». Очевидно, первоначальная идея сводится къ этому. Отчетливое представленіе о *духѣ* сложилось въ послѣдствіи, и тогда-то тѣнь или чело-вѣческое дыханіе можетъ быть послужили пояснительными сравненіями. Первоначальная смутная идея могла быть вызвана и кореннымъ стремленіемъ. Предположимъ, что нѣсколько людей продолжаютъ сильно опасаться война послѣ его смерти и что память воспроизводитъ болѣе или менѣе отчетливо ихъ бывшія опасенія, что составляетъ явленіе заурядное. Эти люди могутъ смутно разсуждать слѣдующимъ образомъ: «Мы все еще боимся этого война, слѣдовательно онъ существуетъ». Я не думаю, чтобы первичный человѣкъ могъ проникнуться сильнымъ впечатлѣніемъ безъ реального объекта, потому что для этого требовался бы отсутствующій у него даръ душевнаго наблюденія. Въ его глазахъ всякое сколько нибудь сильное впечатлѣніе неразрывно связано съ существованіемъ объекта, представляющагося его уму одновременно съ этимъ впечатлѣніемъ. То, что я ска-заль о страхѣ, примѣнимо также къ противоположному ощуще-нію, т. е. къ скорби, къ желанію, чтобы мертвый еще жилъ.

Какъ бы то ни было, вѣра въ существованіе у мертвеца духа, которую можно назвать вѣрою въ привидѣнія, встрѣчается почти повсюду и во всѣ времена. Позднѣйшія религіи ея не уничтожили, а возродили. Вѣра въ привидѣнія составляетъ въ религіяхъ политеистическихъ и монотеистическихъ какъ бы основ-ной и самый глубокий слой. У грековъ и римлянъ мы встрѣ-чаемся съ культомъ умершихъ душъ и даровъ. Наиболѣе моно-теистическая религія, магометанская, нисколько не искоренила вѣры въ привидѣнія, которая у многихъ магометанъ еще и те-перь сильнѣе, чѣмъ вѣра въ единого великаго Бога. Средневѣ-ковое католичество не искоренило вѣры въ духъ умершаго чело-вѣка и страшилось привидѣній или же возлагало на нихъ надежды.

На ряду съ чело-вѣческимъ анимизмомъ существуетъ еще анимизмъ естественный, т. е. вѣрованіе, въ силу котораго чело-вѣческая воля и чело-вѣческія чувства приписываются разнымъ предметамъ. На этотъ счетъ мысль вѣрующаго по большей части неопредѣ-ленна, неясна и измѣнчива. Такъ напримѣръ, чело-вѣческія чув-

ства приписываются самому предмету или же предполагаются какъ бы находящимися гдѣ-нибудь около него. Человѣкъ одухотворяетъ деревья, ручьи, горы, лѣса, звѣзды, метеоры, землю, небо. Спенсеръ считаетъ этого рода анимизмъ также человѣческимъ анимизмомъ, хотя и невѣрно понятымъ. Напримѣръ Зевесъ, духъ неба, небеснаго свода, былъ первоначально вовсе не властителемъ неба: онъ только жилъ на небѣ, но постепенно люди забыли это первоначальное представленіе и приписали Зевесу роль властителя. Однако кажется, что Спенсеръ, примѣняющій свою теорію ко всѣмъ божествамъ, земнымъ и небеснымъ, ошибается, хотя его взглядъ на дѣло и содержитъ нѣкоторую долю истины. Анимизмъ Зевеса нельзя считать человѣческимъ анимизмомъ, хотя можетъ быть естественный анимизмъ Зевеса могъ возникнуть только на этой почвѣ. Смерть научила человѣка вообще понимать существованіе духа. Впослѣдствіи это понятіе, какъ всегда въ подобнаго рода вопросахъ, было распространено на новые случаи. Факты, собранные социологами, повидимому подтверждаютъ гипотезу, что человѣческій анимизмъ предшествовалъ естественному. Есть народы, знакомые лишь съ догматомъ о мертвецѣ, и, кажется, нѣтъ ни одного монотеистическаго или политеистическаго народа, который не основывалъ бы всѣхъ своихъ вѣрованій на этой вѣрѣ. Такого взгляда придерживаются Спенсеръ и Лэббокъ.

Контъ, какъ и многіе другіе мыслители, слѣдующимъ образомъ объясняетъ естественный анимизмъ: «Человѣкъ не знаетъ другой причины движенія, кромѣ самого себя. Поэтому онъ долженъ былъ одухотворить все движущееся». Спенсеръ очень мѣтко возражаетъ: «Дикарь хорошо различаетъ одушевленный и неодушевленный міръ». Подвергнемъ же разсмотрѣнію этотъ вопросъ съ нашей точки зрѣнія. Контъ, высказывая свою мысль, предполагаетъ, что человѣкъ создалъ естественный анимизмъ, желая объяснить себѣ движеніе, кажущуюся жизнь нѣкоторыхъ тѣлъ. Но это ошибочная психологія. Когда движеніе тѣла не приводитъ къ послѣдствіямъ полезнымъ или вреднымъ, первичный человѣкъ, какъ и крестьянинъ, живущій среди насъ, не обращаетъ на это явленіе никакого вниманія. Равнодушіе прекращается, только когда движеніе имѣетъ полезныя и въ особенности вредныя послѣдствія, и тогда человѣкъ задается вопросами, касающимися исключительно этихъ послѣдствій. Что они значатъ, откуда они? Тутъ возникаетъ туманное, невольное внушеніе нашего ума: «все, что мнѣ причиняетъ зло, имѣетъ волю недоброжелательную». Мы наблюдаемъ это явленіе ежедневно. Самые интеллигентные люди съ озлобленіемъ отталкиваютъ стулъ, попавшійся на ихъ пути. Мысль, что стулъ можетъ отно-

ситься къ намъ недоброжелательно, представляется нелѣпою. И дѣйствительно, она вмигъ исчезаетъ; мы даже ее еле сознаемъ, потому что разумъ рѣшительно ее отвергаетъ; но тѣмъ не менѣе она на мигъ возникаетъ, потому что гнѣвъ ищетъ себѣ оправданія и внушаетъ намъ эту нелѣпую мысль. Возьмемъ теперь вмѣсто интеллигентнаго человѣка ребенка или дикаря. У нихъ мысль, овладѣвшая нами лишь на одинъ мигъ, бываетъ устойчива. Поставьте этого ребенка или дикаря лицомъ къ лицу съ предметомъ не столь извѣстнымъ, какъ стулъ, а съ болѣзнию, грозой, бурей, заразой—и вѣра во внѣшнее недоброжелательство этихъ явленій приобрѣтетъ большую силу, а такъ какъ недоброжелательны бываютъ только люди, то произойдетъ олицетвореніе этихъ явленій, т. е. они будутъ приписаны какому-нибудь лицу или поставлены съ нимъ въ связь. Это послѣднее различіе для насъ несущественно, потому что насъ въ данномъ случаѣ занимаетъ лишь ходъ возникновенія указанныхъ понятій.

Вслѣдствіе недостаточнаго наблюденія надъ собою люди обыкновенно не даютъ себѣ отчета въ томъ, что сильное впечатлѣніе очень часто навязываетъ нашей волѣ и нашему разуму мысли, ими отвергаемыя, но тѣмъ не менѣе сохраняющія свою силу, какъ средство оправданія. Короче говоря, въ общемъ люди неохотно признаютъ понятія, сложившіяся подъ вліяніемъ чувства. Религія представляетъ собою наиболѣе яркое историческое проявленіе того закона нашего духа, на который мы уже выше указывали, т. е. на ассоціацію идей, вызываемую сходствомъ впечатлѣній. Вотъ этотъ законъ и объясняетъ намъ то, что показалось намъ страннымъ на первый взглядъ, т. е. возникновеніе и очень продолжительное сохраненіе длиннаго ряда понятій и вѣрованій, нисколько не основанныхъ на опытѣ, на внѣшнихъ реальныхъ фактахъ. Мы съ достаточною полнотою выяснили чувства, создавшія анимизмъ. Чувства эти—страхъ, надежда. Остановимся теперь на обуславливаемыхъ ими дальнѣйшихъ чувствахъ и на измѣненіяхъ, вызываемыхъ ими въ самыхъ вѣрованіяхъ. Начну съ послѣднихъ.

Мы уже указывали, что за человѣческимъ анимизмомъ, за вѣрою въ загробную жизнь слѣдуетъ естественный анимизмъ, иначе говоря политеизмъ. Вслѣдствіе умозаключенія, которое мы въ своемъ мѣстѣ опѣнимъ, множественный анимизмъ превращается въ единый или почти единый, т. е. въ монотеизмъ. Въ этой главѣ, посвященной исключительно установленію психическихъ источниковъ, намъ нечего распространяться о монотеизмѣ. Ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что другихъ чувствъ для его возникновенія не требуется. Мы должны однако остановиться на слѣдующемъ новомъ соображеніи.

Дикарь видитъ въ смерти только самого мертвеца во образѣ невидимаго существа. Затѣмъ, когда человѣкъ становится болѣе предусмотрительнымъ, онъ начинаетъ задаваться новою мыслью и прѣискуситься невѣдомою до того заботою. Онъ предвидитъ, что самъ будетъ мертвецомъ, существомъ невидимымъ, однимъ только духомъ. Такимъ образомъ вступаетъ въ дѣйствіе новый и притомъ очень важный стимулъ, соединяющій въ себѣ всѣ другіе, именно любовь къ жизни. Жить вѣчно;—сколько надеждъ и какое сильное опасеніе вызываетъ эта мысль, смотря по понятіямъ, составленнымъ о будущей жизни! Поэтому нельзя удивляться, если параллельно съ вѣрованіями относительно боговъ или съ теологіею развиваются чрезвычайно разнообразныя и обширныя вѣрованія относительно загробнаго существованія или эсхатологіи.

Если человѣкъ прежде всего начинаетъ вѣрить въ духъ мертвеца, то первая обрядность заключается въ заботѣ о трупѣ, направленной къ тому, чтобы поддерживать существованіе духа мертвеца. Забота эта вводитъ живыхъ людей въ расходы; это слѣдовательно жертва, но жертва не безкорыстная. Взамѣнъ они требуютъ покровительства, помощи отъ существа, которое, будучи невидимымъ, признается болѣе могущественнымъ и болѣе опытнымъ. Изъ разсказовъ путешественниковъ намъ извѣстно, что первичные люди требуютъ у боговъ земныхъ благъ: богатства, здоровья, побѣдъ. Религіозные памятники, насколько они существуютъ, свидѣтельствуютъ о томъ же, напримѣръ молитвы Ригъ-Веды.

Всѣ дальнѣйшіе обряды имѣютъ тотъ же характеръ. Какъ бы боги ни возвышались надъ человѣкомъ, ни возвеличивались, какъ бы могущество ихъ ни распространялось надъ всѣмъ міромъ, преклоняющійся предъ ними вѣрующій испрашиваетъ у нихъ какихъ-нибудь благъ, молить его объ избавленіи отъ какого-нибудь зла. Въ этомъ отношеніи чувства народныхъ массъ мало измѣнялись. Думать иначе—значитъ не считаться съ фактами.

Конечно можетъ случиться, что человѣкъ молится не за себя, а за другихъ; но вѣдь близкіе намъ люди намъ дороги: вѣрующій въ этомъ случаѣ выступаетъ по отношенію къ богамъ также въ роли просителя. Можетъ также случиться, что человѣкъ ожидаетъ благъ не въ этой жизни, а въ другой, загробной; но это только значитъ отсрочить время награды, а желаніе остается по существу тѣмъ же. Все это очевидно.

Если перенестись въ современность, побывать примѣрно въ Лурдѣ или Ла-Салетѣ, то мы увидимъ, что и тутъ толпа испрашиваетъ у Бога земныхъ благъ, слѣдуя примѣру дикарей: напримѣръ

исцѣленіи отъ болѣзни, долгой жизни, успѣха въ предпріятіи. Прочтите записки, въ которыхъ вѣрующій обязуется принести ту или другую жертву въ случаѣ исполненія его просьбы, и вы увидите, что онъ благодаритъ Бога за сохраненіе ему жизни во время кораблекрушенія или битвы, за успѣхъ въ трудномъ предпріятіи или за исцѣленіе отъ неизлечимой болѣзни. Объ этомъ онъ молился и объ этомъ онъ будетъ при случаѣ молиться съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Если снова вернуться къ древности, то мы увидимъ, что святилище богини Таниты въ Африкѣ или знаменитый дельфійскій храмъ въ Греціи были совершенно такъ-же, какъ модныя мѣста современныхъ паломниковъ, украшены множествомъ надписей, свидѣтельствовавшихъ о благорасположеніи божества. Сходство этихъ надписей указываетъ на тождественность душевнаго движенія.

Пріятно конечно убѣдиться, что есть возвышенныя души, испрашивающія у Бога не земныхъ благъ, а добродѣтелей, молящихъ Бога дать имъ терпѣніе, самоотверженность, безропотное примиреніе съ своею участью, любовь и преданность. Но, во-первыхъ, это—натуры совершенно исключительныя, такъ что на нихъ нельзя основываться въ соціологическихъ обобщеніяхъ: онѣ — продуктъ особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ, вѣкового нравственнаго и умственнаго развитія. Мы сейчасъ увидимъ, какъ религія вступила въ союзъ съ моралью, какъ человѣкъ въ концѣ концовъ предположилъ, что божество воодушевлено желаніемъ видѣть всѣхъ людей творящими другъ другу добро. Такимъ образомъ небесная награда была поставлена въ зависимость отъ новыхъ условій, и человѣкъ, столь страстно добивающійся этой награды, вслѣдствіе понятнаго умозаключенія, сталъ требовать нравственной силы, необходимой для исполненія этихъ условій. Возвышенная душа можетъ до такой степени подчиниться этому чувству, что мысль о личномъ спасеніи будетъ для нея отодвинута на задній планъ или совершенно исчезнетъ. Тогда нравственное средство становится само цѣлью. Но идея личнаго спасенія никогда не можетъ совершенно исчезнуть и на самомъ дѣлѣ всегда существуетъ.

Но все ли это, дошли ли мы до высшей точки, до высшаго проявленія религіознаго чувства? Нѣтъ еще.

Если олицетворять, какъ это обыкновенно дѣлается, идею божества, то оно можетъ вызывать и дѣйствительно вызываетъ въ избранныхъ и чувствительныхъ натурахъ чувства уваженія и симпатіи. Такимъ образомъ человѣкъ начинаетъ относиться къ Богу съ чрезвычайнымъ почтеніемъ, т. е. начинаетъ поклоняться

ему; въ то же время онъ опасается порицанія съ его стороны и вслѣдствіе этого добивается его благорасположенія. Все это соотвѣствуетъ стимулу чести. Что же касается до стимула симпатіи, то Богъ становится предметомъ любви, или по крайней мѣрѣ человѣкъ старается его полюбить. Кромѣ того вѣрующій желаетъ и надѣется заслужить отеческое покровительство, быть предметомъ заботъ Бога, придающихъ ему въ жизни увѣренность и въ то же время наполняющихъ его душу благодарностью. Мы видимъ слѣдовательно, что по отношенію къ Богу всѣ нравственныя чувства приводятся въ дѣйствіе. И личный интересъ, и самолюбіе, и симпатія,—все это возбуждается религіей. Остановимся однако на существенной сторонѣ вопроса. Личный интересъ все-таки составляетъ первичную основу религіознаго чувства и, вообще говоря, дѣйствуетъ сильнѣе всего. А такъ какъ человѣкъ испрашиваетъ у Бога обыкновенно здоровья, вліянія, богатства, сохраненія жизни, словомъ, удовлетворенія одной изъ нашихъ физическихъ потребностей, то религія, рассматриваемая съ этой точки зрѣнія, логически входитъ въ область *экономическихъ* побужденій и притомъ *воображаемыхъ*. Этотъ логическій выводъ подтверждается затѣмъ и историческимъ опытомъ.

Дѣйствительно, если присмотрѣться къ ходу исторіи, то мы убѣдимся, что человѣкъ подчиняется двумъ видамъ экономическихъ соображеній и что тамъ, гдѣ реальныя соображенія не могутъ оказать ему помощи, онъ прибѣгаетъ къ воображаемымъ, на примѣръ, когда болѣзнь не можетъ быть исцѣлена существующими средствами медицины или во время кораблекрушенія, когда человѣческая помощь безсильна. Человѣкъ покоряется судьбѣ только въ крайности. Когда онъ не въ состояніи устранить зла, когда всѣ практическія средства оказываются неэффективными, онъ еще не отчаивается, а прибѣгаетъ къ вѣрѣ въ невидимую и несвязательную силу.

Такимъ образомъ земная, реальная политическая экономія и религія, рассматриваемая съ извѣстной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія громаднаго большинства людей, поставлены во взаимную связь и, такъ сказать, дополняютъ другъ друга.

Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ тѣмъ болѣе дорожитъ религіею, чѣмъ сильнѣе онъ отвергаетъ чувство отчаянія, что онъ не затрудняется признать существованіе сверхчеловѣческой силы въ виду собственной своей слабости и что онъ предается вѣрѣ съ легкостью, непонятной для наблюдателя, руководствующагося въ своихъ сужденіяхъ одной логикой, а не человѣческими страстями.

Наконецъ сказанное приводитъ насъ къ предположенію, провѣрка котораго можетъ имѣть важное значеніе для исторіи.

Такъ какъ реальная и воображаемая политическая экономія взаимно восполняютъ другъ друга, то между ними должно происходить постоянное колебаніе: когда одна повышается, другая понижается. Матеріальная обеспеченность цѣлаго народа, даннаго класса, отдѣльнаго лица, надо полагать, уменьшаютъ склонность ихъ прибѣгать къ религіи. Но историкъ, желающій провѣрить это предположеніе, не долженъ сравнивать два различныхъ народа; его сужденіе будетъ вѣрно, если онъ будетъ сравнивать одинъ и тотъ же народъ въ разныя эпохи, т. е. когда народъ былъ бѣденъ и когда онъ сталъ богатъ. Надо однако принять во вниманіе, что богатство не можетъ устранить нѣкоторыхъ страданій. Напротивъ, оно не только не предотвращаетъ ихъ, но дѣлаетъ чловѣка къ нимъ болѣе чувствительнымъ. Какъ бы чловѣкъ ни былъ богатъ, онъ не можетъ предохранить себя отъ чумы, холеры, войны, революціи. Поэтому эпохи народныхъ бѣдствій должны совпадать съ эпохой усиленія вѣры.

Нѣкоторые историки уже указывали на это; но я обращаю вниманіе на слѣдующій выводъ. Если вѣра дѣйствительно усиливается въ эпоху народныхъ бѣдствій, то это служитъ доказательствомъ, что въ основѣ ея лежитъ и личный интересъ.

Наука увеличиваетъ экономическія силы чловѣка, слѣдовательно она, такъ сказать, косвенно уменьшаетъ силу вѣры. Часто указываютъ на противорѣчіе между научными положеніями и догматами вѣры: это—наиболѣе наглядная форма столкновенія между ними. Но вѣра страдаетъ гораздо меньше отъ этихъ теоретическихъ разногласій, чѣмъ отъ экономическихъ послѣдствій расширенія знанія; по крайней мѣрѣ логика подтверждаетъ это предположеніе.

Историки часто совершаютъ ту ошибку, что они, подвергая религію суду философіи, рассматриваютъ ее исключительно въ ея наивысшихъ проявленіяхъ, встрѣчающихся рѣже всего. Основываясь на такомъ судѣ, они дѣлаютъ общій выводъ, т. е. судятъ о людяхъ вообще, руководствуясь тѣмъ, что оправдывается лишь на незначительномъ ихъ числѣ. Это довольно странный образъ дѣйствій: онъ, такъ сказать, упраздняетъ самую обипирную сторону религіозныхъ явленій, представляющихся изслѣдователямъ недостаточно возвышенными. Конечно отъ этого выигрываетъ риторика, и авторъ получаетъ возможность поражать читателя громкими фразами. Но чловѣчество, изображенное въ этомъ видѣ, не походитъ на чловѣчество, какъ оно проявляется въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности: его почти узнать нельзя. Ренанъ иногда употребляетъ безразлично слова: вѣра и самоотверженіе. При такой неопредѣленности выраженій исторія, какъ

наука, становится невозможной. Читатель сочувствует авторамъ, которые, совершая недозволительныя обобщенія, приписываютъ народной массѣ религиозныя чувства, свойственныя такимъ личностямъ, какъ св. Людовикъ, св. Елизавета или св. Тереза. Это льститъ самолюбію рода.

Въ наше время, послѣ долгой эволюціи, религія, разсматриваемая съ извѣстной точки зрѣнія, представляется своего рода наукой, дополняющей и заканчивающей науку въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она даетъ отвѣтъ на вопросы, не разрѣшаемые послѣднею. Что такое жизнь? Что такое міръ? Откуда они, что съ ними будетъ и для чего намъ, смертнымъ, дана жизнь? Всѣ люди ищутъ отвѣта на эти вопросы, и поэтому религіей интересуются не только вѣрующіе, но и многіе невѣрующіе. Послѣдніе часто полагаютъ, что религія вызвана именно потребностью разрѣшить загадку міроздавія и человѣческой жизни. Такимъ образомъ религія сразу пріобрѣтаетъ возвышенный характеръ, окружающій ее обаяніемъ даже въ глазахъ невѣрующаго. Однако этотъ взглядъ на общее происхожденіе всѣхъ вѣрованій, какъ онъ ни лестенъ для человѣческой природы, но можетъ быть генетически обоснованъ. Почитайте изслѣдователей, лучше всего знающихъ первичнаго человѣка, Лэббока, Спенсера, Тайлора, Летурно, разныхъ путешественниковъ, и вы убѣдитесь, что дикарь совершенно лишенъ спекулятивной любознательности. Міроздавіе его не интересуетъ; его удивляютъ наши вопросы, касающіеся этого предмета, а занимаютъ его наши орудія, инструменты, часы, корабль, въ особенности ружье. Часто онъ сильно желаетъ имѣть гвоздь, ножъ, потому что сразу убѣждается въ ихъ полезности. Но вотъ и все. Существуютъ и такіе дикари, которые ровно ничѣмъ не интересуются. Тѣмъ не менѣе религиозная идея встрѣчается уже у нихъ. Тутъ то ея зародышъ, и вотъ гдѣ ее слѣдуетъ изучать, чтобы открыть ея психическій источникъ.

Тѣмъ не менѣе вѣрно, что религія въ своей догматической части становится своего рода воображаемой наукой, дополняющей науку въ собственномъ смыслѣ этого слова, и что она, будучи разсматриваема съ другой точки зрѣнія, восполняетъ практическую дѣятельность человѣка, т. е. политическую экономію даннаго времени. Дорожа ею, потому что она удовлетворяетъ личныя ея интересы, человѣкъ еще болѣе привязывается къ ней вслѣдствіе того, что она удовлетворяетъ и его желанію уяснить себѣ первопричины всего существующаго.

ГЛАВА VII.

Временной или историческій человѣкъ.

Временной или историческій человѣкъ отличается отъ общаго тѣмъ, что его чувства подверглись особенному измѣненію или его умъ получилъ особенное направленіе вслѣдствіе условій, присущихъ данному времени и мѣсту. — Изучать въ немъ надо: во-первыхъ, извѣстную степень цивилизаціи, т. е. богатства, нравственности и умственного развитія; во-вторыхъ, особенности его установленій.

Данное установленіе, изучаемое въ два отдаленныхъ момента его историческаго развитія, представляетъ всегда нѣсколько чертъ, общихъ тому и другому времени или же, наоборотъ, не совпадающихъ другъ съ другомъ, иначе говоря, форма даннаго установленія всегда болѣе или менѣе измѣнчива. Если же остановиться на всей совокупности установленій данной страны въ два различныхъ момента, то мы увидимъ, что отношеніе этихъ установленій между собою или, чтобы выразиться однимъ словомъ, ихъ равновѣсіе не совпадаетъ. Напримѣръ, военныя установленія имѣютъ въ данную эпоху, сравнительно съ установленіями промышленными, чрезвычайную жизненность и проявляются съ особенной силой, между тѣмъ какъ въ другую эпоху возста-навливается равновѣсіе въ пользу промышленныхъ установленій.

Ученый долженъ распознать и констатировать съ возможно болѣею точностью эти различныя формы установленій и равновѣсія между ними. Что же касается до исторіи, какъ науки, то она должна установить ихъ причины. Это вопросъ, особенно интересующій историка.

Въ общемъ говоря, основною причиною является человѣкъ даннаго времени и мѣста, историческій человѣкъ; но сказать это — значить еще ничего не сказать. Что слѣдуетъ разумѣть подѣ историческимъ человѣкомъ?

Мы подѣ нимъ подразумѣваемъ общаго человѣка, измѣненнаго совокупностью своеобразныхъ условій или, говоря иначе, специальною средою. Конечно по этому поводу возможны различныя гипотезы. Можно предположить, что каждая эпоха носитъ своеобразный характеръ, имѣетъ свое особое направленіе, подобно тому, какъ каждой человѣческой расѣ и даже каждому народу въ отдѣльности приписывалось особое направленіе ума, не поддающееся вліянію времени. Мы ниже, въ другой главѣ, остановимся на доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу этой гипотезы. Здѣсь же я замѣчу только, что она излишня. Еслибы дѣйствительно въ данную эпоху всѣмъ отдѣльнымъ индивидамъ

было бы присуще нѣчто врожденное, отсутствовавшее у прежнихъ поколѣній и не встрѣчающееся у послѣдующихъ, то намъ невозможно было бы непосредственно установить это нѣчто, уяснить себѣ, въ чемъ заключаются эти врожденные качества и насколько обширно ихъ вліяніе сравнительно съ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ точки зрѣнія метода несущественно, всецѣлѣ ли вліяніе этихъ обстоятельствъ на общаго человѣка, или нѣтъ, ибо намъ все-таки приходится начинать съ нихъ и прослѣдить ихъ вліяніе, насколько это возможно, *такъ какъ они одни могутъ быть точно установлены*. Затѣмъ уже, когда мы убѣдимся, что всѣ внѣшнія обстоятельства выяснены и что послѣдствія каждаго изъ нихъ исчерпаны, мы можемъ, въ случаѣ если та или другая черта осталась бы невыясненною, приписать ее духу эпохи, который мы установимъ такимъ образомъ косвенно. Но часто ли мы будемъ поставлены въ возможность вполне разъяснить обѣ нами указанныя стороны вопроса? Это весьма сомнительно. Какъ бы то ни было, повторяю, мы вынуждены начать наши изысканія такъ, какъ будто у людей различныхъ эпохъ одна и та же природа, подвергающаяся вліянію той или другой среды.

Напомнимъ читателю, что всякое установленіе вызывается комбинаціею психическихъ силъ. Поэтому историкъ, желающій выяснитъ причину разныхъ формъ, неизбѣжно потерпитъ неудачу, если онъ будетъ исходить изъ мысли, что внѣшнія обстоятельства дѣйствуютъ на простое психическое начало. Можетъ именно случиться,—и это повторяется чаще всего,—что данное внѣшнее обстоятельство дѣйствуетъ на одинъ изъ элементовъ, не затрогивая другихъ. Если же предположить, что оно дѣйствуетъ на всѣ заразъ, то все-таки послѣдствіе будетъ во всѣхъ случаяхъ неизбѣжно различное, такъ какъ самая сущность различна. Послѣдствіе это можно сравнить съ тѣмъ явленіемъ, когда пушечное ядро ударяетъ въ разнородную поверхность, состоящую напимѣръ изъ желѣза, дерева и какой нибудь ткани.

Кромѣ того надо себѣ уяснить еще слѣдующую истину: данное внѣшнее обстоятельство дѣйствуетъ сперва на внутренняго человѣка, т. е. прежде чѣмъ измѣнить его внѣшнюю дѣятельность, оно измѣняетъ его чувства и понятія.

Возьмемъ примѣръ. У даннаго народа мужья покупали себѣ женъ и поэтому обращались съ ними въ домашней жизни, какъ съ остальными рабами. Допустимъ, что вслѣдствіе какихъ нибудь событій, безразлично какихъ, тотъ же народъ уже не покупаетъ женъ, а устанавливаетъ у себя бракъ и получаетъ за женами приданое. По прошествіи нѣкотораго времени домашнее положеніе женъ представится уже въ совершенно иномъ видѣ. Мы

конечно скажемъ, что приданое вызвало новую форму брака и семейной жизни. Но выраженія не должны вводить насъ въ обманъ, и мы должны уметь различать сокровенныя отношенія, предшествующія измѣненіямъ въ семейной средѣ. Чувства и обращеніе мужей измѣнились, потому что экономическіе интересы повліяли на мужей: прежде они покупали женъ, теперь же получаютъ за ними приданое. По этому поводу мы вспомнимъ, что семейственныя установленія вызываются на ряду съ главнымъ стимуломъ, половымъ, еще и другимъ стимуломъ, экономическимъ. Итакъ, мы видимъ, что форма установленія измѣнилась, потому что одинъ изъ стимуловъ получилъ новое направленіе. Если предположить, по крайней мѣрѣ временно, что это явленіе повторяется и въ другихъ случаяхъ, я устанавливаю указанную мною формулу, что форма установленія измѣняется, когда одинъ изъ дѣйствующихъ стимуловъ возбуждается иначе.

Какой нибудь народъ втеченіе вѣковъ добывалъ себѣ пищу охотою или скотоводствомъ; но теперь онъ пренебрегаетъ этими средствами и обращается къ земледѣльству. Это—новая форма экономической жизни. Очевидно, народъ убѣдился, что послѣдній способъ добыванія пищи болѣе производителенъ, чѣмъ прежній. Для насъ въ данную минуту безразлично, ошибается ли онъ, или нѣтъ. Мы даже не останавливаемся на вопросѣ, подъ вліяніемъ какихъ условій у него сложилось такое убѣжденіе. Мы хотимъ только отмѣтить, что его понятія измѣнились. Отсюда вытекаетъ другая формула, именно, что форма установленій измѣняется, когда люди, чтобы удовлетворить основнымъ своимъ цѣлямъ, находятъ новое средство, признаваемое ими лучшимъ, словомъ, когда измѣняются ихъ убѣжденія. Замѣтимъ тутъ мимоходомъ, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ основного занятія измѣняется и распределеніе времени. Послѣдствія этого факта проявляются во всѣхъ направленіяхъ. Напримѣръ у охотничьяго народа женщины и мужчины почти не встрѣчаются между собою днемъ, а иногда и разлучены на многіе мѣсяцы; у земледѣльческаго — женщины и мужчины работаютъ вмѣстѣ. Слѣдовательно ихъ взаимныя чувства, въ томъ числѣ и половое, будутъ возбуждаться отнынь иначе. Но это послѣдствіе также подходитъ подъ первую формулу.

Мы должны здѣсь коснуться очень существеннаго вопроса. Спрашивается, могутъ ли идеи или вѣрованія людей въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ обыкновенно въ отличіе отъ нашего взгляда на дѣло, т. е. въ смыслѣ общихъ отвлеченныхъ воззрѣній на міръ, человѣка и его назначеніе, повліять на дѣятельность людей и ихъ установленія и притомъ въ какой степени, иначе говоря, могутъ ли философскія и религіозныя идеи,

измѣняясь сами, служить главною причиною разнообразія, встречающагося во всѣхъ другихъ сферахъ, обнимаемыхъ исторіею? На этотъ вопросъ отвѣчали утвердительно очень выдающіеся умы: Контъ, Тюрго, Стюартъ Милль поддерживали этотъ тезисъ. Та же идея лежитъ въ основѣ множества трудовъ, авторы которыхъ, можетъ быть, и не додумались до нея въ ея общей формѣ. Назову на примѣръ знаменитый трудъ Фюстель-де-Куланжа. Наконецъ эта идея конечно соотвѣтствуетъ смутному желанію общества: если она не вѣрна, то люди желаютъ, чтобы она была вѣрна. Моя книга съ начала до конца служитъ отвѣтомъ на вопросъ,—можно ли съ нею согласиться?

Тенерь намъ приходится остановиться на разсмотрѣнныхъ нами вопросахъ съ другой точки зрѣнія. Измѣненія, которыя мы называли формами и которыя мы разсмотрѣли хладнокровно, т. е. совершенно объективно, по большей части затрогиваютъ одною своею стороною наши чувства: они намъ полезны или вредны; они улучшаютъ или ухудшаютъ наше положеніе. Такимъ образомъ мы дошли до животрепещущаго вопроса о прогрессѣ или регрессѣ.

Люди, создающіе тѣ или другія формы, не всегда понимаютъ полезный или вредный характеръ произведенныхъ ими измѣненій. Иногда они прямо ошибаются. Но по большей части они стремятся къ лучшему и стараются устранить несовершенное. Они слишкомъ сильно руководствуются положительною или отрицательною стороною, добромъ или зломъ, какъ они его понимаютъ, чтобы можно было систематически устранять соображенія прогресса и упадка или относиться къ нимъ равнодушно. Между тѣмъ такъ поступаютъ нѣкоторые соціологи и вслѣдствіе этого лишаютъ себя возможности понять весьма многочисленныя во всякомъ случаѣ явленія, вызываемыя надеждою облегчить участь человѣка.

Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, историческій человѣкъ—тотъ человѣкъ, который поставленъ въ лучшее или худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ онъ былъ въ другое время и въ другой странѣ. Но общее положеніе въ дѣйствительности состоитъ изъ цѣлаго ряда особенныхъ положеній. Поэтому трудно рѣшить, представляетъ ли данное время въ общей сложности прогрессъ, т. е. болѣе ли оно выгодно и счастливо, чѣмъ другое. Мы вполнѣ слѣдствіи обстоятельнѣе коснемся этого вопроса. Во всякомъ случаѣ къ рѣшенію его можно приблизиться не иначе, какъ расчленивъ общее положеніе на его составные элементы и изучивъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Хотя блага, къ которымъ стремится человѣкъ, по своей формѣ представляютъ крайнее разнообразіе, тѣмъ не менѣе они могутъ быть распределены по классамъ и подведены подъ небольшое число терминовъ, каковы:

богатство, нравственность, умственное развитие. Мы впоследствии точнее определим содержание этих терминов. Поэтому временной человек с этой точки зрения—человек более богатый, нравственный и интеллигентный, чем онъ былъ раньше или въ другой странѣ. Мы только что говорили о формахъ; теперь намъ приходится говорить о степени.

Разсмотрѣніе достигнутой людьми въ данный моментъ степени богатства, нравственности и умственного развитія должно, по моему мнѣнію, предшествовать разсмотрѣнію разныхъ установленій, даже самыхъ существенныхъ. Однимъ и тѣмъ же установленіемъ можно пользоваться весьма различно, и эти способы пользованія очень сильно отражаются на достигаемыхъ результатахъ; между тѣмъ они главнымъ образомъ зависятъ отъ степени богатства, нравственности или умственного развитія даннаго народа. Дайте католическую религію, конституціонный строй или единобрачіе палуасцамъ или тѣмъ германскимъ варварамъ, которые вторглись въ Галлію, и вы увидите, что получится иной результатъ, чемъ какой достигаютъ при помощи тѣхъ же установленій народы германскій и англійскій.

Надо обратить особенное вниманіе еще на слѣдующую истину: степень богатства, нравственности, умственного развитія, достигнутая въ данный моментъ, сильнѣе всего отражается на будущности народа.

Мы теперь выяснили, что особенная степень цивилизаціи и особенныя установленія создаютъ то, что мы называемъ временнымъ человекомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ смыслѣ метода, намъ надо прежде всего остановиться на степени его цивилизаціи, т. е. богатства, нравственности и умственного развитія.

ГЛАВА VIII.

Различныя степени цивилизаціи.

I.

Установленіе степени цивилизаціи; трудность рѣшенія этого вопроса.—Опредѣлить богатство въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему экономисты, очень трудно или невозможно.—Надо придать этому термину другое значеніе.—Съ нашей точки зрѣнія богатство означаетъ сравнительную легкость или возможность совершенія дѣйствія, которое прежде было невозможно или неудобно исполнимо.

Понятіе о богатствѣ, принятое въ политической экономіи, общей отвлеченной наукѣ, хотя и достаточно для ея цѣлей, но

для историка подлежить измѣненію. По взгляду экономиста, народное богатство равняется совокупности цѣнностей даннаго народа. Взглядъ этотъ вѣренъ: экономистъ имѣетъ въ виду внѣшнее матеріальное явленіе; но для историка предметомъ изученія служитъ живущій и чувствующій человекъ. Для него важно не богатство само по себѣ, не его матеріальная сущность, а вызываемое имъ психическое дѣйствіе. Напримѣръ историкъ старается себѣ уяснить, насколько люди въ данную эпоху пользовались тѣмъ элементомъ счастья, которое мы называемъ матеріальнымъ благополучіемъ.

Возможенъ такой случай, что въ данномъ обществѣ богатство въ экономическомъ смыслѣ не сокращается или даже увеличивается въ то время, какъ благосостояніе понижается. Для этого достаточно, чтобы населеніе увеличилось быстрѣе, чѣмъ богатство. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе, какъ великъ трудъ, необходимый для производства даннаго количества цѣнностей. Съ исторической или психологической точки зрѣнія трудъ причиняетъ страданія, слѣдовательно является отрицательною величиною, которую надо вычесть изъ суммы благосостоянія. Трудъ, необходимый для полученія данныхъ цѣнностей, увеличивается или уменьшается въ разные эпохи. Къ тому же установить приблизительно богатство даннаго общества въ смыслѣ экономистовъ невозможно безъ очень совершенной статистики. Но такая статистика существуетъ только у немногихъ европейскихъ народовъ и притомъ сравнительно очень недавно.

Въ виду отсутствія статистическихъ данныхъ, историки старались установить косвенные признаки, по которымъ можно составить себѣ понятіе о богатствѣ народа въ данную эпоху. Одни принимаютъ за такой признакъ численность населенія, другіе — цѣну тѣхъ или другихъ жизненныхъ припасовъ по сравненію съ заработною платою, третьи — распространеніе нѣкоторыхъ предметовъ въ низшихъ классахъ общества.

Численность населенія конечно доказываетъ, что страна можетъ прокормить данное число людей. Но люди могутъ быть больше и меньше, могутъ существовать и голодая. Между тѣмъ вопросъ заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить, какъ живетъ данное число людей. Простая цифра населенія ничего не доказываетъ. Такъ напримѣръ, фактъ, что средневѣковая Франція насчитывала отъ 25—30 милліоновъ жителей, вовсе не имѣетъ того благопріятнаго значенія, какое ему обыкновенно приписываютъ. Спрашивается, какой процентъ этого населенія питался каштанами, рожью, рѣпою, — словомъ, недостаточно питательными пищами? Каково было отношеніе между дѣтьми и взрослымъ

населеніемъ? Вотъ что намъ нужно знать. Въ наши дни встрѣчаются народы бѣдные и несчастные при значительной густотѣ населенія; но у этихъ народовъ пожилые люди встрѣчаются рѣдко, а процентъ дѣтей, обреченныхъ на непродолжительное существованіе, очень значителенъ. Въ такомъ народѣ смертныхъ случаевъ много, но и дѣтей рождается много, вслѣдствіе чего численность населенія велика, хотя всѣ живутъ худо и скоро умираютъ. Спрашивается, не напоминала ли средневѣковая Франція именно такіе народы?

Всякое новое поколѣніе отнимаетъ у прежнихъ часть матеріальныхъ благъ. Поэтому нельзя признавать высокую цифру населенія признакомъ дѣйствительнаго благосостоянія, особенно когда соотвѣтственная цифра производства не установлена. «Въ царствованіе дома Валуа французовъ насчитывалось столько же, столько и теперь, слѣдовательно и благосостояніе ихъ соотвѣтствовало нынѣшнему», — это разсужденіе нельзя ни въ какомъ случаѣ назвать разсудительнымъ.

Другіе аргументы представляются мнѣ столь же невѣрными. Напримѣръ говорятъ: «Докажемъ, что въ данную эпоху низшіе слои пользовались значительнымъ благосостояніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ доказано, что все общество достигло значительнаго благосостоянія». Съ этою цѣлью старались установить размѣръ заработной платы или цѣну хлѣба и сравнивали эти двѣ цифры. Выводъ однако получился мало убѣдительный. Выяснилось только съ достовѣрностью, что цѣна хлѣба въ прежнее время колебалась сильнѣе, чѣмъ теперь, и этотъ выводъ сильно затрудняетъ рѣшеніе вопроса о благосостояніи рабочаго люда. Когда цѣна хлѣба понижалась, населеніе при тогдашней заработной платѣ могло покупать его больше, чѣмъ можетъ купить въ среднемъ выводѣ нынѣшній рабочій. Но когда хлѣбъ достигалъ очень высокой цѣны, средневѣковому рабочему приходилось умирать съ голоду или же подвергаться страданіямъ, какихъ въ среднемъ выводѣ не испытываетъ современный рабочій. Слѣдовательно мы наталкиваемся на вопросъ, — служило ли относительное обиліе хлѣба въ данное время вознагражденіемъ за недостатокъ его въ другое время? Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ не о единомъ хлѣбѣ живъ бываетъ.

Надо было бы по крайней мѣрѣ сравнить заработную плату съ цѣною 20 или 30 предметовъ, необходимыхъ всякому человеку, какъ то: квартирѣ, мебели, мяса, овощей, напитковъ, освѣтительныхъ матеріаловъ, топлива, одежды, обуви, лекарствъ и т. д. Если такъ поставить вопросъ, то рѣшеніе его представляетъ почти непреодолимые трудности.

По этому поводу весьма часто злоупотребляют выраженіемъ: покупная сила денегъ. Конечно, зная цифру заработной платы и цѣну хлѣба, можно установить покупную силу денегъ, но только относительно хлѣба. Для другихъ же предметовъ покупная сила можетъ быть различная.

Въ общемъ покупная сила денегъ была въ средніе вѣка повидимому значительно относительно земледѣльческихъ продуктовъ. Съ меньшимъ количествомъ денегъ можно было купить больше хлѣба, больше мяса. Но съ другой стороны всѣ продукты издѣльной промышленности были дороже, слѣдовательно покупная сила денегъ по отношенію къ нимъ была меньше. Поэтому, чтобы сдѣлать правильный выводъ, надо взвѣсить обѣ стороны явленія. Но этимъ еще не исчерпывается трудность: цѣны не имѣли того общаго характера и относительной устойчивости, какія онѣ теперь имѣютъ. Онѣ были различны въ различныхъ мѣстностяхъ, особенно же въ разные годы. Повторяю, хлѣбъ могъ быть очень дешевъ въ такомъ то году, а въ слѣдующемъ уже онъ достигалъ непомерной цѣны. Можно ли въ виду этихъ колебаній установить покупную силу денегъ? Къ тому же она еще обуславливается тѣмъ, чего человекъ собственно требовалъ. Какова была въ средніе вѣка покупная сила денегъ для человека, который хотѣлъ быстро и удобно путешествовать, или для человека больного и жаждущаго исцѣленія и т. д.?

Конечно легко сказать, деньги были въ три или четыре раза дороже, чѣмъ теперь; но эти простые слова нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительной сложности явленія.

Наконецъ мѣриломъ признаютъ то обстоятельство, что такіе то предметы, напримѣръ драгоценныя украшенія, рубашки, игры, встрѣчались у ремесленника, сѣмщика или сельскаго работника. Предположимъ, что рѣчь идетъ о драгоценныхъ украшеніяхъ. Если они въ то время встрѣчались у сравнительно бѣдныхъ людей, то это можетъ зависѣть отъ того, что тогда бѣдные распредѣляли свой тощій бюджетъ совершенно иначе, чѣмъ теперь; напримѣръ придавали больше значенія разнымъ внѣшностямъ. Что касается до меня лично, то мои работы привели меня именно къ этому выводу, нуждающемуся однако несомнѣнно въ подтвержденіи.

Впрочемъ, какой бы интересъ ни представляли бѣдные классы, нельзя не обращать вниманія также на богатые и зажиточные. Надо помнить общій характеръ вопроса и установить, каково было богатство богатыхъ и зажиточныхъ въ такое то время сравнительно съ такимъ то временемъ. Всякій согласится, что употребляемые обыкновенно методы изслѣдованія уже напередъ устраняютъ всю эту часть вопроса.

Есть вещи доступныя человѣку въ такое то время и доступныя ему въ другое, или же доступныя ему только съ величайшими усиліями въ одно время и чрезвычайно легко—въ другое.

Возможность или невозможность, затруднительность или легкость дѣйствій, удовлетворяющихъ нашимъ потребностямъ или нашимъ существеннымъ желаніямъ,—вотъ что мы теперь рассмотримъ.

1. Надо добыть ночью свѣта. Средневѣковой человѣкъ встаетъ, беретъ въ печкѣ уголекъ, воспаляетъ лучинку и зажигаетъ сальную свѣчу; въ наши дни и въ соотвѣтствующемъ классѣ онъ чиркаетъ спичкою и зажигаетъ керосиновую лампу. По моему мнѣнію, современный человѣкъ богаче средневѣкового на все удобство, представляемое вторымъ способомъ надъ первымъ.

2. Надо совершить путешествіе въ Марсель. Въ прошломъ столѣтіи это путешествіе при благопріятныхъ условіяхъ продолжалось восемь дней; теперь это—дѣло двадцати часовъ. По моему мнѣнію, современный человѣкъ богаче человѣка прошлаго вѣка на всѣ сбереженные расходы, время и на большія удобства путешествія. Но это не все. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ заключается не въ томъ, чтобы прибыть въ Марсель, а въ томъ, чтобы пріѣхать туда по возможности скорѣе подъ рискомъ недостиженія цѣли (свиданіе съ умирающимъ). Тутъ современный человѣкъ богаче прежняго на представляющуюся ему возможность прибыть въ данное мѣсто съ небывалою скоростью.

Опредѣлить всѣ удобства, существующія въ данное время сравнительно съ прежнимъ, весьма возможно, по крайней мѣрѣ въ общемъ.

Намъ могутъ однако возразить: фактически люди живутъ на то количество хлѣба, мяса, овощей, платьевъ, какое они имѣютъ. Если отказаться отъ этой точки зрѣнія, то мы уклонимся отъ дѣйствительности.

Разсмотримъ частный случай, напримѣръ возможность удобнѣе обрабатывать землю. Австраліецъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи только заостренную палку, вовсе не пашетъ. Онъ дѣлаетъ ямку и опускаетъ въ нее зерно. Средневѣковой человѣкъ очень поверхностно вспахиваетъ землю несовершенною сохою древнихъ римлянъ. Современный человѣкъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи плугъ Домбаля, можетъ глубоко вспахивать землю. Это одна точка зрѣнія, но есть и другая, соприкасающаяся съ нею. Человѣкъ пашетъ не для того, чтобы пахать, а для достиженія извѣстной цѣли, примѣрно для полученія хлѣба, и притомъ полученія его въ возможно большемъ количествѣ. Только поэтому древне-римская соха замѣнила заостренную палку,

а плугъ Домбаля—классическую соху. Мы увѣрены, что послѣдняя давала большее количество хлѣба, чѣмъ заостренная палка; а плугъ Домбаля больше, чѣмъ римская соха. Но даже еслибы они давали то же количество съ меньшею затратою труда, то получился бы тождественный результатъ, потому что въ этомъ случаѣ произошло бы сбереженіе труда, необходимаго для производства другихъ предметовъ, которое дѣйствительно и усилилось. Но допустимъ, что сбереженный трудъ даже не былъ употребленъ на другія цѣли,—что мало вѣроятно,—и въ этомъ случаѣ благосостояніе увеличилось вслѣдствіе уменьшенія страданій, сопряженныхъ съ трудомъ. Слѣдовательно, всякая возможность болѣе удобной дѣятельности вызываетъ увеличеніе предметовъ производства, т. е. богатства въ смыслѣ экономистовъ.

Такимъ образомъ лицевая сторона даннаго явленія служить намъ ручательствомъ, что существуетъ и обратная сторона; но лицевая имѣетъ въ исторіи то преимущество, что она можетъ быть въ точности установлена. Въ дѣйствительности лицевая сторона является причиною, а обратная—послѣдствіемъ. Отсюда получается слѣдующій выводъ. Вы утверждаете, что въ средніе вѣка люди были столь же богаты, какъ и теперь, что они имѣли между прочимъ и столько же хлѣба. Однако извѣстно, что орудія обработки земли были менѣе совершенны, чѣмъ теперь. Я вполне допускаю, что полученный результатъ, т. е. производство хлѣба, только отчасти зависитъ отъ орудія обработки земли. Но такъ какъ дѣйствіе этой причины менѣе сильно, то я долженъ допустить и менѣе значительное послѣдствіе, пока вы мнѣ не докажете, что другая причина дѣйствовала сильнѣе. Что же въ средніе вѣка возмѣщало несовершенство орудій? Надо отвѣтить на этотъ вопросъ, а пока вы на него не отвѣтили, мой выводъ—самый вѣроятный.

Въ историческомъ смыслѣ богатство представляетъ нѣкоторыя черты, которыхъ оно не имѣетъ, понимаемое въ смыслѣ экономистовъ. Богатство въ смыслѣ экономистовъ, т. е. сумма всѣхъ цѣнностей въ данный моментъ, уменьшается вслѣдствіе увеличенія населенія, т. е. утрачиваетъ свою способность въ прежней мѣрѣ удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, что составляетъ конечную его цѣль. Если число людей увеличилось, сумма цѣнностей можетъ оставаться прежнею, но возможность удовлетворять потребностямъ сократилась. Если же измѣрять богатство по нашему способу, то оно болѣе независимо отъ увеличенія населенія. Возьмемъ прежній примѣръ: въ наши дни можно проѣхать отъ Парижа до Марсея въ 20 часовъ; сколько бы ни увеличивалось населеніе, фактъ этотъ остается въ полной неприкосновенности. Такихъ примѣровъ можно привести много.

Всѣ цѣнности постоянно уничтожаются, однѣ раньше, другія позже. Слѣдовательно богатство въ смыслѣ экономистовъ составляетъ какъ бы движущуюся массу, постоянно измѣняющуюся, поглощаемую, измѣнчивую въ своихъ очертаніяхъ. Богатство же, понимаемое въ историческомъ смыслѣ, состоитъ изъ идеи разныхъ орудій и машинъ, доставляющихъ возможность дѣйствовать успѣшнѣе. Такая идея можетъ погибнуть, но это случается очень рѣдко. Вообще говоря, она передается однимъ поколѣніемъ другому безъ всякой утраты, и хотя это наслѣдство имѣетъ чисто-идеальный характеръ, тѣмъ не менѣе оно можетъ считаться наиболѣе реальнымъ изъ всѣхъ.

Богатство, понимаемое въ нашемъ смыслѣ, можетъ быть въ точности установлено для людей богатыхъ, зажиточныхъ и бѣдныхъ. Можно до известной степени отвѣтить на вопросы вродѣ слѣдующаго: былъ ли Самуиль Бернаръ, знаменитый богатъ времени Людовика XIV, богаче такого то банкира нашего времени, и притомъ на сколько? Я отвѣчаю: даже если онъ пожертвовалъ бы всѣмъ своимъ состояніемъ, онъ не могъ бы въ сутки совершить путешествіе изъ Парижа въ Марсель, узнать новости изъ ежедневной нѣмецкой газеты, вылечить фистулу безъ страданій и т. д. Съ другой стороны слѣдовало бы установить, существовали ли во времена Бернара такіе способы успѣшной дѣятельности, какихъ теперь нѣтъ. Сопоставивъ эти двѣ рубрики, философски настроенный умъ могъ бы сдѣлать сравненіе, которое привело бы къ приблизительному рѣшенію вопроса, ибо точное его рѣшеніе невозможно.

Если такимъ образомъ опредѣлять богатство и присмотрѣться къ всемірному историческому развитію, то получится выводъ, что матерьяльное благосостояніе людей чрезвычайно возросло. Сравнимъ напримѣръ древніе цивилизованные народы,—китайцевъ, египтянъ, грековъ, римлянъ,—съ современными цивилизованными народами, и мы несомнѣнно вынесемъ убѣжденіе, что послѣдніе далеко превосходятъ первыхъ. Съ этимъ должны даже согласиться ученые, специально изучающіе греко-римскій міръ и поэтому питающіе къ нему особенное пристрастіе. Но по мѣрѣ того, какъ мы начинаемъ сравнивать народы, по времени намъ болѣе близкіе, съ современными народами, достигнутый успѣхъ уже не такъ очевиденъ. Впрочемъ вопросъ заключается не только въ томъ, совершены ли нами вообще успѣхи, но и на сколько эти успѣхи значительны. Тутъ существуетъ сильное разногласіе. Смотря по политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ или литературному, художественному и ученому предрасположенію, одни допускаютъ,

что достигнутый успѣхъ очень значителенъ, другіе признають его слабымъ, а третьи совершенно отрицають его.

Споры тутъ въ общемъ ни къ чему не приводятъ, потому что у спорящихъ нѣтъ опредѣленной мѣрки. Предложивъ новое опредѣленіе богатства, мы сдѣлали попытку удовлетворить этому предварительному условію.

II.

Установленіе степени нравственности; оно возможно только косвеннымъ путемъ, посредствомъ анализа нѣкоторыхъ обстоятельствъ и ихъ вѣроятныхъ послѣдствій.

Точно измѣрить нравственность данной эпохи сравнительно съ другой невозможно за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ, хотя бы такихъ, какими мы располагаемъ относительно экономическихъ явленій.

Было бы неосмотрительно основываться на религіозныхъ вѣрованіяхъ или на установленной морали. Правила ея даютъ намъ весьма поверхностное понятіе объ общественномъ мнѣніи, которое можетъ относиться очень строго или снисходительно къ нарушенію этихъ правилъ. Но въ этомъ весь вопросъ. Когда нарушенія часто повторяются, общественное мнѣніе съ ними свывается и относится къ нимъ равнодушно.

Если правила морали часто нарушаются въ данномъ обществѣ, то это зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ, и совокупность этихъ обстоятельствъ измѣняется, смотря по роду изучаемаго нарушенія. Пояснимъ нашу мысль. Когда рѣчь идетъ объ экономической нравственности, надо принять во вниманіе, насколько бѣдность или невѣжество распространены, часто ли повторяются внѣшнія войны, устойчивъ ли внутренний порядокъ, склонно ли населеніе къ политическому послушанію. Получаемое такимъ образомъ мѣрило сложно, и измѣрять имъ нравственность не легко. Тѣмъ не менѣе осмотрительный историкъ можетъ имъ пользоваться съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Для опредѣленія половой нравственности требуется иная мѣрка; надо преимущественно обратить вниманіе на свѣтскія условія, общественныя празднества, свободу, которою пользуются женщины, домашній бытъ и т. д.

Кромѣ того надо различать существующіе общественные классы.

Мнѣ хотѣлось бы здѣсь выяснить, что руководствоваться можно только методомъ косвеннымъ, т. е. исходить отъ выясненныхъ условій и опредѣлить возможные ихъ послѣдствія. Такъ

называемые ученые придерживаются другого метода. Они съ трудомъ соберутъ нѣсколько частныхъ фактовъ и выводятъ изъ нихъ общее заключеніе, далеко не соотвѣтствующее крошечному фундаменту, на которомъ оно возведено. Тѣмъ не менѣе такіе ученые воображаютъ, что они строго придерживаются фактовъ, и не уясняютъ себѣ, что общія условія данной эпохи представляютъ собою также факты, хотя и менѣе строго разграниченные, но гораздо болѣе поучительные, въ то время какъ ихъ факты не имѣютъ никакой цѣны, если только они, вслѣдствіе своей многочисленности и точности, не имѣютъ характера статистическихъ данныхъ; но такой характеръ можетъ быть имъ присущъ только въ нашемъ столѣтіи. Тутъ середины нѣтъ: либо мы имѣемъ дѣло съ статистикою въ современномъ значеніи этого слова, либо съ дедуктивною логикою.

Поясимъ нашу мысль примѣромъ. Возникаетъ слѣдующій вопросъ: насчитывалось ли во Франціи въ XIII вѣкѣ на равное число жителей больше или меньше убійствъ, чѣмъ въ наше время? Руководствуясь методомъ фактовъ, мы не можемъ рѣшить этого вопроса. Судя по отзывамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, можно подумать, что этотъ родъ преступленія былъ болѣе распространенъ; но отсюда далеко до точнаго вывода. Правда, что и нашъ методъ точнаго вывода не дастъ, но онъ значительно насъ къ нему приблизитъ. Между общими условіями есть одно, относительно котораго сомнѣнія быть не можетъ: въ то время убійцѣ легче было избѣжать наказанія. Обусловливается это нѣсколькими причинами: существованіемъ мелкихъ государствъ и множества различныхъ судей, возможностью для преступника уклониться отъ естественнаго своего судьи и подвергнуть дѣло сосѣднему, плохо знакомому съ обстоятельствами дѣла и относящемуся къ нему равнодушно, бѣдностью или денежными стѣсненіями большинства судей, которые не могли содержать достаточнаго числа слѣдователей и предпочитали отказаться отъ преслѣдованія бѣднаго преступника, конфискація имущества котораго не покрывала даже расходовъ.

Чѣмъ обстоятельнѣе мы будемъ изучать условія судебного преслѣдованія въ данное время, тѣмъ болѣе выяснится упомянутая относительная безнаказанность. Отсюда вытекаетъ, что тогда совершалось больше преступленій, если только не будетъ констатирована другая, нынѣ отсутствующая причина, сдерживавшая преступника и уравнивавшая относительную безнаказанность. Считаю однако долгомъ повторить, что я не рѣшаю окончательно вопроса, а стараюсь указать путь, приводящій къ его рѣшенію.

III.

Установленіе степени умственнаго развитія; оно легче, чѣмъ установленіе степени богатства и нравственности; но надо различать во-первыхъ науку и искусство, а во-вторыхъ въ наукѣ приобрѣтеніе знаній и способы ихъ приобрѣтенія.

Что касается до опредѣленія степени умственнаго развитія, то мы поставлены въ болѣе выгодное положеніе. При изученіи этого вопроса надо однако различать разнородное. Прежде всего надо отдѣлить умственную дѣятельность человѣка, направленную къ познанію вещей, или научную дѣятельность отъ дѣятельности, направленной къ воздѣйствію на чувство путемъ подражанія, т. е. болѣе или менѣе точнаго воспроизведенія жизни, или дѣятельности художественной и литературной.

Въ самой наукѣ надо различать установленіе истинъ и способы изслѣдованія или аргументацію.

Разсматривая вопросъ съ другой точки зрѣнія, мы должны вспомнить значительное упрощеніе реальной жизни, которому она подвергается въ человѣческой рѣчи. То, что мы говоримъ о данномъ времени, если оно даже вѣрно, оправдывается лишь на извѣстной части людей, тогда жившихъ, въ особенности, когда оно касается науки: вѣдь наука вездѣ—привилегія ничтожнаго числа людей. Однако и въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ на многихъ.

Человѣческій духъ не представляетъ собою чистой страницы, на которой постепенно заносятся истины въ порядкѣ ихъ постепеннаго возникновенія. Напротивъ, эта страница переполнена заблужденіями. Истина вытѣсняетъ предразсудокъ и занимаетъ его мѣсто. Лица, изучавшія историческое развитіе наукъ, далеко не всегда понимали, какъ важно прослѣдить одновременно историческое развитіе заблужденій. Между тѣмъ истинѣ приходилось вымарывать эти заблужденія, прежде чѣмъ водвориться на ихъ мѣстѣ. Необходимо слѣдовательно изучать и человѣческія заблужденія, потому что въ противномъ случаѣ трудно уяснить себѣ препятствія, задержки, затемненія въ научномъ развитіи. Всѣ эти явленія объясняются отчасти лѣнностью или неповоротливостью человѣческаго ума, отчасти же его поглощеніемъ ложными идеями.

Умственный прогрессъ, заключающійся въ устраненіи предразсудковъ, представляетъ собою то, что мы теперь называемъ успѣхами критическаго ума. Если имѣть въ виду народныя массы, то мы увидимъ, что онѣ участвуютъ только въ результатахъ этой работы. Наука—удѣлъ немногихъ, и она распространяется въ народныхъ массахъ только въ формѣ отрицанія преж-

ного заблужденія. Это составляет новое основаніе для того, чтобы отвести въ исторіи возникновенія истинъ значительное мѣсто исторіи заблужденій.

Во всякое время многіе научные труды, къ сожалѣнію, погибали. Тѣмъ не менѣе въ общемъ запасъ накопленныхъ знаній можетъ для данной эпохи быть точнѣе опредѣленъ, чѣмъ можетъ быть опредѣлена степень богатства (въ общеупотребительномъ значеніи этого слова) и нравственности. Съ этой точки зрѣнія сравненіе и окончательный выводъ относительно двухъ эпохъ, даже близкихъ другъ къ другу, хотя и представляютъ затрудненія, но вполне возможны, если раздѣлить всю науку на составныя ея части въ естественномъ ихъ порядкѣ. Философское изученіе наукъ нынѣ настолько подвинулось впередъ, что можно достигнуть соглашенія относительно этого порядка.

Гораздо труднѣе опредѣлить и оцѣнить, какъ люди въ данное время разсуждаютъ и какими способами аргументаціи они довольствуются въ разнаго рода изслѣдованіяхъ; но тѣмъ не менѣе это возможно: это вопросъ осмысленнаго наблюденія и личной логики даннаго историка.

Я остановлюсь на примѣрѣ не для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, а для того, чтобы показать возможность его рѣшенія. Можно на примѣрѣ спросить себя, стояли ли по отношенію къ методу и аргументаціи мыслители древняго міра (скажемъ Аристотель) выше или ниже выдающихся ученыхъ нашего времени. Для рѣшенія этого вопроса можно выбрать изъ сочиненій Аристотеля, особенно изъ его политическихъ и естество-историческихъ трудовъ, такіе методы или способы аргументаціи, которые онъ самъ, а тѣмъ болѣе его современники находили удовлетворительными или убѣдительными. Можетъ быть этимъ путемъ удалось бы убѣдить читателя, что ни одинъ современный ученый не могъ бы довольствоваться такими разсужденіями или такою аргументаціею; но этотъ вопросъ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста, и поэтому мы имъ здѣсь заняться не можемъ.

Я ограничусь только изложеніемъ главныхъ соображеній Стюарта Милля по этому предмету. Онъ говоритъ: «Было время, когда люди знали только бѣлыхъ лебедей и никто никогда не видѣлъ чернаго. Равнымъ образомъ никто не встрѣчалъ чело-вѣка, у котораго голова находилась бы по срединѣ груди. Можно ли на этомъ основаніи высказать съ одинаковою увѣренностью слѣдующія два положенія: всѣ лебеди бѣлы; у всѣхъ людей голова находится на плечахъ? Еслибы два путешественника намъ сказали, что одинъ изъ нихъ видѣлъ черныхъ лебедей, а другой—людей съ головою по срединѣ груди, то рассу-

дительно ли было бы отнести къ ихъ словамъ съ одинаковымъ недоумѣемъ или обратно съ одинаковымъ довѣремъ?» Стюартъ Милль объясняетъ намъ, почему эти два положенія, одинаково основанныя на общемъ опытѣ, представляются одно очень мало, а другое гораздо болѣе убѣдительнымъ, почему заявленіе одного путешественника могло совершенно устранить первое положеніе, въ то время какъ многія свидѣтельства нисколько не поколебали бы второго. Дѣло въ томъ, что первый изъ этихъ двухъ фактовъ принадлежитъ къ такой области естествознанія, законы которой весьма неустойчивы, т. е. къ цвѣтовой окраскѣ живыхъ существъ, въ то время какъ въ порядкѣ расположенія органовъ живого существа наблюдается большая устойчивость. Затѣмъ Стюартъ Милль прибавляетъ: «Спрашивается, отчего одинъ фактъ иногда достаточенъ для полной индукціи, въ то время какъ въ другихъ случаяхъ міриады фактовъ, совпадающихъ безъ всякаго исключенія, недостаточны, чтобы высказать общес положеніе? Человѣкъ, который можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, смыслить больше въ логикѣ, чѣмъ самые ученые люди древности». Это святая истина. Всѣ древніе мыслители, не исключая и Аристотеля, всѣ люди вплоть до Бэкона могли твердо вѣрить, что нѣтъ чернаго лебедя, и могли легко повѣрить, что существуютъ люди съ головою по срединѣ груди, какъ это на примѣръ случилось съ Плиніемъ. Впрочемъ еще до Стюарта Милля Бэконъ очень правильно изложилъ способы размышленія древнихъ, которые *просто перечисляли факты*, и вѣрно назвалъ этотъ методъ «*vera ratio*». Если мы желаемъ основательно познакомиться съ духомъ классической древности, то намъ надо, исходя изъ основныхъ указаній Бэкона, сопоставить чистосиллогическую логику древнихъ съ совокупностью методическихъ идей нашей эпохи по Конту, Миллю, Бэну, Спенсеру, Клоду Бернару и т. д., и еслибы когда-нибудь возобновился споръ между сторонниками античнаго и современнаго міровоззрѣнія, то его слѣдовало бы начать на этой почвѣ, такъ какъ въ указанныхъ соображеніяхъ заключается разгадка вопроса.

Съ другой стороны надо тщательно воздерживаться отъ попытокъ, обреченныхъ на вѣрную неудачу: сравнительныя заслуги разныхъ эпохъ не могутъ быть установлены. Такъ какъ эта ошибка совершена главнымъ образомъ въ области литературы, то мы коснемся ея въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о художественной дѣятельности.

ГЛАВА IX.

Первичная роль богатства.

Прогрессивная эволюція совершилась подъ вліяніемъ силъ, вѣроятно неравныхъ. — Одна изъ нихъ повидимому дѣйствовала раньше или сильнѣе другихъ. — Гипотеза о предшествованіи эконоическаго интереса. — Опытъ провѣрки этой гипотезы. — Вліяніе богатства на нравственность и умственное развитіе.

Степень богатства, нравственности и умственнаго развитія, достигнутая въ данный моментъ, какъ мы уже говорили, опредѣляетъ болѣе всякой другой причины послѣдующій моментъ.

Уже а priori мало вѣроятно, что богатство, нравственность, умственное развитіе вліяли съ одинаковой силой. Противоположное мнѣніе кажется болѣе вѣроятнымъ. Одинъ изъ трехъ факторовъ слѣдовательно имѣлъ перевѣсъ; но который? То, что мы знаемъ о законѣ болѣе ранняго воздѣйствія, побуждаетъ насъ думать, что первоначальной силой было богатство. Оно вѣроятно предшествовало и въ широкой мѣрѣ содѣйствовало двумъ другимъ силамъ и въ свою очередь испытало на себѣ ихъ вліяніе.

Общій ходъ исторіи даетъ уже въ пользу нашей гипотезы предположеніе, несомнѣнно весьма вѣское.

Первичный человѣкъ, посвящая себя промышленности или войнѣ, имѣетъ въ виду только одну изъ трехъ цѣлей, именно богатство. Онъ не озабоченъ своимъ умственнымъ развитіемъ и еще менѣе усовершенствованіемъ своей нравственности. Въ этомъ отношеніи первичное состояніе продолжается у дикарей, варваровъ и у цивилизованныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на общее равнодушіе людей къ своему нравственному и умственному развитію, прогрессъ совершался, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, съ изумительной, скажу даже, въ виду высказанныхъ нами взглядовъ, парадоксальной быстротой.

Такимъ образомъ надо допустить, что, добиваясь богатства, человѣкъ достигалъ, не имѣя въ виду этой цѣли, успѣховъ въ нравственной и умственной области, либо что эти успѣхи естественно вытекаютъ изъ пріобрѣтеннаго богатства, либо наконецъ что средства, необходимыя для достиженія богатства, въ то же время приводятъ къ двумъ другимъ цѣлямъ помимо непосредственнаго желанія самого человѣка.

Время, возлагаемое на первичнаго человѣка его экономическими потребностями, такъ тяжело, что, казалось бы, всякій даль-

нѣйшій прогрессъ невозможенъ. Тѣмъ не менѣе онъ совершился, и этому нельзя не удивляться. Невольно тутъ напрашивается выводъ, что необходимость производить цѣнности хотя и составляетъ бремя, но съ другой стороны содѣйствуетъ и прогрессу.

Мы попытаемся если не выяснитъ, то указать, какъ отражается достиженіе извѣстной степени богатства на умственномъ и нравственномъ развитіи.

Извѣстное количество цѣнностей создано. Ихъ можно потребить, но ихъ можно и сберечь. Въ этомъ состояніи богатство является собственностью, если имѣть въ виду отношеніе, въ какомъ къ нему находится индивидъ,—капиталомъ, если имѣть въ виду, что оно будетъ служить средствомъ для уплаты вознагражденія труда, наконецъ—благосостояніемъ, если его разсматривать, какъ средство удовлетворенія нашихъ потребностей. Только послѣдняя точка зрѣнія интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ.

Тотъ родъ безнравственности, который называется покушеніемъ на чужое добро, экономическая безнравственность, чаще всего встрѣчающаяся въ человѣческомъ обществѣ, находится въ очевидной зависимости отъ нужды. Нищета, т. е. нужда, проявляющаяся съ извѣстной настойчивостью, противодѣйствуетъ съ громадной силой нравственнымъ побужденіямъ: симпатіи, благоразумію, самоуваженію. Эти побужденія могутъ бороться съ нуждой и даже побуждать ее, но они ея не искореняютъ. Богатство имѣетъ назначеніемъ ослаблять силу нужды, а слѣдовательно и самую борьбу нужды съ нравственными побужденіями. Это—выводъ, получаемый путемъ обобщенія повседневныхъ фактовъ. Мы постоянно встрѣчаемся съ людьми, безусловно честными въ экономическомъ отношеніи и не вступающими въ борьбу съ искушеніями, потому что ихъ потребности вполне удовлетворены. Сила матеріальнаго благосостоянія была бы для всѣхъ очевидной, еслибы нужда не имѣла характера относительнаго, т. е. еслибы всѣ люди были поставлены въ совершенно одинаковое экономическое положеніе. Но то, что удовлетворяетъ одного, далеко не удовлетворяетъ другого. Сложившіяся привычки, примѣръ другихъ людей, тщеславіе вызываютъ на ряду съ дѣйствительною нуждой еще и воображаемую. Этимъ и объясняется, что и честные бѣдняки, и люди богатые становятся мошенниками. Тѣмъ не менѣе безспорно, что дѣйствительная или воображаемая нужда заставляютъ людей уклоняться отъ честности, ибо никто не нарушаетъ правилъ экономической морали ради одного удовольствія ихъ нарушенія. Если человѣкъ доволенъ своей судьбой, онъ очевидно не станетъ обкрадывать или убивать другого.

Поведеніе людей до извѣстной степени убѣждаетъ, что они

подчиняются облагораживающему влиянію богатства. Къ богатому относятся съ довѣріемъ, къ бѣдному—съ недоувѣріемъ, и въ этомъ отношеніи люди часто впадаютъ въ крайность. Еслибы я высказалъ положеніе: «бѣдный человѣкъ столь же мало склоненъ къ безчестнымъ поступкамъ, какъ и зажиточный»,—то читатель вынесъ бы такое впечатлѣніе, какое человѣкъ всегда выноситъ, когда противорѣчатъ очевидному.

Изъ этихъ соображеній почти съ непреложною силою вытекаетъ для историка слѣдующая гипотеза: увеличеніе богатства всегда въ извѣстной мѣрѣ сопровождалось уменьшеніемъ общаго количества безнравственныхъ экономическихъ поступковъ вслѣдствіе сравнительнаго облегченія бремени нужды. Не надо однако думать, что это—явленіе безусловное. То, что оправдывается по отношенію къ отдѣльнымъ индивидамъ, оправдывается и относительно отдѣльныхъ смѣняющихся поколѣній; для тѣхъ и другихъ нужда—понятіе относительное. Возросшее богатство полнѣе удовлетворяетъ прежнія потребности, но съ другой стороны увеличиваются и самыя потребности. Очень трудно установить, происходитъ ли тутъ равновѣсіе: а priori оно мало вѣроятно. Однако можно предположить, что нужда въ своей прибавочной части, если можно такъ выразиться, всегда менѣе настоятельна, чѣмъ въ своей первоначальной и основной части. Я не могу принять на себя въ этомъ трудъ историческую провѣрку столь сложнаго и разбросаннаго явленія. Я только указываю на возникающіе вопросы и на области изслѣдованія.

Благосостояніе даетъ досугъ. Чтобы пріобрѣтать знанія, надо имѣть досугъ, а слѣдовательно пользоваться благосостояніемъ. Кромѣ того, чтобы учиться, надо имѣть учителя, а для этого по большей части требуются матеріальныя средства. Слѣдовательно и съ этой стороны благосостояніе обуславливаетъ собою образованіе. Уяснить себѣ непосредственное послѣдствіе образованія—значить въ общемъ установить косвенное влияніе богатства.

Я не придаю чрезмѣрнаго значенія образованію. Во всѣ времена юношеству внушали отчасти ложныя понятія или сообщали ненужныя знанія. Но всякое образованіе, даже когда оно по своему содержанію не имѣетъ никакой цѣны, сопряжено съ гимнастикой умственныхъ способностей, по крайней мѣрѣ памяти. Между тѣмъ умственное напряженіе, заставляющее человѣка останавливаться на своемъ прошломъ, вѣроятно сопровождается нѣкоторымъ усиленіемъ способности предвидѣть будущее. Способность же эта находится въ тѣсной связи съ нравственностью. Это конечно не значить, что нравственность непременно пропорціональна предусмотрительности: есть очень предусмотритель-

ные злодѣи; но съ другой стороны человѣкъ непредусмотрительный не можетъ быть нравственнымъ. Идіотъ или ребенокъ, неспособные уяснить себѣ послѣдствій своихъ дѣйствій, творятъ добро и зло случайно. Слѣдовательно предусмотрительность необходима и въ то же время недостаточна. Но при ея посредствѣ образованіе содѣйствуетъ нравственности.

Если человѣкъ не желаетъ вредить другому, то онъ руководствуется опасеніемъ причинить ему страданіе и въ то же время опасеніемъ пострадать лично отъ послѣдствій своего поступка. Первое чувство вызывается симпатіею, второе же относится къ области экономической, если человѣкъ опасается за свою жизнь или за свое добро, и къ области чести, если онъ опасается ущерба для своей репутаціи. Тутъ конечно можетъ дѣйствовать и уваженіе къ собственной личности, и я выполнѣ признаю эту форму нравственности, какъ высшую ея ступень. Но уваженіе къ собственной личности не представляетъ опредѣленной побудительной причины, обуславливающей стремленіе къ внѣшнему почету. Впрочемъ я уже касался этого вопроса.

Однако для того, чтобы испытывать страхъ, надо ясно себѣ представить то, что кажется страшнымъ. Внутренніе стимулы возникаютъ и усиливаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ представленій. Вотъ почему существуютъ два рода предусмотрительности, соотвѣтствующіе двумъ указаннымъ нами стимуламъ нравственности: симпатическая и благоразумная предусмотрительность. По меньшей мѣрѣ послѣдняя отчасти соотвѣтствуетъ умственному развитію, требующему учителей въ періодъ юности, книгъ и досуга въ остальную часть жизни. Но учителя, книги, досугъ опять-таки обуславливаются богатствомъ.

Никто еще не доказалъ, что богатство непосредственно усиливаетъ сочувствіе къ ближнему. Но нищета заставляетъ человѣка думать только о себѣ и несомнѣнно представляетъ условіе неблагоприятное. Богатство же, устраняя это условіе, предоставляетъ больше простора чувству симпатіи.

Установленные закономъ наказанія внушаютъ больше страха людямъ богатымъ, за исключеніемъ смерти, внушающей вѣроятно одинаково сильный страхъ всѣмъ классамъ. Тюремное заключеніе лишаетъ бѣдняка только свободы; богатаго же оно лишаетъ пользованія своимъ состояніемъ и всякаго рода наслажденій.

Общественное мнѣніе также налагаетъ наказанія, то дополняющія наказанія, установленныя закономъ, то замѣняющія ихъ. Тутъ богатый безспорно проявляетъ больше благоразумной предусмотрительности, чѣмъ бѣдный. Живя больше въ обществѣ и пользуясь свѣтскими удовольствіями, онъ болѣе чувствителенъ

къ презрѣнію, которое ихъ отравляетъ. Благодаря своему образованію и владѣя рѣчью болѣе тонкою, онъ лучше понимаетъ себя и другихъ и замѣчаетъ малѣйшій признакъ неуваженія: всѣ уколы общественного мнѣнія язвятъ его.

До сихъ поръ мы касались только преступленій, вызываемыхъ экономическими интересами. Но есть и другія преступленія, вызываемыя половымъ инстинктомъ, честолюбіемъ или ненавистью. Тутъ богатство составляетъ гораздо менѣе дѣйствительное средство. Только богатые люди побуждаются честолюбіемъ къ преступленію. Давно уже выяснены неблагоприятныя послѣдствія праздности; исторія богатыхъ классовъ всѣхъ странъ убѣждаетъ насъ, что праздность, этотъ удѣлъ богатыхъ людей, часто приводитъ ихъ къ распутной жизни. Она отчасти устраняетъ выгодныя послѣдствія богатства. Нельзя однако сказать, что бѣдные проявляютъ больше воздержности. Если у нихъ меньше опаснаго досуга, то съ другой стороны у нихъ и меньше чувства собственного достоинства. Но по всей справедливости отъ богатыхъ можно было бы ожидать больше нравственности.

Замѣтимъ, что распутство не есть прямое послѣдствіе богатства, а вызывается однимъ изъ послѣдствій богатства: можно себя представить соціальнымъ строимъ, при которомъ матеріальная обеспеченность не всегда сопровождалась бы праздностью.

Преступленія, вызываемыя антипатіей, встрѣчаются рѣже и не принимаютъ такой острой формы у людей обеспеченныхъ. Если нищета раздражаетъ, то обеспеченность успокоиваетъ. Та или другая причина гнѣва падаетъ у бѣдняка на почву общаго недовольства и антипатіи, которая усиливаетъ ненависть, дѣлаетъ ее болѣе продолжительной, превращаетъ ее въ страсть. Наоборотъ, на почвѣ менѣе благоприятной ненависть плохо развивается и заглушается привычнымъ чувствомъ удовлетворенія, развлеченіями, удовольствіями.

Конечно не слѣдуетъ преувеличивать нравственнаго значенія богатства. Однако общій видъ человѣческаго общества представляетъ нѣчто поразительное: смотря по тому, къ какому классу принадлежитъ данный индивидъ, онъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи такъ разнится отъ индивида, принадлежащаго къ другому классу, что природное различіе почти исчезаетъ; онъ за рѣдкими исключеніями является вѣрнымъ представителемъ своего класса и находится съ нимъ на одинаковой нравственной ступени. Разница тутъ такъ рѣзко бросается въ глаза, что члены высшаго класса нерѣдко смотрятъ на членовъ низшаго, какъ на менѣе благородную породу. Это—глупая спѣсь и противорѣчіе, потому что именно принадлежность къ данному классу

и создаетъ тотъ или другой типъ, высшій или низшій; но эта несправедливость выясняетъ, какъ очевидно и осязательно влияние экономическихъ условій.

Когда историческое изслѣдованіе касается народовъ, не одинаково богатыхъ, или же одного народа въ разныя эпохи его экономического развитія, надо помнить это благопріятное влияние богатства на нравственное и умственное развитіе. Постепенный ростъ богатства позволяетъ намъ сравнивать одинъ народъ въ разныя эпохи или нѣсколько народовъ съ общественными классами, возвышающимися одинъ надъ другимъ. Только что нами сказанное относительно общественныхъ классовъ примѣнимо, по нашему мнѣнію, къ разнымъ народамъ и къ одному народу въ разныя эпохи.

Возрастаніе богатства доставляетъ выгоду могучему существу, стоящему выше отдѣльныхъ индивидовъ,—правительству.

Польза наказанія въ смыслѣ устраненія преступленій зависитъ не столько отъ его строгости, сколько отъ увѣренности, что ни одно преступленіе не останется безнаказаннымъ. Еслибы народъ вдругъ убѣдился, что всякаго преступника неизбѣжно постигаетъ наказаніе, то былъ бы достигнутъ нравственный прогрессъ при тѣхъ же наказаніяхъ. Эта гипотеза вѣроятно не встрѣтитъ возраженія.

Сравните въ этомъ отношеніи прежніе вѣка съ нынѣшнимъ, и вы легко убѣдитесь, что въ XV и даже въ XVIII вѣкѣ преступнику легче было избѣжать наказанія, чѣмъ въ настоящее время, хотя мы въ общемъ еще далеко не достигли совершенства. Вызванъ же этотъ успѣхъ разными причинами, но между ними первенствуетъ причина экономическая.

Искусное и настойчивое выслѣживаніе неизвѣстнаго еще преступника, его поимка и арестъ, ловко веденное судебное слѣдствіе,—все это возможно только при существованіи хорошей судебной и административной организаціи, многочисленныхъ и ловкихъ полицейскихъ агентовъ, судей, жандармовъ, тюремныхъ смотрителей; а все это требуетъ значительныхъ денежныхъ средствъ. Только богатое общество, только хорошо оплачиваемые судьи могутъ такъ искусно вести слѣдствіе, какъ въ недавнемъ процессѣ Гуффа. Тутъ вещественныя улики были найдены въ Лондонѣ, а одинъ изъ эпизодовъ преступленія установленъ въ Ліонѣ; самъ же преступникъ былъ арестованъ въ Америкѣ. Еслибы въ этомъ представилась надобность, свидѣтели были бы выписаны изъ Австраліи. Въ средніе вѣка конечно политическія препятствія затруднили бы процессъ; но если бы ихъ даже не было, все же процессъ не могъ бы быть веденъ въ та-

комъ совершенствѣ. Судебныя учрежденія, даже королевскій судъ не были достаточно богаты: расходы представили бы непреодолимое препятствіе.

Сказанное мною о слѣдствіи и судопроизводствѣ еще болѣе примѣнимо къ предупредительной полиціи, подъ которою я разумѣю все, что въ той или другой формѣ затрудняетъ совершеніе преступленія и обезсиливаетъ руку преступника. Сформированіе и содержаніе такой полиціи обходится одинаково дорого, будемъ ли мы имѣть въ виду искусныхъ агентовъ, или же установленіе разныхъ предупредительныхъ мѣропріятій вродѣ удовлетворительнаго освѣщенія городскихъ улицъ въ ночное время.

ГЛАВА X.

Трудъ, знаніе и сбереженіе, какъ условія богатства, и ихъ послѣдствія.

Продолженіе провѣрки.—Вліяніе, оказываемое на нравственность и умственное развитіе условіями, которыми сопровождается производство цѣнностей, таковы: трудъ, знаніе и сбереженіе.

Богатство создается только при наличности извѣстныхъ условій. Выяснивъ непосредственныя послѣдствія богатства, мы должны изучить самыя условія богатства, помимо которыхъ оно не можетъ возникнуть, потому что условія эти сопряжены съ послѣдствіями, присоединяющимися къ послѣдствіямъ богатства.

Первое условіе этого рода, безусловно общаго характера, это—трудъ. Чтобы предметъ, данный намъ природой, сталъ полезнымъ, всегда необходимъ трудъ для его перемѣщенія или приспособленія къ нашимъ потребностямъ; или же надо самому приблизиться къ этому предмету, что также сопряжено съ трудомъ. Съ своей стороны трудъ, преодолюющій всѣ препятствія и приспособляющій предметъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, требуя умственного напряженія, содѣйствуетъ развитію нашего ума. Кромѣ того трудъ обуславливается знакомствомъ съ внѣшнимъ міромъ.

Если же его разсматривать съ другой точки зрѣнія, онъ представляетъ причину непріятныхъ ощущеній, онъ вызываетъ страданія, такъ какъ обуславливается усиленіемъ человѣка надъ самимъ собою или упражненіемъ воли.

Пока трудъ длится, человѣческая воля можетъ поддерживаться

и дѣйствительно поддерживается только предвидѣніемъ послѣдствія и предчувствіемъ, въ точномъ значеніи этого слова, ощущеній, которыя будутъ вызваны этимъ послѣдствіемъ. Поэтому въ составъ работы входятъ одинаково идеальныя и матеріальныя послѣдствія, а ихъ соединеніе даетъ нищу воображенію.

Въ общемъ трудъ приводитъ къ знаніямъ и къ упражненію ума, воли и воображенія.

Хозяйственный трудъ первичнаго человѣка по большей части требуетъ значительныхъ усилій, но онъ мало разнообразенъ и слѣдовательно мало поучителенъ. Однако съ теченіемъ времени онъ обнимаетъ собою все большее число предметовъ и совершается при условіяхъ, представляющихъ все большее разнообразіе. Понятно, что это разнообразіе отражается на умственномъ трудѣ, неразрывно связанномъ съ трудомъ физическимъ. По мѣрѣ того, какъ трудъ становится все производительнѣе, человѣческій умъ все болѣе изощряется въ соотвѣтственной дѣятельности. Надо вдуматься въ частности этого вопроса, въ особенности уяснить собѣ факторы, обусловливающіе разнообразіе физическаго труда. Эти благотворные факторы—съ одной стороны изобрѣтеніе машинъ, съ другой—раздѣленіе труда.

Вопросъ о раздѣленіи труда часто излагался со временъ Адама Смита, впервые выяснившего его и восхвалявшего его плодотворное значеніе. По большей части съ исторической точки зрѣнія невозможно установить, до какого развитія дошло раздѣленіе труда въ данную эпоху, слѣдовательно невозможно и съ увѣренностью прослѣдить и постепенное его развитіе. Конечно съ точки зрѣнія разсматриваемаго нами вопроса раздѣленіе труда—принципъ плодотворный: оно облегчаетъ человѣческій трудъ и позволяетъ человѣку посвятить свою дѣятельность новымъ отраслямъ труда; оно разнообразитъ трудъ народа, и это разнообразіе во многихъ отношеніяхъ желательно. Но съ другой стороны оно понижаетъ подготовку и умственное развитіе каждаго рабочаго въ отдѣльности, ограничивая его кругъ дѣятельности очень мелкими видами труда. По этимъ разнообразнымъ причинамъ я здѣсь не коснусь вопроса о раздѣленіи труда и останавлиюсь преимущественно на вопросѣ о машинахъ.

Возьмемъ земледѣльца, обрабатывающаго свое поле при помощи заостренной палки, напримѣръ австралійца. Появляется изобрѣтатель, дающій этому первичному земледѣльцу въ руки соху. Теперь у него вмѣсто одного два способа обработки земли. Конечно съ точки зрѣнія умственной результатъ этотъ можетъ казаться ничтожнымъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что второй способъ обработки земли сложнѣе перваго, потому что онъ

представляет гораздо больше разнообразія, чѣмъ обработка земли при помощи заостренной палки. Надо запрячь воловъ, привести ихъ вмѣстѣ съ сохою на поле, установить соху, заставить воловъ идти по опредѣленному направленію, повернуть въ концѣ поля, освободить соху отъ захваченныхъ ею растений и т. д. Каждый изъ этихъ моментовъ труда представляетъ собою особую цѣль, требуетъ особаго приспособленія движеній и слѣдовательно особой подготовки. Кромѣ того требуется сноровка въ обращеніи съ очень разнообразными предметами. Каждый изъ этихъ предметовъ, каждая изъ ихъ частей представляетъ собою новый образъ, обогащающій человѣческій умъ, можетъ болѣе или менѣе соответствовать своему назначенію и слѣдовательно вызываетъ въ умѣ представленіе о большей или меньшей своей удовлетворительности, т. е. идею или, точнѣе говоря, сужденіе. Я не коснулся еще всего разнообразія, представляемаго новою обработкою земли, смотря по свойству почвы, составу земли и результатамъ, которыхъ земледѣлецъ хочетъ достигнуть. Какъ бы то ни было, продолжимъ наши соображенія.

Плугъ требуетъ воловъ. Надо ихъ накормить, обуздать, выдрессировать, придти имъ на помощь во время болѣзни, знать, что они любятъ, чего не любятъ, умѣть хорошо приспособить упряжь и т. д. Сколько для этого требуется наблюдательности. Умѣть выбрать вола не такъ-то легко. Какой крестьянинъ не занимается этимъ дѣломъ, а между тѣмъ немногіе изъ нихъ достигаютъ въ немъ совершенства.

Но земледѣліе постепенно развивается; приходится приручать все новые виды животныхъ, переходить отъ разведенія одного растенія къ другому. Лошадь, свинья, баранъ, курица, утка, гусь, индюшка, рожь, кукуруза, клеверъ, свекла,—все это чередуется, и всякое нововведеніе увеличиваетъ въ головѣ земледѣльца количество точныхъ, обстоятельныхъ представленій, наблюденій, рѣшеній, примѣненій средствъ къ цѣлямъ.

Умъ крестьянина вовсе не представляетъ, какъ думаютъ многіе интеллигентные люди, пустую страницу. Если собрать все, что опытный крестьянинъ можетъ и долженъ знать, то получится очень толстая книга, и такія книги уже существуютъ.

Обратите вниманіе на другія близкія профессіи,—плотника, печника, кузнеца, и опять вы будете поражены разнообразіемъ наблюденій въ сферѣ каждой изъ нихъ. Сколько различныхъ предметовъ и орудій! А всякій предметъ, какъ мы выяснили, вызываетъ и особое представленіе. Затѣмъ обратите вниманіе на маленькій городокъ, на значительный центръ, и вы будете поставлены лицомъ къ лицу съ такою сложностью явленій, что

она подавить вашъ умъ безконечнымъ разнообразіемъ практическихъ частностей, способовъ производства, предметовъ, инструментовъ. Сложный характеръ этихъ явленій вызванъ безспорно не религіознымъ и философскимъ созерцаніемъ, а болѣе или менѣе значительнымъ числомъ изобрѣтеній, увеличившихъ число разныхъ занятій и въ каждомъ изъ нихъ число разныхъ приемовъ. Конечно человѣкъ, живущій въ этой практической средѣ, не можетъ усвоить себѣ всѣхъ знаній и приемовъ; въ его мозгѣ не совмѣщаются всѣ наблюденія, всѣ идеи, ими вызываемыя. Это былъ бы ученый, какихъ нѣтъ. Такимъ ученымъ можетъ быть только собирательное существо, т. е. все человѣчество. Но тѣмъ не менѣе каждый человѣкъ, даже посвящающій себя какой-нибудь спеціальности, до извѣстной степени воспринимаетъ сложныя впечатлѣнія общества, въ которомъ онъ живетъ, ибо никто не проходитъ жизненнаго своего поприща съ закрытыми глазами.

Зрѣніемъ онъ воспринимаетъ множество наблюденій, второстепенныхъ для большинства людей, существенныхъ для нѣкоторыхъ. Но и это меньшинство заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Слухъ даетъ еще больше зрѣнія. Я имѣю въ виду человѣческую рѣчь. Еще до отвлеченнаго мышленія и сильнѣе, чѣмъ оно, практика куетъ человѣческую рѣчь, ежедневно расширяя и увеличивая существующій запасъ словъ. Каждому новому занятію соответствуютъ новыя слова, новыя выраженія. Человѣкъ, родившійся позже, располагаетъ болѣе значительнымъ количествомъ идей, чѣмъ человѣкъ, родившійся раньше. Правда, когда человѣкъ слышитъ слово, онъ не останавливается на точномъ его смыслѣ, не отыскиваетъ предметовъ или дѣйствій, которыя оно обозначаетъ; но слыша его часто и въ разныхъ сочетаніяхъ, онъ все же безъ видимыхъ усилій пріобрѣтаетъ свѣдѣнія объ окружающемъ его мірѣ. Положимъ, что это только начатки знанія, но человѣкъ, обладающій такими начатками знанія,—вѣдь это человѣкъ цивилизованный, и между нимъ и дикаремъ существуетъ громадная разница.

Вдумаемся глубже въ этотъ вопросъ. Словами обозначаются не только предметы и дѣйствія; есть и такія слова, которыя обусловливаются обобщеніемъ, классификаціею, индукціею. Человѣческая рѣчь приноситъ съ собою не только конкретные образы, но и отвлеченныя представленія, которыя усваиваются умомъ и побуждаютъ его къ подражанію. Рѣчь цивилизованнаго общества не только поучаетъ человѣка, пользующагося ею, но всегда до извѣстной степени подготавливаетъ его умъ къ элементарнымъ приемамъ мышленія: сравненію, обобщенію, индукціи, дедукціи. Вотъ почему человѣкъ, рожденный въ цивилизованной странѣ, даже

если онъ не посѣщалъ школы, не научился читать, никогда видимо не пытался овладѣть окружающею его цивилизаціею, тѣмъ не менѣе не дикарь; онъ только—и это различіе весьма существенно—невѣжественный цивилизованный человѣкъ, вполне способный усвоить себѣ цивилизацію своего времени.

Практическая жизнь слѣдовательно обогащаетъ ту область человѣческой рѣчи, въ которой отражается реальный міръ, всѣмъ, что въ ней есть прочнаго и цѣннаго; кромѣ того запасъ словъ, выражающихъ тѣ или другія чувства или страсти, по большей части является запасомъ словъ практическихъ, понимаемыхъ въ переносномъ смыслѣ. Возьмите любую страницу изъ сочиненій писателя, поэта, оратора, и вдумайтесь въ выраженія, которыми онъ пользуется, чтобы познакомить насъ съ душевною жизнью человѣка, и вы убѣдитесь, что все это выраженія образныя. Образъ, обозначенію котораго послужило данное слово, можетъ быть исчезъ, какъ исчезаетъ изображеніе монарха на старой монетѣ; но въ началѣ онъ былъ совершенно отчетливъ. Иначе и быть не можетъ: психическое явленіе можетъ быть выражено только аналогіей, заимствованной у внѣшней практической жизни.

Привычный, ежедневный, правильный трудъ сопровождается нѣкоторыми условіями, естественное вліяніе которыхъ имѣетъ важное значеніе. Укажу сперва на условія для всѣхъ очевидныя: трудъ требуетъ затраты времени, слѣдовательно отнимаетъ его у другой дѣятельности, которая можетъ быть менѣе плодотворна. Вотъ происхожденіе пословицы: «лѣнь мать всѣхъ пороковъ», составляющей нѣкоторое преувеличеніе глубоко вѣрной мысли.

Физическое утомленіе, вызываемое трудомъ, неизбежно сопряженная съ нимъ привычка втеченіе долгихъ часовъ не испытывать никакихъ пріятныхъ ощущеній приводятъ къ тому, что прилежный человѣкъ не жаждетъ такихъ ощущеній, не нуждается въ удовольствіяхъ, часто весьма опасныхъ. Онъ довольствуется малымъ, иногда ему нуженъ только отдыхъ, а мы ежедневно видимъ, какое развращающее вліяніе оказываетъ на людей праздныхъ жажда пріятныхъ ощущеній. Ребенокъ испытываетъ болѣе, чѣмъ зрѣлый человѣкъ, потребность въ такихъ ощущеніяхъ. То же можно сказать о дикарѣ по сравненію съ цивилизованнымъ человѣкомъ. Но конечно тутъ бываютъ и исключенія. Между дикарями замѣчается большая разница. Дикари, добывающіе себѣ средства къ существованію тяжелыми видами охоты, напримѣръ такъ называемые краснокожіе, проявляютъ удивительное равнодушіе, столь же флегматичны, какъ и крестьяне, посвящающіе себя тяжелому земледѣльческому труду.

Работать—значить претерпѣвать страданія въ настоящемъ, чтобы наслаждаться въ будущемъ. Мы уже замѣтили, что трудъ неизбѣжно сопряженъ съ усиленіемъ надъ собою, съ упражненіемъ воли.

Такъ называемые нравственные поступки, состоящіе въ добровольномъ ограниченіи собственныхъ удовольствій ради удовольствій другихъ людей, требуютъ самообуздавія, слѣдовательно между трудомъ и нравственностью есть существенное сходство. Но первый приучилъ насъ къ этому самообузданію трудъ, всегда до известной степени необходимый, для того чтобы человѣкъ могъ существовать. И такъ какъ онъ остается удѣломъ громаднаго большинства людей, то представляетъ собой ежедневное и общее упражненіе воли.

Представляя собой скуку или страданіе въ настоящемъ для приобрѣтенія благъ въ будущемъ, трудъ не прекращается только потому, что человѣкъ ежеминутно предвидитъ эти блага. Конечно, еслибы такого рода предвидѣніе было чисто-умственное, оно не могло бы оказывать вліянія; тутъ долженъ дѣйствовать еще другой стимулъ, своего рода предвкушеніе удовольствія, ожидаемаго отъ достиженія цѣли, предварительное душевное волненіе. Превращеніе животнаго, воспріимчиваго единственно къ существующему уже и реальному благу, въ существо, предвидящее будущее благо, воображаемое благо, представляетъ собой одинъ изъ самыхъ глубокихъ моментовъ въ исторіи развитія человѣчества и составляетъ фактъ громадной важности. Человѣкъ привыкаетъ наслаждаться въ помысленіи. Воображаемое наслажденіе, присоединяясь къ труду, къ физической и умственной дѣятельности, облегчаетъ ихъ бремя, дѣлаетъ ихъ болѣе пріятными или желательными. Дѣло доходитъ до того, что люди отчасти работаютъ для самой работы, подобно тому какъ люди путешествуютъ отчасти для самаго путешествія, отчасти для достиженія его конечной цѣли. То, что было первоначально средствомъ для достиженія цѣли, становится само цѣлью, посредствующею цѣлью. Человѣчество приближается конечно къ этому состоянію по различнымъ путямъ, но и тутъ широкая дорога, по которой идетъ громадное большинство людей, это—экономическій трудъ (ср. наши соображенія о посредствующихъ цѣляхъ).

Сбереженіе такъ часто сопутствуетъ труду, что мы должны здѣсь коснуться этого вопроса, впрочемъ лишь относительно одного послѣдствія, дѣйствующаго совмѣстно съ другими, только что указанными.

Когда человѣкъ накапливаетъ богатства, прибавляетъ ежедневно къ накопленнымъ деньгамъ новыя, онъ испытываетъ чувство

удовольствія, но это ощущеніе недоступно нѣкоторымъ людямъ, у большинства оно очень слабо, у иныхъ же людей проявляется съ большой силой. Оно однако несомнѣнно имѣетъ власть надъ человѣкомъ, если можетъ иногда даже заглушать всѣ другія удовольствія, замѣнять ихъ и служить вознагражденіемъ за лишенія и страданія. Такой крайній примѣръ представляетъ намъ скряга.

Для человѣка, извѣдавашаго удовольствіе сбереженія, безразлично, что онъ сберегаетъ небольшія суммы; существенно, чтобы онъ чувствовалъ процессъ накопленія богатства. Въ этомъ отношеніи человѣчество начинается съ дикаря, беззаботнаго, непредусмотрительнаго; постоянно находящагося въ погонѣ за разнаго рода сильными ощущеніями: половыми, религіозными, волюнтерскими, за страстнымъ проявленіемъ любви или ненависти, и кончается французскимъ крестьяниномъ, бережливымъ, сдержаннымъ, предусмотрительнымъ, постоянно подсчитывающимъ свои сбереженія, присоединяющимъ къ нимъ новыя, мечтающимъ объ округленіи своихъ полей или суммы, внесенной въ сберегательную кассу. Само собой разумѣется, что я не выставлю такого крестьянина идеаломъ. Истинную цѣнность придаютъ жизни умственная дѣятельность и проявленіе любви, а они здѣсь отсутствуютъ; но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что нельзя оспаривать превосходства французскаго крестьянина надъ дикаремъ. Это превосходство отчасти обуславливается духомъ бережливости, привычкой искать въ ней источники пріятныхъ ощущеній, замѣняющихъ другія, менѣе благопріятствующія общественному благу.

Сравнительно съ варварствомъ цивилизація представляетъ слѣдующія выгоды. Цивилизованный народъ исполняетъ много такихъ работъ, вознагражденіе за которыя послѣдуетъ лишь по прошествіи долгаго времени, между тѣмъ какъ варварскій народъ посвящаетъ себя только, такъ сказать, краткосрочному труду. Поэтому можно было бы измѣрять степень цивилизаціи разныхъ народовъ, сравнивая продолжительность работъ. Долгосрочныя работы непременно требуютъ капитала, богатства, сбереженій. Въ общемъ онѣ производительнѣе краткосрочныхъ работъ. Во всякомъ случаѣ онѣ даютъ болѣе благопріятныя нравственныя послѣдствія: чѣмъ продолжительнѣе срокъ между началомъ работы и достиженіемъ предполагаемой цѣли, тѣмъ больше требуется отъ человѣка, посвящающаго ей свои силы, самообладанія, характера. Соотвѣтственно должны возрасти предусмотрительность и способность мысленно наслаждаться ожидаемыми результатами.

ГЛАВА XI.

Второе условіе: орудія производства.

Продолженіе провѣрки. — Второе специальное условіе: орудія производства, изобрѣтенія. — Классификація изобрѣтеній. — Общій характеръ ихъ послѣдствій.

Прежде всего, какъ я говорилъ, народъ долженъ добиться нѣкотораго богатства; производить цѣнности—значить, какъ всѣмъ извѣстно, приспособить вещь къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей или перемѣстить ее; въ обоихъ случаяхъ надо преодолѣть сопротивленіе природы; слѣдовательно мы можемъ сказать, что прежде всего надо побѣдить природу. Это только варіантъ вышеустановленной формулы, но этотъ варіантъ вызываетъ новыя соображенія.

При помощи какихъ же средствъ человѣкъ, вообще говоря, пресодолѣваетъ природу? Вещество можетъ быть подчинено человѣческимъ цѣлямъ только при помощи вещества. Человѣческій умъ безсиленъ, когда онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи вещественнаго посредника. Мы назовемъ этотъ вещественный посредникъ общимъ названіемъ орудія.

Путемъ социальныхъ установленій нельзя непосредственно вліять на естественную среду, слѣдовательно они не могутъ дать человѣку средства для преодоленія ея противодѣйствія. Возьмемъ очень сильную монархію и сильнаго монарха, напримѣръ Людовика XIV: всѣ установленія его времени не давали ему возможности совершить переѣздъ изъ Парижа въ Марсель въ двадцать четыре часа, что теперь доступно самому скромному рабочему.

Можно съ полнымъ основаніемъ смотрѣть на человѣческое тѣло, какъ на орудіе человѣческаго ума, или, точнѣе говоря, считать каждый органъ человѣческаго тѣла за специальное орудіе. вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же выясняется громадное значеніе этого орудія: что случилось бы съ человѣкомъ, еслибы у него не было рукъ или языка? Безъ рукъ и языка не могли бы существовать ни цивилизація, ни исторія, ни даже человѣчество въ истинномъ значеніи этого слова; все осталось бы въ зародышѣ.

Первоначально тѣло является единственнымъ орудіемъ чело-
вѣка. Предположимъ, что у него было бы тѣло значительно измѣ-
ненное, тогда получился бы цѣлый рядъ очень важныхъ послѣд-
ствій. Теперь человѣческій шагъ равняется приблизительно аршину.
Предположимъ, что онъ равнялся бы ста аршинамъ. Человѣкъ
съ трудомъ поднимаетъ тяжесть въ 6 нудовъ; предположимъ, что

онъ легко поднимаетъ 600 пуд. Онъ можетъ бросить камень на разстояніе ста шаговъ; предположимъ, что онъ бросаетъ камень на разстояніе одной версты. При такихъ условіяхъ жизнь его удивительно какъ измѣнится къ лучшему: онъ будетъ хватать оленя на бѣгу, кулакомъ раздроблять льву черепъ, нагромождать цѣлыя горы камней для своего жилища и т. д.

Затѣмъ измѣнимъ чувства этого человѣка. Его глазъ плохо считаетъ и измѣряетъ; его рука взвѣшиваетъ далеко не точно; его слухъ далеко не ясно различаетъ высоту звуковъ. Предположимъ теперь, что его глазъ имѣетъ способность различать въ общемъ протяженіи нѣсколько меньшихъ и притомъ равныхъ протяженій и подсчитывать ихъ, а его рука обладаетъ способностью подраздѣлять данный вѣсъ на равныя части и также ихъ подсчитывать и т. д.

И могъ бы увеличить число этихъ предполагаемыхъ измѣненій, напримѣръ предположить, что всякое чувство снабжено дополнительною способностью въ точности отмѣчать свои ощущенія. Но сказанное мною уже даетъ понятіе объ удивительной скорости, съ какою достигло бы высокой степени цивилизаціи общество, состоящее изъ людей съ такими сильно развитыми чувствами.

Но тѣло человѣка очень несовершенно, и онъ восполнилъ это несовершенство разнаго рода орудіями. Способности, которыя мы только что приписали его тѣлу, онъ съ теченіемъ времени приобрѣлъ искусственно, внѣшнимъ образомъ.

Если назвать *голымъ трудомъ* тотъ трудъ, который исполняется человѣкомъ исключительно при помощи средствъ, данныхъ ему природою, т. е. при помощи его членовъ, то нельзя не признать, что производительность этого голаго труда совершенно ничтожна, до такой степени ничтожна, что удивляешься, какъ человѣкъ могъ существовать, когда онъ еще не зналъ другого труда, когда онъ хваталъ руками дичь или рыбу, извлекалъ голыми же руками корни изъ земли и срывалъ плоды дикихъ деревьевъ. Фактически въ настоящее время не существуетъ ни одного народа, какъ бы онъ ни казался некультурнымъ, который зналъ бы одинъ только голый трудъ. Послѣдній дикарь пользуется камнями и палками, составляющими какъ бы продолженіе его рукъ и увеличивающими ихъ силу. Короче говоря, орудія уже съ перваго момента исполняютъ тѣ функціи, которыя они затѣмъ исполняютъ во все время дальнѣйшаго баснословнаго развитія цивилизаціи.

Производительность человѣческаго труда можетъ увеличиваться двоякимъ путемъ. Либо работникъ работаетъ дольше, либо же работаетъ усерднѣе. Но въ обоихъ случаяхъ это усиленіе производительности скоро прекращается, ибо сутки длятся лишь

двадцать четыре часа, и крайняя степень физическаго напряженія достигается скоро.

Возьмемъ двухъ людей при условіи одного голаго труда. Допустимъ, что физическая ихъ сила, равно какъ и ихъ усердіе очень различны, и приставимъ ихъ къ одной работѣ, напримѣръ къ корчеванію пней. Конечно слабый и лѣнивый работникъ сдѣлаетъ гораздо меньше, чѣмъ сильный и трудолюбивый, но разница между ихъ трудомъ не можетъ превзойти очень скромныхъ размѣровъ. Она не достигнетъ напримѣръ разницы, достигаемой при слѣдующихъ условіяхъ: мы беремъ двухъ работниковъ, одинаково сильныхъ и трудолюбивыхъ, но при этомъ одинъ работаетъ только голыми руками, а другой имѣетъ плугъ Домбалья съ двумя волами. Не подлежитъ сомнѣнію, что результатъ труда этихъ двухъ работниковъ представитъ громадную разницу. Этотъ примѣръ убѣждаетъ вполне, что трудъ, какъ производительная сила, поставленъ главнымъ образомъ въ зависимость отъ орудій производства. Съ другой точки зрѣнія орудіе или машина является изобрѣтеніемъ. Я здѣсь, понятно, не имѣю въ виду излагать исторію изобрѣтеній; я останавливаюсь лишь на небольшомъ числѣ изобрѣтеній, которыя имѣютъ особенно существенное значеніе. Внимательное изученіе этихъ основныхъ изобрѣтеній убѣждаетъ меня, что между ними есть разница, которая можетъ служить основаніемъ для соотвѣтствующей нашимъ цѣлямъ классификаціи. Есть во-первыхъ такія изобрѣтенія, которыя увеличиваютъ силу членовъ нашего организма, напримѣръ молотокъ, кирка, плугъ; во-вторыхъ—такія, которыя увеличиваютъ возможность болѣе удобнаго перемѣщенія разныхъ предметовъ и людей, напримѣръ телега, вьючное животное, судно. Эти двѣ категоріи соотвѣтствуютъ тому, что экономисты называютъ производствомъ цѣнностей, потому что производство состоитъ изъ двухъ операций: приспособленія вещей къ нашимъ потребностямъ и перемѣщенія ихъ туда, гдѣ онѣ могутъ быть намъ полезны, равно какъ и перемѣщеніе самихъ людей къ этимъ предметамъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ, въ третьихъ, еще изобрѣтенія, которыя увеличиваютъ силу нашихъ чувствъ, какъ напримѣръ очки, подзорная труба, телеграфъ и т. д., или которыя придаютъ большую точность ощущеніямъ, воспринимаемымъ зрѣніемъ, осязаніемъ и т. д., какъ напримѣръ мѣры и вѣсы, термометръ; въ-четвертыхъ—такія, которыя увеличиваютъ возможность болѣе удобныхъ сношеній съ другими людьми, какъ напримѣръ человѣческая рѣчь, и наконецъ въ-пятыхъ—такія, которыя служатъ одновременно способомъ сношенія съ другими людьми и способомъ регистраціи нашихъ мыслей, какъ напримѣръ письма и печать. Послѣднія три кате-

горѣ изобрѣтеній непосредственно не увеличиваютъ нашей власти надъ природою; но можетъ быть окажется при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса, что онѣ въ концѣ концовъ дѣйствуютъ съ большою силою въ томъ же направленіи, какъ и двѣ первыя.

Энергія и усердіе работника имѣютъ конечно большое значеніе въ частной мастерской; но въ общей сложности въ ходѣ историческаго развитія о нихъ этого сказать нельзя. Во-первыхъ, невозможно установить, былъ ли работникъ одной эпохи трудолюбивѣе работника другой. Но даже еслибы это можно было установить, мы убѣдились бы, что различіе въ орудіяхъ производства дѣйствуетъ гораздо сильнѣе.

Въ частной мастерской разниця между хорошимъ и плохимъ работникомъ кажется существенною, потому что они работаютъ одними и тѣми же орудіями, и слѣдовательно основная причина усиленнаго производства отсутствуетъ.

Есть еще другая причина, дѣйствующая очень сильно; я разумѣю такъ называемое *раздѣленіе труда*. Къ прискорбію, весьма трудно установить, насколько въ данную эпоху подвинулось раздѣленіе труда сравнительно съ другою эпохою. Можно развѣ только приблизительно, на основаніи довольно неопредѣленныхъ признаковъ, вывести заключеніе, что въ данной мѣстности раздѣленіе труда сдѣлало большіе успѣхи, чѣмъ въ другой.

Слѣдовательно для того, чтобы уяснить себѣ степень дѣйствительной силы труда и его производительности въ разные эпохи, остается почти единственнымъ мѣриломъ состояніе, въ которомъ находятся орудія производства. Послѣдовательное ихъ развитіе можетъ быть въ общемъ легко установлено въ исторіи. Извѣстно напимѣръ, что данное орудіе, скажемъ плугъ, не существовало въ ту или другую эпоху, хотя иногда историки затрудняются точно указать время и обстоятельства его появленія, равно какъ и его изобрѣтателя; но существенная сторона вопроса все-таки извѣстна. Чтобы опытнымъ путемъ провѣрить наше положеніе, лучше всего распредѣлить человѣческій трудъ по его видамъ и прослѣдить исторію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. При такомъ методѣ мы увидимъ, что исторія каждой отрасли труда распадается на строго опредѣленные періоды и что каждый изъ этихъ періодовъ можетъ быть обозначенъ названіемъ орудія, вызвавшаго поворотъ въ условіяхъ труда.

Возьмемъ земледѣліе. Тутъ мы встрѣтимся съ періодомъ, предшествовавшимъ всякому орудію, позднѣе будетъ періодъ съ деревяннымъ или каменнымъ орудіемъ, періодъ съ металлическимъ орудіемъ: киркою, лопатою, періодъ съ орудіемъ, которое приводится въ движеніе животнымъ, т. е. первичная и простая соха, періодъ

съ усовершенствованною сохою, плугомъ, періодъ съ орудіемъ, приводимымъ въ движеніе неодушевленной силою, паромъ.

Возьмемъ далѣе трудъ сухопутнаго и водяного перемѣщенія цѣнностей. Тутъ окажутся слѣдующіе періоды: періодъ перемѣщенія при помощи человѣческихъ рукъ, періодъ перемѣщенія при помощи вьючныхъ животныхъ, періодъ полозьевъ, телѣжный періодъ, рессорный періодъ, періодъ паровой. Если обратиться къ судоходству, то мы получимъ періодъ, предшествовавшій парусамъ и парусный, періодъ, предшествовавшій изобрѣтенію компаса или открытію пара, и періоды, послѣдовавшіе за этими открытіями.

Нѣтъ такой скромной или ничтожной отрасли труда, въ которой не наблюдались бы подобныя поворотныя пункты, измѣняющіе ходъ дальнѣйшаго развитія. Такими поворотными пунктами всегда является изобрѣтеніе новыхъ орудій производства.

Они увеличиваютъ производительность труда, либо давая за то же его количество больше цѣнностей, либо—столько же цѣнностей за меньшій трудъ, либо же доставляя человѣку возможность совершать дѣйствія, прежде немыслимыя, какъ напримѣръ проѣхать изъ Парижа въ Марсель менѣе, чѣмъ въ двадцать часовъ. Для выясненія нашей мысли намъ нечего указывать на различныя проявленія получаемаго существеннаго результата; достаточно его отмѣтить: онъ состоитъ въ усиленіи производительности труда и приращеніи суммы цѣнностей или народнаго богатства, вызываемыхъ изобрѣтеніемъ орудій производства.

Точка зрѣнія, съ которой мы разсмотрѣли этотъ важный вопросъ, сильнѣе всего поражаетъ изслѣдователей. Слѣдовательно наши соображенія не представляютъ ничего новаго, и выводъ, къ которому мы пришли, сдѣлался даже общимъ мѣстомъ. Но онъ былъ намъ необходимъ для дальнѣйшихъ менѣе извѣстныхъ и менѣе очевидныхъ заключеній.

Если орудія производства главнымъ образомъ вліяютъ на производительность труда, созданіе цѣнностей и увеличеніе благосостоянія, то вполне естественно отнести въ конечномъ выводѣ къ той же причинѣ, весьма дѣйствительной, хотя и лишь косвенной, равнымъ образомъ и благоприятныя послѣдствія богатства для умственнаго и нравственнаго развитія людей. Уже эта мысль придаетъ большое значеніе орудіямъ производства въ эволюціи рода человѣческаго.

Однако, повторяю, цѣль этой главы состоитъ въ томъ, чтобы показать, что человѣкъ, преслѣдуя извѣстныя задачи, достигалъ другихъ, имъ непредусмотрѣнныхъ. Поэтому въ нижеслѣдующемъ бѣгломъ обзорѣ главныхъ открытій я преимуще-

ственно буду останавливаться на тѣхъ изъ вызванныхъ ими послѣдствій, которыхъ никто не имѣлъ въ виду, никто не предвидѣлъ и которыя тѣмъ не менѣе широко распространились по всѣмъ направленіямъ и вызвали не менѣе существенныя открытія, въ особенности же на тѣхъ, которыя глубоко проникли въ народныя массы.

ГЛАВА XII.

Главные открытія и ихъ послѣдствія.

Обзоръ главныхъ открытій и очеркъ ихъ разнообразныхъ, непредусмотрѣнныхъ и невыясненныхъ послѣдствій. — Рѣчь, огонь, домашнія животныя и растенія, письмо, печать и другія средства сношеній или регистраціи, снаряды точности.

I. *Рѣчь*. Предположимъ, что мореплаватель открылъ гдѣ нибудь въ Тихомъ Океанѣ неизвѣстный островъ и что онъ встрѣтилъ на немъ существа, совершенно похожія на людей, но не имѣющія еще ни науки, ни искусства, ни одежды, какъ многіе другіе дикіе народы, и представляющіе еще ту особенность, что у нихъ нѣтъ членораздѣльной рѣчи, т. е. что они объясняются другъ съ другомъ криками и тѣлодвиженіями, подобно обезьянамъ. Естествоиспытатель конечно не затруднится причислить эти существа къ роду человѣческому; но социологъ или, если хотите, историкъ-философъ не рѣшится на это, и онъ будетъ правъ.

Для историка человѣкъ, не обладающій рѣчью, принадлежитъ еще къ числу животныхъ и не принимаетъ участія въ общечеловѣческой судьбѣ. Хотя бы кожа у него была совершенно бѣлая и лишенная волосъ, тѣмъ не менѣе онъ — своего рода обезьяна. Въ настоящее время такихъ людей нигдѣ нѣтъ; всѣ человѣческія существа уже вышли изъ этой стадіи развитія и обладаютъ болѣе или менѣе богатымъ языкомъ, правильнѣе однако сказать: болѣе или менѣе бѣднымъ, потому что есть еще народы, весь словарь которыхъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ словъ. Мало того. Чтобы дать точное понятіе о бѣдности ихъ языка, надо прибавить, что ихъ слова односложны и что у нихъ вовсе нѣтъ словъ, которыя обозначали бы отвлеченныя понятія или сколько нибудь широкія обобщенія. Такъ напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ существуютъ еще племена, у которыхъ есть слова для обозначенія чернаго, бѣлаго, краснаго дуба, но нѣтъ слова для обозначенія дуба вообще и еще менѣе для выраженія болѣе общаго представленія о деревѣ. Нынѣ исчезнувшіе

тасманцы остановились въ своемъ развитіи на той же ступени. Имъ трудно было выражать свойства извѣстнаго предмета, потому что на ихъ языкѣ не было никакихъ прилагательныхъ. Есть дикія племена, которыя доводятъ счетъ только до пяти или даже только до трехъ. Мы слѣдовательно имѣемъ тутъ языкъ въ чисто зародышномъ состояніи. Съ другой стороны построеніе фразъ у нихъ такъ элементарно, что языкъ ихъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Они просто нанизываютъ слова и поэтому должны прибѣгать къ разнымъ тѣлодвиженіямъ, къ мимикѣ, чтобы другіе люди могли ихъ понять. Такъ, нѣкоторыя племена хорошо другъ друга понимаютъ днемъ, но въ потьмахъ лишены возможности сообщать другъ другу свои мысли. Когда имъ приходится говорить ночью, они зажигаютъ огонь, и говорящій становится такъ, чтобы на него падалъ свѣтъ. Очевидно тутъ рѣчь только дополняетъ собою мимику.

Въ такомъ положеніи нѣкогда находились всѣ народы. Современные цивилизованныя націи: французы, англичане, нѣмцы располагаютъ теперь чрезвычайно богатыми языками, на которыхъ они могутъ выражать самыя отвлеченныя мысли, самыя мимолетныя чувства,—языками, обнимающими 70—80.000 словъ, но тѣмъ не менѣе эти народы происходятъ отъ предковъ, которые не могли объясняться ночью, и даже отъ такихъ предковъ, которые не умѣли говорить и днемъ. Все, что мы знаемъ о первыхъ египтянахъ, остатки языка арійцевъ, нынѣшній языкъ китайцевъ и монголовъ, языки дикихъ народовъ,—словомъ, безконечное множество фактовъ, вполне ясныхъ и согласныхъ между собою, убѣждаютъ насъ, что рѣчь изобрѣтена человѣкомъ, что онъ ее изобрѣталъ очень медленно и постоянно ее совершенствовалъ. Собственно говоря, всѣ языки, даже самые развитые, постоянно измѣняются и обогащаются и слѣдовательно составляютъ какъ бы вѣчное изобрѣтеніе, нигдѣ и никогда не прерывающееся.

Вопросъ о томъ, что происходитъ въ умѣ человѣка, начинающаго говорить, обсуждался неоднократно, и по этому поводу высказывались мнѣнія, очень остроумныя, но иногда и очень противорѣчивыя. Мы воздержимся отъ новыхъ предположеній, такъ какъ намъ надо лишь констатировать фактъ, что рѣчь составляетъ первое изобрѣтеніе человѣка,—первое по времени, т. е. по дѣйствительной давности, но и первое съ точки зрѣнія логической. Я этимъ хочу сказать, что безъ этого изобрѣтенія всѣ другія были бы невозможны. Все, что изобрѣтено человѣкомъ впослѣдствіи, неизбѣжно связано съ рѣчью. Безъ рѣчи не было бы ничего, не было бы и исторіи, такъ какъ человѣкъ былъ бы лишень способности къ прогрессу и не имѣлъ бы никакой будущности.

Правда, что еслибы люди были лишены дара слова и были бы вынуждены ограничиваться мимикой, то они могли бы, на подобіе животныхъ, передавать другъ другу свои впечатлѣнія: радость, страхъ, гнѣвъ; они могли бы кромѣ того условливаться относительно общихъ дѣйствій, но понятно только простыхъ и немедленно исполнимыхъ; но они никогда не могли бы передавать другъ другу мысль въ собственномъ значеніи этого слова.

Нельзя отрицать, что человѣкъ еще до изобрѣтенія словъ постигаетъ сходство и различіе между предметами: этой способности не лишены и животныя, такъ какъ она составляетъ основу всякой умственной жизни. Еслибы человѣкъ не обладалъ этою способностью, онъ не могъ бы прибрать и словъ, выражающихъ именно это различіе и сходство между предметами. Но слово составляетъ своего рода орудіе, упрочивающее результаты этой работы, которую пришлось бы начинать безъ него каждый разъ вновь съ болѣе или менѣе удачными измѣненіями. Человѣческій умъ колебался бы постоянно и не могъ бы приблизиться къ сопоставленіямъ, все болѣе глубокимъ, какъ это вполнѣ возможно при существованіи рѣчи.

Но языкъ служить не только орудіемъ передачи мыслей, но также и средствомъ ихъ регистраціи. Это свойство языка менѣе замѣтно, менѣе очевидно, хотя и оно даетъ, быть можетъ, наиболѣе существенные результаты. Человѣческая рѣчь сохраняетъ въ себѣ слѣды умственной дѣятельности. Если на данномъ языкѣ одновременно существуютъ слова: дубъ, береза, тополь,—и слово дерево, то мы имѣемъ ясное доказательство, что люди, говорящіе на этомъ языкѣ, съ одной стороны различаютъ разнородное, съ другой—сопоставляютъ сходное путемъ обобщенія. Но одновременное существованіе отвлеченныхъ и конкретныхъ словъ служитъ кромѣ того еще и урокомъ, образцомъ,—образцомъ анализа, синтеза, отвлеченія, обобщенія, который невольно усваивается людьми и подготавливаетъ ихъ умъ къ той же работѣ надъ вопросами, все болѣе сложными и трудными.

Нѣкоторые филологи, напримѣръ Ренанъ, приписываютъ первичному человѣку своего рода чудо, т. е. особенную способность къ синтезу или сопоставленію. Но это не значитъ уяснить себѣ гуманное и грубое міросозерцаніе дикаря, какъ слѣдствіе умственной дѣятельности первичнаго человѣка, уже различающаго и сопоставляющаго. Дикарь придумываетъ для предметовъ слишкомъ широкія рубрики и разграничиваетъ ихъ также весьма неумѣло. Поэтому нельзя ни въ какомъ случаѣ утверждать, что онъ обладаетъ исключительной способностью къ созданію отвлеченныхъ словъ.

Очень распространено мнѣніе—и въ эту ошибку впадаютъ даже выдающіеся умы,—что религія въ общемъ значеніи этого слова, т. е. вѣра въ загробную жизнь и въ существованіе Бога или боговъ, является основнымъ факторомъ прогресса. Однако очевидно, что религія нисколько не способствовала возникновенію человѣческой рѣчи. Если люди перешли отъ простыхъ возгласовъ къ членораздѣльной рѣчи, то это произошло не вслѣдствіе любви или страха, внушаемыхъ имъ богами, а просто подъ давленіемъ борьбы за существованіе.

Другіе теоретики придерживаются взгляда, что основнымъ факторомъ прогресса является правительство, предоставленная нѣкоторымъ лицамъ власть контролировать, направлять, обуздывать другихъ людей. Мы можемъ тутъ только повторить то, что сказали о религіи. Совершенно очевидно, что правительство не играетъ никакой роли въ первомъ крупномъ шагѣ, совершенномъ людьми. Наоборотъ, и религія, и правительство поставлены въ состояніе подчиненности и зависимости отъ этого великаго изобрѣтенія. Самая элементарная религіозная система и самое не-совершенное правительство возникаютъ только тогда, когда люди уже втеченіе вѣковъ пользовались рѣчью и, благодаря ей, достигли нѣкоторой способности понимать другъ друга и дѣйствовать сообща.

2. *Огонь.*—Природа иногда сама даетъ огонь: вулканы извергаютъ воспламененныя вещества; молнія, вѣтеръ производятъ въ лѣсахъ пожары. Человѣкъ придумалъ средства не только сохранять огонь, но и добывать его искусственно. Результаты этого открытія такъ безконечно сложны, что перечислить ихъ нѣтъ возможности. Поэтому остановимся только на главныхъ.

Первоначально огонь служилъ для того, чтобы пугать и держать въ отдаленіи дикихъ звѣрей. Онъ слѣдовательно много содѣйствовалъ доставленію людямъ безопасности. Еще и теперь онъ оказываетъ въ пустынѣ эту важную услугу путешественникамъ. Кромѣ того онъ служилъ первымъ средствомъ освѣщенія. Костеръ, зажженный въ пещерѣ, былъ долго единственнымъ искусственнымъ свѣтомъ человѣка. Первымъ факеломъ былъ сукъ, взятый изъ костра и воткнутый въ расщелину скалы. Это—исходная точка электрическаго свѣта, который иначе никогда не могъ бы возникнуть. Огонь создалъ свѣтъ, онъ разсѣялъ страхъ, внушаемый мракомъ, и держалъ дикаго звѣря въ отдаленіи,—вотъ за что человѣкъ его первоначально полюбилъ.

Какой-нибудь любознательный человѣкъ, потѣшаясь, какъ ребенокъ, вѣроятно началъ изучать дѣйствіе, которое производитъ огонь на разные предметы, попадавшіеся ему подъ руку. Такъ,

люди начали варить мясо, овощи, зерна. На первый взгляд довольно безразлично, ѣсть ли человѣкъ мясо варенымъ или сырымъ. Мы сейчас коснемся подробнѣе этого вопроса. Но никто не можетъ сомнѣваться въ важномъ значеніи факта, что человѣкъ научился подвергать растительныя вещества дѣйствию огня. Большинство ихъ въ сыромъ видѣ такъ неудобоваримо, что ихъ врядъ ли можно употреблять въ пищу. И дѣйствительно человѣкъ никогда не рѣшился бы употреблять въ пищу многіе корни и зерна, еслибы ихъ нельзя было подвергать дѣйствию огня. Такимъ образомъ можно сказать, что безъ огня не было бы земледѣлія или по крайней мѣрѣ человѣкъ не добывалъ бы искусственно зерновыхъ и корневыхъ растений.

Между тѣмъ природа даетъ растений, удобныхъ для цѣлей питанія, гораздо больше, чѣмъ животныхъ, и поэтому огонь чрезвычайно расширилъ количество питательныхъ веществъ, которыми располагаетъ человѣкъ. Кромѣ того онъ обладаетъ совершенно исключительнымъ свойствомъ измѣненія всѣхъ веществъ. Нѣтъ вещества, насколько намъ извѣстно, которое могло бы противостоятъ его дѣйствию,—ни газы, ни желѣзо, ни даже алмазь.

Подчинивъ себѣ огонь, человѣкъ подчинилъ себѣ все, надъ чѣмъ властвуетъ огонь. Надо умѣть имъ только пользоваться, а это—вопросъ времени или практическаго приспособленія. Начиная съ кухоннаго искусства и доходя до научныхъ опытовъ, до провѣрки и созданія разныхъ научныхъ теорій въ области оптики и химіи,—словомъ, безчисленное множество разнообразныхъ дѣйствій стало возможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ огонь, и то, что не достигнуто въ этомъ отношеніи, будетъ со временемъ достигнуто.

Первичный человѣкъ, питаясь растительною пищею тамъ, гдѣ климатъ это допускалъ (но онъ далеко не вездѣ это допускалъ), питался преимущественно мясомъ, котораго, прибавимъ это тотчасъ же, ему обыкновенно не хватало. Поэтому онъ почти неизбежно вынужденъ былъ прибѣгнуть къ людоедству. Еслибы огонь не увеличилъ въ значительной степени количества питательныхъ веществъ, человѣкъ вѣроятно до сихъ поръ остался бы людоедомъ. Огонь создалъ новыя условія, облегчившія человѣку возможность бросить этотъ обычай.

Мнѣ кажется, что человѣкъ, уже не пожирающій себѣ подобныхъ, долженъ относиться къ нимъ совершенно иначе, чѣмъ людоедъ, видящій въ нихъ наиболѣе лакомое блюдо. Отношенія между людьми во времена людоедства и послѣ нихъ должны были значительно измѣниться, и я полагаю, что ни одинъ моралистъ этого отвергать не станетъ.

Безъ огня кухня весьма несовершенна. То же можно сказать о стиркѣ и вообще о соблюденіи чистоты. Огонь такимъ образомъ усложнилъ, усовершенствовалъ то, что можно назвать однимъ словомъ «хозяйствомъ». Между тѣмъ хозяйство служить несомнѣнно ядромъ установленія, которое мы называемъ «семьею». Еслибы женщина была для мужчины только самкою, семья никогда бы не возникла. Мужчина въ этомъ случаѣ поступалъ бы такъ, какъ многія животныя: онъ случайно сходилъ бы съ женщиной по мѣрѣ надобности и никогда не вступалъ бы съ нею въ прочный союзъ. Но мужчина усмотрѣлъ въ женщинѣ «хозяйку», необходимую для удобнаго существованія; мужчина бралъ себѣ въ жены хозяйку, и этотъ союзъ постепенно совершенствовался. Улучшая и усложняя хозяйство, огонь содѣйствовалъ постепенному развитію семьи и съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждалъ мужчину въ важномъ значеніи роли женщины у домашняго очага. Этимъ я нисколько не отрицаю другихъ причинъ, преимущественно чувства симпатіи; но онѣ возникли уже въ послѣдствіи.

Изученіе быта современныхъ австралійцевъ, древнихъ индусовъ, грековъ и римлянъ внушаетъ намъ слѣдующую гипотезу: женщина была тотчасъ же приставлена къ огню въ качествѣ его хранительницы. И теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, когда у крестьянина родится дочь, онъ говоритъ: «вотъ заслонка для печки», или: «вотъ мѣхи». Вокругъ очага, вокругъ женщины, призванной охранять огонь и пользоваться имъ для цѣлей хозяйства, постепенно, въ силу успѣховъ, которыхъ мы ниже подробнѣе коснемся, образовался, упрочился и облагородился союзъ между двумя полами, пока онъ не превратился въ современный бракъ цивилизованныхъ народовъ. Законодатель, свѣтскій или духовный, только подтвердилъ правило семейной вѣрности, освятилъ своимъ авторитетомъ совершившійся фактъ. Еслибы вокругъ очага не установились извѣстныя привычки, еслибы не было огня, насколько онъ является исходною точкой и основною причиною всей этой серіи фактовъ, законодатель никогда не додумался бы до своихъ правилъ, потому что они не могли бы придти ему даже и въ голову.

Съ начала исторіи не было духовнаго или свѣтскаго переворота, который по своимъ послѣдствіямъ могъ бы быть сопоставленъ съ открытіемъ огня. Но можно ли потому, что это открытіе было первымъ (въ своемъ родѣ) и въ то же время самымъ значительнымъ, усматривать въ немъ признакъ тайнаго велѣнія, скрытаго плана или гармоніи? Воздержимся отъ этого антропоморфическаго взгляда на вещи и будемъ относиться трезво къ

историческимъ событіямъ. Уже въ силу вещей это открытіе должно было предшествовать всѣмъ другимъ, ибо безъ него другія не могли бы быть сдѣланы. И дѣйствительно это вполне оправдывается теченіе періода, который продолжался по всей вѣроятности сотни вѣковъ, можетъ быть даже цѣлыя тысячи вѣковъ. Это служить указаніемъ, что открытіе огня было мало необходимо и что оно вообще могло быть и не сдѣлано.

Мы никогда въ точности не узнаемъ, какъ оно было сдѣлано. Быть можетъ, надо различать два послѣдовательныхъ момента. Огонь, какъ мы видѣли, самостоятельно зарождается на земной поверхности. Можно предположить, что какой нибудь человѣкъ, чтобы удивить или напугать другихъ людей, колдунъ, какіе встрѣчаются у всѣхъ дикихъ народовъ, похитилъ головешку во время такого естественнаго пожара и сохранилъ огонь. Впослѣдствіи, быть можетъ значительно позже, столкновение двухъ камней или воспламененіе двухъ сучьевъ, вслѣдствіе тренія, вызваннаго сильными порывами вѣтра, познакомили человѣка съ тайною двухъ искусственныхъ способовъ добыванія огня. Какъ бы то ни было, мы должны сдѣлать слѣдующее существенное замѣчаніе: это открытіе, столь основное и необходимое для всѣхъ другихъ, не потребовало никакихъ особенныхъ знаній, если вообще тутъ о знаніяхъ можетъ быть рѣчь.

Это несоотвѣтствіе между важнымъ значеніемъ даннаго открытія и усиліями или научными знаніями, которыхъ оно потребовало, наблюдается не только относительно огня, но и относительно большинства позднѣйшихъ открытій. Вспомнимъ всѣ сдѣланныя человѣчествомъ открытія и мы убѣдимся, что нѣтъ никакой связи между важнымъ значеніемъ ихъ послѣдствій и усиліями, которыхъ оно потребовало. Вотъ одинъ изъ наиболѣе намъ близкихъ примѣровъ: конечно было труднѣе изобрѣсти фотографію, чѣмъ книгопечатаніе. Фотографія требовала химическихъ знаній, о которыхъ не могло быть и рѣчи у современниковъ Гуттенберга; тѣмъ не менѣе книгопечатаніе съ точки зрѣнія его послѣдствій было открытіемъ гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ фотографія. Возьмемъ другой примѣръ: исполненіе бѣшенства имѣетъ конечно для общества менѣе широкое значеніе, чѣмъ изобрѣтеніе телеграфа. Однако оно требовало очень глубокихъ знаній въ области біологіи, наукъ болѣе сложной и трудной, чѣмъ физика.

Сдѣлаемъ теперь выводъ изъ нашихъ соображеній. Съ точки зрѣнія практической нельзя не порадоваться существованію такого рода закона. Еслибы самыя существенныя и необходимыя открытія были въ то же время самыми трудными, то чело-

вѣчеству грозило бы вѣчное варварство. Но съ другой точки зрѣнія, весьма существенной для историка, этотъ законъ можетъ считаться прискорбнымъ. Очевидное несоотвѣтствіе между усилями изобрѣтателя и послѣдствіями даннаго открытія озлобляетъ человѣческой умъ. Мало того, оно побуждаетъ его не относиться съ должнымъ уваженіемъ къ открытіямъ и считать ихъ поверхностными или лишенными нравственнаго значенія. Вотъ почему историки и философы проявляютъ такъ часто склонность усматривать въ религіи, въ метафизическихъ системахъ или правительственныхъ установленіяхъ главный источникъ прогресса, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти факторы мало или нисколько ему не содѣйствовали.

3. *Домашнія животныя и растенія.* — Охотничьи народы обезпечиваютъ удовлетвореніе главныхъ своихъ потребностей такимъ трудомъ, при которомъ имѣется въ виду тотчасъ же достигнуть предположенной цѣли. Трудъ этотъ направленъ къ овладѣнію животнымъ, которое немедленно удовлетворяетъ потребностямъ людей. Такимъ образомъ накопленія богатства не происходитъ. Но съ другой стороны этотъ трудъ вполне поглощаетъ человѣка, потому что онъ очень утомителенъ и въ сущности даетъ весьма неравномѣрные и скудные результаты. Собственность у такихъ народовъ состоитъ въ немногихъ предметахъ, легче сохраняемыхъ, чѣмъ дичь, каковы: одѣяла, принадлежности рыболовства, оружіе. Въ нихъ заключаются всѣ сбереженія и весь капиталъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, наслѣдованіе имущества играетъ весьма слабую роль; долги заключаются лишь на короткое время и на незначительныя цѣнности. Экономическое неравенство между людьми очень незначительно и неустойчиво. Болѣе сильный и ловкій охотникъ добываетъ больше дичи, чѣмъ его сосѣдь. Поэтому онъ ѣстъ больше и чаще. Но это естественное превосходство можетъ во всякую минуту прекратиться вслѣдствіе какой нибудь случайности вроде раны, вывиха или же утраты молодости.

Нерѣдко охотникъ имѣетъ нѣсколько хозяйствъ въ разныхъ пунктахъ, гдѣ ему приходится бывать. Но это не составляетъ необходимаго условія, и охотникъ можетъ имѣть только одно хозяйство. Равнымъ образомъ нельзя сказать, чтобы условія, въ какихъ живутъ охотничьи народы, содѣйствовали большей эмансипаціи женщины или независимости дѣтей. Но однимъ изъ существенныхъ послѣдствій охотничьяго быта является рѣдкое населеніе. Средства пропитанія имѣютъ случайный характеръ; поэтому если родится много дѣтей, то ихъ и много умираетъ. Дѣйствительно, ни одинъ охотничій народъ не отличается густо-

той населенія, и это обстоятельство даетъ очень важныя послѣдствія.

Охотничьи народы имѣютъ обыкновенно вождя. Его избираютъ для веденія войны или для охотничьей экспедиціи. Но тотчасъ же по возвращеніи домой власть такого вождя прекращается. Онъ можетъ быть вновь избранъ для слѣдующей экспедиціи, если сохранить свой авторитетъ; но разныя случайности, болѣзнь, преклонный возрастъ, появленіе болѣе молодого соперника могутъ помѣшать вторичному его избранію. Такая временная власть, основанная на личныхъ заслугахъ, по большей части не бываетъ наследственной. Слѣдовательно, правительственныя установленія не могутъ быть устойчивы у охотничьяго народа.

Когда нѣтъ капитала, когда человѣкъ вынужденъ втеченіе одного или, много, нѣсколькихъ дней пріискивать себѣ пищу, никакая сколько нибудь сложная промышленность не можетъ развиться; равнымъ образомъ не можетъ возникнуть и высшій общественный классъ, болѣе или менѣе праздный, живущій на средства, предоставляемыя ему низшимъ классомъ. Между тѣмъ искусство развивается только при наличности этихъ двухъ условій. Конечно какой нибудь охотникъ, родившійся художникомъ, можетъ грубо вырѣзать изъ дерева въ видѣ украшенія голову животнаго или нѣчто въ этомъ родѣ. У охотничьяго народа бываютъ сказки, пѣсни, встрѣчаются рассказчики, которые производятъ впечатлѣніе и даже достигаютъ извѣстнаго краснорѣчія. Но науки у такого народа быть не можетъ, потому что она представляетъ собой теорію, обобщающую болѣе или менѣе значительный жизненный опытъ.

Затѣмъ у охотничьяго народа мы встрѣчаемъ чувства солидарности, симпатіи, взаимопомощи, даже взаимнаго уваженія, достигающія у нихъ довольно высокой степени. Но эти чувства и мысли распространяются только на соплеменниковъ, а по отношенію къ другимъ племенамъ мы встрѣчаемъ часто почти полное отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ.

Наконецъ наступаетъ моментъ прирученія дикихъ животныхъ: въ одномъ мѣстѣ приручаютъ лошадь, въ другомъ — быка, въ третьемъ — верблюда. У охотничьяго народа возникаетъ новый видъ труда: надо выводить прирученныхъ животныхъ въ поле, не давая имъ разбѣжаться, предохранять ихъ отъ хищныхъ звѣрей, воровъ и разныхъ несчастныхъ случаевъ, пріискивать имъ хорошія пастбища и водопойи. Дома надо регулировать ихъ размноженіе, оберегать приплодъ, изготавлять разные продукты изъ молока, кожи, шерсти и даже отбросовъ.

Теперь пища уже находится подъ рукой, и поэтому пріемъ

ея происходить болѣе правильно. Кромѣ того стадо является собственностью и можетъ быть увеличено приплодомъ; значить, происходить накопленіе богатства. Правда, собственность этого рода подвержена разнымъ случайностямъ, но тѣмъ не менѣе представляетъ нѣкоторую устойчивость и можетъ переходить отъ одного лица къ другому. Слѣдовательно, возникаетъ капиталъ, который можетъ быть переданъ по наслѣдству; возникаетъ и ссуда, даже та форма ея, которая имѣетъ такое важное значеніе въ исторіи человѣчества, именно отдача капитала въ ростъ. Народъ и теперь еще говоритъ: деньги плодятъ деньги. Это выраженіе, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что первый капиталъ, отданный въ ростъ, буквально давалъ приплодъ.

Уходъ за стадомъ и увеличеніе его требуютъ содѣйствія женщины, дѣтей, родственниковъ; поэтому стадо составляетъ по большей части общую и нераздѣльную собственность этого маленькаго общества людей. Благодаря предусмотрительности, искусству, выдержкѣ, опыту и благопріятному теченію обстоятельствъ, одна группа людей можетъ постепенно составить себѣ большое стадо, въ то время какъ другая, при отсутствіи этихъ условій, можетъ обѣднѣть. Такимъ образомъ иногда зарождается полное экономическое неравенство.

По мѣрѣ того, какъ совмѣстный трудъ становится болѣе правильнымъ, увеличивается и солидарность членовъ семьи. Дѣло уже не ограничивается временнымъ участіемъ въ охотничьей или военной экспедиціи. Совмѣстный трудъ приобретаетъ характеръ постоянства, повторяется изо дня въ день. Кромѣ того, такъ какъ такая совмѣстная работа немыслима безъ извѣстной регламентаціи, то и управленіе приобретаетъ правильность и устойчивость. Вполнѣ естественно, что возникшее такимъ образомъ правительство имѣетъ семейный характеръ.

Женщина, дѣвушка, ребенокъ, человѣкъ робкій или слабый, менѣе способный къ охотѣ или къ войнѣ, начинаютъ также приносить пользу: они ухаживаютъ за стадомъ или кормятъ и пахутъ его, доятъ коровъ, изготовляютъ масло и сыръ. Но первичный человѣкъ уважаетъ ближняго, относится къ нему съ нѣкоторымъ почтеніемъ или расположеніемъ лишь настолько, насколько тотъ въ состояніи оказывать ему услуги. Въ основѣ же семьи лежатъ прежде всего извѣстныя чувства, извѣстныя мысли. Такимъ образомъ вслѣдствіе новаго распорядка домашняго хозяйства, благодаря которому женщина становится болѣе полезной, необходимой и слѣдовательно болѣе цѣнной, а старикъ, неспособный къ охотѣ, или даже ребенокъ находятъ себѣ подходящий трудъ, семейныя чувства, т. е. любовь къ женѣ и дѣ-

тямъ, уваженіе къ старикамъ усиливаются. Итакъ, семья, вызванная къ жизни огнемъ, приобретаетъ значительную устойчивость, благодаря влиянію пастушескаго строя.

Дѣйствительно, пастушескіе народы вырабатываютъ такую форму семьи, какая еще неизвѣстна народамъ чисто охотничьимъ. О ней впервые упоминается въ Библии. Это — патриархальная семья. Конечно и тутъ женщина еще порабощена, быть можетъ, болѣе, чѣмъ прежде, потому что по большей части мужъ *покупаетъ* ее у родителей. Но кромѣ того она имѣетъ соперницъ въ лицѣ другихъ женъ или наложницъ, такъ какъ эта форма семьи не исключаетъ многоженства. Однако съ точки зрѣнія прочности семейнаго начала прогрессъ тутъ очевиденъ. Женщина знаетъ только одного мужчину, и такимъ образомъ въ патриархальной семьѣ зарождается женское цѣломудріе. Рожденные женщиною дѣти принадлежатъ одному отцу, и отецъ вполне увѣренъ, что это — дѣти его, а не чужія. Какъ ни несовершенна эта форма семьи съ точки зрѣнія свободы женщины, она постепенно даетъ прекрасные результаты, потому что приводитъ къ современному моногамическому браку.

Но, спрашивается, почему патриархъ покупаетъ себѣ жену, почему онъ дорожитъ ею и не выпускаетъ ее изъ семьи, между тѣмъ какъ дикарь, посвящающій себя исключительно охотѣ, имѣетъ безпорядочныя половыя сношенія, случайно сходитя съ женщиною или въ лучшемъ случаѣ поддерживаетъ съ нею непродолжительную связь, переселяясь отъ одной къ другой (это называется матриархатомъ въ отличіе отъ патриархата)? Дѣло въ томъ, что дикарь видитъ въ женщинѣ только *самку*, а патриархъ приобретаетъ *хозяйку*. Но почему патриархъ болѣе дорожитъ хозяйкой, чѣмъ самкой? Это объясняется, повторяю, новымъ экономическимъ строемъ, усложненіемъ хозяйственной жизни, вызваннымъ прирученіемъ домашнихъ животныхъ.

Пастушескія семьи часто живутъ въ полномъ разобщеніи и въ отдаленіи другъ отъ друга; но иногда онѣ образуютъ союзы, болѣе или менѣе обширные. Родъ управляется патриархомъ, но надъ патриархомъ есть и высшая власть, которая устанавливается сперва, какъ и у охотничьихъ народовъ, только на случай войны или общаго переселенія, и потому имѣетъ характеръ неустойчивый, временной. Вскорѣ однако происходитъ вслѣдствіе богатства, накопленнаго данною семьей, новое явленіе. Эта семья приобретаетъ влияние, правда непризнаваемое официально, но тѣмъ не менѣе иногда весьма значительное и настолько прочное, насколько устойчива причина, его вызвавшая. Правда, такая семья можетъ утратить свое богатство; иногда это можетъ слу-

читься внезапно, но тѣмъ не менѣе вліяніе, основанное на имуществѣ, болѣе устойчиво, чѣмъ вліяніе, основанное на личныхъ качествахъ, какъ на примѣръ вліяніе полководца.

Вліяніе, о которомъ мы говоримъ, обуславливается первоначально психическими мотивами, т. е. врожденнымъ челоѣку почтеніемъ къ богатству, но дѣйствуютъ тутъ и причины болѣе корыстныя, именно желаніе воспользоваться щедростію, гостепріимствомъ, въ особенности же получить то или другое въ долгъ. У богатаго челоѣка вскорѣ появляются должники. Но въ первичномъ обществѣ, какъ мы это подробнѣе выяснимъ, долгъ всегда болѣе или менѣе порабощаетъ челоѣка. Среди должниковъ встрѣчаются всякаго рода люди, въ томъ числѣ и воины. Слѣдовательно, богатый челоѣкъ пользуется всѣмъ, даже военною силою, которая по своей природѣ такъ противоположна богатству.

Такимъ образомъ уже очень рано проявляется законъ, въ силу котораго личное превосходство, какъ-то: выдающіяся умственные способности, мужество, добродѣтель, подчиняется реальному превосходству (въ юридическомъ смыслѣ этого слова), т. е. превосходству, основанному на имуществѣ, собственности, рожденіи и т. д., а затѣмъ даже и это превосходство подчиняется исключительно богатству, потому что безъ богатства оно теряетъ главную долю своего обаянія.

Личное вліяніе сохраняетъ, даже при полномъ отсутствіи богатства, только колдунъ. Я отмѣчаю здѣсь этотъ фактъ мимоходомъ, потому что вернусь къ нему въ свое время.

Слѣдовательно, у пастушескихъ народовъ семья, собственность, правительство достигаютъ сравнительно съ охотничьими народами значительнаго развитія. Этой внѣшней перемѣнѣ соответствуютъ, понятно, и внутреннія: челоѣкъ начинаетъ иначе чувствовать и думать.

Таковы послѣдствія прирученія животныхъ въ области мирныхъ отношеній. Но и примѣнительно къ военнымъ—происходитъ очень значительная перемѣна. Людоѣдство исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличиваются средства правильнаго питанія. У пастушескихъ народовъ людоѣдство прекращается повидимому очень рано. Я склоненъ думать, что народы, сразу перешедшіе отъ охоты и рыбной ловли къ земледѣлію, не такъ скоро отрѣшились отъ людоѣдства. Конечно растительное царство даетъ челоѣку больше пищи, но онъ всегда предпочитаетъ мясо. Въ Полинезіи людоѣдство все еще существуетъ: тамошнія племена придерживаются его отчасти вслѣдствіе религіозныхъ вѣрованій, отчасти изъ лакомства. Между тѣмъ пастушескій народъ имѣетъ достаточно мяса, а земледѣліе не даетъ его въ достаточномъ количествѣ.

Основная цѣль войны также измѣняется: люди воюють не для того, чтобы побѣдить другъ друга, а съ цѣлью завладѣть стадами. Эти набѣги встрѣчаются еще очень часто у арабскихъ народовъ. Конечно люди продолжаютъ убивать другъ друга съ единственною цѣлью удовлетворить своей воинственности и принести домой въ качествѣ трофея голову врага. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается другой обычай. Пастушескій народъ нуждается въ слугахъ, которые помогали бы женщинамъ или даже замѣняли ихъ при уходѣ за скотомъ. Поэтому побѣдитель уводитъ побѣжденных живыми, беретъ ихъ въ плѣнъ, превращаетъ ихъ въ своихъ рабовъ. Такимъ образомъ появленіе рабства, смягчая ужасы войны, составляетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія событіе чрезвычайной важности.

Правда, и у охотничьихъ народовъ встрѣчаются рабы, но многіе изъ нихъ вовсе не берутъ людей въ плѣнъ, и вообще рабовъ у нихъ такъ мало, что тутъ не можетъ быть рѣчи объ извѣстномъ общественномъ установленіи. Къ тому же у охотничьихъ народовъ рабство возникаетъ самостоятельно: они скорѣе заимствуютъ его у пастушескихъ, съ которыми находятся въ торговыхъ отношеніяхъ или съ которыми ведутъ войны. Можно даже предположить, что рабство у нихъ составляетъ своего рода репрессалію по отношенію къ тѣмъ пастушескимъ племенамъ, которыя уводятъ у нихъ людей въ рабство.

Обратимся теперь къ воздѣлыванію земли. Земледѣліе, какъ мы видѣли, даетъ болѣе обильную пищу, чѣмъ скотоводство. Въ то же время совершенно безспоренъ фактъ, что человѣкъ имѣетъ склонность размножаться до крайней возможности. Непосредственнымъ послѣдствіемъ земледѣлія какимъ образомъ является извѣстная густота населенія въ той или другой группѣ людей. Мы сейчасъ выяснимъ важное значеніе этого факта. Но вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуетъ еще другой фактъ, также вызываемый новою организаціей труда; мы можемъ назвать его *осѣдлостью*.

Народности, живущія охотой или даже скотоводствомъ, никогда не достигаютъ значительной густоты. Но кромѣ того онѣ постоянно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, если только не встрѣчаютъ такого сильнаго сопротивленія со стороны сосѣдей, что вынуждены отказаться отъ дальнѣйшаго захвата земли. Дичь скоро истощается, истощаются и пастбища; слѣдовательно пропитаніе затрудняется. Народу приходится искать все новыхъ мѣстъ, такъ что охотничьи и даже пастушескія племена только при самыхъ исключительныхъ условіяхъ могутъ отказаться отъ постоянныхъ перекочевокъ. Осѣдность и густота населенія составляютъ условія, помимо которыхъ человѣчество не можетъ

сдѣлать новаго шага на пути своего промышленнаго развитія. Существованіе городовъ необходимо для успѣховъ промышленности. Рабочій можетъ искусно исполнять свою работу, только когда онъ всецѣло посвящаетъ себя одному ремеслу, наиболѣе ему сподручному. Иногда ему приходится даже ограничиваться какой нибудь отдѣльной операціей, входящей въ составъ даннаго ремесла; но самое раздѣленіе труда, эта первопричина промышленныхъ успѣховъ, обусловливается существованіемъ болѣе или менѣе значительнаго числа рабочихъ, а затѣмъ и потребителей. И теперь еще въ уединенной деревнѣ, не имѣющей удобныхъ средствъ сообщенія съ остальной страной, сапожникъ изготавляетъ всякаго рода обувь, а кузнецъ—всякаго рода издѣлія, и мы видимъ, какъ они несовершенны и грубы. Однако эта отсталая деревня имѣетъ еще важное преимущество предъ кочевыми народами, такъ какъ ея жители составляютъ осѣдлое населеніе. Представимъ же себѣ теперь, что къ этому сосредоточенію разнаго рода производствъ въ однѣхъ рукахъ присоединяется привычка постоянно мѣнять мѣстожителство, скитаться по болѣе или менѣе обширной странѣ, измѣнять образъ жизни, и мы убѣдимся, что успѣхъ тутъ немислимъ. При такихъ условіяхъ о продолжительномъ обученіи рабочаго нельзя и думать. Опытъ, вынесенный однимъ рабочимъ, не передается другому, и придуманныя усовершенствованія всегда могутъ пропасть безслѣдно. Въ общемъ кочевые народы представляютъ собой странствующихъ деревенскихъ жителей, обреченныхъ постоянно искать себѣ новое мѣстожителство.

Впрочемъ и многіе земледѣльческіе народы остаются наполовину кочевыми. Необходимо одно нововведеніе, чтобы они окончательно отказались отъ перекочевокъ. Нововведеніе это состоитъ въ томъ, что кто нибудь, подмѣтивъ дѣйствіе животныхъ отбросовъ на растенія, вздумаетъ тщательно собирать эти отбросы и сосредоточить ихъ на воздѣлываемыхъ земляхъ. Только послѣ открытія пользы удобренія полукочевые народы становятся совершенно осѣдлыми, ибо постоянныя перекочевки вызывались именно тѣмъ обстоятельствомъ, что воздѣлываемая, но не удобряемая почва по прошествіи болѣе или менѣе короткаго времени истощалась, и людямъ приходилось въ другомъ мѣстѣ искать дѣйственной почвы. Но когда человѣкъ научился возстановливать силы истощенной почвы, онъ могъ уже обходиться безъ перекочевокъ и навсегда оставаться въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онъ родился и съ которымъ свыкся. Только съ этого момента онъ признаетъ отечество. Мы уже видѣли, какъ необходима осѣдлость для успѣховъ цивилизаціи. Но воздѣлываніемъ земли только на

половину обусловливаются осядлость и цивилизація: удобреніе вѣнчаєть дѣло. О цивилизаціи говорятъ, что она представляетъ собой прекрасное растеніе, выросшее на навозной кучѣ. Эту мысль надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Безъ навоза ни земледѣліе, ни цивилизація не могли бы достигнуть сколько нибудь высокой степени развитія.

Не требовалось особеннаго напряженія ума, чтобы додуматься до пользы удобренія; тѣмъ не менѣе послѣдствія этого открытія были громадны, и поэтому его слѣдуетъ включить въ число наиболѣе важныхъ открытій.

Къ промышленнымъ успѣхамъ, вызываемымъ однимъ существованіемъ городовъ, присоединяются успѣхи совершенно иного порядка. Между Парижемъ и деревнею или даже маленькимъ городомъ существуетъ громадная разница съ точки зрѣнія не только промышленности, но и всѣхъ проявленій человѣческаго духа. Не легко уяснить себѣ причины превосходства Парижа. Это—вопросъ на видъ очень сложный. Однако на него тотчасъ же можно дать отвѣтъ, не лишенный значенія: жители Парижа не представляютъ собой какихъ либо исключительныхъ людей; они постоянно прибываютъ изъ провинціи, которая кажется столь отсталой сравнительно съ Парижемъ. Его превосходство слѣдовательно объясняется тѣмъ, что онъ самъ по себѣ уже представляетъ среду благоприятную. Что же въ немъ благоприятнаго? Мы не можемъ здѣсь отвѣтить во всѣхъ подробностяхъ на этотъ вопросъ. Но во всякомъ случаѣ Парижъ представляетъ собой среду чрезвычайно разнообразную. Множество представителей различныхъ мѣстностей, безконечнаго числа городовъ и деревень сталкиваются здѣсь и живутъ другъ возлѣ друга со всѣмъ ихъ разнообразіемъ характера, образа мыслей, привычекъ и пріемовъ. Повтому всякій отдѣльный человѣкъ вынужденъ до извѣстной степени отрѣшиться отъ себя, относиться скептически или, какъ теперь говорятъ, критически къ другимъ, а скептицизмъ—преддверіе всякаго прогресса. Затѣмъ между всѣми этими различными пріемами и идеями происходятъ компромиссы: они дѣйствуютъ совмѣстно или же перекрепчиваются. Прибавимъ еще немаловажную причину, именно: вліяніе исключительныхъ натуръ, для которыхъ большіе города всегда имѣютъ притягательную силу.

Превосходство Парижа надъ провинціей и причины этого явленія уясняютъ намъ роль, которая въ исторіи цивилизаціи выпала не только на долю знаменитыхъ городовъ, каковы: Оивы, Мемфисъ, Вавилонъ, Аѣины, Александрія, Римъ, Флоренція, Венеція, но и на долю городовъ вообще.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ естественнымъ размноже-

ніемъ, т. е. такимъ, которое вызывается увеличеніемъ числа людей путемъ рожденія и сохраненія ихъ жизни, благодаря новымъ средствамъ существованія, доставленнымъ земледѣліемъ. Это то, что Спенсеръ называетъ внутреннимъ увеличеніемъ. Но населеніе можетъ увеличиться еще и другимъ путемъ. Приращеніе можетъ произойти путемъ завоеваній и включенія новыхъ народовъ въ составъ данной страны и подчиненія ихъ правительству народа-побѣдителя. Это будетъ внѣшнее приращеніе, которое всегда косвенно вызываетъ густоту населенія, иначе говоря,—образованіе одного или нѣсколькихъ очень населенныхъ городовъ. Если существованіе Аеинъ вызвано было преимущественно внутреннимъ приращеніемъ, то существованіе Рима вызвано было главнымъ образомъ приращеніемъ внѣшнимъ.

Выскажемъ теперь слѣдующую мысль: пастушескій народъ можетъ, какъ извѣстно изъ исторіи, подчинить себѣ народы земледѣльческіе и такимъ путемъ образовать довольно обширное государство; но онъ не можетъ подчинить себѣ другіе пастушескіе народы. Одна изъ двухъ сторонъ,—скажемъ, сторона побѣжденная,—должна уже находиться въ періодъ земледѣльческомъ. Остановимся на причинахъ этого явленія.

Пастушескій народъ ведетъ войну съ другимъ пастушескимъ народомъ, чтобы отнять у него скотъ, женщинъ, рабовъ. Побѣжденный народъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, чтобы не погибнуть или не подчиниться игу побѣдителя. Но земледѣльческій народъ бѣжать не можетъ. Тутъ побѣдитель можетъ совершенно уничтожить побѣжденного, отнять у него землю и заселить ее, или же, даровавъ побѣжденнымъ жизнь, превратить ихъ въ рабовъ, или же въ случаѣ неполной побѣды наложить на нихъ ежегодную дань или просто подчинить ихъ своей власти. Все это для насъ несущественно. Но вотъ что намъ надо принять во вниманіе: насильственное присоединеніе народа постепенно утрачиваетъ свой насильственный характеръ и приводитъ къ образованію государства, сохраненіе и процвѣтаніе котораго представляется желательнымъ всѣмъ подданнымъ. Историческихъ примѣровъ подобнаго рода существуетъ не мало. Спенсеръ вполне убѣдительно разъясняетъ это явленіе въ прекрасной главѣ своей «Соціологіи» (§ 418 и слѣд.).

Пастушескіе народы неизбѣжно живутъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. При такомъ разобщеніи они естественно утрачиваютъ общую вѣру, языкъ и государственный строй. Братья, несмотря на общность происхожденія, не узнаютъ другъ друга, боги ихъ враждуютъ между собою; языки ихъ, хотя и составляютъ только нарѣчія одного языка, становятся для нихъ не-

понятными. Общность сохраняется только въ томъ случаѣ, когда народъ заселяетъ страну такъ, какъ заселяетъ ее народъ земледѣльческій; тотъ внезапно выдѣляетъ изъ себя излишекъ и направляетъ его въ другую, отдаленную мѣстность, въ то время какъ пастушескій лишь постепенно захватываетъ сосѣднія мѣстности. Земледѣльческій народъ не нуждается въ большихъ промежуточныхъ пространствахъ, и поэтому деревни возникаютъ у него по близости другъ отъ друга. Даже разстояніе между городами незначительно. Эти временныя убѣжища нѣкотораго числа деревень постепенно превращаются въ постоянное мѣстопробываніе и подчиняютъ себѣ прилегающія къ нимъ мѣстности. Это—первая ступень координаціи, за которою слѣдуетъ дальнѣйшая въ формѣ образованія провинцій и наконецъ объединеннаго государства. Самымъ обширнымъ государствомъ этого рода была римская имперія. Ядромъ ея былъ городъ, властвовавшій надъ прилегавшею къ нему мѣстностью, усѣянной деревнями и городами, жители которыхъ были общаго происхожденія и, прибавимъ, всецѣло посвящали себя земледѣлію.

Въ общемъ мы можемъ сказать, что первыя обширныя государства, каковы: Египетъ, Ассирія, Индія, Китай, Перу, Мексика,—возникли благодаря сгущенію ихъ населенія, вызванному отчасти естественнымъ размноженіемъ, отчасти присоединеніемъ. Но какъ естественное размноженіе, такъ и присоединенія въ равной мѣрѣ обусловливались земледѣліемъ, въ свою очередь возникшимъ благодаря успѣхамъ въ культурѣ растений. Замѣтимъ еще, что пастушескій народъ можетъ продолжать заниматься охотою, а земледѣльческій—охотою и скотоводствомъ. У послѣдняго трудъ и промышленность разнообразнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразнѣе и общественный строй, и духовная жизнь. Замѣчаніе это не лишено значенія.

Величіе Египта основано на воздѣлываніи пшеницы, Китая и Индіи—риса, Перу—картофеля и т. д.

4. *Письмена.*—Рисунокъ, изваяніе, картина представляютъ собою уже родъ письма. Рисунокъ сравнительно съ изваяніемъ составляетъ отвлеченіе; то же можно сказать о рисункѣ сравнительно съ картиною. Рисунокъ же по простотѣ нѣкотораго времени приводитъ къ новому отвлеченію, послѣдствія котораго неизмѣримы, именно къ письменамъ.

Первоначальныя письмена представляютъ лишь изображенія предметовъ; затѣмъ человѣкъ переходитъ къ изображенію словъ, изъ которыхъ состоитъ названіе предмета. Наконецъ онъ обращается уже къ истиннымъ письменамъ, т. е. къ изображенію составныхъ звуковъ, образующихъ данное названіе. Этихъ

предварительныхъ свѣдѣній достаточно для разясненія занимающаго насъ вопроса. Намъ нечего останавливаться на томъ, какъ человѣчество, подъ вліяніемъ общей потребности сохранить въ памяти важныя событія, придумывало разные способы приблизиться къ истиннымъ письменамъ. Достаточно отмѣтить, что одинъ Египетъ вполне разрѣшилъ эту задачу, и кажется, что ему болѣе чѣмъ всякой другой странѣ принадлежитъ честь этого открытія вслѣдствіе исключительныхъ его усилій въ области архитектуры и скульптуры, вслѣдствіе его одновременно аристократическаго и клерикальнаго строя, съ явнымъ преобладаніемъ клерикальнаго. Эта послѣдняя черта имѣла значительное вліяніе, ибо между всѣми людьми, какъ можно утверждать, жрецъ наиболѣе нуждается въ письменахъ. Онъ по профессіи поучаетъ другихъ людей, а поучать—значить въ извѣстной мѣрѣ сохранять и возобновлять въ памяти прошлыя событія.

Разсмотримъ теперь послѣдствія изобрѣтенія письменъ. Они такъ обширны, такъ сильно вліяютъ на установленія и содѣйствуютъ умственному развитію, что мы даже затрудняемся выставить ихъ съ должною отчетливостію. На ряду съ человѣческою рѣчью и съ огнемъ письмена съ точки зрѣнія вызываемыхъ ими результатовъ безспорно занимаютъ первое мѣсто. Безъ письменъ человѣчество походило бы на человѣка, вовсе не помнящаго или—что еще, быть можетъ, хуже—помнящаго не точно то, что онъ сдѣлалъ вчера. Письмена составляютъ какъ бы память рода человѣческаго.

Зная свое прошлое и настоящее, человѣкъ со временемъ уясняетъ себѣ и будущее. Благодаря письменамъ, онъ можетъ сохранить въ памяти факты политическаго характера. Это уже что-нибудь да значитъ; но несравненно болѣе существенна возможность сохранить въ памяти наблюденія, открытія или размышленія людей, прославившихся въ наукѣ или искусствѣ. Благодаря письменамъ, человѣчество можетъ писать свою энциклопедію, которая никогда не будетъ имѣть конца.

Но письмена не только сохраняютъ память о достигнутыхъ уже человѣкомъ успѣхахъ; они сильно способствуютъ новымъ открытіямъ. Даже люди исключительные по своимъ способностямъ начинаютъ съ изученія трудовъ предшественниковъ и только этимъ путемъ достигаютъ новыхъ знаній.

До изобрѣтенія письменъ человѣкъ можетъ слышать только слово другого человѣка, говорящаго съ нимъ на небольшомъ разстояніи; слѣдовательно онъ находится только въ общеніи съ тѣсной средой, въ которой живетъ, потому что постоянныя путешествія большинству людей недоступны. Къ тому же онъ безусловно

лишенъ слова людей умершихъ. Слѣдующее обстоятельство имѣеть также немаловажное значеніе: благодаря письмамъ, внимательный ученикъ можетъ слышать слово своихъ предшественниковъ не одинъ только разъ, а когда пожелаетъ, можетъ взвѣшивать, продумывать его, сколько угодно. Въ свою очередь предшественникъ до изобрѣтенія письменъ можетъ вліять только на тѣсный кружокъ людей, живущихъ около него. Письмена же безконечно расширяютъ область его вліянія. Человѣкъ, сильно мыслящій или чувствующій, становится до нѣкоторой степени всеобщимъ. Говорятъ, что Иисусъ Христосъ или Магометъ вызвали небывалый пересворотъ въ жизни человѣчества. Но не слѣдуетъ забывать, что неизвѣстные виновники вещественнаго открытія дали имъ въ руки рычагъ, безъ котораго эти великіе историческіе дѣятели повліяли бы только на небольшую группу людей и навсегда остались бы только мѣстными пророками.

Еслибъ не было письменъ, количество нашихъ знаній сгузилось бы чрезвычайно. Объ этомъ никто не спорить; но менѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что и человѣческій духъ безъ письменъ чрезвычайно попизился бы во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Великіе мыслители утратили бы много въ глубинѣ, широтѣ и точности своихъ соображеній. Кажется невѣроятнымъ, что изображеніе черныхъ буквъ на бѣломъ фонѣ, что такой ничтожный фактъ чисто-матерьяльнаго свойства можетъ подчинить себѣ человѣческій духъ. А между тѣмъ это столь же вѣрно, какъ и то, что голосовой механизмъ подчинялъ себѣ человѣческій духъ до изобрѣтенія письменъ. Думать безъ словъ нельзя. Содѣйствіе письменъ также измѣняетъ наше мышленіе. Письмена даютъ человѣку возможность вновь просматривать свое произведеніе, передѣлывать его сколько угодно и отнести къ нему по прошествіи долгаго времени, какъ къ произведенію чужому, исправлять его и пересматривать свои исправленія.

Мы узнаемъ изъ біографій большихъ писателей, напримѣръ Бюфона или Гёте, какъ они создавали совершенныя или глубокія произведенія, какъ они постепенно измѣняли всякую страницу, и нетрудно убѣдиться, что безъ письменъ эта работа была бы невозможна. Такъ, Бюфонъ передѣлывалъ заново нѣкоторыя страницы отъ десяти до пятнадцати разъ.

Если человѣческая рѣчь сильно двинула мысль, то письма, т. е. мысль, выраженная въ краснорѣчивой и поэтической формѣ, создали духъ критики. Представимъ себѣ неблагоприятныя условія, въ которыя былъ бы поставленъ геній, еслибъ онъ не могъ заносить своихъ мыслей на бумагу. Ему пришлось бы говорить для другихъ или про себя, т. е. сочинять вслухъ. Но въ обоихъ

случаяхъ это была бы *импровизація*. Онъ говорилъ бы, слѣдуя внутреннему внушенію, развивалъ бы свои идеи, не оглядываясь назадъ на пройденный имъ путь, потому что вѣчно опасался бы заблудиться. Наконецъ, достигнувъ цѣли, онъ заботился бы только о томъ, чтобы твердо запомнить пройденный имъ путь и слѣдовательно имѣть возможность повторить завтра то, что онъ сказалъ сегодня. Уже это запоминаніе требовало бы большихъ усилій и пришлось бы отказаться отъ передѣлокъ и исправленій. Запомнить разнообразныя варіанты было бы трудомъ непосильнымъ.

Изображенный нами процессъ творчества не составляетъ голаго предположенія. Онъ исторически подтверждается созданіемъ стиха въ его разнообразныхъ формахъ и кромѣ того тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ литературы прибѣгаютъ почти исключительно къ нему для выраженія не только поэтической, но даже и дидактической мысли. Почему стихъ преобладаетъ? Потому что онъ представляетъ подспорье для памяти. Въ началѣ стихъ исполняетъ совершенно ту же функцію, какую впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ исполняютъ письма. Поэтическая форма и письма представляютъ на первый взглядъ два совершенно различныхъ явленія, а между тѣмъ ихъ связываетъ глубокое сходство.

Обыкновенный человѣкъ можетъ запомнить развѣ нѣсколько такихъ импровизацій, и только гениальные умы могутъ создать при такихъ условіяхъ болѣе обширное произведеніе, которое все-таки будетъ лишено надлежащей связи.

Въ общемъ можно сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ письменъ, даже гений не достигнетъ большой критической точности, послѣдовательности, единства и широты въ развитіи своей мысли.

5. *Книгопечатаніе*. Всюду, а въ особенности на западѣ Европы между изобрѣтеніемъ письменъ и книгопечатанія прошло много вѣковъ; тѣмъ не менѣе надо сопоставить эти два открытія.

Рисунокъ привелъ къ изображенію письменъ, а книгопечатаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова вызвано печатаніемъ рисунка, т. е. гравированіемъ на деревѣ, или ксилографіею. Не требовалось ни глубокихъ знаній, ни особенныхъ способностей, чтобы изобрѣсти подвижную букву или металлическій шрифтъ. Но и тутъ послѣдствія простого изобрѣтенія были громадны. Намъ нечего особенно останавливаться на нихъ, потому что они сами по себѣ для всѣхъ очевидны. Книгопечатаніе безконечно расширяетъ сферу вліянія человѣческаго слова; благодаря этому изобрѣтенію, человѣкъ можетъ съ пункта, въ которомъ онъ

живетъ, говорить съ людьми, разсѣянными во всемъ мірѣ. Мало того, слова его сохраняются, насколько вообще можетъ быть сохранено твореніе рукъ человѣческихъ, и онъ слѣдовательно вступаетъ въ общеніе со всѣми позднѣйшими поколѣніями. И нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ своей смерти онъ говоритъ, даетъ совѣты, поучаетъ, волнуется души, возбуждаетъ чувства, вызываетъ дѣйствія. Природа дала намъ голосъ, который можетъ быть услышанъ только на небольшомъ разстояніи. Мы прибавили къ нему письмо, книгопечатаніе, и это дало почти невѣроятные результаты.

Желая выяснитъ громадное значеніе книгопечатанія, мы прибѣгли къ образу, поражающему нашъ умъ; но въ сущности этотъ образъ даетъ слишкомъ слабое представленіе о громадныхъ послѣдствіяхъ разсматриваемаго нами открытія. Еслибы слово проникало даже во всѣ концы свѣта и противостояло дѣйствию всѣхъ вѣковъ, то оно тѣмъ не менѣе могло бы пропасть для человѣка глухого или невнимательнаго. Мы должны повторить здѣсь то, что говорили уже раньше о письменахъ. Благодаря письменамъ и книгопечатанію, слово уже передается не посредствомъ звука, а посредствомъ изображенія. Звукъ исчезаетъ, изображеніе остается. Когда слово поражало только слухъ, оно могло пройти безслѣдно; но съ тѣхъ поръ, какъ изображенное слово воспринимается болѣе тонкимъ чувствомъ, т. е. зрѣніемъ, вліяніе его неизмѣримо возрасло: человѣческая мысль уже не замираетъ вмѣстѣ со звукомъ; она сохраняется, можетъ быть изучаема и обсуждаема до безконечности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко измѣнился и характеръ умственнаго развитія. Даже у самыхъ способныхъ людей умъ былъ поверхностный, скользилъ только по предметамъ и явленіямъ. Съ изобрѣтеніемъ же письменъ появляется уже кое-гдѣ мыслитель, упорно добивающійся цѣли своихъ изысканій. Книга всюду размножаетъ этотъ типъ людей, который по истинѣ можетъ быть названъ солью земли.

Теперь намъ надо отмѣтить послѣдствія изобрѣтенія книгопечатанія въ отличіе отъ послѣдствій изобрѣтенія письменъ. Посмотримъ же, насколько напечатанная книга вліяетъ иначе, чѣмъ рукопись.

Воспроизведенное рукою твореніе человѣческой мысли требуетъ много труда и времени, оно дорого, и экземпляры его встрѣчаются рѣдко. Какъ авторъ, такъ и издатель могутъ разсчитывать только на небольшой кругъ читателей. Книги пишутся различно, смотря по тому, предназначаются-ли онѣ для широкой публики, или ограниченаго кружка читателей. Между тѣмъ

вслѣдствіе дешевизны печатанья авторъ можетъ обращаться, къ кому онъ хочетъ, — къ широкой публикѣ или къ извѣстной категоріи читателей. Кромѣ того получается слѣдующій важный результатъ: благодаря дешевизнѣ книги, изложеніе становится очень разнообразнымъ; пока же существуютъ однѣ лишь рукописи, распространеніе которыхъ чрезвычайно затруднено, литература монотонна и сравнительно бѣдна.

Можно было бы написать цѣлый томъ о вліяніи книгопечатанія на одну только французскую литературу. Такъ на примѣръ, благодаря книгопечатанію, авторы окончательно перестали прибѣгать къ латинскому языку и замѣнили его отечественнымъ. Это съ эстетической точки зрѣнія крупное событіе, ибо употребленіе мертвого языка неизбѣжно вызываетъ литературу холодную, лишенную краснорѣчія, оригинальности слога, субъективнаго отпечатка, — словомъ, жизни.

Но съ расширеніемъ круга читателей не только увеличивается разнообразіе литературы, увеличивается еще и свобода писателя: онъ поставленъ въ возможность не обращать вниманія на предразсудки того или другого отдѣльнаго класса читателей; считается ему приходится только съ обще-распространенными предразсудками.

Высказанныя наши положенія получены преимущественно дедуктивнымъ путемъ; теперь мы должны подтвердить ихъ фактами, историческимъ опытомъ. При этомъ мы не будемъ придерживаться хронологическаго порядка, принятаго обыкновенно въ исторіи, а прибѣгнемъ къ методу, болѣе подходящему для солидной аргументаціи, т. е. мы будемъ переходить не отъ болѣе отдаленнаго къ болѣе близкому, а отъ яснаго, безспорнаго — къ менѣе ясному и безспорному. Въ недавнемъ прошломъ мы наталкиваемся на явленіе, достаточно извѣстное и обстоятельно выясненное: я говорю о внезапномъ прогрессѣ, совершенномъ три вѣка тому назадъ въ эпоху возрожденія. Слова: «внезапный прогрессъ» въ достаточной степени характеризуютъ рассматриваемое нами явленіе. Остановимся на ходѣ умственнаго развитія западныхъ народовъ, начиная со второго вѣка. Уже въ это время вполне проявился упадокъ науки, искусства и промышленности. Намъ нечего останавливаться на вопросѣ, чѣмъ собственно вызванъ былъ этотъ упадокъ. Отмѣтимъ только, что онъ начался еще до вторженія варваровъ въ предѣлы римской имперіи, послѣдовавшаго три вѣка спустя. Упадокъ происходитъ медленно до пятаго вѣка. Затѣмъ онъ совершается быстро и заканчивается десятымъ вѣкомъ, когда снова замѣчается прогрессъ, но прогрессъ чрезвычайно медленный, еле замѣтный

выплоть до конца XVII вѣка. Если теперь взять послѣдующее время, примѣрно періодъ въ 150 лѣтъ, съ 1500 по 1650 г.,— что же мы увидимъ? Насъ просто поразить переменна, происшедшая въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени. Я коснусь только самыхъ существенныхъ переменъ, какъ бы указывающихъ на коренной переломъ въ умственной и нравственной жизни людей, — и коснусь ихъ только вскользь, потому что еще вернусь къ этому вопросу. Стоитъ сопоставить взгляды ученыхъ конца XV вѣка на внѣшнюю природу и ея явленія на примѣръ съ соображеніями и точными доказательствами Галилея, чтобы убѣдиться, какъ велика разница. Еслибы прогрессъ произошелъ такъ медленно, какъ въ средніе вѣка, то для такого переворота потребовалось бы по крайней мѣрѣ двадцать столѣтій. Не менѣе значительна разница между составителями средневѣковыхъ мистерій съ одной стороны и Шекспиромъ или Корнелемъ съ другой. Сравните лучшіе умы XV вѣка съ Раблэ, Монтенемъ, Гобезомъ, Бэкономъ, Декартомъ, и вы не повѣрили бы, еслибъ этого не знали, что ихъ раздѣляетъ такой короткий промежутокъ времени. Мы всё это чувствуемъ, и поэтому нѣтъ надобности настаивать на этой мысли. Прочестъ страницу изъ трудовъ мыслителей возрожденія и сопоставить ее съ мыслями ихъ непосредственныхъ предшественниковъ—значить сразу понять разницу. Уже самый языкъ свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣческій умъ сдѣлалъ въ короткое время громадный шагъ впередъ. Чѣмъ же это объясняется? Причина очевидна. Возьмите Раблэ, Ронсара или Монтеня, и вы тотчасъ же замѣтите общую имъ черту. У нихъ какъ бы двойной умъ; они подчиняются средневѣковымъ традиціямъ и въ то же время прониклись классическою древностью. Ихъ предшественники знали только одинъ языкъ, — отечественный, воспринимали внѣшнюю природу и человѣка только съ одной точки зрѣнія. Между тѣмъ писатели возрожденія знали по меньшей мѣрѣ два или три языка, разсуждали, философствовали, чувствовали съ двухъ точекъ зрѣнія: средневѣковой и классической. Я лично не придерживаюсь того взгляда, что классическая древность, какъ бы средніе вѣка ей ни уступали, повліяла на быстрое умственное развитіе исключительно или даже преимущественно своимъ превосходствомъ. Не въ одномъ этомъ превосходствѣ сила, а въ сравненіи, въ скрытомъ или явномъ столкновеніи двухъ цивилизацій. Это ихъ сопостановленіе неизбѣжно заострило сужденіе, критику во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: наукъ, искусствъ, философіи, религіи. Главнымъ условіемъ умственного прогресса является сомнѣніе, способность отрѣшиться

отъ прежнихъ чувствъ и мнѣній и сопоставлять ихъ съ другими, новыми; тутъ почти всегда получается новое міровоззрѣніе, хотя отчасти и основанное на обломкахъ прежняго.

Нечего пояснять, что уваженіе и любовь, которыя прежде внушали унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ политическія установленія, нравы и вѣрованія, должны были тотчасъ пострадать. Если ближе присмотрѣться къ дѣлу, то равнымъ образомъ станетъ ясно, что въ свою очередь это настроеніе умовъ послѣ перваго приступа слѣпотаго подражанія должно было отразиться на уваженіи, которое внушала классическая древность, и оказать ей, если можно такъ выразиться, плохую услугу. Критическое отношеніе къ ней началось въ наукѣ уже съ XVI вѣка. Палисси, Рамусъ подвергли сомнѣнію состоятельность химическихъ, физическихъ, анатомическихъ и психологическихъ знаній древнихъ писателей, а вскорѣ затѣмъ Бэконъ и Декартъ вооружились противъ ихъ способа аргументаціи вообще.

Въ литературѣ и искусствѣ критическое отношеніе къ древнему міру замедлилось, особенно во Франціи, гдѣ многіе еще и теперь слѣпо вѣрятъ въ превосходство классической древности. Но въ Англіи и Германіи протестантскій духъ, представляющій собой въ сущности только возрожденіе въ новой формѣ средне-вѣковыхъ традицій, очень рано вполне эмансипировалъ великихъ художниковъ отъ чрезмѣрнаго поклоненія древности. Такъ на-примѣръ, Шекспиръ по замысламъ своимъ вовсе не классикъ, какъ Корнель и Расинъ; его нельзя признавать и средне-вѣковымъ писателемъ: въ немъ совмѣщаются оба направленія, и онъ превзошелъ и то, и другое.

Нашъ взглядъ на эпоху возрожденія вполне подтверждается сходными, хотя и не столь яркими умственными переворотами. Собственно умственное движеніе XVI в. тождественно на-примѣръ съ движеніемъ философской мысли въ XVIII в. Тутъ французы познакомились со взглядами и чувствами англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прониклись тѣмъ двойнымъ умомъ, который проявился въ эпоху возрожденія. Монтескьё, Вольтеръ, Дидро глубоко проникнуты англійскимъ духомъ; Руссо одновременно швейцарецъ и французъ. Вскорѣ затѣмъ мы сами стали модными въ Германіи, и нѣмцы прониклись французскимъ духомъ. Теперь Германія собирается возратить намъ эту услугу. Если за послѣдніе три вѣка Европа не успокоивается, подобно древнему міру, на достигнутомъ умственномъ расцвѣтѣ, а безостановочно идетъ впередъ и возвращаетъ все новые цвѣты, то это объясняется тѣмъ, что она распалась на строго разграниченныя государства и что каждый народъ постоянно оплодотворяется духомъ

сосѣдняго народа. У классической древности, подчиненной единству римской имперіи, нѣ было этого благопріятнаго условія. Оно еще болѣе отсутствовало въ Китаѣ,—этой громадной имперіи, къ несчастію, изолированной и чуждающейся европейской цивилизаціи.

Мы повидимому очень уклонились отъ вопроса о книгопечатаніи, но на самомъ дѣлѣ оно было неизбѣжнымъ условіемъ эпохи возрожденія. Конечно и до книгопечатанія произведенія древнихъ были извѣстны въ спискахъ, и не слѣдуетъ думать, что они были открыты внезапно, или же по крайней мѣрѣ такой взглядъ на дѣло оправдывается лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Но до книгопечатанія только небольшое число лицъ привилегированныхъ могли знакомиться съ произведеніями классической древности. Книгопечатаніе сдѣлало ихъ доступными очень многимъ. Каково же было послѣдствіе этого факта? О произведеніяхъ древности начали говорить, писать, спорить съ увлеченіемъ, задоромъ, съ такимъ разнообразіемъ чувствъ и мнѣній, которое вполнѣ соотвѣтствовало внезапному, быстрому расширенію круга читателей. Не слѣдуетъ забывать, что между обсужденіемъ разныхъ вопросовъ умственной жизни, происходящимъ въ замкнутой средѣ, будь это монастырь, церковь, академія или отдѣльный общественный классъ, и обсужденіемъ тѣхъ же вопросовъ въ широкой средѣ, стекающейся со всѣхъ концовъ свѣта,—учеными, художниками, монахами, военными, свѣтскими людьми и даже женщинами, нѣтъ ничего общаго. Уже одно участіе женщинъ совершенно измѣняетъ отношеніе къ подобнаго рода вопросамъ. Между тѣмъ совершенно безспорною чертою эпохи возрожденія является именно общій характеръ (съ точки зрѣнія участія общественныхъ классовъ) умственнаго движенія, вызваннаго ознакомленіемъ съ классическимъ міромъ. Безъ книгопечатанія не было бы ничего подобнаго.

Поясню точнѣе сущность моей мысли. Пользу принесло не столько мировоззрѣніе само по себѣ, которое подчасъ очень не-состоятельно, а общее лихорадочное стремленіе подвергнуть его критикѣ и разнообразіе этой критики, соотвѣтствовавшее его общей распространенности.

Спрашивается, гдѣ же причина этого явленія? Мы не находимъ ея ни въ установленіяхъ того времени, ни въ историческихъ событіяхъ, какого рода бы они ни были. Очевидно, нельзя ссылаться ни на открытіе Америки, ни на завоеваніе Константинополя съ его послѣдствіемъ, т. е. ознакомленіемъ съ нѣкоторыми, къ тому же весьма мало существенными, произведеніями древности. Все дѣло въ книгопечатаніи.

Конечно открытіе Америки имѣло немаловажное значеніе, особенно въ области экономической. Равнымъ образомъ переселеніе послѣднихъ греческихъ ученыхъ и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ рукописей также не остались безъ вліянія. Но нельзя ни въ какомъ случаѣ сравнивать вліяніе этихъ причинъ съ вліяніемъ книгопечатанія.

Современныя поколѣнія особенно сильно, быть можетъ, даже чрезмѣрно озабочены образованіемъ юношества. Всѣ придерживаются того мнѣнія, что школьное преподаваніе чуть ли не одно обезпечиваетъ сохраненіе пріобрѣтенныхъ знаній и расширеніе ихъ запаса. Поэтому всѣ детали школьнаго обученія непрерывно обсуждаются и вѣчно подвергаются реформамъ. Допустимъ теперь, что явился бы человѣкъ, который предложилъ бы уничтожить всѣ учебники, кромѣ того уничтожить тетради, бумагу, перья, запретить ученикамъ дѣлать замѣтки въ классѣ, записывать дома уроки и составлять сочиненія. Очевидно, всѣ закричали бы, что образованіе погибло, что міръ возвратится къ варварству. Значить, образованіе, которое мы ставимъ такъ высоко, которымъ мы такъ сильно дорожимъ, обусловливается, по нашему мнѣнію, существованіемъ письменъ и книгопечатанія; одного устнаго слова недостаточно, чтобы обезпечить его успѣхи.

У галловъ друиды заставляли своихъ учениковъ выучивать наизусть длинныя дидактическія поэмы; въ этомъ состояло все ихъ обученіе. Индійскіе брамины, систематически избѣгая пользоваться письменами, до послѣдняго времени подражали примѣру друидовъ. Затѣмъ у нашихъ средневѣковыхъ предковъ происходило почти исключительно устное преподаваніе,—и этотъ послѣдній примѣръ особенно интересенъ, такъ какъ онъ насъ убѣждаетъ, что на видъ весьма второстепенныя условія могутъ имѣть значительное вліяніе на умственное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать серьезное значеніе существованію такого издѣлія, какъ бумага? Между тѣмъ, если въ средніе вѣка происходило только устное преподаваніе, то это обусловливалось не предубѣжденіемъ противъ письменъ, какъ у браминовъ, а тѣмъ фактомъ, что послѣ завоеванія Константинополя мусульманами папирусъ восточнаго издѣлія не проникалъ болѣе въ Европу, и такъ какъ бумага не была еще изобрѣтена, то приходилось пользоваться исключительно дорого-стоящимъ и рѣдкимъ матеріаломъ, именно пергаментомъ. Отмѣтимъ тутъ мимоходомъ все безсиліе правительственныхъ учрежденій. Даже еслибы въ средніе вѣка существовалъ теперешній демократическій строй, еслибы люди были воодушевлены самыми демократическими чувствами и проявляли такое же рвеніе въ дѣлѣ просвѣщенія народа, какое мы

теперь проявляемъ, они не были бы поставлены въ возможность создать сколько нибудь широкую систему народнаго образованія, именно вслѣдствіе отсутствія бумаги. Я говорю не о печатныхъ книгахъ, которыхъ тогда не было, я хочу сказать, что громадныя издержки, сопряженныя съ употребленіемъ пергамента, лишили бы средневѣковыхъ просвѣтителей возможности организовать преподаваніе, неизбежно вызывающее значительное расходваніе письменныхъ принадлежностей.

Всякій, кто знакомъ съ педагогическими вопросами, легко пойметъ, къ чему можетъ привести такое положеніе дѣлъ. Въ виду отсутствія учебниковъ съ одной стороны и бумаги для надлежащихъ отмѣтокъ съ другой, ученику приходится запоминать все наизусть, и память его изощряютъ въ ущербъ сужденію. Спрашивается, не должна ли подобная привычка, усвоенная въ молодости, отразиться на умѣ зрѣлаго человѣка и не повліяетъ ли подобная система обученія на умственное развитіе вообще.

Читатель согласится, что я въ своихъ соображеніяхъ совершенно устранилъ утилитарное значеніе письменъ и книгъ. Между тѣмъ немыслимо обойти молчаніемъ вопроса о томъ, какъ невыгодно отразилось бы ихъ отсутствіе на всѣхъ отрасляхъ практической дѣятельности. Чѣмъ были бы торговля въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и промышленность, еслибы ихъ представителямъ пришлось довольствоваться одною памятью и совершать всѣ расчеты въ головѣ. Допустимъ даже, подобно нѣкоторымъ соціологамъ, что цивилизація не является чѣмъ то внѣшнимъ, что она заключается въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сердцѣ, и предположимъ, что какое нибудь правительство воспретило бы своимъ подданнымъ писать и считать на бумагѣ. Что произошло бы въ такомъ случаѣ? Вскорѣ во всѣхъ отрасляхъ практической дѣятельности, во всѣхъ профессіяхъ пришлось бы отказаться отъ всѣхъ сложныхъ операцій, пришлось бы съузить дѣятельность до очень скромныхъ размѣровъ. Произошелъ бы тотъ упадокъ, которымъ ознаменовалось водвореніе варваровъ въ римской Галліи. Въ самомъ дѣлѣ, упадокъ того времени можетъ быть объясненъ только утратою письменъ, какъ это признаетъ большинство современныхъ историковъ, къ числу которыхъ присоединяюсь и я. Варвары, поселившіеся у насъ, не были такъ многочисленны, чтобы путемъ перерожденія расы измѣнить духъ галловъ. Чѣмъ же они вызвали упадокъ? Своими нравами, своими постоянными общими и частными войнами они подорвали безопасность и вызвали такое обѣднѣніе, что элементарное образованіе было запущено. По прошествіи нѣкотораго времени грамотныхъ насчитывалось уже мало даже въ высшихъ слояхъ тогдашняго обще-

ства; полное невѣжество стало удѣломъ громаднаго большинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ произошелъ полный упадокъ промышленности и искусства.

Всякаго рода открытія, облегчающія сношенія между людьми и приходящія на помощь нашей памяти, въ сильной степени вліяютъ на наши чувства. Всякое чувство, каково бы оно ни было, на примѣръ любовь къ матери или сыну или дружба, поддерживается упражненіемъ. Если оно не можетъ проявляться въ словахъ и дѣйствіяхъ, оно ослабѣваетъ и иногда совсѣмъ исчезаетъ; въ большей или меньшей степени это происходитъ и тогда, когда проявленія даннаго чувства затруднены. Все это съ психологической точки зрѣнія безспорно.

Человѣческая рѣчь,—это первое средство общенія, придуманное человѣкомъ,—должна была въ сильной степени развить разныя чувства, потому что она давала возможность выражать ихъ съ точностью, далеко превышающею мимику. Къ сожалѣнію, это вліяніе человѣческой рѣчи на чувства не можетъ быть точно установлено.

Если любовь поддерживается постояннымъ ея проявленіемъ, то отсутствіе любимаго человѣка должно извѣстнымъ образомъ ее подрывать. Съ глазъ долой—изъ сердца вонъ, гласитъ старая поговорка, встрѣчающаяся повидимому у всѣхъ народовъ. Прирученіе быстроногихъ животныхъ, вродѣ лошади или верблюда, появленіе телеги или саней, гребныхъ судовъ, а затѣмъ и парусныхъ содѣйствовали столько же развитію нашихъ чувствъ, сколько и удовлетворенію экономическихъ интересовъ: они сократили продолжительность отсутствія. Письмена, бумага, почта повліяли благотворно въ нѣсколько иномъ направленіи, облегчивъ тягости отсутствія. До изобрѣтенія письменъ отсутствующій человѣкъ молчалъ, какъ могила. Разлука, наполнявшая душу глубокою печалью, будучи полною, подрывала постепенно любовь, усыпляло это чувство. Но долгое время письма составляли для большинства людей благодѣяніе только по идеѣ, а не на дѣлѣ. Требовалось содѣйствіе другихъ факторовъ.

Еще сравнительно недавно членъ мало обезпеченной семьи, на примѣръ молодой человѣкъ, поступаая въ армію, или дѣвунка, поступаая въ служеніе, совершенно разлучались съ семьей, какъ въ то время, когда люди еще не умѣли писать. Пересылка писемъ даже на небольшомъ разстояніи стоила дорого, вызывала издержки весьма обременительныя для солдата или служанки. Они поэтому переписывались съ семьей лишь очень рѣдко, о свиданіи же, т. е. о болѣе или менѣе продолжительномъ путешествіи, имъ еще менѣе можно было думать,—

такъ дорого обходились переѣзды. Въ то время не существовало и портретовъ, поддерживающихъ воспоминаніе объ отсутствующихъ. Портреты писались только масляными красками и составляли даже для зажиточной буржуазіи большую роскошь. При такихъ обстоятельствахъ образъ любимаго существа исчезалъ, забывался, а вмѣстѣ съ тѣмъ забывался и самъ человѣкъ, угасала любовь къ нему.

Надо отдать справедливость правительству, которое примѣнило въ этомъ отношеніи дешевизну къ важной реформѣ, удешевивъ корреспонденцію установленіемъ единого постоянного тарифа. Мы говоримъ о почтовой маркѣ. Желѣзная дорога и фотографія довершили дѣло. Отъ Парижа до Орлеана протяженіе годной для обработки земли осталось, къ счастью, неизмѣннымъ: по прямой линіи полевая угодья тянутся на разстояніи 120 километровъ. Но въ смыслѣ препятствія, раздѣляющаго людей, разстояніе это значительно сократилось: втеченіе нынѣшняго столѣтія оно сократилось по меньшей мѣрѣ въ четыре раза, потому что его можно проѣхать въ четыре раза быстрее. Сбереженіе времени въ связи съ сокращеніемъ путевыхъ издержекъ и сравнительнымъ удобствомъ путешествія увеличили передвиженіе людей въ баснословныхъ размѣрахъ. Послѣдствія этого факта для промышленности, земледѣлія и торговли отмѣчались уже нерѣдко; но мало кто думаетъ о той массѣ мужей и женъ, матерей, отцовъ и дѣтей, которые путешествуютъ съ единственною цѣлью повидаться другъ съ другомъ, обнять любимыхъ существа и укрѣпить въ сердцѣ чувства любви, вѣрности, постоянства.

Не забудемъ отмѣтить еще и важное значеніе нравственнаго вліянія фотографіи. Конечно говорятъ: «память сердца»; но и она въ значительной степени поддерживается памятью въ буквальномъ значеніи этого слова. Для народной массы фотографія создала точный образъ, который можетъ быть сохраненъ вопреки разрушительному вліянію времени. Телеграфъ, извѣщая насъ о благополучномъ состояніи любимыхъ существъ или объ опасностяхъ, которыхъ они благополучно избѣгли, устранилъ много причинъ напраснаго безпокойства. Это также большое благодѣяніе. Съ другой стороны телеграфъ поощряетъ къ заботливости. Надо брать человѣка такимъ, каковъ онъ есть; онъ всегда избѣгаетъ предотвратимыя печали; гдѣ онъ не можетъ помочь, онъ въ концѣ концовъ примиряется съ неизбѣжнымъ, и это чувство благотворно. Онъ думаетъ о несчастныхъ, которымъ можно помочь, и старается забыть о тѣхъ, которымъ помочь нельзя. Въ этомъ отношеніи телефонъ составляетъ изобрѣтеніе весьма существенное. Когда человѣку дано будетъ слышать голосъ любимаго существа на какомъ

угодно разстояніи, разлука почти исчезнетъ. Дѣти, мужья будутъ чувствовать себя вблизи своихъ родителей, своихъ женъ, какое бы разстояніе ихъ ни раздѣляло. Не смотря на разлуку, можно будетъ давать благіе совѣты, наставлять, поучать. Не надо быть глубокимъ психологомъ, чтобы понять, что эти изобрѣтенія, ограждая человѣка отъ апатіи и непостоянства чувствъ,—слишкомъ, увѣличивъ свойственныхъ нашей природѣ,—подготавливаютъ глубокой поворотъ въ душевной жизни человѣчества. И кто можетъ предусмотрѣть всѣ ихъ послѣдствія? Кто рѣшится на примѣръ утверждать, что въ концѣ концовъ они не повліяютъ и на международныя отношенія, усиливъ наше нерасположеніе къ войнѣ,—этому послѣднему остатку первичнаго варварства.

Посмотримъ теперь, насколько изобрѣтеніе письменъ повліяло на человѣческую нравственность. Я представляю себѣ, чѣмъ была до ихъ изобрѣтенія обширная область нравственности, обнимающая исполненіе обѣщаній и заключенныхъ договоровъ. Мнѣ кажется, что честности было меньше, когда назначеніе наслѣдника, продажа имущества, заключеніе кредитной сдѣлки,—словомъ, всякое обязательство довѣрялось еще исключительно памяти нѣсколькихъ свидѣтелей? Она всегда могла измѣнить человѣку, а между тѣмъ составляла основу права. Это вліяло и на самую совѣсть свидѣтелей, если только не предположить, что человѣческая природа была тогда совершенно иная, чѣмъ теперь; алчность, месть,—словомъ, разныя страсти искажаютъ показанія свидѣтелей. Письменный же документъ является неподкупнымъ свидѣтелемъ; онъ остается при всякихъ обстоятельствахъ неизмѣннымъ и поэтому сильно затрудняетъ проявленіе безчестности. Я склоненъ думать, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же мѣрѣ сократилъ и случаи безчестности. Конечно онъ далъ поводъ къ новому преступленію,—подлогу. Но гораздо легче установить этого рода преступленіе и уличить въ немъ виновнаго, чѣмъ уличить свидѣтелей въ стачкѣ съ истцомъ, потому что это преступленіе не осязаемо, если можно такъ выразиться, воздушно и кромѣ того имѣетъ множество разныхъ формъ и степеней. Письменный документъ устранилъ взаимный соблазнъ истца, желающаго подкупить, и свидѣтеля, желающаго быть подкупленнымъ. Онъ въ этой же мѣрѣ повліялъ на нравственность судьи, давалъ ему твердыя точки опоры для приговора, между тѣмъ какъ противорѣчивость свидѣтельскихъ показаній давала просторъ его дурнымъ страстямъ.

Сколько поводовъ къ обману или насилію, сколько личныхъ столкновеній и процессовъ подрѣзаны въ корнѣ изобрѣтеніемъ письменъ! Весьма сомнительно, чтобы какаянибудь философская

истина или вѣлѣніе религіи повліяли въ этомъ отношеніи съ такою же силою.

Если присмотрѣться къ дѣйствіямъ людей, то все это представляется безспорнымъ. Всюду, гдѣ грамотность получила широкое распространеніе, люди не довѣряютъ своего имущества или не даютъ денегъ взаймы иначе, какъ заручившись документомъ, составленнымъ въ надлежащей формѣ. Даже послѣдователи одной и той же религіи, заключая договоръ, рѣдко, какъ я полагаю, отказываются отъ письменнаго его скрѣпленія и ограничиваются обезпеченіемъ, которое представляетъ общая ихъ вѣра.

Равнымъ образомъ письменна значительно измѣнили и тотъ родъ общественнаго договорнаго права, который мы называемъ обычнымъ. И тутъ ими устраняются противорѣчивыя показанія свидѣтелей, неувѣренность, вызываемая слабостью человѣческой памяти. Благодаря письменамъ, обычное право вошло въ составъ законодательства. Я не сомнѣваюсь, что постановленія писаннаго закона соблюдаются строже, чѣмъ постановленія обычнаго права уже потому, что первыя точнѣе сформулированы и слѣдовательно представляютъ меньше поводовъ для пререканій и споровъ. И вотъ что странно, вотъ что на первый взглядъ можетъ даже казаться противорѣчивымъ! Съ изобрѣтеніемъ письменъ обычное право строже соблюдается и въ то же время оно болѣе доступно измѣненіямъ и усовершенствованію. Всѣ народы, не имѣющіе письменнаго языка, чрезвычайно неохотно приступаютъ хотя бы къ малѣйшимъ измѣненіямъ въ своемъ обычномъ правѣ; они какъ бы опасаются, что даже малѣйшее измѣненіе можетъ погубить все. Чувство ихъ не обманывается, и опасность дѣйствительно существуетъ. Когда законъ передается только устно, когда онъ не записанъ, всякое измѣненіе неизбежно вызываетъ путаницу, общее оспариваніе установленнаго правила и социальную анархію.

Письмена измѣняютъ не только общій характеръ обычнаго права, но и всѣ мельчайшія его постановленія. Нельзя понять, почему знаменитое римское право не было подвергнуто критикѣ съ этой точки зрѣнія. Ни одинъ спеціалистъ не задавался до сихъ поръ вопросомъ о перемѣнахъ, внесенныхъ въ римское право, по существу и по формѣ, изобрѣтеніемъ письменъ. Конечно имъ показалась бы странною мысль, что такой пустякъ могъ значительно повліять на ростъ ихъ любимаго дѣтища. Мы въ этомъ трудѣ не можемъ принять на себя задачу выяснитъ ложность ихъ взгляда и поэтому ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, наводящими однако на размышленіе.

Возьмемъ для примѣра римлянина, владѣющаго значитель-

нымъ и очень разнороднымъ состояніемъ: поземельною собственностью съ различными видами культуры, городскими домами, въ которыхъ онъ самъ живетъ и которые ему приносятъ доходъ, мастерскими, рабами различныхъ профессій, какъ то: граматиками, медиками, актерами, наконецъ различною домашнею утварью, этрусскими драгоценностями, греческими вазами и т. д. Этотъ римлянинъ желаетъ составить соответственное духовное завѣщаніе, распредѣливъ свое имущество между дѣтьми. Кромѣ того онъ хочетъ совершить нѣсколько дарственныхъ записей, потому что въ то время было принято дѣлать, умирая, подарки своимъ друзьямъ, или принести что нибудь въ даръ императору или виднымъ дѣятелямъ.

Допустимъ, что тогда не было письменъ. Какъ же этотъ римлянинъ принялся бы за дѣло? Ему пришлось бы, согласно обычаю, существовавшему до введенія письменъ, устно изложить свое длинное и сложное духовное завѣщаніе передъ собравшимся вооруженнымъ народомъ (*in procinctu*) или передъ извѣстнымъ числомъ ликторовъ, представляющихъ собою отсутствующій народъ. Такимъ образомъ пришлось бы впослѣдствіи сличить свидѣтельскія показанія всѣхъ этихъ людей. Кромѣ того, въ виду отсутствія письменъ, не могъ быть составленъ тотчасъ послѣ смерти и инвентарь всему недвижимому имуществу. Но въ такомъ случаѣ какъ же разыскать и съ точностью установить всѣ предметы, поименованные въ завѣщаніи? Безъ содѣйствія письменъ исполненіе воли завѣщателя было бы очень затруднено (какъ извѣстно юристамъ, не всегда легко исполнить его волю и въ томъ случаѣ, когда она въ точности записана). Можно даже сказать, что исполненіе ея оказалось бы невозможнымъ вслѣдствіе безконечныхъ придинокъ и пререканій наслѣдниковъ, и слѣдовательно завѣщатель отказался бы отъ составленія своего духовнаго завѣщанія, т. е. отъ мысли распредѣлить свое имущество между многочисленными наслѣдниками. Онъ составилъ бы другое завѣщаніе: онъ просто завѣщалъ бы все свое имущество Каю или другому наслѣднику и остался бы при этомъ рѣшеніи.

Бракъ принялъ бы также другую форму. Мы этимъ не хотимъ сказать, что въ Римѣ дѣйствительность брачнаго союза обуславливалась занесеніемъ его на бумагу; воля лицъ заинтересованныхъ была въполнѣ достаточна и могла быть удостовѣрена какимъ угодно путемъ. Римъ—и это фактъ очень замѣчательный—въ этомъ отношеніи всегда придерживался тѣхъ обычаевъ, которые установились еще въ періодъ, предшествовавшій введенію письменъ. Но приданое, столь тѣсно связанное съ бракомъ и столь

сильно повліявшее на него, не могло бы получить такого развитія безъ письменныхъ договоровъ. Дѣйствительно, какъ можно было бы доказать, что именно жена принесла въ домъ то или другое имущество среди всего имущества, которымъ владѣла зажиточная римская семья? Какъ можно было бы установить, что такое-то имущество дано отцомъ или лицомъ постороннимъ,—различіе, для римскаго права очень существенное?

Вдумайтесь во всѣ тонкости сложнаго законодательства, какъ напримѣръ во всѣ виды собственности, въ постановленія обычнаго права, узурфруктъ и т. д., и вы убѣдитесь, что если ихъ нельзя было бы занести на бумагу, то они не существовали бы вообще, потому что ихъ установленіе ни къ чему бы не привело: нельзя было бы примѣнять всѣ эти тонкости на практикѣ, добиться ихъ исполненія на дѣлѣ, придумать соотвѣтственное судопроизводство.

Это слово: «судопроизводство» приводитъ насъ еще къ одному заключительному замѣчанію. Всѣмъ извѣстно, что съ точки зрѣнія судопроизводства римское право дѣлится на три періода: періодъ простого исполненія закона, формальнаго судопроизводства и чрезвычайнаго судопроизводства. Только два первые періода могутъ быть въ точности установлены. Поэтому обращаю вниманіе лицъ, посвящающихъ себя изученію исторіи права, на причины, вызвавшія переходъ отъ перваго періода ко второму, и предлагаю выяснить, не послужило ли введеніе письменъ и распространеніе письменнаго языка главною причиною этого важнаго поворота въ римскомъ правѣ.

Обратимся теперь къ современному браку. Всѣмъ извѣстно, что это у насъ очень торжественный договоръ. Пока онъ не занесенъ на бумагу, и притомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, онъ не признается дѣйствительнымъ. Можно ли сомнѣваться, что прочность брачнаго союза подвергнется сильной опасности, если отмѣнено будетъ юридическое постановленіе, требующее письменнаго договора. Съ другой стороны можно ли считать семью вполне установленною въ правовомъ отношеніи, пока нѣтъ возможности вполне подтвердить юридическими доказательствами кровную связь, существующую между родителями и дѣтьми? Что же дѣлаетъ эту связь, насколько возможно, безспорною?—Метрическія книги, т. е. письменные документы.

Изученіе историческихъ фактовъ вполне подтверждаетъ эти выводы, полученные дедуктивнымъ путемъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ болѣе или менѣе совершенныхъ семейственныхъ отношеній, договорнаго права или устойчивой собственности, гдѣ нѣтъ письменныхъ документовъ.

То же приходится сказать о политическихъ установленіяхъ. Остановимся на примѣрѣ на пресловутой парламентской системѣ. Слѣды ея можно открыть уже у древне-германскихъ племенъ, которыя будто бы передали ее въ зародышѣ остальнымъ народамъ черезъ посредство Англіи. Дѣйствительно, у дикихъ народовъ, какъ у древнихъ германцевъ, и теперь еще встрѣчаются народныя собранія, на которыхъ повидимому всякій участникъ свободно высказываетъ свое мнѣніе. Но если поближе присмотрѣться къ этому установленію, то мы убѣдимся, что оно не представляетъ никакой устойчивости и по существу своему лживо. По крайней мѣрѣ у современныхъ дикарей по большей части этого рода собранія одобряютъ только своими возгласами то, что уже раньше рѣшено вождями. Замѣтимъ кстати, что вообще у варварскихъ народовъ встрѣчаются на видъ условія довольно выгодныя: подданные могутъ до извѣстной степени быть независимы, даже совершенно независимы, но это не составляетъ еще политической свободы. Истинною политическою свободою слѣдуетъ признавать сдѣлку между правительствомъ, обязующимся не переступать извѣстныхъ предѣловъ, и управляемыми, обязующимися повиноваться въ этихъ предѣлахъ. Это—молчаливое соглашеніе; но будь оно молчаливое или открыто признанное, имѣетъ ли оно ту же силу, какъ еслибы оно было занесено на бумагу? Вотъ въ чемъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ какъ только письменность распространяется въ народѣ, управляемые очень дорожатъ хартіями, изложенными на бумагѣ, и конечно знаютъ почему.

Впрочемъ, вслѣдствіе соціальныхъ успѣховъ, эта первоначальная свобода, этотъ первичный демократическій строй превращается въ самодержавную аристократію, которая въ свою очередь по большей части уступаетъ мѣсто единоличной власти. Такимъ образомъ общій ходъ политическаго развитія приводитъ отъ первичнаго демократическаго строя, въ сущности представляющаго отсутствіе всякаго правительства, къ болѣе или менѣе абсолютной монархіи. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ есть къ тому благопріятныя условія, происходитъ, какъ это случилось въ Англіи, возвратъ къ прежнимъ порядкамъ. Управляемый снова требуетъ отчета у правящаго. Требовать отчета и давать его,—вотъ выраженіе, наиболѣе пригодное для характеристики парламентской системы. Дѣйствительно, вначалѣ правительство заинтересовано въ томъ, чтобы получать налоги, а народъ—въ томъ, чтобы ихъ утверждать только послѣ представленія отчета въ расходованіи собранныхъ налоговъ и одновременно въ предполагаемомъ употребленіи испрашиваемыхъ. Правда, можно взи-

мать налоги и безъ всякихъ письменныхъ документовъ, но безъ нихъ невозможно знать въ точности, сколько народъ уплатилъ, сколько израсходовано и на что израсходованы взятые деньги. Еще менѣе возможно установить смѣту будущихъ доходовъ и расходовъ.

Какъ только устанавливается политическая свобода, т. е. отвѣтственность правящихъ предъ управляемыми, происходитъ еще и другое явленіе, именно обѣ стороны вступаютъ въ соглашеніе: октроируется хартія. Въ силу этого документа правительства обязуются воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій и взаменъ получаютъ право совершать другія. Было бы ошибочно думать, что это примѣнимо только къ Англіи. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и особенно во Франціи, хотя тутъ политическая свобода не проявилась съ такимъ блескомъ, какъ въ Англіи,—правительство принимало на себя обязательство воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій; слѣдовательно и здѣсь октроировались хартіи и даже въ большемъ числѣ, такъ какъ онѣ октроировались не націи, не ея представителямъ, а въ отдѣльности каждой провинціи, каждому значительному городу. Въ средніе вѣка эти хартіи назывались привилегіями, и эти привилегіи наполняютъ многіе томы!

Спрашивается, имѣла ли какое-нибудь значеніе эта возможность выговаривать въ свою пользу эти столь многочисленные и многообразные письменные документы? Измѣнились ли бы политическіе приемы, взаимныя отношенія между правящими и управляемыми, дѣйствія администраціи, еслибъ всѣ эти документы не могли быть изложены на бумагѣ? Этотъ вопросъ можетъ удивить многихъ историковъ, никогда не уяснившихъ себѣ, какъ происходитъ то или другое явленіе, т. е. не вникшихъ въ реальныя условія, вліяющія на установленія; тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ.

Вслѣдствіе причинъ, слишкомъ сложныхъ, чтобы ихъ здѣсь излагать, Англія сохранила до послѣдняго времени первоначальный способъ подачи избирательныхъ голосовъ. Избиратель подавалъ голосъ устно. Въ этомъ отношеніи Англія не воспользовалась изобрѣтеніемъ письменъ. Что же случилось? Оказалось, что большое число избирателей, фермеровъ, поденщиковъ, поставщиковъ, должниковъ, богатыхъ людей подавали голоса изъ угодливости или страха. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшено было измѣнить это положеніе вещей. Такимъ образомъ была признана очевидная истина, что подача голосовъ, чтобы быть независимою или искреннею, должна быть тайною, а чтобы быть тайною, она должна происходить посредствомъ письменныхъ бюллетеней.

Письмена такъ необходимы для парламентскаго режима, что они въ первоначальной своей формѣ оказываются недостаточными. Требуется современное ихъ дополненіе, т. е. печать. Въ этомъ отношеніи можно положиться на свидѣтельство англійскихъ историковъ, изучавшихъ политическія учрежденія своего отечества. Во Франціи часто высказывалось мнѣніе, будто бы англійская парламентская система возникла уже въ XIII столѣтіи. Это значитъ принимать недоразвившійся зародышъ, тщедушное деревцо за вполнѣ окрѣпшее дерево. Всѣ англійскіе историки, начиная съ Юма и кончая Льюисомъ, высказываются въ этомъ смыслѣ. Парламентаризмъ далъ до XVIII столѣтія только сомнительные результаты, и англійская парламентская хроника наполнена скандалами и безконечными проявленіями человѣческой пошлости, продажности и склонности вступать въ неблаговидныя сдѣлки съ властью. Это очень незавидное положеніе дѣлъ начало измѣняться къ лучшему только со времени установленія публичности парламентскихъ преній. Тогда только стала зарождаться отвѣтственность депутатовъ передъ избирателями; однако эта отвѣтственность приобрѣла серьезный характеръ лишь съ распространеніемъ печатнаго слова: благодаря печати, сама Англія и весь міръ получилъ возможность присутствовать при засѣданіяхъ палаты общинъ, выслушивать пренія и составить себѣ сужденіе о нихъ.

Присмотримся ближе къ дѣятельности палаты депутатовъ и парламента вообще. Онъ издаетъ законы, но объ этомъ рѣчь у насъ еще впереди; онъ дѣлаетъ запросы, назначаетъ комиссіи. Задача этихъ комиссій—выслушивать показанія, всегда противорѣчивыя, мнѣнія, часто длинныя и очень обстоятельныя, иногда безконечныя. Всѣ эти показанія и мнѣнія надо сличить, сопоставить, резюмировать и затѣмъ сдѣлать выводъ. Совершается это, хотя часто и съ преодоленіемъ большихъ трудностей, при помощи письма; безъ него исполненіе этой задачи оказалось бы невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти показанія и мнѣнія были бы въ значительной степени лишены точности. Въ случаѣ спора нельзя же было бы въ самомъ дѣлѣ призвать свидѣтелей для засвидѣтельствованія свидѣтельствъ прежнихъ свидѣтелей. Произошла бы невѣроятная путаница и въ концѣ концовъ дѣло потерпѣло бы полное крушеніе.

Парламентъ утверждаетъ налоги, опредѣляетъ доходы, одобряетъ расходы,—словомъ, устанавливаетъ бюджетъ. Нечего указывать, что безъ содѣйствія письменности эта огромная система цифръ и счетовъ была бы невозможна.

Жалуются на обиліе законовъ. Однако наши кодексы,—граж-

дакскій, уголовный, торговый,—отличаются сравнительною краткостью. Можетъ быть, они даже слишкомъ кратки. Но допустимъ, что существуютъ только эти кодексы и нѣтъ никакихъ другихъ законовъ. Можно ли было бы даже и въ этомъ случаѣ положиться на человѣческую память? Люди обыкновенно не отдають себѣ отчета въ томъ, что всѣ эти многочисленныя и подробныя правила, равно какъ и сложная дѣятельность судебныхъ и административныхъ властей, направленная къ ихъ исполненію, что вся эта формалистика, которую мы презрительно называемъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, придирками и т. д., обезпечиваютъ отвѣтственность человѣка. Старая поговорка: *verba volant, scripta manent*, проявляется и тутъ въ очень широкихъ размѣрахъ.

Итакъ, отвѣтственность человѣка почти не существуетъ, пока онъ только говорить и не научился еще писать.

6. *Снаряды точности.*—Снаряды вообще придуманы, чтобы увеличить воспримчивость нашихъ чувствъ и силу нашихъ мышцъ; но на ряду съ этими динамическими снарядами человѣкъ придумалъ для изслѣдованія среды, въ которой онъ живетъ, еще снаряды, непосредственное назначеніе которыхъ заключается только въ собраніи точныхъ фактовъ.

У людей уже рано возникла потребность измѣрять пространство и время, считать предметы, взвѣшивать ихъ. Люди убѣдились, что ихъ члены, которыми они пользовались для измѣренія, не равны, и изобрѣли локоть, футъ и др. мѣры неизмѣнныя, постоянныя. Кромѣ того они убѣдились, что и каждое изъ ихъ чувствъ воспринимаетъ въ разное время различно, и что вслѣдствіе этой измѣнчивости они вводятъ человѣка въ заблужденіе. Поэтому придумали снаряды, замѣняющіе обманчивыя наши чувства и дающіе неизмѣнно вѣрныя показанія.

Такъ появились вѣсы, точно опредѣляющіе тяжесть предметовъ, разнаго рода часовые механизмы, точно опредѣляющіе продолжительность времени. Вслѣдствіи придуманы были даже снаряды для измѣренія температуры тѣлъ и даже измѣнчиваго атмосфернаго давленія, которое невозможно измѣрить при помощи нашихъ чувствъ.

Не здѣсь мѣсто подробно излагать исторію этихъ специальныхъ снарядовъ. Остановимся только на существенной для насъ сторонѣ вопроса. То, что мы называемъ человѣческимъ разумомъ, имѣетъ въ основѣ своей два элемента, умственный и нравственный: во-первыхъ, точныя свѣдѣнія о равенствѣ и различіи предметовъ касательно ихъ протяженія, вѣса, числа, температуры, движенія и продолжительности; во-вторыхъ, пріобрѣтенныя че-

ловѣкомъ привычка и потребность заручаться подобными точными свѣдѣніями.

Цивилизованный человѣкъ отличается отъ дикаря прежде всего тѣмъ, что онъ любитъ во всемъ точность, и это чувство является послѣдствіемъ цѣлаго ряда уже пріобрѣтенныхъ точныхъ знаній. Какая разница между человѣкомъ, который, чтобы узнать время, взглянетъ на солнце и довольствуется приближительнымъ опредѣленіемъ часа, и другимъ человѣкомъ, который хочетъ знать время въ точности, минута въ минуту, секунда въ секунду,—между человѣкомъ, который, совершая въ баржѣ переездъ отъ одного острова къ другому, измѣряетъ разстояніе измѣнчивою продолжительностью переезда, и человѣкомъ, не успокаивающимся раньше, чѣмъ не узнаетъ въ точности число метровъ между двумя пунктами. Замѣйте, что я не говорю здѣсь о практическихъ послѣдствіяхъ этихъ двухъ настроеній, о дѣйствіяхъ, возможныхъ при одномъ и невозможныхъ при другомъ; я говорю только о различномъ настроеніи двухъ умовъ. Идеи безусловнаго равенства, точнаго различія, опредѣленнаго соотношенія мѣры, вѣса, протяженія, времени, движенія или силы составляютъ основаніе всѣхъ отвлеченныхъ разсужденій и увѣнчиваютъ зданіе нашего разума. Между тѣмъ эти идеи и любовь къ нимъ могли возникнуть только благодаря указаннымъ нами спеціальнымъ снарядамъ. Не имѣя аршина, какъ опредѣленной, неизмѣнной мѣры, человѣкъ никогда не могъ бы возвыситься до познанія и воспріятія точной длины, и т. д.

Чтобы уяснить себѣ разницу между умственнымъ настроеніемъ дикаря и цивилизованнаго человѣка, равнымъ образомъ и между двумя цивилизованными людьми, обыкновенно говорятъ, что у нихъ различныя умственныя способности. Это конечно очень просто, но всѣ разсужденія о предполагаемомъ различіи способностей—пустая болтовня. Еслибы оно даже дѣйствительно существовало, то это не измѣнило бы положенія вещей, потому что на самомъ дѣлѣ превосходство цивилизованнаго человѣка проявляется лишь настолько, насколько онъ располагаетъ указанными снарядами и заручился извѣстными свѣдѣніями и привычками при помощи этихъ снарядовъ. Возьмемъ очень способнаго цивилизованнаго человѣка, даже геніальнаго, Ньютона на примѣръ, но живущаго въ обществѣ людей, которые умѣютъ считать только по пальцамъ, измѣрять длину, взвѣшивать предметъ только руками, и окажется, что ни одно изъ открытій, составляющихъ для насъ наглядное доказательство геніальности ума Ньютона, не было бы сдѣлано. Объективно говоря, Ньютона вовсе бы не существовало. Меня въ этомъ убѣждаетъ изученіе исто-

рическаго Ньютона. Чѣмъ болѣе я въ него углублюсь, тѣмъ значительнѣе представляется мнѣ число открываемыхъ въ немъ, знаній, разсужденій, методологическихъ пріемовъ, опытовъ, установленныхъ уже до него и заимствованныхъ имъ путемъ упорнаго труда и обширнаго образованія. Прибавимъ къ этому значительное число снарядовъ, безъ которыхъ даже Ньютонъ ушелъ бы недалеко. Чтò было бы съ нимъ, еслибъ его лишили только бумаги и пера, не говоря уже объ инструментахъ, которыми онъ пользовался.

Конечно разные инструменты одни не создаютъ еще науки; надо, чтобы ими пользовался человѣческій умъ. Но люди полагаютъ, ничѣмъ не подтверждая своего мнѣнія, что человѣческій умъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ воспринятыхъ идей и пріобрѣтенныхъ знаній. Толкуютъ о ясности, точности ума даннаго человѣка, какъ будто дѣло идетъ о чемъ то вполне определенномъ, реальномъ. Между тѣмъ все, чтò мы можемъ сказать съ увѣренностью о данномъ умѣ, вовсе не соответствуетъ приписываемой ему врожденной силѣ. Мы ясно наблюдаемъ въ данномъ ученомъ, что онъ пріобрѣлъ такіа то знанія, и въ особенности, что онъ проникся разсужденіями своихъ предшественниковъ; мы видимъ напримѣръ, что онъ, если можно такъ выразиться, пропитанъ пріемами, которыми пользовались его предшественники, чтобы измѣрить пространство или скорость свѣта или расширение тѣлъ, и что онъ примѣняетъ эти пріемы къ рѣшенію другихъ вопросовъ. Онъ видимо усвоилъ себѣ типичныя идеи, которыми онъ руководствуется для новыхъ цѣлей. Иногда онъ вноситъ въ дѣло нѣкоторыя измѣненія, но сущность и этихъ измѣненій, являющихся собственно комбинаціею старыхъ открытій, обыкновенно не трудно отыскать въ трудахъ его предшественниковъ. Конечно онъ представляетъ собою нѣчто оригинальное, но тѣмъ не менѣе лучшія его качества вызваны знаніями, которыми онъ пріобрѣлъ, особенно же примѣрами, которые онъ продумалъ и количество которыхъ пропорціонально степени культуры, достигнутой средою, въ которой онъ живетъ. Конечно нельзя отрицать, что д'Аламберъ—д'Аламберъ, и что онъ превзошелъ большинство ученыхъ своего времени. Но тѣмъ не менѣе выпавшая на его долю роль менѣе значительна, чѣмъ какую играетъ общій запасъ научныхъ знаній, выработанныхъ XVIII вѣкомъ.

Мы можемъ иначе выразить нашу мысль и сказать, что человѣческій разумъ, изучаемый въ данномъ индивидѣ или въ цѣломъ историческомъ поколѣніи, можетъ нами быть реально воспринятъ, лишь какъ совокупность знаній и методовъ, которые, повторяю, стали возможны благодаря спеціальнымъ снарядамъ.

И этот выводъ соотвѣтствуетъ одной изъ основныхъ чертъ нашего ума, одному закону, которому онъ подчиненъ. Самая возвышенная дѣятельность ума, отвлеченное сопоставленіе, приводящее къ открытію общей истины, какъ на примѣръ уясненію правильной скорости, съ какою звукъ движется въ атмосферѣ, находится въ зависимости отъ самой скромной, элементарной дѣятельности нашихъ чувствъ. До открытія общей истины надо было по меньшей мѣрѣ научиться точно измѣрять разстояніе между двумя пунктами по прямой линіи.

Дикари часто проявляютъ невниманіе, несообразительность, умственную дряблость, поражающую цивилизованнаго человѣка. Но не всѣ дикари походятъ въ этомъ отношеніи другъ на друга, и одинъ и тотъ же дикарь проявляетъ различныя умственныя способности, смотря по предмету, на который обращено его вниманіе. Нельзя ни въ какомъ случаѣ сказать, что вниманіе и наблюдательность чужды дикарю. Онъ в теченіе цѣлыхъ недѣль изучаетъ на обширныхъ пространствахъ, среди лѣсовъ и болотъ, еле замѣтные слѣды и приходитъ къ разнообразнымъ, вѣрнымъ, точнымъ выводамъ. Въ этомъ отношеніи онъ просто изумляетъ цивилизованнаго человѣка. Достигаетъ же онъ такого успѣха въ своей дѣятельности не только благодаря своимъ иногда очень развитымъ чувствамъ, но и благодаря особаго рода логикѣ, доступной цивилизованному человѣку только послѣ продолжительной подготовки. Въ заключеніе выскажемъ еще слѣдующую мысль: вліяетъ на наше умственное развитіе не острота чувствъ, не то, что человѣкъ далеко видитъ или слышитъ очень слабый звукъ, а точность въ воспріятіи явленій посредствомъ чувствъ; надо видѣть, слышать, осязать и т. д. съ возможною точностью въ количественномъ отношеніи. Посредствомъ упражненія чрезвычайно увеличивается острота чувствъ, точность же воспріятія—въ гораздо меньшей степени. Сколько бы человѣкъ ни упражнялъ своихъ чувствъ, онъ никогда не достигнетъ того, что сразу и всѣмъ дается изобрѣтеніемъ снаряда, т. е. простого придатка къ нашимъ чувствамъ. Этотъ выводъ имѣетъ также существенное значеніе.

Высказанныя нами соображенія имѣютъ силу въ любой періодъ развитія человѣческой мысли. Безъ металлическихъ, стеклянныхъ, фарфоровыхъ снарядовъ невозможно было бы взвѣшивать, мѣрить, собирать данныя, производить опыты и наблюденія, дѣлать сопоставленія, провѣрять. Чѣмъ была бы астрономія безъ подзорной трубы, телескопа и другихъ снарядовъ, біологія—безъ микроскопа и анатомическаго ножа, химія—безъ реторты и стеклянки, физика—безъ точныхъ вѣсовъ и часовъ, безъ много-

численныхъ снарядовъ, при помощи которыхъ она измѣряетъ подлежащія ей наблюденію силы? Откройте любую книгу, посвященную исторіи наукъ: о какой наукѣ ни говорилъ бы авторъ, онъ всегда признаетъ или по большей части подразумеваетъ, что только благодаря разнымъ снарядамъ выяснена та или другая истина. Было бы излишне настаивать на мысли, хорошо извѣстной всѣмъ специалистамъ.

Дѣло въ томъ, что вышеотмѣченный законъ дѣйствуетъ постоянно и имѣетъ непреложную силу: всѣ успѣхи отвлеченной мысли обуславливаются успѣхами въ элементарныхъ воспріятіяхъ путемъ искусственного увеличенія силы и точности нашихъ чувствъ.

Я въ общемъ отмѣтилъ нѣкоторые изъ болѣе существенныхъ послѣдствій изобрѣтенія разныхъ снарядовъ и, кажется, выяснилъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ обширною и еще не изслѣдованною областью, значеніе которой еще не всегда въ достаточной мѣрѣ признается.

Мнѣ могутъ возразить, что нѣкоторые открытія не всегда составляютъ истинную причину явленій, мною указанныхъ, что они представляютъ собою только внѣшнія условія, а истинная причина заключается въ умственной и нравственной жизни человѣка. Эта мысль кажется на первый взглядъ глубокою, но сводится приблизительно къ простой мысли, что причина всего—человѣческій умъ. Не споримъ; но собственно эта мысль ничего не выясняетъ и даже не затрагиваетъ вопроса. Конечно человѣческій умъ въ широкомъ значеніи этого слова создалъ все; но, спрашивается, почему эта причина, дѣйствовавшая во всѣ времена, не сразу создала все, почему она создала одно въ одно время, другое—въ другое? Вотъ сущность всѣхъ историческихъ вопросовъ.

Какъ извѣстно читателю, мы различаемъ причину явленія и условія, при которыхъ оно можетъ имѣть мѣсто; но вполнѣ разграничить этихъ понятій нельзя. Строго говоря, т. е. руководствуясь истинною логикою, мы должны признать, что непрерывно дѣйствующая причина и условія или обстоятельства, неизбѣжно вызывающія то или другое послѣдствіе, одинаково входятъ въ составъ причины. Я отдаю себѣ полный отчетъ въ значеніи причины, которую обыкновенно называютъ человѣческимъ умомъ и которую я называю общимъ человѣкомъ. Читатель могъ даже подумать, что я придаю исключительное значеніе только человѣческому уму. Но я принимаю во вниманіе всѣ причины, каждую однако въ своемъ мѣстѣ, ибо, особенно въ исторіи, нельзя игнорировать временныхъ вліяній. Они-то и составляютъ истинный

предметъ исторической науки. Признавать во всемъ единственную причину способности, таящіяся въ человѣческомъ умѣ, конечно очень удобно; но въ сущности это еще хуже, чѣмъ постоянно ссылаться на народный духъ, котораго мы сейчасъ коснемся. При помощи этого понятія легко разрѣшать всѣ вопросы, устранять всѣ препятствія, но бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и наука.

Если внѣшнія, матеріальныя обстоятельства, каковы разныя указанныя нами открытія, дѣйствуютъ такъ сильно, то потому что они по большей части находятся въ тѣсной связи съ постоянными потребностями человѣка или законами его ума. Этотъ взглядъ на дѣло, можетъ быть, доставить нѣкоторое утѣшеніе лицамъ; не охотно признающимъ дѣйствіе низменныхъ, на ихъ взглядъ, причинъ. Возвратимся къ нѣкоторымъ изъ изложенныхъ нами явленій, чтобы показать, что открытія оказываютъ свое благотворное вліяніе черезъ посредство общихъ законовъ. Я сказалъ, что распространеніе письменности должно было содѣйствовать распространенію и укрѣпленію симпатическихъ чувствъ. Но вѣдь эта мысль составляетъ только частное примѣненіе слѣдующаго общаго закона: нравственныя потребности развиваются подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, но главнымъ образомъ только путемъ ихъ удовлетворенія и упражненія. Указанныя мною послѣдствія изобрѣтенія фотографіи подчиняются тому же закону.

Я раздѣляю мнѣніе, высказанное нѣкоторыми учеными, что изобрѣтеніе рубанки должно было повліять на изобрѣтеніе книгопечатанія, потому что увеличило количество матеріала, пригоднаго для выдѣлки бумаги. Но что же въ концѣ концовъ дѣйствуетъ въ этомъ частномъ случаѣ? Дѣйствуетъ тотъ законъ, что желаніе или потребность усиливаются отъ воображаемой или дѣйствительной близости предмета ихъ удовлетворенія. Возьмемъ обратный примѣръ: распространеніе письменности повліяло очень выгодно на нравственность; это значитъ, что мошенничество затруднено, что предметы, вызывавшіе искушеніе, менѣе искушаютъ, потому что они труднѣе достижимы.

Значеніе разныхъ открытій, путемъ которыхъ факты и мысли заносятся на бумагу, каковы: рисунокъ, письмена, книгопечатаніе, состоитъ въ томъ, что они создаютъ неизмѣнную искусственную память, а память составляетъ необходимую основу высшихъ проявленій дѣятельности ума. Если открытіе снарядовъ, при помощи которыхъ измѣряются всевозможные предметы въ количественномъ отношеніи, также имѣло сильное вліяніе, то потому, что понятія тѣмъ легче воскресаютъ въ нашей памяти, чѣмъ

менѣе однородную массу ·они образуютъ въ нашемъ умѣ, чѣмъ лучше умъ различаетъ ихъ составныя части или моменты, подлежащіе счету, измѣренію, различенію. Эта работа прежде всего необходима памяти; затѣмъ она составляетъ и условіе всякаго сопоставленія, т. е. всякаго новаго открытія.

И такъ, открытія являются поистинѣ важными внѣшними условіями. Историческая задача ихъ заключалась въ томъ, чтобы раньше или позже преодолѣть естественныя условія, стѣсняющія человѣчество или обезсиливашія его, каковы: бесплодная почва, суровый климатъ и т. д. Ихъ вліяніе становится очевиднымъ, если вспомнить, что народы, живущіе въ такомъ неблагоприятномъ климатѣ, какъ климатъ Сѣверной Шотландіи или Норвегіи, достигли высокой степени цивилизаціи.

ГЛАВА XIII.

Психическія и соціальныя причины прогресса.

I.

О психическихъ причинахъ прогресса. — О прогрессѣ, вызываемомъ этими причинами.

Ребенокъ имѣетъ многоразличныя желанія. Онъ голоденъ, ему хочется пить, у него подъ вліяніемъ внутренняго броженія проявляется во всѣхъ членахъ потребность дѣятельности. Во всѣхъ его чувствахъ сказывается затаенная потребность упражненія. Если обратиться къ одному изъ этихъ чувствъ, какъ напр. къ чувству вкуса, предложивъ ему какой нибудь соблазнительный предметъ, напр. яблоко, то ребенокъ поглотитъ это яблоко съ величайшимъ наслажденіемъ. Второе яблоко доставить ему уже меньшее наслажденіе, а послѣ нѣсколькихъ съѣденныхъ яблокъ онъ совершенно перестанетъ испытывать вкусовое удовольствіе отъ яблока. По истеченіи болѣе или менѣе долгаго промежутка времени наслажденіе, которое было доставлено въ первый разъ яблокомъ, возродится почти съ такою же, но все-таки съ нѣсколько меньшей силою. То-же самое повторяется со всѣми нашими ощущеніями и впечатлѣніями. Новинка дѣйствуетъ на насъ всего сильнѣе; наслажденіе всегда и во всемъ ослабѣваетъ при каждомъ слѣдующемъ повтореніи. Чтобъ сохранить наслажденію испытанную уже преж-

нюю его степень, человекъ необходимо долженъ прибѣгать и въ самомъ дѣлѣ инстинктивно прибѣгаетъ къ одному изъ двухъ способовъ: онъ или искусственно создаетъ прежнему предмету обаяніе новизны, или же временно измѣняетъ направленіе своей дѣятельности. Хорошимъ образчикомъ перваго изъ этихъ способовъ можетъ служить кулинарное искусство. Другой образчикъ представляютъ намъ женщины, непрерывно стремящіяся придавать себѣ иной новый и слѣдовательно болѣе заманчивый видъ.

Второй способъ, заключающійся въ псперемѣнномъ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ стремленій и вожелѣній, охватываетъ болѣе широкую сферу. За удовольствіями стола могутъ слѣдовать удовольствія прогулки, пріятнаго разговора, удовлетвореніе тщеславія, честолюбія, любви или любознательности. Такимъ образомъ поддерживается почти безъ перерывовъ наслажденіе или, выражаясь точнѣе, эмоція, являющаяся конечной цѣлью нашихъ поступковъ и основною причиною волевыхъ импульсовъ.

Не разъ уже заявлялось, что еслибы вмѣсто пяти чувствъ у насъ имѣлось только одно и еслибы у насъ была одна лишь категорія эмоцій, то вся исторія человечества сложилась бы совершенно иначе. Несравненно меньше обращало на себя вниманія то обстоятельство, что еслибъ мы обладали тѣми-же чувствами, какъ и теперь, но такъ, что одинъ и тотъ же предметъ могъ бы намъ доставлять всегда одно и то же наслажденіе, однимъ словомъ, еслибъ не существовало закона относительности, по которому психическое состояніе, неизмѣняющееся съ теченіемъ времени, перестаетъ ощущаться, то мы наврядъ ли много подвинулись бы впередъ. Законъ этотъ однако существуетъ. Человекъ, испытавъ извѣстную степень эмоціи, старается ее сохранить или даже увеличить. Это является для него стимуломъ непрерывно разнообразить эмоцію въ качественномъ или въ количественномъ отношеніи, или же по крайней мѣрѣ въ условіяхъ ея проявленія и обстановки.

Перейдемъ теперь отъ сферы чувственной къ интеллектуальной сферѣ.

Все, что мы уже видѣли, находить въ нашемъ умѣ словно распахнутую уже борозду, проторенную тропу, дорожку, по которой оно доходитъ до сознанія съ меньшимъ трудомъ для насъ и меньшимъ искаженіемъ для себя самого.

Вслѣдствіе этого человекъ въ силу того уже факта, что живетъ, и безъ всякаго воздѣйствія личной его воли становится съ одной стороны менѣе воспримчивымъ къ эмоціямъ, а съ другой—пріобрѣтаетъ болѣе точное представленіе о внѣшнемъ мірѣ, становится болѣе свѣдущимъ. Этимъ исчерпывается однако еще

не все. Могущество повторенія проявляется подобнымъ же образомъ въ области мышечныхъ движеній. Они воспроизводятся все съ меньшимъ для насъ трудомъ, такъ что ихъ координація, т. е. цѣлесообразность сочетанія различныхъ ихъ моментовъ, происходитъ подъ конецъ съ изумительной легкостью, быстрою и точною. Піанистъ можетъ играть весьма сложные этюды для обѣихъ рукъ, читая при этомъ книгу и вовсе не думая объ управленіи своими пальцами. Оно происходитъ у него какъ бы инстинктивно. Дѣйствительно, между инстинктомъ и привычкою замѣчается существенное сходство.

II.

Индивидуальный прогрессъ.—Соціальный прогрессъ и его характеръ.—Преданіе и подражаніе, какъ причины соціальнаго прогресса.—Великій цѣль народовъ, въ которомъ ярко выразилось ихъ дѣйствіе.—Причины или силы, вліяющія на преданіе и подражаніе.

Отдѣльная личность обладаетъ такимъ образомъ стимулами къ прогрессу, неразрывно связанными съ самымъ ея существованіемъ. Прогрессъ этотъ является временнымъ, если можно такъ выразиться, пожизненнымъ. Онъ исчезаетъ со смертію своего носителя. Такъ кажется по крайней мѣрѣ по внѣшности.

Предположимъ теперь, что кѣмъ-нибудь сдѣланъ предметъ, способный сохраниться втеченіе нѣкотораго времени, напр. изготовленъ лукъ; предметъ этотъ можетъ пережить своего творца. Прогрессъ въ этомъ случаѣ принимаетъ уже иной характеръ, а именно пріобрѣтаетъ способность передаваться отъ одного чловѣка къ другому. Въ постоянно обновляющемся обществѣ людей, продолжающихъ дѣйствовать уже по тому самому, что они живутъ, предметы, непотребляемые безотлательно и способные сохраняться втеченіе болѣе или менѣе долгаго времени, могутъ послѣдовательно накапливаться. Общественный, сверхъ-индивидуальный прогрессъ является поэтому сперва въ формѣ накопленія полезныхъ вещей.

Лукъ, взятый нами въ качествѣ примѣра, не только полезенъ самъ по себѣ, но служитъ выѣстъ съ тѣмъ также образцомъ для подражанія. Въ немъ воплощены идеи извѣстныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Онъ — результатъ опыта, пріобрѣтеннаго относительно свойствъ разныхъ другихъ предметовъ. Догадливый умъ можетъ усвоить себѣ эти идеи и этотъ опытъ и съ помощью ихъ изготовить почти такой же лукъ. Въ боль-

шинствѣ случаевъ ему помогаютъ однако объясненія и живой примѣръ того, кто сдѣлалъ первый лукъ. Мы имѣемъ здѣсь великое основное явленіе, чрезвычайно мѣтко названное преданіемъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно имѣетъ двѣ стороны: преданіе въ тѣсномъ значеніи этого слова и подражаніе.

Рѣшительно все можетъ служить предметомъ подражанія: приемы изготовленія гончарныхъ издѣлій, способы заключенія браковъ и воспитанія дѣтей, способы одѣваться и причесывать голову, преклоняться передъ божествомъ, выговаривать то или другое слово. Все можетъ передаваться преданіемъ, начиная съ вѣрованія, охватывающаго всю вселенную, какъ одно цѣлое, и кончая знаніемъ какой нибудь самой мелочной практической подробности.

Молодое поколѣніе нарождается и растетъ въ какой-либо странѣ подъ сѣнью уже взрослыхъ поколѣній. Каждый изъ молодежи вынужденъ подражать во всемъ существенномъ своимъ предшественникамъ. Дѣти всюду получаютъ такъ или иначе нѣкоторое воспитаніе. Когда молодой человѣкъ становится взрослымъ, онъ оказывается прежде всего подъ властью общественнаго мнѣнія, а затѣмъ также и правительственныхъ предписаній. Онъ принуждается къ подражанію давленіемъ педагогическимъ, политическимъ и социальнымъ.

Въ виду трудности представлять себѣ вещи иначе, чѣмъ ихъ видишь, взрослый человѣкъ выполняетъ подъ конецъ съ сознательнымъ убѣжденіемъ то, что было съ его стороны сперва лишь вынужденнымъ подражаніемъ.

Необходимо замѣтить, что рядомъ съ добровольнымъ подражаніемъ общепринятымъ образцамъ процвѣтаетъ также индивидуальное подражаніе, при которомъ берутъ себѣ образцомъ какую либо отдѣльную личность. Подражаніе индивидуальнымъ образцамъ играетъ въ исторіи громадную роль. Преобладающее его вліяніе явственно сказывается въ искусствахъ и наукахъ, но обнаруживается и въ иныхъ сферахъ. Цезарь бралъ себѣ за образецъ Александра Македонскаго, а Наполеонъ I вдохновлялся, смотря по обстоятельствамъ, примѣромъ Цезаря, Карла Великаго и Фридриха. Такимъ образомъ копируется рѣшительно все, начиная съ величія души и заканчивая лентами дамской шляпки.

Можно опредѣлить общество, какъ собраніе людей, взаимно принуждающихъ другъ друга подражать установленнымъ образцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подражающихъ каждый особымъ, лично излюбленнымъ образцамъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подражаніе ограничивалось рамками группы. Многое было передано однимъ народомъ другому. Можно задать себѣ даже вопросъ: существовала ли гдѣ-либо цивилизація, ничего не за-

имствовавшая отъ сосѣдей? Вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ лишь по отношенію къ четыремъ или пяти народамъ, а именно египтянамъ, ассирійцамъ, китайцамъ, ацтекамъ и древнимъ перуанцамъ. Каждый изъ этихъ народовъ является въ исторіи уже объединившимся, но можно съ величайшей достовѣрностью предположить, что они образовались путемъ сліянія нѣсколькихъ народностей подъ гегемоніей одной изъ нихъ. До этого сліянія долженъ былъ происходить процессъ взаимнаго заимствованія и подражанія. Въ этотъ-то именно плодотворный періодъ повидимому и народилась у нихъ цивилизація. Очень можетъ быть даже, что послѣ объединенія она уже и не дѣлала особенно большихъ успѣховъ. По крайней мѣрѣ для такого изумительнаго на первый взглядъ историческаго явленія, какъ египетская культура, это почти уже доказано. Сооруженія, сохранившіяся отъ временъ первыхъ династій, оказываются почти во всѣхъ случаяхъ лучше позднѣйшихъ памятниковъ. Мы не замедлимъ объяснить этотъ повидимому странный фактъ.

За исключеніемъ упомянутыхъ пяти народовъ, цивилизація у всѣхъ остальныхъ, которые извѣстны намъ сравнительно лучше, безспорно дѣлала у сосѣдей весьма существенныя заимствованія. Перейдемъ же теперь къ явленію, представляющему наиболѣе крупнымъ въ исторіи *случайностей*.

Среди множества историческихъ народовъ мы видимъ цѣлую группу, какъ бы объединенную общей участью, а именно группу западныхъ народностей. Въ этомъ циклѣ, который, начиная съ Ассиріи и Египта, проходитъ черезъ Грецію, Римъ, Францію, Англію, Америку и смыкается въ Германіи и Россіи, струится одинъ и тотъ же токъ цивилизаціи. Мы всѣ, принадлежащіе къ этому циклу, оказываемся въ концѣ концовъ потомками и наслѣдниками Египта, Греціи и Рима.

Отъ нихъ къ намъ можно прослѣдить неразрывную цѣпь преемственной передачи несмѣтнаго множества въ высшей степени важныхъ и вліятельныхъ вещей: тесло плотника, лодка рыбака, азбука, статуя, храмъ, формы договоровъ, построеніе драматическихъ пьесъ; я привожу примѣры на удачу. Этотъ великій циклъ цивилизаціи представляется какъ бы опытомъ, смыслъ котораго необходимо себѣ уяснить. Всматриваясь въ этотъ грандіозный опытъ съ разнообразнѣйшихъ точекъ зрѣнія, можно каждый разъ сдѣлать какой-нибудь новый важный выводъ. Однимъ изъ такихъ существенныхъ выводовъ является слѣдующій: члены этого великаго цикла связаны другъ съ другомъ не кровнымъ родствомъ, а подражаніемъ.

Параллельно и въ противоположность этой группѣ укажемъ на

Китай, лежащій отъ нея далеко въ сторонѣ и повидимому въ меньшей степени чѣмъ другія націи подражавшій чужеземцамъ. На его сторонѣ имѣлось несомнѣнное преимущество развитія чисто мѣстнаго (безъ дальнихъ переселеній), происходившаго если не съ абсолютными, то во всякомъ случаѣ исключительно выгодными условіями непрерывности, послѣдовательности и безопасности. Всѣ перевороты въ Китаѣ были, если можно такъ выразиться, только поверхностными. Покореніе его чужеземцами оказывалось скорѣе номинальнымъ и оффиціальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Между тѣмъ по сравненію съ западной цивилизаціей, развитіе которой подвергалось крупнымъ перерывамъ (напр. съ 500-го по 1000-ый годъ христіан. эры) цивилизація въ Китаѣ представляется стоящею на гораздо низшей степеніи развитія. Западную культуру можно назвать великою, а китайскую малою.

Китаецъ принадлежитъ, положимъ, къ желтой расѣ, но вѣдь индусъ нашъ братъ, индогерманецъ. Онъ тоже мало заимствовалъ у чужеземцевъ, а потому достигъ, подобно китайцу, только малой цивилизаціи.

Можно заранѣе допустить предположеніе о возможности болѣе легкаго подражанія для нѣкоторыхъ вещей. Такія вещи распространяются скорѣе и въ болѣе широкомъ кругѣ. Это подтверждается даже поверхностнымъ наблюденіемъ, причемъ повидимому выясняется слѣдующій законъ: распространеніе какой либо вещи прямо пропорціонально ея интересу для обыденнаго человѣка; оно обратно пропорціонально трудностямъ обученія пользованію этой вещью и также обратно пропорціонально географическому разстоянію отъ мѣста изобрѣтенія (что представляетъ собою въ сущности тоже одинъ изъ видовъ упомянутой трудности). Въ качествѣ попытки доказательства можно было бы, пожалуй, сослаться на заявленіе соціологовъ о томъ, что скорѣе всего народы перенимаютъ другъ у друга разные снаряды, а среди нихъ прежде всего оружіе (замѣчу кстати, что это обусловливается преобладающимъ дѣйствіемъ экономического закона безотлагательности).

Соціологи замѣчаютъ также, что народы при отсутствіи хорошо организованной духовной іерархіи довольно легко перенимаютъ другъ у друга приемы волшебства, релігіозные обряды и особыя формы релігіознаго поклоненія. Извѣстно, что восточные релігіозные обряды распространились въ Греціи и что нѣкоторые изъ нихъ привились въ Римѣ. Само по себѣ это легко объяснимо, такъ какъ новосвѣрованіе не требуетъ ни малѣйшей подготовки. Иное дѣло азбука, напр. финикійская, или же система письмен-

ной нумераціи, какъ напр. такъ назыв. арабскія цифры. Распространеніе ихъ идетъ гораздо медленнѣе, такъ какъ еще и въ настоящее время можно встрѣтить въ цивилизованныхъ странахъ немало людей, для которыхъ изобрѣтенія эти какъ будто не существуютъ. Очевидно, что безъ принудительнаго воздѣйствія со стороны родителей или школы на ребенка такіа изобрѣтенія стали бы распространяться еще медленнѣе.

Исходя изъ двухъ очаговъ ассирійскаго и египетскаго, цивилизація послѣдовательно сообщилась сперва азіатской, потомъ европейской Греціи, откуда уже перешла въ Италію и т. д. Она распространялась поэтому такъ, какъ еслибъ была чѣмъ нибудь матеріальнымъ, физическимъ. Разстояніе оказываетъ на нее замѣтное вліяніе. Она подчиняется закону сосѣдства. Кажущіяся исключенія только подтверждаютъ этотъ основной принципъ. Если гдѣ нибудь вдали вспыхиваетъ яркій очагъ, въ то время какъ болѣе близкое сосѣдство окутано еще мракомъ, то это обусловливается сравнительно большими удобствами морского пути. Разстоянія на морѣ и на сушѣ очевидно — двѣ величины различныя. По поводу этого распространенія цивилизаціи высказывались довольно странныя теоріи. Утверждали, будто движеніе солнца повліяло на движеніе культуры. На самомъ дѣлѣ въ движеніи культуры нѣтъ ничего таинственнаго. Все происходило какъ нельзя болѣе просто. Цивилизація является прежде всего совокупностью матеріальныхъ изобрѣтеній. Разумѣется, къ нимъ прибавляется также и многое нематеріальное, но эти прибавленія совершаются позже и обусловливаются наличностью матеріальной основы. Носителями идей являются люди и книги. Поэтому даже для передачи идей необходимо перевезти нѣчто матеріальное изъ одного мѣста въ другое. Вещественныя причины естественно подчиняются законамъ вещественнаго движенія. Съ другой стороны попытка сообразовать фактъ распространенія цивилизаціи съ теоріей такъ называемаго національнаго духа должна неизбѣжно привести къ нелѣпости.

Небезынтересно будетъ сдѣлать при этомъ еще нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній: азіатская, а затѣмъ также и европейская Греція расположены географически въ промежуткѣ между двумя первоначальными центрами культуры (Ассиріей и Египтомъ). Подобно тому, какъ рѣка, образовавшаяся изъ сліянія двухъ притоковъ, многоводнѣе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, греческая цивилизація должна была повидимому сдѣлаться уже вслѣдствіе упомянутыхъ географическихъ условій шире египетской и ассирійской. Арабская цивилизація представляетъ тоже весьма поучительную черту. Она развилась съ необычайною бы-

стротою по крайней мѣрѣ по отношенію къ наукѣ (см. гл. XIX). Невольно съ этимъ приходится сопоставить проявившуюся у этого народа особенность. Въмѣсто того, чтобы, подобно другимъ народамъ, сидѣть у себя дома, постепенно воспринимая то, что могли бы принести ему чужеземцы, арабы массами передвинулись въ страны, проникнутыя греческой цивилизаціей.

III.

Сходство, возникшее самостоятельно и вызванное подражаніемъ.—Разногласіе Спенсера и Тарда.

Сходство образа дѣйствій обнаруживается зачастую у особей, значительно отдаленныхъ другъ отъ друга въ пространствѣ или во времени и не имѣющихъ другъ о другѣ никакихъ свѣдѣній. Въ такихъ случаяхъ разумѣется не можетъ быть и рѣчи объ умысленномъ сходствѣ, т. е. подражаніи. Такое сходство, которое мы будемъ называть самостоятельнымъ, очевидно вытекаетъ изъ одинаковости психическихъ элементовъ, дѣйствовавшихъ подъ давленіемъ одинаковыхъ условій. Можно привести слѣдующій наглядный примѣръ: дикари въ Океаніи, въ американскихъ преріяхъ и въ африканскихъ лѣсахъ оказываются въ одинаковой степени охотниками по той простой причинѣ, что имъ всеѣмъ надо ѣсть, а они между тѣмъ не обзавелись еще домашними животными и растеніями.

Существованіе самостоятельнаго сходства на ряду съ подражательнымъ зачастую ставитъ историка въ затрудненіе узнать, съ которымъ именно изъ нихъ онъ имѣетъ дѣло. Это весьма характерно иллюстрируется разногласіемъ между Спенсеромъ и Тардомъ. Въ превосходномъ своемъ сочиненіи о подражаніи и его значеніи Тардъ приписываетъ все, что встрѣчается сходнаго у различныхъ народовъ исключительно подражанію и совершенно игнорируетъ самостоятельное сходство, которому Спенсеръ напротивъ того отводитъ весьма широкую роль въ исторіи культуры.

Весьма многія установленія кажутся намъ несомнѣнно имѣющими характеръ самостоятельнаго сходства. Въ большинствѣ случаевъ они принадлежатъ къ числу первичныхъ и основныхъ. Таковы напр. установленія частной собственности, движимой и недвижимой, договоры о куплѣ и продажѣ, о займахъ, различныхъ формы мѣны и торговли, умыканіе и покупка женъ, строй семейной жизни, огражденіе власти отца и мужа, помолвка, административныя и военныя установленія по крайней мѣрѣ въ

первобытныхъ своихъ формахъ, принудительное вліяніе общественнаго мнѣнія и оказаніе взаимной помощи, первыя попытки ремеслъ и даже изящныхъ искусствъ, первыя религіозныя представленія, какъ напр. о привидѣніяхъ,—все это кажется возникало вездѣ самобытно, безъ взаимнаго подражанія на тождественной почвѣ потребностей и умственныхъ способностей. (См. «Соціологію» Спенсера).

Нѣкоторые весьма спеціальныя случаи сходства, обнаруживающіеся въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ при условіяхъ, исключающихъ возможность подражанія, могутъ несомнѣнно казаться изумительными. Таковы напр. постановленія о прелюбодѣянніи въ законахъ Августа и китайскихъ богдыхановъ (бракъ съ измѣнившей женой расторгается; мужу запрещается прощать измѣнницу; въ противномъ случаѣ законъ смотритъ на него какъ на попустителя). Такія неожиданныя соотвѣтствія свидѣлствуютъ о значительности дѣйствія самостоятельнаго сходства.

Съ другой стороны многія установленія несомнѣнно вызываютъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ихъ признать самостоятельными или возникшими путемъ подражанія. Въ качествѣ примѣра можно привести деньги, въ особенности металлическія, волшебство, воздѣлываніе растений и прирученіе животныхъ. Можно привести въ этихъ случаяхъ много доводовъ за и противъ самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что множество изобрѣтеній, орудій производства, идей, практическихъ пріемовъ, обрядовъ и обычаевъ исходили изъ одного центра и, постепенно распространяясь, усваивались весьма отдаленными народами. Сторонникамъ теоріи національнаго духа не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ способъ усвоенія культуры.

IV.

Подражаніе внутреннее и ви́шнее. — Значительныя препятствія, которыя могутъ ставиться прогрессу первымъ изъ нихъ, т. е. внутреннимъ подражаніемъ. — Примѣры ви́шняго подражанія, вызваннаго въ однихъ случаяхъ эконоическимъ стимуломъ, а въ другихъ стимуломъ чести. — Обѣ эти категоріи подражанія вызываются одна другой. — Гипотетическій законъ, опредѣляющій, которой именно категоріи принадлежитъ въ данномъ случаѣ первый починъ. — Вынужденное подражаніе и социальный механизмъ вводятъ въ исторію много элементовъ случайности.

Гаса, какъ это будетъ выяснено впослѣдствіи, не представляетъ собой осязательной реальности. Если, сообразуясь съ рациональнымъ методомъ, временно отказаться отъ примѣне-

нія такой смутной идеи (здѣсь не говорится объ окончательномъ отъ нея отреченіи), то причины, объясняющія фактъ существованія данной цивилизаціи, придется искать лишь въ обстоятельствахъ, вліявшихъ на ея развитіе. Однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и можетъ быть даже самымъ вліятельнымъ изъ нихъ окажется въ такомъ случаѣ внѣшнее подражаніе.

Это положеніе высказывается здѣсь въ качествѣ не аксіомы, а гипотезы, для которой возможна лишь приблизительная проверка, неудобоосуществимая, какъ мнѣ кажется, путемъ индуктивнаго метода. Общіе психологическіе принципы надежнѣе приведутъ здѣсь къ желаемой цѣли.

Сравнимъ съ психологической точки зрѣнія внутреннее подражаніе съ внѣшнимъ. Первое изъ нихъ, какъ уже упомянуто, является стимуломъ прогресса. Сохраненіе сдѣланной вещи или идеи, позволяющей вновь изготовить эту вещь, сохраненіе пріемовъ и способовъ производства, вѣрованій, воззрѣній и обычаевъ обуславливаетъ возможность накопленія какъ полезныхъ вещей, такъ и знаній, вызывающихъ совмѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ улучшеніе общественнаго быта. Принципъ сохраненія и прогрессъ оказываются до извѣстнаго предѣла тождественными; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что существуетъ рубежъ, за которымъ традиція, внутреннее подражаніе препятствуютъ прогрессу.

Традиція зачастую принимаетъ властный, деспотическій характеръ, и подражаніе доходитъ до полнѣйшаго, рабскаго подчиненія. Оно доходитъ до того, что цѣлый народъ придерживается относительно даннаго художественнаго, литературнаго, или этического вопроса совершенно одинаковыхъ воззрѣній и думаетъ весь, какъ одинъ человѣкъ. Водворившееся такимъ образомъ единодушное воззрѣніе можетъ сохраняться неизмѣннымъ, передаваясь изъ рода въ родъ, и тогда цѣлый рядъ поколѣній, разсматриваемый историкомъ и заключающій въ себѣ милліоны или даже милліарды людей, окажется думавшимъ, какъ одинъ человѣкъ. Допустимъ, что находящійся въ такихъ условіяхъ народъ имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ сношеній съ иностранцами, такъ что онъ ничему отъ нихъ не учится. Подобный народъ оказался бы приблизительно въ положеніи одиночнаго человѣка, избѣгающаго общества другихъ людей и отстранившаго отъ себя благотѣльное вліяніе противорѣчія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такой человѣкъ сталъ бы развиваться плохо.

Причины, вызывающія съ одной стороны традицію, а съ другой подражаніе, принадлежатъ къ числу весьма могущественныхъ.

Передавая сокровища своего опыта молодому поколѣнію, старѣйшее поколѣніе руководится не только личнымъ сочувствіемъ, но также привязанностью къ своей семьѣ, кастѣ и націи, а наконецъ личнымъ и коллективнымъ честолюбіемъ. Каждый такой учитель убѣжденъ, что преподаетъ ученику то, что есть лучшаго. Отвергнуть преподаваемое имъ было бы равносильно отрицанію его мудрости, а потому носило бы въ его глазахъ характеръ непростительнаго оскорбленія. Представитель юнаго поколѣнія въ свою очередь подражаетъ, руководясь чувствами привязанности, благодарности, уваженія къ родителямъ и почтенія къ старшимъ. Ко всему этому надо присовокупить вліяніе впечатлѣній дѣтства, привычку видѣть всегда одно и то же, порождающую неспособность даже и представить себѣ что нибудь иное, и наконецъ вліяніе родового и національнаго тщеславія, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ особенности умственную лѣнь, столь обычную и могущественную у обыкновенныхъ смертныхъ.

Подражаніе иноземцамъ безъ сомнѣнія сопряжено съ нѣкоторыми опасностями, но дѣйствіе ихъ не распространяется на долгіе періоды времени. Подражаніе это можетъ быть нераціональнымъ, т. е. относиться къ чему либо несоотвѣтственному. Въ такомъ случаѣ однако неумѣстное заимствованіе исчезаетъ сравнительно скоро. Громадное преимущество внѣшняго подражанія заключается въ полнѣйшей его свободѣ. Оно не освящено никакими традиціями и не подкрѣпляется мѣстными авторитетными вліяніями. Напротивъ того эти вліянія склонны ему противодѣйствовать. Существуетъ полная возможность измѣнять внѣшнее заимствованіе, приспособляя его такъ или иначе по личному усмотрѣнію. Если оно въ концѣ концовъ прививается, то именно лишь потому, что опытъ выяснилъ его полезность. Несравненно выше спеціальныхъ и опредѣленныхъ выгодъ, доставляемыхъ внѣшнимъ подражаніемъ, надо поставить однако общее его воздѣйствіе, заключающееся въ нарушеніи однообразія возрѣвій и въ опроверженіи пагубнаго для прогресса убѣжденія въ мудрости предковъ.

Одни изъ историческихъ народовъ могутъ быть названы доступными, а другіе недоступными внѣшнему подражанію. Фактъ этого различія оказывается повидимому несравненно дѣйствительнѣе расовыхъ различій.

Тѣмъ не менѣе можно охотно согласиться, что сущность вопроса остается неисчерпанной. Надлежало бы выяснить, отчего одинъ народъ былъ невоспріимчивъ, а другой воспріимчивъ къ внѣшнему подражанію. Точно также и относительно внутрен-

ного подражанія, какъ добровольнаго, такъ и вынужденнаго, остается открытымъ вопросъ, почему именно подражаніе примѣнялось къ такимъ-то дѣйствіямъ, а не къ другимъ и отчего принужденіе оказывалось въ однихъ случаяхъ успѣшнымъ, а въ другихъ безуспѣшнымъ. Сколько можно судить, такіе вопросы не допускаютъ одного общаго для всѣхъ рѣшенія. Въ каждомъ данномъ случаѣ представляется особая задача, въ условія которой входитъ такая значительная примѣсь случайности, что самое рѣшеніе приобретаетъ характеръ только приблизительный.

Тардъ совершенно справедливо замѣтилъ, что, подражая чужому образу дѣйствій, человѣкъ руководится надеждой извлечь изъ этого выгоду. Такъ напр., видя прирученіе дикой лошади, онъ пытается сдѣлать то же самое, рассчитывая, что это будетъ для него выгодно. Зачастую однако подражаютъ во всемъ человѣку, оказавшемуся удачливымъ въ чемъ либо одномъ или же обладающему особенными личными или общественными качествами. Такъ напримѣръ, подражаютъ порядкамъ, установленнымъ въ семьѣ человѣкомъ, удачно распорядившимся своимъ имуществомъ. Вообще существуетъ склонность подражать богатымъ и вліятельнымъ людямъ, государямъ, министрамъ, знаменитымъ художникамъ и ученымъ въ мелкихъ, ничтожныхъ поступкахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ преимуществамъ, вызывавшимъ это подражаніе. Существуетъ поэтому подражаніе, вызываемое внутренними существенными причинами, и наносное подражаніе, обусловленное вѣшными причинами *).

Народы, какъ и отдѣльныя личности, склонны къ наносному подражанію, а потому предшествовавшія замѣчанія оказываются примѣнимыми и въ сферѣ историческихъ изслѣдованій. Крупные военные или политическіе успѣхи какого либо народа надъ сосѣдями часто побуждали этихъ послѣднихъ подражать не только его военнымъ или политическимъ учрежденіямъ (что было бы подражаніемъ по существу дѣла), но также его литературѣ, искусству, обычаямъ и даже модамъ. За время испанскаго преобладанія въ Европѣ при Карлѣ V и Филиппѣ II Франція многимъ позаимствовала отъ Испаніи. Послѣ битвы при Рокруа при кардиналѣ Мазарини и Людовикѣ XIV Франція застнула мѣсто Испаніи въ качествѣ какъ преобладающей державы, такъ и законодательницы моды. Послѣ сраженія подъ Ватерлоо французы начали заимствовать отъ англичанъ идеи, обычаи и слова, подобно тому какъ дѣлали это уже при Людовикѣ XV, когда обна-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что Бэджхотъ ранѣе Тарда высказалъ въ юмористической и отчасти даже парадоксальной формѣ приблизительно ту же мысль.

ружился политическій и военный упадокъ Франціи сравнительно съ Англіей, торжествовавшей на моряхъ и расширявшей свои колоніи. Точно такъ же и въ наше время признавалось до 1870 г. лишь въ нѣкоторыхъ кружкахъ за нѣмцами преимущество въ научной эрудиціи. Послѣ франкопрусской войны преимущество это стало признаваться всѣми и подражаніе всему нѣмецкому сдѣлало большіе успѣхи.

Наоборотъ, были случаи, когда побѣдители подражали побѣжденнымъ. Такъ Римъ бралъ себѣ за образецъ Грецію. Италія въ XVI вѣкѣ, не смотря на политическое свое ничтожество, служила для нѣмцевъ, испанцевъ и французовъ въ многоразличнѣйшихъ отношеніяхъ школою. Интересно уяснить себѣ, на какіе именно предметы и дѣйствія направлялось сперва подражаніе. Повидимому въ указанныхъ двухъ примѣрахъ побѣдители отдали прежде всего предпочтеніе предметамъ и обычаямъ, дѣлавшимъ существованіе удобнѣе, пріятнѣе, сообщавшимъ ему больше блеска и оживленія, а потому заимствовали отъ побѣжденныхъ одежду, домашнюю утварь, архитектурный стиль публичныхъ и частныхъ зданій, организацію празднествъ, и т. п. Подчинившись обаянію преимущества въ этихъ сферахъ, они стали подражать и болѣе серьезнымъ вещамъ, цѣнность которыхъ почувствовали лишь позднѣе, когда уже пользовались ими. Такимъ образомъ обѣ формы подражанія: вызываемыя внутренними и внѣшними причинами, встрѣчаются, пожалуй, и здѣсь, хотя быть можетъ и въ обратномъ порядкѣ.

Изъ вышесказаннаго можно вывести слѣдующее важное заключеніе: для народовъ вовсе не безразлично имѣть тѣхъ или другихъ сосѣдей. Ходъ развитія культуры какого либо народа много зависитъ отъ того, живутъ ли на его границахъ цивилизованныя націи или же дикія племена. Очевидно, что тотъ или другой характеръ сосѣдей является дѣломъ случая, неимѣющимъ никакого соотношенія съ прирожденными качествами народа и гениемъ его расы. Если китайцы съ незапамятныхъ временъ были окружены сравнительно болѣе варварскими народами, тогда какъ грекамъ пришлось сперва столкнуться съ народами, превосходившими ихъ развитіемъ, то это не можетъ быть поставлено ни тѣмъ, ни другимъ въ вину или заслугу. Все тутъ сводится къ случаю, благопріятному для однихъ и неблагопріятному для другихъ.

Кромѣ этой, если можно такъ выразиться, географической случайности, есть также случайность біографическая, обусловленная личными свойствами политическаго или религіознаго вождя, обладавшаго, благодаря своему положенію, возможностью вліять

на народъ и такимъ образомъ склонившаго или принудившаго его подражать опредѣленнымъ поступкамъ, тогда какъ другой на его мѣстѣ сталъ бы, пожалуй, дѣйствовать въ совершенно противоположномъ направленіи. Каждому безъ сомнѣнія извѣстно значеніе Петра Великаго для Россіи. Къ этому блестящему примѣру можно было бы присоединить примѣръ первыхъ прусскихъ королей, сдѣлавшихъ изъ Пруссіи централизованное въ административномъ отношеніи военное государство, по образцу Франціи Людовиковъ XIV и XV.

При этомъ умѣстно будетъ вспомнить о существованіи вынужденнаго подражанія.

Такія установленія, какъ правительство, административный строй, армія, бѣлое духовенство, судебное вѣдомство, монашескіе ордена и ремесленные цехи являются словно машинами, захватывающими человѣка и превращающими его самого въ зубчатое колесо. По мѣрѣ того, какъ общество цивилизуется, различныя установленія умножаются (до извѣстнаго предѣла, за которымъ число ихъ начинаетъ убывать). вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе каждаго такого установленія становится болѣе правильнымъ, могущественнымъ. Тогда создается такое положеніе, въ силу котораго одинъ человѣкъ располагаетъ коллективными силами общества, а по тому самому можетъ вліять на участь народа и даже судьбы всего человѣчества. Римскій императоръ во второмъ вѣкѣ христіанской эры несомнѣнно занималъ такое положеніе. Представимъ себѣ, что Китай, подражая Европѣ, обзаведется арміей въ 20 милліоновъ солдатъ, снабженныхъ ружьями и пушками самаго усовершенствованнаго образца. Если тогда на китайскомъ престолѣ будетъ возсѣдать воинственный и предприимчивый императоръ, то несомнѣнно, что такая біографическая случайность окажется не безъ вліянія на судьбы всего человѣчества.

Необходимо отмѣтить, что до извѣстнаго предѣла возрастаніе цивилизаціи приводитъ къ доставленію отдѣльной личности громаднаго вліянія на судьбу его ближнихъ.

Было бы неумѣстно утверждать, что фактъ вліянія могучихъ отдѣльныхъ личностей оказывается, вообще говоря, благопріятствующимъ прогрессу. Всякое такое обобщеніе оказалось бы слишкомъ смѣлымъ *). Позволительно сказать только, что вліятельная отдѣльная личность можетъ быть и крайне консервативной, и склонной къ новшествамъ, тогда какъ общественное мнѣніе за рѣдкими исключеніями, о которыхъ будетъ упомянуто

*) Можно было бы привести множество случаевъ, когда отдѣльныя личности значительно способствовали дѣлу прогресса. Укажемъ хотя-бы напр. на римское право.

въ своемъ мѣстѣ, большею частью враждебно прогрессу. Въмѣшательство великихъ личностей въ судьбы народовъ въ той своей части, которая всего болѣе интересуется спеціалиста-историка, представляется наименѣе благопріятной темой для историческаго изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что крупный историческій дѣятель въ качествѣ отдѣльной личности ускользаетъ отъ научныхъ обобщеній и разыгрываетъ роль причины, нарушающей правильный ходъ событій.

Съ той минуты, когда правительственная власть, одержавъ верхъ надъ всѣми соперничающими силами, совершенно подчинить себѣ націю, въ нѣдрахъ ея начинаютъ зарождаться новыя силы, стремящіяся оспаривать это преобладаніе. Среди цивилизованныхъ европейскихъ народовъ все болѣе обнаруживается теченіе идей и вещей, побуждающее правительственную власть сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, такъ что оба эти дѣйствія почти совмѣщаются. Относительно правительственной власти общественное мнѣніе является возрастающей силой, по отношенію же къ отдѣльной личности сила эта, кажется, напротивъ того какъ бы убываетъ. Отдѣльная личность все болѣе освобождается отъ необходимости рабскаго подчиненія воззрѣніямъ, которыя становятся уже вслѣдствіе процесса обобщенія все менѣе опредѣленными. Впрочемъ въ окончательномъ результатѣ оказывается, что человѣкъ и теперь подражаетъ не меньше, чѣмъ прежде. По крайней мѣрѣ нельзя доказать, чтобы стремленіе къ подражанію у него ослабѣвало. Ослабленіе принудительной силы общественнаго мнѣнія позволяетъ ему зато подражать, кому заблагоразсудится. Такимъ образомъ все болѣе развивается подражаніе добровольно избраннымъ образцамъ.

Обсуждая политическія событія, историки склонны игнорировать силу общественнаго механизма, управляемаго отдѣльными личностями. Они не хотятъ допустить, чтобы цѣлый народъ могъ быть принужденъ къ чему либо однимъ человѣкомъ и приписываютъ національному духу, т. е. совокупности прирожденныхъ національныхъ достоинствъ и недостатковъ то, что было на самомъ дѣлѣ обусловлено единоличною волей, имѣющей въ своемъ распоряженіи механизмъ, способный дѣйствовать съ непреодолимою силой. Многіе писатели между прочимъ расположены видѣть своеобразную черту французскаго генія въ политической зависимости, характеризовавшей исторію Франціи съ XIV-го по XVIII-ое столѣтія, и въ долгой дремотѣ французскихъ представительныхъ учреждений. Утверждаютъ, что англичане ни за что бы не поступились такимъ образомъ своею свободой. Утвержденіе это, однако, окажется совершенно голословнымъ, если мыс-

ленно наградить англичанъ французскимъ общественнымъ механизмомъ. На это можно, пожалуй, возразить, что самый фактъ существованія иного механизма свидѣтельствуєтъ о неодинаковости національнаго духа. Такое заключеніе пришлось бы однако признать до чрезвычайности смѣлымъ уже въ виду различія историческихъ судебъ Англіи и Франціи. Если бы Англія находилась по отношенію къ Шотландіи *) втеченіе цѣлаго столѣтія на положеніи полузавоеванной страны подъ угрозой полнаго покоренія, то общественный англійскій механизмъ сложился бы совершенно иначе. (См. гл. XIX).

Установленія опредѣляются предшествующими событіями и въ свою очередь оказываютъ принудительное вліяніе на послѣдующую народную жизнь. Само собой разумѣется, что событія, изъ которыхъ складывается біографія народа, отчасти вызываются дѣйствіемъ самого этого народа, но они въ значительной степени также обусловлены дѣйствіями сосѣднихъ народовъ и являются результатами случайности, ускользающей отъ всякихъ расчетовъ и вычисленій.

Сравнивая двѣ народности или двѣ отдѣльныхъ личности, позволительно приписать различіе между ними прирожденнымъ свойствамъ лишь въ томъ случаѣ, если было выполнено весьма существенное условіе, а именно, если оба эти народа или обѣ личности имѣли вполнѣ тождественныя біографіи.

Чѣмъ сильнѣе роль подражанія, вынужденнаго согласія въ народныхъ массахъ, чѣмъ большее обаяніе оказываетъ на нихъ отдѣльная личность, тѣмъ сильнѣе становится въ историческихъ судьбахъ народа примѣсъ случайности, которая всегда пропорціональна роли чисто-личнаго элемента. Отсюда вытекаетъ, что всѣ явленія политической исторіи: войны, договоры, измѣненія въ законодательствѣ и т. п. носятъ чрезвычайно рѣзко выраженный отпечатокъ случайности, измѣняющійся однако въ зависимости отъ формы правленія. Вліяніе случайности ослабѣваетъ съ ослабленіемъ произвола. Политическая свобода, особенно же при демократическомъ строѣ, возвращая народнымъ массамъ самодѣятельность, которой они были до того лишены, устраняетъ изъ народной жизни множество случайностей. Поэтому-то современная исторія гораздо меньше зависитъ отъ случайностей, чѣмъ во времена Людовика XIV, Фридриха II и Петра Великаго.

*) Понятно, что здѣсь намѣчается на положеніе, въ которомъ находилась Франція по отношенію къ Англіи.

ГЛАВА XIV.

Индивидуальный элементъ и случайность въ исторіи.

I.

Отдѣльная личность нетождественна индивидуальному элементу. — Опрежденію этого элемента.

Исторія слагается единственно лишь изъ поступковъ, совершенныхъ отдѣльными личностями. Выраженія: раса, народъ, армія, дворянство и т. п., на каждомъ шагу употребляемыя историками, представляютъ собою только обобщенныя понятія, категоріи.

Дѣйствія, приписываемыя этимъ воображаемымъ организмамъ, сами по себѣ оказываются въ извѣстномъ смыслѣ воображаемыми. Въ дѣйствительности имѣется лишь совокупность дѣйствій, совершаемыхъ отдѣльными личностями болѣе или менѣе одновременно и сходственно. Никогда отдѣльныя личности не сливались вмѣстѣ для образованія одного дѣйствующаго пѣлаго. Имѣя въ виду говорить объ индивидуальномъ человѣкѣ и о той роли, которую онъ играетъ въ исторіи, мы должны предупредить, что индивидуальный человѣкъ и отдѣльная личность не одно и то же. Какъ уже упомянуто, въ исторіи дѣйствуютъ только отдѣльныя личности, но каждая изъ нихъ является одновременно человѣкомъ вообще, человѣкомъ своего времени и наконецъ человѣкомъ, обладающимъ своеобразными особенностями. Индивидуальнымъ человѣкомъ будетъ для насъ историческая личность въ поступкахъ, обусловленныхъ именно этими своеобразными особенностями ея характера, а не общею психическою основою, свойственною всѣмъ современникамъ или же всѣмъ вообще людямъ.

Не трудно замѣтить, что дѣйствующими лицами въ исторіи являются всегда отдѣльныя личности, но сравнительно уже гораздо труднѣе подмѣтить, что личности эти дѣйствуютъ не исключительно только одною индивидуальной своей стороною. Умы слишкомъ положительные заблуждаются иногда относительно этого пункта, что и служитъ причиною, почему многіе утверждаютъ, что исторія не можетъ быть наукой. Они были бы совершенно правы, еслибъ отдѣльная личность вполнѣ совпадала съ индивидуальнымъ человѣкомъ, другими словами, еслибы въ отдѣльной личности не содержалось всегда элементовъ сходства и равноцѣнности съ другими личностями.

Другіе умы напротивъ того питають непреодолимое отвращеніе къ случайности, устраняють ее всюду изъ исторіи и замѣняютъ неизбѣжностью. Эти двѣ категоріи воззрѣній взаимно вызываютъ и поддерживаютъ другъ друга. Каждая изъ нихъ впадаетъ въ преувеличенія, служащія доводами въ пользу противоположнаго воззрѣнія.

Нельзя считать, однако, оба воззрѣнія вполне равноцѣнными. Теорія случайности устраняетъ всякую возможность научнаго обоснованія исторіи. Противоположная теорія требуетъ такого обоснованія, но въ то же время препятствуетъ ему. Предпочтительнѣе держаться между обѣими этими теоріями, поближе ко второй, чѣмъ къ первой.

Почти противъ собственнаго желанія пришлось въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ такимъ выраженіямъ, какъ случайность (contingence) и неизбѣжность (détermination) явленій. Дѣло въ томъ, что индивидуальный элементъ вноситъ съ собою случайность въ исторію. Фактъ этотъ, не смотря на всю свою приискорбность для науки, является совершенно неизбѣжнымъ. При такихъ обстоятельствахъ уместно будетъ опредѣлить возможно точнѣе понятія случайности и строго обусловленной законности. Задача эта представляетъ нѣкоторыя трудности, а потому для разъясненія этихъ понятій мы предварительно прибѣгнемъ къ слѣдующей простой формулѣ: случайнымъ называется событіе, котораго нельзя было предвидѣть заранѣе и необходимость котораго не можетъ быть и потомъ выяснена совершенно опредѣленнымъ образомъ.

II.

Случайность вносится въ исторію постояннымъ воздѣйствіемъ индивидуальнаго элемента.—*Опредѣленіе неизбѣжности и случайности.*

Всѣмъ и каждому извѣстно, что явленіе всегда имѣетъ причиной другое необходимо предшествовавшее ему явленіе. Еслибъ послѣдующее могло случиться безъ предыдущаго, то это предыдущее не стали бы разсматривать какъ его причину.

Съ идеей о необходимомъ предшествованіи связывается какъ-бы сама собою идея о болѣе или менѣе обязательномъ наступленіи слѣдствія. Мы сознаемъ, что послѣ перваго звена должно явиться второе и послѣ причины ожидаемъ слѣдствія, но уже не съ тою увѣренностью, какая сопровождаетъ убѣжденіе въ необходимости предшествовавшей причины.

Дѣйствительно опытъ показываетъ намъ, что слѣдствіе не всегда вызывается съ безусловной необходимостью. Въ принудительномъ дѣйствіи, какъ бы оказываемомъ предыдущимъ на послѣдующее, замѣчается множество промежуточныхъ степеней отъ совершенно неизбѣжнаго до вѣроятнаго и возможнаго.

Когда намъ кажется, что явленіе рѣшительно всегда слѣдуетъ за вызывающей его причиной, мы называемъ его вполне неизбѣжнымъ. Напротивъ того, если при наличности причины явленіе можетъ и отсутствовать, его признаютъ случайнымъ. Понятія о неизбѣжномъ и случайномъ оказываются поэтому чисто субъективными, выражающими личныя наши интеллектуальныя и нравственныя впечатлѣнія. На самомъ дѣлѣ означенныя понятія не содержатъ въ себѣ ничего абсолютнаго. Въ природѣ нѣтъ двухъ различныхъ порядковъ: опредѣленнаго и случайнаго, хотя въ насъ самихъ и замѣчается постепенный переходъ соотвѣствующихъ впечатлѣній. Мы противопоставляемъ опредѣленное случайному, подобно тому, какъ противопоставляемъ холодъ теплу.

Связь предшествующаго съ послѣдующимъ выражается также другою формулою, которую не мѣшаетъ имѣть въ виду. До сихъ поръ говорилось о причинахъ явленій, но взаимнѣ этого можно было бы говорить объ условіяхъ. Все, что называютъ причинами явленія, служить условіями для его наступленія. Какое либо условіе можетъ оказываться абсолютно необходимымъ. Въ такомъ случаѣ пока условіе это не выполнено, не можетъ произойти и само явленіе. Съ другой стороны, однако, и при выполненіи этого необходимаго предварительнаго условія явленіе можетъ быть отсрочено иногда на неопредѣленное время. Явленіе можетъ быть поэтому строго обусловленнымъ существованіемъ причины, но вмѣстѣ съ тѣмъ не опредѣляться ею съ безусловной необходимостью. Книгопечатаніе немыслимо безъ бумаги или другого соотвѣствующаго ей матеріала, но существованіе бумаги само по себѣ вовсе не принуждало еще книгопечатаніе выступить на сцену міровой исторіи.

Обусловленность предполагаетъ необходимость предшествовавшей причины. Неизбѣжность явленія означаетъ для насъ болѣе или менѣе вынужденную необходимость его наступленія.

Неизбѣжность *) имѣетъ множество различныхъ степеней. Пояснимъ эту истину нѣсколькими примѣрами: подымаю камень съ земли и выпускаю его изъ руки; паденіе камня на землю

*) или случайность.

имѣть для меня характеръ вполне неизбежнаго явленія. Изъ хорошаго ружья, заряженнаго пулею, прицѣливаюсь въ стволъ дерева, отстоящаго на 50 сажень. Въ достаточной степени неизбежно, что спускъ курка произведетъ выстрѣлъ, что пуля пролетитъ 50 сажень и даже далѣе, но несравненно менѣе уже неизбежно, что она попадетъ въ стволъ дерева. Въ первомъ примѣрѣ, чтобы произвести явленіе, достаточно было одного условія: выпустить камень изъ державшей его руки; во второмъ примѣрѣ имѣется нѣкоторое число условій, совпаденіе которыхъ необходимо для того, чтобы произошло данное явленіе.

Возьмемъ теперь примѣръ изъ сферы нравственныхъ отношеній: личное мое стремленіе добыть себѣ пищу можетъ быть признано вполне неизбежнымъ явленіемъ. Меньшую степень неизбежности имѣетъ уже выборъ мною кражи вмѣсто честнаго труда, какъ средства снискать себѣ пропитаніе. Еще менѣе неизбежнымъ представляется фактъ ограбленія мною именно такого-то, а не какого либо другого прохожаго. Разсматривая въ частности результатъ ограбленія мною въ такомъ-то мѣстѣ и въ такой-то часъ г-на X., надо будетъ признать это явленіе въ высшей степени случайнымъ. Для того, чтобы оно произошло, необходимо было множество предшествовавшихъ условій, тогда какъ стремленіе добыть себѣ пищу вполне и неизбежно опредѣляется для меня единственнымъ условіемъ, а именно фактомъ существованія у меня желудка.

Въ дѣйствительности причина явленія слагается изъ совокупности многихъ причинъ, каждая изъ которыхъ является условіемъ, необходимымъ для того, чтобы наступило явленіе. Чѣмъ больше причинъ обусловливаютъ явленіе или чѣмъ большимъ числомъ условій обставлено его наступленіе, тѣмъ въ большей степени случайнымъ становится самое явленіе.

Къ положительнымъ условіямъ, присутствіе которыхъ необходимо, слѣдуетъ всегда присоединять также и отрицательныя условія или, лучше сказать, одно отрицательное условіе: отсутствіе дѣйствія препятствующихъ причинъ. Въ мірѣ фактическихъ явленій всякая причина сопровождается другими соперничающими ей причинами, изъ которыхъ каждая стремится произвести свое дѣйствіе. Можно представить себѣ эти причины, какъ снаряды, направленные изъ самыхъ разнообразныхъ пунктовъ въ одно и то же мѣсто, причемъ существуетъ возможность встрѣчи этихъ снарядовъ и взаимнаго уничтоженія дѣйствія. Случайность какого либо явленія можно считать пропорціональной числу причинъ, способныхъ проявиться въ данномъ полѣ дѣйствія.

Изучая какое нибудь въ значительной степени случайное явленіе, мы оказываемся въ необходимости изслѣдовать дѣйствіе множества причинъ. Трудность задачи возрастаетъ здѣсь съ численностью причинъ не въ ариметическомъ, но скорѣе въ геометрическомъ отношеніи. Мы скорѣе убѣждаемся, что надежда на возможность возстановить строго опредѣленную связь между причинами и слѣдствіемъ оказывается химерической и что объясненіе явленія остается по необходимости весьма неполнымъ.

Примѣненіе къ исторіи идей случайности и неизбѣжности составляетъ самую трудную часть нашей задачи, равносильную возбужденію вопроса о томъ, какая именно степень достовѣрности возможна для описательной исторіи *).

Весьма полезно, впрочемъ, знать по крайней мѣрѣ приблизительно, имѣемъ ли мы дѣло съ явленіемъ совершенно неизбѣжнымъ, или, напротивъ того, болѣе или менѣе случайнымъ. Историкъ философскаго направленія, какъ напр. Монтескье, убѣжденный въ неизбѣжности счастливыхъ или злополучныхъ судебъ государства, необходимо выбираетъ для объясненія этихъ судебъ важную и постоянно дѣйствующую причину, какъ напр. вліяніе вѣковыхъ установленій, или прирожденнаго національнаго характера, такъ называемаго народнаго генія, и... заблуждается. Допуская напротивъ того также и вліяніе случайности, историкъ станетъ искать причину въ послѣдовательной цѣпи множества условій, совокуино дѣйствовавшихъ въ данный историческій моментъ. Короче сказать, настроеніе ума, изыскивающаго причины явленія, оказывается различнымъ и зависящимъ отъ воззрѣнія на неизбѣжность тѣхъ или другихъ событій, причемъ результатъ изслѣдованія будетъ въ каждомъ случаѣ иной.

Легко убѣдиться, что индивидуальный элементъ въ исторіи не допускаетъ предвидѣнія вслѣдствіе громаднаго множества положительныхъ и отрицательныхъ условій, окружающихъ вступленіе каждой отдѣльной личности на сцену историческихъ событій. Вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальная сторона каждого историческаго дѣятеля остается по крайней мѣрѣ отчасти загадкой. въ научномъ смыслѣ неразрѣшимой, такъ какъ индивидуальный характеръ состоитъ изъ элементовъ, ускользающихъ отъ историческаго изслѣдованія.

*) т. е. исторіи событій.

III.

Случайность индивидуальной судьбы.

А—человѣкъ благоразумный, живущій своими доходами въ маленькомъ городкѣ и заботливо оберегающій свою особу отъ всякихъ непріятныхъ случайностей. Однажды утромъ онъ выходитъ изъ дому безъ всякой особой побудительной причины, просто напросто съ намѣреніемъ прогуляться, и бродитъ совершенно безцѣльно по улицамъ. Замѣтивъ передъ однимъ изъ домовъ лѣсъ, онъ тотчасъ же переходитъ на другую сторону улицы, когда вдругъ кирпичъ, вырвавшійся изъ рукъ каменьщика, ударяется о ставни и, отскакивая отъ нихъ на другую сторону улицы, убиваетъ наповаль А, который и падаетъ тутъ же на мѣстѣ съ раздробленнымъ черепомъ. Несомнѣнно, что для А событіе это имѣетъ громадное значеніе, а между тѣмъ вѣдь сколько ничтожнѣйшихъ причинъ могли удержать А въ это утро отъ прогулки. Попытайтесь прослѣдить извилистую линію, описанную безцѣльными странствованіями А по улицамъ, примите во вниманіе, что А могъ быть убитъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ прошелъ въ данную секунду или правильнѣе терцію протяженіе пути, непревышающее 4 вершковъ. Отсутствіе такого строгаго совпаденія въ пространствѣ и во времени привело бы къ совершенно иному результату. Между тѣмъ, въ каждой изъ безчисленныхъ точекъ извилистаго пути, по которому шелъ А безъ всякаго серьезнаго направляющаго повода, самое ничтожное обстоятельство могло бы побудить его остановиться на секунду, или своротить на шагъ въ сторону и А остался бы въ живыхъ.

Происшествія, угрожающія намъ смертію или увѣчьемъ, часто бываютъ столь-же случайны. Разумѣется, бываютъ въ числѣ ихъ и заслуженныя, вызываемыя собственной нашей неосторожностью. Зачастую однако намъ достается въ чужомъ пиру похмѣлье безъ всякаго повода съ нашей стороны. Если перейдемъ теперь къ болѣзнямъ, то въ числѣ ихъ встрѣтимъ, разумѣется, много такихъ, которыя вызываются собственными нашими излишествами. Съ другой стороны однако заразные, эпидемическія болѣзни, а также болѣзни, вызываемыя условіями климата, температуры, воздуха, воды, почвы, унаслѣдованныя нами въ крови, въ нервной или же костной системѣ, хотя бы напримѣръ долгая возмутительная агонія наслѣдственной чахотки, не имѣютъ ничего общаго съ личными нашими

прегрѣшеніями. Было бы очень смѣло утверждать, что въ количественномъ отношеніи заслуженныя болѣзни преобладаютъ надъ случайными и незаслуженными.

Идея о столь сильномъ вліяніи случайности на индивидуальную судьбу до чрезвычайности непопулярна. Естественное обращеніе къ ней побудило уже съ незапамятныхъ временъ прибѣгнуть для объясненія біографіи отдѣльныхъ личностей къ двумъ простымъ и постоянно дѣйствующимъ причинамъ, а именно къ Провидѣнію и къ личной заслугѣ. Лестно и утѣшительно думать, что дабы человѣкъ умеръ или испыталъ серьезное несчастье, необходимо, чтобъ это было предрѣшено свыше. Такимъ образомъ люди злоупотребляютъ изреченіемъ, что безъ воли Божіей даже и волосъ съ головы не упадетъ. Тѣ, кто не обладаетъ достаточно твердою вѣрой въ предопредѣленіе, пытаются успокоиться на вѣрѣ въ личную заслугу, выражающейся другимъ изреченіемъ: что посеешь, то пожнешь.

Дѣйствіе Провидѣнія въ природѣ по существу своему не можетъ подлежать научному изслѣдованію. Что касается до соотвѣтствія судьбы съ заслугами, то отсутствіе его бросается въ глаза по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло замѣшаны такъ называемыя стихійныя силы. Поэтому-то вообще ограничиваютъ вліяніе, приписываемое индивидуальнымъ достоинствамъ и недостаткамъ той долей счастья или несчастья, которая зависитъ отъ другихъ людей. Поставленное въ эти рамки убѣжденіе, что судьба человѣка создается имъ самимъ, является болѣе правдоподобнымъ и даже до извѣстной степени справедливымъ.

Человѣку пріятно встрѣчать въ ближнемъ хорошія качества, въ которыхъ зачастую можетъ оказаться даже потребность. Такъ напр., торговецъ предпочитаетъ имѣть хорошаго, а не плохого приказчика. Нельзя сказать поэтому, чтобы судьба отдѣльной личности не имѣла никакого соотношенія къ ея заслугамъ. Умѣстно будетъ однако сдѣлать при этомъ нѣкоторую оговорку. Хорошія качества выясняются лишь при испытаніи и обыкновенно не могутъ быть угаданы съ перваго взгляда. Чтобы проявить ихъ, надо имѣть случай подвергнуться испытанію. Благодаря именно этому условію, случайное и незаслуженное пріобрѣтаютъ въ судьбѣ отдѣльной личности такое мощное преобладаніе. Къ тому же достоинства не возникаютъ сами собою. Они вырабатываются и развиваются. Съ этой стороны тѣ же случайныя условія властно распоряжаются отдѣльною личностью. Допустимъ напр., что А родился съ величайшими способностями къ живописи въ хижинѣ дровосѣка гдѣ нибудь въ лѣсной глуши. Ему предопредѣлено не получить ни малѣйшаго образованія и ни-

когда въ жизни не располагать такою суммою денегъ, которая дозволила бы ему посѣтить столицу или даже вообще большой городъ. Естественно, что онъ останется на всю жизнь дровосѣкомъ. Напротивъ того, еслибъ онъ родился вмѣсто лѣсной глуши въ самомъ Парижѣ, это случайное обстоятельство несомнѣнно могло бы оказать на его судьбу большое вліяніе. Если въ числѣ близкихъ родственниковъ этого парижанина имѣется живописецъ, то вѣроятность должнаго развитія прирожденнаго таланта окажется еще болѣе значительной. Развѣ мѣсто и среда, гдѣ родился человѣкъ, общественное положеніе его родителей, большій или меньшій ихъ достатокъ,—развѣ всѣ эти условія, столь могущественно вліяющія на нашу судьбу, могутъ быть приписаны нашимъ личнымъ хорошимъ или дурнымъ свойствамъ. Подумайте только о результатахъ альтернативы родиться царскимъ сыномъ или же сыномъ поденщика. Это еще не все. Изслѣдуйте сколько нибудь внимательно чью либо жизнь, напр. хотя бы вашу собственную, и вы убѣдитесь, что ваши связи, знакомства и дружескія отношенія по большей части доставлены вамъ случайно и являются результатомъ непредвидѣнностей. Извѣстно, что нельзя дойти ни до какого высокаго или же низменнаго положенія совершенно единолично, т. е. безъ всякаго содѣйствія, помощи, руководства, совѣта и поученія, а также безъ борьбы, помѣхи, препятствія, соперничества, отсовѣтованія и отговоровъ со стороны другихъ лицъ. Поэтому надо признать, что если человѣкъ находится въ данномъ положеніи, то это обусловлено частью его собственными дѣйствіями, частью же встрѣчею на житейскомъ пути тѣхъ или другихъ личностей. Отсюда вытекаетъ, что еслибъ вмѣсто одной личности мы встрѣтили другую, то житейскій нашъ путь и достигнутые результаты могли бы оказаться въ значительной степени иными. Вообще мы очень зависимъ отъ разныхъ вліяній, — являемся игрушкой условій происхожденія, среды, имущественнаго положенія и характера родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ, начальниковъ, жены, дѣтей, большинства болѣзней и почти всѣхъ такъ называемыхъ несчастныхъ случаевъ *).

*) Можно было бы добавитъ еще много, напр. хоть то, что человѣкъ существо не вполне утилитарное. Онъ зачастую очень самолюбивъ и предпочитаетъ льстеца дѣйствительно полезному дѣятелю. Другія многочисленныя побудительныя причины заставляютъ иной разъ игнорировать или презирать полезныя качества данной личности. Бываетъ, что расходятся изъ-за пустяковъ. «Ничего, я найду кѣмъ его замѣнить!» говорить хозяйинъ. Къ тому же участь человѣка нерѣдко зависить отъ посредниковъ, лично не заинтересованныхъ въ его достоинствахъ, но которые, быть можетъ, смотрятъ на него съ завистью и подозрѣніемъ.

Вліяніе случайности на судьбу каждого человѣка въ отдѣльности признается еще менѣе охотно, когда дѣло идетъ объ исторической личности, игравшей выдающуюся роль въ судьбахъ человѣчества.

Вообще говоря, люди расположены вѣрить, что Наполеонъ неминуемо долженъ былъ силою своего генія проложить себѣ путь къ результатамъ, которыхъ дѣйствительно достигъ, и что имѣлись могущественныя условія для того, чтобы онъ занялъ постъ императора или по крайней мѣрѣ главы государства. Не трудно убѣдиться однако въ ошибочности такого предположенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что какая-нибудь шальная пуля, отклонившись немного правѣе или лѣвѣе, могла бы разомъ покончить его карьеру. Такая возможность представлялась неоднократно на поляхъ сраженій, особенно же въ первую эпоху боевой дѣятельности Наполеона. Точно также онъ могъ умереть хотя бы напр. въ Египтѣ отъ чумы, не говоря уже о другихъ болѣзняхъ и разныхъ иныхъ естественныхъ случайностяхъ. Что касается до соціальныхъ случайностей, то историческій Наполеонъ выработался изъ совершенно неизвѣстнаго Наполеона единственно лишь благодаря знакомствамъ и содѣйствію со стороны многихъ личностей. Упомянемъ здѣсь только о Марбеффѣ, Гаспаренѣ, Робеспьерѣ Младшемъ, Карно, Баррасѣ, Талейранѣ и Сіесѣ. Онъ, разумѣется, могъ бы съ ними не встрѣтиться или не поправиться имъ, или же найти въ нихъ людей, относившихся къ нему враждебно. Кто знаетъ, не была ли необходимой для осуществленія его судьбы любовная связь гражданки Богарнэ съ Баррасомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на пути, приведшемъ Наполеона къ императорской коронѣ, встрѣчается множество узловыхъ пунктовъ, въ которыхъ возможенъ былъ поворотъ въ иную сторону, къ совершенно инымъ конечнымъ результатамъ. Допустимъ хотя-бы напр., что Наполеонъ встрѣтилъ подъ Сенъ-Жанъ-д'Акромъ другого менѣе искуснаго и менѣе упорнаго противника. Какое направленіе, спрашивается, приняла бы тогда его карьера и къ чему бы она его привела? Къ внѣ-европейскимъ завоеваніямъ? Къ уничтоженію его соединенными силами Англіи, Австріи и Порты? Ничего опредѣленнаго, разумѣется, на этотъ счетъ сказать нельзя, но весь ходъ историческихъ событій непремѣнно бы тогда измѣнился весьма существеннымъ образомъ. Чѣмъ болѣе станемъ углубляться въ изслѣдованіе вопроса, тѣмъ сильнѣе выяснится намъ вліяніе случайностей. Можно было бы придти къ еще болѣе положительнымъ результатамъ, прослѣдивъ въ обратномъ порядкѣ ходъ революціи и отмѣтивъ поворотныя точки, гдѣ революція, принявъ иное направленіе, благодаря продленію жизни человѣка, умершаго слишкомъ рано, или иному

распределенію ролей между дѣятелями, сдѣлала бы Наполеона I немислимымъ.

Вообще судьба отдѣльной личности, напр. *А*, опредѣляется не только тѣмъ, что *А* именно и есть *А*, т. е. обладаетъ извѣстнымъ характеромъ, но также и тѣмъ, что *А* послѣдовательно сталкивался, если можно такъ выразиться, съ другими социальными атомами *В*, *Г*, *Н*, въ извѣстномъ порядкѣ и подъ данными углами паденія. Каждый разъ при этомъ легко могло случиться, что или уголъ паденія окажется инымъ или что встрѣча произойдетъ съ совершенно другими социальными атомами, напр. съ *Б*, *Д* и *О*. Все это напоминаетъ прихотливыя изгибы линіи, описываемой остриемъ крутящагося волчка.

Безспорно, что отдѣльная личность обуславливаетъ своимъ характеромъ и особенностями своего ума до нѣкоторой степени свою судьбу. Остальное обуславливается случайными встрѣчами съ другими личностями при особыхъ и случайныхъ обстоятельствахъ.

Очевидно, что попытка опредѣлить разъ навсегда, какая изъ двухъ частей больше, и выработать такимъ образомъ принципъ, примѣнимый во всѣхъ случаяхъ, была бы совершенно химической.

Необходимо признать вторженіе данной отдѣльной личности, напр. Цезаря или Наполеона въ исторію, фактомъ до чрезвычайности случайнымъ. Тѣмъ не менѣе подобная историческая личность, выступивъ полководцемъ, политическимъ дѣятелемъ, законодателемъ или художникомъ взамѣнъ другого человѣка, который могъ бы занять этотъ постъ, измѣнить въ болѣе или менѣе значительной степени дальнѣйшее теченіе исторіи. Мы уже отстаивали этотъ тезисъ противъ слишкомъ усердныхъ сторонниковъ философіи исторіи. Наши доводы сводятся къ двумъ чрезвычайно простымъ положеніямъ: если человѣкъ дѣйствуетъ отчасти общей и временной стороной своей личности, то онъ не преминетъ дѣйствовать также и отличительной, индивидуальной стороной. Механизмъ общественнаго строя всегда предоставляетъ ему возможность воплотить въ факты нѣкоторую часть своей индивидуальной дѣятельности. Это хотя и отрицается, но до сихъ поръ голословно.

IV.

Сомнительность характера.

Характеръ, какъ извѣстно, является особымъ, воплощеннымъ въ данной личности, сочетаніемъ общихъ стимуловъ, соединен-

ными съ опредѣленными степенями развитія различныхъ умственныхъ способностей.

Въ образованіи характера участвуютъ двѣ категоріи причинъ: человекъ рождается уже на свѣтъ съ особымъ, свойственнымъ именно только ему, равновѣсіемъ различныхъ органовъ. Такъ, органы питанія, движенія, продолженія рода, мышечная и нервная системы представляютъ у этого человека соотношенія, совокупность которыхъ свойственна именно только ему одному. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ только человекъ рождается на свѣтъ, на него тотчасъ-же начинается дѣйствовать и вторая категорія причинъ. Каждое событіе оставляетъ на немъ отпечатокъ. Эти переживаемыя событія въ своей послѣдовательности и связи образуютъ для каждой отдѣльной личности біографію тоже единственную въ своемъ родѣ, такъ какъ она не отождествляется вполнѣ ни съ какою другой біографіей. Иными словами, единственный въ своемъ родѣ отдѣльный человеческій организмъ пріобрѣтаетъ характерный отпечатокъ отъ судьбы, тоже единственной въ своемъ родѣ.

Для простоты и удобства мы склонны представлять отдѣльную личность совершенно тождественною втеченію всей ея жизни или по крайней мѣрѣ въ сравнительно близкіе моменты. Въ дѣйствительности однако внутренній міръ отдѣльной личности далеко не отличается такимъ постоянствомъ, какъ мы это воображаемъ *). Въ немъ происходитъ непрерывная кипучая дѣятельность. Одна волна воспоминаній поднимается въ данный моментъ на поверхность сознанія, а другая уходитъ въ глубь. подъ эту поверхность. Болѣзнь, недомоганіе, пріемъ возбуждающаго вещества, сотни всевозможныхъ мелочныхъ причинъ отодвигаютъ однѣ ассоціаціи представленій на задній фонъ, а другимъ придаютъ относительно большую яркость. Вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ дѣйствій одной и той же личности въ разные моменты можетъ оказаться совершенно инымъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ умственные способности у одного и того же человека могутъ въ разные моменты работать неодинаково. Даже такой человекъ, какъ напр. Цезарь или Наполеонъ, не всегда остается самимъ собою; недомоганіе, горе или озабоченность измѣняютъ его интеллектуальное состояніе. Біологически это чистые пустяки, объясняющіеся большимъ или меньшимъ приливомъ крови къ той или другой части мозга. Въ психологическомъ отно-

*) Явленіе поперебѣнаго чередованія двухъ жизней представляетъ собою фактъ. встрѣчающійся сравнительно довольно часто. См. Тэнтъ (*Intelligence*, т. I стр. 180 и слѣд.), а также Дювиль-Жувъ.

шеніи разница тоже не велика, а между тѣмъ она обуславливаетъ въ политикѣ или военныхъ дѣйствіяхъ ошибочность расчетовъ, способную выразиться на дипломатической аренѣ или на полѣ сраженія важными послѣдствіями, совершенно иными, тѣмъ тѣ, которыя были бы вызваны обычными для того же самого ума расчетами. «Неудачная мысль», «блестящая мысль», — говорятъ зачастую о такихъ проявленіяхъ неодинаковости дѣйствія умственныхъ способностей, совершенно очевидной для безпристрастнаго наблюдателя.

Разсматривая человѣка въ какой-либо данный моментъ, я. разумѣется, могу составить себѣ объ его индивидуальномъ характерѣ нѣкоторое понятіе, но оно будетъ во всякомъ случаѣ весьма смутно и весьма неточно. Изображенія характеровъ оказываются поэтому всегда до чрезвычайности спорными. Даже условный языкъ, которымъ приходится для этого пользоваться, отличается необычайнымъ отсутствіемъ точности.

Что касается до причинъ, выработавшихъ характеръ, то отыскиваніе ихъ является по существу дѣломъ самой неблагоприятной задачей. Никто не можетъ знать, что именно принесъ съ собою данный человѣкъ, рождаясь на свѣтъ. Прирожденныя его свойства оказываются поэтому неувимыми; съ другой стороны и значительная часть его біографіи остается роковымъ образомъ невѣдомой изслѣдователю.

V.

Индивидуальный элементъ вносить въ жизнь нововведенія или изобрѣтенія. — О неизбежности въ изобрѣтеніяхъ и въ подражаніи. — Относящійся сюда общій законъ.

Задача, къ которой я теперь приступаю, кажется мнѣ наиболѣе существенной во всей исторіи. Дѣло идетъ о томъ, чтобы распутать по возможности элементы случайнаго и неизбежнаго. всегда перекрещивающіеся, сливающіеся въ ткани историческихъ событій къ величайшему нашему недоумѣнію и замѣшательству.

Мы будемъ называть нововведеніемъ или изобрѣтеніемъ (признавая оба эти выраженія равноцѣнными) то, что вносится индивидуальнымъ элементомъ въ исторію.

Для выясненія нашей точки зрѣнія противопоставимъ другъ другу подражаніе и нововведеніе, какъ два полюса, между которыми вращается исторія. Нововведенію соотвѣтствуетъ прогрессъ,

а подражанію консервативныя стремленія. Незачѣмъ и доказывать, что эти стремленія являются характернымъ свойствомъ подражающей толпы, прогрессъ же обуславливается нововведеніями, которыя привносятся отдѣльными личностями.

Здѣсь будетъ повидимому умѣстнымъ вернуться къ анализу человѣческихъ дѣйствій. Въ качествѣ примѣра возьмемъ опять состоявшееся въ Римѣ бракосочетаніе *А* съ *В*. Въ этомъ дѣйствіи, разсматриваемомъ съ извѣстной точки зрѣнія, можно отмѣтить три части, различающіяся одна отъ другой: 1) цѣль, которою въ данномъ случаѣ является для каждого изъ обоихъ дѣйствующихъ лицъ намѣреніе провести жизнь совмѣстно другъ съ другомъ; 2) средства, употребленныя для достиженія этой цѣли. выполненіе извѣстныхъ правилъ, сообразованіе съ извѣстными обычаями; замѣтимъ мимоходомъ, что эти средства соотвѣтствуютъ тому, что мною было названо установленіями *); 3) результатъ или то, что обыкновенно называютъ самымъ дѣйствіемъ. Позволю себѣ замѣтить, что главною изъ этихъ трехъ частей, обуславливающей двѣ остальные, является первая, т. е. цѣль. Размышляя о другихъ дѣйствіяхъ, я усматриваю, что всѣ они могутъ подобнымъ образомъ разлагаться на три части, что эти части всегда принадлежатъ къ тѣмъ же самымъ категоріямъ и сохраняютъ между собою тѣ же соотношенія.

Отмѣчу теперь, какъ весьма существенную черту, тотъ фактъ, что въ каждомъ дѣйствіи цѣль является необходимымъ предшественнымъ условіемъ обѣихъ другихъ частей. Это предшественное условіе въ свою очередь зависитъ отъ того, въ какой степени настоятельна соотвѣтствующая ему потребность. Отъ большей или меньшей безотлагательности всецѣло зависятъ: преемственный порядокъ различныхъ цѣлей, къ которымъ способна стремиться данная личность, болѣе или менѣе частое возникновеніе стремленій къ этимъ цѣлямъ, а также исходъ внутренней борьбы между различными цѣлями, торжество или пораженіе одной изъ нихъ. Такимъ именно путемъ безотлагательность вліяетъ на нововведенія и опредѣляетъ для нихъ болѣшую или меньшую вѣроятность жизнеспособности.

Осуществимое изобрѣтеніе или нововведеніе имѣетъ тѣмъ болѣе шансовъ къ возникновенію, чѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать безотлагательность соотвѣтствующей ему потребности.

*) Можно было бы съ этой точки зрѣнія опредѣлять установленіе, какъ средство къ достиженію общей цѣли, обыкновенно употребляемое болѣе или менѣе многочисленной группою людей.

Объяснимъ это примѣромъ: изобрѣтеніе *) книгопечатанія могло бы произойти во времена древнихъ грековъ и римлянъ. У нихъ имѣлся папирусъ, соотвѣтствующій нашей бумагѣ. Они употребляли уже чернила и умѣли вырѣзывать штемпеля. Между тѣмъ, извѣстно, что книгопечатаніе тогда не появилось. Еслибъ потребность обладать книгами была такъ же безотлагательна, какъ потребности чисто экономическаго характера, напр. потребность обзавестись монетой, то весьма вѣроятно, что книгопечатаніе было-бы изобрѣтено уже въ древности.

Безспорно, что изобрѣтеніе, удовлетворяющее настоящей потребности, тѣмъ не менѣе обусловлено дѣйствіемъ индивидуальнаго элемента и вслѣдствіе этого зависитъ отъ случайности. Чтобы оно осуществилось, необходимо появленіе въ данномъ мѣстѣ, данной средѣ и въ данной спеціальности одной или нѣсколькихъ исключительно одаренныхъ личностей, но тѣмъ не менѣе такое изобрѣтеніе имѣетъ за себя болѣе шансовъ къ возникновенію, чѣмъ изобрѣтенія, клонящіеся къ удовлетворенію менѣе настоятельныхъ потребностей.

Необходимо принять поэтому по крайней мѣрѣ въ качествѣ вѣроятной гипотезы слѣдующее положеніе: историческія явленія относительно самаго факта ихъ бытія становятся всё менѣе неизбѣжными по мѣрѣ того, какъ они переходятъ изъ сферы экономической въ научную.

Градація эта, вообще говоря, неизвѣстна ученымъ, занимающимся философіею исторіи, особенно же тѣмъ, которые проникнуты идеей расы. Они расположены напр говорить о греческой наукѣ или греческомъ искусствѣ, какъ о чемъ-то непременно долженствовавшемъ осуществиться. Подобная увѣренность однако совершенно неумѣстна, когда дѣло касается явленій, принадлежащихъ къ этимъ двумъ категоріямъ.

Необходимо разяснить себѣ, какимъ именно образомъ изобрѣтеніе зависитъ отъ современныхъ ему установленій. Очевидно, что безъ огня немыслимы добываніе и обработка металловъ. Въ другомъ порядкѣ фактовъ понятно, что при отсутствіи свободы женщинъ, при заключеніи ихъ въ гаремы или терема немыслимы извѣстные оттѣнки общественнаго мнѣнія; точно также у каждаго отдѣльнаго мужчины не будетъ имѣться извѣстнаго свое-

*) Изобрѣтеніе и нововведеніе являются для насъ по существу равноцѣнными терминами. Въ угоду читателямъ мы будемъ однако употреблять слово изобрѣтеніе для открытій промышленнаго, художественнаго или научнаго характера, а нововведеніями станемъ называть всё другія новшества, преимущественно же политическія.

образнаго понятія о чести (напр. такъ называемаго рыцарскаго понятія о чести).

Такимъ образомъ нѣкоторыя установленія имѣютъ какъ-бы характеръ необходимыхъ предварительныхъ условій, дѣлающихъ возможными изобрѣтеніе, но не вызывающихъ его съ абсолютной необходимостью. Съ изобрѣтеніемъ стального рѣзца становится возможнымъ ваяніе изъ мрамора. Художественная статуя, вродѣ созданныхъ напр. Фидіемъ, становится осуществимой, но дѣйствительно ли рѣзецъ, являющійся для статуи необходимымъ предварительнымъ условіемъ, повлечетъ за собою ея появленіе? Созданіе художественной статуи окажется дѣломъ весьма гадательнымъ, такъ какъ потребность въ статуяхъ не принадлежитъ къ числу безотлагательныхъ. Напротивъ того, всѣ чисто промышленныя примѣненія рѣзца имѣютъ много шансовъ осуществиться именно благодаря тому, что удовлетворяютъ болѣе настоятельнымъ потребностямъ.

Разсмотримъ теперь участіе индивидуальнаго элемента. Человѣкъ, явившійся съ индивидуальными способностями въ возбуждающую ихъ среду, производитъ событіе, которое безъ него пожалуй долго-бы не наступило. Съ другой стороны событіе это произошло-бы уже давно, еслибъ другой человѣкъ, умершій неизвѣстнымъ, могъ воспользоваться такимъ-же образованіемъ и такими-же возбуждающими вліяніями, какія выпали на долю этого счастливца.

Короче сказать, нововведеніе въ значительной степени зависитъ отъ случайностей судьбы отдѣльной личности. Возможность его обусловлена средствами, свойственными его времени и мѣсту (естественными или же искусственными). Элементъ неизбежности заключается только въ первичной его цѣли и находится въ прямомъ отношеніи къ безотлагательности соотвѣтственной потребности.

Разъ, что нововведеніе осуществлено отдѣльною личностью, выступаетъ на сцену дѣйствіе группы, которая можетъ принять или отвергнуть нововведеніе, подражать ему или не подражать, отвѣтить на событіе тѣми или другими нравственными и умственными впечатлѣніями.

Дѣйствіе, добровольно совершаемое многими людьми хотя бы даже по примѣру одной и той же отдѣльной личности, свидѣтельствуешь о вызывающей его одинаковой подкладкѣ. Въ немъ всегда проявлялись въ большей или меньшей степени какіе-либо общечеловѣческіе элементы или же элементы, свойственные всѣмъ современникамъ, общая потребность, полезность и одинаковость представленій о средствахъ, необходимыхъ къ достиженію цѣли. Соотвѣтственно дѣйствіе становится неизбѣжнымъ для

тѣхъ, кто его совершаетъ, и слѣдовательно представляется неизбѣжнымъ историку. Иначе сказать, фактъ принятія массами какого-либо нововведенія болѣе неизбѣженъ, чѣмъ созданіе этого нововведенія.

Распространеніе новой идеи постепенно пріобрѣтаетъ всё большую неизбѣжность. Первый сторонникъ какой-нибудь религіи, установленія или машины является по сравненію со сотысячнымъ ихъ сторонникомъ въ безконечное число разъ большею случайностью. Эта градація обезпечивается общечеловѣческой стороной каждой отдѣльной личности, такъ какъ цѣль традиціи оказываетъ давленіе, пропорціональное числу ея звеньевъ.

Переходя къ заключительной фазѣ нововведенія, успѣвшаго уже водвориться и преобразоваться въ установленіе, мы найдемъ, что оно влечетъ за собою извѣстнаго рода послѣдствія. Вотъ эти-то послѣдствія и являются въ исторіи *наиболѣе неизбѣжными*.

Думаю, что эти указанія могутъ быть очень полезными для историка. Какое-либо событіе, изобрѣтеніе, послужившее точкой отпавленія для весьма важныхъ событій, производятъ на человѣческой умъ могучее обаяніе и тѣмъ самымъ побуждаютъ его предполагать дѣйствіе общей непреложной причины тамъ, гдѣ какъ-разъ именно такія причины и отсутствуютъ. Слѣдуетъ знать напротивъ того, что зарожденіе новшествъ по преимуществу дѣло случая. Неизбѣжность возрастаетъ по мѣрѣ развитія и продолжительности даннаго порядка вещей. Всего сильнѣе проявляется она въ томъ вліяніи, которое оказываетъ этотъ порядокъ вещей на окружающую среду.

Еслибъ заключеніе, къ которому мы пришли, было строго доказано, то оно представляло бы собою весьма важное пріобрѣтеніе и навѣрное заслуживало бы стоять въ спискѣ *законовъ* исторіи (эпитетъ этотъ къ сожалѣнію расточается очень неосмотрительно).

Чтобы облегчить читателю уясненіе связи между высказываемыми мною идеями, нужно будетъ замѣтить, что нововведеніе для меня то же, что событіе, рассматриваемое съ иной точки зрѣнія. Принятое нововведеніе то же самое, что традиція или подражаніе. Замѣчу также, что въ виду перехода событій въ установленія путемъ подражанія или принятія, можно распредѣлить событія по разрядамъ, которые будутъ въ точности соотвѣтствовать разрядамъ, принятымъ нами для установленій.

Было бы умѣстно продолжать изслѣдованіе неизбѣжности въ каждомъ разрядѣ событій и выяснить, въ какой именно степени она тамъ встрѣчается. Для этого пришлось бы однако отвести почти цѣлый томъ. Признаюсь къ тому же, что у меня имѣются

лишь немногія отрывочныя наблюденія относительно этого предмета, представляющаго повидимому большія трудности для научныхъ изысканій.

VI.

Изобрѣтеніе книгопечатанія. — Примѣненіе вышензложеннаго къ этому конкретному примѣру.

Книгопечатаніе было изобрѣтено людьми, имѣвшими въ виду подражать рукописи и производить по дешевой цѣнѣ вѣчто ей равноцѣнное. Между причинами, вызвавшими изобрѣтеніе книгопечатанія, видное мѣсто занимаетъ слѣдовательно экономическій интересъ. Причина эта однако существовала въ продолженіе многихъ вѣковъ, не производя означеннаго дѣйствія. Для того, чтобы оно могло на самомъ дѣлѣ произойти, необходимы были извѣстныя предварительныя условія, а именно: чтобы были уже изобрѣтены письменныя знаки, рѣзба на камнѣ, металлѣ или же на деревѣ, искусственное вещество, какимъ являются чернила, и другое искусственное вещество: папирусъ, пергаментъ или бумага изъ шелка, хлопка или тряпокъ. Даже и при наличности всѣхъ этихъ условій долгое время не проявлялось упомянутаго дѣйствія. Необходимо было участіе еще нѣсколькихъ другихъ причинъ. Надлежало, чтобы вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ проявился усиленный спросъ на рукописи, чтобы знатные и богатые люди повсюду искали переписчиковъ и платили имъ большія деньги. Фактъ этотъ являлся для экономическаго интереса предупрежденіемъ, что можно было получить хорошій барышъ, удовлетворивъ настоящей потребности. Разъ, что возникло такое сочетаніе обстоятельствъ, изобрѣтеніе книгопечатанія должно было осуществиться, такъ какъ послѣ изобрѣтенія письменныхъ знаковъ, рѣзбы на деревѣ, пергамента и тряпичной бумаги не представлялось уже въ интеллектуальномъ отношеніи особенно труднымъ изобрѣсти и все остальное, т. е. подвижныя буквы. Для этого требовалась однако наличность еще одного условія. Необходимо было, чтобы судьба привела человѣка, одареннаго необычайнымъ умомъ и стойкою энергіей, въ промышленную среду, занимавшуюся изготовленіемъ и продажей книгъ.

Такимъ образомъ причина явленія складывается въ данномъ случаѣ изъ нѣсколькихъ причинъ. Среди нихъ выдѣляется прежде всего въ качествѣ постояннаго элемента экономическій интересъ. За нимъ можно было бы сохранить названіе причины. Я про-

тивъ этого ничего не имѣю, но замѣчу, что для историка не столько важна эта причина, сколько условія, благодаря которымъ событіе, которое означенная причина тщетно пыталась вызвать, осуществляется наконецъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время.

Взявъ въ качествѣ конкретнаго примѣра изобрѣтеніе книгопечатанія (можно было бы привести сколько угодно другихъ примѣровъ), я усматриваю, что условія соотвѣтствуютъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, а причина—психическому намѣренію, существующему всегда, но лишь по временамъ достигающему опредѣленной степени напряженія. Иначе сказать, опредѣляющимъ элементомъ является психическая потребность, но удовлетворить этой потребности позволяетъ лишь извѣстная группировка обстоятельствъ. Вліяніе этихъ обстоятельствъ не исчерпывается однако лишь тѣмъ, что они позволяютъ удовлетворить потребности: они дѣйствуютъ также и на самую потребность, сообщая ей надлежащую степень напряженія.

Въ приведенномъ примѣрѣ одно изъ обстоятельствъ (усиленіе спроса на рукописи) довело до чрезвычайнаго напряженія экономической интересъ, имѣвшій характеръ причины, которая существовала уже съ давнихъ поръ.

При перечисленіи условій, вліявшихъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду также и элемента случайности, а именно появленія въ извѣстной сферѣ необычайно даровитаго человѣка.

Вѣра въ возможность еще несуществующей вещи, надежда на успѣхъ нововведенія играютъ тоже нѣкоторую роль. Такое довѣрчивое настроеніе ума обусловливается предшествовавшими изобрѣтеніями и является прямо пропорціональнымъ прежнимъ успѣхамъ. Имѣется ли какое нибудь непосредственное соотношеніе между изобрѣтеніемъ книгопечатанія и открытіемъ Америки? На первый взглядъ кажется, какъ-будто его и нѣтъ, а между тѣмъ вѣроятно, что первое содѣйствовало второму, наполняя умы нѣкоторыхъ людей радостнымъ удивленіемъ и пламенной вѣрой въ могущество человѣческой воли и смѣлости *).

Всякое изобрѣтеніе кромѣ прямыхъ своихъ послѣдствій имѣетъ также и упомянутое косвенное вліяніе, не бросающееся прямо въ глаза. Прогрессъ, поскольку онъ зависитъ отъ изобрѣтеній, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ все большую неизбѣжность по мѣрѣ ихъ накопленія. Зрѣлище это представляютъ современные народы.

*) См. Риблз.

ГЛАВА XV.

О законѣ прогресса.

I.

Вопросъ о прогрессѣ вообще нельзя отождествлять съ вопросомъ о прогрессѣ въ частностяхъ.—Онъ побуждаетъ къ изслѣдованію: въ чемъ именно заключается высшая цѣль жизни?—Эта высшая цѣль—счастье.—Погоня за счастьемъ, являющаяся цѣлью индивидуальной жизни, наполняетъ собою также исторію, которой, какъ и индивидуальной жизни, придаетъ характеръ привлекательнаго искусства.—Можно было бы опредѣлять въ общихъ чертахъ исторію, какъ стремленіе къ пріятнымъ ощущеніямъ, достижимымъ подъ условіями труда, справедливости и внутренняго душевнаго равновѣсія.—Отсюда слѣдуетъ, что исторія не можетъ во всѣхъ своихъ частяхъ разсматриваться, какъ послѣдовательное движеніе впередъ, и что она сравнительно чаще имѣетъ характеръ колебанія вокругъ исковой точки.—Высшій законъ конфликта или борьба за существованіе подъ тройственной формой.—Этотъ всеобщій историческій законъ представляется самъ повидимому лишь частнымъ случаемъ закона сохраненія энергіи.

Во всѣ времена, нѣкоторые умы, способные къ болѣе широкому полету мысли, задавали себѣ вопросъ о томъ, куда именно направляется міровая жизнь. Впродолженіе многихъ вѣковъ эти избранные умы были того мнѣнія, что міръ идетъ къ упадку. Между тѣмъ были сдѣланы многочисленныя изобрѣтенія и открытія, очевидно улучшившія положеніе человѣчества. Эти блестящіе успѣхи произвели въ мнѣніяхъ переворотъ и заставили лучшіе умы перейти отъ пессимизма къ надеждѣ. Подъ вліяніемъ этого могущественнаго чувства выработалось, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, чрезмѣрно широкое представленіе, хватающее, какъ говорится, черезъ край. Въ виду прогресса, несомнѣнно осуществившагося въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, выработали, не стѣсняясь рамками законныхъ логическихъ заключеній, идею общаго прогресса,—прогресса во всемъ. Затѣмъ увѣровали, что этотъ прогрессъ шель непрерывно всегда и всюду, что онъ является закономъ исторіи, неизмѣнной дѣйствующей силой. Очевидно, что представленіе это не есть результатъ индукціи, выросшей на почвѣ серьезнаго изслѣдованія всеобщей исторіи. Оно является напротивъ того гипотезой, при помощи которой начинаютъ изучать всеобщую исторію. Въ этомъ не было бы еще ничего дурнаго, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто позволяютъ себѣ насиловать факты, заставляя ихъ свидѣтельствовать въ пользу гипотезы.

Вопросъ о прогрессѣ вообще, не совпадающій съ вопросомъ о прогрессѣ въ частностяхъ, требуетъ предварительнаго

обсужденія вопросовъ первостепенной важности, между прочимъ, слѣдующаго вопроса: имѣется ли среди разнообразныхъ нашихъ цѣлей, какая нибудь высшая пѣль, къ которой, въ концѣ концовъ, мы всѣ стремимся? Если означенная верховная цѣль существуетъ, заслуживаетъ ли она, чтобы къ ней дѣйствительно стремились?

Наблюденіе показываетъ, что человѣкъ ставитъ себѣ во всѣхъ случаяхъ цѣлью пріятное ощущеніе. Исключенія, усматриваемыя при этомъ, являются только кажущимися. Человѣкъ довольно часто причиняетъ себѣ положительныя страданія, но всегда съ цѣлью купить этой цѣною болѣе сильное или же болѣе прочное счастье въ будущемъ. Цѣль какъ бы отодвигается въ даль, но по существу остается та же. Полнѣйшее отреченіе отъ земныхъ радостей не въ состояніи скрыть разчета, которымъ оно обуславливается. Если я считаю вѣчное блаженство несравненно болѣе прочнымъ и желательнымъ, чѣмъ всѣ земныя блага и радости, я все-таки стремлюсь къ счастью и жертвую въ сущности лишь для большаго счастья меньшимъ. Никто никогда не согласится страдать ради самого страданія безъ надежды на соотвѣтственное вознагражденіе.

Многіе моралисты (напр. послѣдователи Канта) предполагаютъ у жизни иную цѣль. По ихъ мнѣнію, жить слѣдуетъ для исполненія долга. Въ чемъ же, однако, заключается этотъ долгъ? Если въ томъ, чтобы доставлять счастье ближнему, то истинной цѣлью оказывается все-таки счастье. Погоня за счастьемъ, оказывающаяся незаконной въ примѣненіи къ себѣ самому, не только бы оправдывалась, но даже и предписывалась по отношенію къ ближнему. Здѣсь проявляется поэтому принципиальное противорѣчіе. Съ практической точки зрѣнія можно представить еще и другое возраженіе. Каждому пришлось бы заботиться о счастьи другого лица, относительно котораго безъ сомнѣнія легче ошибиться, чѣмъ самому заинтересованному лицу. Такимъ образомъ выполненіе чрезвычайно труднаго и сложнаго дѣла было бы изъято изъ рукъ наиболѣе компетентныхъ и передано менѣе компетентнымъ.

Человѣческое общество, которое вздумало бы руководствоваться упомянутой формулой долга, вѣроятно представило бы довольно странное зрѣлище множества ошибокъ и недоразумѣній, учиненныхъ съ наилучшими намѣреніями. Въ интересахъ человѣческаго прогресса вовсе не желательно поэтому наступленіе временъ, когда каждый, совершенно забывая о собственныхъ интересахъ, сталъ бы заботиться лишь объ интересахъ ближняго. Впрочемъ такого переворота, сколько можно судить, нечего опасаться.

Единственной научной формулой для цѣли, къ которой стремится человѣкъ, слѣдуетъ повидимому признать исканіе счастья при соблюденіи долга. Никакое условіе, какъ бы существеннымъ оно ни было для достиженія цѣли, не должно признаваться самою цѣлью.

Необходимо поэтому принимать цѣль индивидуальной жизни такую, какую указываетъ ее намъ всеобщій образъ дѣйствій и такую она безъ сомнѣнія является уже по самому складу человека. Необходимо однако разсмотрѣть, что такое, собственно говоря, счастье и при какихъ условіяхъ стремится отдѣльная личность къ его достиженію.

Разнообразіе потребностей и законъ относительности заставляютъ отдѣльную личность стремиться то къ одному, то къ другому пріятному ощущенію. Счастье оказывается поэтому не простымъ объектомъ, а смѣною разнообразныхъ ощущенийъ.

Еслибъ дѣло ограничивалось лишь послѣдовательнымъ чередованіемъ ощущенийъ, то рѣшить вопросъ было бы не особенно трудно. Въ дѣйствительности однако онъ до чрезвычайности осложняется.

Стремленіе человека доставить себѣ пріятное ощущеніе должно осуществляться въ сопротивляющейся средѣ. Этою средою является прежде всего естественная среда, удерживающая въ себѣ часть предметовъ, способныхъ доставить пріятное ощущеніе. Надо исторгнуть отъ нея эти предметы. Необходимость непрестанной борьбы человека съ природою является, такъ сказать, избитою истиной. Другую сопротивляющуюся среду человекъ встрѣчаетъ въ своемъ ближнемъ. Одинъ человекъ по отношенію къ другому оказывается прирожденнымъ соперникомъ, какъ соучастникъ въ дѣлѣжѣ естественныхъ благъ, но въ то же время онъ играетъ роль помощника, сотрудничество котораго необходимо. Борьба человека съ человекомъ является поэтому фактомъ настолько же постояннымъ, какъ и борьба человека съ природою.

Въ виду существованія двойственной сопротивляющейся среды доставленіе себѣ пріятныхъ ощущенийъ становится возможнымъ для человека лишь при условіи усвоенія того, что можно было бы назвать практическими способностями. Въ каждомъ данномъ случаѣ необходимо употреблять надлежащіе средства, соблюдать извѣстные условія, такъ какъ иначе неизбежно получится неудача или пораженіе.

Подобно индивидуальной жизни, исторія складывается въ сущности изъ стремленія къ пріятнымъ ощущеніямъ, соединеннаго съ примѣненіемъ болѣе или менѣе соотвѣтственныхъ средствъ и соблюденіемъ необходимыхъ условій. Такимъ образомъ она глав-

нымъ образомъ является постепеннымъ развитіемъ практическаго искусства и имѣть соотвѣтственный характеръ. Это логическое заключеніе заставляетъ насъ совершенно расходиться съ тѣми, кто желалъ бы, подобно Спенсеру, разсматривать исторію, какъ процессъ органическаго развитія.

Если понимать подъ словомъ богатство всѣ предметы, способные доставлять пріятное ощущеніе и добываемые путемъ борьбы отъ природы, то можно будетъ опредѣлить значительную часть исторіи, какъ результатъ стремленія къ богатству при помощи разнообразныхъ средствъ, которыя однако всѣ сводятся къ двумъ, а именно къ труду и знанію. Добавимъ, что исторія является результатомъ всегда недостаточно полного соблюденія этихъ двухъ условій.

Какъ уже упомянуто, лицомъ къ лицу съ человѣкомъ стоитъ его ближній, способный доставить пріятныя, но также и весьма непріятныя ощущенія. Въ борьбѣ съ нимъ дѣло идетъ не объ окончательной побѣдѣ. Такое полное торжество надъ ближнимъ явилось бы въ сущности пораженіемъ для самого побѣдителя. Здѣсь является желательнымъ достиженіе извѣстной сдѣлки, — нѣкотораго соглашенія. Необходимое при этомъ условіе можетъ быть опредѣлено однимъ словомъ: справедливость. Человѣкъ стремится тутъ къ пріятному ощущенію подъ условіемъ соблюденія справедливости. Исторія является въ значительной степени результатомъ искусства быть справедливымъ и недостаточно полного практическаго примѣненія этого искусства.

Всѣ ли однако исчерпывается въ погонѣ за счастьемъ борьбою съ природою и борьбой со своимъ ближнимъ? Нѣтъ. Необходимо ознакомиться съ еще болѣе глубокимъ и сокровеннымъ конфликтомъ. Представимъ себѣ, что природа побѣждена, что соглашеніе установилось между отдѣльными народами, сословіями и личностями. Даже и послѣ того исторія окажется результатомъ борьбы различныхъ цѣлей, къ которымъ стремится одна и та же человѣческая воля.

Два стремленія въ одномъ и томъ же умѣ очевидно являются соперничающими уже потому, что они неизбѣжно мѣшаютъ другъ другу. Имъ приходится дѣлить между собою прежде всего время, изъ котораго, если можно такъ выразиться, соткана жизнь. Затѣмъ дѣлежу подлежитъ активная энергія, всегда очень ограниченная, и наконецъ условія, благопріятствующія ихъ возрожденію въ памяти, въ душевной жизни, въ волевыхъ импульсахъ. То, что беретъ себѣ какое либо одно стремленіе, неминуемо отнимается у другого. Дѣло этимъ не ограничивается. Стремленіе, которому человѣкъ долго слѣдуетъ, пролагаетъ въ его умѣ

широкіе пути, по которымъ свободно движутся идейные и волевые импульсы, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрываетъ другіе пути, такъ что зачастую по нимъ движеніе такихъ импульсовъ становится невозможнымъ.

Внутреннее соперничество проявляется всегда также и внѣшними симптомами. Условіе, содѣйствующее удовлетворенію какой либо потребности и выполнимое часто лишь съ большимъ трудомъ, можетъ оказаться препятствіемъ для удовлетворенія другихъ потребностей человѣка. Такъ напримѣръ, раздѣленіе труда, благопріятное въ экономическомъ отношеніи, служитъ препятствіемъ умственному развитію рабочаго. Военная организація, способствующая возбужденію въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворенію любви къ славѣ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по большей части, препятствіемъ развитію промышленности и торговли, удовлетворяющему экономическимъ потребностямъ.

Можетъ ли когда либо прекратиться внутренняя борьба? Это не представляется правдоподобнымъ. Не предвидится, чтобы человѣкъ былъ въ состояніи когда либо всецѣло искоренить въ себѣ животную сторону, которой соотвѣтствуютъ интересы: экономическій и половой. Еслибъ это оказалось даже возможнымъ для человѣка, то слѣдовало бы задать себѣ вопросъ: умѣстно ли воспользоваться такой возможностью? Такой переворотъ по всѣмъ вѣроятіямъ разрушилъ бы фундаментъ, служащій опорой для способностей, которымъ чрезмѣрно желали покровительствовать. Это значило бы погубить стебель изъ за чрезмѣрной любви къ цвѣтамъ. Здѣсь можетъ быть рѣчь поѣтому лишь о томъ, чтобы установить нѣкоторую соразмѣрность, болѣе или менѣе выгодную для тѣхъ или иныхъ способностей. Короче сказать, всё сводится опять къ соглашенію и примиренію противоположныхъ интересовъ. Условіе это не представляетъ само по себѣ ничего новаго. Мы уже видѣли, что оно служитъ конечною цѣлью умнѣнія человѣка побѣждать въ борьбѣ со своими ближними, причемъ достигнутое равновѣсіе, какъ извѣстно, именуется справедливостью. Во внутреннемъ конфликтѣ различныхъ стремленій, свойственныхъ человѣку, искомое соглашеніе до сихъ поръ еще не имѣло особаго наименованія: до такой степени незамѣченнымъ оставался этотъ обширный и трудный вопросъ. Мы временно назовемъ это соглашеніе нравственнымъ равновѣсіемъ.

Исторія оказывается поѣтому и тутъ результатомъ стремленія къ счастію подъ условіемъ пріисканія равновѣсія между различными цѣлями, свойственными человѣку. Я присовокуплю къ этому, что она является результатомъ въ высшей степени неполнаго соблюденія этого условія.

Подводя итогъ, мы найдемъ, что изъ трехъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно взглянуть на исторію, всего лишь одна борьба съ природою имѣетъ характеръ сравнительной простоты въ томъ смыслѣ, что человѣкъ идетъ тутъ всё въ одномъ и томъ же направленіи, такъ какъ не связанъ необходимостью остановиться гдѣ либо. Онъ всегда вправѣ прибавить еще шагъ впередъ къ пройденному уже пути и продолжить этотъ путь безъ того, чтобы это ему угрожало — *пока по крайней мѣрѣ* — какимъ либо неудобствомъ или опасностью.

Что касается до двухъ другихъ точекъ зрѣнія, то положеніе представляется инымъ. Тутъ вопросъ заключается уже не въ томъ, чтобы идти всё далѣе впередъ въ одномъ и томъ же направленіи. Характеръ исторіи приходится уже символически изображать не безостановочнымъ прогрессивнымъ шествіемъ, а скорѣе сравненіемъ съ чувствительными вѣсами, которыя все время колеблются, наклоняясь въ сторону то одной, то другой нагруженной чашки, причемъ колебанія эти происходятъ въ данный моментъ около одного, а въ другой моментъ около другого положенія равновѣсія. Смотри по положенію равновѣсія, результатъ въ смыслѣ общей суммы счастья для всего человѣчества является благоприятнымъ или неблагоприятнымъ. Вернемся къ упомянутому уже примѣру: экономическій интересъ требуетъ въ каждомъ человѣкѣ возможно большаго развитія экономическихъ способностей. Это достигается раздѣленіемъ труда. Въ сферѣ экономическихъ отношеній раздѣленіе труда оказывается до чрезвычайности выгоднымъ и производитъ настоящія чудеса, но во многихъ случаяхъ оно было доведено до того, что обратило человека въ машину, избавленную отъ необходимости шевелить мозгами, лишенную всякаго самолюбія и профессиональнаго увлеченія. Умственные и нравственные качества человека были ослаблены тѣмъ самымъ раздѣленіемъ труда, которое усилило экономическую его производительность. Очевидно, что въ данномъ случаѣ положеніе равновѣсія, около котораго совершаются колебанія, оказывается вреднымъ для человѣчества. Какъ же слѣдуетъ теперь поступить? Надо помочь горю, сохранивъ въ извѣстной степени выгоды экономической производительности, доставляемыя раздѣленіемъ труда. Иначе сказать, надо пріискать иное положеніе равновѣсія, иную форму примиренія соперничающихъ интересовъ. Мы приведемъ еще нѣсколько примѣровъ такой необходимости, изъ которой выяснится, что отъ ея дѣйствія ускользаютъ лишь весьма немногія категоріи историческихъ явленій.

Конфликтъ, соперничество или борьба за существованіе, фактъ тотъ, какимъ бы именемъ его ни называли, имѣетъ въ исторіи

характеръ условія, встрѣчающагося всюду въ тройственной своей формѣ. Условіе это является къ тому же единственнымъ, встрѣчающимся всегда и всюду.

Являясь условіемъ по отношенію ко всему иному, борьба за существованіе, рассматриваемая сама по себѣ, можетъ быть названа закономъ. Это единственный законъ, дѣйствіе котораго распространяется на всю исторію. Мы не замедлимъ убѣдиться, что прогрессъ, которому тоже приписывали характеръ закона, далеко не въ такой степени обладаетъ необходимыми для закона условіями постоянства и всеобщности дѣйствія.

Внутренній конфликтъ, присущій каждому человѣку, по видимому служить воплощеніемъ въ человѣчествѣ или психическимъ выраженіемъ самаго высшаго изъ констатированныхъ до сихъ поръ законовъ природы, а именно закона сохраненія энергіи, которая только преобразуется, но не можетъ убывать или возрастать. Замѣчаніе это оказывается далеко не лишнимъ, такъ какъ даетъ чувствовать всю неизбѣжность властнаго дѣйствія закона борьбы.

II.

Примѣры противоположностей, вызываемыхъ неизбѣжнымъ закономъ борьбы.

Можно было бы составить особую книгу, посвященную разсмотрѣнію и указанію компромиссовъ, которые приходится осуществлять человѣчеству въ разныхъ направленіяхъ, какъ необходимы условія будущаго своего прогресса. Мы должны по этому ограничиться лишь нѣкоторыми примѣрами.

Я указалъ уже въ сферѣ экономическихъ отношеній обстоятельства, весьма благопріятныя созиданію богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ отражающія невыгоднымъ образомъ на его распредѣленіи. Я констатировалъ между прочимъ то и другое вліяніе въ примѣрѣ раздѣленія труда. Благодѣтельное вліяніе означеннаго раздѣленія въ достаточной степени извѣстно. Мы отмѣтимъ поэтому лишь вредное его вліяніе. Рабочій, который пріобрѣлъ необычайную ловкость исключительно только въ изготовленіи какой-нибудь части данной вещи, зависитъ несравненно въ большей степени отъ экономической среды, чѣмъ рабочій, способный сдѣлать всю вещь, а намъ извѣстны пагубныя послѣдствія такой зависимости.

Механическія изобрѣтенія, съ одной стороны столь благотельныя, поражаютъ съ другой стороны такіе же результаты, какъ и раздѣленіе труда. Они вносятъ въ промышленность не-

устойчивость и переменны въ способахъ производства, оставляющія рабочаго не у дѣлъ временно или же и навсегда. Кромѣ того рабочій, приставленный къ машинѣ, становится простымъ орудіемъ. Трудъ его понижается въ цѣнности подобно тому, какъ и самъ онъ утрачиваетъ часть своей цѣнности въ смыслѣ существа, одареннаго разумомъ и волею. Такимъ образомъ обнаруживается коренная противоположность интересовъ каждого человѣка, какъ производителя и потребителя,—противоположность, облекающаяся также и во множество иныхъ формъ.

Займствуя изъ сферы экономическихъ отношеній еще и другой примѣръ. Сосредоточеніе населенія въ городахъ вызываетъ у людей повышеніе умственной дѣятельности и напряженіе воли, благопріятныя созиданію богатства и накопленію знаній. Напротивъ того распредѣленіе богатства, а также и нравственность терпятъ при этомъ большой ущербъ.

Существованіе рѣзко разграниченныхъ сословій, раздѣляющее все общество на отдѣльныя группы и порождающее въ каждой изъ нихъ систему узкаго, но въ высшей степени вліятельнаго общественнаго мнѣнія, оказывается выгоднымъ съ точки зрѣнія исполненія постановленій нравственности, но за то какія препятствія оно создаетъ успѣху знаній и даже прогрессу промышленности! Напротивъ того, когда принудительная сила общественнаго мнѣнія ослабѣваетъ вслѣдствіе разрушенія границъ между сословіями, обнаруживается во многихъ отношеніяхъ значительный прогрессъ, сопровождаемый однако упадкомъ нравственности.

Перейдемъ теперь къ семьѣ. Первоначально она имѣла совершенно иной характеръ, чѣмъ теперь. Она охватывала тогда своими узами весьма значительное число членовъ. Родственники составляли въ совокупности цѣлый маленькій народецъ. Всѣ они были связаны другъ съ другомъ обязанностями взаимной помощи, сочувствія и тѣсной солидарности по отношенію къ постороннимъ. Постепенно однако семья, а вмѣстѣ съ нею чувства солидарности и сочувствія все суживаются. Наконецъ семья ограничивается единственно только узкой группой отца, матери и дѣтей, т. е. однимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ прежней большою семьей исчезли многія вредныя ея экономическія послѣдствія и между прочимъ извѣстный семейный коммунизмъ, препятствовавшій развитію личной самостоятельности. Каждое хозяйство стало работать только на себя, а потому личная отвѣтственность усилилась, вызвавъ соотвѣтственное усиленіе стремленія къ наживѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако утрачено очень много такого, о чемъ имѣется полное основаніе

сожалѣть. Взаимныя симпатіи ослабѣли, себялюбіе и, если можно такъ выразиться, партикуляризмъ значительно распространились и разрослись. Примѣры эти въ достаточной степени указываютъ, что данное условіе, выгодно вліяющее въ одномъ смыслѣ, можетъ оказаться вреднымъ въ другомъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ существенныхъ противоположностей въ самомъ человѣкѣ, побуждающихъ къ отысканію внутреннихъ компромиссовъ и соглашеній. Дѣйствительно внутреннее и каждаго человѣка является, такъ сказать, яблокомъ раздора между различными эмоціями, каждая изъ которыхъ стремится захватить его всецѣло.

Можно раздѣлить эмоціи на три разряда: чувственные, сердечныя и умственные. Борьба ведется по преимуществу между двумя первыми, что не мѣшаетъ имъ впрочемъ соединяться вмѣстѣ противъ разсудочныхъ эмоцій. Тотъ, кто слишкомъ предается погонѣ за богатствомъ, являющимся необходимымъ орудіемъ для доставленія себѣ пріятныхъ чувственныхъ эмоцій, лишаетъ себя всего остального. Разсматривая противоположную крайность, мы найдемъ, что человѣкъ всецѣло поглощенный умственными занятіями, лишаетъ себя всякой экономической цѣнности и зачастую становится еще неоплатнымъ должникомъ, не возвращающимъ въ сферѣ чувства и нравственныхъ обязанностей того, что получаетъ отъ семьи или отъ друзей. Чрезмѣрная склонность къ сердечнымъ эмоціямъ вызываетъ въ свою очередь хорошо извѣстные результаты, а именно: ослабленіе производительности въ экономической и интеллектуальной сферахъ. Столкновеніе проявляется даже и въ нѣдрахъ чисто умственной дѣятельности. Она характеризуется двумя важными процессами: усматриваніемъ различія и сходства. Одинъ изъ этихъ двухъ процессовъ постоянно одерживаетъ верхъ и вызываетъ ослабленіе способности къ другому. Каждый умъ неизбѣжно становится по преимуществу аналитическимъ или же синтетическимъ.

Чтобъ лучше уяснить себѣ сущность такъ называемаго прогресса, припомнимъ то, что было уже сказано нами по этому поводу, а именно что существуютъ двѣ формы прогресса. Иногда онъ представляется просто ввидѣ накопленія богатства и знаній, иногда же въ формѣ болѣе соотвѣтственнаго равновѣсія, болѣе удачнаго компромисса. Съ точки зрѣнія случайности и неизбѣжности обнаруживается между обѣими этими формами, какъ мы это сейчасъ увидимъ, значительная разница.

Въ сущности все сводится къ тому, что человѣкъ, наиболѣе пригодный къ одному дѣлу, можетъ не быть и обыкновенно не бываетъ наиболѣе пригоднымъ къ другому дѣлу. Не удивительно,

если большинство людей, мечтающих о всеобщей естественной гармоніи, упускаютъ изъ виду эту великую истину, но тѣмъ не менѣ можно изумляться, встрѣчая такія упущенія или противорѣчія даже и у недюжинныхъ мыслителей. Такъ напримѣръ Спенсеръ въ своей «Соціологіи» совершенно справедливо разсматриваетъ военныя и экономическія установленія, какъ находящіяся въ прямой противоположности, а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ проводитъ мысль, что война играла въ свое время полезную роль, вызвавъ выгодный подборъ и доставивъ побѣду болѣе совершеннымъ. Слово: «совершенный» онъ понимаетъ здѣсь въ абсолютномъ смыслѣ большого совершенства во всѣхъ отношеніяхъ.

Идея эта кажется мнѣ не выдерживающей критики (въ системѣ самого Спенсера она является противорѣчіемъ). Народъ, который Спенсеръ имѣлъ при этомъ особенно въ виду, а именно древніе греки, счумѣлъ оставить послѣ себя многое, кромѣ военныхъ подвиговъ, но способность къ созданію этого многого вовсе не была обусловлена у него умѣніемъ воевать. Напротивъ того, безъ войнъ греки достигли бы несравненно большаго... Примѣръ грековъ доказываетъ поэтому лишь, что въ народѣ, достаточно многочисленномъ для возможности примѣненія въ немъ принципа раздѣленія соціальнаго труда, могутъ существовать и уживаться другъ съ другомъ совершенно противоположныя формы дѣятельности. Ничего большаго вывести отсюда нельзя. Къ тому же сама исторія позаботилась представить категорическое возраженіе: болѣе пригодный къ войнѣ римлянинъ побѣдилъ грека, болѣе пригоднаго ко многому другому. Результатъ оказался довольно неблагоприятнымъ для человѣчества, какъ это выяснилось крушеніемъ древней цивилизаціи. Побѣдоносная война можетъ въ самомъ благоприятномъ случаѣ разрѣшить только вопросъ о томъ, какой изъ двухъ народовъ оказывается болѣе пригоднымъ для военнаго дѣла.

При такихъ обстоятельствахъ, наслаждаясь эмоціей какой либо категоріи, я неизбежно лишаю себя эмоціи другой категоріи. Мои старанія добиться какого либо удовольствія становятся всегда въ нѣкоторой мѣрѣ препятствіемъ иному удовольствію, которое мнѣ желательно доставить себѣ впослѣдствіи. Зачастую это препятствіе оказывается непреодолимымъ. Стремленіе къ счастью каждый разъ принуждаетъ меня къ борьбѣ съ природой и соперничеству съ ближними: всюду подымается передо мною законъ борьбы. Все это обращаетъ жизнь въ постоянное обсужденіе и расчетъ. Надо ежеминутно взвѣшивать представляющуюся эмоцію, сопоставлять ее съ трудомъ, который надо затратить для ея приобрѣтенія, и съ наслажденіемъ, которое она сдѣлаетъ по-

томъ невозможнымъ. Чѣмъ обдуманнѣе и предусмотрительнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ сознаетъ трудность разсчета, налагаемаго на него погоней за счастьемъ или практическимъ умѣніемъ жить, а между тѣмъ разсчеты эти приводятъ только къ рѣшеніямъ, имѣющимъ характеръ простой вѣроятности.

Историкъ, желающій выяснитъ, были ли люди, жившіе въ данный періодъ, счастливы, чѣмъ жившіе въ другой періодъ, руководствуется внѣшними признаками, но эти признаки не служатъ точными доказательствами счастья, а только дозволяютъ дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія. Внутреннее самочувствіе могло идти съ ними прямо въ разрѣзъ. Его же именно и слѣдовало уловить, а между тѣмъ оно оказывается неуловимымъ. Возьмемъ на примѣръ богатство. Привычка дѣлаетъ вскорѣ человѣка нечувствительнымъ къ его возростанію. Удовлетвореніе сложныхъ экономическихъ потребностей перестаетъ доставлять больше счастья, чѣмъ удовлетвореніе болѣе простыхъ потребностей. Во всякомъ случаѣ оно сильнѣе разжигаетъ въ насъ болѣе многочисленныя желанія, сплошь и рядомъ налагаетъ на насъ больше труда и чаще вызываетъ столкновенія съ ближнимъ. Эта обратная сторона служитъ весьма непріятнымъ противовѣсомъ. Простота вкусовъ и примитивная умѣренность являются по отношенію къ счастью вполне равноцѣнными увеличенію богатства. Счастіе при такъ называемомъ среднемъ достаткѣ наряду съ богатствомъ, сопряженнымъ съ тревогою и заботами, не представляетъ рѣдкаго зрѣлища.

Улучшеніе нравственности убавляетъ случаи конфликта съ нашими ближними и съ этой точки зрѣнія представляется какъ бы дѣйствительнымъ прогрессомъ счастья. На самомъ дѣлѣ однако нравственность преимущественно заключается въ добровольномъ самоограниченіи, которое никогда не можетъ имѣть характеръ пріятной эмоціи. При самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ оно можетъ приводить къ непріятной эмоціи, мало ощутительной и почти безразличной. «Удовольствіе, доставляемое чувствомъ исполненнаго долга» является просто напросто лживою фразой, которая однако намъ льститъ. Когда долгъ на самомъ дѣлѣ тяжелъ, удовольствіе его выполнить имѣетъ характеръ весьма горького удовольствія, вызываемаго сознаніемъ, что мы испытываемъ меньшее изъ двухъ золъ. Было бы парадоксально называть это меньшее зло фактическимъ наслажденіемъ.

Далѣе и въ интеллектуальной сферѣ прогрессъ не можетъ непрерывно происходить безъ ущерба. Отсутствіе предусмотрительности и беззаботность имѣетъ тоже свои хорошія сто-

роны*) Предусмотрительность заставляет насъ испытывать заранее не только удовольствія, но и страданія. Она удесятеряетъ для насъ ощущеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ**).

Эти замѣчанія о внутреннемъ я приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію: историку чрезвычайно трудно знать, дѣйствительно ли человѣкъ, жившій въ данное время, устраивалъ себѣ счастье разсчитливѣе, чѣмъ человѣкъ другого періода, а въ особенности обладалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ большею суммой прочувствованнаго счастья?

Это еще далеко не все. Выйдя изъ сферы отвлеченныхъ соображеній, мы должны признать, что общество далеко не представляетъ собою простого и однороднаго цѣлаго. Возьмемъ эпоху, достаточно подвинувшуюся въ своемъ развитіи и во всякомъ случаѣ болѣе всего намъ извѣстную, а именно современную намъ эпоху. Мы усматриваемъ въ ней то же самое, что безъ сомнѣнія представлялось и всегда, а именно существованіе людей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ временамъ. Среди нашихъ современниковъ есть варвары и даже дикари, люди, стоящіе на уровнѣ классической древности, и средневѣковые люди. Умственная и нравственная эволюція, которую можно изобразить въ общихъ и отвлеченныхъ чертахъ въ историческомъ сочиненіи съ философскою или научною подкладкою, на самомъ дѣлѣ осуществилась лишь въ немногихъ, сравнительно рѣдкихъ экземплярахъ человѣка. Она является принадлежностью избранныхъ и составляетъ какъ бы особую ихъ привилегію.

Говоря о прогрессѣ всего человѣчества, необходимо разсматривать участь массъ отдѣльно отъ участи эгихъ избранныхъ и даже обращать преимущественно вниманіе на положеніе массъ. Такъ какъ у насъ идетъ рѣчь о современной эпохѣ, то мы и поставимъ вопросъ: дѣйствительно ли народныя массы теперь счастливѣе, чѣмъ въ былыя времена? Многіе найдутъ возмож-

*) Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли цивилизованный человѣкъ счастливѣе дикаря, можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ вопроса: кто счастливѣе, взрослый или ребенокъ? Многіе склоны будутъ признавать ребенка счастливѣе на основаніи доводовъ, большинство которыхъ примѣнимо и къ дикарю. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что многіе дикари, ознакомившись съ цивилизаціей, потомъ отъ нея отказались. Многіе цивилизованные люди, придя въ соприкосновеніе съ состояніемъ дикарей, отдали ему предпочтеніе.

**) Болѣе отчетливое предусматриваніе неизбежности смерти само по себѣ уже можетъ у весьма развитыхъ умовъ служить противовѣсомъ весьма многимъ преимуществамъ. Быть можетъ, придетъ время, когда человѣкъ начнетъ такъ рано, съ такой отчетливостью и живостью усматривать наступленіе рокового конца, что настроеніе человѣка сдѣлается болѣе мрачнымъ, не смотря на весь окружающій его прогрессъ.

нымъ безъ малѣйшаго колебанія отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Я не стану говорить, что они не правы, а замѣчу только, что они выказываютъ чрезмѣрную уже увѣренность, основанную на доказательствахъ, которыя далеко не такъ убѣдительны, какъ это можно было бы думать. Какъ уже упомянуто, мы пользуемся теперь бѣльшимъ накопленіемъ богатствъ, чѣмъ въ прежнія времена, но эти богатства имѣютъ зачастую для человѣка лишь потенціальный характеръ. Для большей удобопонятности будемъ различать въ человѣкѣ производителя и потребителя.

Какъ потребитель, современный человѣкъ по сравненію съ своими предшественниками оказывается какъ будто въ болѣе выгодномъ положеніи. Обладая ничтожною суммою въ одинъ франкъ, я могу располагать въ извѣстныхъ направленіяхъ возможностями, недоступными средневѣковому человѣку. Такъ напр. я могу проѣхать въ нѣсколько минутъ двадцать верстъ и т. п., но для этого мнѣ непременно надо имѣть франкъ. По мѣрѣ обладанія все большимъ числомъ франковъ, я приобретаю въ большей степени возможность участвовать въ указанныхъ преимуществахъ современнаго мнѣ экономическаго строя сравнительно съ таковымъ же строемъ предшествовавшихъ временъ. Возможность эта оказывается слѣдовательно не абсолютной, а только условной и въ концѣ концовъ пропорціональной богатству каждой отдѣльной личности.

Самыя преимущества, о которыхъ идетъ рѣчь, проявляются далеко не во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мой франкъ стоитъ (или будетъ вскорѣ стоять) меньше, чѣмъ напр. въ средніе вѣка. Дѣйствительно вовсе не доказано, чтобъ можно было теперь на ту же самую денежную цѣнность купить такое же количество нѣкоторыхъ продуктовъ, напр. хотя бы говядины.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, улучшилась ли участь человѣка, какъ производителя? Не подлежитъ сомнѣнію, что рабство смѣнилось крѣпостной зависимостью, которая въ свою очередь уступила мѣсто вольнонаемному труду. Это должно было повлечь за собою прогрессъ независимости, а слѣдовательно и нравственнаго достоинства. Такое заключеніе будетъ имѣть характеръ почти полной достовѣрности, но что касается до прогресса въ дѣйствительномъ счастьѣ, то его зачастую оспаривали, и онъ дѣйствительно представляется спорнымъ. Нынѣшній свободный рабочій, судя по всему, трудится въ гораздо большей степени, чѣмъ прежній рабъ, по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, да кромѣ того еще на немъ лежитъ

несравненно болѣе заботъ. Неувѣренность въ будущемъ для себя самого и для своей семьи ложится тѣмъ болѣе тяжелымъ гнетомъ на рабочаго, чѣмъ онъ развитіе нравственно и умственно. Чтобы уравновѣсить эти невыгоды, надо было бы вообразить себѣ весьма уже тяжелое состояніе рабства. Не останавливаясь однако на этихъ деталяхъ, перейдемъ прямо къ сущности вопроса. Все дѣло заключается въ самочувствіи, т. е. въ томъ, какъ человѣкъ относится къ своей участи. Интересно знать, чувствуетъ ли современный рабочій въ большей или меньшей степени то, чего ему недостаетъ и что онъ видитъ у другихъ, чѣмъ чувствовалъ это крѣпостной? Большой смѣлостью долженъ обладать тотъ, кто рѣшился бы категорически отвѣтить на этотъ вопросъ.

Привычка къ богатству и возростаніе потребностей ослабляютъ или даже совсѣмъ прекращаютъ прогрессъ богатства въ смыслѣ ощущаемаго счастья. Въмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ нравственности является прогрессомъ самопринужденія, приводящимъ въ самомъ лучшемъ случаѣ къ безразличнымъ ощущеніямъ. Эти факты въ достаточной степени свидѣлствуютъ, что природа не особенно расположена содѣйствовать осуществленію нашихъ желаній и не настолько любезна, чтобы непосредственно направлять насъ къ счастью. Съ другой стороны однако трудъ, являющійся необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія богатства, усиліе надъ собою, вызывающее нравственный прогрессъ, страданіе и скорбь, если только они не переходятъ за извѣстный предѣлъ, неизбежно вызываютъ прогрессъ интеллектуальный. Такимъ образомъ въ жизни общества наибольшую вѣроятность имѣетъ развитіе разума въ ширь и въ глубь. Еслибъ вообще было позволительно думать, что природа постановила для насъ какую либо цѣль, то можно было бы сказать, что цѣль эта заключается въ развитіи человѣческаго разума. Проявляющійся такимъ образомъ законъ влечетъ за собою послѣдствія, которыя надлежитъ разсмотрѣть съ точки зрѣнія ихъ вліянія на счастье.

Эмоціи, какъ уже упомянуто, могутъ быть раздѣлены на чувственные, сердечныя и умственные. Примѣрами могутъ служить наслажденія, доставляемые вкуснымъ обѣдомъ, родительской любовью, художественнымъ творчествомъ или научнымъ изысканіемъ.

По мѣрѣ перехода отъ чувственныхъ эмоцій къ умственнымъ, эмоція пріобрѣтаетъ все въ большей степени нѣкоторыя черты, заслуживающія того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Вообще говоря, умственные эмоціи обладаютъ меньшею живостью, чѣмъ чувственные и сердечныя, но зато имѣютъ на своей сто-

ронѣ другое преимущество. Они не ослабѣваютъ отъ продолжительности и повторенія. Порождаемое ими слабое мирное счастье можетъ быть непрерывнымъ и наполнять почти всѣ мгновенья существованія. Средствомъ къ приобрѣтенію этого счастья является опять-таки трудъ, но онъ является здѣсь главнымъ источникомъ пріятной эмоціи. Трудъ, обыкновенно ослабляющій счастье, здѣсь напротивъ увеличиваетъ его, что составляетъ громадное преимущество въ пользу умственныхъ эмоцій.

Наслажденія, принадлежащія къ этой категоріи, могутъ сообщаться другимъ лицамъ безъ всякаго ущерба для кого бы то ни было, вслѣдствіе чего исчезаетъ всякій поводъ къ конфликту между частными лицами и отдѣльными группами. Что касается до внутренняго конфликта въ собственномъ я, онъ разумѣется не исчезаетъ, но сводится къ возможно меньшимъ размѣрамъ. Стремленіе къ такой формѣ счастья, становясь преобладающимъ, вредитъ одному только стремленію разбогатѣть и устраняетъ лишь наслажденіе роскошью. Напротивъ того, преобладающее стремленіе къ богатству, вслѣдствіе соединенныхъ съ нимъ заботъ, трудовъ и борьбы, вообще говоря, препятствуетъ возникновенію не только умственныхъ, но даже и сердечныхъ эмоцій.

Короче сказать, человѣкъ, который отмежевывается въ своей жизни значительную долю стремленій къ умственнымъ эмоціямъ, теряетъ въ силѣ, но выигрываетъ въ прочности достигаемаго имъ наслажденія. Законъ конфликта, налагающій на насъ въ борьбѣ нашей съ природой кару труда, а въ соперничествѣ съ нашими ближними—кару взаимной вражды и раздоровъ, не устраняется вполне и для такого человѣка, но иго, налагаемое этимъ закономъ, облегчается для него до минимума.

Отсюда представляется возможнымъ прежде всего вывести слѣдующее заключеніе: самое надежное правило искусства жить или искусства быть счастливымъ заключается въ томъ, чтобы стремиться въ значительной степени къ умственнымъ эмоціямъ. Впрочемъ и при этомъ условіи искусство жить будетъ сопряжено съ достаточными трудностями въ виду невозможности примѣнить къ нему какой либо абсолютный принципъ. Дѣйствительно нельзя отдаться всецѣло даже и умственнымъ эмоціямъ. Необходимо все-таки компромиссъ, неизбежность котораго обусловлена неизмѣннымъ закономъ конфликта. Приходится все-таки жить въ экономическомъ смыслѣ этого слова, а также быть супругомъ, отцомъ, гражданиномъ и другомъ.

Другое весьма важное заключеніе состоитъ въ томъ, что самый ходъ событій, направляя насъ все къ болѣе значительному развитію ума, если не споспѣшествуетъ непосредственно выпол-

ненію нашихъ желаній, то и не ставить имъ положительныхъ преградъ. Конечный пунктъ, къ которому направляется наша судьба, не совпадаетъ въ точности съ полюсомъ естественныхъ нашихъ стремленій, но и не слишкомъ удаленъ отъ этого полюса. Если мы признаемъ этотъ фактъ и примиримся съ нимъ, то судьба наша не будетъ представляться уже столь прискорбною.

Человѣческія общества или даже и все человѣчество, распался на отдѣльныхъ личностей, должны подчиняться тому же правилу жизни, какъ и отдѣльные люди. Для большой или малой человѣческой группы оказывается наиболѣе благопріятнымъ въ смыслѣ достижимаго счастья такое состояніе равновѣсія, при которомъ отводится значительная доля стремленію къ умственной эмоціи. Иначе и быть не можетъ.

Отсюда вытекаетъ очевидное слѣдствіе: историкъ, желающій измѣрить разстояніе между различными обществами на пути прогресса, найдетъ для этого наиболѣе подходящій масштабъ, опредѣливъ долю, отводимую въ каждомъ изъ этихъ обществъ умственнымъ эмоціямъ, искусству и наукѣ. Просимъ читателя обратить вниманіе, что если мы констатировали здѣсь въ качествѣ экспериментальной истины, что всякая культура начинается экономической эволюціей, то мы все же составляемъ себѣ сужденіе объ относительномъ уровнѣ цивилизаціи не по состоянію означенной эволюціи.

Необходимо замѣтить, впрочемъ, что предложенный здѣсь масштабъ далеко не отличается точностью или же удобствомъ въ примѣненіи. Вспомнимъ только, что общество состоитъ изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ наслоеній и что каждое изъ нихъ достигаетъ въ данный моментъ различнаго пункта развитія. Масштабъ оказывается примѣнимымъ лишь къ высшему изъ этихъ слоевъ.

Съ другой стороны у насъ въ дѣйствительности имѣется два масштаба: одинъ — для художественной, другой — для научной культуры. Подъ опасеніемъ впасть въ безвыходный хаосъ и запутаться въ противорѣчіяхъ необходимо выбрать одинъ изъ нихъ.

Нѣтъ надобности особенно настаивать на роли, которую играетъ наука съ точки зрѣнія полезности. Всѣмъ и каждому ясно, что человѣкъ живетъ въ экономическомъ отношеніи хорошо или дурно въ зависимости отъ власти, которую ему удалось приобрѣсти надъ природой. Очевидно также, что степень этой власти зависитъ отъ большаго или меньшаго знакомства его съ природой. Можетъ случиться, что какое нибудь точное знаніе останется надолго или даже навсегда безъ примѣненія, но зато невѣжество или ложныя свѣдѣнія всегда влекутъ за собою самыя пагубныя послѣд-

ствія. За невѣжество и заблужденіе человѣкъ всегда бываетъ наказанъ. Короче сказать, экономическое благополучіе зависитъ отъ уровня, на которомъ находится наука, имѣющая предметомъ изученіе законовъ природы.

Въ настоящее время существуютъ умы, развившіеся до такой степени исключительно въ этическомъ или эстетическомъ направленіяхъ, что приведенныя соображенія пожалуй на нихъ и не подѣйствуютъ. Можно будетъ однако же представить доводы, способные удовлетворить и эти умы.

При строгомъ и всестороннемъ разсмотрѣніи можно подмѣтить въ такъ называемомъ разумѣ единственно только нѣкоторыя стремленія или привычки, которыя бросаются въ глаза и легко поддаются опредѣленію, а именно стремленіе вѣрить тому, что дѣйствительно заслуживаетъ довѣрія, и не вѣрить тому, что въ самомъ дѣлѣ невѣроятно, стремленіе рассчитывать на повтореніе матеріальныхъ или психическихъ явленій въ той мѣрѣ, въ какой ихъ постоянство можетъ считаться доказаннымъ. Эти стремленія, изъ которыхъ складывается разумъ рода человѣческаго, очевидно находятся въ связи съ обладаніемъ научными знаніями. Подвергнувъ историческому или географическому изслѣдованію всю поверхность обитаемой нами планеты, нельзя будетъ найти, въ вышеуказанномъ смыслѣ, разумъ тамъ, гдѣ наука отсутствуетъ. Всюду онъ оказывается въ количествѣ, пропорціональномъ уровню науки. Соотношеніе это проявляется даже въ мелкихъ подробностяхъ. Различныя категоріи явленій природы обнаруживаютъ неодинаковое постоянство. Поэтому въ нѣкоторыхъ изъ этихъ категорій наука успѣла сравнительно давно уже сложиться, тогда какъ въ другихъ она сложилась позже, или даже совсѣмъ еще не сложилась. Соотвѣтственно съ этимъ можно наблюдать (какъ это впрочемъ давно уже замѣчено), что разумъ обнаруживается не во всѣхъ направленіяхъ съ одинаковою силою. Онъ пріобрѣлъ, если можно такъ выразиться, различныя степени прочности въ различныхъ сферахъ міросозерцанія. Тамъ, гдѣ наука завоевала себѣ болѣе прочную почву, проявляется и большая сила разума. Такъ напримѣръ, въ настоящее время нравственныя науки менѣе развиты, чѣмъ естествовѣдніе, а потому мы видимъ, что въ сферѣ этическихъ явленій человѣческій умъ зачастую принимаетъ на вѣру мысли, въ защиту которыхъ не приведено даже и зачатковъ доказательства.

Неосновательныя или преувеличенныя надежды, неосновательныя или преувеличенныя опасенія необходимо являются двумя полюсами, между которыми колеблется человѣкъ, внезапно

переходя изъ одной крайности въ другую, если его умъ не различаетъ границы, отдѣляющей возможныя явленія отъ невозможныхъ. Очевидно, что такое умственное состояніе неизбежно должно сообщать характеру своеобразный складъ, неустойчивость, подвижность и несдержанность котораго прямо пропорціональны таковымъ же чертамъ умственныхъ внушеній.

Развитіе разума въ смыслѣ болѣе полнаго выясненія, чему слѣдуетъ и чему не слѣдуетъ вѣрить, ведетъ также къ упорядоченію характера въ смыслѣ сообщенія ему большей равномерности и стойкости. Мнѣ лично пріятно думать, что такая чисто-этическая польза будетъ принята во вниманіе съ удовольствіемъ безкорыстными умами, о которыхъ было только что упомянуто.

Переходя отъ художественныхъ эмоцій къ научнымъ, мы видимъ, какъ выдвигаются все сильнѣе на первый планъ извѣстныя явленія, представляющіяся весьма благопріятными. Прежде всего мы замѣчаемъ, что въ сферѣ изящныхъ искусствъ и литературы различныя формы если и не исключаютъ совершенно другъ друга, тѣмъ не менѣе въ довольно значительной степени обнаруживаютъ прискорбное къ этому стремленіе. Если какому-нибудь маэстро или какой-нибудь школѣ удалось пріобрѣсти успѣхъ и войти въ моду, то этимъ самымъ зачастую останавливается развитіе и преуспѣваніе другой школы, другихъ художниковъ. Между учеными, разумѣется, идутъ также споры до тѣхъ поръ, пока истина еще не доказана; но разъ доказательство найдено, истина не только не препятствуетъ порожденію другой истины, но даже содѣйствуетъ этому и ускоряетъ такимъ образомъ пріобрѣтеніе научныхъ знаній. Поэтому то на почвѣ научныхъ изслѣдованій всеобщій конфликтъ почти исчезаетъ или по крайней мѣрѣ оказывается низведеннымъ въ своихъ проявленіяхъ до возможнаго минимума. По той же причинѣ наука въ своемъ распространеніи почти не знаетъ границъ времени и національности, оказывающихся такими дѣйствительными преградами въ области изящныхъ искусствъ и литературы. Національной науки не существуетъ.

Если исходить изъ принципа заслуги, т. е. принимать во вниманіе размѣры затрудненій, которыя надлежало побѣдить, и вслѣдствіе этого сравнительную рѣдкость побѣдителей, то науку опять-таки придется поставить выше искусства. Всюду и во всѣ времена художникъ находилъ себѣ поклонниковъ, поощрявшихъ, ободрявшихъ и награждавшихъ его славой. Ученому въ большинствѣ случаевъ приходилось удовлетворяться извѣстностью въ очень немногочисленномъ кружкѣ лицъ, способныхъ оцѣнить его заслуги.

Есть слово, по поводу котораго много разсуждали, не понимая того, что оно вовсе не служить для обозначенія особой категоріи опредѣленныхъ предметовъ или даже особаго элемента, присущаго опредѣленнымъ категоріямъ. Это слово— красота.

Очевидно, что это понятіе непосредственно выражаетъ не какой-либо классъ внѣшнихъ предметовъ, а внутреннюю эмоцію, нѣчто личное, свойственное человѣку, не одинаковое для различныхъ людей и въ высшей степени относительное. Мы усматриваемъ прекрасное въ симметричномъ расположеніи предметовъ, чистотѣ ихъ очертаній, живости красокъ, въ легкихъ и мощныхъ движеніяхъ живыхъ существъ, въ энергическихъ порывахъ страстей, въ соотвѣтственномъ подборѣ вымышленныхъ событій и т. д. и т. д. Красота проявляется или можетъ проявляться всюду.

Полезное и прекрасное не исключаетъ взаимно другъ друга. Имъ не воспрещено совмѣщаться въ одномъ и томъ же предметѣ. Все обуславливается тутъ различіемъ точекъ зрѣнія и соотвѣтствующей этимъ точкамъ эмоціи. Временное забвеніе о полезномъ, разумѣется, служить необходимымъ условіемъ для воспріятія эмоціи прекраснаго. Тѣмъ не менѣе забвеніе не равносильно уничтоженію. Попробуйте забыть на мгновеніе великую полезность науки, и вы сознаете тогда безконечность содержащейся въ ней красоты.

Прежде всего въ чисто теоретическихъ результатахъ науки содержится уже несмѣтное сокровище красотъ. Не разъ уже указывали на то, что міръ въ томъ видѣ, какъ его раскрываетъ передъ нами наука, въ безпредѣльной его широтѣ и неизмѣримой глубинѣ, подавляющемъ разнообразіи формъ, безконечно измѣняющейся сложной зависимости частей, которыя тѣмъ не менѣе въ совокупности своей образуютъ стройное гармоническое цѣлое, міръ въ непрестанномъ своемъ движеніи и непрерывномъ развитіи, распространяющемся на всѣ его части и проявляющемся въ каждой изъ нихъ особымъ закономъ, особою формою и скоростью,—міръ этотъ, говорю я, можетъ разсматриваться, какъ поэма или эпопея. Онъ представляется тогда эпосомъ въ безконечное число разъ болѣе колоссальнымъ, болѣе трогательнымъ, увы! болѣе трагическимъ, но и болѣе чарующимъ, чѣмъ какая-либо изъ человѣческихъ поэмъ или даже чѣмъ всѣ такія поэмы, взятая вмѣстѣ, такъ какъ содержитъ въ себѣ всѣ, и онѣ исчезаютъ въ немъ, какъ капля въ морѣ.

Почти столь же прекрасной и болѣе привлекательной для обыкновенныхъ смертныхъ является наука, разсматриваемая въ

оя созиданіи,—въ творческомъ процесѣ, происходящемъ въ умѣ ученаго. Здѣсь главною супнностью прекраснаго служатъ представленія о побѣжденныхъ трудностяхъ, о величіи заслуги, о силѣ характера или могуществѣ ума.

Разсмотримъ напริมѣръ долгій и трудный путь, приведшій Ньютона къ открытію закона всемірнаго тяготѣнія. Исторія науки обыкновенно обращаетъ вниманіе исключительно на одни научные труды, усилія ума и чисто интеллектуальныя заслуги, тогда какъ слѣдовало бы также отмѣтить и взвѣситъ испытанныя эмоціи. На этомъ долгомъ пути встрѣчались фазисы могучей ободряющей вѣры, но рядомъ съ ними приходилось переживать часы томительнаго сомнѣнія и отчаянія. Разъ даже дѣло дошло до того, что Ньютонъ, убѣжденный уже, что на его долю выпало отыскать величайшую изъ истинъ, доступныхъ человѣческому уму, внезапно утратилъ это убѣжденіе *). Понятно, что это должно было произвести на него тяжелое впечатлѣніе. Интенсивность его страданій, надо думать, не уступала силѣ страданій какого-нибудь огорченнаго любовника. Сосредоточимъ однако вниманіе на послѣднемъ эпизодѣ. Послѣ того, какъ произведено было новое тщательное измѣреніе дуги меридіана, Ньютонъ приступаетъ еще разъ къ провѣркѣ закона всемірнаго тяготѣнія. Вычисленіе близится уже къ концу. Остается получить всего только еще одну цифру. Извѣстно напередъ, какова она должна быть для того, чтобы гипотеза подтвердилась.... Цифра эта является безапелляціоннымъ судьей. Если она окажется такою, какъ нужно, безпредѣльность небесъ будетъ извѣдана и проникнута. Сила, управляющая безчисленнымъ множествомъ міровъ въ ужасающе быстромъ и молчаливомъ полетѣ ихъ чрезъ безпредѣльность пространства окажется извѣстною и измѣренной. Напротивъ того, если получится какая-либо иная цифра, то отъ всей этой дивной мечты останется въ умѣ Ньютона лишь горькое воспоминаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ имя Ньютона будетъ соединено лишь съ наиболее грандіозной изъ химерическихъ фантазій и наиболее глубокимъ заблужденіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ньютонъ обладалъ сильною волей и здоровымъ тѣломъ. Тѣмъ не менѣе передъ этою страшною альтернативой онъ почувствовалъ, что силы ему измѣняются. Руки его дрожали такъ, что онъ не былъ въ состояніи писать цифръ. Бѣдный, дорогой всему міру геній! Онъ передалъ перо пріятелю, помогавшему производить выкладки, и просилъ его

*) Тогдашняя наука не могла предоставить въ распоряженіе Ньютона достаточно точнаго измѣренія земнаго меридіана. Ошибка въ опредѣленіи величины этого меридіана искажала результаты, которые Ньютонъ выводилъ изъ своей гипотезы.

закончить вычисленіе. Могу себѣ представить, съ какимъ трепетомъ Ньютонъ глядѣлъ въ это время на своего пріятеля. Прежде чѣмъ тотъ объявилъ ему полученную цифру, Ньютонъ безъ сомнѣнія уже прочелъ ее на лицѣ вычислителя. Представьте же себѣ теперь слѣдующую затѣмъ минуту. Неужели вы думаете, что она не вызвала замиранія сердца у великаго ученаго? Есть радости, способныя почти убить человѣка. Надо быть ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ, чтобы изобразить, какъ слѣдуетъ, эту единственную въ своемъ родѣ драму.

Спустимся теперь въ болѣе скромныя сферы науки. Взгляните напр. на эту машину. Забудьте полезную ея цѣль и достигаемыя при ея посредствѣ выгоды. Сосредоточьте ваше вниманіе на соотношеніи между цѣлью и средствами къ ея достиженію, на чудеса точности и остроумія, воплощенные въ машинѣ, и вась охватить эмоція, вызванная сознаніемъ своеобразной формы прекраснаго. Если вы скажете, что не усматриваете въ этой машинѣ ничего прекраснаго, вамъ можно будетъ возразить: есть люди, для которыхъ не существуетъ прекраснаго въ художественныхъ произведеніяхъ, въ какой-нибудь картинѣ или статуѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ вы его исключительно только и находите. Попытайтесь понять значеніе этого факта и, сдѣлавъ логическій выводъ, примѣните его къ себѣ лично.

Въ математикѣ называютъ и не безъ основанія нѣкоторыя доказательства изящными. Когда искусный гимнастъ, приучившійся хорошо соразмѣрять свои движенія, легко и плавно перелетаетъ съ одной трапеціи на другую, вы этимъ восторгаетесь и совершенно основательно говорите: «Онъ прекрасенъ». Неужели, когда я вижу вѣрное и послѣдовательное движеніе ума, направляющагося путемъ логическихъ выводовъ къ овладѣнію истиной и дѣйствительно достигающаго этой великой цѣли, развѣ я не буду въ свою очередь вправѣ придти въ восторгъ и воскликнуть: «это прекрасно»? Нѣтъ, я долженъ буду воскликнуть: «Это высшая и величественнѣйшая красота. Надо только умѣть ее чувствовать».

Я считаю поэтому необходимымъ измѣрять взаимныя отношенія цивилизацій прежде всего мѣркой науки, которою обладала каждая изъ нихъ, а затѣмъ уже принимать въ расчетъ преимущества въ художественномъ, литературномъ или этическомъ развитіи, которыя одна изъ нихъ могла имѣть надъ другой, приписывая этимъ преимуществамъ однако лишь второстепенное значеніе.

ГЛАВА XVI.

Законъ прогресса.

(Окончаніе).

Люди безъ сомнѣній прогрессировали, если принять во вниманіе ихъ первоначальное состояніе.—Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобъ прогрессъ у нихъ шелъ безостановочно отъ предшествующей эпохи къ послѣдующей.—Пережиты эпохи упадка.—Возможность упадка въ будущемъ.

Всѣ народы прогрессировали. Въ настоящее время всѣмъ имъ извѣстенъ уже огонь (одни только жители Маріанскихъ острововъ во время открытія ихъ европейцами его еще не знали). Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что было время, когда всѣмъ вообще людямъ употребленіе огня оставалось неизвѣстнымъ. Ознакомленіе съ огнемъ является несомнѣнно важнымъ шагомъ на пути прогресса. Въ настоящее время у всѣхъ людей имѣются какія либо орудія производства или по крайней мѣрѣ оружіе, но надо думать, что былъ хотя бы только очень короткий періодъ времени, когда оружіе и орудія производства не были еще изобрѣтены. Всѣ люди теперь говорятъ, но между тѣмъ на почвѣ научнаго изслѣдованія надо предположить время, когда они еще не умѣли говорить.

Факты эти достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что человечество, принимая во вниманіе его точку отправленія, всюду прогрессировало.

Необходимо замѣтить, что приведенные выдающіеся факты вмѣстѣ со многими другими, которые можно было бы къ нимъ присовокупить, принадлежать къ прогрессу въ простѣйшей его формѣ, т. е. въ формѣ накопленія. Припомнимъ вышеупомянутыя уже психическія и соціальныя причины, обуславливающія для этого вида прогресса довольно значительную степень неизбежности. Данныя опыта согласуются тутъ съ выводами изъ гипотезы. Спрашивается, однако, существуетъ ли такая же неизбежность тамъ, гдѣ улучшеніе заключается въ присканіи болѣе соотвѣтственнаго равновѣсія, болѣе удачнаго компромисса?

Найдется ли, напримѣръ, въ семейной, общественной и гражданской жизни что либо, побуждающее человѣка относиться съ каждымъ днемъ все болѣе сочувственно и справедливо къ ближнему?

Всѣ эти отношенія видоизмѣняются въ разное время по своимъ вѣшнимъ формамъ, являются благопріятными или же неблагопріятными обстоятельствами, при которыхъ сочувствіе и

справедливость къ ближнему облегчаются или же затрудняются. Такъ напримѣръ, средневѣковой милитаризмъ и вошедшія въ привычку войны между частными лицами служили неблагоприятнымъ условіемъ для проявленія справедливости и сочувствія въ отношеніяхъ между сосѣдями. Рабство было очень неблагоприятнымъ условіемъ для проявленія этихъ качествъ въ отношеніяхъ между хозяиномъ и слугою или рабочимъ. Добровольныя услуги наемнаго труда, замѣнившаго собою рабство, не будучи, разумѣется, верхомъ совершенства, все-таки оказываются нѣсколько лучшими въ смыслѣ условій для проявленія альтруистическихъ чувствъ.

Въ концѣ концовъ вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: есть ли какая либо причина, вызывающая появленіе все болѣе благоприятныхъ условій? Исторія западныхъ народовъ какъ будто побуждаетъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Достаточно напомнить лишь нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся фактовъ: войны стали теперь менѣе повседневными и къ тому же въ большинствѣ случаевъ происходятъ лишь на границахъ воюющихъ государствъ, незатрогивая непосредственно внутреннія ихъ области. Рабство и крѣпостная зависимость упразднены. Прежній безграничный произволъ мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми смѣнился гораздо болѣе мягкими отношеніями.

Все это однако является только эмпирическимъ опытомъ. Если для уясненія его смысла обратиться къ непосредственнымъ историческимъ причинамъ упомянутыхъ прогрессивныхъ фактовъ, то надо будетъ признать: 1) что каждый изъ нихъ вызванъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ причинъ и 2) что нѣкоторые изъ этихъ причинъ свойственны лишь только данному факту и не встрѣчаются въ числѣ причинъ, обусловившихъ другіе факты. Это исключаетъ возможность установленія общей и (сравнительно) простой неизбѣжности, какую мы констатировали для прогресса въ формѣ накопленія. Разъ какое либо явленіе осуществимо лишь при воздѣйствіи многочисленныхъ особыхъ условій, оно становится тѣмъ въ большей степени случайнымъ. Этого ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ забывать.

Впрочемъ и для болѣе простой формы прогресса, т. е. для накопленія богатствъ и знаній, надо признать выясненную опытомъ истину, хотя она и признается многими прискорбною. Въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстахъ накопленіе прекратилось и даже смѣнилось ущербомъ. Короче сказать, вмѣсто прогресса получился регрессъ. Соціологи указываютъ многіе случаи такихъ возвратовъ въ новѣйшей исторіи дикихъ народовъ. Однако несравненно многозначительнѣе очевидный регрессъ,

пережитый такъ называемыми древними народами: египтянами, греками, римлянами.

Дѣлалось правда все, что только возможно, дабы увѣрить себя, что этотъ упадокъ былъ только кажущимся. Чрезвычайно интересно прослѣдить этотъ трудъ, на который потрачено столько воображенія и риторическаго искусства, особенно Контомъ и его послѣдователями. Они не могли и не хотѣли отрицать совершенно очевидныхъ фактовъ, напимѣръ того, что качество промышленнаго труда понизилось, искусства пришли въ упадокъ, научная культура прекратилась, личная безопасность значительно ослабѣла; но, поискавъ хорошенько, они нашли другіе якобы прогрессивные факты, вознаграждавшіе будто бы въ совокупности съ лихвою всѣ эти утраты. Контъ утверждалъ, будто такимъ вознагражденіемъ могло служить уже то, что онъ называлъ отдѣленіемъ свѣтской власти отъ духовной, иначе сказать одновременное сосуществованіе свѣтскихъ государей съ католическою церковью и папой. Надо было бы по крайней мѣрѣ доказать благотѣльность такого сосуществованія, но, сколько извѣстно, никто ея не доказалъ.

Надо признать несомнѣнный фактъ, что въ средніе вѣка произошелъ по крайней мѣрѣ мѣстами и въ нѣкоторыхъ направленіяхъ извѣстный регрессъ. Одного этого уже достаточно для того, чтобы мы оказались неправо считая прогрессъ постоянно дѣйствующимъ закономъ. Если регрессъ могъ произойти въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, то отчего бы ему при воздѣйствіи какихъ либо невѣдомыхъ намъ обстоятельствъ не проявиться когда нибудь въ другихъ или даже во всѣхъ направленіяхъ.

Принимая во вниманіе съ одной стороны случаи дѣйствительнаго регресса, довольно часто наблюдавшіеся у дикихъ народовъ, а съ другой стороны пережитые также и цивилизованными народами древняго міра, мы должны однако не упускать изъ виду и твердо обоснованныхъ научныхъ истинъ. Въ каждой отдѣльной личности имѣются задатки пожизненнаго прогресса. Въ каждомъ чело-вѣческомъ обществѣ дѣйствуютъ постоянныя причины, преобразующія этотъ пожизненный прогрессъ въ прогрессъ наслѣдственный. Выведемъ изъ этихъ истинъ логическое заключеніе, не выходящее изъ рамокъ дѣйствительнаго ихъ значенія. Мнѣ кажется, что оно можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: каждое общество стремится прогрессировать до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не затрогиваютъ упомянутыхъ уже причинъ, обуславливающихъ прогрессъ, а именно подражанія предшественникамъ и чужеземцамъ. Встрѣчаются обстоятельства, способныя мѣшать дѣйствію этихъ причинъ (засвидѣтельствованные исторіей случаи

регресса не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія). Тогда накопленіе останавливается и можетъ смѣниться даже ущербомъ. Непозволительно поэтому утверждать, чтобы какое либо общество, взятое въ данный моментъ, необходимо стояло на высшемъ уровнѣ, чѣмъ въ предшествовавшій моментъ. Неизбѣжнымъ можно только признать, что каждое общество, остановленное или отодвинутое назадъ силою обстоятельствъ, препятствовавшихъ должному воздѣйствію традицій и внутреннему или внѣшнему подражанію, неизбѣжно двинется опять впередъ, какъ только неблагоприятныя обстоятельства будутъ устранены.

Позволю себѣ выяснить мою мысль въ формѣ предсказанія. Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что прогрессивное развитіе, такъ явственно проявляющееся теперь, будетъ идти тѣмъ же ходомъ и впредь? У насъ не имѣется въ этомъ полныхъ гарантій. Бывали моменты, когда среди цивилизованнаго народа распространялись въ массахъ грозное настроеніе ума и воли: чувство ненависти и сильнѣйшаго отвращенія къ существующему общественному порядку и соединенной съ нимъ цивилизаціи. Въ первыя времена христіанства обнаруживалась такая ненависть къ существующему порядку, что люди желали скораго свѣтопреставленія или — что все равно — общаго переворота. Весьма вѣроятно, что въ буддизмѣ при его зарожденіи воплощались подобныя же стремленія. Допустимъ, что ученіе анархистовъ, проникнутое тѣмъ же духомъ ненависти къ существующему порядку, постепенно распространится въ западной Европѣ среди трудящихся рабочихъ массъ, часто недовольныхъ своею участію. Допустимъ въ видѣ пояснительнаго примѣра, что наступитъ день, когда толпы, выведенныя изъ себя гнетомъ повседневнаго труда, нечувствительныя и слѣпыя ко всему, что намъ кажется драгоценнымъ въ цивилизаціи, охваченныя бѣшеннымъ желаніемъ передѣлать все, низвергнуть правительства, переломають машины, предадутъ пламени и развѣютъ по вѣтру книги, статуи, картины, изгладятъ по мѣрѣ возможности слѣды ненавистнаго имъ прошлаго и начнутъ съизнова соціальную жизнь по неизвѣданнымъ до сихъ поръ образцамъ. Если бы такой день когда либо наступилъ, то непосредственнымъ результатомъ столь трагическаго разрыва съ прошлымъ будетъ громаднѣйшій регрессъ.

Втеченіе періода времени, продолжительность котораго нельзя опредѣлить заранѣе, общій уровень развитія будетъ стоять несравнено ниже, чѣмъ въ предшествовавшіе періоды, но мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что среди этого упадка проявится вновь прогрессивное движеніе съ того самаго момента, когда но-

вое поколѣніе начнетъ руководствоваться примѣромъ своихъ предшественниковъ и такимъ образомъ вернется на путь традиціи и подражанія (ср. гл. XX).

ГЛАВА XVII.

Органическій прогрессъ.

Существуетъ ли для человѣка органическій прогрессъ? — Разсмотрѣніе одного изъ тезисовъ Спенсера.

Прогрессируетъ ли человѣкъ самъ по себѣ въ своей внутренней сущности? Вопросъ этотъ перѣдко возбуждался, причемъ приводилось много доводовъ и за и противъ. Такъ, Бокль утверждаетъ, будто прогрессъ является чисто интеллектуальнымъ, обуславливаясь накопленіемъ у насъ правильныхъ идей или знаній. Иначе сказать, онъ считаетъ прогрессъ социальнымъ, т. е. внѣшнимъ. Спенсеръ въ свою очередь увѣряетъ, будто для человѣка существуетъ органическій прогрессъ, и принимаетъ во вниманіе единственно лишь такой прогрессъ.

Доводы Бокля не вполне убѣдительны, но воззрѣнія Спенсера обладаютъ еще въ меньшей степени доказательностью. Передъ нами тутъ двѣ гипотезы, но онѣ, по моему мнѣнію, не могутъ считаться равноцѣнными. Гипотеза Спенсера, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть доказана и представляется вмѣстѣ съ тѣмъ опасной. Слѣдуя гипотезѣ Бокля, по всѣмъ вѣроятіямъ никогда не удастся доказать, чтобы прогрессъ былъ исключительно внѣшнимъ, но тѣмъ не менѣе можно будетъ выяснитъ, что внѣшній прогрессъ захватываетъ душу человѣка несравненно глубже, чѣмъ это вообще подозрѣваютъ. Такимъ образомъ задача окажется если и не совсѣмъ разрѣшенною, то во всякомъ случаѣ значительно сокращенной въ размѣрахъ.

Мы выяснили, что всякая потребность, какъ побудительная сила, увеличивается по мѣрѣ своего удовлетворенія въ прошломъ. Чѣмъ же обуславливается въ сущности это явленіе? Накопленіемъ въ умѣ воспоминаній и отчетливыхъ образовъ. Ясность, отчетливость и обиліе представленій, созданныхъ воображеніемъ и памятью, именно и придають стремленію къ предмету, способному удовлетворить данной потребности, такую обостренную энергію. По крайней мѣрѣ мы не можемъ съ достовѣрностью усмотрѣть никакой иной причины. Дѣйствительно, если вы зададите себѣ вопросъ, послѣдовало ли помимо воспоминаній въ человѣческомъ организмѣ существенное приращеніе какой

либо потребности, половой, художественной или альтруистической, то гдѣ-же элементы для отвѣта на такой вопросъ? Возьмемъ хотя бы стремленіе къ художественнымъ наслажденіямъ. У нынѣшняго француза болѣе литераторовъ и артистовъ, чѣмъ у его предка, древняго галла. Художественная эмоція является у него поэтому болѣе обыденнымъ фактомъ, вслѣдствіе чего потребность въ такихъ эмоціяхъ играетъ въ его жизни сравнительно большую роль. Вернемъ теперь этого француза къ условіямъ, окружавшимъ древнихъ галловъ. Уничтожимъ у него всѣ воспоминанія художественной культуры. Интересно узнать, обнаружится ли хотя въ первомъ поколѣніи, для котораго утрата означенныхъ воспоминаній будетъ полною, потребность въ искусствѣ, не ощущавшаяся древнимъ галломъ. Мнѣ кажется, что было бы чересчуръ смѣло отвѣчать въ данномъ случаѣ утвердительно, тѣмъ болѣе что никакого доказательства въ справедливости такого утвержденія представить нельзя. При такихъ обстоятельствахъ умѣстно будетъ, я думаю, согласиться, что самый вопросъ является неразрѣшимымъ.

Перейдемъ теперь отъ потребности къ эмоціямъ. Возьмемъ такія рѣзко опредѣленныя эмоціи, какъ напр. страхъ или надежда, ненависть или пріязнь. Каждая изъ нихъ способна возрастать или убывать въ интенсивности, а съ другой стороны можетъ обладать большей или меньшей продолжительностью (при извѣстной степени продолжительности эмоція пріобрѣтаетъ названіе чувства). Спенсеръ и Бэнъ прекрасно объяснили, чѣмъ обуславливается интенсивность (или, если угодно, сила) эмоціи. Присутствіе предмета, внушающаго страхъ или ненависть, вызываетъ у насъ смутное воспоминаніе о множествѣ предметовъ, возбуждавшихъ передъ тѣмъ тотъ-же отгѣнокъ эмоціи. Въ результатъ получается какъ бы волна воспоминаній,—волна, объемъ которой несравненно значительнѣе охватываемаго ею со всѣхъ сторонъ ядра эмоціи. строго соотвѣтствующей данному моменту. Такимъ образомъ всѣ вообще эмоціи стремятся стать чрезмѣрными по отношенію къ предмету, вызывающему ихъ въ данную минуту. Такъ напри- мѣръ, у страха, какъ говорится, глаза велики, а гнѣвъ обыкновенно выражается сильнѣе, чѣмъ того заслуживаетъ вызвавшая его непріятность. Приращеніе силы, обусловленное воздѣйствіемъ смутныхъ воспоминаній, уменьшается у человѣка по мѣрѣ возрастанія интеллектуальнаго его развитія. Привыкшій къ наблюденіямъ надъ внѣшней природой и самимъ собою, онъ приспосабливается къ болѣе правильному воспріятію того, что въ сферѣ дѣйствительной опасности или же враждебности относится именно къ данному моменту, а потому точнѣе сообразуетъ свою эмоцію съ вызывающей ее причиной.

Это можетъ быть выяснено для насъ сравненіемъ взрослога человѣка съ ребенкомъ и цивилизованнаго съ дикаремъ. Какъ у ребенка, такъ и у дикаря обнаруживается поразительное отсутствіе правильнаго соотношенія между эмоціями и причинами таковыхъ. Различіе между дикаремъ и цивилизованнымъ человѣкомъ можетъ разсматриваться, какъ разница между двумя колебаніями вѣсовъ, изъ которыхъ одно болѣе, а другое менѣе удаляется отъ нулевой точки, соотвѣтствующей эмоціальному покою.

Разсмотримъ теперь эти явленія относительно ихъ продолжительности. Характерной чертой дикаря и ребенка оказывается тотъ фактъ, что эмоціи у нихъ менѣе продолжительны и устойчивы, чѣмъ у взрослога и цивилизованнаго человѣка. Дикари и дѣти переходить съ изумительною быстротою отъ слезъ къ смѣху, отъ ненависти къ восторженной пріязни и зачастую напоминаютъ сумасшедшаго своимъ непостоянствомъ, устраняющимъ возможность предвидѣть ихъ поступки. Напротивъ того человѣкъ, достигшій высокой степени интеллектуальнаго развитія, обладаетъ своеобразной устойчивостью, на которую до извѣстной степени можно положиться. Какой либо изъ стимуловъ дѣйствуетъ въ немъ постоянно, чѣмъ другіе, и какое либо болѣе обычное для него чувство придастъ, если можно такъ выразиться, общую окраску всему его нравственному существу. Такое воздѣйствіе интеллектуальнаго развитія кажется мнѣ состоящимъ въ непосредственной связи съ предшествующимъ. Человѣкъ, обладающій подобнымъ развитіемъ и ослабившій у себя чрезмѣрную интенсивность эмоцій, вырабатываетъ на основаніи личныхъ воспоминаній, играющихъ роль опыта, систему поведенія, дающую возможность предсказать, каково оно будетъ въ томъ или другомъ случаѣ. Разумѣется, страсти могутъ столкнуть его съ предположеннаго пути и такимъ образомъ заставить его измѣнить выработанной имъ самой системой поведенія, но тѣмъ не менѣе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, заключенія, основанныя на этой системѣ, будутъ въ достаточной степени достовѣрными.

Если потребности возрастаютъ, то чувства въ свою очередь обнаруживаютъ стремленіе ослаблять свою силу и вмѣстѣ съ тѣмъ становятся продолжительнѣе. Такова формула прогресса для чувствъ. Сущность дѣла заключается здѣсь въ причинѣ прогресса. Не стану утверждать, чтобы эта причина не содержала въ себѣ никакого органическаго элемента. Скажу только, что во всякомъ случаѣ элементъ этотъ оказывается невидимымъ и неуловимымъ. Напротивъ того я усматриваю чрезвычайно явственно, что прогрессъ чувствъ, опредѣленный какъ уже сказано, идетъ всегда параллельно съ интеллектуальнымъ ре-

результатомъ, т. е. съ приобретѣніями, достигнутыми путемъ опыта. Переходя отъ дикаго состоянія къ цивилизованному, человѣкъ приобретаетъ болѣе опредѣленныя, болѣе правильныя понятія о природѣ, о себѣ самомъ. Цивилизованный ребенокъ всегда достигаетъ съ годами въ большей или меньшей степени тѣхъ же результатовъ вслѣдствіе воздѣйствія на него традицій и подражанія, одновременно вынужденныхъ и добровольныхъ. Всего поразительнѣе оказывается для насъ, однако, тотъ фактъ, что даже у взрослого цивилизованнаго человѣка въ большей или меньшей степени обнаруживается прогрессъ въ сферѣ чувствъ (вообще говоря). Можно сказать, пожалуй, что такой человѣкъ является въ большей или меньшей степени отдалившимся отъ дикаря. смотря по тому, насколько общественное его положеніе и воспитаніе заставляютъ его участвовать въ интеллектуальныхъ приобретѣніяхъ, свойственныхъ его эпохѣ. Къ счастью доказательство на этомъ не останавливается. Указавъ на существованіе двухъ параллельныхъ процессовъ, мы можемъ присовокупить къ этому нѣчто чрезвычайно важное: интеллектуальныя приобретѣнія, уже по самому своему существу, должны производить двойное воздѣйствіе, изъ котораго складывается прогрессъ въ области чувства. Если я точнѣе опредѣлю дѣйствительные размѣры опасности или же непріязни, то отсюда уже явится для меня, въ качествѣ неизбежнаго слѣдствія, способность отвѣчать на ту и другую болѣе правильно соразмѣренными чувствами. Если воспоминанія личнаго моего жизненнаго опыта лучше связаны и координированы другъ съ другомъ, если память у меня обширнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливѣе, то поневолѣ мое поведеніе будетъ казаться устойчивѣе и систематичнѣе, такъ какъ оно будетъ согласовано съ внѣшними истинами, неизмѣнными или же измѣняющимися въ сравнительно слабой степени.

Отмѣтимъ здѣсь также кажущійся прогрессъ воли. Между всѣми эмоціями, къ которымъ онъ чувствуетъ стремленіе, человѣкъ выбираетъ обладающую наибольшей продолжительностью, предпочтительно передъ обладающей наибольшею силой. Можно пожалуй сказать, что онъ стремится къ пріятной лишь въ слабой степени, но зато постоянной эмоціи.

Разсмотримъ теперь соотношенія воли съ интеллектуальными приобретѣніями.

Мы уже сказали, въ чемъ именно заключается воля: различные результаты взвѣшиваются, сопоставляются другъ съ другомъ и одному изъ нихъ отдается предпочтеніе. Этотъ процессъ происходитъ очевидно подъ контролемъ умственныхъ способностей. Чѣмъ богаче умъ разнородными приобретенными поня-

тіями, тїмъ длиннїе становятся различныя вереницы идей, которыя надо сравнивать другъ съ другомъ, тїмъ затруднительнїе и медленнїе совершается процессъ выработыванія волевого импульса. Прогрессъ въ накопленіи понятій стремится поэтому сдѣлать человѣка нерѣшительнїе, но съ другой стороны онъ позволяетъ смотрѣть далѣе и явственнїе впередъ. Предметы, являющіеся желательными, придвигаются ближе путемъ такого интеллектуально-оптического воздѣйствія, а потому вліяніе ихъ становится болѣе интенсивнымъ. Это извѣстное уже намъ явленіе ободряетъ волю. Оно-же поддерживаетъ ее, когда предметъ стремленій отдаленъ отъ насъ въ пространствѣ или во времени. Этому, если можно такъ выразиться, предварительному воображенію, этой способности предварительнаго ощущенія, дозволяющей заранѣе наслаждаться желаемыми эмоціями, обязаны мы также и другимъ, въ высшей степени благодѣтельнымъ явленіемъ, именно способностью задаваться промежуточными цѣлями. Мы достигаемъ такимъ образомъ возможности трудиться для удовольствія, доставляемаго самымъ трудомъ, дѣйствовать для удовольствія, вызываемаго самою дѣятельностью, искать истину единственно лишь ради эмоціи, сопряженной съ ея обрѣтеніемъ. Способность эта, являющаяся апогеемъ внутренняго прогресса, приобрѣтается привычкою къ долгосрочнымъ трудамъ и предпріятіямъ, которые оказались бы невозможными безъ предусматриванія заранѣе на долгій срокъ ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ.

Короче сказать, единственное, что представляется совершенно явственнымъ, это преобразование нравственной стороны человѣка умственной его стороною. Мы не можемъ усмотрѣть, чтобы въ самихъ чувствахъ заключались какіе-либо задатки совершенствованія. Совершенствованіе ихъ обусловливается внѣшнею причиною. Иными словами, единственной формой неизбѣжнаго прогресса является прогрессъ въ формѣ накопленія. Что касается до прогресса въ формѣ уравнивленія и примиренія, то въ случаяхъ когда онъ обнаруживается на самомъ дѣлѣ, онъ оказывается слѣдствіемъ предшествовавшей формы прогресса.

По мнѣнію Спенсера, въ человѣчествѣ проявляется органическій прогрессъ. Подвергаясь вліянію извѣстной среды, поколѣніе людей сообразуетъ съ ней свое поведеніе и приобрѣтаетъ опредѣленныя привычки. Къ этому внѣшнему явленію присоединяется внутреннее. Въ первой системѣ этихъ людей происходитъ измѣненіе, соотвѣтствующее измѣненію въ системѣ внѣшнихъ привычекъ. Оно передается отъ перваго поколѣнія послѣдующимъ. Если послѣдующія поколѣнія держатся унаслѣдованныхъ привычекъ, то нервныя измѣненія, постепенно уси-

ливаясь съ каждымъ поколѣніемъ, вырабатываются подъ конецъ въ инстинкты, обладающіе большою устойчивостью. Благодаря такимъ долгимъ привычкамъ и наслѣдственной передачѣ воздѣйствія этихъ привычекъ на организмъ, человѣкъ сталъ умнѣе, альтруистичнѣе и предусмотрительнѣе, сдѣлался менѣе жестокимъ и болѣе обдуманнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ. Спенсеръ какъ будто не придаетъ особеннаго значенія внѣшнему прогрессу. Онъ не особенно довѣряетъ вліянію образованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, равно какъ и воспитательному вліянію непосредственно дѣйствующей среды. По крайней мѣрѣ онъ думаетъ, что каждое поколѣніе втеченіе своей земной жизни способно лишь мало измѣняться.

При такихъ условіяхъ каждое поколѣніе должно было бы приносить съ собою нѣчто врожденное, отличающееся до нѣкоторой степени отъ прирожденныхъ свойствъ у послѣдующаго и предшествовавшаго поколѣній. Можно ли, однако, уловить и доказать существованіе этой особенности, обособляющей каждое отдѣльное поколѣніе? Очевидно нѣтъ. Ни самъ Спенсеръ, ни его послѣдователи не представили экспериментальнаго доказательства существованія означенной особенности, что, впрочемъ, совершенно естественно, ввиду невозможности прямого доказательства.

Сдѣлана была попытка замѣнить въ данномъ случаѣ фактическую провѣрку методомъ косвенныхъ доказательствъ. Прежде всего представляютъ идею органическаго прогресса, какъ необходимый логическій выводъ изъ принципа эволюціи и дарвиновской теоріи происхожденія видовъ. Мы, вмѣстѣ съ Спенсеромъ и Дарвиномъ, признаемъ медленное и постепенное образованіе видовъ путемъ приспособленія къ окружающей средѣ, естественнаго подбора, унаслѣдованія приобрѣтенныхъ особенностей. Но вытекаетъ ли отсюда для насъ необходимость признать для человѣчества теорію прогресса, обусловленнаго дѣйствіемъ измѣненій, постепенно накапливающихся вѣками въ нервномъ аппаратѣ? Я лично этого не думаю. Спенсеръ пытается связать извѣстные факты прогресса съ извѣстными опытами, пережитыми организмомъ и закрѣпленными путемъ наслѣдственной передачи. Это могло бы служить своего рода доказательствомъ. Посмотримъ, однако, на какомъ-либо изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, въ какой степени убѣдительны представленныя имъ объясненія.

Современный человѣкъ, говоритъ Спенсеръ, обладаетъ способностью работать по собственному своему почину. Первобытный человѣкъ, дикарь не обладаетъ такой способностью. Это приобрѣтеніе является результатомъ долговременной привычки. по-

лученной во времена рабства, когда весьма многих людей насильно заставляли работать. Потомки ихъ въ продолженіе многихъ вѣковъ подвергались такому же насильственному принужденію. Подъ конецъ выработалась у нихъ возможность самопроизвольно выполнять то, что они дѣлали сперва вынужденнымъ образомъ. Я позволю себѣ возразить на это: подневольный рабъ безъ сомнѣнія съ отвращеніемъ лишь выполнялъ свою работу, такъ что въ его нервномъ аппаратѣ должны были одновременно возникнуть физическая привычка къ труду и умственное отвращеніе къ нему. Это — первое возраженіе. Возьмемъ теперь очень трудолюбиваго земледѣльца и другого несравненно менѣе трудолюбиваго. Этотъ послѣдній служить батракомъ, первый же обрабатываетъ свое собственное поле. По теоріи Спенсера слѣдовало бы предположить, что у батрака имѣется сравнительно менѣе предковъ, пребывавшихъ въ рабствѣ. Я предпочитаю однако объяснить различіе въ старательности неодинаковостью интересовъ и непосредственныхъ побужденій. Наконецъ бываетъ иногда, что крестьянинъ, оказывавшійся не особенно усерднымъ въ качествѣ батрака или даже арендатора, становится чрезвычайно старательнымъ, когда ему приходится работать на себя и притомъ на себя одного. Безусловная численность предковъ, пребывавшихъ въ рабствѣ, очевидно остается для этого крестьянина неизмѣнною. Я слѣдовательно никакъ не могу ими воспользоваться и вынужденъ прибѣгнуть для объясненія факта единственно только къ непосредственному воздѣйствію личнаго интереса. Это наводитъ меня на мысль, что причина, объясняющая послѣдній приведенный примѣръ, могла бы оказаться пригодной и для объясненія другихъ случаевъ, не прибѣгая къ содѣйствію рабства, подневольнаго труда и унаслѣдованной организмомъ способности.

Въ разсужденіе Спенсера вкралась неосторожность: опираясь на законъ (который я не отрицаю), онъ даетъ ему неопредѣленно широкое примѣненіе, тогда какъ принимая во вниманіе сложность біологическихъ фактовъ, надо полагать, что законъ этотъ ограничивается и суживается въ сферѣ своего дѣйствія вліяніемъ другихъ соперничающихъ законовъ.

Переходи отъ животной къ собственно человѣческой и общественной жизни, человѣкъ повидимому въ значительной степени освобождается отъ дѣйствія закона, на который такъ напиралъ Спенсеръ. Попытаюсь объяснить это.

За рѣдкими исключеніями животное просто напросто претерпѣваетъ дѣйствіе окружающей среды. Оно не эксплуатируетъ ее и не измѣняетъ, не создаетъ себѣ новой искусственной среды. Такъ въ об-

ласти экономическихъ отношеній животное потребляетъ имѣющіяся уже богатства: дикій бизонъ ѣстъ траву, но не занимается травосѣяніемъ. Какъ только человѣкъ приобрѣлъ даръ слова, началъ изобрѣтать для себя орудія, принялся измѣнять природу и создавать богатства, между нимъ и животнымъ обнаружилась громадная разница, которая, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, должна была непосредственно повлечь за собою перемѣну въ характерѣ процесса его эволюціи. Изъ внутренняго и органическаго процесса, какимъ была она до тѣхъ поръ, эволюція становится, не скажу исключительно, но во всякомъ случаѣ преимущественно внѣшней, искусственной и соціальной. Чтобы высказать всю свою мысль, добавлю, что искусственное совершенствованіе повидимому препятствуетъ естественному и останавливаетъ его. Такъ напр. дикарь развиваетъ и совершенствуетъ у себя способность зрѣнія, для цивилизованнаго же человѣка телескопъ и микроскопъ замѣняютъ такое совершенствованіе и препятствуютъ ему, дѣлая его ненужнымъ. Человѣкъ, не имѣющій измѣрительныхъ приборовъ, будетъ практиковаться въ измѣреніи на глазъ и выработаетъ у себя замѣчательную къ этому способность. Дайте ему въ руки аршинъ, и глазъ не получитъ у него подобной сноровки. То же самое можно было бы сказать касательно опредѣленія вѣса и т. п.

Переходя теперь къ совершенно иной категоріи идей, мы должны будемъ констатировать, что существованіе правильнаго прочнаго правительства, опирающагося на жандармовъ, судей, тюрьмы и тюремщиковъ, препятствуетъ развитію и совершенствованію личной энергіи, необходимой человѣку, которому приходится защищать свою жизнь, личность и имущество отъ разныхъ посягательствъ. Можно было бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ. Давно уже замѣчено (ср. что Цезарь говоритъ о друидахъ), что употребленіе письменныхъ знаковъ до извѣстной степени препятствуетъ развитію памяти.

Жизнь дикарей укрѣпляетъ, изощряетъ чувства: зрѣніе, осязаніе, обоняніе, слухъ. Цивилизованная жизнь ведетъ повидимому къ противоположному результату. По отношенію къ развитію чувствъ всѣ цивилизованные люди уступаютъ дикарямъ. Выражаясь словами Спенсера, они регрессировали, очевидно утративъ прежнее совершенство организаціи, такъ какъ не видно, чтобы взамѣнъ того было приобрѣтено иное равноцѣнное ей усовершенствованіе. Цивилизованный человѣкъ болѣе всего отличается отъ дикаря знакомствомъ съ ремеслами, матеріальнымъ трудомъ. Позволительно ли, однако, заключать отсюда, что рука

у цивилизованнаго человѣка ловчѣе, чѣмъ у дикаря. Не вижу, на какихъ доказательствахъ могло бы основываться такое заключеніе. Возьмемъ существующее въ какой либо странѣ определенное ремесло. Отъ времени до времени происходятъ въ практическомъ выполненіи необходимыхъ для него работъ несомнѣнные успѣхи. Чтобы остановиться на чемънибудь совершенно определенномъ, обратимся къ металлургіи и въ частности къ выдѣлкѣ такъ называемыхъ булавокъ. Чѣмъ именно обуславливается тамъ прогрессъ: тѣмъ ли, что человѣкъ послѣдняго разсматриваемаго поколѣнія обладаетъ уже отъ природы большей ловкостью, чѣмъ его предшественники? У насъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Съ другой стороны существуетъ причина, достаточно объясняющая прогрессъ во всемъ его объемѣ: это организація мастерскихъ,—явленіе, хорошо извѣстное подъ именемъ раздѣленія труда; но эта причина безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу внѣшнихъ по отношенію къ человѣческому организму. Еслибы мы указали столько же фактовъ прогресса, очевидно достигнутыхъ нервною организаціей, сколько я могу указать фактовъ, очевидно достигнутыхъ при содѣйствіи машинъ или путемъ раздѣленія труда, я тотчасъ же откажусь отъ своего мнѣнія.

Прогрессъ въ промышленныхъ производствахъ можетъ вытекать также изъ другихъ источниковъ. Необычайно даровитый рабочій придумываетъ какое-нибудь усовершенствованіе. Другіе берутъ съ него примѣръ, учатся у него. Такимъ образомъ люди приобрѣтаютъ внѣшнимъ путемъ взаимныхъ общественныхъ сношеній умѣнье, котораго имъ не давала ихъ собственная организація. Можно было бы, пожалуй, сказать, что изобрѣтатель усовершенствованія имѣлъ въ ряду своихъ предковъ сравнительно большее число рабочихъ. Еслибъ это даже оказалось и справедливымъ (съ чѣмъ, однако, трудно согласиться), то существованіе для другихъ возможности приобрѣсти такое же умѣнье путемъ выучки во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о фактѣ, который необходимо принять во вниманіе.

Простѣйшія изъ способностей человѣка возрастаютъ, такимъ образомъ, не вслѣдствіе унаслѣдованнаго предрасположенія, а благодаря приобрѣтенной выучкѣ, методическому распредѣленію работы, могуществу внѣшнихъ приспособленій, орудій и машинъ. Позволительно ли думать, что наиболѣе возвышенныя и сложныя его способности слѣдуютъ въ своемъ развитіи иному закону, дѣйствія котораго не обнаруживается у болѣе простыхъ? Для такого утвержденія было бы, если возможно, еще труднѣе подыскать какія либо доказательства. Каждый психическій про-

цессъ: воспріятіе въ настоящемъ, воспоминаніе прошлаго, различеніе, уподобленіе и т. д., соотвѣтствуетъ особому физическому состоянію мозга. Мы имѣемъ дѣло съ вещественнымъ явленіемъ, которое служитъ какъ бы подкладкой для психическаго процесса, такъ что существованіе психическаго процесса безъ матеріальнаго было бы немыслимо. Это утверждается современными физиологами. Я не намѣренъ оспаривать этихъ воззрѣній и въ данномъ случаѣ совершенно ихъ раздѣляю, но позволю себѣ замѣтить, что явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, еще слишкомъ мало извѣстны. Положимъ напр., что я присутствую на урокъ физики, посвященномъ изслѣдованію законовъ тяжести. Профессоръ объясняетъ мнѣ, какимъ образомъ возрастаютъ съ одной стороны скорость падающаго тѣла, а съ другой пробѣгаемая имъ пространства. Эти два понятія у меня перепутываются. Я не улавливаю связи между ними и выношу изъ урока тяжелое чувство какой-то неразрѣшимой трудности. Затѣмъ я встрѣчаюсь съ пріителемъ, который въ свою очередь объясняетъ мнѣ законы паденія тѣлъ. Послѣ какой нибудь фразы или отдѣльнаго слова, не знаю хорошенько, какого именно, въ умѣ у меня вдругъ проясняется. Я вижу и понимаю все, относящееся какъ до различенія, такъ и до согласованія обоихъ понятій, о которыхъ мы упоминали. Что же, спрашивается, физически произошло у меня въ мозгу? Не знаю, да и не въ этомъ дѣло. Для насъ важно было только выставить на видъ случайный и внѣшній характеръ причинъ, вліяющихъ на такіа психическія явленія. Совершенно неумѣстно утверждать, что мнѣ было суждено рано или поздно встрѣтить учителя или книгу, способныхъ разъяснить то, чего я не понималъ. Такое предположеніе совершенно бездоказательно. Могло вѣдь случиться, что мнѣ пришлось бы ждать такой встрѣчи втеченіе неопредѣленнаго времени, достаточнаго для того, чтобы я отказался отъ научныхъ занятій. Что же сталося бы въ такомъ случаѣ у меня со способностью, унаслѣдованной благодаря жизненному опыту предковъ?

Надо полагать, что меня не станутъ особенно серьезно оспаривать, если я скажу, что дѣйствіе способностей, находящихся въ скрытомъ и дремлющемъ состояніи, обнаруживается лишь при наличности нѣкоторыхъ условій. Это будетъ уже значительной уступкой въ пользу этихъ условій и необходимости предварительнаго ихъ изученія. Къ этому однако прибавятъ: не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что можно воспользоваться даже и самыми благопріятными условіями лишь въ томъ случаѣ, если организмъ обладаетъ необходимыми для того унаслѣдованными способностями. Сынъ дикаря ничему не научится даже у самаго

лучшаго учителя. Я съ своей стороны возражу на такое заявленіе: это — гипотеза, которая никогда еще не была подвергнута достаточно обстоятельной фактической провѣркѣ. Существуютъ, однако, факты, говорящіе противъ нея. Такъ напр., многіе негры приобрѣтали по всѣмъ отраслямъ знанія свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобъ получить отъ французскаго медицинскаго факультета дипломъ врача. Замѣьте, что даже одного подобнаго факта вполне достаточно для доказательства возможности приобрѣтенія способностей къ высшему образованію инымъ путемъ, чѣмъ при посредствѣ медленнаго измѣненія въ нервномъ аппаратѣ. Въ качествѣ типичнаго образца интеллектуальныхъ приобрѣтеній можно было бы взять изученіе языка. Для трехъ четвертей современнаго человѣчества обученіе родному языку составляетъ такой громаднѣйшій умственный трудъ, какого не выполняютъ уже люди втеченіе всей остальной своей жизни. Это приобрѣтеніе достигается еще въ дѣтствѣ путемъ непосредственнаго внѣшняго обученія. Прибавлю къ этому, что многіе дикари, предки которыхъ владѣли весьма бѣднымъ языкомъ, какъ нельзя лучше выучиваются говорить на сложныхъ языкахъ цивилизованныхъ народовъ.

Чтобы вполне исчерпать разсматриваемый нами примѣръ, замѣтимъ также, что среди культурныхъ народовъ встрѣчаются дѣти, усваивающія родной языкъ съ большею отчетливостью, чѣмъ другіе, и приобрѣтающія такимъ образомъ сравнительно болѣе обширный словарь. Сыновья простыхъ крестьянъ становятся иногда ораторами или поэтами. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что ихъ предки сравнительно чаще практиковались въ примѣненіи дара слова?

Тезисъ, защищаемый Спенсеромъ, приводитъ насъ къ мысли о существованіи нѣкотораго врожденнаго равенства между людьми, принадлежащими къ одному и тому же поколѣнію. Между тѣмъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ у нихъ обнаруживаются во всѣхъ отношеніяхъ существенныя различія. Появленіе необыкновеннаго, гениальнаго человѣка пришлось бы логически объяснить особенностями организаци, обусловленными необычайнымъ обиліемъ у его предковъ какой либо формы жизненнаго опыта. Съ этимъ выводомъ было бы однако чрезвычайно трудно согласиться ввиду гениальныхъ и талантливыхъ людей, неожиданно рождавшихся въ семьяхъ простыхъ рабочихъ или крестьянъ. Возьмемъ напр. Ньютона, безспорно превосходившаго по отношенію къ нѣкоторымъ способностямъ среднюю норму своихъ современниковъ. Можно ли, спрашивается, указать у его предковъ превосходство особой формы жизненнаго опыта, соотвѣтствующей способностямъ

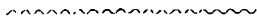
ихъ потомка? Сплошь и рядомъ бываетъ, что семья, породившая геніальнаго человѣка, опускается затѣмъ опять до общаго уровня. Обстоятельство это должно признать очень страннымъ. По теоріи органическаго прогресса потомство геніальнаго человѣка должно было бы не только сравняться съ нимъ въ геніальности, но даже хотъ немного его превзойти.

Между послѣдовательными поколѣніями должна была бы существовать по этой теоріи мало замѣтная, медленная, но все-таки непремѣнная градація. Исторія не мирится съ такою точкой зрѣнія. Дѣйствительно теорія органическаго развитія не допускаетъ возможности регрессовъ вродѣ того, какой напр. проявился въ Римской Имперіи во II вѣкѣ по Р. Х., слѣдовательно раньше чѣмъ римская культура могла пострадать отъ примѣси варварской крови. Еще непонятнѣе съ этой точки зрѣнія представляется такой періодъ быстрого прогресса, какой представляетъ эпоха Возрожденія.

Замѣчательныя работы Спенсера по біологіи направили его на ложный путь въ соціологіи. Онъ сталъ разсуждать по отношенію къ человѣку такъ, какъ имѣлъ полное право разсуждать по отношенію къ животнымъ. Между тѣмъ даже и для животныхъ онъ не признаетъ неизбѣжности закрѣпленія жизненнаго опыта въ организмѣ, такъ какъ въ своемъ объясненіи эволюціи онъ прибѣгаетъ къ помощи другого закона, а именно закона естественнаго подбора (и чуть было не назвалъ его закономъ отвѣтственности). Животное, не умѣющее пользоваться опытомъ, плохо приспособляющееся къ средѣ или приспособляющееся къ ней хуже другого животнаго, погибаетъ, убитое средою, доведенное до голоданія болѣе удачливымъ соперникомъ или наконецъ недопущенное таковымъ до воспроизведенія потомства. Сдѣланныя человѣкомъ изобрѣтенія соціальнаго характера, какъ напр. семья, или же промышленнаго, какъ напр. ружье, стремятся именно къ тому, чтобы уничтожить или по крайней мѣрѣ измѣнить дѣйствіе закона естественнаго подбора, ослабивъ тяжкую отвѣтственность, подъ давленіемъ которой выживаютъ одни только организмы, измѣнившіеся наиболѣе счастливымъ образомъ. Семья кормитъ человѣка, который самъ былъ неспособенъ снискивать себѣ пропитаніе, и позволяетъ ему даже обзавестись потомствомъ. Обладаніе ружьемъ позволяетъ въ свою очередь менѣе храброму и менѣе ловкому племени не только защищаться отъ нападеній мужественныхъ и ловкихъ дикарей, не располагающихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но даже перебить ихъ всѣхъ до послѣдняго.

Допустимъ наконецъ, что въ тезисѣ, отстаиваемомъ Спенсеромъ,

заключается нѣкоторая доля истины. Тогда необходимо будетъ опредѣлить, какъ велика эта доля. Прирожденные свойства, на которыхъ онъ ссылается, сами по себѣ неуловимы. Напротивъ того можно уловить (не говорю, чтобъ это было легко сдѣлать) внѣшнія и социальныя причины, какъ напр. установленія, изобрѣтеніе орудій, машинъ, усовершенствованныхъ пріемовъ, созданіе научныхъ теорій и взаимная передача всего этого при помощи языка, примѣра и поученія. Прослѣдимъ какъ можно долѣе дѣйствіе этихъ видимыхъ причинъ, припишемъ имъ тѣ результаты, которые достовѣрно кажутся имъ принадлежащими, а затѣмъ, если останется что-либо необъясненное, если получится какой-нибудь остатокъ, можно будетъ приписать его врожденности и такимъ образомъ пріобрѣсти хотя приблизительное понятіе о роли, которую она играетъ. Приписывать же съ самаго начала все или почти все дѣйствію этой неизвѣстной причины кажется мнѣ неблагоразумнымъ. Это было бы погрѣшностью въ научномъ методѣ, представляющею приблизительно такую же опасность, какъ и теорія національнаго духа *).



*) Намъ извѣстенъ тезисъ о значеніи величины мозга и о возрастаніи мозга по мѣрѣ того, какъ человѣкъ становится болѣе цивилизованнымъ. Все это состоитъ въ очевидномъ родствѣ съ теоріей Спенсера. Мы вполне согласны съ физиологами относительно основнаго пункта и считаемъ мозгъ спеціальнымъ органомъ мышленія, а мысль психическимъ выраженіемъ фізіологическаго явленія, соответствующаго колебаніямъ нервнаго вещества, которыя обусловлены въ свою очередь химическими процессами. Мы соглашаемся также съ физиологами, что мозгъ, вѣснщій меньше извѣстной опредѣленной нормы, можетъ принадлежать только очень слабоумнымъ людямъ, полудіотамъ или же совершеннымъ идіотамъ. Выводы, выходящіе изъ этихъ рамокъ, кажутся намъ недостовѣрными и недоказанными. Такъ, вовсе не доказано, чтобъ между силою ума и величиной мозга существовало какое либо простое, постоянное отношеніе. Большинство фізіологовъ признаетъ здѣсь вліяніе также и другихъ причинъ, каковы напр.: численность и форма мозговыхъ извилинъ, качество мозгового вещества, качество крови, ритмъ ея прилива къ мозгу и т. п. Не доказано съ достаточной ясностью, что у народовъ съ возрастающею цивилизаціей величина мозга соотвѣтственно тоже возрастаетъ. Еслибы, впрочемъ, это и было доказано, то не могло бы существенно измѣнить выводовъ, къ которымъ мы пришли въ этой главѣ. Дѣйствительно пришлось бы формулировать въ концѣ концовъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: когда достигнута уже высокая степень цивилизаціи, рождается ли ребенокъ съ большимъ мозгомъ, или же, напротивъ того, такой мозгъ пріобрѣтается взрослымъ человѣкомъ, который при болѣе развитой цивилизаціи сильнѣе упражняетъ свой умъ? Извѣстно вѣдь, что путемъ упражненія мышцъ достигается значительное ихъ развитіе. Такимъ образомъ вопросъ оказался бы неразрѣшеннымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы было достовѣрно доказано, что мозгъ у парижанина въ XIX столѣтіи тяжелѣе, чѣмъ у его предковъ въ XVIII вѣкѣ.

ГЛАВА XVIII.

Раса и наследственность.

Исследование идей о расѣ и различномъ племенномъ или національномъ духѣ. —
Исследование наследственной передачи психическихъ свойствъ.

Предметомъ этой главы будетъ служить ошибочная теорія, которой въ наше время чрезвычайно повезло, — теорія, являвшаяся почти неизбежною, такъ какъ она вызывалась желаніемъ найти въ исторіи простыя всеобъемлющія основы законмѣрности, а это желаніе въ свою очередь обуславливалось столь естественнымъ вообще отвращеніемъ признавать вліяніе случайности.

Мы уже указали на роль, какую играли эти чувства въ созданіи выдающихся произведеній по философіи исторіи. Ошибочный взглядъ, о которомъ идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія различается по внѣшности отъ теорій Боссюэта или же Монтескье, но тѣмъ не менѣе состоитъ съ ними въ тѣсномъ родствѣ, такъ какъ затрогиваетъ тѣ же струны сердца человѣческаго.

Тѣмъ, кто читалъ произведенія Ренана, а въ особенности его изслѣдованія о семитическихъ языкахъ, извѣстно, что, по его мнѣнію, человѣчество дѣлится на расы, обладающія далеко не одинаковой цѣнностью въ смыслѣ задатковъ къ развитію ума и чувства. Имѣются поэтому расы высшія и низшія, благородныя и неблагородныя. Такое неравенство — прирожденное и, слѣдовательно, не можетъ быть, повидимому, измѣнено. Способности и недостатки каждой расы вырабатываютъ ткань ея исторіи и обуславливаютъ ея судьбы. Общая исторія человѣчества является поэтому лишь конфликтомъ или же согласованіемъ духа разныхъ племенъ.

Благодаря такому воззрѣнію не трудно написать исторію съ философскимъ пошибомъ. На вопросъ: почему именно евреи постигли идею о единомъ Богѣ раньше аеинянъ, превосходившихъ ихъ до такой степени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, можно отвѣтить коротко и ясно: потому что семиты обладали монотеистическимъ духомъ. Угодно вамъ знать, отчего въ Аеиннахъ ваяніе достигло такой несравненной степени художественнаго развитія? На это вамъ опять-таки отвѣтятъ однимъ словомъ: аеиняне были отъ природы склонны къ ваянію.

Духъ расы сравнительно недавно лишь проникъ въ исторію, но у него имѣлся тамъ въ качествѣ предтечи уже національный духъ. Это дальнѣйшее обобщеніе вызвано было открытіями

современной филології, выяснившими между прочимъ лингвистическое родство европейскихъ народовъ. Получившемуся такимъ путемъ новому понятію радуются, словно оно служитъ доказательствомъ новой побѣды человѣческаго духа. Дѣйствительно этимъ понятіемъ пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ для объясненія всевозможныхъ вопросовъ литературы, изящныхъ искусствъ, соціальной, духовной и политической исторіи *).

Не отрицаю, что изслѣдователи вообще прибѣгаютъ одновременно и къ другимъ поясняющимъ причинамъ, которыя играютъ, однако, роль смиренныхъ подданныхъ, тогда какъ духу расы приписывается безспорная верховная власть. Дѣло въ томъ, что объясненіе при помощи духа расы имѣетъ все-таки одинъ маленькій недостатокъ: оно слишкомъ коротко. Поддерживая слогъ на желаемой высотѣ, оно доставляетъ краснорѣчію желаемую пищу, но не даетъ автору ничего кромѣ блестящихъ страницъ. Чтобы написать книгу, надо по-неволѣ вернуться къ изложенію условій. Эти условія выставляются на видъ одновременно съ соображеніями насчетъ духа расы, причемъ какъ-то не замѣчаютъ, что между ними и этимъ духомъ обнаруживается противорѣчіе.

Признаніе духа расы содержитъ въ себѣ довольно странное предположеніе. Выраженіе: «Духъ аѳинянъ предрасполагалъ ихъ къ изящнымъ искусствамъ» или лишено всякаго внутренняго смысла, или-же означаетъ, что въ каждомъ аѳинянинѣ содержался въ скрытомъ дремлющемъ состояніи хорошій скульпторъ. Въ индусѣ и китайцѣ ничего подобнаго не содержалось. У нихъ отсутствовала скрытая почва для развитія художественнаго таланта, тогда какъ въ Аѳинахъ она имѣлась налицо и выступила на Божій свѣтъ въ такихъ-то и такихъ-то великихъ ваятеляхъ, которые и доказываютъ сокровенное ея существованіе у всѣхъ другихъ аѳинянъ.

Предоставимъ самимъ фактамъ отвѣчать на эти невысказанные предположенія. Аѳиняне прожили сперва нѣсколько вѣковъ, вовсе не обладая ваятелями ни дурными, ни хорошими. Какъ же это могло случиться? Что-же дѣлалъ тогда ихъ духъ? Затѣмъ у нихъ появилось нѣсколько плохихъ ваятелей, создававшихъ весьма грубые произведенія, послѣ чего ваятели стали немного искуснѣе. На смѣну имъ явились довольно порядочные и наконецъ превосходные художники, окруженные несравненно болѣе многочисленной плеядой посредственностей. Позволительно

*) Въ качествѣ примѣра можно указать на „Исторію англійской литературы“ Тэна.

спросить, отчего именно не всѣ аѳинскіе ваятели, принадлежавшіе къ одному и тому же періоду, обладали одинаковой степенью художественности? По прошествіи нѣкотораго времени ваяніе пришло въ упадокъ, и наконецъ художественность совершенно утратилась въ аѳинскомъ народѣ, хотя онъ самъ при этомъ не погибъ или же не претерпѣлъ значительнаго смѣшенія съ другими народами. Принимая во вниманіе, что народъ оставался все тотъ же, съ тѣмъ же самымъ духомъ, и не въ состояніи понять ни періода первоначальнаго отсутствія у него художественности, ни прогресса ея до апогея и послѣдовавшаго затѣмъ упадка до уровня первоначальнаго отсутствія художественности. Мнѣ могутъ возразить на это: духъ народа не составляетъ единственной причины. Для проявленія его необходимы нѣкоторыя условія. Очевидно даже, что отъ этихъ условій зависигъ проявленіе его въ той или другой степени. — Я съ этимъ совершенно согласенъ, но позволяю себѣ пойти еще дальше. Если нѣкоторыя условія могутъ препятствовать проявленію духа и фактически его устранять, другія же позволяютъ ему обнаруживаться немного, а третьи обуславливаютъ для него возможность выказаться въ полномъ блескѣ, то вѣдь все происходитъ совершенно такъ, какъ еслибъ духъ не игралъ ни малѣйшей роли, а условія составляли рѣшительно все. Къ чему же тогда гипотеза о существованіи особаго духа?

Что именно побуждаетъ строить такую гипотезу? «То, что у другихъ народовъ, напр. въ Индіи и въ Китаѣ, никогда не существовало ничего замѣтнаго по части ваянія. Приходится по-неволѣ предположить у нихъ иной народный духъ!» Я съ своей стороны не вижу, чтобъ логика меня вынуждала къ этому. Напротивъ того вы необходимо должны согласиться, что даже въ Аѳинахъ художественное ваяніе существовало, если можно такъ выразиться, только одно мгновеніе, благодаря содѣйствію извѣстнаго числа условій. Прежде чѣмъ осуществилось это скоропреходящее совпаденіе условій и послѣ того какъ оно миновало, художественное ваяніе отсутствуетъ въ самихъ Аѳинахъ. Усматривая въ Китаѣ за все время его существованія то же самое состояніе посредственности, которое нахожу въ Аѳинахъ втеченіе трехъ четвертей ихъ существованія, я заключаю, что въ Китаѣ никогда не осуществлялось требуемое совпаденіе условій. Заключение это допускаетъ фактическую провѣрку и должно быть подвергнуто таковой. Лишь въ томъ случаѣ, еслибъ условія, временно осуществившіяся въ Аѳинахъ, оказались осуществившимися также и въ Китаѣ, не вызывая того же самаго дѣйствія, возникла бы логическая необходимость прибѣгнуть къ другой гипотезѣ.

Позволительно было бы осведомиться, действительно ли художественный гений афинянъ создалъ все своими собственными силами, не заимствуя ничего у другихъ народовъ? Но этотъ вопросъ входитъ въ другой, болѣе обширный вопросъ.

Предполагая, что народный духъ представляетъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто реальное, а не какую-либо удобную отвлеченную идею, надо для выясненія себѣ этого духа строго ограничить наблюденія произведеніями оригинальнаго творчества даннаго народа. Когда народъ заимствуетъ извнѣ что-либо, вліяющее на ходъ его развитія, опытъ, который мы хотѣли произвести надъ этимъ народомъ, оказывается неудавшимся подобно химическому опыту надъ какимъ либо веществомъ, если во время производства такого опыта въ наши реторты и тигли попало что-нибудь постороннее. Какъ знать тогда, къ чему именно былъ бы способенъ этотъ народъ, предоставленный самому себѣ? Разъ заимствованія умножаются, народный духъ окончательно отъ насъ ускользаетъ. Именно такой казусъ приходится намъ отмѣтить по отношенію къ самымъ интереснымъ для насъ народамъ: грекамъ, римлянамъ, германцамъ, галламъ. Съ трудомъ лишь можно насчитать пять народовъ, развивавшихся какъ бы изъ самихъ себя. Такая оригинальность развитія какъ-будто сохранилась въ Ассиріи Египтѣ, Мексикѣ, Перу и Китаѣ. Впрочемъ даже и по отношенію къ этимъ пяти народамъ зачатки ихъ исторіи окутаны слишкомъ глубокимъ мракомъ, чтобы можно было придти къ сколько-нибудь достовѣрнымъ выводамъ.

Изъ числа народовъ, особенно блиставшихъ въ исторіи, ни одинъ не поднялся на высоту собственными своими силами. Всѣ они получили самыя важныя свои установленія и изобрѣтенія отъ сосѣдей. Возьмемъ напр. хотя бы грековъ. Похвалы, которыми осыпали столь самобытный, гибкій, разнообразный и т. д. духъ этого народа, наполняютъ цѣлые томы. Тѣмъ не менѣе грекамъ надо было выучиться азбукѣ отъ финикянъ, и замѣчательно, что тотчасъ же послѣ того и зародилась у нихъ цивилизація. До этого заимствованія они пребывали въ варварствѣ втеченіи многихъ вѣковъ, счастье которые историкъ къ сожалѣнію не можетъ. При такихъ обстоятельствахъ у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ указаній, чѣмъ именно были бы они безъ этого заимствованія. Чего добраго они еще втеченіи многихъ вѣковъ остались бы варварами. Протестовать противъ этого предположенія особенно энергически нельзя. Германцы являются тоже народомъ, обладающимъ національнымъ духомъ высшаго полета. Между тѣмъ имъ пришлось вѣдь тысячу годами позже грековъ обучиться египто-финикійской азбукѣ, которую они не могли придумать сами, какъ

не могли ея придумать и греки. Быть можетъ, что предоставленные собственнымъ силамъ греки изобрѣли бы что нибудь менѣе совершенное,—вродѣ китайской письменности. Знаю, что, высказываясь такимъ образомъ, могу возбудить противъ себя сильнѣйшее негодованіе, но все-таки позволю себѣ замѣтить, что въ составъ историческаго человѣчества вошли цѣлыя тысячи народовъ, что немногіе лишь изъ нихъ изобрѣли письменные знаки, и что изъ всѣхъ системъ этихъ знаковъ всего только одна оказалась удовлетворительной.

Сколько драгоценныхъ изобрѣтеній кромѣ азбуки получены были греками извнѣ. Чѣмъ обстоятельнѣе изучаютъ ихъ исторію, тѣмъ явственнѣе обнаруживается роль этихъ заимствованій. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальныя свѣдѣнія въ ремеслахъ, изящныхъ искусствахъ, въ ариметикѣ и геометріи были получены ими изъ Ассиріи и Египта. Во всякомъ дѣлѣ начало, какъ говорится, всего труднѣе. Можно втеченіе цѣлыхъ вѣковъ ходить кругомъ и около. Нагляднымъ доказательствомъ этому служатъ опять-таки германцы, къ которымъ я охотно присоединилъ бы предковъ французскаго народа,—галловъ, еслибъ въ кружкахъ, придерживающихся теоріи національнаго духа, французскій національный духъ не цѣнился бы теперь такъ низко*).

Короче сказать, народъ, надѣленный самыми блестящими дарованіями, можетъ пребывать втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, вовсе ихъ не проявляя. Другой народъ или другая раса приноситъ ему изобрѣтеніе, творческое произведеніе или идею. Дремлющій геній пробуждается, начинаетъ учиться у менѣе соннаго чужого генія и вскорѣ разрѣшается произведеніями, сперва посредственными (считаю долгомъ объ этомъ напомнить), а потомъ постепенно все лучшими. «Этимъ вы можете доказать развѣ существованіе необходимости для генія входить въ соприкосновеніе съ другимъ геніемъ», — могутъ возразить мнѣ на это. Оплодотвореніе однихъ геніевъ другими обогатитъ насъ новою метафорой (ихъ было и безъ того уже очень много), положительныхъ же доказательствъ все-таки у насъ не будетъ, и въ

*) Если какой-либо народъ можно разсматривать, какъ обладающій въ большей степени, чѣмъ всѣ другія, даромъ музыки, то это, разумѣется, германцы. Музыкальность можно было бы признать у нихъ характерною особенностью. Германская музыка безъ сомнѣнія значительно превосходитъ все, что грекамъ когда-либо удавалось создать по этой части. Тѣмъ не менѣе во времена древнихъ грековъ никто не могъ бы угадать у германцевъ подобную гениальность. Тогдашняя германская музыка была безъ сомнѣнія не лучше нынѣшней музыки нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ. Черезъ 2.000 лѣтъ послѣ времени Перилла германскій духъ, достигавшій такой высокой художественности въ музыкѣ, еще не проявился.

результатъ окажется, что мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности ознакомиться съ какимъ бы то ни было національнымъ духомъ въ самобытномъ и чистомъ его видѣ.

Я указалъ уже на противорѣчіе между гипотезой о національномъ духѣ и дѣйствительнымъ историческимъ явленіемъ, именно фазисами развитія, замѣчающимся у всѣхъ народовъ. Съ этими фазисами соединяются идеи о прогрессѣ и упадкѣ. Находясь съ ними въ противорѣчій, теорія національнаго духа вслѣдствіе этого необходимо противорѣчитъ даже самымъ идеямъ прогресса и упадка. Сознавая это, придумали для ихъ согласованія еще одну фикцію, именно что у народовъ имѣется дѣтство, молодость, зрѣлый возрастъ и старость. Процессъ изобрѣтенія былъ самъ по себѣ простъ: ограничились тѣмъ, что перенесли послѣдовательные возрасты дѣйствительной личности на фиктивную личность. На самомъ дѣлѣ, однако, народъ не старѣется подобно отдѣльной личности. Каждый человѣкъ, входящій въ составъ народа, послѣдовательно совершаетъ переходъ отъ дѣтства къ старости, но въ то время, когда одинъ старѣется, другой только еще начинаетъ жизнь, а третій находится въ цвѣтѣ лѣтъ. Я вижу, что въ реальной личности умственное развитіе обусловлено общимъ ростомъ организма, въ особенности же мозга, и что интеллектуальный процессъ слѣдуетъ за органическимъ. Въ фиктивной же личности органическій процессъ отсутствуетъ. Нельзя однако предполагать дѣйствія тамъ, гдѣ отсутствуютъ необходимыя для него условія.

Не связанный условіемъ послѣдовательнаго развитія организма, которому подчиняется отдѣльная личность, національный духъ долженъ былъ бы проявляться съ полною силой тотчасъ же, какъ только первое поколѣніе достигаетъ возмужалости. Въ жизни народовъ не должно было имѣться никакихъ фазисовъ, ни того, что обыкновенно сопровождаетъ эти фазисы, т. е. ни прогресса, ни упадка.

Національный духъ замѣтно и блистательно проявляется лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, сохраняясь въ массѣ въ видѣ мертваго дремлющаго капитала. Допустивъ это, посмотримъ, однако, что именно происходитъ на самомъ дѣлѣ. Арабовъ выставляютъ намъ по преимуществу настроенными монотонистически. Поэтому у нихъ и родился Магометъ. Прежде всего меня изумляетъ тотъ фактъ, что у арабовъ имѣлся всего только одинъ Магометъ. Я удивляюсь тому, что Магометъ совершенно изолированно одинъ среди арабовъ предпринимаетъ дѣло, представляющееся въ немъ именно выраженіемъ общаго племеннаго духа, и мое удивленіе достигаетъ до апогея, когда я

узнаю, что Магометъ вынужденъ насильственно обращать къ вѣрѣ во единого Бога уроженцевъ города Мекки, доводившихся ему изъ всѣхъ смертныхъ наиболѣе близкими родичами. Такимъ образомъ проявившійся въ Магометѣ арабскій духъ остается, вообще говоря, непризнаннымъ людьми, полнѣе всего проникнутыми этимъ духомъ. Фактъ этотъ не является единичнымъ. О нѣтъ! Самые крупные представители индусскаго и еврейскаго племенного духа не имѣютъ у своихъ соотечественниковъ блестящаго успѣха, который потомъ приобрѣтаютъ у другихъ народовъ. Мы видимъ такимъ образомъ параллельно разыгрывающіяся явленія. Народъ воспринимаетъ творенія чужого духа и отвергаетъ свои собственные созданія. Надо будетъ согласиться, что такія приключенія съ племеннымъ духомъ по меньшей мѣрѣ курьезны.

Не останавливаясь, однако, на деталяхъ, обратимъ вниманіе на самую сущность идеи. Необходимость или по крайней мѣрѣ удобство побудили насъ обозначить однимъ словомъ «народъ» то, что въ дѣйствительности является собраніемъ значительнаго числа людей, совершенно отдѣльных другъ отъ друга. Тотчасъ же возникаетъ у насъ въ умѣ отвлеченное понятіе: «народъ». Мы видимъ умственными очами колоссальное единое существо. Мы знаемъ, что реальныя единыя существа обладаютъ каждое особымъ характеромъ, своеобразными наклонностями,—и вотъ, благодаря склонности къ аналогіи, мы надѣляемъ это колоссальное фиктивное существо особымъ характеромъ и своеобразнымъ духомъ. Затѣмъ все это переносится и на цѣлую расу, когда это болѣе обширное отвлеченное понятіе приобрѣтаетъ у насъ въ умахъ право гражданства. На первый взглядъ кажется, будто дѣйствительное существованіе у реальной личности особаго характера и своеобразнаго умственнаго облика оправдываетъ аналогичную идею по отношенію къ цѣлому народу. Размышленіе показываетъ, однако, что между дѣйствительной и фиктивной личностью не существуетъ никакого сходства, оправдывающаго такую аналогію. Индивидуальной является въ дѣйствительности только отдѣльная личность. Если путемъ отвлеченія выдѣлить изъ нея присущія ей умственныя или нравственныя свойства и затѣмъ придать эти свойства совершенно идейнымъ существамъ, то можно съ увѣренностью ожидать, что и свойства, приписываемыя послѣднимъ, окажутся тоже фикціями.

Возьмемъ сколько-нибудь многочисленный народъ, напр. французовъ. Сразу же бросается въ глаза чрезвычайная его разнообразность. Мы тотчасъ же замѣчаемъ въ немъ крайнія противоположности какъ въ нравственномъ, такъ и въ интеллектуальномъ развитіи. Народъ этотъ содержитъ въ себѣ даровитыхъ

людей и дураковъ, ученыхъ и невѣждъ, героевъ и трусовъ, людей, способныхъ къ самопожертвованію, и эгоистовъ, святыхъ и грѣшниковъ, мучениковъ и убійцъ. Между этими предѣльными формами найдутся всевозможные отбѣнки характеровъ, всѣ степени пригодности къ разнообразнѣйшимъ требованіямъ жизни.

Я бы желалъ, чтобы мнѣ указали между французскимъ и англійскимъ народами, разсматриваемыми, какъ отдѣльныя колоссальная личности, какое-нибудь различіе, равноцѣнное тому, которое существуетъ между французами: свирѣпымъ и самоотверженнымъ, гениальнымъ и непроходимо глупымъ.

Ни одна изъ способностей, никакое качество или же сколько-нибудь опредѣленная черта человѣческой природы не могутъ быть названы французскими въ смыслѣ общемъ для всѣхъ французовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаны отсутствующими или же рѣдкими у другихъ народовъ. Это является иною формой выраженія той же истины.

Нерѣдко говорятъ: «національный характеръ составляется изъ общечеловѣческихъ элементовъ, которые встрѣчаются у даннаго народа чаще, чѣмъ у другого, или же проявляются у него явственнѣе». Такая формула разумѣется скромнѣе, но тѣмъ не менѣе попытайтесь-ка ее доказать! Потрудитесь сперва совершенно опредѣленно указать черту, которая выступаетъ ярче у французовъ или встрѣчается у нихъ чаще, чѣмъ у англичанъ или же китайцевъ. Я упомянулъ объ опредѣленности, такъ какъ уже и это необходимое первое условіе выполнить не легко*). Затѣмъ представьте доказательство, которымъ можетъ служить лишь сопоставленіе обстоятельныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ. — «Вы вѣдь требуете невозможнаго!» — Согласенъ съ этимъ, но за невозможностью представить доказательства не остается ничего, какъ воздержаться отъ категорическаго утвержденія. — «Однако же, это идетъ въ разрѣзъ съ общимъ убѣжденіемъ, котораго вы не одолѣете!» — Я тоже въ этомъ увѣренъ, по крайней мѣрѣ если ограничился бы только уже сказаннымъ, но мнѣ остается еще разсмотрѣть вопросъ и съ другой стороны.

Дѣйствительно, есть нѣчто, играющее въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя роль національнаго духа, — есть нѣчто симулирующее этотъ духъ и заставляющее въ него вѣрить. Между членами одной и той же національности на самомъ дѣлѣ существуетъ нѣчто общес. Попытаемся опредѣлить это нѣчто и выяснить, въ чемъ оно состоитъ.

*) Итъ недостатка въ попыткахъ такого рода, но условіе опредѣленности ни разу не было выполнено въ нихъ даже и приблизительно.

Прежде всего мы встречаемъ естественныя условія: географическое положеніе, климатъ, международное положеніе. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя искусственныя условія, созданныя людьми: одинаковость правительства, тѣ же самые гражданскіе и уголовные законы, одинаковость языка.

Необходимо принять также во вниманіе фактъ, важное значеніе котораго далеко не столь ясно сознавалось историками, а именно общее историческое прошлое. Національная біографія со всѣми воплощенными въ ней воспоминаніями, опытами, заключеніями, уроками, сожалѣніями, надеждами, чувствами вражды и неприязни, состоящими съ нею въ связи. Все-ли это? Нѣтъ. У соотечественниковъ имѣется нѣчто вродѣ общаго принадлежащаго имъ всѣмъ достоянія, которымъ являются знаменитые ихъ сограждане, прославившіеся въ чемъ либо, воины, художники, ученые, писатели, оставившіе послѣ себя произведенія своего творчества. Возвышающія душу воспоминанія о нихъ служатъ предметомъ наслажденія, дѣйствующимъ на умъ и на чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ полезныя примѣры и поученія.

Кромѣ оффиціальной санкціонированной литературы у cadaго народа имѣется своя народная литература: міръ сказокъ, басенъ, пословицъ и поговорокъ. Она тоже служитъ общимъ столомъ, за который садится каждое новое поколѣніе. Наконецъ имѣется національный языкъ. Я не говорю здѣсь о значеніи синтаксическихъ его формъ, а о различныхъ производныхъ словахъ и рѣченіяхъ, фигуральныхъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, метафорахъ, аналогіяхъ, обо всей этой громадной работѣ, вложенной въ языкъ, и которая въ различныхъ странахъ далеко не одинакова *).

Такимъ образомъ имѣется очень много такого, что способно вызывать у людей одной и той же народности извѣстную одинаковость идей и чувствъ и дѣйствительно вызываетъ такое дѣйствіе. Во всемъ этомъ, однако, я не вижу ничего естественнаго или органическаго. Все это является внѣшнимъ, социальнымъ, искусственнымъ (въ благопріятномъ смыслѣ слова). Защитники теоріи національнаго духа, разумѣется, будутъ упорствовать. Знаю, что они могутъ возразить: «Великіе люди, являющіеся образцами въ извѣстномъ родѣ, служащіе примѣрами, подъ вліяніемъ которыхъ складывались послѣдующіе французы, были сами воплощеніемъ или проявленіемъ французскаго національнаго духа. Этотъ духъ именно и дѣйствуетъ чрезъ ихъ посредство. Такъ напр., у Мольера имѣется чисто французскій своеобразный

*) Для Франціи авторъ приводитъ въ примѣръ слова: *se prélasser, moineau beat, benêt* и т. д.

складѣ. Ни у какой другой націи нѣтъ Мольера, точно такъ же какъ и у насъ, французовъ, не имѣется Шекспира». Прекрасно, будемъ же разсуждать о Мольерѣ. Обыкновенно упускаютъ изъ виду, что каждый человѣкъ съ извѣстной точки зрѣнія является единственнымъ въ своемъ родѣ. Если у иностранцевъ нѣтъ Мольера, то и у насъ, французовъ, имѣется всего только одинъ Мольеръ. Скажите на милость, отчего національный духъ, породившій Мольера, не далъ намъ по крайней мѣрѣ парочку такихъ писателей. Вѣдь этотъ единственный великій человѣкъ могъ бы умереть въ младенчествѣ, или быть можетъ національный французскій духъ ощутилъ бы тогда понесенную нами утрату и даровалъ бы намъ тогда другого Мольера? Допуская это, мы заставили бы національный духъ играть въ сущности роль Провидѣнія. Съ другой стороны еслибъ французскій духъ не далъ бы намъ другого Мольера, и мы остались бы безъ него, то вѣдь у насъ чего добраго должно было бы отчасти измѣниться и нынѣшнее наше представленіе о французскомъ національномъ духѣ.

Я сейчасъ предположилъ случай, когда у насъ было бы однимъ великимъ человѣкомъ меньше. Можно бы предположить и противоположный случай: когда у насъ оказалось бы многими великими людьми больше. Безъ сомнѣнія умерло много такихъ людей, которые, достигнувъ зрѣлости, оставили бы намъ Богъ вѣсть какія дивныя произведенія. Еще большее число даровитыхъ людей, прожившихъ весь свой вѣкъ въ неблагоприятныхъ условіяхъ для развитія ихъ талантовъ: въ необразованности, бѣдности, обязательномъ трудѣ для добыванія насущнаго хлѣба, унесли съ собою въ могилу дарованія, оставшіяся безплодными. Еслибъ даровитые люди первой категоріи не умерли въ молодости, а людямъ второй категоріи удалось бы выбиться на подобающую арену, кто знаетъ, какой видъ приняла бы тогда наша литература! Надо полагать, что общій ея видъ существенно различался бы тогда отъ нынѣшняго и что въ нашихъ сужденіяхъ о національномъ французскомъ духѣ обнаружилось бы тоже соответственное различіе.

Сказанное о писателяхъ всецѣло примѣняется къ политическимъ дѣятелямъ и администраторамъ. Можетъ быть будетъ не бесполезно провести эту аналогію нѣсколько дальше. Политическія событія оставили въ національной памяти воспоминанія, чувства, правила поведенія, входящія составною частью въ то, что мы называемъ національнымъ нашимъ духомъ. Событія эти были бы, однако, совершенно иными, еслибъ въ данный моментъ не оказалось даннаго человѣка и его мѣсто заступилъ кто-нибудь другой. Устраните напр. Наполеона I. вмѣстѣ съ нимъ

вы, разумѣется, устраните и всю первую имперію съ громаднымъ ея числомъ побѣдъ и завоеваній. Кто могъ бы сказать, на какую именно глубину воспоминанія такой необычайной военной славы вѣдрили у французовъ своеобразную національную гордость, чрезмѣрное довѣріе къ собственнымъ силамъ и нѣчто вродѣ презрѣнія къ сосѣдямъ? Безъ первой имперіи въ нашемъ національномъ духѣ не оказалось бы того, что проявляется въ немъ весьма замѣтно и къ сожалѣнію занимаетъ довольно значительное мѣсто: шовинизмъ, если ужъ приходится называть его по имени, можетъ служить прекраснѣйшимъ примѣромъ случайнаго историческаго происхожденія такихъ характерныхъ чертъ, которыя стараются во чтобы ни стало выставить органическими *).

Допустимъ, что Мольеръ случайно родился бы въ Берлинѣ и провелъ бы тамъ всю жизнь. Понятно, что его комедіи вышли бы совершенно иными относительно темъ, сюжетовъ, поступковъ, выводимыхъ на сцену, и даже характеровъ, такъ какъ въ бранденбургской столицѣ имѣвшійся у него передъ глазами матеріалъ для комедій былъ бы совершенно иной сравнительно съ тѣмъ, какой можно было найти въ Версали при дворѣ Людовика XIV. Безъ сомнѣнія можно отыскать у Мольера то, что дано ему Парижемъ и придворными сферами.

Это-то именно и составляетъ то, что въ немъ оказывается національнымъ, французскимъ. Замѣьте, что оно сводится къ вліянію вѣншей общественной среды. Этотъ французскій фонъ былъ бы замѣненъ въ Берлинѣ соотвѣствующимъ прусскимъ. Считаю вполне умѣстнымъ признать, что такое соотвѣтствіе не было бы совершенно равноцѣннымъ по той причинѣ, что прусская среда не могла бы, пожалуй, иногда доставить такой же благодарный матеріалъ для хорошей комедіи, какъ французская среда. Въстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ у Мольера важный элементъ, не имѣющій ничего общаго съ національнымъ французскимъ духомъ. Это — уроки, почерпнутые имъ у древнихъ классиковъ. Плавтъ, Теренцій, Аристофанъ, Менандръ оставили на умственномъ его складѣ видимые слѣды. Подобно всѣмъ великимъ умамъ, Мольеръ является какъ бы рѣкой, составленной изъ сліянія многихъ притоковъ. Измѣните эти притоки, т. е. вообразите себѣ Мольера родившимся гдѣ нибудь на крайнемъ Востока и воспитавшимся въ школѣ инду-

*) Не упомяну теперь коротенько, въ какомъ именно англійскомъ сочиненіи мнѣ довелось прочесть слѣдующее заявленіе: «Мольеръ, занимающій первое мѣсто между творцами комедіи, случайно родился во Франціи, тогда какъ Шекспиръ, являясь воплощеніемъ племени, могъ родиться единственно только въ Англіи». Заявленіе это разсѣлило меня на мгновеніе, какъ могло бы разсѣлшить и всякого читателя французца. Не мѣшаетъ, однако, и намъ самимъ намотать его себѣ на усь.

ской или китайской литературы. Онъ безъ сомнѣнія оказался бы менѣ великимъ. Даетъ ли намъ это право утверждать, что Мольеръ проникнуть былъ духомъ грековъ и римлянъ?

Короче сказать, я усматриваю въ творествѣ такого человѣка, какъ Мольеръ, наносныя вліянія съ разныхъ точекъ горизонта. Между ними до извѣстной степени преобладаетъ вліяніе непосредственной среды. Все это приводится въ дѣйствіе данною степенью прирожденного таланта. Нельзя отрицать таланта и генія, свойственнаго отдѣльной личности. Онъ представляетъ собою нѣчто положительное, реальное. Напротивъ того національный духъ, рассматриваемый какъ нѣчто органическое, различающееся отъ вѣншей среды, не что иное, какъ фикція. Позвольте мнѣ въ самомъ дѣлѣ спросить, гдѣ именно онъ проявляется и каковы именно непреложные признаки фактическаго его существованія?

Физиологи кажутся на первый взглядъ въ союзѣ со сторонниками національнаго духа, такъ какъ тоже разсуждаютъ о особенностяхъ расы. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи окажется однако, что слово «раса» имѣетъ для нихъ совершенно иное значеніе. Физиологи отмѣчаютъ, что такая-то раса характеризуется цвѣтомъ волосъ, глазъ, ростомъ, формой данной кости черепа, челюсти, голени и т. п. Далѣе этого они не идутъ. Для ихъ цѣлей нѣтъ ни малѣйшей надобности говорить, что, не смотря на всѣ эти различія, костная, мышечная и сосудистыя системы вездѣ существенно одинаковы и дѣйствуютъ тождественнымъ образомъ, а потому они объ этомъ умалчиваютъ. Если на основаніи физиологическихъ различій заключать о психическихъ различіяхъ между расами, то пришлось бы логически приписать этимъ послѣднимъ приблизительно такой же объемъ, какъ и первымъ, изъ которыхъ они по предположенію вытекаютъ, иначе сказать, надо было бы заключить, что психическія различія между расами до чрезвычайности ничтожны сравнительно съ таковыми же сходствами. Отсюда видно, до какой степени физиологи далеки отъ идеи, будто раса обуславливаетъ собою характеръ способностей, короче сказать, всю существенную психическую сторону.

Разсмотримъ однако идею расы въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаемъ ее у физиологовъ. Въ основѣ этой идеи неизмѣнно окажется идея среды или же условій обстановки (что въ сущности то же). Дѣйствительно вотъ научное опредѣленіе расы: «Совокупность особенностей, пріобрѣтенныхъ группою людей, которымъ приходилось долгое время подчиняться дѣйствію извѣстныхъ условій. Особенности эти, закрѣпившись въ организмѣ, пріобрѣли способность передаваться отъ родителей дѣтямъ». Замѣчу здѣсь, что

условія предшествуютъ расѣ, производятъ ее и поддерживаютъ. Противорѣчіе заключается не между расой и условіями, но между условіями и передачей особенностей, т. е. наслѣдственностью. Въ самомъ дѣлѣ повсюду въ естественной исторіи наслѣдственность и условія фактически ведутъ другъ съ другомъ борьбу. Особенности, пріобрѣтенныя въ данной средѣ, могутъ вѣдь передаваться по наслѣдству долгое время послѣ того, какъ среда, сдѣлавшись иною, стремится измѣнить расу и сообщить ей новыя особенности. Замѣйте, что окончательная побѣда новой среды является логической необходимостью и составляетъ только вопросъ времени.

Если мы пойдемъ съ нашимъ изслѣдованіемъ еще болѣе въ глубь, то неизбѣжно встрѣтимъ другую равноцѣнную идею: отправленіе создаетъ органъ, который естественно измѣняется соотвѣтственно отправленію. Это послѣднее однако не что иное, какъ реакція организма на возбужденіе со стороны среды. (Организмъ долженъ реагировать достаточно правильно, или же умереть). Осязаемое и познаваемое существо—не что иное, какъ реакція, подсказанная данной средой. Такимъ образомъ мы неизбѣжно приходимъ къ идеѣ о начальной тождественности или, какъ говоритъ Спенсеръ, первичной однородности существъ, подвергшихся вѣдѣ наслѣдствіи подѣ влияніемъ различія обстановки медленному процессу дифференціаціи, который шелъ все дальше и дальше. Эта первоначальная тождественность служитъ для біологіи основнымъ положеніемъ, безъ котораго она не могла бы построить цѣль своихъ тезисовъ и опытовъ. Эти идеи не бесполезны также и для исторіи. Она нуждается въ подобномъ же основномъ положеніи, долженствующемъ служить точкою отправленія, а именно въ первичномъ тождествѣ индивидовъ *).

Разсмотримъ теперь гипотезу наслѣдственности. Отецъ стремится цѣликомъ воплотиться въ ребенкѣ, но совершенно такое же стремленіе обнаруживается и у матери. Это само по себѣ уже

*) Безъ сомнѣнія въ біологіи возможна и другая гипотеза, которая въ ней долгое время и преобладала, а именно гипотеза прирожденных постоянныхъ, неизмѣнимыхъ различій между видами. Эта гипотеза теперь все болѣе исчезаетъ. Постоянное опредѣленное различіе между человѣческими расами въ умственномъ и нравственномъ отношеніи очевидно соотвѣтствуетъ въ исторіи біологической гипотезѣ различія между видами. Она вошла въ моду у историковъ какъ разъ въ то время, когда біологи пришли къ убѣжденію въ необходимости отказаться отъ теоріи прирожденных различій, въ пользу которой ниѣтся, однако, несравненно больше основательныхъ доводовъ. Еще любопытнѣе тотъ фактъ, что дарвинисты въ біологіи проводятъ въ исторіи идею національнаго духа, не замѣчая логическаго противорѣчія, въ которое при этомъ впадаетъ.

вызываетъ конфликтъ, изъ котораго необходимо вытекають взаимныя уравновѣшенія и сочетанія, въ результатѣ которыхъ получается существо, отличающееся одновременно и отъ отца, и отъ матери. Съ своей стороны и отецъ, и мать ребенка имѣли двоихъ родителей. Возникаетъ по этому весьма существенный вопросъ — дѣйствуетъ ли наслѣдственность единственно только въ первой степени, т. е. лишь между ребенкомъ и непосредственными его родителями? На этотъ вопросъ единогласно отвѣчаютъ, что дѣйствіе наслѣдственности распространяется гораздо дальше. Силою и рядомъ приходится наблюдать физическое сходство между дидей и племянникомъ, между внукомъ и дѣдомъ.

Такъ называемые случаи атавизма являются весьма частыми. При такихъ обстоятельствахъ приходится разсматривать наслѣдственность, какъ стремленіе къ возрожденію, влагаемое каждымъ изъ родителей не только въ ребенка, но и въ дѣтей этого ребенка и т. д. до неизвѣстнаго намъ предѣла. Наслѣдственность оказывается если не безконечной, то во всякомъ случаѣ неопредѣленной во времени. Логически можно противопоставить ей развѣ только гипотезу постоянного ослабленія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Какъ уже упомянуто, на первой ступени наслѣдственности происходитъ конфликтъ между отцовскими и материнскими стремленіями. На второй ступени получимъ конфликтъ между четырьмя, на третьей между восьмью, на четвертой между шестнадцатью стремленіями возродиться цѣликомъ въ потомствѣ. Такой конфликтъ можетъ показаться уже достаточно сложнымъ, но что если дѣйствіе наслѣдственности способно проявляться даже и черезъ десять или двадцать поколѣній?

Будемъ продолжать наше изслѣдованіе и войдемъ для этого въ нѣкоторыя подробности. Допустимъ, что дѣло идетъ о передачѣ какой нибудь простой особенности, напримѣръ физическаго строенія уха, благодаря которому *A* обладаетъ особой способностью къ музыкѣ. *A* вступаетъ въ бракъ съ *B*, обладающей инымъ строеніемъ уха, менѣе выгоднымъ съ точки зрѣнія музыкальных способностей. При такихъ условіяхъ придется уже сразу признать для дѣтей *A* одинаковое число шансовъ къ тому, чтобъ быть хорошими или плохими музыкантами. Если предки отца и матери хотя только въ четырехъ поколѣніяхъ по восходящей линіи всѣ безъ исключенія обладали обыкновеннымъ строеніемъ уха, то шансы родиться съ выдающимися способностями къ музыкѣ окажутся для дѣтей *A* и *B* весьма слабыми, а именно 1 противъ 26.

Случай, который мы привели, является однако сравнительно

простымъ. Сдѣлаемъ же теперь другое предположеніе. Взамѣнъ музыкальной способности, обусловленной особенностью въ строеніи тѣлеснаго органа, допустимъ, что дѣло идетъ о литературномъ дарованіи, такомъ, напримѣръ, какъ у Виктора Гюго.

Мы стоимъ здѣсь очевидно лицомъ къ лицу съ явленіемъ, которое представляетъ собою въ Викторѣ Гюго результатъ до такой степени сложной комбинаціи, что ее невозможно разложить съ точностью на составные элементы. Тщетно стали бы пытаться достиженія полного, вполнѣ отчетливаго анализа его дарованій. Можно различить, однако, нѣкоторые элементы: воображеніе въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. способность смотрѣть, видѣть и припоминать себѣ физическіе образы, психологическій тактъ или способность отмѣчать дѣйствіе чувствъ и страстей, способность находить поражающія трогательныя аналогіи между физическими образами и дѣйствіемъ страстей (ее можно было бы назвать сопоставляющимъ воображеніемъ), память языка, способность весьма живой воспріимчивости къ одобренію и славѣ, стойкую волю и прилежаніе, безъ которыхъ всѣ предшествовавшія способности остались бы безплодными. Анализъ этотъ, разумѣется, весьма неполонъ, а между тѣмъ каждая изъ упомянутыхъ способностей является уже сама по себѣ результатомъ сложной комбинаціи.

Напоминаю, что все стремится къ возрожденію путемъ наслѣдственной передачи, но именно вслѣдствіе такого всеобщаго стремленія каждой частной чертѣ въ конфликтъ съ массой другихъ такъ трудно одержать побѣду и возродиться. Необходимо признать, что наслѣдственность представляетъ тоже нѣчто вродѣ борьбы за существованіе.

Для нѣкотораго уясненія этого многотруднаго предмета позволюсь прибѣгнуть къ сравненію. Будемъ разсматривать наслѣдственность, какъ лотерею. Если дѣло идетъ о возрожденіи простой родительской особенности, какъ напр. строеніи уха, о которомъ мы уже говорили (или походкѣ, манерѣ себя держать, нервномъ подергиваніи и т. п.), то можно разсматривать существующіе для нея шансы, какъ вѣроятность вынуть одинъ опредѣленный номеръ изъ 20, 30 или 100 другихъ. Вѣроятность эта, сравнительно, все еще довольно велика. Допустимъ же теперь, что дѣло идетъ о какомъ нибудь нравственномъ качествѣ или же умственномъ дарованіи, какъ напр. о талантѣ Виктора Гюго, являющемся результатомъ комбинацій нѣсколькихъ, быть можетъ, весьма многочисленныхъ элементовъ. Шансы возрожденія для него выразятся уже вѣроятностью вынуть изъ нѣсколькихъ данныхъ цифръ не одну какую-либо опредѣленную цифру, а цѣлую

группу (напр. 1, 3, 6, 9, 12 и 15), расположенную въ данномъ порядкѣ. Понятно, что вѣроятность для выхода такой комбинаціи цифръ совершенно ничтожна.

Короче сказать, съ точки зрѣнія возрожденія какой либо опредѣленной черты, наслѣдственность является силой, которая борется сама съ собою и сама себя парализуетъ. Когда требуемое качество является результатомъ сравнительно простой причины (какъ напр. музыкальное строеніе уха), оно еще можетъ быть передано по наслѣдству; когда же качество это является результатомъ совмѣстности многочисленныхъ причинъ, то нельзя ожидать его возрожденія. Именно это же подтверждается и опытомъ.

Рибо въ превосходно написанной книгѣ собралъ нѣкоторое количество примѣровъ художественнаго таланта, переходившаго въ одной и той же семьѣ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній отъ отцовъ къ дѣтямъ, какъ бы въ качествѣ наслѣдственнаго имущества (напр. талантъ къ живописи въ семьѣ Верне). Если однако онъ задался цѣлью доказать этимъ, что дарованія вообще склонны передаваться по наслѣдству, то приведенные имъ примѣры не могутъ быть признаны имѣющими значеніе доказательствъ.

Дѣйствительно, обратная сторона медали оказывается у Рибо вовсе назатронутой. Надлежало бы представить наряду со случаями наслѣдственной передачи талантовъ всѣ извѣстные случаи, въ которыхъ таланты родителей не передались дѣтямъ. Тогда можно было бы составить себѣ понятіе о законѣ, управляющемъ такою передачей (и не хочу вовсе сказать, чтобы можно было на самомъ дѣлѣ составить такую книгу). Мало того, Рибо въ примѣрахъ, которые кажутся благоприятными его теоріи, не обращаетъ вниманія на весьма важную причину погрѣшности въ выводахъ, которые могутъ быть сдѣланы. Многіе Верне въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній становятся живописцами, и Рибо каждому изъ нихъ приписываетъ наслѣдственный талантъ, хотя тутъ очевидно дѣйствовали также и другія причины. Каждый Верне оказывался ребенкомъ, поставленнымъ съ малолѣтства въ совершенно исключительныя превосходныя условія. У него имѣлась особая цѣль трудиться и стараться: наслѣдственное славное имя. Благодаря этому имени, онъ встрѣчалъ также всюду для себя поощренія и всевозможныя облегченія. Какую долю таланта у одного изъ Верне надо приписать дѣйствию этихъ причинъ и что именно будетъ оставаться на долю наслѣдственности? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить сколько-нибудь достовѣрнымъ образомъ. Для того, чтобы примѣръ семьи Верне имѣлъ на самомъ дѣлѣ рѣшающее значеніе, надо было бы воспитать второго

Верне въ чужой семьѣ, такъ что онъ самъ и никто другой не знали объ его происхожденіи. Ту же самую процедуру надо было бы продѣлать со всѣми послѣдующими Верне. Тогда только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій можно было съ точностью признать вліяніе наслѣдственности. Тѣ же самыя замѣчанія можно сдѣлать и относительно всѣхъ другихъ примѣровъ, которые приведены въ книгѣ Рибо.

Между націею и національнымъ духомъ я признаю большое различіе. Какая-нибудь народность можетъ обладать характерными для нея тѣлесными свойствами, крупнымъ или приземистымъ ростомъ, большими или маленькими руками, тонкими и длинными или же короткими и толстыми пальцами. Эти особенности разумѣется не остаются безъ вліянія. Онѣ облегчаютъ или же затрудняютъ для своихъ владѣльцевъ ту или другую форму труда, но вліяніе это никогда не доходитъ до того, чтобы сдѣлать людей способными къ выполненію того, что невозможно для людей другого племени или обратно. Возникающія отсюда различія легко изглаживаются нѣсколько большей дозой прилежанія. Возбужденіе, вызываемое извѣстными социальными порядками, заставляющими много работать, безъ труда уничтожаетъ вліяніе этихъ особенностей. Упомянутое возбужденіе преодолеваетъ и несравненно болѣе сильныя вліянія, какъ-то: суровость климата, бесплодіе почвы и т. п.; такъ, на примѣръ, высокая степенъ цивилизаціи установилась въ такихъ странахъ, какъ Шотландія или Норвегія.

Я признаю поэтому существованіе расы, понимаемой въ вышесказанномъ смыслѣ; но существованіе племенного духа, — этой скрытой таинственной силы, которою объясняется для каждой народности рѣшительно все, не исключая и самыхъ сложныхъ интеллектуальныхъ явленій, я позволяю себѣ считать до поры до времени сомнительнымъ. Гипотеза эта должна была представиться человѣческому уму. Она сама по себѣ очень естественна, и мы объяснили даже почему именно, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ означенная гипотеза является совершенно бездоказательной.

Если даже допустить, что въ идеѣ племенного духа имѣется что-либо реальное, то какимъ путемъ, спрашивается, можно удостовѣриться въ такомъ фактѣ и доказать его *)?

*) Теорія національнаго духа проводится даже въ учебникахъ, наиболѣе изыскующихъ общихъ идей и по преимуществу стремящихся къ точности. Не бесполезно указать, какимъ образомъ разсуждаютъ сторонники этой теоріи, когда выходятъ изъ рамокъ спеціальной своей задачи.

У одного изъ нихъ встрѣчаемъ слѣдующую фразу: «Приписывая развитіе харак-

Вопросъ этотъ, касающійся научнаго метода, оставался совершенно незамѣченнымъ. Предполагаемый духъ самъ по себѣ является неуловимымъ, какъ вообще всѣ внутреннія силы и предполагаемыя врожденные свойства. Такая причина познается лишь по своимъ дѣйствіямъ, но какимъ образомъ въ точности различить дѣйствія, непосредственно вызываемыя племеннымъ духомъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ его причинѣ?

Мы получаемъ такимъ образомъ заколдованный кругъ. Что касается до установленій, то они имѣютъ объективный характеръ,

терныхъ свойствъ вліянію среды, въ сущности ничего не объясняютъ. Такъ напр. повторяютъ, будто греки были великими ваятелями, потому что въ гимназіяхъ постоянно видѣли передъ собою обнаженныхъ юношей. Между тѣмъ въ Африкѣ обитаютъ народы, совершенно незнакомые съ одѣянностью, но все-таки не породившіе ни единого Фидія».

Авторъ руководства былъ бы совершенно правъ и одержалъ бы верхъ въ спорѣ съ тѣмъ, кто позволялъ бы себѣ нелѣпное утвержденіе, будто искусство ваянія является результатомъ всего только одного условія, а именно условія видѣть передъ собою изыщную наготу. Логическій присиѣзъ, къ которому прибѣгаютъ въ учебникѣ, могъ бы оказаться достаточнымъ для того, чтобы восторжествовать надъ такимъ противникомъ. На самомъ дѣлѣ, однако, одно какое-либо условіе ни въ чьихъ глазахъ не составляетъ цѣлой среды. Всѣ признаютъ, что среда является совокупностью условій болѣе или менѣе многочисленныхъ.

Негры, хотя и ходятъ наги, не достигли художественности въ ваяніи за отсутствіемъ другихъ необходимыхъ для этого условій.

Авторъ руководства долженъ былъ бы высказать намъ совершенно ясно, что именно онъ имѣетъ въ виду утверждать. Если онъ хочетъ сказать, что ежедневное созерцаніе нагихъ эфебовъ не имѣло въ Греціи ни малѣйшаго вліянія, и что греческая скульптура осталась бы совершенно такою же и при отсутствіи этого условія, то я позволю себѣ указать, къ чему должно привести такое допущеніе. Въ такомъ случаѣ законы логической послѣдовательности побуждаютъ заключить, что для художника совершенно безразлично работать, имѣя передъ глазами живыхъ натурщиковъ или же не имѣя таковыхъ. Покончивъ такимъ образомъ съ обиліемъ натурщиковъ, явившимся однимъ изъ условій или обстоятельствъ среды, автору пришлось бы разсмотрѣть порознь и объявить неспособными оказать сколько-нибудь серьезное вліяніе также и другія фактическія условія этой среды, какъ напр. возможность изучать и первоначально копировать произведенія ассирійскаго и египетскаго ваянія. Такимъ путемъ необходимо пришли бы къ чрезвычайно странному выводу: греческій гений въ какомъ-нибудь Фидіѣ или Поликлетѣ былъ бы чѣмъ то являющимся на свѣтъ вполнѣ сформированнымъ и законченнымъ. Чтобы произвести свое дѣйствіе, онъ не нуждался бы не только въ трудѣ или обученіи, но также въ помощи чувствъ и вѣншей природы.

Это, очевидно, нелѣпое, заключеніе строго обязательно для тѣхъ, кто думаетъ, будто все зависитъ исключительно только отъ расы. Надежда выпутаться изъ затрудненій, заявивъ, что раса является только существеннѣйшимъ изъ необходимыхъ условій, оказывается совершенно ошибочной. Такое неопредѣленное утвержденіе содержитъ въ себѣ лишь подобіе идеи. Необходимо установить хотя какъ-либо разграниченія, — указать, что именно обуславливается расой и, въ особенности, что ею не обуславливается. При отсутствіи опредѣленнаго указанія на такіе результаты, всѣ разсужденія о вліяніи національнаго духа сводятся къ переливанію изъ пустого въ порожнее.

а слѣдовательно могутъ быть непосредственно познаваемы. Разсматриваемыя, какъ причины, установленія имѣютъ на своей сторонѣ преимущество несомнѣнности существованія. Обстоятельно изучая каждую изъ такихъ причинъ, можно уяснить себѣ, какого именно рода дѣйствія способна она производить. Путемъ практическаго изслѣдованія можно будетъ выяснитъ, что такія то дѣйствія дѣйствительно были произведены. Подобное изслѣдованіе не всегда легко, но тѣмъ не менѣе само по себѣ возможно. Предположимъ, что установленія или, если угодно, существенныя обстоятельства данной среды всѣ уже изслѣдованы и каждое изъ нихъ прослѣжено возможно дальше въ произведенныхъ имъ дѣйствіяхъ и вліяніяхъ. Мы получимъ тогда общую картину всего, что не было обусловлено національнымъ духомъ. Полученіе такого результата, служащаго рамки задачи, окажется само по себѣ уже крупнымъ успѣхомъ. Если у насъ и послѣ того найдется еще остатокъ явленій, не объясняющихся никакими установленіями и вообще внѣшними условіями, то будетъ вполне законнымъ приписать его до болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія врожденности, т. е. національному духу. По самымъ свойствамъ этого остатка можно будетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ означенномъ духѣ. Короче сказать, выражаясь въ данную минуту языкомъ Стюарта Милля, эта гипотеза, если только она содержитъ въ себѣ какую-либо долю истины, можетъ быть доказана не иначе, какъ съ помощью метода остатковъ. Предварительная работа выясненія всего, что принадлежитъ въ исторіи установленіямъ и вообще внѣшнимъ условіямъ, далеко не закончена, а потому примѣненіе теоріи національнаго духа должно считаться пока еще совершенно преждевременнымъ.

ГЛАВА XIX.

Историческія задачи.

Примѣненіе вышеизложенныхъ идей къ нѣсколькимъ вопросамъ политическаго и научнаго характера.

I.

Припомнимъ себѣ прежде всего, что случайность ежеминутно вторгается въ исторію путемъ индивидуальнаго воздѣйствія.

Историческій человѣкъ слагается, какъ уже упомянуто, изъ данной степени цивилизаціи и данныхъ формъ установленій. Мы уже разсматривали съ нѣкоторыми подробностями средства, имѣю-

ціяся для опредѣленія степени цивилизаціи. Остается теперь указать на формы, въ которыхъ проявляются различныя установленія. Вопросы о причинахъ измѣненій даннаго установленія принадлежатъ уже ко второму порядку задачъ, изслѣдованіемъ которыхъ должна заниматься исторія, какъ наука.

По поводу причинъ, вызывающихъ означенныя перемѣны, у насъ были уже высказаны нѣкоторые тезисы. Такъ мы говорили, что установленіе измѣняется вслѣдствіе того, что какое-либо изъ психическихъ стремленій, дѣйствовавшихъ при его образованіи, возбуждается иначе какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ, или же потому, что въ человѣкѣ возникло новое вѣрованіе, относящееся къ средствамъ, пригоднымъ къ достиженію цѣли этихъ стремленій. Понятно, что было бы неумѣстно рассчитывать на разрѣшеніе сколько-нибудь конкретныхъ вопросовъ съ помощью такихъ общихъ соображеній. Для этого необходимы другія правила.

Какими бы узкими рамками ни ограничивался рассматриваемый отрывокъ исторической дѣйствительности, онъ представляетъ собою событіе въ связи съ установленіями. По мѣрѣ того, какъ увеличивается кругозоръ, первый изъ этихъ элементовъ возрастаетъ чрезвычайно обильно. Возьмемъ напр. французскую литературу. Даже въ самый краткій изъ моментовъ ея существованія въ ней появится нѣкоторое число дѣятелей, привносящихъ случайный элементъ своей индивидуальности и оказывающихъ рѣшительное вліяніе на литературныя установленія.

Что же получится, если я вздумаю рассматривать весь ходъ эволюціи французской литературы или задамъ еще болѣе смѣлой попыткой, — поставлю себѣ такую до чрезвычайности широкую программу, какъ выясненіе судебъ Рима, изложеніе исторіи развитія христіанства или же ислама. Какая подавляющая масса индивидуальныхъ воздѣйствій, одновременныхъ и въ послѣдовательной ихъ смѣнѣ! Какое громадное количество случайностей окажется въ концѣ концовъ примѣшаннымъ къ установленіямъ, имѣющимъ характеръ чего то опредѣленнаго!

Подобную широкую программу я невольно сравниваю съ теченіемъ большой рѣки. Меня неотвязно преслѣдуетъ ея аналогія съ такою рѣкой, образующей среди самыхъ разнообразныхъ ландшафтовъ изгибы и повороты, мѣняющей объемъ и цвѣтъ своихъ водъ, скорость и направленіе теченія сообразно съ геологическими мѣстными условіями и характеромъ множества впадающихъ въ нее со всѣхъ сторонъ притоковъ. Несомнѣнно, что теченіе рѣки, не смотря на всю свою кажущуюся неправильность, является строго опредѣленнымъ, но такая опредѣленность обнаруживается лишь между смежными частями теченія. Полу-

чается цѣлый рядъ весьма краткосрочныхъ неизбѣжныхъ явленій, находящихся между собою въ очень разнообразной связи. Каждое изъ нихъ составляетъ для наблюдателя особую новую задачу. Тотъ, кто хотѣлъ бы объяснить все теченіе рѣки отъ ея источниковъ до устья, долженъ былъ бы разрѣшить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ задачъ, а не одну какую либо задачу, которую можно было бы свести сразу и полностью къ дѣйствіямъ какихъ либо простыхъ причинъ (въ данномъ случаѣ напр. свойствъ и качествъ ея источниковъ).

Въ исторіи сплошь и рядомъ упускаютъ изъ виду дѣйствительную множественность задачъ, заключающихся въ предметѣ, который повидимому представляетъ собою одно цѣлое. Такъ напр. были историки, утверждавшіе, будто французская и англійская литература въ ихъ колоссальномъ и расходящемся развитіи были каждая съ своей стороны результатомъ одной психической черты, постоянно преобладавшей, и одного процесса мышленія, повторявшагося неопредѣленное число разъ, причемъ эти психическія черты и процессъ мышленія оказывались во Франціи иными, чѣмъ въ Англіи *). Исторія становится такимъ образомъ легчайшей изъ всѣхъ наукъ. Географія достигла бы такой же степени легкости, еслибъ имѣлась возможность на самомъ дѣлѣ объяснить все теченіе Гаронны свойствами источника этой рѣки, выходящаго изъ вѣдръ Маладеты. Никакому географу, однако, не приходило въ голову подобное упрощеніе предмета его науки.

Можетъ случиться и случается ежедневно, что мы наталкиваемся на довольно сложную задачу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такая задача всегда заключается въ другой или въ нѣсколькихъ другихъ болѣе обширныхъ. Зачастую бываетъ, что первая задача безусловно зависитъ отъ вторыхъ. Тогда болѣе сложная задача навѣрное окажется для насъ неразрѣшимой до тѣхъ поръ, пока мы не рѣшимъ другія болѣе отвлеченныя задачи. Часто приходится такимъ образомъ восходить до первыхъ принциповъ, — до общей психологіи разсматриваемаго предмета. Собственно говоря благоразумнѣе и надежнѣе всего было бы всегда начинать съ выясненія этой психологической стороны.

Историческіе вопросы или задачи должны поэтому разсматриваться въ порядкѣ нисходящей общности, т. е. начиная съ наиболѣе общихъ и заканчивая наименѣе общими или самыми

*) Такой взглядъ проводилъ Тэнъ. Этотъ замѣчательно блестящій писатель приступилъ къ разрѣшенію историческихъ задачъ съ предвзятыми взглядами, ужа-сающими по своей простотѣ.

сложными. Свѣтъ, доставляемый разрѣшеніемъ первыхъ, служить къ разсѣянію мрака, которымъ окутаны послѣдніе. Такъ напр. при изслѣдованіи различныхъ видовъ того или другого установленія, надо прежде всего стараться выяснитъ путемъ историческаго наблюденія наиболѣе широкіе и объемлющіе изъ этихъ видовъ. Не говорю, чтобы такой подготовительный трудъ былъ легкимъ. Наблюденіе естествоисторическихъ фактовъ сопряжено уже съ достаточными трудностями, обусловленными все тою же причиной, а именно тѣмъ, что явленія состоятъ во взаимной связи, наблюденія же вынуждены ограничиться опредѣленными рамками. Необходимо выкроить для него эти рамки, а это можетъ быть совершенно удачно или же неудачно. Въ исторіи обусловленные этимъ затрудненія оказываются еще серьезнѣе. Предѣлы или, если можно такъ выразиться, окраины какой нибудь формы установленія обрисовываются съ еще меньшей отчетливостью и еще болѣе сливаются съ сосѣдними формами. Приходится поневолѣ однако довольствоваться тѣмъ, что есть.

Хорошо уяснивъ себѣ главныя формы даннаго установленія, т. е. связавъ ихъ съ основными психическими принципами, дѣйствующими въ самыхъ общихъ условіяхъ, можно будетъ приступить къ разрѣшенію болѣе частныхъ задачъ. У насъ окажутся при этомъ нѣкоторыя вѣроятности успѣха, если мы сумѣемъ воспользоваться указаніями, вытекающими изъ объясненія законовъ, управляющихъ упомянутыми общими формами.

Какъ уже сказано, книга эта вовсе не задается цѣлью создать исторію, какъ науку. Я не приступаю здѣсь ни къ какому вопросу съ намѣреніемъ рѣшить его окончательно, хотя бы даже въ той мѣрѣ, въ какой это для меня доступно. Тѣмъ не менѣе взгляды, высказанные въ этой книгѣ, на истинныя причины, дѣйствующія въ исторіи, и на методы, пригодные къ выясненію этихъ причинъ, сами по себѣ не легко усвоятся. Для возможно большаго ихъ уясненія я долженъ присовокупить къ изложенію этихъ взглядовъ извѣстную степень ихъ приложенія, т. е. практическаго примѣненія, проведеннаго съ нѣкоторой обстоятельностью. Постараюсь это сдѣлать относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, принадлежащихъ къ разнымъ категоріямъ, причемъ само собой разумѣется, что я не предъявляю никакихъ притязаній на окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ сущности я хочу указать только, какимъ образомъ я сталъ бы искать такихъ рѣшеній, какими путями сталъ бы направляться къ нимъ, а въ особенности какихъ именно путей счелъ бы долгомъ избѣгать.

II.

Прежде всего рассмотрим два вопроса, принадлежащіе къ категоріи политическихъ. Одинъ изъ нихъ чрезвычайно обширенъ и можетъ быть признанъ почти отвлеченнымъ, другой же напротивъ того имѣетъ частный и почти конкретный характеръ.

1) Дѣйствительно ли народы, занимающіе обширное географическое протяженіе, обладаютъ въ большей степени, чѣмъ маленькія народности, закономѣрнымъ стремленіемъ къ деспотической формѣ правленія, какъ это можно было бы повидимому заключить изъ историческихъ фактовъ? 2) Установленіе такъ называемой парламентской формы правленія, специально выработавшейся въ Англіи, должно ли быть приписано національному духу, т. е. какой либо врожденности, общей англичанамъ, или же оно является результатомъ обстоятельствъ?

III.

Охватывая общимъ взглядомъ политическія установленія, существовавшія въ различныя времена, можно усмотрѣть, что правительственная власть является съ одной стороны по общей части наслѣдственной, а съ другой произвольной и неограниченной. Безотвѣтственность правителя по отношенію къ управляемому представляетъ собою одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ власти. Неоднократно уже замѣчали, что число свободныхъ странъ, встрѣчающихся въ исторіи, весьма мало сравнительно съ числомъ государствъ, не пользовавшихся политической свободой. Этотъ результатъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе другого наблюденія еще болѣе внушительный характеръ. Еслибъ правительственный произволъ оказывался свойственнымъ дикимъ и варварскимъ народамъ, то это не представлялось бы особенно удивительнымъ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ является въ такой же степени присущимъ и наиболѣе передовымъ націямъ. Политической свободѣ, которую было бы правильнѣе называть политической отвѣтственностью, повидимому нечего ожидать для себя отъ прогресса цивилизаціи.

Я вижу древній Египетъ, древнюю Ассирію, Китай, Индію, Мексику и Перу, достигающими довольно разнообразныхъ, но во всякомъ случаѣ весьма почтенныхъ степеней цивилизаціи съ политическими установленіями, въ которыхъ безъ сомнѣнія нельзя усмотрѣть ничего либеральнаго. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что по самой природѣ вещей первичное состояніе чловѣка было независимостью.

Правда, что въ греческихъ странахъ начало цивилизаціи совпадаетъ съ утановленіемъ республикъ, въ которыхъ правительство отвѣтственно, хотя съ другой стороны каждый отдѣльный гражданинъ до чрезвычайности связанъ по отношенію ко всѣмъ другимъ,—по отношенію къ государству. Съ возрастаніемъ цивилизаціи всѣ эти республики клонятся, однако, къ гибели.

Римъ въ состояніи республики, управляемой выборными сановниками, отвѣтственными по закону, подчиняетъ себѣ значительную часть Европы, Сѣверную Африку и Малую Азію. Распространивъ такимъ образомъ свое могущество, онъ переходитъ къ безотвѣтственной монархіи. Явленіе это совпадаетъ съ блестящимъ состояніемъ цивилизаціи.

По разрушеніи римскаго владычества оно уступаетъ мѣсто различнымъ государствамъ, схожимъ другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что правители вынуждены фактически считаться съ управляемыми, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми ихъ классами: военными и духовными вассалами, а зачастую также съ населеніемъ городовъ. Въ предѣлахъ древней римской имперіи мы видимъ въ Европѣ новыя націи, обладающія еще болѣе широкой степенью политической свободы. Исландія, Данія, Швеція, Голландія, Польша—республики. Въ Италіи и Германіи встрѣчаемъ тоже республики, гдѣ глава правленія (облеченный весьма неодинаковыми полномочіями) отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ болѣе или менѣе многочисленными собраніями.

Между тѣмъ цивилизація продолжаетъ всюду прогрессировать хотя и не съ одинаковой скоростью.

Одновременно съ этимъ европейскія правительства все болѣе стремятся къ безотвѣтственности. Франція становится неограниченной монархіей въ XV, Испанія же, германскія княжества и Австрія въ XVI вѣкѣ. Данія и Голландія слѣдуютъ нѣсколько позднѣе тому же примѣру. Даже Швеція къ концу XVIII столѣтія приходитъ къ одному съ ними неизбѣжному исходу. Итальянскія республики и вольные германскіе города уменьшились къ тому времени въ численности настолько, что почти уже исчезли. Къ 1789-му году правительственная отвѣтственность въ Европѣ сохранилась лишь въ нѣсколькихъ швейцарскихъ кантонахъ и въ Англіи.

Эта эволюція отъ свободы къ абсолютизму обрисовывается въ Европѣ, какъ нѣчто вродѣ повторенія другихъ ей подобныхъ, совершившихся въ древности. Она необходимо должна была поразить умы, привыкшіе къ созерцательному мышленію. Неудивительно, что она вызвала множество комментарій и изслѣдованій.

Между прочимъ находили особенно поразительнымъ слѣдующее соотношеніе: казалось, будто государства утрачивали тѣмъ скорѣе и тѣмъ полнѣе политическую свою свободу, чѣмъ болѣе обширное протяженіе они занимали.

Для обсужденія этого вопроса съ нѣкоторыми вѣроятностями достигнуть правильнаго его разрѣшенія считаю умѣстнымъ начать съ общей психологіи отношеній, существующихъ между правителями и управляемыми.

Интересы правителя и управляемаго согласуются до извѣстнаго рубежа (см. главу VI, стр. 97). За этимъ рубежом обнаруживается противоположность интересовъ и, слѣдовательно, стремленіе къ конфликту между правителями и управляемыми.

Смыслъ существованія правителя заключается въ выполненіи извѣстной функціи, а потому надо ожидать, особенно же въ первое время, когда правитель не успѣлъ еще создать себѣ средствъ къ поддержанію власти принудительными мѣрами, что характеръ означенной функціи долженъ значительно вліять на форму правленія. Если на примѣръ функція правителя заключается въ предводительствѣ военной экспедиціей, то весьма правдоподобно, что правленіе прекращалось вмѣстѣ съ окончаніемъ такой экспедиціи. Такіе порядки мы дѣйствительно встрѣчаемъ еще и теперь у многихъ африканскихъ народовъ. Человѣкъ, бывшій вчера вождемъ и способный сдѣлаться таковымъ опять при первомъ же столкновеніи, оказывается въ ожиданіи таковаго равнымъ всѣмъ прочимъ своимъ согражданамъ.

Если человѣкъ становится вождемъ вслѣдствіе ожидаемой отъ него функціи, то надо, чтобы онъ былъ способенъ ее выполнять. Личная пригодность представляетъ собою нѣчто весьма ненадежное. Старость, лишеніе какого нибудь члена, рана, болѣзнь могутъ ее отнять у человѣка, что служить также одною изъ причинъ непостоянства подобной формы правленія. Она поэтому не всегда пожизненная, а тѣмъ менѣе наследственная, хотя фактически возможно, что сынъ является иногда преемникомъ отцу. Для упроченія формы правленія необходимо, чтобы функція правителя приобрѣла большую устойчивость. Это достигается съ переходомъ группы отъ охотничьяго образа жизни къ кочевому, пастушескому.

Представимъ себѣ теперь людей, которые содержатъ, кормятъ, эксплуатируютъ домашнихъ животныхъ: лошадей, крупный рогатый скотъ, ламъ, верблюдовъ и т. п. смотря по различію мѣстныхъ условій. Мы знаемъ, что эта группа въ сущности—семья, члены которой смотрятъ другъ на друга, какъ на родственниковъ. Намъ извѣстно также, что отсюда вытекаетъ въ экономиче-

скомъ отношеніи тѣсная солидарность между членами группы. Домашнія животныя образуютъ скорѣе одно общее стадо, чѣмъ отдѣльныя частныя стада. Необходимо соглашеніе для того, чтобы управлять этимъ общимъ имуществомъ. Здѣсь тоже нельзя было бы достигнуть желаемого результата, еслибъ послѣ препирательства между заинтересованными сторонами не имѣлось у кого нибудь власти категорически рѣшать спорный вопросъ. Группа обзаводится поэтому лицомъ, облеченнымъ такою властью. На этотъ разъ функція правителя оказывается по своему существу постоянною, такъ какъ ее приходится выполнять ежедневно. Мы видимъ поэтому, что у пастушескихъ народовъ вожди пожизненно сохраняютъ за собою почетный свой постъ. Библейскіе патриархи оказывались подобными же вождями. Старость, раны и увѣчья пренятствуютъ тутъ въ гораздо меньшей степени выполненію обязанностей правителя. За нѣкоторыми исключеніями, они не мѣшаютъ человѣку быть благоразумнымъ, смысленнымъ и бережливымъ. Старость не только не вредитъ правителю, но даже служитъ скорѣе гарантіей надлежащаго выполненія ожидаемой отъ него функціи. Пастушескіе народы питаютъ поэтому довѣріе къ старцу и выбираютъ себѣ вождемъ по преимуществу старѣйшаго лѣтами.

При дальнѣйшей своей эволюціи группа переходитъ отъ пастушеской жизни къ земледѣлію. Оно по общему закону начинается извѣстнаго рода коммунизмомъ, нѣкоторой нераздѣльностью въ пользованіи или по крайней мѣрѣ во владѣніи землею. Необходимо упорядочить это пользованіе, защитить право землевладѣнія. Надо производить надѣлы и передѣлы земель, предписывать время посѣва жатвы, формы эксплуатаціи лѣсовъ и пастбы скота. Функція правителя является постоянной и болѣе сложной, чѣмъ прежде, а потому форма правленія становится еще болѣе прочной.

Съ другой стороны намъ извѣстно, что богатство возрастаетъ съ переходомъ группы отъ охотничьяго образа жизни къ пастушескому, а отъ него къ земледѣльческому. Вслѣдствіе этого обнаруживается все болѣе явственное стремленіе къ неодинаковости богатства у различныхъ членовъ группы, если только между ними не будетъ производиться совершенно одинаковаго распредѣленія. Такое явленіе, однако, представляется неосуществимымъ.

По мѣрѣ возрастанія общаго богатства стремится возрастать также и экономическое неравенство между отдѣльными лицами. Вскорѣ оказываются въ группѣ богатые и бѣдные семьи. Богатство становится для отдѣльной личности новой формой заслуги

въ глазахъ его согражданъ. Спрашивается, имѣется ли въ этой формѣ заслуги какое либо стремленіе приобщить обладателя къ функціи управленія.

Личная заслуга не передается отъ одного человѣка другому; богатство же имѣетъ надъ ней то преимущество, что можетъ передаваться. Человѣкъ можетъ безъ труда для себя помочь отъ своихъ избытковъ другому, нуждающемуся въ необходимомъ, и дѣлаетъ это. Обыкновенно впрочемъ это дѣлается даромъ. Человѣкъ, принявшій помощь, становится кліентомъ, слугой, работникомъ или же приспѣшникомъ своего благодѣтеля. Для этого нѣтъ надобности даже получить дѣйствительную помощь. Одна надежда на таковую служить уже сама по себѣ достаточно прочнымъ звеномъ.

Богачъ вліяетъ на своихъ согражданъ двоякимъ образомъ: тѣмъ, что дѣлаетъ, и тѣмъ, что могъ бы сдѣлать. Если онъ пожелаетъ управлять, то имѣетъ шансы достигнуть желаемого благодаря существованію простого, безспорнаго и общаго психическаго свойства, въ силу котораго каждый предпочитаетъ свой личный интересъ государственному. Этотъ послѣдній предписывалъ бы выбирать наиболѣе способнаго правителя, но читая изслѣдованія соціологовъ и описанія путешественниковъ, мы видимъ, что всюду у дикарей ничто не ведетъ вѣрнѣе къ власти и не обезпечиваетъ ее надежнѣе, какъ обладаніе богатствомъ подъ какой бы ни было формой.

Впрочемъ и самая форма богатства не остается безъ вліянія. Обладаніе стадомъ или табуномъ представляется довольно непрочною прерогативой. Эпидемія или набѣгъ могутъ мгновенно отнять у семьи то, что обезпечивало ея преобладаніе.

Когда богатство вытекаетъ изъ землевладѣнія, оно разумѣется можетъ быть тоже утрачено, но все же представляется несравненно болѣе прочнымъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ случаѣ. Правительство, опирающееся на недвижимую собственность—поземельное владѣніе, обезпечиваетъ своему главѣ бѣольшую устойчивость власти, чѣмъ это достигается при условіи обладанія обширными стадами.

Другое преимущество богатства передъ личной заслугой заключается въ его способности передаваться послѣ смерти владѣльца его наслѣдникамъ. Впрочемъ это составляетъ лишь одинъ изъ видовъ возможности его передачи. Тамъ, гдѣ богатство можетъ приводить къ власти, логика требуетъ, чтобы наслѣдникъ богатства наслѣдовалъ также и власть.

Несомнѣнно, что у подданныхъ существуетъ нѣкоторое стремленіе выбирать своимъ вождемъ сына или кого-либо изъ близ-

кихъ родственниковъ умершаго вождя и такимъ образомъ организовать наслѣдственную форму правленія. Люди склонны предполагать, что родственникъ вождя, снискавшаго себѣ уваженіе, будетъ скорѣе походить на него своими качествами, чѣмъ кто-либо посторонній; но эта предвзятая идея не въ силахъ бороться съ выводами изъ противорѣчащаго ей практическаго опыта. Такъ, какъ опытъ зачастую ей противорѣчитъ, то имѣется основаніе предположить а priori, что наслѣдственная форма правленія главнымъ образомъ обязана своимъ существованіемъ дѣйствию экономической силы, а именно авторитету богатства.

Укажемъ здѣсь на антагонизмъ между правительственной функцией и богатствомъ. Движимые единственно только интересами хорошаго управленія, люди обращали бы вниманіе исключительно только на личныя заслуги: мужество, умъ, благоразуміе и т. п., такъ что правительство оказалось бы всюду избирательнымъ. Этому противодействовалъ авторитетъ богатства и побѣда, очевидно, осталась на его сторонѣ, такъ какъ наслѣдственная форма правленія встрѣчается, вообще говоря, чаще избирательной.

У многихъ народовъ, обладающихъ сравнительно юной цивилизаціей, встрѣчается очень интересная комбинація. Глава государства подлежитъ избранію и дѣйствительно избирается навсегда изъ одной и той же семьи. При этомъ, вообще говоря, отдають предпочтеніе изъ числа ея членовъ старѣйшему годами. При такой комбинаціи сынъ вождя зачастую отстраняется отъ власти въ пользу дяди или двоюроднаго дѣда (если онъ еще въ живыхъ). Какъ уже упомянуто, старшинство возраста разсматривается тутъ, какъ гарантія пригодности къ выполненію ожидаемой отъ правителя функціи. Мы видимъ здѣсь слѣдовательно попытку примиренія двухъ принциповъ — избирательнаго и наслѣдственнаго, предшествующую окончательному торжеству этого послѣдняго. Въ силу принципа наслѣдственной формы правленія глава государства избирается всегда изъ одной и той же семьи, а въ силу избирательнаго принципа предпочтеніе отдается старѣйшему или наиболѣе заслуженному изъ членовъ этой семьи. Впослѣдствіи за сыномъ покойнаго вождя признается старшинство надъ всѣми прочими членами семьи, и такимъ образомъ принципъ наслѣдственности одерживаетъ полную побѣду. Историки, какъ извѣстно, часто приписываютъ этотъ результатъ дѣйствию иной причины: они предполагаютъ, будто народъ придумалъ установить наслѣдственную форму правленія въ видахъ устраненія соперничества и междоусобныхъ войнъ. Такимъ путемъ возникла будто бы возможность мирной смѣны одного главы государства другимъ. На самомъ дѣлѣ наслѣдственная форма правленія

обезпечила достиженіе такого результата лишь послѣ вѣкового фактическаго примѣненія, когда ея принципъ успѣлъ пріобрѣсти достаточный авторитетъ въ сферѣ идей и нравовъ. Тогда только выработалась теорія преимуществъ такой формы правленія, которая слѣдовательно, какъ и всякая вообще теорія, построена была на основаніи совершившихся фактовъ. Вглядываясь пристальнѣе, я не могу найти ни одного случая, гдѣ бы народъ или даже собраніе выборныхъ замѣнили избирательную форму правленія наслѣдственной, руководствуясь соображеніями, изобрѣтенными современными историками. Къ тому же непосредственный опытъ категорически опровергъ бы эти соображенія. Дѣло въ томъ, что наслѣдованіе престола нисколько не рѣже, чѣмъ избраніе главы государства, подавало поводъ къ войнамъ.

Вернемся же снова къ наиболѣе существеннымъ чертамъ. Завѣдываніе экономическими интересами, по своей природѣ постоянными, повседневными и безотлагательными, значительно повліяло на упроченіе правительственной власти. Обладаніе экономической силой, т. е. богатствомъ, оказало энергическое воздѣйствіе въ томъ же смыслѣ.

Установленіе правительства представляется, помимо временныхъ и непрочныхъ диктатуръ, вызванныхъ интересами, обусловленными потребностями войны, охоты, переселеній и т. п., повидимому косвеннымъ слѣдствіемъ той формы человѣческой дѣятельности, которую мы называли созданіемъ богатства.

Богатство правителя дѣйствуетъ, если не ошибаюсь, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было предположить, на первый взглядъ, вліяніе иной причины, напр. военнаго могущества. При завоеваніи одного народа другимъ возникаетъ изъ среды завоевателей прочно установившееся, наслѣдственное правящее сословіе или таковой же правитель. Это можетъ показаться результатомъ завоеванія, но при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи не трудно убѣдиться, что завоеваніе дѣйствуетъ исключительно тѣмъ, что обогащаетъ, и единственно лишь при этомъ условіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ положительнаго и отрицательнаго характера.

Римскіе патриціи являются по отношенію къ плебеямъ прежде всего собственниками. Каждая семья патриціевъ владѣетъ болѣе или менѣе обширнымъ загороднымъ помѣстьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ дома въ городѣ Римѣ принадлежатъ этимъ семьямъ. Плебен (каково бы ни было ихъ движимое имущество) оказывались всѣ безъ исключенія только жильцами, обязанными платить за квартиру домохозяину. Обстоятельство это категорически выставляется на видъ историками.

Патриціи очевидно властвують надъ плебеями и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ ихъ негодованіе, какъ заимодавцы, собственники арендуемыхъ плебеями полей и жилыхъ помѣщеній. Въ этомъ именно и заключался нервъ ихъ власти. На сторонѣ плебеевъ имѣлось преимущество числа, благодаря которому имъ удавалось исторгать у патриціевъ уступки политическаго характера, должности и комиціи, въ которыхъ они избирали должностныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе авторитетъ экономическаго могущества, принадлежавшаго патриціямъ, парализуетъ эти политическія уступки. Долгое время на общественныя должности выбираются исключительно только патриціи; съ другой стороны римляне все болѣе расширяютъ кругъ своихъ завоеваній. Каждое новое завоеваніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ возрастаніе земледѣльческаго богатства патриціевъ. Обширныя ихъ помѣстья становятся все болѣе громадными, и мелкая поземельная собственность римскаго гражданина — плебея, т. е. побѣдителя, поглощается латифундіями, какъ и поземельная собственность покоренныхъ. Ввиду столь безспорнаго результата могущества аристократіи, что могутъ значить кажущіеся успѣхи плебеевъ въ политическомъ вліяніи! Послѣ семивѣковаго владычества патриціи оказываются наконецъ побѣжденными, но человѣкомъ изъ ихъ же среды.

Въ XIII вѣкѣ по Р. Х. волна монголовъ, хлынувшая на Россію, подчиняетъ ее себѣ. Побѣдители, бывшіе народомъ пастушескимъ, не расплываются въ массѣ побѣжденныхъ, а остаются въ сборѣ вокругъ своего знамени, образуя какъ бы военный лагерь. Всѣмъ извѣстна исторія Золотой Орды. Казалось бы, что такая сплоченность завоевателей должна была являться благопріятнымъ условіемъ для поддержанія ихъ владычества. Сразу же бросается въ глаза, что, оставаясь воинами во всеоружіи, они должны были бы сохранить за собою господство. Результатъ получился совершенно иной. Они не укоренились въ землѣ, упустили случай сдѣлаться собственниками-землевладѣльцами, а потому въ скоромъ времени утратили и господство надъ людьми. Подобнымъ же образомъ монголы наводнили Китай. Тамъ, какъ и въ Россіи, они остались вооруженными воинами. Достигнутый ими тамъ результатъ ограничивается однако лишь тѣмъ, что ихъ вождь становится наслѣдственнымъ китайскимъ императоромъ, богдыханомъ. Эти богдыханы, болѣе непосредственно окруженные побѣжденными, управляютъ однако соотвѣтственно съ интересами и установленіями покореннаго народа; завоеватели же въ массѣ оказываются фактически лишенными всѣхъ плодовъ одержаннаго ими успѣха. Напротивъ того Китай переходитъ самъ въ наступленіе и покоряетъ страну, откуда вышли его завоеватели.

Мы теперь приблизительно знаемъ, путемъ какихъ именно психологическихъ процессовъ власть главы государства становится наслѣдственной. Посмотримъ теперь, какимъ именно путемъ она доходить до неограниченнаго произвола.

Мысль, что правитель одинъ или же ихъ немного, тогда какъ управляемыхъ громадное число, кажется на первый взглядъ мало-значущей, но на самомъ дѣлѣ можетъ послужить исходною точкой для весьма важныхъ заключеній.

Численность производить до такой степени впечатлѣніе силы, что такъ и хочется допустить а priori постоянное существованіе зависимости правителя отъ управляемаго. Дѣйствительность оказывается однако до такой степени непохожей на то, чѣмъ бы ей слѣдовало быть, что историческій опытъ вызываетъ глубочайшее изумленіе. Поэтому изслѣдователи отказываются по крайней мѣрѣ на этотъ разъ отъ метода изслѣдованія, направляющагося отъ причинъ къ слѣдствію, и переходятъ къ другому методу, восходящему отъ слѣдствія къ причинамъ.

Изученіе слѣдствій показываетъ, что многочисленность несомнѣнно сила матеріальнаго физическаго порядка; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что многочисленность осложняется слабостью, интеллектуальнымъ и нравственнымъ безсиліемъ, до такой степени значительнымъ, что парализуютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ, присущее ей физическое преимущество. Дѣйствительно многочисленность можетъ проявиться, какъ физическая сила, лишь при условіи совмѣстнаго, согласованнаго дѣйствія отдѣльныхъ личностей, иначе сказать путемъ согласованія отдѣльныхъ ихъ дѣйствій. Такимъ образомъ необходимымъ условіемъ могущества численности является такое согласованіе.

Нѣтъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго литературнаго, научнаго или художественнаго произведенія, которое было бы создано согласованной дѣятельностью хотя бы только двадцати человѣкъ. Разумѣется, можно указать нѣкоторыя произведенія, являющіяся какъ бы результатомъ работы многихъ сотрудниковъ. Нѣкоторыя научныя открытія достигнуты путемъ совмѣстнаго труда многихъ ученыхъ. Возможно, что поэма, приписываемая Гомеру, создана на самомъ дѣлѣ, пѣснь за пѣснью, рапсодами. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ однако каждый авторъ самостоятельно создавалъ нѣчто, явившееся какъ бы совершенно отдѣльнымъ трудомъ. Въ такихъ случаяхъ имѣлся только общій планъ, обусловленный внѣшнимъ міромъ или же всѣмъ извѣстнымъ историческимъ событіемъ. Никому и въ голову не придетъ отрицать, что толпа сама по себѣ неспособна создать поэму, статую или

даже хотя бы посредственный водевиль. Въ сравнительно меньшей степени проявляется расположеніе считать скопище отдѣльных лицъ неспособнымъ къ осмысленному политическому дѣйствію. Тѣмъ не менѣе, всматриваясь хорошенько въ народныя движенія,—въ удавшіяся революціи, зачастую не требовавшія предвидѣнія на особенно долгій срокъ, всегда можно розыскать въ концѣ концовъ вождей, которые придали опредѣленное направление и выраженіе смутнымъ и неяснымъ чувствамъ толпы.

Лучшимъ доказательствомъ умственной неспособности значительнаго числа людей можно найти въ исторіи политическихъ и религіозныхъ собраній (соборовъ), никогда не состоявшихъ однако изъ очень большого числа членовъ. Обратимъ вниманіе преимущественно на современную исторію, какъ на болѣе достовѣрную и ясную. Наши европейскіе парламенты сдерживаютъ себя рамками уставовъ, безъ которыхъ ихъ дѣятельность обратилась бы въ полнѣйшій хаосъ. Всѣ эти уставы стремятся въ сущности сосредоточить дѣйствительный трудъ въ рукахъ немногихъ отдѣльных лицъ или даже одного чловѣка. Такъ напр. въ парламентѣ имѣется президентъ, долженствующій наблюдать за тѣмъ, чтобъ пренія не отдалялись отъ условленнаго предмета; имѣются комиссіи, которыя безъ участія остальныхъ членовъ парламента вырабатываютъ законопроекты. Зачастую и сами комиссіи слагаютъ съ себя этотъ трудъ, поручая его докладчику. Въ концѣ концовъ коллективное собраніе выслушиваетъ, принимаетъ или отвергаетъ умственную работу отдѣльной личности. Неоднократно случается, что законопроекты по внесеніи въ нихъ поправокъ, предложенныхъ отдѣльными же личностями и принятыхъ собраніемъ послѣ обсужденія и голосованія, оказываются въ дѣйствительности не улучшенными, а совершенно напротивъ. Это еще не все: для того, чтобы собраніе могло слѣдовать хотя бы даже посредственно разумной программѣ, оказывается необходимою наличность многихъ другихъ условій. Необходимо существованіе министерства, воплощающагося почти всецѣло въ лицѣ одного политическаго дѣятеля. Парламентъ долженъ почти всецѣло подчиниться внушеніямъ этого дѣятеля, вынуждая отъ него лишь своею критикою, интересами или предразсудками разныя компромиссы и уступки, вообще говоря пагубныя, когда необходимо энергическое дѣйствіе, но превосходныя въ томъ отношеніи, что парализуютъ чрезмѣрную дѣятельность и побуждаютъ правительство къ благоразумію, къ бездѣйствію. Соображаясь съ тѣмъ, что намъ достовѣрно извѣстно, такъ какъ мы видимъ это нашими собственными глазами, мы можемъ истолковывать также и сомни-

тельные или туманные событія прошлаго. Мы не станемъ поэтому вѣрить, ввиду отсутствія сколько нибудь вѣскихъ доказательствъ, мудрости афинскаго ареопага или же пресловутой предусмотрительности римскаго сената.

Эти индуктивныя заключенія приобрѣтають новую силу благодаря дедуктивнымъ соображеніямъ. Сопоставляя ихъ съ истинами, признанными въ психологіи, мы видимъ, что у коллективнаго собранія не имѣется никакихъ данныхъ для удовлетворительнаго выполненія умственнаго процесса. Вообще говоря между его членами рѣдко устанавливается соглашеніе относительно конечныхъ цѣлей. Его можно сравнить поэтому съ большимъ мозгомъ, въ которомъ происходитъ конфликтъ между нѣсколькими различными стимулами. Отвѣтственность, распредѣлившись между многими личностями, соотвѣтственно ослабѣваетъ и вскорѣ совершенно исчезаетъ. Собраніе изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ оказывается фактически лишеннымъ сознанія отвѣтственности, побуждающаго отдѣльную личность къ вниманію, сосредоточенію воли и къ долговому устойчивому умственному усилію. Между тѣмъ это послѣднее, какъ извѣстно, необходимо для всякой сколько нибудь трудной работы.

Съ точки зрѣнія нравственности и характера многочисленныхъ собраній оказываются въ еще худшихъ условіяхъ. У нихъ нѣтъ ни самолюбія, ни чести. Причина этому намъ уже извѣстна и заключается въ томъ, что отвѣтственность распредѣлена между многими лицами и слѣдовательно фактически не существуетъ. За отсутствіемъ единственнаго, естественнаго сдерживающаго принципа чести, побужденія, вытекающія изъ личныхъ интересовъ, свободно устремляются къ цѣли. Намъ извѣстно также, что въ силу законовъ такъ называемой симпатіи среди людей, собравшихся вмѣстѣ, всякая эмоція распространяется съ прогрессивно возрастающей силой. Это въ особенности замѣчается по отношенію къ сильнымъ эмоціямъ, каковы напр. страхъ и гнѣвъ. Среди сборища людей онѣ немедленно же достигаютъ несоотвѣтственной, чрезвычайно странной степени интенсивности.

Быстрота распространенія дѣлаетъ эмоцію непреодолимой. Никакія соображенія не въ силахъ ея сдержать. Даже самая очевидность упускается изъ виду.

То, что способно дѣлать и чувствовать сравнительно малочисленное собраніе, дастъ намъ указаніе относительно нравственныхъ качествъ толпы, и обратно — дѣйствія толпы позволяютъ намъ угадывать нравственное и умственное безсиліе собраній, которое въ толпѣ является лишь доведеннымъ до

крайнихъ своихъ предѣловъ. Тысячекратно въ исторіи (я говорю про исторію цивилизованныхъ народовъ) толпа учиняла убійства, руководясь такими ничтожными и слабыми интересами и поводами, которые наврядъ ли могли бы повліять даже на самыхъ мстительныхъ и кровожадныхъ разбойниковъ. Разсматривая такія событія передъ судомъ разумной исторической критики, найдемъ, что толпа признала вполне доказаннымъ какое нибудь ложное или даже нелѣпое обвиненіе съ легкомысліемъ, напоминающимъ не взрослого, хотя бы даже плохо одареннаго отъ природы человѣка, но скорѣе ребенка или же идіота, помѣшаннаго. Въ обстоятельствахъ, служившихъ аксессуарами подобнымъ убійствамъ, усматривается, что толпа соединяла выполнение своего самосуда съ такой утонченной жестокостью, такими изысканными пытками и такимъ свирѣпымъ увлеченіемъ, до которыхъ немислимо дойти отдѣльной человѣческой личности за исключеніемъ развѣ извѣстныхъ случаевъ умопомѣшательства. Жесточайшій изъ хищныхъ звѣрей, кошка, играющая съ мышью, лучше всего еще подходитъ для сравненія съ толпою, игравшей съ де-Лонэ, Бальи или Винченцини.

Умственное безсиліе коллективныхъ учрежденій и чрезвычайно низменный нравственный ихъ уровень являются истинами, играющими въ исторіи первоклассную роль. Многіе историки игнорируютъ или, движимые якобы уваженіемъ къ человѣческому роду, являющимся въ сущности лишь коллективнымъ тѣлеславіемъ, не хотятъ признать этотъ существующій фактъ. Они осуждаютъ себя тѣмъ самымъ на невозможность объяснить общее теченіе политическихъ событій.

Мы можемъ теперь приступить къ разрѣшенію обоихъ вопросовъ, поставленныхъ въ началѣ этой главы, начиная съ менѣе конкретнаго.

Очевидно, что географическое протяженіе, само по себѣ безчувственное и мертвое, не можетъ непосредственно вліять на форму правленія. Если оно тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ, то единственно лишь чрезъ посредство какого нибудь чувства, возникающаго въ человѣческихъ душахъ вслѣдствіе обширности пространства, занимаемаго государствомъ. Географическое протяженіе, разсматриваемое какъ причина, можетъ вызывать многоразличныя чувства. Приходится выбирать между ними и слѣдовательно строить гипотезы, а затѣмъ провѣрять, дѣйствительно ли данныя чувства могутъ приводить къ даннымъ послѣдствіямъ. Такой логическій ходъ изслѣдованія достаточно явственно вытекаетъ изъ самой природы вещей. Поэтому онъ дѣйствительно привелъ къ гипотезамъ. Разсмотрю здѣсь одну изъ нихъ: книга г. Пасси,

озаглавленная, «О формах правленія» (*Des formes de gouvernement*), представляет собою лишь развитіе слѣдующаго предположенія: «Народы въ интересахъ своего существованія должны предоставлять и предоставляютъ своему правителю все количество власти, необходимое для подавленія внутреннихъ раздоровъ. Въ большомъ государствѣ существуетъ болѣе основаній опасаться такихъ раздоровъ, чѣмъ въ маломъ, а потому обширныя государства съ согласія самихъ управляемыхъ обзаводятся болѣе властнымъ правительствомъ». Я могъ бы сказать очень многое противъ этой гипотезы, но ограничусь лишь принципиальной ея критикой. Теорія г. Пасси психологически совершенно неправдоподобна. Онъ предполагаетъ, будто народы усматриваютъ, какимъ именно количествомъ власти должно быть облечено правительство, и облачаютъ его такою властью, разумно подчиняясь усмотрѣнной необходимости. Я не знаю въ исторіи ни одного доказаннаго примѣра, гдѣ народъ поступилъ бы, руководствуясь причиной, приписываемой ему г. Пасси. Во всякомъ случаѣ еслибъ даже нашлись одинъ или два такихъ примѣра, то на нихъ нельзя было бы основать никакого общаго вывода.

Неограниченныя монархіи въ Древнемъ Египтѣ, Ассиріи, Персіи, Перу, Мексикѣ и Китаѣ не оставили послѣ себя исторіи, достаточно обстоятельной для того, чтобъ можно было извлечь изъ нея данныя, необходимыя для разрѣшенія рассматриваемаго нами вопроса. Зато намъ въ достаточной степени извѣстно, какимъ образомъ римское правительство обратилось въ неограниченную монархію, какъ феодальное правительство Филиппа Августа перешло въ режимъ Людовика XIV и при какихъ условіяхъ правители Испаніи, Даніи, Голландіи пріобрѣли неограниченную власть, доходившую до произвола. Во всѣхъ этихъ случаяхъ историческій ходъ событій не даетъ даже и приблизительно картины добровольнаго соглашенія со стороны народа, соглашенія, вызваннаго благоразумнымъ сознаніемъ необходимости.

При такихъ обстоятельствахъ надо взять другую гипотезу. Разсмотримъ прежде всего положеніе правителя. Думаю, что нельзя оспаривать слѣдующую психологическую истину: вообще говоря, правители не любятъ отдавать отчетовъ и обладаютъ явнымъ предпочтеніемъ къ полнѣйшей безотвѣтственности и независимости. Они естественно стремятся къ достиженію такого результата, если имъ въ этомъ не воспрепятствуютъ.

Нѣтъ никакого удовольствія повиноваться и можно допустить, что управляемый естественно расположенъ къ строптивости. Слѣдуетъ однако избѣжать при этомъ смѣшенія понятій, весьма вреднаго въ научномъ изслѣдованіи. Не существуетъ никакого

противорѣчія между строптивостью подданнаго и возможностью для правителя сдѣлаться неотвѣтственнымъ. Для того, чтобы требовать отчета у человѣка, располагающаго силой, до нѣкоторой степени неразлучной съ обладаніемъ властью, недостаточно еще, чтобы управляемый обладалъ естественной склонностью къ непослушанію и строптивости. Для предъявленія такого требованія, и въ особенности для того, чтобы побудить къ его выполненію, необходимо прежде всего достигнуть соглашенія между довольно большимъ числомъ отдѣльныхъ лицъ. Такое соглашеніе для каждаго изъ нихъ всегда сопряжено съ нѣкоторымъ трудомъ и заботами, а иногда даже съ опасностями. Занимаясь общественными интересами, всегда приходится болѣе или менѣе пренебрегать своими личными интересами. И тотчасъ же усматриваю поэтому два психическихъ условія, которыми долженъ былъ бы обладать управляемый: ясное пониманіе общихъ интересовъ, позволяющее заключить, что безотвѣтственность вѣроятно приведетъ къ злоупотребленіямъ, вреднымъ для каждой отдѣльной личности, а затѣмъ кромѣ такой предусмотрительности необходимо, чтобы управляемый обладалъ надлежащей степенью рѣшимости, что представляется еще болѣе затруднительнымъ. Необходимо энергически стряхнуть съ себя лѣнь или пассивность, заставляющую мириться съ болѣе отдаленнымъ хотя даже и худшимъ зломъ, чтобы избѣжать меньшаго, но непосредственнаго зла. Очевидно, что обыкновенный средній человѣкъ, вообще говоря, не обладаетъ достаточно высокимъ нравственнымъ уровнемъ, чтобы привлечь къ отвѣту правителя, располагающаго надлежащей силой и рѣшимостью. Если даже и допустить у средняго гражданина какой либо страны существованіе такого высокаго нравственнаго уровня, то все же надо будетъ принять во вниманіе другое условіе, а именно возможность достигнуть соглашенія между отдѣльными гражданами. Условіе это, какъ намъ извѣстно, всегда и во всѣхъ случаяхъ трудно осуществимо, при нѣкоторыхъ же обстоятельствахъ оно является совершенно невыполнимымъ.

И такъ нравственныя свойства человѣческаго характера въ связи съ трудностью достигнуть взаимнаго соглашенія должны быть признаны причинами, естественнымъ слѣдствіемъ которыхъ является пассивность, невмѣшательство. Намъ извѣстно съ другой стороны, къ чему именно стремится правитель, не встрѣчающій препятствій. Еслибъ я былъ даже совершенно незнакомъ съ исторіей, то и въ такомъ случаѣ сказалъ бы: «форма правленія должна обыкновенно становиться неотвѣтственной». Дѣйствительно, ознакомившись потомъ съ исторіей, я убѣдился

бы въ полной справедливости моего вывода. Тѣмъ не менѣе у насъ нѣтъ еще точнаго отвѣта на поставленный вопросъ. Мы знаемъ, что правительство вообще должно быть скорѣе неотвѣтственнымъ, чѣмъ отвѣтственнымъ. Мы видимъ, что оно дѣйствительно стало неотвѣтственнымъ во множествѣ мелкихъ государствъ, но мы задавались вѣдь цѣлью выяснить, дѣйствительно ли этотъ результатъ является болѣе неизбѣжнымъ въ государствахъ, занимающихъ значительное географическое протяженіе.

Не вижу ничего такого, что побуждало бы меня къ заключенію, будто въ обширныхъ государствахъ человѣкъ по своимъ нравственнымъ качествамъ оказывается болѣе расположеннымъ къ пассивному невмѣшательству; но съ другой стороны мнѣ кажется, что я достовѣрно усматриваю въ такихъ государствахъ сравнительно большую затруднительность взаимнаго соглашенія между гражданами. Понятно, что тридцати человѣкамъ труднѣе придти къ соглашенію, чѣмъ двадцати и т. д. Значительныя разстоянія въ свою очередь тоже составляютъ для такого соглашенія сравнительно большія препятствія, чѣмъ малыя разстоянія.

Разсмотрѣнныя нами причины оказываются поэтому способными вызвать историческое явленіе, подмѣченное многими мыслителями, въ томъ числѣ и г. Пасси. Возможно даже, что онѣ являются для этого вполне достаточными. Позволю себѣ пока и ограничиться этимъ выводомъ *).

Тѣмъ не менѣе существуетъ также и другая эволюція, соответственная и прямо противоположная общему ходу событій, приводящему народы къ деспотической формѣ правленія.

Должностныя лица или учрежденія, которымъ приходится выполнять функціи: административную, полицейскую, юридическую, измѣняются у всѣхъ народовъ въ одномъ и томъ же направленіи. Численность личнаго состава этихъ группъ возрастаетъ. Это представляется наиболѣе замѣтной, но не самой существенной чертою ихъ измѣненія. Дѣятельность каждаго изъ этихъ учреждений становится болѣе устойчивой и связной. Функція каждаго изъ нихъ выполняется лучше, предположенныя цѣли достигаются болѣе правильнымъ образомъ. Такъ напр. во Франціи въ царствованіе Людовика XIV, когда правительственная отвѣтственность значительно ослабла сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ

*) Различныя формы установленій и связанныя съ ними конкретные вопросы будутъ обстоятельнѣе разсмотрѣны авторомъ въ послѣдующихъ трудахъ. По всѣмъ фронтіямъ надо будетъ посвятить особый томъ каждому изъ установленій, разобранныхъ въ главѣ VI этой книги. Если въ распоряженіе автора будетъ предоставлено достаточное для того время, онъ издастъ: «Эволюцію экономическихъ установлений», «Эволюцію нравственныхъ установлений» и т. д.

она была при Филиппѣ Августѣ, дѣйствія, требуемыя отъ всѣхъ правительственныхъ органовъ, совершаются съ несравненно большею полнотою и точностью, начиная со взиманія налога и до наказанія за частныя преступленія. Сказанное о Франціи справедливо и по отношенію къ другимъ государствамъ. Дѣло въ томъ, что тутъ интересы правителя и управляемаго почти всецѣло совпадаютъ.

Если налоги уже необходимы, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ равномерно ихъ распредѣлять и правильно взимать. Таково желаніе какъ подданнаго, такъ и самого правителя. Для нихъ обоихъ представляется также одинаково желательнымъ наказуемость всѣхъ преступныхъ дѣяній, скорый и праведный судъ по гражданскимъ дѣламъ и т. п. Здѣсь нѣтъ, поэтому, конфликта, нѣтъ борьбы, въ которой подданному приходилось бы проявлять гражданскія свои доблести. Любовь къ порядку и стремленіе оградить общіе интересы, несмотря на естественную свою слабость, приводятъ здѣсь къ значительнымъ результатамъ, такъ какъ не встрѣчаютъ противодѣйствующихъ вліяній. Понятно, что прогрессъ въ этомъ порядкѣ фактовъ обнаруживался, вообще говоря, всюду: онъ являлся въ значительной степени обусловленнымъ обстоятельствами.

Замѣтимъ, однако, въ заключеніе, что явленіе, совершившееся въ мирной сферѣ, гдѣ не представляется надобности въ соглашеніи между управляемыми, служить какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ нашихъ заключеній о необходимости такого соглашения тамъ, гдѣ проявляется естественный конфликтъ между правителемъ и управляемымъ.

IV.

Нигдѣ и никогда не ссылались съ такимъ усердіемъ на національный духъ, какъ именно по поводу англійскаго парламентаризма. Монтескье сдѣлалъ первый починокъ, Гизо его поддержалъ, а Тэнъ вошелъ въ обстоятельныя разсужденія и поясненія. Несмотря на все мое уваженіе къ этимъ великимъ умамъ, я посоветую рѣшительнѣйшимъ образомъ обернуться спиною къ указываемому ими пути. Онъ можетъ привести развѣ въ какуюнибудь трясиину. На основаніи общей психологіи человѣка, какъ политическаго дѣятеля, надо искать, какъ мнѣ кажется, рѣшенія поставленнаго вопроса въ изслѣдованіи условій, представляемыхъ англійскою исторіей относительно возможности соглашения между подданными и силы сопротивленія, обнаруженной правителями.

Считаю съ своей стороны долгомъ дать по крайней мѣрѣ нѣ-
которое понятіе о томъ, каково должно быть по моему мнѣнію
такое изслѣдованіе. Гизо, Гнейсть, Фриманъ и многіе другіе
усматриваютъ зачатки англійской свободы ранѣе временъ завое-
ванія Англіи норманнами, въ старинныхъ англосаксонскихъ
установленіяхъ. Столь же хорошо освѣдомленный Стѣббсъ не ви-
дитъ съ своей стороны въ этихъ установленіяхъ ничего, кромѣ
мрака неопредѣленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на
серьезныя аналогіи между ними и установленіями, существовав-
шими во Франціи при Каролингахъ. Дѣйствительно, чѣмъ при-
стальнѣе въ нихъ всматриваться, тѣмъ явственнѣе выступаютъ
эти сходства. Скажу болѣе: когда историки станутъ вмѣстѣ съ
тѣмъ соціологами, они убѣдятся, что уитнаджимоты и шайрмоты
имѣютъ нѣчто аналогичное у всѣхъ народовъ, переживающихъ
извѣстную степень цивилизаціи. Національныя и окружныя со-
бранія представляютъ собой напластованіе, встрѣчающееся всюду,
гдѣ бы ни вздумалось пробивать шурфы съ цѣлью розысканія
первичной почвы. Можно ограничиться этимъ касательно упо-
мянутого разногласія, препирательства по которому были бы въ
сущности безцѣльными, такъ какъ вполне достовѣрное знаком-
ство съ Англіею начинается только съ завоеванія этой страны
норманнами.

Въ страну, которая въ четыре съ половиной раза меньше
Франціи (отмѣтимъ себѣ это обстоятельство) и лежитъ на островѣ
(что слѣдуетъ также отмѣтить), прибываетъ армія завоевателей
подъ начальствомъ весьма властнаго вождя. Предпріятіе ея увѣн-
чивается успѣхомъ. Страна завоевана, вождь распределяетъ между
своими пособниками и воинами помѣстья, конфискованныя у
побѣжденныхъ. Эти помѣстья никакимъ образомъ, однако, не
имѣютъ характера феодальныхъ владѣній, которыми оказывается
какъ разъ въ то время покрыта Франція. Въ особѣ англійскаго
короля сохраняется прежній вождь, а въ личности барона—его под-
чиненный въ политическомъ и военномъ отношеніи. Учрежденія
Вильгельма-Завоевателя не допускаютъ тутъ ни малѣйшаго со-
мнѣнія: присутствіе въ каждомъ графствѣ представителя коро-
левской власти, шерифа или виконта; централизація администра-
тивной и судебной властей въ королевскомъ судѣ, члены кото-
раго въ опредѣленные промежутки времени совершали объѣзды
въ провинціи, чтобы творить тамъ отъ имени короля судъ и
расправу; обязательность для подданныхъ барона непосредственно
присягать въ вѣрности королю; подчиненіе самихъ бароновъ уплатѣ
налога, причитающагося съ участка помѣстья, находящагося
въ ихъ личномъ пользованіи; почти во всѣхъ случаяхъ соблю-

даемое ими запрещеніе воевать другъ съ другомъ; все это вмѣстѣ создать для англійской національности совершенно иную точку отправленія, чѣмъ для французской монархіи. Гораздо раньше Франціи Англія представляетъ уже значительную степень территоріальнаго единства и политической централизаціи. Правительство можетъ быть тамъ въ гораздо большей степени неограниченнымъ и тиранническимъ. Первые преемники Вильгельма-Завоевателя дѣйствительно обнаруживаютъ склонность управлять именно такимъ образомъ. Съ другой стороны однако могущественное и воинственное сословіе, на которое непосредственно обрушивался произволъ, обнаруживаетъ столь же необычайную взаимную солидарность. Англійскіе бароны оказывались всѣ приблизительно равными другъ другу. У нихъ не было ничего подобнаго французскому феодальному строю, въ которомъ имѣлись властители, столь же могущественные, какъ самъ король, наряду съ другими, обладавшими несравненно меньшимъ могуществомъ, — второстепенными и трестепенными дворянами. Такой строй оказывался разумѣется неудобнымъ для взаимнаго соглашенія именно вслѣдствіе присутствія въ немъ крупныхъ феодаловъ. Англійскіе бароны оказываются между тѣмъ не только въ достаточной степени равноправными, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и сосѣдями, поддерживающими другъ съ другомъ частыя сношенія. Руководствуясь въ распредѣленіи помѣстьевъ политическимъ благоразуміемъ, Вильгельмъ-Завоеватель вмѣсто того, чтобы отмежевать барону одно обширное помѣстье, надѣлялъ его нѣсколькими помѣстьями, зачастую расположенными въ весьма отдаленныхъ округахъ. Богатому владѣльцу этихъ помѣстьевъ приходилось почти не слѣзая съ коня. Онъ постоянно ѣздилъ изъ одного своего замка въ другой, навѣщая по дорогѣ своихъ товарищей. Точно такъ же, и проживая въ каждомъ изъ своихъ замковъ, баронъ зачастую ѣздилъ въ гости къ своимъ сосѣдямъ. Соглашеніе между членами такого сословія не представляетъ особенныхъ затрудненій. Если ихъ вздумаютъ притѣснять, они непременно сплотятся вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что никто изъ нихъ не можетъ льстить себя надеждой оказать порознь дѣйствительное сопротивленіе, какъ это представлялось возможнымъ во Франціи для нѣкоторыхъ крупныхъ феодаловъ. Ихъ и въ самомъ дѣлѣ притѣсняютъ. Они сговариваются другъ съ другомъ и поднимаютъ знамя бунта. Таково первое достовѣрное проявленіе англійской свободы, не вызывающее у меня лично ни малѣйшаго изумленія. Для объясненія себѣ этого факта я не усматриваю ни малѣйшей надобности во вмѣшательствѣ со стороны національнаго духа. При всемъ томъ успѣхи, одержанные баронами, могли какъ

нельзя болѣе зависѣть отъ случайности, обуславливаться дарованіями отдѣльных личностей, какъ напр. Симона Монфорскаго, и неспособностью другихъ, напр. Іоанна Безземельнаго. Несмотря на свою случайность, событія эти имѣютъ рѣшающее значеніе. Они создаютъ съ тѣхъ поръ традицію, примѣръ и тѣсную связь между отдѣльными членами сословія, которое ихъ произвело.

Ни одна страна въ Европѣ не была въ средніе вѣка такъ мало проникнута духомъ милитаризма, какъ Англія. Запертые на своемъ островѣ, какъ въ огороженномъ полѣ, вмѣстѣ съ однимъ только, именно шотландскимъ народомъ, видимо уступавшимъ имъ въ силѣ и способномъ лишь производить пограничныя грабежи и набѣги, англичане не имѣли надобности быть воинами. Если они въ этотъ періодъ времени покорили значительную часть Франціи, то это было сдѣлано при посредствѣ такъ называемыхъ вольныхъ войскъ, состоявшихъ частью изъ выставленныхъ баронами добровольцевъ, частью же изъ наемной пѣхоты. Надежда поживиться грабежомъ и значительными выкупами съ плѣнныхъ соблазняла бароновъ, а сравнительно высокое жалованье—наемныя войска совершать набѣги на материкъ. Въ самой Англіи настроеніе умовъ было миролюбивѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Англійскіе рыцари, соотвѣтствовавшіе столь воинственному французскому мелкому дворянству, не чувствовали никакого стремленія къ военной службѣ, не несли таковой и съ особенной любовью занимались сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ въ Англіи, между высшимъ и низшими сословіями выработалась одинаковость вкусовъ и стремленій, достаточная для возможности взаимнаго соглашенія между ними. Замѣтимъ, что существовала также и общность интересовъ, обусловленная общимъ для всѣхъ обложеніемъ государственными налогами.

Французское дворянство, вынужденное отражать вражеское нашествіе и отвоевывать отъ англичанъ захваченныя ими французскія земли, оставалось тѣмъ, чѣмъ его сдѣлали предшествовавшія вражескія нашествія, а именно по преимуществу военнымъ сословіемъ. Война съ англичанами хотя и закончилась въ пользу французовъ, но тѣмъ не менѣе оставила послѣ себя опасеніе новаго вторженія во Францію. Чтобы предупредить такую опасность, пришлось дать въ распоряженіе французскаго короля постоянную армію и опредѣленные подати, иначе сказать, силу, достаточную также и для подавленія всякаго отпора со стороны управляемыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый фактъ существованія арміи опредѣлялъ уже будущія судьбы и характеръ французскаго дворянства. Всѣмъ болѣе безпокойнымъ элементамъ этого со-

словія было какъ бы предопредѣлено служить въ арміи и ожидать отъ этой службы, т. е. въ концѣ концовъ отъ короля, экономическихъ выгодъ и почестей. Тѣмъ не менѣе въ XVI столѣтіи у французской аристократіи явился довольно сильный позывъ къ самостоятельности, прикрывавшійся религіознымъ предлогомъ и вызвавшій такъ называемыя религіозныя войны. Монархія, хотя не безъ нѣкотораго труда, одержала верхъ надъ мятежными дворянами. Королевская власть оказалась для этого достаточно хорошо вооруженной и снабженной всѣмъ необходимымъ для подавленія беспорядковъ. Къ тому же низшія сословія не принимали сторону мятежнаго дворянства. Оно представлялось имъ слишкомъ уже воинственнымъ и обладавшимъ слишкомъ обособленными интересами. Освобожденіе дворянъ отъ налоговъ само по себѣ могло уже оказаться достаточнымъ для устраненія возможности союза съ ними.

Такимъ образомъ течение двухсотъ лѣтъ въ средніе вѣка, когда Франціи приходилось обороняться у себя дома, англійскій народъ, пользуясь полнѣйшею внутренней безопасностью, могъ по своему благоусмотрѣнію продолжить или прекратить завоевательную войну, не приносящую ему существенной выгоды. Фактъ этотъ непосредственно повлекъ за собою весьма важныя послѣдствія: 1) въ 1642 году, когда возникъ въ Англіи конфликтъ между правителемъ и управляемымъ, у всѣхъ сословій оказался одинаковый интересъ защищать свой карманъ; 2) правительственная власть не располагала сколько нибудь удовлетворительной постоянной арміей. Мятежный парламентъ и король оказались въ этомъ отношеніи поставленными въ одинаковыя условія. Началась междоусобная война. Здѣсь надо опять-таки указать на весьма важное значеніе элемента случайности. Первое столкновеніе было благоприятнымъ для парламента. Еслибъ оно привело къ противоположному результату, то развѣ можно поручиться, что послѣдующія событія имѣли бы тотъ же характеръ, какой они приняли на самомъ дѣлѣ?

Я отмѣтилъ нѣкоторыя обстоятельства, встрѣчающіяся въ англійской исторіи и не встрѣчающіяся, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, тамъ, гдѣ эволюція имѣла иной характеръ, какъ напр. во Франціи. Можно было бы указать также и на многія другія обстоятельства, исключительнымъ образомъ дѣйствовавшія въ Англіи, но здѣсь уместно будетъ ограничиться тѣми, которыя только что нами приведены.

Они уже и сами по себѣ достаточны для того, чтобъ подорвать теорію особаго національнаго духа, присущаго Англіи и отсутствовавшего у другихъ народовъ, такъ какъ сами по себѣ

уже объясняютъ общій ходъ англійскихъ историческихъ событій. Перенесите умственно англійскія событія во Францію, а французскія въ Англію, и вы тотчасъ же усмотрите, что весь ходъ эволюціи у французовъ и англичанъ долженъ былъ бы существенно измѣниться.

Послѣ такого предварительнаго изслѣдованія, еслибы мы хотѣли приступить къ обстоятельному изученію вопроса, мы разумѣется приняли бы во вниманіе, что имѣемъ дѣло съ такъ-называемымъ *теченіемъ* событій. Теченіе это является здѣсь обширнымъ потокомъ. Множество людей внесли туда вліяніе личныхъ своихъ особенностей. Здѣсь имѣлась поэтому значительная примѣсь случайнаго элемента и въ рѣшительныя минуты дѣла могли бы принять совершенно иной оборотъ, еслибъ дѣйствующія лица обладали иными индивидуальными свойствами и слѣдовательно иначе сыиграли бы свои роли, еслибъ напр. Іаковъ I не былъ посмѣшищемъ на тронѣ, а сынъ Кромвеля нѣсколько болѣе походилъ на отца; еслибъ Іаковъ II обладалъ въ нѣсколько большей степени здравымъ смысломъ, а Вильгельмъ Оранскій былъ въ меньшей степени способенъ къ спокойному холодному разсчету или хотя бы не приходился королю роднымъ зятемъ. Сколько, подумашь, пунктовъ, гдѣ теченіе событій могло бы уклониться и принять совершенно иное направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ это было замѣчено и раньше, стр. 180) никоимъ образомъ не слѣдуетъ считать за вполне уже организованную свободу то, что въ дѣйствительности было только ея зародышемъ. Эти средневѣковые принципы легко могли бы погибнуть въ первое же время. Они развились лишь и принесли плоды въ новѣйшія времена при содѣйствіи ораторской трибуны и печати. Созданіе настоящаго организма англійской свободы должно быть отнесено къ XVIII столѣтію, а закончилось оно въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Укажемъ на два безспорныхъ факта, необъяснимыхъ теоріей національнаго духа. У англичанъ имѣлся періодъ раболопнѣйшаго подчиненія произволу власти. Кромѣ того во всѣ времена одна изъ англійскихъ политическихъ партій была одушевлена именно такимъ духомъ, заставлявшимъ ее бороться съ либеральною партіей. Слѣдуетъ ли заключить, что одна изъ этихъ партій была англійскою, а другая не англійскою? Если же обѣ онѣ національныя англійскія партіи, то которая именно изъ двухъ служитъ воплощеніемъ національнаго духа. «Та, которая одержала верхъ», — могутъ мнѣ, пожалуй, отвѣтить. Побѣда сама по себѣ уже указываетъ, на чьей сторонѣ былъ національный духъ. Такимъ образомъ гипотеза національнаго духа заставляетъ при-

бѣгать къ другимъ дальнѣйшимъ гипотезамъ. Отъ насъ требуютъ теперь признать химерическую мысль, будто сила общественнаго мнѣнія и численности перешла на сторону партіи, идеи которой соотвѣтствовали національному духу. Мы приходимъ къ заключенію, что духъ этотъ проявляется большинствомъ голосовъ, какъ бы при всеобщемъ (довольно неправильномъ впрочемъ) голосованіи. Такая натяжка не устраняетъ однако трудности, которую должна была побороть, такъ какъ не разрѣшаетъ вопроса: каково же въ сущности меньшинство? Англійское оно или не англійское?

Въ упомянутыя уже нами времена раболѣпства какъ слѣдуетъ смотрѣть на раболѣпное большинство? Служило ли оно проявленіемъ тогдашняго національнаго англійскаго духа и вообще способенъ ли національный духъ брести ощупью, заблуждаться и спотыкаться? Съ точки зрѣнія исторіи вовсе не доказано, чтобы побѣда всегда оказывалась на сторонѣ большинства. Имѣется слишкомъ много примѣровъ совершенно противоположнаго исхода.

Вопросы, относящіеся до науки. — Когда у людей образовался запасъ нѣкотораго количества точныхъ свѣдѣній и когда, благодаря долговременному занятію полезными искусствами, они приобрѣли извѣстную любовь къ точному знанію, произошло новое явленіе. Цѣлью стремленій для нѣкоторыхъ людей стало знаніе ради самаго знанія безъ всякой непосредственной пользы или приложенія. Возникла наука, свободная отъ всякихъ корыстныхъ цѣлей или просто наука.

Будучи изысканіемъ истинъ безъ непосредственнаго приложенія таковыхъ, наука сама по себѣ не можетъ кормить человѣка, занимающагося ею. Ученый долженъ снискивать себѣ пропитаніе чѣмъ нибудь инымъ.

Съ другой стороны надо замѣтить, что спеціальныи стимулъ, создающій безкорыстную теоретическую науку, а именно любознательность,—очень слабъ. Онъ приобретаетъ достаточную силу лишь благодаря содѣйствію своеобразнаго честолюбія. Можно ожидать поэтому, что наука окажется въ исторіи явленіемъ сравнительно рѣдкимъ. Когда дѣло касается науки, для историка возникаетъ прежде всего вопросъ: отчего въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое-то время вообще появилась наука, когда ей было такъ легко вовсе тамъ не появляться? Изслѣдованіе, направленное къ разрѣшенію этого вопроса, должно, соотвѣтственно съ нашими принципами, пройти черезъ слѣдующую предварительную стадію:

- 1) что именно доставляло ученому средства къ существованію;
- 2) какимъ образомъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время вы-

работалась специальная среда, необходимая, чтобы доставить стимуль научному честолюбію *).

Занимаясь по временамъ теоретическими изслѣдованіями, ученый даже и въ нашемъ девятнадцатомъ столѣтіи зачастую оказывается человѣкомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимается соотвѣтственнымъ прибыльнымъ ремесломъ. Не трудно усмотрѣть для каждой науки связь съ одною или даже нѣсколькими выгодными профессіями. Связь эта оказывается двойственною. Профессія доставляетъ сперва практическіе пріемы, изъ которыхъ въ послѣдствіи уже создались теоретическія воззрѣнія, и сверхъ того она кормитъ изслѣдователя, занимающагося отвлеченной наукой. Астрономія родилась среди астрологовъ, занимавшихся ремесломъ предсказанія отдѣльными личностямъ ихъ судьбы и составлявшихъ для этой цѣли такъ называемые гороскопы. Математика возникла у землемѣровъ и архитекторовъ; физикой и химіей мы обязаны колдунамъ и алхимикамъ, искавшимъ способа дѣлать золото и лѣчить отъ всѣхъ болѣзней; естественная исторія развилась благодаря содѣйствію врачей. Нравственнымъ наукамъ начало было положено правителями и ораторами. Въ послѣдствіи ихъ двигали по преимуществу священники-моралисты, духовники и пастыри.

Очевидно уже а priori, что существованіе специальной среды обусловлено какими-либо свойствами болѣе обширной общей окружающей ее среды; но этого мало, надо еще знать, какія именно обстоятельства общей среды создали среду специальную.

Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо надлежитъ руководствоваться понятіемъ о соперничествѣ нѣсколькихъ силъ. Положительныя причины, создающія науку, до такой степени слабы, что результатъ почти исключительно зависитъ отъ дѣятельности отрицательныхъ причинъ. Объясню это нѣсколькими примѣрами. Китайцы промышленный народъ, а между тѣмъ у нихъ вовсе не имѣется научнаго естествовѣдѣнія. Утверждаютъ, будто у китайцевъ имѣлись математики, но въ дѣйствительности они оказывались только плагиаторами арабской, индусской или же европейской науки. Обстоятельство это по моему мнѣнію недостаточно, чтобы заключить отсюда о неспособности китайцевъ къ естественнымъ наукамъ. Въслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы здѣсь говорить не станемъ, умственная дѣятельность китайцевъ

*) Я нисколько не сомнѣваюсь въ существованіи такой особой среды всюду, гдѣ проявлялась наука. Всѣ соглашаются, что съ экономической точки зрѣнія человѣку нельзя жить одному. Надо признать, что это для него немислимо также и съ научной точки зрѣнія.

расходовалась до сихъ поръ иными путями. Ни одинъ народъ не создавалъ въ такомъ изобиліи книгъ историческаго и нравственнаго содержанія, не комментировалъ такъ обстоятельно старинную свою литературу, лѣтописи и законы.

Отмѣчу здѣсь, что я именно и веду борьбу противъ столь часто встрѣчающейся склонности объяснять существованіе науки у одного народа и отсутствія ея у другого такими бездоказательными утвержденіями, какъ способность и неспособность къ научному мышленію. Опасаюсь, что этотъ предразсудокъ окажется очень сильнымъ, когда рѣчь заходитъ о китайцахъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ желтой расѣ. Умѣстно поэтому прибѣгнуть къ нѣсколькимъ историческимъ сопоставленіямъ, которыя могутъ по крайней мѣрѣ послужить предостереженіемъ для умовъ, склонныхъ къ предубѣжденію.

Научное ничтожество китайцевъ не до такой степени изумительно, какъ ничтожество древнихъ римлянъ, затрогивающее столь близко насъ, французовъ *). Въ естествовѣдѣніи нельзя привести ни одного римлянина, котораго стоило бы назвать ученымъ. Плиній является просто напросто компиляторомъ съ весьма плохо развитымъ критическимъ чутьемъ. Цельсъ повторяетъ Гиппократа и Асклепіада. Тѣмъ не менѣе имъ можно было бы пожалуй еще извинить такое ничтожество въ естествознаніи; но что сказать про грубое ихъ невѣжество въ математикѣ? Среди римлянъ не было никого, свѣдущаго въ геометріи, астрономіи и даже просто въ ариметикѣ. Никто у нихъ не заимствовалъ отъ грековъ теорію, относящуюся до какой-либо изъ этихъ наукъ, съ тѣмъ, чтобы сообщить ей дальнѣйшее развитіе. Ни одинъ римлянинъ не обладалъ даже повидимому полностью научными свѣдѣніями, существовавшими въ то время у грековъ. Еще многозначительнѣе тотъ фактъ, что творенія великихъ греческихъ математиковъ повидимому не были переведены даже на латинскій языкъ. Сошлюсь для примѣра на два произведенія, заключавшія у грековъ почти всю совокупность необходимѣйшихъ знаній по геометріи и астрономіи, а именно на «Элементы» Эвклида и «Математическій Синтаксисъ» Птолемея. Первое изъ нихъ написано въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х., второе же—во II-мъ столѣтіи нашей эры. Римляне начали знакомиться съ греческой цивилизаціей вскорѣ послѣ второй пунической войны и тотчасъ же стали дѣлать у нея литературныя заимствованія (Плавтъ умеръ въ 570 году по основаніи Рима, т. е. въ началѣ II-го вѣка до Р. Х.). Съ другой стороны можно допустить, что собственно римская цивили-

*) Мы принадлежимъ къ одному съ ними племеню.

лизация простирается до конца пятого столѣтія, т. е. до овладѣнія Римомъ варварами. У римлянъ имѣлось поэтому цѣлыхъ семьсотъ лѣтъ на то, чтобы усвоить греческую науку и подвинуть ее далѣе. Изъ упомянутыхъ двухъ математическихъ произведеній «Элементы» Эвклида существовали уже въ то время, когда римляне вступили въ близкія сношенія съ Греціей. Это не мѣшало столь важному основному учебнику остаться непереведеннымъ римлянами втеченіе цѣлыхъ семисотъ лѣтъ. Только въ концѣ пятого вѣка Боэцію, римлянину, исповѣдовавшему христіанство, пришлось на умъ перевести Эвклида, но и то онъ не выполнилъ своего намѣренія. Изъ тринадцати книгъ, содержащихся въ «Элементахъ», онъ перевелъ около четырехъ. Относительно сочиненія Птолемея, вышедшаго во второмъ вѣкѣ по Р. Х., римляне располагали для перевода всего только тремя столѣтіями, но сравнительная краткость этого промежутка времени не можетъ служить для нихъ извиненіемъ. Трудъ Птолемея является извлеченіемъ изъ сочиненій предшествовавшихъ ученыхъ, въ особенности же Гиппарха, отца астрономіи, жившаго во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Римляне имѣли въ своемъ распоряженіи рукописи Гиппарха, которыхъ у насъ нѣтъ. Отъ половины второго вѣка до Р. Х. до конца пятого вѣка послѣ Р. Х., т. е. втеченіе шестисотъ пятидесяти лѣтъ римляне не позаботились ихъ перевести. Такая научная беззаботность случайно только не лишила насъ всего Эвклида, но благодаря ей мы утратили Гиппарха.

Меня нисколько не удивило бы, еслибъ какой-нибудь ученый, специально увлекающійся древними римлянами, возразилъ на это, что въ Римѣ знаніе греческаго языка было до чрезвычайности распространеннымъ. Греческихъ ученыхъ читали тамъ на родномъ ихъ языкѣ, и самый избытокъ греческихъ научныхъ произведеній отстранялъ отъ мысли переводить ихъ на латинскій языкъ. На первый взглядъ такое извиненіе представляется какъ-будто вѣроятнымъ, но я осмѣливаюсь находить его неправдоподобнымъ. Нынѣшніе западно-европейскіе народы: французы, западные нѣмцы, англичане могутъ безъ сомнѣнія указать въ своей средѣ на весьма многихъ образованныхъ людей, знакомыхъ съ языками сосѣднихъ народовъ. Это не мѣшаетъ, однако, научнымъ и литературнымъ произведеніямъ, появляющимся у какого-либо одного изъ этихъ народовъ, переводиться также и на другіе языки. Втеченіе почти уже четырехъ столѣтій имущіе классы во Франціи учатъ своихъ дѣтей латинскому языку, подобно тому какъ въ Римѣ учили дѣтей греческому. Вспомните однако, сколько ямѣется на французскомъ языкѣ переводовъ Virgilія, Горация,

Цицерона и т. д. Могли бы мы возразить, что юные французы довольно плохо выучиваются латинскому языку въ гимназіяхъ, тогда какъ молодые римляне, благодаря многочисленности прислуживавшихъ имъ греческихъ рабовъ, превосходно владѣли греческимъ языкомъ. Замѣчу, что арабы, о которыхъ скоро будетъ рѣчь, тожо держали у себя греческихъ рабовъ и превосходно владѣли греческимъ языкомъ, что и доказали, переведя множество греческихъ научныхъ произведеній. Перейдемъ однако отъ этого общаго довода къ болѣе спеціальному. Объясненіе ученыхъ классиковъ оказывается несостоятельнымъ ввиду слѣдующаго простаго факта. Римляне, якобы не переводившіе съ греческаго, потому что слишкомъ хорошо знали этотъ языкъ, на самомъ дѣлѣ перевели кое-что. Суть дѣла заключается въ томъ, что писмено они переволи? Въ то время, когда втеченіе многихъ уже поколѣній дѣти въ зажиточныхъ семьяхъ изучали греческій языкъ, подобно тому какъ у насъ изучаютъ латинскій языкъ въ гимназіяхъ, Помпей заставилъ своего вольноотпущенника грамматика Ленея перевести съ греческаго на латинскій сочиненія врача Митридата. Для кого, спрашивается, предназначался этотъ переводъ? Не останавливаясь, однако, на разсмотрѣніи этого вопроса, перейдемъ къ другому примѣру, особенно пригодному къ тому, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія. Дѣло идетъ о научномъ греческомъ произведеніи, которое было переведено римлянами не разъ, а цѣлыхъ три раза, именно о поэмѣ Арата. Она была переведена сперва Цицерономъ, а затѣмъ Германикомъ Цезаремъ и наконецъ Руфомъ Фестомъ Ависномъ (въ IV вѣкѣ по Р. Х.). Означенная поэма является переложеніемъ въ стихахъ одной изъ книгъ Эвдокса о теченіи небесныхъ свѣтилъ и оказываемыхъ этими свѣтилами вліяній. Это была, слѣдовательно, не настоящая наука, а только ложное знаніе *). Произведеніе Арата удостоились у римлянъ столь многократнаго перевода главнымъ образомъ благодаря своимъ литературнымъ качествамъ. Особенно правилось въ немъ поэтическое описаніе зодіака.

Троекратный переводъ Арата и отсутствіе переводовъ Гиппарха, Эвклида и Птолемея имѣютъ сами по себѣ уже рѣшающее значеніе.

Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что римляне были лишены способностей къ наукамъ? Такое заключеніе кажется намъ столь же невлѣрнымъ въ примѣненіи къ римлянамъ, какъ и къ китайцамъ.

Выражаясь языкомъ нашихъ противниковъ, можно было бы

*) Делабръ въ «Древней Астрономіи» приводитъ краткій научный обзоръ этого произведенія.

сказать, что греки обнаружили научныя дарованія. Такое утвержденіе является однако примѣнимымъ къ нимъ лишь втеченіе извѣстнаго періода времени. Послѣ пятого вѣка мы не встрѣчаемъ болѣе греческихъ ученыхъ ни въ Аѳинахъ, ни въ Константинополѣ, однимъ словомъ нигдѣ. Между тѣмъ грековъ насчитывалось тогда нѣсколько милліоновъ. Въ данномъ случаѣ отрицательный результатъ представляется тѣмъ болѣе значительнымъ, что эти милліоны грековъ находились въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ китайцы, у которыхъ не было иниціаторовъ и учителей. Греки обладали научными произведеніями великихъ своихъ предковъ, утратившимися для насъ, и могли читать эти произведенія безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ они были писаны на родномъ ихъ языкѣ. Ужъ не прикажете ли заключить отсюда, что греки, одаренные втеченіе семи или восьми вѣковъ научными способностями, стали рождаться по прошествіи этого періода лишенными упомянутыхъ способностей?

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшимъ сопоставленіямъ. Арабы, объединенные Магометомъ, выходятъ приблизительно въ 622 году за предѣлы своей родины. Въ 690-мъ году они владѣютъ уже Западной Азіей, Египтомъ и Персіей. Въ Сиріи и въ Египтѣ они приходятъ въ соприкосновеніе съ греческой цивилизаціей. Имъ необходимо употребить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы организовать у себя монархію, обладающую извѣстною прочностью. Съ 752-го года царствуютъ у нихъ калифы-абассиды. Вслѣдъ затѣмъ, а именнo уже при второмъ калифѣ этой династіи Альмансурѣ, арабы дѣлаютъ то, что было упущено римлянами, предпринимаютъ трудъ, оказавшійся римлянамъ не по силамъ. Они собираютъ отовсюду рукописныя произведенія греческой науки, составляютъ библіотеки, приглашаютъ греческихъ учителей, изучаютъ греческій языкъ и предпринимаютъ цѣлый рядъ прекрасныхъ переводовъ. Аристотель, Гиппократъ, Галіенъ, Діоскоридъ, Теодоръ, Гипсиклъ, Менелай, Діофантъ, Архимедъ, Аполлоній, Птоломей и многіе другіе греческіе ученые являются въ переводахъ на арабскій языкъ. Наиболѣе выдающіяся произведенія, какъ напр. «Элементы» Эвклида, переводятся многократно и выдерживаютъ, если можно такъ выразиться, нѣсколько изданій. Произведенія греческихъ ученыхъ поясняются, а иногда даже исправляются, какъ напр. «Альмагеста» или «Синтаксисъ» Птолемея. Арабы основываютъ у себя обсерваторію, чего никогда не приходило въ голову римлянамъ.

Добавили ли что-нибудь арабы къ богатствамъ, почерпнутымъ ими изъ греческой науки? По этому вопросу обнаруживается между учеными спеціалистами большое разногласіе, давшее по-

воду къ оживленной полемикѣ. Допустимъ, однако, что этотъ народъ ограничивался только усвоеніемъ греческихъ знаній и поддержаніемъ таковыхъ у себя на ихъ высшемъ уровнѣ. Сведемъ научную ихъ роль къ роли переводчиковъ и комментаторовъ. Все-таки передъ нами останется историческое явленіе, представляющее чрезвычайный интересъ, если мы сопоставимъ его съ слѣдующими фактами: 1) римляне не сдѣлали ничего подобного, 2) западные народы, водворившіеся на развалинахъ римской имперіи, прожили тамъ тысячу лѣтъ, не будучи въ состояніи подняться до того научнаго уровня, до котораго достигли арабы.

Съ XIII столѣтія и сами арабы спускаются съ этого уровня. Научная культура у нихъ приходитъ въ упадокъ. Еслибъ арабы исчезли съ лица земли ранѣе XIII столѣтія, какою, подумаешь, почетною репутаціей пользовалась бы они теперь! Принимая во вниманіе рвеніе къ наукамъ и громадныя успѣхи въ дѣлѣ пріобрѣтенія научныхъ знаній, обнаруженные ими тотчасъ же по выходѣ изъ варварскаго состоянія, имъ непремѣнно приписали бы въ самой высокой степени обладаніе научными дарованіями. «Даже у грековъ научно развитіе шло несравненно болѣе медленными шагами. Какъ жаль, стали бы говорить, что этотъ столь даровитый народъ погибъ, и какія великія надежды унесъ онъ съ собою въ могилу!»

Арабскій народъ, какъ извѣстно, и не думалъ исчезать. Утратились только кой-какія условія среды, въ которыхъ онъ жилъ. Этого оказывается достаточнымъ для того, чтобы арабская наука померкла. Специальная среда, необходимая для поддержанія въ наукѣ жизненности, оказывается вообще до такой степени ограниченной, что личныя свойства каждаго человѣка, входящаго въ составъ этой среды, вліяютъ несравненно сильнѣе, чѣмъ это замѣчается въ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Однимъ человѣкомъ больше или меньше, въ особенности когда дѣло идетъ о государѣ, вступающемъ на престолъ или же покидающемъ таковой, если этотъ государь былъ покровителемъ наукъ, или напротивъ того относился къ нимъ равнодушно, — это чрезвычайно сильно отзывается въ вышеозначенной тѣсной сферѣ.

При такихъ обстоятельствахъ необходимо отказаться отъ оптимистической попытки найти согласованіе тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности нѣтъ. Неизбѣжность и важность даннаго явленія не имѣютъ отношенія другъ къ другу. Самое что ни на есть существенно-важное можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказаться въ высшей степени зависящимъ отъ случайности.

Попытаемся раскинуть нѣсколько шире нашъ кругозоръ и зададимъ себѣ вопросъ, какихъ именно результатовъ достигли

въ наукѣ отдаленные отъ насъ народы, напр. индусы и китайцы. Относительно этихъ послѣднихъ не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что у нихъ, сравнительно лишь весьма рѣдко, являлись ученые (напр. Ко-Чеу-Кингъ), культивировавшие науку, заимствованную у чужеземцевъ. Индусы, повидимому, сдѣлали больше, но во всякомъ случаѣ и у нихъ никогда не являлось столько ученыхъ одновременно или же въ непрерывной послѣдовательности, какъ мы это видимъ у арабовъ. Исторію науки можно было бы изложить въ общихъ чертахъ, распредѣливъ ее на три періода: греческій, дѣйствительно блестящій, служившій основнымъ принципомъ и причиной научнаго развитія въ двухъ остальныхъ періодахъ, затѣмъ арабскій, менѣе оригинальный и плодотворный, но все-таки весьма существенный, и наконецъ современный, начавшійся въ XVI вѣкѣ и несравненно превосходящій предшествовавшіе непрерывностью и широтой научнаго развитія.

Въ окончательномъ выводѣ получается то впечатлѣніе, что наука на самомъ дѣлѣ очень мало разрабатывалась человечествомъ. Она представляется для него весьма рѣдкою формой дѣятельности, проявляющейся съ перерывами во времени и заключенная въ узкія пространственныя границы. Вмѣстѣ съ тѣмъ до новѣйшихъ временъ она оказывается въ высшей степени зависящей отъ случайности.

Существуютъ, какъ мнѣ кажется, причины, внесшія въ эту категорію фактовъ нынѣ значительно большую степень неизбѣжности. 1) Замѣчено, что совершенно отвлеченная научная теорія получаетъ иногда неожиданное и непредусмотрѣнное примѣненіе. Надежда на будущую полезность охватываетъ вслѣдствіе этого теперь всю сферу отвлеченной безкорыстной науки. Стимулъ экономического интереса, являющійся столь могущественнымъ пособникомъ, присоединился къ предшествовавшей комбинаціи стимуловъ, ограничивавшейся любознательностью и честолюбіемъ. 2) Потребность въ чисто-научной эмоціи приобрѣла у многихъ людей несравненно большую силу и устойчивость именно благодаря постоянному удовлетворенію ея въ продолженіе цѣлыхъ уже трехъ вѣковъ. Въ данномъ случаѣ проявляется дѣйствіе неоднократно уже указаннаго закона возрастанія силы потребностей *).

*) Выдающимся фактомъ новѣйшей исторіи и быть можетъ наиболѣе важнымъ фактомъ во всей вообще исторіи является то обстоятельство, что научная культура, благодаря воздѣйствію на нее экономического стимула, приобрѣла несравненно большую степень неизбѣжности.

Только послѣ предварительнаго выясненія такихъ сравнительно широкихъ вопросовъ мы рѣшились бы приступить къ обсужденію болѣе конкретнаго, какъ напр. вопроса о причинѣ, по которой въ данное время научная культура шла главнымъ образомъ въ такомъ-то направленіи или же воплощалась въ такую-то особую форму; напр. отчего въ средніе вѣка исключительно или почти исключительно разрабатывались такъ называемыя нравственныя науки, въ особенности же логика вывода, логика силлогизма.

Мы укажемъ сейчасъ, къ какимъ именно предварительно выясненнымъ принципамъ слѣдовало бы прибѣгать при разрѣшеніи этого частнаго вопроса.

Крушенію власти римскихъ императоровъ предало Галлію на жертву кровопролитному соперничеству между вождями варварскихъ народовъ. Выспія и среднія сословія не пользовались болѣе благами мира, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой это необходимо для умственной культуры. Всего только одна спеціальная, а именно монашеская среда оказывалась настолько въ сторонѣ отъ борьбы, что въ ней возможно было еще заниматься отвлеченнымъ мышленіемъ.

Сошедшіе со сцены древніе вѣка оставили въ наслѣдство среднимъ вѣкамъ блестящую литературу и молодую еще науку. Какимъ образомъ средніе вѣка разработали ту и другую?

Монахъ-христіанинъ обязанъ былъ молиться, жить сообразно съ нравственными принципами, общими для всѣхъ вѣрующихъ, и кромѣ того ему надлежало выполнять особыя правила монастырскаго своего устава. Все это налагало много занятій и заботъ, парализовало самостоятельность у большинства монашествующихъ. Можно было ручаться заранѣе, что литературой и наукой не станутъ заниматься особенно усердно. Тѣмъ не менѣе всегда и всюду встрѣчаются умы, болѣе дѣятельные, характеры, склонные выдвинуться передъ сверстниками. При такихъ обстоятельствахъ должны были поэтому все же появляться кое-какія литературныя и научныя произведенія. Не будемъ пока говорить о литературѣ, а зададимъ себѣ вопросъ, для какой именно науки существовала вѣроятность наиболѣе усердной разработки? Обязанные служить образцами нравственности и проповѣдывать таковую мірянамъ, монахи должны были прежде всего разрабатывать нравственныя теоріи съ точки зрѣнія требованій проповѣднической каюедры. О богословіи, которымъ они занимались наряду съ нравственной наукой, нечего почти и говорить, такъ какъ оно являлось для нихъ профессиональною наукой. Такимъ образомъ соціальное положеніе образованнаго сословія позволяетъ намъ безъ

труда уяснить себѣ, какое именно направленіе въ наукѣ должно было сдѣлаться преобладающимъ. Извѣстно однако, что это преобладаніе повело къ почти совершенному упраздненію естествовѣдѣнія и, что еще знаменательнѣе, также и математическихъ наукъ. Относительно перваго изъ этихъ фактовъ можно представить слѣдующія пояснительныя замѣчанія: классическая древность накопила по части естествовѣдѣнія сравнительно лишь мало знаній, а потому не могла и оставить сколько-нибудь значительнаго наслѣдства. Къ тому же знанія эти были добыты греками и сохранялись въ рукописяхъ на греческомъ языкѣ. Если западно-европейскіе монахи знали латинскій языкъ, то за весьма рѣдкими исключеніями они были незнакомы съ греческимъ.

Изъ числа средневѣковыхъ ученыхъ, принадлежавшихъ къ періоду до VII вѣка, наиболѣе любознательнымъ и способнымъ къ научному мышленію былъ Гербертъ, владѣвшій повидимому только латинскимъ языкомъ. Для тогдашнихъ французовъ запасъ прежнихъ знаній по естествовѣдѣнію являлся поэтому какъ бы несуществующимъ. Желавшему заняться естественными науками приходилось поэтому создавать науку съизнова. Не скажу, чтобы богословіе непосредственно воспрещало тогда естественно-научныя изслѣдованія. Оно тогда еще объ этомъ не помышляло, но, тѣмъ не менѣе, отвращало лицъ духовнаго сословія отъ столь бесполезныхъ и низменныхъ занятій. Въ естествовѣдѣніи не заключалось ничего душеспасительнаго, напротивъ того, оно могло только отвлекать человѣка отъ главной и наиболѣе возвышенной его задачи.

Какимъ образомъ хотите вы къ тому же, чтобы человѣкъ, убѣжденный, что знаетъ принципъ движущій и оживотворявшій все,—человѣкъ, ежедневно размышляющій о душѣ и ея безсмертіи, о способѣ временнаго ея соединенія съ тѣломъ и т. д.,—человѣкъ, предающійся разсмотрѣнію столь возвышенныхъ задачъ, снизошелъ до изученія такихъ низменныхъ и скромныхъ вопросовъ, какъ свойства геометрическихъ фигуръ или хотя бы даже движеній вещественныхъ небесныхъ свѣтилъ! Что значитъ солнце для того, кто созерцаетъ мысленными своими очами предвѣчный свѣтъ?

Не смотря на нѣкоторую кажущуюся свою непонятность, теологическія или онтологическія разсужденія о Богѣ, душѣ, сотвореніи тѣлъ и т. п. не особенно трудны. Они требуютъ несравненно менѣе строгой умственной дисциплины, чѣмъ разсужденія математика или астронома. Этимъ послѣднимъ приходится подчинять свой умъ требованіямъ дѣйствительности и сдерживать его въ опредѣленномъ направленіи, гдѣ можно подвигаться не иначе, какъ шагъ за шагомъ, тогда какъ въ теологическихъ раз-

сужденіяхъ можно дать волю воображенію. Кромѣ того позвольте спросить, на какихъ слушателей можно разсчитывать, занимаясь положительной наукой? Никто сю не интересуется, тогда какъ человѣкъ, излагающій соображенія о сверхъестественномъ и загробномъ мірѣ, интересуется всѣхъ, не исключая даже и лицъ, умственно мало развитыхъ. Свойственная человѣческому уму лѣнь и нежеланіе подчиняться дисциплинѣ какъ нельзя болѣе согласовались поэтому въ данномъ случаѣ съ интересами самовозвеличенія и честолюбія. Все это въ совокупности организовало противъ столь слабаго вообще поползновенія къ научной культурѣ союзъ нѣсколькихъ стимуловъ, несравненно болѣе могущественный, чѣмъ это требовалось для подавленія означенныхъ поползновеній.

Потребности обыденной жизни не дозволяли совершенно забросить математическія науки. Кромѣ того даже и богословіе имѣло въ нихъ нѣкоторую нужду, такъ какъ достопамятныя релігіозныя событія приурочены къ опредѣленнымъ астрономическимъ моментамъ. Надо было обладать нѣкоторыми математическими свѣдѣніями уже для опредѣленія Пасхи и другихъ переходящихъ праздниковъ. Математическими науками занимались именно въ той степени, въ какой это представлялось тогда необходимымъ. До временъ Леонарда Пизскаго (въ XIII вѣкѣ) немногіе ученые, интересовавшіеся наукой о числахъ, ограничивались скудными свѣдѣніями, заимствованными изъ латинскихъ рукописей, преимущественно же изъ Боэція.

Первый изъ оригинальныхъ западноевропейскихъ математиковъ Леонардъ не принадлежитъ къ клерикальной средѣ. Сынъ торговца, выросшій въ Бугіи и научившійся у своего отца искусству считать съ помощью арабскихъ цифръ, онъ (чтобы дополнить свое образованіе) путешествуетъ по Египту, Греціи и Сициліи. Такимъ образомъ онъ является продуктомъ арабской среды.

Тѣмъ временемъ во Франціи наряду съ духовенствомъ и притомъ въ зависимости отъ него организовалась новая среда, болѣе узкая и спеціальная, чѣмъ среда духовнаго сословія. Такою новой средой явился парижскій университетъ, послужившій вскорѣ образцомъ для Тулузы, Монпелье, Орлеана, а затѣмъ и для сосѣднихъ народовъ. Въ каждомъ университетѣ открылись кафедры математическихъ наукъ, потребность въ которыхъ, какъ уже упомянуто, чувствовалась даже съ точки зрѣнія богослужебныхъ интересовъ. Въ этихъ университетахъ совершается полезная работа: переводятъ арабскихъ писателей и черезъ ихъ посредство усваиваютъ себѣ греческую науку. Никакой самостоятельности при этомъ однако не обнаруживается. Истинная самобытность тогдашнихъ университетовъ проявляется въ направле-

ни, указанномъ для нея характеромъ среды. Проповѣдники, моралисты и полемисты на стогнахъ университета развиваютъ съ замѣчательной тонкостью, а иногда и съ глубиною мысли діалектику, заимствованную у Платона и Аристотеля. Торжествующее соперничество единственно уважаемой въ то время науки препятствовало сколько-нибудь успѣшному развитію всѣхъ другихъ ея формъ. Только въ странахъ, соприкасавшихся съ арабскимъ міромъ, а именно въ Испаніи, Италіи и Сициліи, появляются такіе люди, какъ Леонардъ въ XIII, Регіомонтанусъ и Николай Кузскій въ XV вѣкѣ. Одни только южно-европейскіе народы какъ будто обладаютъ тогда научными дарованіями. По крайней мѣрѣ они идутъ значительно впереди сѣверныхъ народовъ, которые теперь ихъ такъ сильно перещеголяли. На самомъ дѣлѣ разумѣется прирожденные способности тутъ не причесть. Все ограничивается тѣмъ, что именно южныя страны поддерживаютъ отношенія съ народомъ, обладавшимъ въ то время болѣе живучей научной культурой, чѣмъ всѣ остальные народы. Замѣтимъ, что здѣсь повторяется такое же явленіе, какъ и въ VII вѣкѣ до Р. Х.: въ то время какъ Италія, Франція и Германія остаются погруженными во мракъ варварства, тогдашняя Греція цивилизуется сперва въ островной, а затѣмъ и въ материковой своей части, благодаря болѣе близкому своему сосѣдству съ яркими центрами цивилизаціи: Египтомъ и Ассиріей. Потомъ, распространяясь все далѣе, цивилизація сообщается отъ Греціи итальянцамъ, а отъ нихъ—галламъ и испанцамъ.

Въ средневѣковый періодъ дѣлались, однако, попытки изслѣдованій въ области физики, химіи, ботаники и вообще естественной исторіи. Узнаны были свойства нѣкоторыхъ растений, изобрѣтены нѣкоторыя соединенія минеральныхъ веществъ. Дѣло въ томъ, что тогда имѣлись врачи, искавшіе лѣкарствъ отъ различныхъ или даже вообще всѣхъ болѣзней или же жизненный эликсиръ. Имѣлись также алхимики,—искатели философскаго камня, способнаго превращать неблагородные металлы въ золото. Самые цѣнные и полезные научные результаты, добытые средневѣковымъ естествовѣдніемъ, получились благодаря практическимъ изысканіямъ съ корыстною цѣлью, а потому не могутъ быть отнесены къ плодамъ чисто научной дѣятельности, какъ мы ее опредѣлили. Законы этой дѣятельности къ нимъ непримѣнимы. Это наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой степени важно различать историческія явленія по внутреннимъ психическимъ явленіямъ, которыя ихъ обуславливаютъ.

Еслибы мы не опасались черезчуръ увеличить размѣръ этой книги, мы могли бы точно также объяснить однимъ лишь при-

существомъ противодѣйствующихъ причинъ нѣкоторыя пробѣлы греческой цивилизаціи въ области научныхъ знаній. У грековъ имѣлось достаточное число врачей, способныхъ сдѣлать по части физиологій и анатоміи важныя открытія, которыя, однако, не были ими сдѣланы. Сторонники племенного духа на этотъ разъ вѣроятно будутъ мнѣ благодарны за то, что я въ данномъ случаѣ слагаю всякую вину съ греческаго національнаго духа. Еслибъ греческіе врачи производили ежедневно вскрытіе труповъ, то безъ сомнѣнія сдѣлали множество драгоцѣннѣйшихъ наблюденій. Чувство благоговѣйнаго уваженія къ умершимъ, проявившееся съ такою силой и въ нихъ самихъ и во всѣхъ окружающихъ, преградило доступъ къ такимъ изслѣдованіямъ. Понятно, что тутъ противодѣйствующія причины въ достаточной степени объясняютъ существованіе нѣкоторыхъ пробѣловъ. Я съ своей стороны желалъ бы только, чтобы люди не забывали о такихъ причинахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду объяснить подобныя пробѣлы и у другихъ народовъ, за исключеніемъ грековъ и римлянъ.

Считаю долгомъ указать еще на одну погрѣшность, въ которую зачастую впадаютъ. Разумѣется, можетъ случиться, что какая-нибудь наука въ своихъ начаткахъ представляется намъ культивированной единственно только духовенствомъ (какъ напр. астрономія или скорѣе астрологія у египетскихъ жрецовъ). Та или другая геометрическая теорема была, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ найдена при сооруженіи храма. Такія соотношенія, однако, должны считаться чисто поверхностными и внѣшними. Религія—сама по себѣ, а ея жрецы—тоже сами по себѣ. Въ жрецѣ совмѣщаются два совершенно различныхъ человѣка: одинъ, который придерживается извѣстныхъ теологическихъ воззрѣній, поддерживаетъ у народа извѣстную категорію чувствъ и совершаетъ извѣстные богослужебные обряды, короче сказать, жрецъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и другой, свободный отъ угнетающихъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, пользующійся въ достаточной степени досугомъ, а потому способный проявлять любознательность и заниматься научными изслѣдованіями, т. е., словомъ будущій ученый. Духовенство, поэтому, въ первое время поставляло и только одно и могло поставлять ученыхъ. Тѣмъ не менѣе они, въ качествѣ ученыхъ, не заимствовали у исповѣдуемой ими религіи никакихъ идей и понятій, а также не получали отъ нея непосредственно никакого стимула къ научнымъ изслѣдованіямъ. Припоминая эсхатологическія и антологическія воззрѣнія египетскихъ жрецовъ о двойственности усопшаго, о странствованіяхъ этой двоякой сущности, а также о свойствахъ и приключеніяхъ Озириса, мы бы не могли извлечь изъ нихъ ничего соотвѣтствующаго дѣйствительному по-

ряду вещей. По этому поводу, въ настоящее время, разумѣется, не можетъ существовать ни малѣйшаго разногласія. Никто не станетъ также отрицать, что эти ошибочныя воззрѣнія не были приобретены путемъ наблюденія, опыта, индуктивнаго или же дедуктивнаго сужденія, примѣненнаго къ даннымъ дѣйствительности. Ихъ дали себѣ трудъ только придумать, что не могло быть особенно труднымъ. Очевидно, что умственная дисциплина ученаго не воспиталась на такихъ воззрѣніяхъ. Она никоимъ образомъ не могла вырасти на ихъ почвѣ.

Человѣческая культура въ самой высшей своей научной или истинной формѣ непосредственно вышла изъ практическихъ занятій ремеслами, изъ экономической сферы созиданія богатствъ. Эта экономическая сфера, если позволительно употребить такое фигуральное выраженіе, была отцомъ науки, оставившимъ ей въ наслѣдіе средства, съ помощью которыхъ она проложила себѣ дорогу: первыя правильныя понятія объ окружающемъ мірѣ, первые измѣрительные приборы, наконецъ первыя методическіе навыки, наблюденіе и опытъ. Что касается до матери науки, то можно будетъ, если угодно, признать ея возбужденіе, вызываемое стремленіемъ къ почету и уваженію, не со стороны народныхъ массъ, которыя никогда не интересовались особенно научными изслѣдованіями, но со стороны спеціальной среды, въ которой жилъ ученый. Наука родилась такимъ образомъ отъ соединенія двухъ элементовъ: экономическаго и психическаго (дѣйствовавшего въ качествѣ стимула). Я не усматриваю, чтобы въ какомъ-либо вѣроученіи боги предписывали наблюдать, производить опыты, выяснять порядокъ и послѣдовательность явленій природы.

Затѣмъ остается, какъ уже упомянуто, тотъ фактъ, что спеціальною средою, въ которой проявлялось необходимое для науки возбужденіе, иногда было жреческое сословіе. Такъ было напр. въ Египтѣ, въ Галліи, у индусовъ, въ Мексикѣ и др. То, что мы видимъ у грековъ, свидѣтельствуетъ однако, что культура обусловливалась вовсе не религіозными условіями греческой среды, а иными условіями, которыя встрѣчались вмѣстѣ съ ними и были нами только что указаны. Дѣйствительно въ Сиракузахъ, Аѳинахъ, Александріи организовалась научная среда, школы и собранія ученыхъ, не содержащія въ себѣ никакой примѣси клерикальнаго или же религіозно-догматическаго элемента. Необходимо замѣтить, что развитіе науки оказывалось именно тамъ наиболѣе могучимъ и плодотворнымъ. Превосходство грековъ на поприщѣ древней научной культуры является фактомъ безспорнымъ.

II такъ, къ какимъ средствамъ надлежитъ прибѣгнуть для возможно болѣе точнаго и обстоятельнаго обсужденія подобнаго рода? Само собой разумѣется, что надо прежде всего собрать наибольшее число фактовъ и подвергнуть ихъ болѣе полному, всестороннему изслѣдованію. Затѣмъ однако надо примѣнить къ этимъ фактамъ точныя индуктивные методы, методы согласованія, различенія, совмѣстности измѣненій въ отдѣльности или сообща, смотря по обстоятельствамъ. Вернемся напр. къ обсужденію вопроса объ англійской свободѣ. Припомнимъ, что мы предположили ся причиной существованіе особыхъ условій, облегчавшихъ возможность соглашенія между управляемыми. Попробуемъ примѣнить здѣсь прежде всего методъ различенія, какъ единственный, позволяющій прийти по крайней мѣрѣ къ отрицательному категорическому заключенію. Разсматривая тотъ же народъ и въ томъ же географическомъ положеніи, т. е. въ Англіи, мы постараемся отыскать, нѣтъ ли какого-нибудь историческаго періода, весьма непріятнаго для либерализма тѣмъ, что теченіе этого періода правительство обладало неограниченной властью. Допустивъ, что такой періодъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, мы могли бы выяснитъ, соотвѣтствовала ли неограниченная власть правительства радикальному измѣненію въ условіяхъ соглашенія между управляемыми. За отсутствіемъ такого рѣзко выдѣляющагося періода (котораго вѣроятно намъ не удалось бы найти) мы постараемся отыскать по крайней мѣрѣ такой періодъ, когда правительственная власть проявлялась менѣе сдержаннымъ образомъ (напр. періодъ Тюдоровъ) и посмотримъ, не найдется ли въ этомъ періодѣ соотвѣтственнаго измѣненія въ условіяхъ соглашенія между управляемыми. Наличность такого соотвѣтствующаго измѣненія не составляетъ, однако, положительнаго доказательства справедливости нашей гипотезы, а потому мы должны были бы прибѣгнуть для дополнительной провѣрки къ другимъ методамъ. Пришлось бы окинуть взоромъ историческій міръ, изслѣдовать судьбы другихъ народовъ, начиная съ наиболѣе близкихъ или наименѣе отдаленныхъ отъ англичанъ по состоянію своей цивилизаціи (какъ напр. французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ) и заканчивая дикарями. Мы отмѣтили бы при этомъ съ одной стороны политическія установленія, представляющія извѣстное сходство съ англійскими, а съ другой — установленія, кореннымъ образомъ различающіяся отъ англійскихъ съ точки зрѣнія политической свободы. Каждый разъ мы сопоставляли бы съ данными установленіями совмѣстныя съ ними благопріятныя или неблагопріятныя условія для соглашенія между управляемыми, и каждый разъ также, прежде чѣмъ придти

къ окончательному выводу для даннаго случая, мы разсмотрѣли бы, не осложняется ли онъ воздѣйствіемъ какой-нибудь исключительной личности, которая могла бы пересилить дѣйствіе нормальныхъ причинъ и такимъ образомъ сдѣлать задачу неразрѣшимой. Уже изъ этого до чрезвычайности краткаго очерка, въ которомъ мы уѣпускаемъ упомянуть о многихъ другихъ предосторожностяхъ, можно представить себѣ всю продолжительность и трудность такой повѣрочной работы. Не скажу, чтобы она была невозможной, такъ какъ не допускаю справедливости столь обезкураживающей идеи.

Предположимъ, что построенная нами гипотеза послѣ такой провѣрки не окажется подтвержденною и что предположенную нами причину явленія нельзя будетъ по крайней мѣрѣ признать единственною. Весьма вѣроятно, что фактическій матеріалъ, собранный при такой провѣркѣ, подскажетъ намъ другую гипотезу, которая дѣйствовала одна или совмѣстно съ первою. Тогда надо будетъ приступить къ провѣркѣ этой второй гипотезы (см. сказанное нами въ главѣ V).

Въ заключеніе должно замѣтить, что умамъ избалованнымъ степенью достовѣрности, свойственной математическимъ и физическимъ наукамъ, не слѣдуетъ мечтать о чемъ либо подобномъ также въ исторіи. Сущность исторіи, какъ науки, этого не допускаетъ вслѣдствіе чрезмѣрной своей сложности. Я говорю преимущественно о достовѣрности, способной быть доказанною, такъ какъ полагаю, что по нѣкоторымъ вопросамъ исторіи можно придти къ внутреннему убѣжденію, которое нельзя считать иллюзіей *).

ГЛАВА XX.

Предвидѣніе.

О предвидѣніи въ исторіи. — Опять предвидѣнія въ области экономическихъ явленій и приложеніе къ этому вопросу нѣкоторыхъ раньше изложенныхъ идей.

I.

Всякое знаніе даетъ возможность что-нибудь предвидѣть; нѣтъ такой науки, которая совершенно не допускала бы предвидѣнія. Это, можно сказать, ея печать, ея отличительная примѣта. Но между разными науками въ этомъ отношеніи существуетъ боль-

*) Я счелъ нужнымъ нѣсколько сократить объемъ книги, а потому выкинуть изъ главы XIX разъясненія и вопросы, которые были сперва въ нее включены. Все это войдетъ въ слѣдующіе томы.

шее различіе. Въ исторіи, наукѣ въ высшей степени сложной, дающей широкій просторъ вліянію великихъ личностей *), нельзя конечно разсчитывать на безошибочное и въ особенности на детальное предвидѣніе событій. Подобно тому, какъ въ прошедшемъ вполне неизбѣжны только главныя стремленія, тогда какъ формы, въ которыхъ послѣднія въ концѣ концовъ выразились, являются болѣе или менѣе случайными, точно также и по отношенію къ будущему самое большое, на что мы можемъ разсчитывать, это — предвидѣть нѣкоторыя теченія, направляющіяся въ извѣстныя стороны. Зная хорошо настоящее и пользуясь правильнымъ методомъ, мы можемъ заключать, что въ будущемъ готовятся извѣстныя событія, довольно общаго, такъ сказать, отвлеченнаго характера, но мы никогда не будемъ въ состояніи сказать съ полной увѣренностью, что они произойдутъ дѣйствительно. Однако, какъ бы подобное предвидѣніе ни казалось намъ слабымъ, мы все-таки не должны имъ пренебрегать, такъ какъ оно можетъ послужить драгоцѣннымъ указаніемъ для нашего образа дѣйствій въ будущемъ.

Нашъ трудъ былъ бы логически незаконченъ, еслибъ не заключалъ въ себѣ попытки предвидѣть будущее.

II.

Экономическій мотивъ сильно преобладалъ надъ всѣми остальными; историческая эволюція въ значительной степени происходила подъ его вліяніемъ — вотъ данныя, засвидѣтельствованныя историческимъ опытомъ. Слѣдовательно, мы должны предположить, что и главныя сѣмена будущаго заложены въ явленіяхъ экономическаго порядка. Кто хочетъ предвидѣть будущее, долженъ прежде всего изслѣдовать строеніе современныхъ обществъ.

Экономическая наука состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: производства цѣнностей и распредѣленія. Чтобы выяснитъ прогрессивное движеніе человѣчества въ прошедшемъ, мы должны были почти исключительно заняться первымъ. Но, имѣя въ виду будущее и слѣдовательно вопросъ о прочности общественнаго строя, мы должны главнымъ образомъ обратить вниманіе на распредѣленіе. Необходимо выяснитъ, происходитъ ли распредѣленіе

*) При всякой попыткѣ предвидѣнія будущаго необходимо сдѣлать предварительно слѣдующую оговорку: «не считая дѣйствій отдѣльныхъ личностей», т. е. «не считая пововведеній, изобрѣтеній» или, выражаясь иными словами — «полагая, что все остается по старому».

добываемыхъ цѣнностей такимъ образомъ, чтобы оно могло удовлетворить массы и заинтересовать въ сохраненіи существующаго общественнаго строя тѣхъ, которые его поддерживаютъ.

III.

Производство цѣнностей приводитъ людей въ столкновение съ природой, но ихъ самихъ побуждаетъ къ взаимопомощи. Распределение же неминуемо вызываетъ между ними борьбу, такъ какъ то, что получаетъ одинъ изъ участвующихъ въ раздѣлѣ, всегда уменьшаетъ долю остальныхъ.

Для урегулированія этой борьбы часто прибѣгали къ обычаю, закону; призывали на помощь и матеріальную силу. Оставимъ на время въ сторонѣ вмѣшательство общества и внѣшней грубой силы. Вообразимъ, что участвующіе въ раздѣлѣ стоятъ другъ противъ друга мирно, свободно (во внѣшнемъ отношеніи). Спрашивается, какого рода причина или сила уладить ихъ споръ, приведетъ къ его рѣшенію? Дѣло не въ томъ, чтобы распределить доставляемые каждымъ продукты труда одинаковаго рода и продолжительности; подобныхъ случаевъ мы здѣсь не касаемся, такъ какъ они неинтересны въ историческомъ отношеніи. Вопросъ въ томъ, какъ совершить раздѣлъ между людьми съ совершенно различными вкладами, такъ какъ одинъ внесъ капиталъ, другой—знаніе, третій—ручной трудъ. Трудно найти вполне разумное и справедливое начало, руководствуясь которымъ можно было бы рѣшить, что всѣ вкладчики заслуживаютъ равной доли или же что они должны участвовать въ раздѣлѣ только въ извѣстной строго опредѣленной пропорціи.

Впрочемъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распределеніи, принципъ справедливости рѣдко принимается въ расчетъ. Каждый старается получить возможно большую часть. Бываютъ, конечно, исключенія, но они не идутъ въ счетъ. Для насъ важно знать, къ какого рода силѣ—это выраженіе здѣсь вполне уместно, такъ какъ каждый старается получить то, чего другіе не хотятъ ему дать—обыкновенно прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ. Пусть видимость не вводитъ насъ въ заблужденіе: безъ сомнѣнія, соперники могутъ прибѣгать поочередно къ аргументамъ, долженствующимъ подѣйствовать на чувствительность, практическій смыслъ или на чувство справедливости; они могутъ ссылаться на нужды своего семейства, на услуги, оказанныя въ данномъ дѣлѣ, обѣщать свое сотрудничество въ будущемъ или отказывать въ немъ, причемъ эти средства не

всегда оказываются недѣйствительными. Но обыкновенно рѣшающую силу нужно искать въ другомъ мѣстѣ, именно въ относительности потребностей спорящихъ, если, конечно, эти потребности признаны обѣими сторонами. Тотъ, кто менѣе всѣхъ нуждается въ томъ, чтобы немедленно получить свою часть, правда не овладѣваетъ всѣмъ, не получаетъ полного предпочтенія, даже ему приходится входить въ сдѣлки съ другими. Но зато для него разница между тѣмъ, чего онъ требуетъ, и тѣмъ, что получаетъ, менѣе велика, чѣмъ для другихъ: каждый получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ подчиненъ закону безотлагательности экономическихъ потребностей. Эту силу, играющую такую роль въ области экономическихъ отношеній, называютъ запасомъ или капиталомъ.

Можно, конечно, оспаривать это положеніе, да и нѣтъ ничего легче, когда рѣчь идетъ о психическихъ состояніяхъ; могутъ обвинять меня въ томъ, что я клевету на человѣчество — вѣдь это рисуетъ защитника въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ. Но все же никто не можетъ отрицать того, что за рѣдкими исключеніями всякій, кто продастъ, старается продать возможно дороже, а всякій покупающій хочетъ купить возможно дешевле. То психическое свойство, которое человѣкъ обнаруживаетъ въ актѣ купли-продажи и существованія котораго никто не станетъ отрицать, проявляется и во всѣхъ другихъ его сдѣлкахъ. Различія между этими сдѣлками чисто поверхностныя и не въ состояніи измѣнить человѣческую натуру. Тотъ, кто нанимаетъ работника, старается получить его по возможно низкой цѣнѣ. Во всѣ вѣка деньги отдавались взаймы по самому высокому проценту, какой заимодавецъ въ состояніи былъ получить.

Замѣтимъ мимоходомъ, что безотлагательность экономической потребности, такъ сильно содѣйствующая производству цѣнностей, по отношенію къ распредѣленію имѣетъ конечнымъ результатомъ почти неограниченную зависимость слабого. Одна и та же причина сопровождается и выгодными, и невыгодными послѣдствіями.

Итакъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда распредѣленіе совершалось свободно во внѣшнемъ отношеніи, оно совершалось подъ влияніемъ того, что я называлъ экономической силой. Но оно не всегда бывало свободно. Обычай, законодательство въ прошломъ старались противодѣйствовать экономической силѣ, устанавливая максимальную и минимальную плату за трудъ, опредѣляя размѣръ процентовъ и даже совершенно запрещая ихъ. Разныя религіи, какъ іуданзмъ, христіанство, буддизмъ, исламъ, въ согласіи съ свѣтской властью, пытались смягчить послѣдствія эконо-

мической борьбы путемъ проповѣди или даже каноническихъ каръ. Всѣмъ извѣстно, что втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ католичество запрещало отдачу денегъ въ ростъ и что исламъ запрещаетъ ее и понынѣ. Дѣло въ томъ, что какъ свѣтскіе, такъ и церковные законодатели иногда начинали пугаться тѣхъ жестокихъ послѣдствій, къ которымъ приводила экономическая борьба, если она предоставлялась самой себѣ. Когда въ древней Ассиріи или Египтѣ проценты доходили до 20, 30, 40 и даже болѣе 100, законодатели совершенно справедливо признавали ихъ непосильнымъ для должниковъ бременемъ и понижали до 12.

Въ Римѣ законодатель долго не обращалъ вниманія на самыя прискорбныя явленія: отецъ продавалъ въ рабство жену и дѣтей, иногда самого себя или же былъ продаваемъ насильно, въ уплату долга, на которомъ выросли неомѣрные проценты. Но наконецъ зло приняло такіе размѣры, что законодательству пришлось вмѣшаться въ дѣло. Впрочемъ, вмѣшательство это было довольно слабое, такъ какъ еще въ началѣ среднихъ вѣковъ во Франціи несостоятельный должникъ былъ обращаемъ въ рабство.

Съ другой стороны, богатые классы, котóрые были одновременно и правящими, также очень часто прибѣгали къ закону для защиты своихъ экономическихъ интересовъ. Работниковъ заставляли работать на опредѣленныхъ условіяхъ, за обязательную плату. Стачки и забастовки строго запрещались. Работника то прикрѣпляли къ землѣ, то сгоняли съ нея, въ интересахъ промышленности, сообразно съ мѣстными условіями и временными стремленіями капитала. Явленія эти лучше всего можно изучить въ Англіи—странѣ, гдѣ особенно сильно проявляется экономическое неравенство. Здѣсь мы можемъ видѣть, какъ крупные землевладѣльцы, являющіеся въ то же время законодателями, съ небольшими промежутками или даже одновременно издають суровые законы противъ бродяжничества и лѣни, которыя наказуются тюрьмой, кнутомъ и даже смертью (при Елизаветѣ), съ цѣлью удержать землевладѣльца на его землѣ, въ деревнѣ, и такіе законы, которые, давая мѣстному помѣщику возможность присвоить себѣ общинныя пастбища, наоборотъ прогоняли сельское населеніе въ города. Соціалистическіе писатели выставляли на видъ только тѣ посягательства, которыя были направлены на свободу работника. Выше мы указывали на то, что ограниченія дѣлались и по отношенію къ свободѣ капитала. Въ дѣйствительности же закономъ пользовались для ослабленія экономической борьбы то въ пользу одной, то въ пользу другой стороны

Если внимательно приглядѣться къ дѣлу, то нетрудно замѣ-

тять, что экономическая сила подъ вліяніемъ закона могла быть ослаблена въ своихъ послѣдствіяхъ, задержана въ своемъ естественномъ движеніи, но никогда не уклонялась съ своего пути. Законы, изданные въ интересахъ богатыхъ, въ сущности приносили имъ гораздо менѣе пользы, чѣмъ естественныя преимущества ихъ положенія; а законы, имѣвшіе цѣлю ограниченіе ихъ силы, оказывались недействительными. Короче говоря, въ исторіи сила правительства парализовалась силой экономической. Для доказательства достаточно будетъ одного примѣра. Втеченіе 10 вѣковъ въ христіанскихъ странахъ правительство подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій запрещало ростовщичество, но за него стояла экономическая сила и въ концѣ концовъ побѣда осталась за ней.

Одно время экономисты единодушно требовали абсолютной свободы въ экономической борьбѣ; да и въ настоящее время подобное требованіе еще предъявляется одной вліятельной школой. Однако на практикѣ никто не могъ рѣшиться допустить эту свободу со всѣми ея логическими послѣдствіями. Они слишкомъ оскорбляли наши чувства и нравственность. Напр., были установлены правила относительно работы женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, даже относительно труда совершеннолѣтнихъ работниковъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе экономической силы ничѣмъ не стѣснялось, слабый долженъ былъ соглашаться работать на условіяхъ, губельныхъ для нравственности женщины, для жизни дѣтей, для здоровья взрослого человѣка. Хорошо ли, дурно ли поступилъ законодатель, вмѣшиваясь въ дѣло; этого вопроса я теперь не буду касаться. Я желаю лишь указать, какъ далеко простирается власть сильнаго въ экономическомъ отношеніи надъ слабымъ. Экономисты съ обычнымъ своимъ оптимизмомъ часто указывали на то, что эта власть значительно ослабѣла; и они отчасти правы. Однако я долженъ въ свою очередь замѣтить, что опытъ не даетъ намъ еще права выводить окончательное заключеніе. Для этого необходимо было бы предоставить экономической силѣ полную свободу дѣйствій. Напр., законъ вопрошаетъ человѣку отказываться отъ своей свободы, продавать въ рабство себя или своихъ, и я не встрѣчалъ еще ни одного экономиста, который былъ бы настолько послѣдователемъ и смѣлъ, чтобы потребовать отмѣны этого запрещенія. Сдѣлайте опытъ, вычеркните изъ нашего законодательства параграфы, запрещающіе сдѣлки, признанныя опасными или безнравственными, вродѣ продажи человѣка, и черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ въ состояніи съ точностью опредѣлить, какъ велико могущество экономической силы.

Воздержимся въ этомъ вопросѣ отъ всякихъ личныхъ чувствъ. Разсматривая главные черты общества, сложившагося подъ вліяніемъ экономической силы, не будемъ поддаваться сантиментальнымъ побужденіямъ. И прежде, и теперь существовали и существуютъ сильныя и слабыя классы. Позволительно жалѣть одни, нелѣпо негодовать на другіе. Слабый не самъ избралъ свою долю; будь это въ его власти, онъ помѣнялся бы ею съ сильнымъ и сдѣлалъ бы изъ нея точно такое же употребленіе. Всякія выраженія горечи или негодованія имѣли бы смыслъ лишь въ примѣненіи къ человѣку вообще; но тогда это было бы лишь одной изъ тѣхъ тщетныхъ жалобъ, какихъ уже много раздавалось на свѣтѣ—жалобъ на испорченность человѣческой природы.

Однако, чтобы понять экономическое состояніе общества, образовавшагося подъ непреодолимымъ вліяніемъ личнаго интереса, необходимо еще разсмотрѣть нѣкоторые обстоятельства, въ значительной степени участвовавшія въ этомъ дѣлѣ—именно, размноженіе и милитаризмъ.

Тѣ, которые любятъ толковать объ экономическомъ прогрессѣ, очень часто обращаютъ вниманіе на одно лишь производство. Видя, что съ каждымъ днемъ послѣднее возрастаетъ, они чувствуютъ себя вполнѣ удовлетворенными. Но они удовлетворяются слишкомъ легко. Вотъ столъ, который сегодня обильнѣе уставленъ блюдами, чѣмъ вчера. Слѣдуетъ ли поздравить хозяина и ожидать хорошаго обѣда? Это зависитъ отъ числа приглашенныхъ: если оно возрасло еще больше, чѣхъ число блюдъ, то предстоитъ полнѣйшее разочарованіе.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что искомой величиной для насъ является не сумма—производство, а частное—удовлетвореніе. Пусть наша власть надъ природой увеличилась—это наше дѣлимое; но если мы увеличимъ и дѣлителя, то частное—удовлетвореніе, другими словами, благосостояніе каждаго, останется тѣмъ же или даже уменьшится сравнительно съ прежнимъ, несмотря на увеличеніе дѣлимаго.

Дѣлителя въ каждую данную минуту даетъ человѣческое размноженіе. Слѣдовательно, послѣднее имѣетъ на конечный результатъ такое же вліяніе, какъ и производство. Эти двѣ величины находятся въ вѣчномъ колебаніи.

Съ того времени, какъ человѣкъ пребывалъ еще въ дикомъ состояніи, по настоящее мы одержали надъ природой немало побѣдъ. Это можно замѣтить по дѣлимому—производству: въ цивилизованныхъ странахъ оно достигло изумительныхъ размѣровъ. Между тѣмъ въ этихъ же странахъ множество людей нуждается въ предметахъ почти первой необходимости. Въ такой странѣ,

какъ Франція, земледѣлецъ очень часто имѣетъ возможность пить одну лишь воду, наравнѣ съ дикаремъ. А. изъ этого слѣдуетъ, что еслибы вода не доставлялась природой даромъ, то ему нечѣмъ было бы утолять жажды. Тотъ же земледѣлецъ лишь изрѣдка употребляетъ въ пищу мясо. Частное, приходящееся на долю cadaго, очевидно не возрасло наравнѣ съ дѣлимымъ; одно не соотвѣтствуетъ другому. Это такъ бросается въ глаза, что не могло не быть замѣчено всѣми экономистами. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ они отчасти нашли разъясненіе загадки. Главное превосходство цивилизованной страны надъ дикой, послѣ производства или наряду съ нимъ, заключается въ густотѣ населенія; въ цивилизованной странѣ живетъ гораздо больше людей, чѣмъ въ нецивилизованной. Естественно, что въ умѣ нашемъ тотчасъ же возникаетъ мысль о связи, существующей между обоими этими явленіями. Не подлежитъ сомнѣнію, что сильное увеличеніе производства должно было имѣть главнымъ своимъ послѣдствіемъ сильный же приростъ населенія. Первое привело ко второму и было поглощено имъ, по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Одинъ выдающійся экономистъ, Леруа-Болье недавно замѣтилъ: «Экономическій прогрессъ главнымъ образомъ послужилъ къ увеличенію числа живущихъ». До него подобная же мысль была формулирована Миллемъ: «Размноженіе, говоритъ послѣдній, всегда такъ близко слѣдовало за производствомъ, что едва лишь увеличивалось число предметовъ продовольствія, какъ тотчасъ же нарождался излишекъ населенія, который ихъ и поѣдалъ».

Эта отвлеченная формула подтверждается и иллюстрируется исторіей. Стоитъ только вспомнить о судьбахъ Индіи, древней и новой, древняго Египта, Ассиріи, насколько ея исторія сохранилась на вавилонскихъ и ниневійскихъ памятникахъ, государствъ Новаго Свѣта: Мексики и Перу. Всѣ эти народы, столь отдаленные другъ отъ друга по времени и пространству, однако имѣютъ между собою существенное сходство. Всѣ они обладали уже довольно значительной цивилизаціей. Они умѣли обрабатывать землю, обзавелись нѣкоторыми растеніями и домашними животными, выдѣлывали орудія и необходимую домашнюю утварь. Они знали и умѣли обрабатывать металлы, воздвигали великолѣпныя постройки, были знакомы съ скульптурой и живописью. У нихъ была въ обращеніи монета, они обладали, правда, несовершенной, но вполнѣ достаточной для ихъ потребностей письменностью. Слѣдовательно, народы эти достигли уже такой степени благосостоянія, на которой безъ чувствительнаго ущерба для себя могли бы и совсѣмъ остановиться. Въ то же время во всѣхъ этихъ странахъ мы находимъ признаки, безспорно свидѣтель-

ствующіе о существованіи многочисленнаго населенія. Пирамиды и храмы Египта, дворцы Ассиріи, теокалли Мексики не могли бы быть воздвигнуты въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ.

Есть двоякаго рода бѣдность. Есть бѣдность дикаря, положительное отсутствіе цѣнностей, обусловливаемое малопроизводительнымъ трудомъ, недостаткомъ орудій производства. Но если мы замѣчаемъ бѣдность въ странѣ, гдѣ очевидно существуетъ цивилизація, орудія производства и промышленность, то она является вѣрнымъ признакомъ густоты населенія. О бѣдности же населенія въ Египтѣ и Ассиріи свидѣлствуютъ двѣ вещи: высокій процентъ, взимавшійся при отдачѣ денегъ займа, и характеръ роскоши. Когда мы видимъ, что какой нибудь предметъ, какъ напр. египетскія или этрусскія драгоценности, индійскіе ящички и шали, представляютъ собою цѣлые мѣсяцы и даже годы труда, то мы можемъ вывести изъ этого цѣлый рядъ безспорныхъ заключеній. Существованіе такихъ предметовъ прямо доказываетъ, что множество людей не нашло примѣненія для своего труда въ работахъ дѣйствительно полезныхъ. Они оказались лишними и вслѣдствіе этого, нуждаясь въ средствахъ къ жизни, должны были выпрашивать у богатыхъ лишь какую-нибудь бесполезную или по крайней мѣрѣ не особенно нужную имъ работу. Съ своей стороны, не нуждаясь въ предлагаемой работѣ, богачи могли располагать бѣдными по произволу и платить очень мало. Отсюда очень низкая заработная плата, которая въ свою очередь поощряла богачей къ бесполезной, но дешево стоящей роскоши.

Греческія республики въ эпоху своей независимости и процвѣтанія повидимому также грѣшили избыткомъ населенія. Частыя революціи, происходившія въ нихъ, отличаются социальнымъ характеромъ еще въ большей степени, чѣмъ политическимъ. Въ основѣ ихъ всегда лежала борьба бѣдныхъ съ богатыми. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть Аристотеля. И такъ, въ этихъ государствахъ также существовала бѣдность, а между тѣмъ количество цѣнностей само по себѣ было здѣсь вполне достаточное, какъ и въ упомянутыхъ выше государствахъ. Слѣдовательно, причиной ихъ неудовлетворительнаго экономическаго состоянія, очевидно, слѣдуетъ считать несоразмѣрное увеличеніе населенія.

Римъ въ періодъ своего процвѣтанія и наибольшаго многочисленія представляетъ подобныя же явленія: вѣковыя волненія черни, постоянно возобновляющіяся требованія аграрныхъ законовъ, да и самый законъ о бѣдныхъ, хлѣбный законъ, котораго она въ концѣ концовъ добилась, но который въ сущ-

ности былъ палліативнымъ, а не радикальнымъ средствомъ, — все это слѣдствія одной и той же причины.

Зато бѣдность, свойственная послѣднему періоду Римской имперіи и началу среднихъ вѣковъ, повидимому главнымъ образомъ обуславливалась другой причиной. Густота населенія вездѣ уменьшилась. Но къ несчастью уменьшилась и общественная безопасность, а вмѣстѣ съ нею значительно упало народное благосостояніе. Войны между множествомъ мелкихъ государей, подѣлившихъ страну, частыя усобицы между отдѣльными лицами дѣйствуютъ самымъ разорительнымъ образомъ. Запасы то и дѣло подвергаются разграбленію или уничтоженію. Работники теряютъ охоту и даже возможность работать. Изобрѣтенія прекращаются или находятъ себѣ убѣжище въ типи монастырей, гдѣ остаются какъ бы затерянными и бесплодными. Во всѣхъ ремеслахъ и искусствахъ утрачиваются традиціи, постепенно прибрѣтенное умѣніе и сноровка. Народъ опять погружается въ варварское состояніе. Бѣдность этой эпохи есть бѣдность положительная, дѣйствительное отсутствіе богатства.

Около X вѣка начинается поворотъ къ лучшему. Къ XII и XIII в. прогрессъ въ дѣлѣ производства цѣнностей становится все болѣе замѣтнымъ. Но тотчасъ же начинается и возрастаніе населенія, и скоро послѣднее становится слишкомъ многочисленнымъ по сравненію съ средствами существованія.

Въ настоящее время мы безспорно находимся все въ томъ же положеніи. Когда въ какомъ-нибудь обществѣ трудолюбивая масса (какъ напр. наши крестьяне), несмотря на ежедневный трудъ и строгую экономію, еле-еле въ состояніи прокормить себя, имѣть кровъ и одежду, не обладая ни досугомъ, ни средствами для развитія своего ума, то это значитъ, что она слишкомъ многочисленна по сравненію съ тѣмъ количествомъ хлѣба, вина, мяса, мебели, одежды и всѣхъ необходимыхъ или полезныхъ предметовъ, которые она въ состояніи производить.

Писатели-соціалисты не хотятъ включить безпорядочное размноженіе въ число причинъ, обуславливающихъ бѣдность народа; имъ удобнѣе сваливать все на распредѣленіе, которое они хотѣли бы измѣнить. Что до меня, то я далеко не сторонникъ распредѣленія, совершающагося подъ исключительнымъ почти вліяніемъ экономической силы; я также полагаю, что часть отвѣтственности за народную бѣдность падаетъ на него. Но самой крупной причиной бѣдности я считаю непредусмотрительность въ дѣлѣ размноженія. Возьмите какую-нибудь цѣнность — напр. мясо. Попробуйте раздѣлить все добываемое количество его на число потребителей, и вы получите поразительно малое частное.

Этого оспаривать нельзя. «Но — скажутъ намъ — можно было бы легко добывать гораздо больше мяса?» Полно, легко ли? Почему же въ такомъ случаѣ не дѣлаютъ этого? «Культура животныхъ еще не достаточно развита, но она можетъ значительно усовершенствоваться». Не стану возражать на это, что усовершенствованіе культуры животныхъ зависитъ отъ политическихъ, экономическихъ и нравственныхъ установленій, которыя не такъ то легко поддаются видоизмѣненію. Скажу просто, пусть культура животныхъ достигнетъ завтра какой угодно степени совершенства—все-таки несомнѣнно, что сегодня она еще не въ состояніи удовлетворить потребностямъ населенія, а слѣдовательно, послѣднее пока слишкомъ многочисленно.

Если бѣднякъ не можетъ имѣть ежедневно къ завтраку котлетку, то это не оттого, что богатые, которыхъ гораздо меньше, съѣдаютъ и свои котлеты и тѣ, которыя приходятся на долю бѣдныхъ. Еслибъ порціи бѣдняковъ дѣйствительно имѣлись въ наличности, то богачи никогда бы не справились съ ними. Но въ томъ то и дѣло, что этихъ порцій еще нѣтъ. Я согласенъ, что богачи потребляютъ извѣстные предметы съ нѣкоторымъ излишествомъ, напр. одежду; но я сильно сомнѣваюсь, чтобы можно было прикрыть наготу всѣхъ бѣдныхъ излишкомъ гардероба богатыхъ.

Соціалистическіе писатели являются или сознательными мистиками, какъ Генри Джорджъ, или мистиками безсознательными. Всѣ они вѣрятъ въ Провидѣніе, то носящее личный характеръ, то какъ бы разлитое въ законахъ природы. По ихъ мнѣнію, люди могутъ рождаться въ какомъ угодно количествѣ—какая то непреложная сила тотчасъ же заставитъ произрасти необходимое для всѣхъ количество хлѣба. Къ сожалѣнію, мы не видимъ, гдѣ обрѣтается эта сила.

Зато мы очень ясно видимъ, что данная семья, жившая въ довольствѣ при одномъ ребенкѣ, постепенно бѣднѣетъ по мѣрѣ того, какъ въ ней появляется двое, трое, четверо и болѣе дѣтей. Спрашивается, какимъ образомъ то, что вѣрно по отношенію къ каждому отдѣльному лицу, оказывается невѣрнымъ по отношенію ко всей совокупности людей. Это напоминаетъ мнѣ извѣстную остроуту: «Я теряю на каждомъ товарѣ въ отдѣльности, но выгадываю на количествѣ».

Вотъ образчикъ логики соціалистовъ. Генри Джорджъ въ своемъ сочиненіи: («Прогрессъ и бѣдность») доказываетъ безвредность и даже выгодность размноженія сопоставленіемъ слѣдующихъ трехъ фактовъ: у дикихъ народовъ населеніе рѣдкое и бѣдное; у цивилизованныхъ—оно многочисленно и богато; въ колоніяхъ и странахъ, недавно лишь пріобщенныхъ къ цивилизаціи, оно

рѣдко и богато, но въ меньшей степени, чѣмъ въ густонаселенныхъ и цивилизованныхъ государствахъ. Слѣдовательно, густота населенія и богатство его идутъ рука объ руку. Но тутъ же рядомъ—и это даже основная идея его сочиненія—авторъ говоритъ намъ: «Массы бѣднѣютъ по мѣрѣ увеличенія прогресса». Дѣло въ томъ, что Генри Джорджъ, самъ не замѣчая этого, употребляетъ одни и тѣ же термины то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ. Дикари малочисленны и бѣдны—согласенъ; старыя густонаселенныя и цивилизованныя страны богаче новыхъ колоній—согласенъ и съ этимъ, если рѣчь идетъ объ общей суммѣ цѣнностей, которая въ сущности представляетъ лишь кажущееся богатство. Но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ, если имѣется въ виду и число участвующихъ въ распредѣленіи, которое одно только даетъ истинное представленіе о богатствѣ народа. Съ этой точки зрѣнія, старая Англія, хотя она сама по себѣ гораздо богаче Калифорніи, окажется сравнительно болѣе бѣдной, потому что въ ней на долю cadaго приходится меньше. Генри Джорджъ, указывая на высокую заработную плату, большую ренту и общее благосостояніе въ новыхъ колоніяхъ, даже не замѣчаетъ, что своимъ сопоставленіемъ побиваетъ самого себя. Дикари бѣдны, хотя и малочисленны, потому что у нихъ нѣтъ орудій, создающихъ цѣнности; участниковъ въ распредѣленіи мало, но распредѣлять-то нечего. У старыхъ цивилизованныхъ народовъ имѣются прекрасныя орудія производства и много продуктовъ, но дѣлить ихъ приходится между слишкомъ многими. Въ новыя колоніи человѣкъ явился, снабженный всѣми ресурсами, доставляемыми цивилизаціей старыхъ странъ, но безъ свойственнаго имъ многолюдства—и вотъ здѣсь начинается періодъ особеннаго благосостоянія, который продолжается до тѣхъ поръ, пока, благодаря начавшемуся размноженію, колонія по густотѣ населенія не достигнетъ уровня старыхъ цивилизованныхъ странъ. Вопреки Джорджу, именно эти факты и доказываютъ лучше всего, что размноженіе уменьшаетъ истинное богатство, т. е. количество цѣнностей, приходящихся на долю cadaго.

Въ видѣ возраженія, нѣкоторые указываютъ на то, что и каждый лишній ротъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи пару рабочихъ рукъ. Пусть такъ. Но прежде, чѣмъ эти руки въ состояніи будутъ прокормить ѣдока, пройдетъ 15—20 лѣтъ, а до тѣхъ поръ приходится кормить его въ долгъ. Много такихъ лишнихъ ѣдоковъ умираетъ до наступленія срока, и все потраченное на нихъ такимъ образомъ пропадаетъ. Когда обладатель рабочихъ рукъ достигнетъ 20 лѣтъ, ему придется не только прокормить себя, но и вернуть полученный авансъ, а также авансы, сдѣланные

умершимъ, и все лишь для того, чтобы привести бюджетъ въ равновѣсіе. Затѣмъ только начинается чистая прибыль. Но дѣйствительно-ли получается подобная прибыль? Пока во всякомъ случаѣ это еще ничѣмъ не доказано. Нѣкоторые, подобно Г. Джорджу, ссылаются на то, что самые многочисленныя народы являются въ то же время и самыми богатыми, но обстоятельство это въ нашихъ глазахъ не имѣетъ никакого значенія. Конечно, говоря безотносительно, двадцать работниковъ всегда произведутъ больше цѣнностей, чѣмъ десять. Но произведутъ-ли они всегда и непременно вдвое больше, чѣмъ произведутъ десять? Произведетъ-ли французскій народъ, возрасти онъ съ 10 мил. до 20, двойное количество всѣхъ необходимыхъ предметовъ, а потомъ, размножившись до 40 м.,—еще разъ вдвое и т. д.? На этотъ вопросъ, правда, не разъ давали утвердительный отвѣтъ, но ни разу еще такой отвѣтъ не былъ вполне обоснованъ.

Философію размноженія можно выразить слѣдующей краткой и ясной формулой: размноженіе почти совершенно поглотило тѣ огромныя выгоды, какія человѣчество получило отъ множества изобрѣтеній во всѣхъ отрасляхъ практической своей дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе и размноженіе, уничтожающее богатство путемъ потребления, значительно содѣйствовало его созданію. Когда населеніе на данной территоріи достигаетъ извѣстной степени плотности, размѣщеніе его становится нѣсколько неравномѣрнымъ. Излишекъ скопляется преимущественно въ извѣстныхъ пунктахъ—образуются города. Это очень важное явленіе. Города способствуютъ раздѣленію труда, безъ котораго немислимъ промышленный прогрессъ. Страна безъ городовъ въ экономическомъ отношеніи—страна отсталая.

За исключеніемъ нравственности, на которую города имѣютъ далеко не благоприятное вліяніе, съ промышленнымъ прогрессомъ связано множество выгодъ. Положительное знаніе, критика зародились въ городахъ вслѣдствіе созерцанія различныхъ видовъ дѣятельности, вслѣдствіе столкновенія и обмѣна идей между множествомъ умовъ, явившихся сюда съ разныхъ сторонъ. Изысканія искусства почти всегда появляются лишь при извѣстной степени густоты населенія; въ этомъ и заключаются хорошія стороны размноженія взаимнѣ многихъ вредныхъ.

Если размноженіе сильно способствуетъ созданію богатства, то оно зато оказывается вреднымъ въ дѣлѣ распредѣленія. Чѣмъ больше людей въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ больше число тѣхъ, которые подъ давленіемъ нужды должны предлагать свой трудъ; и тѣмъ ниже получаемое ими вознагражденіе, тѣмъ больше они должны трудиться и изощрять свой умъ для поддержанія своего

существованія: крайняя возбуждаемость и напряженіе силъ, изворотливость, страданія и нищета—все это одновременно замѣчается въ городахъ, въ которыхъ избытокъ населенія сказывается особенно сильно.

Во всѣхъ этихъ то благодѣтельныхъ, то гибельныхъ послѣдствіяхъ размноженія я вижу лишь дѣйствіе закона, управляющаго борьбой за существованіе. Законъ этотъ проявляется здѣсь съ особенной зловѣщей яркостью.

Размноженіе и война находятся между собой въ тѣсной связи. Размножаясь, народы приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, и по большей части соприкосновеніе это ведетъ къ военнымъ столкновеніямъ. Война отчасти избавляетъ насъ отъ избытка населенія. Многое въ столкновеніяхъ древнихъ народовъ выяснилось бы для насъ гораздо лучше, если бы мы обладали статистическими свѣдѣніями о движеніи у нихъ населенія.

Съ другой стороны, постоянное ожиданіе и опасеніе войны придаютъ стремленію къ неограниченному размноженію оттѣнокъ политической мудрости и патриотизма.

IV.

Посмотримъ теперь, каковы основныя черты общества, образовавшагося подъ вліяніемъ экономической силы, размноженія и милитаризма. Очевидно, краеугольными камнями его слѣдуетъ считать: частное землевладѣніе, наслѣдованіе имуществъ, доходъ съ капитала и поземельную ренту.

Первоначально земля находилась въ общинномъ владѣніи—таково въ настоящее время мнѣніе всѣхъ соціологовъ, оспариваемое только нѣкоторыми учеными, специально посвятившими себя изученію Грековъ и Римлянъ. Сущность этого спора мы изложимъ въ другомъ мѣстѣ. Мы укажемъ тогда, кому принадлежала инициатива въ той эволюціи, которая закончилась переходомъ земли въ частныя руки. Теперь же мы замѣтимъ лишь кратко, что починъ принадлежалъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ общества. Впрочемъ, мысль эта высказана впервые не нами.

Вожди первые не захотѣли довольствоваться кратковременнымъ обладаніемъ своею долею и присвоили себѣ постоянное пользованіе ею. Таковъ былъ первичный кристаллъ, вокругъ котораго стали группироваться остальные, сформировавшіеся по тому же образцу. Только такимъ путемъ и можно объяснить всѣ послѣдующія явленія. Уже въ очень раннюю эпоху мы встрѣчаемъ повсюду крупныя поземельныя владѣнія, латифундіи, про-

исхожденіе которыхъ нелѣно было-бы приписывать личному труду и личной предпріимчивости, особенно тамъ, гдѣ промышленность еще не существуетъ. Вездѣ, вокругъ незначительнаго ядра воздѣланной земли лежалъ широкій поясъ пустопорожныхъ земель, принадлежавшихъ всей общинѣ, но находившихся подъ управленіемъ вожди, который постепенно превращалъ ихъ въ свою собственность. Эти общинныя земли и послужили началомъ первыхъ латифундій. Потомъ по образцу ихъ образовались новыя крупныя помѣстья, хотя и другого происхожденія, какъ мы увидимъ ниже.

Для исторіи, впрочемъ, переходъ земли въ частныя руки самъ по себѣ былъ менѣе важенъ, чѣмъ сосредоточеніе крупной земельной собственности въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, т. е. чѣмъ образованіе обширныхъ помѣстій. Послѣднія естественно обусловливали существованіе чрезвычайно сильныхъ въ экономическомъ отношеніи личностей и чрезвычайно слабыхъ массъ.

Наслѣдованіе съ своей стороны упрочило первоначальную крупную собственность, дало ей возможность продержаться до настоящаго времени. Наслѣдованіе, можно сказать, также правительственнаго происхожденія. Безъ сомнѣнія, всякій человѣкъ, обладающій какимъ нибудь имуществомъ, желаетъ, умирая, передать его тому, кого любить или считаетъ вторымъ «я»; но подобное желаніе умирающаго, который скоро превратится въ безсильный трупъ, осуществилось бы очень рѣдко, еслибъ не находило себѣ поддержки со стороны лицъ, облеченныхъ властью. Только благодаря правительственному вмѣшательству наслѣдованіе стало реальнымъ и могущественнымъ установленіемъ. Разъ возникнувъ, оно съ своей стороны также должно было содѣйствовать образованію крупныхъ поземельныхъ владѣній. Благодаря наслѣдованію, крупныя помѣстья, первоначально нераздѣльныя съ обладаніемъ властью, получили возможность переходить изъ рукъ въ руки. Правда, при такомъ переходѣ они иногда дробились, но та же причина, которая способствовала ихъ возникновенію, заставляла ихъ снова возрождаться въ прежнихъ размѣрахъ. Когда въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ возникли новыя источники богатства помимо обладанія властью, когда развились промышленность, торговля и спекуляція, наслѣдованіе стало играть ту же роль и по отношенію къ новымъ богатствамъ, то разсѣивая ихъ, то снова сосредоточивая въ однѣхъ рукахъ. Напомнимъ здѣсь о вліяніи еще одного фактора—именно, процентовъ съ капитала и поземельной ренты (для нашей цѣли нѣтъ надобности ихъ разграничивать по примѣру экономистовъ), благодаря которому собственникъ имѣетъ возможность жить на доходы съ своей собственности, ничуть не растрчивая ея. Ростъ вмѣстѣ съ наслѣдованіемъ имуществъ сильно содѣйствовали сохраненію латифундій.

Крупныя земельныя владѣнія, наслѣдованіе, ростъ, размноженіе, обыкновенно не соответствующее производству, частыя войны, экономическая сила, проявляющаяся съ неограниченной почти свободой въ частныхъ сдѣлкахъ—все это, вмѣстѣ взятое, дало извѣстные результаты, которые мы сейчасъ и рассмотримъ съ точки зрѣнія распредѣленія. Но для этого, какъ и вообще при оцѣнкѣ какого нибудь явленія, необходимо избрать себѣ руководящее начало.

Предположимъ, что дѣло преобразованія общества возложено на одного человѣка и притомъ на человѣка вполне разумнаго. Какимъ принципомъ будетъ онъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ поставитъ себѣ правиломъ раздавать каждому почести и богатство, сообразно оказаннымъ имъ услугамъ, сообразно его полезности для общества или, выражаясь иными словами, «воздавать каждому по его дѣламъ». Слѣдовательно, онъ установитъ такого рода отвѣтственность, которую мы назовемъ экономической или личной. И это будетъ вполне справедливо *).

Очевидно, что общество, построенное на началѣ личной отвѣтственности, значительно отличалось бы отъ современнаго.

Мы не станемъ здѣсь разбирать вопроса о томъ, представляетъ ли наслѣдованіе имуществъ установленіе полезное или вредное. Во всякомъ случаѣ ясно, что оно противорѣчитъ принципу экономической отвѣтственности. Въ этомъ отношеніи наше общество представляетъ двѣ крайности: вездѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто наслѣдованіе, отвѣтственность не играетъ никакой роли; тамъ же, гдѣ нѣтъ наслѣдованія, послѣдняя проявляется во всей своей силѣ.

Съ другой стороны, такъ какъ свободный договоръ, во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ, управляется закономъ наименѣе безотлагательной потребности, то въ результатъ въ нашемъ обществѣ замѣчается дѣйствіе слѣдующихъ трехъ принциповъ: 1) каждому по его родителямъ, 2) каждому по его дѣламъ, 3) каждому по его капиталу.

Писатели-соціалисты предлагаютъ четвертый принципъ: каждому по его нуждамъ. Всякая соціалистическая теорія сводится къ этой формулѣ: это печать, клеймо, по которому узнается соціализмъ. Хотя человѣчеству въ наиболѣе цивилизованныхъ его частяхъ почти удалось уже установить уголовную отвѣтственность,

*) Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какой нибудь смыслъ въ обычномъ выраженіи: «Отецъ его поработалъ». Это все равно, какъ еслибы въ оправданіе преступника сказали: «Отецъ его былъ такой честный человѣкъ».

которую я только что намѣренно сопоставилъ съ отвѣтственностью экономической, тѣмъ не менѣ послѣдняя практикуется еще въ недостаточной степени и то и дѣло сталкивается съ противоположнымъ принципомъ наслѣдованія и экономической силы. Но экономическая отвѣтственность и вознагражденіе за трудъ—одно и то же. Поэтому, признавая, что экономическая отвѣтственность не практикуется въ достаточной степени, мы ѣтимъ самымъ признаемъ, что трудъ недостаточно оплачивается.

Итакъ, мы дошли теперь до главнаго пункта. Въ обществѣ, при теперешнемъ его состояніи, трудъ не обогащаетъ. Кто думаетъ иначе, тотъ просто сознательно дурачитъ себя. Я часто слышалъ выраженія вродѣ слѣдующаго: «Этотъ человѣкъ обязанъ своимъ состояніемъ исключительно труду». Чтобы быть точнымъ, слѣдовало бы прибавить: «и труду другихъ». Если вы хотите имѣть вѣрное представленіе о значеніи труда, какъ источника богатства, то должны разсматривать его самостоятельно, отдѣливъ его отъ капитала, и притомъ разсматривать исключительно личный трудъ, не принимая въ расчетъ того, что наживаютъ на работѣ подчиненныхъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу не трудно замѣтить, что случаи обогащенія чисто личнымъ трудомъ совершенно исключительны; къ такимъ исключеніямъ слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ артистовъ, изобрѣтателей. Большею же частью богачами являются разные предприниматели, заставляющіе трудиться болѣе или менѣ значительное число рабочихъ, банкиры, спекулянты, лица, получившія большое наслѣдство. У банкировъ богатство по крайней мѣрѣ на половину продуктъ капитала. Спекуляція не есть трудъ, такъ какъ, по нашему опредѣленію, послѣдній долженъ отличаться общепользынымъ характеромъ. Когда я перепродаю дорого то, что купилъ дешево,—напр., землю или дома—то прибыль отъ этой операціи получаю одинъ я: общество при этомъ ничего не выигрываетъ. Что же касается наслѣдства, то оно и подавно не имѣетъ ничего общаго съ трудомъ.

Чтобы окончательно убѣдиться въ сказанномъ, стоитъ только обратить вниманіе на участь одного очень многочисленнаго и въ высшей степени полезнаго класса рабочихъ, именно, сельскаго поденщика. Само собой разумѣется, мы беремъ только тотъ случай, когда у рабочаго нѣтъ никакого капитала. Такой работникъ получаетъ за рабочій день приблизительно 2 фр. 50 с., и такихъ дней въ году у него 300 (если допустить, что у него не будетъ другихъ прогульныхъ дней, кромѣ воскресныхъ и дождливыхъ) итого—750 фр. въ годъ. Теперь составимъ приблизительно бюджетъ холостого работника: 365 фр. на продовольствіе, 100 фр.,

на квартиру, 100 на платье, бѣлье, обувь, стирку, освѣщеніе и рабочіе инструменты. При такомъ оптимистическомъ разсчетѣ получается, слѣдовательно, 200 фр. ежегодной экономіи. Если въ продолженіе 30 лѣтъ рабочій ни разу не заболѣетъ, ни разу не останется безъ работы, если у него не будетъ ни одного порока, ни одной слабости, хотя бы послѣдняя заключалась въ помощи, оказываемой роднымъ,— словомъ, если онъ окажется совершеннѣйшей рабочей машиной, то за всю жизнь у него накопится 6000 фр. сбереженій, на которые ему придется жить въ продолженіе слѣд. 10 лѣтъ старости и неспособности къ труду. Считаю нужнымъ напомнить, что мы не должны прибавлять къ этой суммѣ процентовъ съ нея, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ вознагражденіемъ за трудъ. Если этому работнику вздумается жениться, имѣть дѣтей, то всѣ наши разсчеты, понятно, окажутся непримѣнными. Поденщикъ, осмѣливающійся обзавестись семьей, не обладая никакимъ капиталомъ, почти навѣрно обрекаетъ себя на нищету.

Если вмѣсто мужчины мы возьмемъ женщину въ тѣхъ же условіяхъ, то участь ея будетъ еще хуже: женщина, какъ извѣстно, въ этомъ классѣ не можетъ сама прокормить себя, жить самостоятельно.

На мой взглядъ, этотъ маленькій біографическій очеркъ болѣе убѣдителенъ, чѣмъ длинный рядъ статистическихъ таблицъ.

Представляетъ ли трудъ нѣчто позорное? Это—вопросъ довольно щекотливый, требующій внимательнаго анализа.

Вотъ уже два почти вѣка, какъ родилась политическая экономія и распространились извѣстныя идеи. Съ тѣхъ поръ о трудѣ не мало философствовали. Было признано, что трудъ полезенъ, необходимъ, что онъ заслуживаетъ уваженія и вниманія, какъ по своимъ результатамъ, такъ и самъ по себѣ, какъ извѣстное усиліе. Повидимому, это вопросъ вполне рѣшенный: трудъ пользуется уваженіемъ, почетомъ. Да и можетъ ли быть иначе, можетъ ли человѣкъ быть столь безразсуднымъ, чтобы не видѣть полезности труда или презирать его, несмотря на его очевидную полезность? Однако дѣло далеко не такъ просто. Для насъ важно не то, что человѣкъ думаетъ о трудѣ, когда разсматриваетъ его съ отвлеченной, философской точки зрѣнія; мы должны уяснить себѣ, какого рода чувства питаютъ лица, принадлежащія къ состоятельнымъ классамъ общества, по отношенію къ лицамъ, принадлежащимъ къ рабочему классу. Очень возможно, что, относясь съ платоническимъ уваженіемъ къ труду, они по какой нибудь причинѣ или подъ какимъ нибудь предлогомъ отказываютъ въ уваженіи самому работнику.

Человѣкъ далеко не всегда и не во всемъ руководствуется простымъ здравымъ смысломъ, логикой. Прежде всего онъ обладаетъ чувствами и подлежитъ ихъ внушеніямъ. А чувства эти говорятъ не въ пользу работника. По крайней мѣрѣ шесть дней въ недѣлю работникъ, одѣтый въ поношенное и болѣе или менѣе грязное отъ работы платье, не представляетъ ничего пріятнаго для нашего зрѣнія. Всѣ манеры, тонъ, разговоръ человѣка, не получившаго образованія и во всякомъ случаѣ не привыкшаго вращаться въ хорошемъ обществѣ, должны непріятно дѣйствовать на слухъ. А когда чувства возмущаются противъ человѣка, разсудку не легко замолвить за него словечко. Да и самый голосъ разсудка слишкомъ слабъ и не можетъ заглушить громкаго протеста чувствъ. И часто мы совершенно забываемъ, что эта отталкивающая внѣшность, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, обусловлена трудомъ.

Я часто наблюдалъ за лицами, принадлежащими къ обезпеченнымъ классамъ. Только очень немногіе — и я съ удовольствіемъ констатирую это — позволяютъ себѣ открыто выражать свое презрѣніе или антипатію; большинство же такъ хорошо скрываетъ испытываемыя имъ чувства стѣсненности, безпокойства или отвращенія, что рабочіе, которые, вообще говоря, не могутъ быть названы тонкими психологами, ничего не замѣчаютъ. Съ внѣшней стороны ничто не позволяетъ имъ догадываться о тѣхъ чувствахъ, которыя они внушаютъ. Но интеллигентнаго наблюдателя на этотъ счетъ не обманешь. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лица, принадлежащія къ обезпеченному классу, стараются по возможности избѣгать соприкосновенія съ людьми, занимающимися физическимъ трудомъ. Я могъ бы насчитать лишь очень мало мужчинъ и еще меньше женщинъ, которые, попавъ въ общество рабочихъ, не испытывали бы нѣкотораго брезгливаго и во всякомъ случаѣ непріятнаго чувства.

Но — могутъ возразить намъ — рабочій отталкиваетъ насъ не одной только своей внѣшностью; его чувства часто также отличаются грубостью. Можно ли винить насъ за то, что мы любимъ утонченность чувствъ? Рабочій невѣжественъ, а мы справедливо уважаемъ умственное развитіе. Рабочій всегда болѣе или менѣе находится въ зависимомъ положеніи: онъ зависитъ отъ лица или класса, дающаго ему работу. А зависимость влечетъ за собой много прискорбныхъ послѣдствій: она порождаетъ низость, лезть, преувеличенную и лживую почтительность, подъ которой довольно часто скрываются зависть и ненависть. Мы же справедливо любимъ независимость, честность, прямоту, согласіе словъ съ внутреннимъ чувствомъ. Рабочій очень часто отлыниваетъ отъ труда,

сплошь и рядомъ онъ бываетъ пьяницей и гулякой, рѣдкій не предается грубымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Короче говоря, могутъ сказать намъ наши противники,—мы уважаемъ, мы чтимъ трудъ; но можетъ ли наше уваженіе къ нему сдѣлать насъ нечувствительными къ самымъ отталкивающимъ порокамъ и недостаткамъ? И еслибъ даже мы могли стать въ такой степени нечувствительными, то будетъ ли это полезно для нравственности?—Изъ всего сказаннаго я пока обращаю ваше вниманіе лишь на самое существенное, именно на признаніе, что рабочій вообще производитъ непріятное впечатлѣніе на человѣка неработающаго.

Безъ сомнѣнія, нравственные недостатки рабочаго менѣе обусловлены его положеніемъ, чѣмъ нечистоплотность его рукъ или одежды; но разница въ сущности незначительная. Нѣкоторые предполагаютъ, что существуютъ двѣ совершенно различныя породы людей: одна, болѣе благородная, къ которой принадлежатъ высшіе слои общества, другая, отличающаяся низменными наклонностями, къ которой принадлежатъ низшіе слои. Но эта гипотеза, которую безсознательно раздѣляютъ всѣ высшіе классы, не выдерживаетъ никакой критики. Крайности, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ, обусловливаются индивидуальностью человѣка, но средняя порочность, свойственная какому-нибудь классу, зависитъ отъ вліянія тѣхъ условій, въ которыя онъ поставленъ.

Есть еще одно обстоятельство, которое обыкновенно совсѣмъ не замѣчается. Всякій человѣкъ, имѣющій возможность не заниматься физическимъ трудомъ, за рѣдкими исключеніями, очень заботится о томъ, чтобы другіе на этотъ счетъ не впали въ заблужденіе. Я ни разу еще не встрѣтилъ человѣка, которому было бы пріятно, еслибъ другіе думали, что онъ работаетъ изъ нужды, и напротивъ, я могъ бы назвать тысячу людей, которымъ одна мысль о возможности такого подозрѣнія внушаетъ сильнѣйшее безпокойство. Нерѣдко можно видѣть на улицѣ господина или даму съ какимъ-нибудь пакетикомъ въ рукахъ, но при этомъ у нихъ на лицѣ такое выраженіе, какъ будто бы они хотѣли сказать: «Конечно, мы могли бы взять съ собою горничную или лакея, или даже хотя бы обратиться къ посыльному, да не стоитъ. Это такая бездѣлица, совсѣмъ не тяжело»... Зато вы никогда не увидите, чтобы лицо, принадлежащее къ состоятельному классу, на виду у всѣхъ несло дѣйствительную тяжесть, развѣ только по какой-нибудь случайности, но въ такихъ случаяхъ оно всегда имѣетъ очень сконфуженный видъ. Эта щепетильность сообщается даже другимъ, особенно когда лицо это принадлежитъ къ исключительно привилегированнымъ. Представьте себѣ какого

нибудь префекта, председатели суда, главного инженера съ чемоданомъ, хотя бы и небольшихъ размѣровъ, на плечахъ, расхаживающаго въ такомъ видѣ по улицамъ, гдѣ его знаютъ. «Ахъ, г. префектъ, ахъ, г. председатель, позвольте помочь вамъ! Позвольте, ужъ я позабочусь объ этомъ! Это совсѣмъ не ваше дѣло!» Сколько разъ я слышалъ подобныя восклицанія, сколько разъ я видѣлъ, какъ мѣщане, крестьяне, рабочіе бросались на встрѣчу г. председателя, г. судьи и т. п., чтобы освободить его— даже не отъ чемодана, а отъ какой-нибудь маленькой совершенно удобоносимой вещи. И эти добрые люди поступали такимъ образомъ въ полномъ убѣжденіи, что избавляютъ общество отъ неприличнаго зрѣлища. Для человѣка, имѣющаго возможность ничего не дѣлать, физическій трудъ считается неприличнымъ. Почему? Невозможно допустить, чтобы причиной было уваженіе къ труду.

Иногда какія-нибудь второстепенныя обстоятельства, мелкія детали неожиданно выясняютъ дѣло. Обратимся же къ нимъ. Вотъ богачъ, который самъ правитъ лошадьми, и это ничуть не считается неприличнымъ. Вѣдь тутъ не можетъ быть и сомнѣнія относительно его мотивовъ; невозможно даже заподозрить, что онъ это дѣлаетъ по необходимости, такъ какъ кучеръ сидитъ рядомъ. Нѣкоторые обходятся даже безъ кучера: публикѣ достаточно знать, что они — хозяева экипажа, а кто имѣетъ экипажъ, тотъ конечно въ состояніи держать и кучера. Другіе не стѣсняются на виду у всѣхъ заниматься садоводствомъ, поливать растенія: очевидно, что это дѣлается только для развлечения, а можетъ быть по предписанію врача. Но къ труду, обусловленному нуждою или желаніемъ заработка, общественное мнѣніе относится рѣшительно неблагоклонно. И это обстоятельство лучше всего выясняетъ дѣло. Очевидно, не трудъ самъ по себѣ вызываетъ презрѣніе общества, а нѣчто другое, въ большинствѣ случаевъ сопутствующее ему, именно бѣдность или необезпеченность.

И наоборотъ—мнѣ никогда еще не случалось видѣть, чтобы праздность хоть сколько-нибудь роняла человѣка въ общественномъ мнѣніи, если только у него достаточно средствъ, чтобы ничего не дѣлать. Въ противномъ случаѣ, общественное мнѣніе возмущается опять-таки не праздностью, а бѣдностью или необезпеченностью. Итакъ, факты приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію. Существуетъ порокъ, котораго трудъ не въ состояніи прикрыть—это бѣдность. Съ своей стороны, праздность ничуть не убавляетъ достоинства, заключающагося въ обладаніи богатствомъ. Сами же по себѣ какъ трудъ, такъ и праздность

имѣють для публики очень мало значенія. Вотъ положеніе, резюмирующее весь вопросъ.

Однако трудъ приносить человѣчеству очевидную пользу; точно также очевиденъ вредъ праздности. Почему же эти столь очевидныя истины оказываютъ такое слабое дѣйствіе? Чѣмъ объяснить это? Объясняется это тѣми двумя основными свойствами человѣческой натуры, о которыхъ мы только-что говорили.

Общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи ничуть не является результатомъ умственного процесса, имѣющаго исходной точкой представленіе о благѣ общества. Оно не есть сужденіе, основанное на разумѣ. Оно складывается отчасти подъ влияніемъ того невольнаго и слѣпотаго чувства, о которомъ мы говорили—симпатіи: человѣкъ ставитъ себя на мѣсто лица, подлежащаго оцѣнкѣ,—и кто же не предпочтетъ быть богатымъ.

Къ тому же всякое пресимущество, независимо отъ идеи заслуги, производитъ на массу почти неотразимое обаяніе. Обратите вниманіе на преимущества, не имѣющія ничего общаго съ понятіемъ о личной заслугѣ, напр. на физическую силу, красоту, происхожденіе, унаслѣдованное богатство, обладаніе предметами роскоши. Вы не замѣтите, чтобы обладатели этихъ преимуществъ были менѣе довольны собой, чѣмъ люди, добившіеся извѣстныхъ преимуществъ личными усиліями, не замѣтите также, чтобы окружающіе цѣнили ихъ менѣе. Скорѣе можно замѣтить противное. Въ доказательство стоитъ лишь указать на такое любопытное явленіе, какъ престижъ дворянства,—престижъ, возрастающій по мѣрѣ того, какъ увеличивается число потомковъ, хотя бы они были безполезнѣйшими изъ людей. Такъ уже видно устроенъ міръ: человѣкъ, пьющій за завтракомъ бордоское, убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ тѣми, которые пьютъ дешевенькое вино. Человѣкъ, развѣзжающій въ экипажѣ, смотритъ свысока на встрѣчныхъ пѣшеходовъ. Сюртукъ изъ извѣстнаго сукна извѣстнаго покроя ставитъ васъ выше толпы обладателей другихъ сюртуковъ.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительно наблюдать за женщинами: будучи наивнѣе, онѣ въ своихъ дѣйствіяхъ сильнѣе обнаруживаютъ истинную сущность человѣческой природы.

—Заключеніе же изъ этого вотъ какое: трудъ самъ по себѣ, по всей вѣроятности, никогда не будетъ пользоваться уваженіемъ *); его будутъ уважать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ

*) Не стану перебирать всѣхъ народовъ въ доказательство того, что въ этомъ отношеніи всѣ люди одинаковы. Напомню только о чувствахъ древнихъ: они презирали трудъ—на этотъ счетъ не существуетъ разныхъ мнѣній. Конечно, они не

соединенъ съ богатствомъ (что уже и теперь встрѣчается иногда), и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще будетъ замѣчаться эта связь.

Итакъ, на долю людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи только пару рабочихъ рукъ, выпадаютъ лишь трудъ, лишенія, большее вѣроятіе заболѣть или умереть преждевременно, трудность содержанія семьи, мучительныя заботы о будущемъ, необеспеченность завтрашняго дня, печальная старость. Къ этимъ страданіямъ, физическимъ, умственнымъ и душевнымъ, присоединяется чувство зависимости и наконецъ, въ довершеніе всего, мучительное сознаніе, что къ тебѣ относятся съ полнѣйшимъ неуваженіемъ.

V.

Посмотримъ теперь, какъ данное положеніе вещей отражается на внутреннемъ мірѣ человѣка. Что до меня, то я полагаю, что бѣдный работникъ во всѣ времена чувствовалъ глухую вражду къ праздному богачу. Во всякомъ случаѣ, для настоящаго времени эта враждебность является не только очевиднымъ, но и всѣми признаннымъ фактомъ.

Нерѣдко можно слышать, что въ прежнія времена народъ отличался большимъ смиреніемъ, чѣмъ теперь, причѣмъ послѣднее выставляется, какъ результатъ его вѣрованій. Само по себѣ этотъ фактъ безспоренъ, но только, на мой взглядъ, вѣрованія, дѣлавшія народъ такимъ безропотнымъ, дали совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какія воображаютъ. Прежде люди считали существованіе на землѣ богатыхъ и бѣдныхъ классовъ чѣмъ то неизбѣжнымъ; они вѣрили въ неизмѣнность существующихъ условій. Бѣдность большинства считалась закономъ, установленнымъ свыше, а человѣкъ, какъ извѣстно, покоряется неизбѣжному. Вотъ почему народъ и оста-

хуже насъ видѣли, что, не будъ труда, ни одна изъ существенныхъ потребностей человѣка не была бы удовлетворена; но они такъ же, какъ и мы, объясняли свое неуваженіе къ работающимъ недостатками этого класса. О рабахъ, напр., они говорили: рабы зависимы, а зависимость влечетъ за собой много пороковъ: подлость, лѣсть, лживость, завистливость, безнравственными развлеченія—словомъ то же, что мы говорили о рабочемъ классѣ. Римляне еще допускали крупную торговлю, оправдывая это исключеніе доводами, употребительными въ настоящее время. Замѣчанія Цицерона о чувствахъ, которыя неизбежно должны развиваться у человѣка при исключительной погонѣ за наживой и занятіяхъ мелкими дѣлами, повторялись съ тѣхъ поръ тысячи разъ даже такими людьми, которые и понятія не имѣли о Цицеронѣ. Еще недавно разорившійся французскій дворянинъ считалъ безчестнымъ поддерживать свое существованіе чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ военной службы и земледѣльческаго труда, точъ въ точъ какъ римскій патрицій. Когда намъ говорить, что мы переимѣнились, то намъ просто лѣстать.

вался спокойнымъ въ обыкновенное время. Бывали однако исключительные моменты, когда народъ, словно при свѣтѣ молніи, прозрѣвалъ возможность переменъ, и тогда онъ внезапно сбрасывалъ съ себя вѣковую апатію. Укажу на одинъ изъ подобныхъ моментовъ: во Франціи, въ XIV в., послѣ битвы при Пуатье распространился слухъ, что одни изъ господъ убиты на полѣ сраженія, другіе попали въ плѣнъ къ англичанамъ, — и вотъ произошла жакерія, явленіе весьма поучительное для тѣхъ, которые придаютъ слишкомъ много значенія вліянію религіозныхъ вѣрованій. Можно было бы указать еще на множество другихъ аналогичныхъ народныхъ движеній — на возмущенія виклефистовъ, гусситовъ, на крестьянскія войны и т. п. Нетрудно замѣтить, что всѣ они были вызваны или обострившейся народной бѣдностью, или внезапнымъ проблескомъ надежды, — чаще всего послѣднимъ. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи французская революція. Это нѣкоторымъ образомъ воскресеніе народныхъ массъ.

Два раза народъ, совершенно забитый, внезапно поднимался на ноги: въ первый разъ, чтобы выбрать депутатовъ и дать имъ свои полномочія (*sañiers*), — въ другой, чтобы напасть на дворянъ и сжечь ихъ замки. Эти трагедіи имѣли послѣдствіемъ ночь 4-го авг., заключающую въ себѣ всѣ прочные результаты революціи, такъ какъ все, что послѣдовало затѣмъ, имѣло цѣлью лишь защиту или уничтоженіе результатовъ, достигнутыхъ въ эту ночь.

Дѣйствительно ли народъ 1789 года воспитался на чтеніи философовъ? Не думаю. Допустимъ даже, что онъ читалъ ихъ: что же они могли сказать ему новаго? Что онъ страдаетъ? Но это народъ зналъ и безъ философовъ. Что онъ страдаетъ незаслуженно? Какая наивность!

Никогда обездоленные классы не считали свою участь заслуженной: это совершенно не въ природѣ челоуѣка. Прислушайтесь къ пѣснѣ виклефистовъ, сочиненной задолго до Руссо, — и вы въ этомъ убѣдитесь. Повторяю, единственное, чему вѣрилъ народъ, это то, что участь его предопредѣлена, и никакой писатель, будь онъ хотъ Вольтеръ или Руссо, не убѣдилъ бы его въ противномъ. Блестящій писатель (Тэнъ), развившій теорію о вліяніи философовъ, какъ главной причины революціи, упустилъ изъ виду психическія различія между образованнымъ классомъ и простымъ народомъ. Послѣднему нуженъ былъ авторитетъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ философы. Созваніе королемъ генеральныхъ штатовъ — вотъ что подѣйствовало на народъ. Съ этого момента у него возникло убѣжденіе, что на его сторонѣ король Франціи, т. е. существо, по тогдашнимъ представленіямъ, боже-

ственного происхожденія, существо всемогущее. И вотъ какая то смутная, но сильная, безграничная надежда закрадывается въ его умъ, заставляетъ его выйти изъ обычнаго оцѣпенѣнія. Тутъ есть одинъ очень странный фактъ, на который до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Король изгоняетъ Неккера,—въ сущности это равносильно отмѣнѣ прежняго постановленія. Населеніе Парижа, близкое къ событіямъ и потому неспособное ошибаться на счетъ ихъ истиннаго значенія, отвѣчаетъ на это королю взятіемъ Бастиліи. Но сельское населеніе сваливаетъ все на господъ и начинаетъ грабить и убивать ихъ. Оно и не думаетъ выражать этимъ своего неудовольствія противъ короля, напротивъ оно дѣйствуетъ отъ его имени, вполне убѣжденное, что исполняетъ королевскую волю.

Вотъ къ чему привела тогда надежда, вѣра въ возможность лучшей доли. Она сдѣлала то, что уже дѣлала въ многихъ другихъ случаяхъ, представляющихъ столько же кровавыхъ страницъ въ исторіи.

Но если убѣжденіе въ неизбежности нищеты и тупая покорность характеризуютъ общее состояніе умовъ въ прошломъ, то въ настоящее время это состояніе уже прекратилось. Человѣкъ смотритъ теперь въ другую сторону; взглядъ его, дотолѣ обращенный на прошлое, теперь устремленъ на будущее. вмѣсто прежней безнадежности, толпой овладѣли безграничныя надежды. Прежде она не допускала и мысли, чтобы что-нибудь можно было измѣнить; теперь она убѣждена, что можно все измѣнить и улучшить безъ особаго труда и даже не дальше, какъ завтра. По мнѣнію толпы, къ этому представляется одна лишь помѣха—недоброжелательство высшихъ классовъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи между прошлымъ и настоящимъ лежитъ цѣлая пропасть.

Такое состояніе умовъ безъ сомнѣнія является психическимъ результатомъ перемѣнъ, происшедшихъ во внѣшнемъ мірѣ подъ влияніемъ французской революціи и великихъ изобрѣтеній текущаго столѣтія. Обратите вниманіе на общій характеръ этихъ изобрѣтеній. Всѣ они имѣютъ цѣлью облегчить сношенія между людьми; таковы желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, ежедневныя газеты и т. п. или, лучше сказать, всѣ они содѣйствуютъ взаимному пониманію и соглашенію людей. Благодаря этимъ изобрѣтеніямъ, люди получили возможность съ необыкновенною легкостью переѣзжать съ мѣста на мѣсто, видѣться и бесѣдовать другъ съ другомъ или, оставаясь даже на мѣстѣ, предупреждать и взаимно поучать другъ друга. Безъ сомнѣнія, этими усовершенствованіями воспользовались и правительства; и они кое-что

выиграли отъ новаго порядка вещей, но сравнительно съ управляемыми они много потеряли, такъ какъ послѣдніе выиграли гораздо больше ихъ. Отдѣленные до сихъ поръ другъ отъ друга разными перегородками національными, провинціальными и областными, совершенно незнакомые другъ съ другомъ, управляемые теперь получили возможность видѣться, бесѣдовать, сговариваться другъ съ другомъ съ одного конца національной территоріи, а въ послѣднее время и съ одного конца Европы до другого.

Никогда еще міръ не находился въ подобныхъ условіяхъ. Это совершенно новое въ исторіи положеніе вещей, и надо ожидать столь-же изумительныхъ послѣдствій. И увѣренъ, что читатель и самъ уловить связь между высказанными тутъ мыслями и тѣмъ, что говорилось въ главѣ о зависимости управляемыхъ и причинахъ этой зависимости. Все это послужитъ намъ руководящей нитью въ нашей попыткѣ предвидѣть будущее.

Принимая во вниманіе тѣ совершенно новыя условія, въ которыхъ очутились теперь рабочія массы, мы предвидимъ съ ихъ стороны такія требованія, которыя по своей настойчивости, постоянству и единодушію не могутъ быть сравниваемы съ тѣми, какія представляетъ въ этомъ отношеніи прошлое. Извѣстно, что многія изъ древнихъ республикъ погибли отъ соціальной борьбы. Хотя на первый взглядъ Римская имперія пала отъ ударовъ, нанесенныхъ ей варварами, но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи можно найти другую причину ея паденія. Недовольство рабочихъ классовъ тогдашнимъ соціальнымъ строемъ, ихъ открытыя или прикрывавшіяся христіанствомъ возмущенія, повидимому, сильно содѣйствовали успѣху внѣшнихъ нападеній. Подобно древней, хотя и въ меньшей степени, современная цивилизація коснулась только нѣсколькихъ классовъ; она гораздо менѣе распространена и менѣе прочна, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и хотя намъ нечего, можетъ быть, опасаться внѣшнихъ варваровъ, но варварство, въ которое погружены наши низшіе классы, кажется намъ гораздо болѣе страшнымъ. Обширность и глубина этого подводнаго вулкана, сношенія, установившіяся уже между отдѣльными частями его и способствующія передачѣ движенія, невольно заставляютъ думать о томъ, какъ страшенъ будетъ напоръ огромныхъ человѣческихъ волнъ въ томъ случаѣ, если дѣйствительно произойдетъ изверженіе.

Уже и теперь чувствуются колебанія почвы, слышенъ глухой подземный гулъ. Это доказывается тѣмъ, что всѣ выдающіеся мыслители усердно обсуждаютъ средства, какъ предупредить изверженіе. Ученый міръ по этому вопросу раздѣлился на два лагеря.

Возьмемъ сперва социалистовъ. Мы уже указывали на основной ихъ принципъ, заключающійся въ томъ, чтобы каждый получалъ соотвѣтственно своимъ потребностямъ. Основать общество на социалистическомъ началѣ, значило бы совершенно изгнать изъ него экономическую отвѣтственность. Между тѣмъ при созданіи богатства послѣдняя была почти единственнымъ стимуломъ. Если вы уничтожите этотъ стимулъ, то не перестанутъ ли тогда люди работать? Положимъ, дѣятельность не прекратится совершенно, но нѣтъ сомнѣнія, что она ослабѣетъ, и если въ концѣ концовъ работать все-таки будутъ, вслѣдствіе неумолимости человѣческихъ потребностей, то самымъ печальнымъ результатомъ новаго порядка вещей оказалось бы распредѣленіе труда: при социалистической организаціи общества лѣндивые и эгоисты сбросили бы все бремя труда на плечи добрыхъ и великодушныхъ. Уже въ современномъ обществѣ сильно сказывается подобное стремленіе, но мы даже не отдаемъ себѣ отчета, въ какой степени погибаютъ лучшіе люди, раздавленные тѣмъ лишнимъ бременемъ, которое ввалили на нихъ другіе. Побѣда социализма была бы полнымъ торжествомъ худшихъ.

Общество, построенное на симпатіи, состраданіи или благотворительности (все это одно и то же), должно было бы скоро оказаться несостоятельнымъ. Симпатія есть начало чисто семейное и не можетъ быть положено въ основу государства.

Вмѣстѣ съ экономистами и даже въ еще большей степени, чѣмъ они, мы стоимъ за постоянное примѣненіе принципа экономической отвѣтственности. Это единственный базисъ, на которомъ можетъ быть построено общество.

Посмотримъ однако, что предлагаютъ экономисты. Ученіе ихъ можно формулировать въ нѣсколькихъ словахъ: предоставьте экономической борьбѣ полную свободу. Они утверждаютъ, что все отлично устроилось бы само собою, еслибъ только правительства не вмѣшивались въ дѣло; экономической гармоніи вовсе не трудно добиться—достаточно только сказаннаго условія. И они прибавляютъ, что мы все болѣе и болѣе приближаемся къ этой гармоніи. Допустимъ, что экономисты правы — все-таки мы мало продвинулись впередъ. Вѣдь дѣло идетъ о чувствахъ толпы, а толпа не раздѣляетъ мнѣнія экономистовъ; толпа думаетъ, что міръ плохо устроенъ. Предположимъ, что въ припадкѣ необузданнаго гнѣва толпа разрушила бы этотъ лучший изъ міровъ; это конечно будетъ ошибкой съ ея стороны, но міръ все же окажется разрушеннымъ. Правда, экономисты надѣются, что прежде, чѣмъ масса совершитъ эту ошибку, ее удастся еще вразумить. Но мы считаемъ надежду на успѣшность экономической пропаганды несбы-

точной химерой. Проповѣдниковъ даже слушать не стануть, и по весьма простой причинѣ. Самая очевидная теоретическая истина не производитъ никакого впечатлѣнія на человѣка вообще, если она противорѣчитъ болѣе или менѣе сильному чувству. «Все въ этомъ мірѣ устроено какъ можно лучше; кто терпитъ бѣдность или страданія, тотъ, значитъ, вполне заслужилъ ихъ». Пусть такъ, пусть бѣдность и страданія существуютъ на законномъ основаніи, но разъ они существуютъ, то они обуславливаютъ собой такое состояніе умовъ, при которомъ васъ не стануть слушать. Да и можно ли ожидать разсудительности со стороны людей, болѣе или менѣе страдающихъ, если ее такъ рѣдко встрѣчаешь даже у людей, наслаждающихся жизнью?

Требованіе свободы, предъявляемое экономистами, основано на томъ предположеніи, что частные интересы людей, будучи противоположны другъ другу, въ концѣ концовъ должны создать совершенно гармоническій порядокъ вещей, способный удовлетворить всѣ стороны. Тутъ вѣрно лишь одно, именно то, что дѣйствія частныхъ интересовъ достаточно для созданія богатства. Что же касается распредѣленія, то вѣковой опытъ говоритъ намъ совершенно другое. Правда, не слѣдуетъ забывать противодѣйствія правительствъ, но въ сущности это обстоятельство не имѣло значенія, такъ какъ правительства въ концѣ концовъ были побѣждены, и частный интересъ, преодолевъ всѣ затрудненія и помѣхи, восторжествовалъ, доказавъ этимъ самымъ, какъ велико его могущество. Современное общество несомнѣнно организовано на этомъ принципѣ.

Отвѣтственность, второй принципъ экономистовъ, абсолютно необходима. Безъ отвѣтственности не можетъ быть трудолюбія; но можетъ ли быть построено общество исключительно на этомъ принципѣ? Вотъ въ чемъ заключается вопросъ, и вопросъ очень важный. Мы позволимъ себѣ приступить къ его рѣшенію нѣсколько издалека.

Всякое существо живетъ на счетъ другого существа различной отъ него породы—животной или растительной. Для того, чтобы могло существовать первое, другое—должно погибнуть; въ этомъ наиболѣе замѣтная трагическая сторона борьбы за существованіе и естественной отвѣтственности. Каждое существо имѣетъ въ лицѣ другихъ членовъ своей группы соперниковъ, которые часто дунать его, морятъ голодомъ и во всякомъ случаѣ стараются уменьшить его долю. Это скрытый трагизмъ экономической борьбы. Въ тѣхъ и другихъ проявленіяхъ ее природа оказывается безпощадной по отношенію къ слабому: она наказываетъ его за слабость страданіями и смертию.

Подобно всѣмъ животнымъ, человѣкъ также подчиненъ дѣйствию этого закона; но въ то время, какъ животныя подчиняются ему всецѣло или только временно стараются смягчить его дѣйствіе (я имѣю въ виду заботы о молодомъ поколѣніи со стороны самки и самца или всѣхъ членовъ данной породы) человѣкъ въ продолженіе всей своей исторіи выказывалъ упорное сопротивленіе тираніи этого закона. Въ извѣстной степени исторія представляетъ протестъ противъ природы.

Въ настоящее время семья не предоставляетъ болѣе своихъ младшихъ членовъ (даже когда они перестаютъ быть молодыми) крайнимъ послѣдствіямъ ихъ неприспособленности къ жизни; это запрещается и законодательствомъ, служащимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Безъ преувеличенія можно сказать, что семья находится въ открытомъ возмущеніи противъ естественнаго закона. Для нея самыми интересными, самыми любимыми и оберегаемыми членами являются именно слабые, малоодаренные, плохоприспособленные къ жизни, побѣжденные ею.

Общество конечно обнаруживаетъ болѣшую суровость, чѣмъ семья; но и оно далеко не такъ безжалостно и неумолимо, какъ природа. Физическіе недостатки, унаслѣдованные или пріобрѣтенные случайно, не по своей винѣ, возбуждаютъ всеобщее сочувствіе, хотя эгоизмъ иногда и не позволяетъ проявлять его на дѣлѣ.

Безъ сомнѣнія, по отношенію къ человѣку слабому и неспособному въ экономическомъ отношеніи общество менѣе склонно къ снисходительности. Человѣкъ, не умѣющій зарабатывать себѣ хлѣба, часто встрѣчаетъ со стороны окружающихъ одно холодное равнодушіе или даже презрѣніе. Тѣмъ не менѣе общество не хочетъ допустить, чтобы лѣнивецъ умиралъ съ голоду, а это значитъ, что оно не хочетъ мириться съ логическими послѣдствіями борьбы за существованіе.

Возмущеніе противъ естественнаго закона вытекаетъ изъ источника, существованіе котораго необходимо для человѣческаго счастья. Еслибы человѣкъ сталъ равнодушно глядѣть на самыя рѣзкія проявленія экономической отвѣтственности, то это значило бы, что симпатическія чувства страшно ослабли. Это отразилось бы на всемъ, на общительности, дружбѣ, даже на семьѣ: всѣ отношенія прониклись бы холодомъ и жестокостью. Потери была бы неизмѣримо больше выигрыша. Человѣчество, проникнутое исключительно промышленными стремленіями, не заслуживало бы вниманія великодушнаго созерцателя.

Но дѣло не въ одномъ только чувствѣ или жалости; это въ то же время вопросъ справедливости и здраваго смысла.

То, что я скажу сейчасъ, быть можетъ въ первую минуту

покажется слишкомъ рѣзкимъ. Я полагаю, что по крайней мѣрѣ половина страданій, обусловленныхъ бѣдностью, совершенно незаслуженна, такъ какъ они выпадаютъ на долю тѣхъ, которые не подлежатъ отвѣтственности. Доказать это весьма легко. Изъ числа этихъ несчастныхъ—предположимъ, что совершеннолѣтніе дѣйствительно совершенно недостойны жалости—половину по меньшей мѣрѣ составляютъ дѣти. Не думаю, чтобы кто-нибудь считалъ ихъ отвѣтственными по крайней мѣрѣ до 16-лѣтняго возраста. Слѣдовательно, ихъ страданія мы должны считать незаслуженными. Экономисты въ отвѣтъ на это говорятъ: «Отецъ не имѣлъ права призывать ихъ къ жизни, не позаботившись объ ихъ будущности, не обезпечивъ ихъ воспитанія». Спору нѣтъ, это такъ; но этимъ вопросъ о справедливости все-таки не разрѣшается, такъ какъ справедливость допускаетъ кару только за личную вину.

Дѣти представляютъ будущее человѣчество; отъ нихъ въ значительной степени зависитъ будущность. Чѣмъ больше на ихъ долю выпадетъ невѣжества, грубости, страданій, тѣмъ несовершеннѣе окажется будущее общество.

Общественная солидарность есть фактъ, съ которымъ необходимо считаться прежде, чѣмъ создавать какую бы то ни было теорію. Положимъ, что я предлагаю воспитывать всѣхъ дѣтей на счетъ общества. Въ одномъ отношеніи это конечно дало бы превосходные результаты. Но тутъ необходимо принять въ расчетъ законы политической экономіи. Стоило бы только государству взять попеченіе о дѣтяхъ на себя, какъ стремленіе къ размноженію потеряло бы всякую узду и люди благоразумные оказались бы совершенно подавленными бременемъ налоговъ, вызванныхъ легкомысліемъ и беззаботностью другихъ. Жатвы исчезали бы моментально, какъ послѣ нашествія саранчи въ сѣверной Африкѣ.

Но возвратимся къ прежнему вопросу: мы знаемъ по опыту, что иногда самые рѣдкіе дары, драгоцѣнные для другихъ, душевные или умственные качества, способные доставлять людямъ счастье или наслажденіе, могутъ оказаться роковыми для чловека, обладающаго ими. Можно быть существомъ слабымъ въ экономическомъ отношеніи именно благодаря тому, что обладаешь слишкомъ развитыми художественными способностями, слишкомъ сильнымъ умомъ, слишкомъ великодушнымъ, снисходительнымъ къ другимъ и кроткимъ сердцемъ. Самые глубокомысленныя научныя и даже художественныя произведенія въ экономическомъ отношеніи оказываются иногда ничего не стоящими. Человѣкъ съ

нѣжнымъ сердцемъ, страдающій при видѣ чужихъ страданій. съ этой точки зрѣнія никуда не годится.

И такъ, съ одной стороны мы видимъ экономическій интересъ, съ другой всѣ виды высшей дѣятельности,—дѣятельности чувствъ и ума. Ученые, интересующіеся только экономическимъ преуспѣяніемъ, съ своей точки зрѣнія разсуждаютъ вполне резонно, когда требуютъ неограниченнаго соблюденія принципа отвѣтственности. Они были бы правы и вообще, еслибы человѣкъ былъ существомъ съ исключительно экономическими потребностями. Но экономисты все-таки заблуждаются, потому что существуетъ такая сфера, гдѣ ихъ принципъ, полезный въ другихъ случаяхъ, становится прямо таки гибельнымъ *).

Такъ какъ духовная природа человѣка представляетъ нѣчто нераздѣльное, и необходимо, чтобы всѣ его разнообразныя стремленія могли проявляться одновременно, то намъ, слѣдовательно, предстоить задача согласовать экономическую дѣятельность со всѣми другими видами дѣятельности; и это бесспорно самая важная, самая трудная задача въ исторіи человѣчества, страшная задача, до разрѣшенія которой великій законъ борьбы за существованіе останется для насъ грозной, безпощадной силой.

VI.

Итакъ, новыя неизвѣстныя древнему міру условія благопріятствуютъ согласному дѣйствію массъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Но слѣдуетъ ли изъ этого непременно, что онѣ восторжествуютъ. Если противники ихъ менѣе многочисленны, зато они болѣе развиты, болѣе ловки; въ ихъ рукахъ экономическая сила, а мы уже знаемъ, какъ велико ея могущество. Еслибы борьба велась исключительно на почвѣ свободы, высшіе классы можетъ быть восторжествовали бы наперекоръ всему, какъ это и бывало въ прежнія времена. Правда, благодаря всеобщему голосованію, распространяющемуся у западныхъ народовъ, массы могутъ захватить въ свои руки правительственную власть и воспользоваться ею

*) Экономисты часто изображались своими противниками, какъ люди съ благороднымъ характеромъ, какъ отъявленные эгоисты. И рѣшительно протестую противъ такого недѣльнаго и несправедливаго обвиненія. Нѣтъ ничего легче, какъ быть въ теоріи великодушнѣйшимъ изъ людей и, наоборотъ, нельзя въ теоріи быть эгоистомъ. Идеи бываютъ или пѣрныя, или ложныя; одни только поступки могутъ быть великодушными или эгоистическими. На самомъ дѣлѣ во всѣ времена среди экономистовъ встрѣчались люди, которые по благородству намѣреній и поступковъ не болѣе низкаго сравненій.

противъ экономической силы. Въ такомъ случаѣ побѣда была бы одержана ими законодательнымъ путемъ. Однако какъ ни вѣроятенъ повидимому подобный результатъ, мы считаемъ его если не совсѣмъ сомнительнымъ, то по крайней мѣрѣ еще очень далекимъ. Умственный и въ особенности нравственный уровень массы отсрочиваютъ его на неопредѣленное время. Массѣ во всякомъ случаѣ придется дѣйствовать черезъ выборныхъ представителей, а она склонна выбирать себѣ вождей изъ другихъ слоевъ общества; то же ревнивое чувство, которое возстановляетъ рабочаго и крестьянина противъ высшихъ классовъ, заставляетъ ихъ охотнѣе избирать своимъ представителемъ барина, чѣмъ своего человѣка.

Благодаря слабому развитію массъ, выборъ ихъ очень часто бываетъ неудаченъ: измѣна, болѣе или менѣе сознательное отступничество народныхъ представителей всегда были и будутъ обычнымъ явленіемъ. Впрочемъ, масса и сама очень склонна измѣнять своимъ интересамъ. Многіе, подъ гнетомъ нужды, легко поддаются соблазну экономической выгоды,—соблазну, представляющемуся имъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; другіе улавливаются въ сѣти, разставленные ихъ тщеславію.

Впрочемъ, всѣ наши разсужденія въ сущности безцѣльны, такъ какъ мирный образъ дѣйствій будетъ замѣненъ другимъ: въ дѣло вмѣшается матеріальная сила. Побѣждать постепенно, путемъ ловкой и мудрой политики, не въ характерѣ человѣка вообще и еще менѣе въ характерѣ толпы. Это слишкомъ медленно, слишкомъ продолжительно и трудно; къ тому же подобная тактика совершенно не соотвѣтствуетъ тому идеалу мужества и славы, который сложился въ человѣческомъ умѣ подъ впечатлѣніемъ безчисленныхъ войнъ. На самомъ дѣлѣ все заставляетъ насъ думать, что массы предпочтутъ прибѣгнуть къ насилію. Писатели съ оптимистическимъ міросозерцаніемъ часто выражали надежду, что избирательные бюллетени вытѣснятъ оружіе. Что касается насъ, французовъ, то мы уже достаточно доказали тщетность этой надежды. Припомните парижскую комууну 1871 года. Коммуна можетъ снова появиться у насъ и у другихъ народовъ. Тогда небывалыя трагедіи разыграются на нашихъ глазахъ. Буря охватитъ весь міръ и вызоветъ крушеніе всего общественнаго строя. Какъ только оружіе перейдетъ въ руки толпы, подобно избирательнымъ урнамъ, намъ нечего болѣе надѣяться на пассивное повиновеніе. Это было возможно при прежнихъ возстаніяхъ, направленныхъ противъ правительствъ, когда битва рѣшала только участь министерства, вопросъ о формѣ правленія. Но когда люди начнутъ драться, чтобы

рѣшить старый споръ между богатствомъ и бѣдностью, въ солдатѣ, находящемся подъ ружьемъ, проснется рабочій и крестьянинъ; впрочемъ, каждый мятежникъ окажется бывшимъ солдатомъ. И тогда человѣчеству придется жестоко поплатиться за свою легкомысленную и тщеславную любовь къ войнѣ. Оно убѣдится, но слишкомъ уже поздно, что обычный способъ рѣшенія международныхъ споровъ съ оружіемъ въ рукахъ неминуемо долженъ былъ привести къ тому, чтобы все рѣшалось уличной войной.

И вотъ со страхомъ задаешь себѣ вопросъ, какая благотѣльная сила въ состояніи предупредить это грандіозное столкновение? Умѣренность толпы? Тщетная надежда. Благоразуміе привилегированныхъ классовъ, которое заставитъ ихъ сдѣлать необходимыя уступки въ надлежащее время? Можетъ быть. Все зависитъ отъ личностей, отъ вождей.

Такъ какъ я не изъ тѣхъ, которые вѣрують въ спасительную миссію политиковъ, то, говоря о вождяхъ, я собственно имѣю въ виду не столько лицъ, стоящихъ во главѣ правленія, сколько вождей случайныхъ, людей, способныхъ увлечь за собой массы. Новая сила народилась въ современномъ обществѣ—это сила ассоціаціи, свободная и добровольная группировка людей для достиженія всевозможныхъ цѣлей, личныхъ и безкорыстныхъ; таковы, напр., общества взаимопомощи и трезвости, общества распространенія просвѣщенія въ народѣ, общества археологическія и т. д. Что такое въ сущности всѣ эти общества? Маленькія правительства безъ полномочій или, вѣрнѣе, сами присвоившія себѣ полномочія. Мы встрѣчаемся тутъ съ силой, способной поддерживать, дополнять и ограничивать въ широкихъ размѣрахъ дѣйствія официальныхъ органовъ правительства. Болѣе гибкія, болѣе подвижныя, болѣе способныя примѣняться къ обстоятельствамъ, эти орудія объединенія и управленія, кажется мнѣ, предназначены играть въ будущемъ громадную роль. Конечно, есть люди, и можетъ быть даже довольно много людей, которые ставятъ общіе и непреходящіе интересы человѣческаго рода выше интересовъ сословныхъ или національных. Эти люди ясно видятъ, что между всѣми членами семьи человѣческой существуетъ полная солидарность интересовъ, и что когда наступитъ социальная ломка, всѣ спасутся вмѣстѣ или же не спасется никто. Они понимаютъ, что кто-нибудь долженъ взять на себя защиту общихъ интересовъ и что только соблюденіемъ ихъ и можно достигнуть примиренія различныхъ сословныхъ или національных интересовъ,—примиренія необходимаго, такъ какъ иначе все рухнетъ. Они чувствуютъ кромѣ того, что различные виды человѣческой дѣятельности, различные до того, что они иногда

исключаютъ другъ друга, также требуютъ примиренія и упорядоченія—двойная задача, и щекотливая, и трудная, разрѣшеніе которой одинаково необходимо какъ съ точки зрѣнія политической мудрости, такъ и съ точки зрѣнія справедливости и любви къ ближнему. Да, повторяю, подобные прозорливые и воодушевленные благими намѣреніями люди существуютъ, но идея, воодушевляющая ихъ, лишена плоти, если можно такъ выразиться. Чтобы дѣйствовать успѣшно, идея общаго блага должна создать себѣ какой-нибудь органъ, какъ это было съ идеей національнаго блага.

По моему, повторяю, подобнымъ органомъ можетъ быть только свободное общество, не имѣющее оффиціальнаго характера, основанное небольшимъ числомъ людей, но постепенно разрастающееся, благодаря добровольному приливу людей благоразумныхъ, справедливыхъ, обладающихъ любящимъ сердцемъ,—общество, постоянно распадающееся на новыя отдѣленія, но съ сохраненіемъ между ними связи, для рѣшенія всѣхъ деталей задачи,—гибкая и прочная сѣть, постепенно охватывающая всѣ европейскіе народы. Какъ будетъ функціонировать этотъ органъ, какого рода по крайней мѣрѣ будутъ его попытки—рѣшить заранѣе невозможно. Организція общественной солидарности есть дѣло, намѣченное только въ главныхъ чертахъ. Представить себѣ это дѣло во всѣхъ его деталяхъ не подъ силу отдѣльному человѣку; онъ могъ бы только создать систему, т. е. нѣчто такое, что лишено требуемой обширности, разнообразія и гибкости. Нѣтъ поэтому никакой возможности предвидѣть всѣ тѣ учрежденія, которыя возникнутъ впоследствии. Безъ сомнѣнія, принципъ личной отвѣтственности всегда останется необходимымъ базисомъ, но рядомъ съ нимъ будетъ поставлено нѣчто другое, болѣе широкое, чѣмъ та круговая порука, какая существовала прежде между членами даннаго класса, племени или націи, болѣе дѣйствительное, чѣмъ теоретическая любовь къ ближнему. Удастся ли предупредить этимъ взрывъ соціальной борьбы? Кто знаетъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ возможныя мѣры будутъ приняты. Пока несомнѣнно одно—рабочіе классы не хотятъ болѣе работать на прежнихъ условіяхъ.

Быть можетъ наука, этотъ великій и благодѣтельный факторъ исторіи, также окажетъ содѣйствіе дѣлу умиротворенія. Правда до сихъ поръ наука, дѣлавшая чудеса при созданіи богатствъ, оказывалась безсильной улучшить способъ распредѣленія, урегулировать размноженіе. Но можно ли вывести изъ этого какое-нибудь окончательное заключеніе? То и дѣло мы слышимъ объ изобрѣтеніяхъ, не только неожиданныхъ, но и непонятныхъ, какъ

напр. изобрѣтеніе телефона. Къ несчастью, могутъ быть сдѣланы и такія открытія, благодаря которымъ въ рукахъ безумцевъ или людей злонамѣренныхъ очутится разрушительная сила, равная бичамъ природы.

Что же касается мнимаго закона прогресса, то на его поддержку разсчитывать нечего. Идея о томъ, что существуетъ какая то особая, непреодолимая сила, которая во что бы то ни стало влечетъ насъ впередъ, есть идея ложная и расслабляющая. Пора разстаться съ этимъ убаюкивающимъ заблужденіемъ, благодаря которому мы слишкомъ уже заспались. Нѣтъ такой благодѣтельной силы, которая избавляла бы человѣка отъ необходимости рѣшать самому всѣ возникающіе вопросы знанія или справедливости.

Не будемъ изумляться, что послѣ всѣхъ чудесъ производства, послѣ столькихъ открытій въ наукахъ, судьба человѣчества представляется еще гадательной, что всѣ результаты прогресса подвергаются опасности погибнуть отъ внезапнаго крушенія общества единственно благодаря тому, что одна часть экономической задачи, распредѣленіе, по мнѣнію массы, была рѣшена неправильно. Припомнимъ, что экономическія установленія вызвали большую часть другихъ, а для тѣхъ, которыя возникали самостоятельно, они по крайней мѣрѣ послужили образцомъ и необходимымъ базисомъ. Общество зиждется на экономическихъ установленіяхъ. Разъ основаніе расшатано, остальные части зданія, понятно, легко могутъ превратиться въ груду развалинъ.

Если бы это крушеніе произошло въ наше время, я конечно испыталъ бы такую же боль и такой же ужасъ, какъ и всѣ смертные, но я не былъ бы застигнутъ врасплохъ, какъ при наступленіи неожиданнаго и необъяснимаго явленія. Я увидѣлъ бы въ совершившемся фактѣ лишь дѣйствіе законовъ, не разъ уже замѣченныхъ—закона безотлагательности, требующаго, чтобы всѣ тѣлесныя нужды были удовлетворены раньше другихъ, и закона солидарности, требующаго, чтобы это удовлетвореніе было общимъ для всѣхъ, чтобы всѣ въ одинаковой степени спаслись или погибли. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ безотлагательности, положившій основаніе и выведшій первые этажи общественнаго зданія, игралъ въ прошломъ роль благодѣтельной силы, благодѣтельнаго духа; неужели же ему предстоитъ въ скоромъ времени выступить въ роли разрушительной силы? На первый взглядъ это кажется вопіющимъ противорѣчіемъ, но только на первый взглядъ. Вѣдь эта сила дѣйствовала только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были осуществлены желанія всѣхъ. Весь свой вѣковъй трудъ она совершила, имѣя передъ глазами

только эту цѣль. Пока она надѣялась достигнуть ея, она не прекращала своей работы; но мы должны заранее приготовиться къ тому, что, какъ только она перестанетъ надѣяться, какъ только она сочтетъ свой трудъ неспособнымъ выполнить требуемую задачу, она сама разрушить до основанія возведенное ею зданіе. Я усматриваю даже глубокое сходство между началомъ и концомъ всѣхъ вещей, такъ какъ неутомимая сила совершила бы свое разрушительное дѣло не съ цѣлью отдыха, а съ тѣмъ, чтобы приступить къ возведенію новаго зданія. Къ сожалѣнію, надежда на лучшее будущее, ожидающее какое-нибудь отдаленное поколѣніе, врядъ ли послужитъ утѣшеніемъ для тѣхъ, на которыхъ обрушатся обломки стараго зданія.

—: КОНЕЦЪ. :—

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Предисловіе.	1 — 6
I. Область исторіи, какъ науки, и ея предѣлы.	7 — 29
II. Связь между психологіей и исторіей.	29 — 36
III. Человѣкъ вообще съ точки зрѣнія психологін.	36 — 45
IV. Безотлагательность.	45 — 50
V. Методы исторіи.	51 — 61
VI. Обзоръ установленій.	61 — 112
VII. Временной или историческій человѣкъ. .	113 — 117
VIII. Различныя степени цивилизаціи.	117 — 129
IX. Первичная роль богатства.	129 — 135
X. Трудъ, знаніе и сбереженіе, какъ условія богатства, и ихъ послѣдствія.	135 — 141
XI. Второе условіе: орудія производства.	142 — 147
XII. Главныя открытія и ихъ послѣдствія.	147 — 189
XIII. Психическія и соціальныя причины прогресса.	189 — 205
XIV. Индивидуальный элементъ и случайность въ исторіи. .	205 — 222
XV. О законѣ прогресса.	223 — 243
XVI. О законѣ прогресса. (Окончаніе). .	244 — 248
XVII. Органическій прогрессъ.	248 — 260
XVIII. Раса и наслѣдственность.	. 261 — 279
XIX. Историческія задачи.	. 279 — 319
XX. Предвидѣніе.	319 — 354

Другие книги нашего издательства:



URSS

Социология

Осипов Г. В. Социология.

Осипов Г. В. (ред.) Рабочая книга социолога.

Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Новое 2-е издание.

Бабосов Е. М. Социология: Энциклопедический словарь.

Малевиц Е. Ф. Общая социология. Курс лекций.

Зомбарт В. Социология.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования.

Гуц А. К., Паутова Л. А. Глобальная этносоциология.

Гуц А. К., Фролова Ю. В. Математические методы в социологии.

Коломийцев В. Ф. Социология и политика: Очерки.

Лалин Н. И. (ред.) Социальная информатика: основания, методы, перспективы.

Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера.

Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механизм подавления человека.

Давыдов А. А. Системная социология. Кн. 1, 2.

Немцов А. В. Алкогольная история России: Новейший период.

Здравомыслова О. М. (ред.) Обыкновенное зло: исследования насилия в семье.

Римашевская Н. М. (ред.) Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-

социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1, 2.

Дороговцев М. Ф. (ред.) Социологи России и СНГ XIX–XX вв.

Фриче В. М. Социология искусства.

Степанов Е. И. Современная конфликтология.

Серия «Из наследия мировой социологии»

Барт П. Философия истории как социология.

Арон Р. Измерения исторического сознания.

Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс.

Кареев Н. И. Общие основы социологии.

Тард Г. Происхождение семьи и собственности.

Тард Г. Социальные законы.

Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.

Ковалевский М. М. Современные социологи.

Уорд Л. Ф. Очерки социологии.

Летурно Ш. Прогресс нравственности.

Летурно Ш. Социология по данным этнографии.

Спенсер Г. Многомужество и многоженство.

Мюллер-Лиер Ф. Социология страданий.

Мюллер-Лиер Ф. Фазы любви.

Гюйо Ж. М. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование.

Гумплович Л. Основы социологии.

Шершеневич Г. Ф. Социология: Лекции.

Исаев А. А. Вопросы социологии: Эгоизм, дружелюбие, классовые интересы.

Хвостов В. М. Социология: Исторический очерк учений об обществе.

Сорокина С. Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого?

Селигмен Э. Экономическое понимание истории.

Другие книги нашего издательства:



URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

Лавров П. Л. Развитие учения о мифических верованиях.

Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.

Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.

Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроительства.

Каргалов В. В. Народ-богатырь: История военных нашествий на Русь. IV–XIV вв.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век.

Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига.

Миславский Н. Поземельная община в России.

Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.

Советов А. В. О системах земледелия.

Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.

Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.

Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.

Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономич. быта.

Святловский В. В. Происхождение денег и денежных знаков.

Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований.

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования крупнейших разрядов крестьянского населения в России.

Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции: 1789–1791.

Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I.

Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки.

Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века.

Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии.

Афанасьев Г. Е. История Ирландии.

Кудрявцев А. Е. Испания в Средние века.

Ле Шателье А. Ислам в XIX веке.

Остроумов Н. П. Исламоведение: Аравия, колыбель ислама.

Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.

Тел./факс:

+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, б. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гуд. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Невтавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)